

REVITALIZACE HODNOT: UMĚNÍ A LITERATURA VI

Values in Literature and Arts VI

HODNOTY

UMĚNÍ

LITERATURA

MASARYKOVA
UNIVERZITA

MUNI
PRESS

VALUES IN LITERATURE AND ARTS VI

Edited by Josef Dohnal & Anna Agapova

The proceedings of the international conference
Values in literature and arts VI
held on September 14–15, 2023 in Brno, Czech Republic

Masaryk University
Brno 2024

REVITALIZACE HODNOT: UMĚNÍ A LITERATURA VI

Editoři Josef Dohnal & Anna Agapova

Sborník z mezinárodní konference
Hodnoty v literatuře a umění VI
konané 14.–15. září 2023 v Brně, Česká republika

Masarykova univerzita
Brno 2024

Recenzovali — Reviewed by:
prof. PhDr. Ľubomír Guzi, PhD.
doc. PhDr. Jan Vorel, Ph.D.

Vychází péčí Ústavu slavistiky FF MU — It is published with the support of the
Institute of Slavonic Studies of the Faculty of Arts of the Masaryk University.

Vydání této publikace je výstupem grantového projektu specifického výzkumu
MUNI/A/1349/2022 Ideologie ve slovanských literaturách a kulturách.

CC BY-SA 4.0 Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0

© 2024 Masarykova univerzita
ISBN 978-80-280-0579-5

Obsah

Josef Dohnal Několik slov úvodem	13
--	----

Josef Dohnal A Few Words by Way of Introduction	15
---	----

Národní narativy a vlastenectví

Joanna Nowak Lepszy/gorszy naród, plemię, rasa w polskich narracjach romantycznych, czyli aksjologia w układzie hierarchicznym	19
---	----

Katarzyna Wrzesińska Rasa jako problematyczna wartość: pomiędzy nauką a polityką w polskiej prasie drugiej połowy XIX wieku	33
--	----

Эка Георевна Вардошвили А. С. Пушкин о ценностях народов Кавказа	47
--	----

Oxana Blaškiv Vlastenectvo ako akademická hodnota	61
---	----

Iva Lakić Parać From Masurao to Kamikaze: Rethinking Images of “Manly Japan”	71
--	----

Andrea Grominová V. Briusov v slovenskom literárno-kultúrnom kontexte	89
---	----

Válka jako axiologické téma v literatuře a umění

Witalij Bohatyrewicz The Theme of Heroism in the Works of Artur Grottger (1837–1867)	103
--	-----

Йозеф Догнал Разрушение личности как косвенное последствие войны в романе «Иго войны» Леонида Андреева	113
---	-----

Náboženské hodnoty na pomezí kultur

Анна Кошелек

Паломничество и ценности. Опыт Андрея Муравьева 125

Dorota Kulczycka

Propagandowe i perswazyjne przewartościowania literatury.
O ostatnich powieściach Marii Nurowskiej 137

Anastazja Seul

Wartości chrześcijańskie w odwołaniach Jana Pawła II do literatury
pięknej 151

Igor Cintula

Pravoslávna viera v živote ruského človeka po roku 1917 (na príklade
povedky „Svetlo Rozumu“ I. S. Šmeľova)..... 163

Renata Buchtová

Stosunki czechosłowacko-polskie na przełomie lat 70. i 80. XX wieku.
Sympozja i publikacje katolickiego stowarzyszenia Opus Bonum 175

Etická dilemata a transformace hodnot

Monika Kaczor

Motywacje działań niemoralnych (na przykładzie rozumienia pojęcia
dyskryminacja w dyskusjach publicznych) 189

Ivana Kočevski

Ontologické základy etických hodnot literárních postav v románu
Člověk Boženy Benešové a *Đakon Bogorodičine crkve* Isidory Sekuličové. . 203

Alexandra Gorodecká

Die Transformation der Hauptfigur in *Reize door het Aapenland (1788)*
von Gerrit Paape: von einem zynischen Pragmatiker zu einem Träger
moralischer Werte 217

Людмила Борис

«Дневники женщины» Валерия Брюсова как попытка
описания собственной анимы 235

Анна Павловская

Современная белорусская тюремная проза (на примере произведений М. Знака, И. Олиневича, Н. Дедка) 253

Axiologický rozměr literárního textu**Петр Евгеньевич Бухаркин**

Ценностный мир романа Л. Н. Толстого «Война и мир» 269

Kryštof Peršín

Hodnoty biedermeieru v poezii Handrije Zejlera 279

Marianna Fignedyová

Sobáš ako hodnota vo vybraných dielach Boženy Slančíkovej Timravy a Antona Pavloviča Čechova 289

Ľubica Blažencová

Odras hodnot ve starší literatuře na pozadí morové epidemie 301

Ivo Pospíšil

„De mortuis nil nisi bene“ a hodnoty v literatuře (Na okraj některých současných diskusí) 313

Jadwiga Gracla

Dramaturgia Majakowskiego – między ideologią, nowością formy i uniwersalizmem wartości. Próba ponownego odczytania 327

Владимир Янович Звьянцковский

Нелитературный юбилей литературного персонажа (Стержневая оппозиция «демократия – империя» в системах ценностей «Белой гвардии» / «Дней Турбиных» М. Булгакова и «Воспоминаний» П. Скоропадского) 335

František Všetíčka

Lékař umírajícího času Vladimíra Körnera 347

Иоланта Бжикцы

«Я ничего не желаю, кроме хорошей жизни среди книг любимых». Спасительная сила литературы в дневниках и письмах Георгия Эфрона 359

Тюнде Сабо

Дихотомии ценностей в автобиографическом романе Виктора
Ерофеева «Хороший Сталин» 373

Нина Владимировна Барковская

Формирование образа декадента в ранней прозе Валерия Брюсова . . 383

Jazykové hodnotící prostředky v umělecké literatuře a publicistice

Joanna Gorzelana

Określenia leksykalne pielgrzymek Jana Pawła II w prasie rosyjskiej
jako sposób wartościowania 399

Michaela Pešková

Kategoriální systém jazykových prostředků hodnocení „jiného“
v literárním textu 413

Анна Агапова

«Мне НЕВЫНОСИМЫ самые слова эти, термины...»: оценка
речевых фактов в русской документальной и публицистической
литературе первой четверти XX века 427

Contents

Josef Dohnal Několik slov úvodem	13
--	----

Josef Dohnal A Few Words by Way of Introduction	15
---	----

National Narratives and Patriotism

Joanna Nowak Better/Worse Nations, Tribes, and Races in Polish Romantic Narratives: Axiology within the Hierarchical System	19
--	----

Katarzyna Wrzesińska Race as a Problematical Value: Between Science and Politics in the Polish Journalistic Writings of the Second Half of the 19th Century ...	33
--	----

Eka Vardoshvili A. S. Pushkin on the Values of the Caucasian Peoples	47
--	----

Oxana Blaškiv Patriotism as Academic Value in Slavic University Fiction	61
---	----

Iva Lakić Parać From Masurao to Kamikaze: Rethinking Images of “Manly Japan”	71
--	----

Andrea Grominová V. Bryusov in the Slovak Literary-Cultural Context	89
---	----

War as an Axiological Problem in Literature and Art

Witalij Bohatyrewicz The Theme of Heroism in the Works of Artur Grottger (1837–1867)	103
--	-----

Josef Dohnal Destruction of Personality as an Indirect Consequence of War in Leonid Andreev’s Novel Иго войны (The Yoke of War)	113
--	-----

Religious Values at the Interface of Cultures

Anna Kościołek

Pilgrimage and Values. Andrey Muravyov's Experience 125

Dorota Kulczycka

Propagandistic and Persuasive Re-Evaluations of Literature.
On the Recent Novels of Maria Nurowska 137

Anastazja Seul

Christian Values in John Paul II References to Belle Letters..... 151

Igor Cintula

Orthodox Faith in the Life of Russian Man after 1917
(on the Example of I. S. Shmelev's story "The Light of Reason") 163

Renata Buchtová

Czechoslovak-Polish Relations at the Turn of the 1970s and 1980s.
Symposiums and Publications of the Catholic Association Opus Bonum . 175

Ethical Dilemmas and the Transformation of Values

Monika Kaczor

Motivations of Immoral Actions (on the Example of Understanding
the Concept of Discrimination in Public Discussions)..... 189

Ivana Kočevski

Ontological Foundations of the Ethical Values of Literary Characters
in the Novels A Human Being by Božena Benešová and The Deacon
of St. Mary's Church by Isidora Sekulić..... 203

Alexandra Gorodecká

The Transformation of the Main Character in *Reize door het Aapenland*
(1788) by Gerrit Paape: from a Cynical Pragmatist to the Bearer
of Moral Values 217

Ljudmila Boris

"Woman's Diary" by Valery Bryusov as an Attempt to Describe His
Own Anima 235

Hanna Paulouskaya

Modern Belarusian Prison Prose (Based on the Works of Maxim Znak,
Ihar Alinevich, Mikola Dziadok) 253

The Axiological Dimension of a Literary Text

Petr Bukharkin

Value Word of Leo Tolstoy's Novel "War and Peace" 269

Kryštof Peršín

The Values of Biedermeier in the Poetry of Handrij Zejler 279

Marianna Fignedyová

Marriage as a Value in Selected Works of Božena Slančíková
Timrava and Anton Pavlovič Chekhov 289

Ľubica Blažencová

Reflection of Values in Older Literature on the Background
of a Plague Epidemic 301

Ivo Pospíšil

"De mortuis nil nisi bene" and the Values in Literature (On the Margin
of Some Contemporary Discussions) 313

Jadwiga Gracla

Mayakovsky's Dramaturgy—Between Ideology, Novelty of Form and
Universalism of Values. An Attempt at a Re-Reading 327

Vladimir Zvyniatskovskiy

The Non-Literary Jubilee of a Literary Character (The Fundamental
Opposition "Democracy vs. Empire" in the Value Systems of Mikhail
Bulgakov's *White Guard* / *Days of the Turbins* and Pavel Skoropadsky's
Memoirs) 335

František Všetická

Doctor of Dying Time by Vladimír Körner 347

Jolanta Brzykcy

"I Want Nothing but a Good Life Among My Favourite Books". The
Saving Power of Literature in the Diaries and Letters of Georgy Efron ... 359

Tünde Szabó

Dichotomies of Values in Viktor Yerofeyev's Autobiographical Novel
Good Stalin 373

Nina Barkovskaya

Formation of the Image of a Decadent in the Early Prose of Valery
Bryusov 383

Linguistic Means of Evaluation in Fiction and Journalist Texts

Joanna Gorzelana

Lexical Terms Related to the Pilgrimages of John Paul II Used
in the Russian Press as a Way of Evaluation 399

Michaela Pešková

The Categorial System of Linguistic Means of Evaluating the “Other”
in a Literary Text 413

Anna Agapova

“I CAN’T STAND These Very Words, Terms...”: Evaluations of Speech
Facts in Russian Documentary and Journalistic Literature of the First
Quarter of the 20th Century 427

Několik slov úvodem

Antropocentricky pojímaný svět je založen na hodnotách, ony tvoří základní podloží jeho široce pojímané kulturní vrstvy. Není divu, že se k jejich definici, historickému vývoji a aktuálnímu uplatňování, k jejich hierarchii i k tomu, jak se projevují a uplatňují v nejrůznějších humanitních oborech, např. ve filozofii, antropologii, etice, sociologii, psychologii, medicíně, ale nejméně druhé století už i v technických oborech – v poslední době především v souvislosti s nástupem umělé inteligence – vědci i publicisté neustále vracejí a podrobují je všestrannému zkoumání a posuzování. Asi nejvýraznějším systematickým počinem je v tomto ohledu *Value Inquiry Book Series*, edice, v jejímž rámci vyšly od roku 1992 už mnohé desítky svazků. Série šesti konferencí *Hodnoty v literatuře a umění* je tak jen jedním malým pokusem přispět k dlouhodoběji pojímanému axiologicky zaměřenému výzkumu v oblasti umění v relativně omezeném regionálním kontextu, přičemž převažující oblasti zkoumání jsou slovanské literatury.

Šestá konference *Hodnoty v literatuře a umění* se měla původně uskutečnit v roce 2022 – tak to odpovídalo dvouletému cyklu, v němž se konaly její předchozí ročníky. Turbulentní období způsobené pokračující epidemií covid-19 a jejími dozvuky však veškeré plány překazilo a představa, že podobně jako v roce 2020 se účastníci konference setkají jen pomocí počítačových displejů, byla pro organizátory této akce nepřijatelná. Vše navíc umocnila eskalace válečného konfliktu mezi Ukrajinou a Ruskou federací, která v únoru 2022 konfrontovala snad celý svět se skutečností vypuknutí největšího a nejkrvavějšího válečného střetnutí na území Evropy od doby 2. světové války. Tato válka na jedné straně šokovala, na druhé straně o to více zdůraznila potřebu zaujímat jasné hodnotové pozice.

Konference *Hodnoty v literatuře a umění VI* se proto uskutečnila až v roce 2023, a to převážně prezenční formou: minulé ročníky totiž přesvědčivě ukázaly, že význam konference nespočívá pouze v obsahu přednesených příspěvků, ale ve značné míře právě v možnosti osobního setkání účastníků, v neformálních diskusích, navíc pak i v pokračování kontaktů na osobní úrovni dlouho po jednání konference. Řada z vědeckých pracovníků, kteří se konferencí účastnili opakovaně, tak tentokrát chyběla – okolnosti to, bohužel, neumožnily řadě badatelů z Ukrajiny i Ruské federace, kteří v minulosti patřili k pravidelným účastníkům. I přesto si konference dokázala zachovat tradiční neformální charakter, přilákat nové účastníky a znovu spojit ty, kdo se konference účastní pravidelně.

Předkládaná publikace představuje písemnou podobu referátů, jež na konferenci zazněly. Členění publikace odpovídá tematickým blokům, podle kterých byl sestaven program konference. Aktuální blok věnovaný válce a hodnotám, jež válka vždy aktualizuje i prověřuje, je do jisté míry novým tématem, jež v minulých konferencích nerezonovalo s takovou naléhavostí, jako tomu bylo tentokrát.

Na rozdíl od minulých ročníků přinesl šestý ročník konference i výraznější zastoupení příspěvků s mezikulturním přesahem a zaujal i větším důrazem na témata, jež si všimají role víry v hodnotovém zacílení společnosti i jedince. Vítaným rozšířením konferenční tematiky je pak blok příspěvků, které studují lingvistické aspekty axiologického pohledu na studované fenomény.

V rámci času vymezeného pro prezentaci referátů na konferenci někdy neměly šanci zaznít všechny myšlenky, jež účastníci konference chtěli ostatním sdělit. Písemná podoba jejich vystoupení je tak dovršením, dokončením a kompletaací jejich zjištění, ucelenou fixací výsledku jejich badatelského úsilí. Aktuální situace, v níž se konference konala, jen zdůraznila, jak důležité je věnovat se tématu hodnot nejen v literatuře, ale v obecném kulturním a společenském kontextu. Předpokládám proto, že daná publikace přinese – stejně jako konference sama – připomenutí toho, co na konferenci zaznělo, že však také vytvoří podmínky pro to, aby se s obsahem příspěvků mohli seznámit ti, kdo na konferenci z nejrůznějších objektivních důvodů nemohli přijet, anebo ti, kdo celý cyklus konferencí, které probíhají již od roku 2012, zatím neznali. Věřím také v posílení axiologicky orientované diskuse o literatuře a umění, jež se ukazuje jako jedna z relevantních priorit v badatelské, sociálně-pragmatické i výchovné činnosti vysokých škol i dalších vědecko-výzkumných pracovišť.

Jménem organizátorů konference děkuji všem, kdo se na vydání této publikace podíleli, zejména pak všem autorům, recenzentům, Mgr. Anně Agapovové, Ph.D., i technickému redaktorovi celého svazku Mgr. Zbyňku Michálkovi.

Přeji Vám hodně podnětů při čtení všech publikovaných textů.

Josef Dohnal

Brno, červenec 2024

A Few Words by Way of Introduction

The anthropocentrically conceived world is based on values, and these form the fundamental basis of its broadly conceived cultural layer. It is not surprising that their definition, historical development and current application, their hierarchy and how they are manifested and applied in various humanities, e.g. in philosophy, anthropology, ethics, sociology, psychology, medicine, and for at least the second century also in technical disciplines—most recently in connection with the advent of artificial intelligence—are constantly revisited by scientists and publicists and subjected to an all-round examination and assessment. Probably the most significant systematic undertaking in this regard is the *Value Inquiry Book Series*, a series that has produced many dozens of volumes since 1992. The series of six conferences on *Values in Literature and Art* is thus just one small attempt to contribute to a more long-term axiologically oriented research in the arts in a relatively limited regional context, with Slavic literatures being the predominant area of inquiry.

The sixth *Values in Literature and the Art* conference was originally scheduled to take place in 2022—this corresponded to the two-year cycle of the previous conferences. However, the turbulent period caused by the ongoing epidemic of covid-19 and its aftershocks has thwarted all plans, and the idea that, as in 2020, participants would meet only through computer displays was unacceptable to the organisers of this event. All this was compounded by the escalation of the war between Ukraine and the Russian Federation, which in February 2022 confronted perhaps the whole world with the reality of the outbreak of the largest and bloodiest military conflict on European soil since the Second World War. On the one hand, this war has shocked, but on the other, it has emphasised the need to take clear value positions.

The *Values in Literature and Art VI* conference was therefore held in 2023, mainly in the form of an in-person conference. The previous years have convincingly shown that the importance of the conference does not lie only in the content of the papers presented, but to a large extent in the possibility of meeting the participants in person, in informal discussions, and in the continuation of contacts on a personal level long after the conference. Many of the scholars who have participated in conferences repeatedly were absent this time—unfortunately, circumstances did not allow to come for a number of scholars from Ukraine and the Russian Federation who had been regular participants in the past. Despite this, the conference managed to maintain its

traditional informal character, attract new participants and reconnect those who regularly attend the conference.

This publication presents the written form of the papers presented at the conference. The structure of the publication corresponds to the thematic blocks according to which the conference programme was compiled. The current session, devoted to war and the values that war always updates and tests, is to some extent a new topic that has not resonated with the same urgency in previous conferences as it has this time.

In contrast to previous years, the sixth edition of the conference also brought a stronger representation of papers with a cross-cultural overlap, and it also attracted more attention to themes that note the role of faith in the value orientation of society and the individual. A welcome extension of the conference theme is the block of papers that study the linguistic aspects of the axiological perspective on the phenomena under study.

Within the time allotted for the presentation of papers at the conference, sometimes not all the ideas that the conference participants wanted to convey to others had a chance to be heard. The written form of their presentations is thus the finalization and completion of their findings, a comprehensive fixation of the result of their research efforts. The current situation in which the conference took place only emphasized the importance of addressing the topic of values not only in literature but in the general cultural and social context. I therefore assume that this publication will—like the conference itself—provide a reminder of what was said at the conference, but that it will also create the conditions for those who could not come to the conference for various objective reasons, or those who are not yet familiar with the whole series of conferences that have been taking place since 2012, to get acquainted with the content of the papers. I also believe in strengthening the axiologically oriented discussion of literature and art, which is proving to be one of the relevant priorities in the research, social-pragmatic and educational activities of universities and other scientific research institutes.

On behalf of the organizers of the conference, I would like to thank all those who contributed to the publication, especially all the authors, reviewers, Mgr. Anna Agapova, Ph.D., and the technical editor of the whole volume, Mgr. Zbyněk Michálek.

I hope you will find much to inspire you as you read all the published texts.

Josef Dohnal

Brno, July 2024

Oddíl – Part I

**NÁRODNÍ NARATIVY
A VLASTENECTVÍ**

**NATIONAL NARRATIVES
AND PATRIOTISM**

Lepszy/gorszy naród, plemię, rasa w polskich narracjach romantycznych, czyli aksjologia w układzie hierarchicznym

Joanna Nowak

Streszczenie

W artykule należącym do nurtu aksjologii kultury rozważam społeczne funkcjonowanie wartości w okresie romantyzmu. Oś refleksji oscyluje wokół wyobrażeń związanych z wartościowaniem różnic etnicznych, narodowych i rasowych. Ukazuję w jaki sposób kategorie podziałów w świecie ludzkim nachodziły na siebie – naród i szczerp były urasawiane lub też w odwrotnym procesie rasę poddawano unarodowieniu. Rozmyte i plastyczne kontury znaczeń ułatwiały wzajemne przenikanie. Wierzano, że istnieje trwały zestaw wartości takich jak prawda, dobro, piękno, które wyobrażano sobie zgodnie z etyką chrześcijańską i wzorami estetycznymi kultury Zachodu. W ten sposób wartości uniwersalne podlegały subiektywizacji. Ludy innych „ras”, które nie odpowiadały ustalonym kanonom, prezentując odmienny sposób życia i myślenia, piętnowano jako gorsze, niecywilizowane i niemoralne. Takie narracje znacząco wpływały na światopogląd czytelnika, kształtując nie tylko jego wiedzę, ale normy, wartości, zamknięte i stygmatyzujące postawy wobec fizycznej i kulturowej odmienności.

Słowa kluczowe: rasa; szczerp; naród; romantyzm polski; aksjologia kultury

Better/Worse Nations, Tribes, and Races in Polish Romantic Narratives: Axiology within the Hierarchical System

Abstract

This article falls within the field of cultural axiology, through which I consider the social functioning of values in the Romantic period. In particular, my focus revolves around the valuing of ethnic, national, and racial differences. I demonstrate the overlapping of categories of division in the human world, whereby nation and tribe were racialised and race was nationalised. The blurred and malleable boundaries of meanings facilitated transference between these categories. Moreover, an enduring set of values such as truth, goodness, and beauty were believed to exist, and they were imagined in accordance with Christian ethics and the aesthetic standards of Western culture leading to the subjectification of universal values. Peoples of other 'races' that did not conform to the established canons presented a different way of living and thinking

and were stigmatised as inferior, uncivilised, and immoral. These narratives significantly influenced readers' worldviews, not only shaping their knowledge, cultural norms, and values but also fostering closed and stigmatising attitudes towards physical and cultural differences.

Key words: race; tribe; nation; Polish Romanticism; cultural axiology

W referacie pojęcie aksjologii interpretuję w znaczeniu uniwersalnym jako naukę, której przedmiotem zainteresowań są ludzkie wartości, jako specyficzne stanowisko poznawcze ogarniające całą rzeczywistość ludzką. Jednak umieszczenie przedmiotu rozważań w określonym kontekście czasowo-przestrzennym kieruje mój namysł bardziej w stronę aksjologii kultury lub aksjologii społecznej, a zatem studiów nad obowiązującym systemem wartości i mechanizmów wartościowania w konkretnej epoce historycznej, społeczności i kulturze. Z obszernej palety zagadnień aksjologicznych wybrałam typologię i hierarchizację wartości w najbliższym moim zainteresowaniu romantyzmie polskim, a ściślej refleksję ówczesnych autorów narracji nad funkcjonującym w epoce międzypowstaniowej (1831–1863)¹ osądem wartościującym różnice pomiędzy ludźmi. Kreowane podziały świata ludzkiego polegały na budowaniu sztywnych hierarchii, które wyznaczały co stanowi wartość wyższą, jest doskonalsze, cenniejsze, a co, z pewnych względów, skazane na gorszość, ułomność, niegodność. Dociekania skupiły się na kilku fundamentalnych kategoriach tj. narodzie, szczepie i rasie, które w ideologicznym przekazie miały charakter plastyczny, niestały o przenikających się treściach i niejasnych konturach semantycznych. Zależały w dużej mierze od intencji piszącego. Same wartości, które w sposób arbitralny przyznawano klasyfikowanym grupom ludzkim miały naturę obiektywną, ale w zespoleniu z ocenianym podmiotem (narodem, szczepem, rasą) już nie. Wyobrażone konstrukcje myślowe były skrajnie subiektywne, powstałe na stereotypach etnicznych, narodowych i rasowych, rzadko nosiły cechy podejścia obiektywnego. Wykorzystywane wartości, zależne od zamiarów piszącego, miały charakter względny, a nie absolutny. Na ich podstawie konstruowano systemy hierarchiczne, które w opinii ich autorów cechowały się niezmiennością zdeterminowaną przez naturę. Ten paradygmat

¹ Pojęcie „epoka międzypowstaniowa”, która ściśle odnosi się do zaboru rosyjskiego, czyli części (największej) ziem dawnej Rzeczypospolitej Obojga Narodów, traktuję tu szerzej. Świadomi członkowie dawnego polsko-litewskiego narodu politycznego – zaboru rosyjskiego, jak również pruskiego, austriackiego czy emigranci – mieli poczucie wspólnej tożsamości, wyobrażenie jednego terytorium i dążyli do przywrócenia wieloetnicznego państwa, ponosząc znaczące nakłady sił i środków na rzecz powstań narodowych (1831 i 1863).

klasyfikacyjno-wartościujący obowiązywał w narracjach publicystycznych, ale także nierzadko w nauce przez cały okres poddany analizie.

Układy wartościujące historii naturalnej/wczesnej antropologii

Obowiązujący w naukach przyrodniczych paradygmat porządkowania i klasyfikowania organizmów żywych, w tym gatunku ludzkiego od samego początku sprzyjał wartościowaniu, dzieleniu grup ludzkich na te bardziej rozwinięte, doskonalsze, moralniejsze, piękniejsze oraz te, które wyznaczono role podrzędne i traktowano, w najlepszym przypadku, protekcjonalnie. Obowiązywały dwie typologie rasowe, które zdominowały ówczesną refleksję nad zróżnicowaniem świata ludzkiego. Jedną z nich autorstwa francuskiego naturalisty Georges'a Cuviera klasyfikowała gatunek ludzki na trzy rasy (białą, żółtą i czarną). Drugą z podziałem na pięć formacji rasowych (biała, żółta, czerwona, brązowa, czarna) nawiązywała do koncepcji niemieckiego przedstawiciela wczesnej antropologii Johanna Blumenbacha. Niezależnie od przyjętego wzorca porządkującego grupy ludzkie zgodnie z różnicami fizycznymi i kulturowymi, rasa biała/kaukaska zajmowała niepodważalne miejsce na szczycie hierarchii. Podkreślano jej doskonałość, która przejawiała się nie tylko w kolorze skóry, ale w kształcie czaszki czy proporcjonalnej budowie ciała². O ich najwyższym rozwoju intelektualnym miały świadczyć przyjęte zasady pomiarowe kąta twarzowego, uznane wówczas za obowiązującą metodę naukową. Kąt twarzowy u rasy białej był większy niż w innych rasach (85°–90°). Dlatego

„wszyscy wielcy ludzie, których zasługi historia wymienia, z tego pokolenia [w sensie rasy] wyszli: ono najświetniejsze narody składało i składa.”³

Opisy drugiej w hierarchii rasy żółtej zwanej też mongolską narzucały czytelnikom obraz „brzydkich”, niedostatecznie obdarzonych przez naturę Azjatów o płaskiej, szerokiej twarzy, wąskich oczach, spłaszczonym nosie i wielkich wystających policzkach, a „wszystko w ogólności, pokazuje wielką głowę i grube kości”. Efekt brzydoty potęgowały dodatkowo krępość, niski wzrost, „czworoboczny kształt ciała” oraz „muskularne, nogi krótkie

² KUMELSKI, Norbert Alfons, GÓRSKI, Stanisław Batys: *Zoologia albo historia naturalna zwierząt*. T. 1. Wilno: Nakładem i drukiem Teodora Glücksberga, 1836, s. 53.

³ WAGA, Antoni: *Historia naturalna: dzieło wskazujące pomoc do nauczania się tej umiejętności, uważanych w głównych stanowiskach jej wzrostu*. T. 1. Warszawa: Nakład R. Friedleina, 1859, s. 196.

i wygięte⁴. Na słabsze od rasy białej zdolności intelektualne wskazywało mniejsze rozwarcie kąta twarzowego, który dochodziło najwyżej do 80°. O gorszości miał także świadczyć kontekst kulturowy, a ściślej brak postępu cywilizacyjnego Azji, głównego siedliska rasy żółtej, pozostającej od wieków w kompletnym zastoju. Wizerunki ras znajdujące się w hierarchii poniżej rasy żółtej wskazywały jeszcze większą przepaść w stosunku do wzorca białego człowieka. W ocenach epatowano opisami niedoskonałości fizycznych, pewnego rodzaju degeneracji w fizjonomii i postaci. W okresie tym niepodzielnie panował monogenizm. Pierwotna ludzkość, począwszy od pierwszych rodziców była biała, ale na wskutek oddalenia od pierwowzoru i podlegania rozmaitym warunkom geograficzno-środowiskowym uległa deformacji. Uznawano, że w wyglądzie zewnętrznym mogły się odbić skutki długotrwałej stagnacji, życia w warunkach niesprzyjających rozwojowi, które doprowadziły do stanu dzikości, barbarzyństwa, tępoty. Powtarzalną cechą fizyczną u przedstawicieli rasy czerwonej był charakterystyczny kształt czaszki o wyjątkowo niskim, spłaszczonym czole, co miało świadczyć o bardzo niedostatecznym rozwoju umysłowym rdzennych mieszkańców obu Ameryk⁵. Jako cecha wrodzona wyrokowała o ich trwałym niedołęstwie intelektualnym. W opisach przeważały osądy podnoszące ich dzikość, czasem szpetność wyglądu, okrucieństwo i ogólny brak ucywilizowania⁶. Rasa czarna/afrykańska stojąca wraz z tzw. rasą czarniawą⁷ na dole hierarchii cechowała się znacznie mniejszą objętością mózgu i specyficznym kształtem czaszki z cofniętym czołem i najmniej rozwartym kątem twarzowym nie przekraczającym 75°. Zdaniem przedstawicieli wczesnej antropologii znamiona te sugerowały ograniczone zdolności umysłowe, wrodzoną gorszość, trwanie na pierwotnym etapie natury i dzikości. W komentarzach powtarzano, iż niektóre elementy w ich wyglądzie

⁴ LEŚNIEWSKI, Paweł Eustachy: *Historia naturalna systematycznie ułożona podług Milne-Edwardsa, Reichenbacha, Gistla, Richarda, Bromma i wielu innych znakomitych zagranicznych i krajowych naturalistów*. T. 1. Warszawa: S. H. Merzbach, 1857, s. 79.

⁵ DOMEYKO, Ignacy: *Araukania i jej mieszkańcy. Wspomnienia z podróży po południowych prowincjach rzeczpospolitej chilijskiej*. Wilno: Nakładem i drukiem Józefa Zawadzkiego, 1860, s. 115.

⁶ T. K.: *Obrazy Ameryki. Meksyk i Góry Skaliste*. Księga Świata 4, 1855, s. 13–14; LEWESTAM, Fryderyk Henryk: *Amerykańskie rasy i języki*. In: *Encyklopedia Powszechna*. T. 1. Warszawa: S. Orgelbrand, 1859, s. 634.

⁷ Tzw. rasa czarniawa występowała w typologiach nawiązujących do klasyfikacji rasowej J. Virey'a. Złożona z dwóch odmian: Hotentotów z Południowej Afryki oraz Papuasów z Nowej Gwiney, „dzikich” mieszkańców Australii i Nowej Kaledonii, znajdowała się na samym dole hierarchii, „tylko o jeden stopień wyżej od bestii” i była porównywana do „małp”, DOUGLAS, Bronwen: *Foreign Bodies in Oceania*. In: *Foreign Bodies: Oceania and the Science of Race 1750–1940*. DOUGLAS, Bronwen and BALLARD, Chris (eds). Canberra: ANU E Press, The Australian National University, s. 8.

wyraźnie świadczą o podobieństwie do zwierząt. „Niskość czoła i płaskość nosa wystawionego wraz z brodą i szczękami naprzód, jest to cecha zwierzęcości, ten nasz pierwotny stan odznaczająca”, konstatował Antoni Waga⁸. W jeszcze większym stopniu rdzenni mieszkańcy Australii mieli „czoło tak przyplaszczone iż ledwo je znać” a kształt głowy mocno zwężonej ku tyłowi przypominał najbardziej czaszkę orangutana⁹.

W mniejszości pozostawały wypowiedzi krytykujące optykę cywilizującego kolonizatora, o większej wrażliwości na inność i bardziej otwartym spojrzeniu na zróżnicowanie świata ludzkiego. W przekazie wolnym od europejskiej supremacji, oryginalne kultury np. rdzennych mieszkańców z doliny Amazonki są podstawą tożsamości tych ludów, istotą ich duchowości. Z tej perspektywy podkreślano, że odmienność nie oznacza gorszości. Wzory malowane na ciele czy pióra jako element stroju są tak samo ważne dla „Indian” jak dla Europejczyków noszenie koszuli, czytamy w jednej z narracji¹⁰. Jednak w większości opracowań nie dostrzegano przejawów opresji wobec rodzimej ludności, stopniowego niszczenia ich świata duchowego, kultury, zabierania ziemi i bogactw, prezentując mentalność kolonialną bez kolonii¹¹. Z tego punktu widzenia przyczyna dziejącego się zła tkwiła nie tyle w białych prześladowcach z Europy, ile w samych rdzennych mieszkańcach, którymi kierowała wrodzona tępota oraz skłonność do przemocy i okrucieństwa.

Podobnie jak w pracach o ambicjach naukowych, także w publicystyce i narracjach z podróży obowiązywał ten sam układ hierarchiczny. Wzory czerpano od uczonych autorytetów, którzy wskazywali na gorszość populacji nie-białych, doszukując się u nich znamion typowo zwierzęcych i budując

⁸ WAGA, Antoni: *Historia naturalna: dzieło wskazujące pomoc do nauczania się tej umiejętności, uważanych w głównych stanowiskach jej wzrostu*. T. 1. Warszawa: Nakład R. Friedleina, 1859, s. 194.

⁹ LEŚNIEWSKI, Paweł Eustachy: *Historia naturalna: dzieło wskazujące pomoc do nauczania się tej umiejętności, uważanych w głównych stanowiskach jej wzrostu*. T. 1. Warszawa: Nakład R. Friedleina, 1859, s. 89.

¹⁰ JAGIELSKI, Ludwik: *Dolina Amazonki*. Przyroda i przemysł, 1856, t. 5, s. 35. O intencjonalnym ukazywaniu różnic między kolonizatorem i skolonizowanym w polityce kolonialnej pisze Monika Bobako. Zdaniem współczesnej antropolożki obok dążenia do zminimalizowania owej różnicy przez podniesienie skolonizowanego na wyższy poziom cywilizacji, przyjmowana jest retoryka „szacunku dla różnic kulturowych” i głoszona polityka ich „kultywowania”. Oczekiwano albo asymilacji do europejskich wzorów, albo zachowania egzotycznej odrębności. BOBAKO, Monika: *Płeć, rasa, seksualność w kolonialnych ekonomiach władzy*. Nowa krytyka, 2011, nr 26–27, s. 95.

¹¹ Badacze i autorzy opracowań z dawnych ziem polsko-litewskich, przynajmniej ci, którzy bezkrytycznie opierali się na uwikłanej w kolonialny kontekst zachodniej antropologii, tak jak ich pierwowzory, dawali świadectwo mentalności rasistowskiej i kolonialnej bez posiadania zamorskich kolonii, a nawet sami będąc „skolonizowanymi”.

przepaść między grupami różniących się ludzi. Podziwiany w środowisku europejskich naturalistów Georges Cuvier podzielił się swoimi spostrzeżeniami na temat podobieństwa między badanym przez niego Obiektem a przedstawicielami niższych naczelných. Obiekt, czyli „Hotentocka Wenus” miała w ujęciu naturalisty wystające usta jak u orangutana, a ponadto „w jej ruchach było coś gwałtownego i kapryśnego co przypominało ruch małpy”. Obfite i wystające pośladki nasunęły badaczowi skojarzenie z samicami mandryli i pawianów¹². Pomiarы czaszek, ich wielkość, badanie kąta twarzowego miały za zadanie zobiektywizować poczynione spostrzeżenia i unaukować głoszone teorie. Dominowały oceny wartościujące, upraszczające, wykluczające, piętnujące, które przekraczały normy obiektywnego podejścia. Opisy ludzkich populacji ze względu na zróżnicowanie fizyczne zawarte w publikacjach naukowych i tekstach popularyzujących wiedzę stanowiły podstawowy instrument, najpierw budowania, a od końca XIX stulecia wzmacniania rasizmu i innych form dyskryminacji. Ich twórcy pełnili rolę arbitrów porządku rasowego, społecznego, płciowego, europejskiego etc. Dzięki badaniom uformowanym w sztywne typologie stopniowo zwiększali znaczenie kategorii „rasy” jako formy segregacji i opresji – poniżenia, wykluczenia, pogardy. Podobne myślenie, które współcześnie byłoby nieakceptowalne, wynikało z poziomu ówczesnej wiedzy, dostępnych narzędzi badawczych i odmiennej od dzisiejszej wrażliwości wobec odmienności. Innych postrzegano nie tylko jako różniących się mniej/bardziej od białych Europejczyków, ale brzydszych, niekiedy odrażających w wyglądzie, ograniczonych intelektualnie gorszych odmian człowieka. W typologii znaczeń kategorii obcości autorstwa współczesnego filozofa Bernharda Waldenfelsa byli to obcy rodzajowi/gatunkowi¹³. Przedstawiciele ras pozaeuropejskich wydawali się wtedy mniej ludzcy. Tzw. ludy dzikie traktowano jako odrębną kategorię nie tylko pod względem fizycznych różnic, ale także kulturowych – to odmiany prymitywne, niezdolne do rozwoju i niemoralne. Zestawienia porównawcze z cechami rasy kaukaskiej, uznawanej za najbardziej cywilizowaną miały dodatkowo wzmocnić przekaz o rzekomych niedoskonałościach pozostałych grup ludzkich. Dopiero ponad pół wieku po okresie, gdy dominującą formacją umysłową na ziemiach polsko-litewskich był romantyzm Franz Boas zadał retoryczne pytanie czy mamy prawo przypisywać człowiekowi cywilizowanemu wyższe miejsce w hierarchii niż człowiekowi

¹² CUVIER, Georges: *Faites sur le Cadavre d'une femme connue à Paris et à Londres sous le nom de Vénus Hottentotte*. Mémoires du Muséum nationale d'histoire naturelle, 1817, t. 3, s. 263–269.

¹³ WALDENFELS, Bernhard: *Topografia obcego. Studia z fenomenologii obcego*. Warszawa: Oficyna Wydawnicza, 2002, s. 16.

prymitywnemu, zważywszy, że cechy umysłowe człowieka są takie same na całym świecie¹⁴.

Wartościowanie szczepów europejskich

W ówczesnej refleksji przeważało rozumienie szczepu jako związku pokrewnych ludów/plemion/narodów np. szczep germański, słowiański, romański¹⁵. Pokrewnym grupom plemiennym nadawano cechy charakteru, które określały ich wartość i znaczenie w hierarchii ludzkich zbiorowości. Wartościowanie nosiło znamiona samozwańczych spekulacji i miało więcej wspólnego z procesami stereotypizacji i mityzacji niż z obiektywną rzeczywistością. W ramach rasy białej skupiano się na kilku szczepach europejskich, które szeregowano w hierarchicznym porządku według zapotrzebowania i intencji autora. W ujęciu Karola Libelta Celtowie, Germanie, Słowianie to trzy szczepy należące do „jednej wielkiej rodziny narodów Indo-Europejskich”¹⁶, która przewodzi cywilizacji europejskiej. Rodzina narodów zwana także „rasą aryjską” nie była postrzegana jako jednolita wewnętrznie, ale dzieląca się na lepszych i gorszych jej przedstawicieli. Polscy zwolennicy „mitu aryjskiego” starali się dowieść, że choć Ariowie to szlachetni praojcowie wszystkich Europejczyków, to jednak wewnątrz tej grupy pierwszeństwo należy się Słowianom. W nacjonalistycznych przekazach istotne było założenie, który szczep był „pierwobytnym”, pierwszy zasiedlił Europę. Należało mu się pierwszeństwo w hierarchii znaczeń właśnie z racji bycia tym pierwszym, bardziej zasłużonym, jeśli nie pod względem siły oręża i rozległości siedlisk, to w zakresie starszeństwa.

„Jako Słowianie dowieść mamy światu: że na tym obszarze między morzem Czarnym a Bałtyckim, n a j p i e r w s z y z a g o n r ę k ą n a s z ą z o r a n y, że mamy właściwe sobie piętno i że mowa nasza świadczy o starszyźnie rodu.”¹⁷

¹⁴ BOAS, Franz: *The Mind of Primitive Man*. The Journal of American Folklore, 1901, vol. 14, No. 52, s. 3.

¹⁵ Węgry. *Demokrata Polski*, 1844, t. 6, s. 6–8; *Kilka słów o braterstwie słowiańskim*. Kronika Emigracji Polskiej, 1835, t. 2, ark 16, s. 244; TRENTOWSKI, Bronisław Ferdynand: *Wizerunki duszy narodowej s końca ostatniego szesnastolecia*. Poznań: Trzcionkarnia Umiejętni u Adolfa Emmerlinga, 1847, s. 366–371.

¹⁶ LIBELT, Karol: *Ludy germańskie uważane w spełnieniu dziejowego posłannictwa swego*. Rozprawy naukowe 3, 1850, s. 101.

¹⁷ *Kilka słów o etnologii*. Pamiętnik Literacki 29, 1850, s. 678.

Starożytność i pierwobytność nobilitowały, a jednocześnie służyły za argument w ideologiczno-politycznym sporze o zakres i dawność osadnictwa słowiańskiego i historycznych praw do tych ziem. Krytykowano natomiast badaczy niemieckich za próby uprawomocnienia dążności do rozszerzenia pierwotnego siedliska szczepu germańskiego kosztem słowiańskich sąsiadów. Wskazywano na instrumentalizację polityczno-ideologiczną nauki niemieckiej, której chodziło o udowodnienie germańskiej wyższości. W opinii E. Chojeckiego motywy te zaważyły na stosunku krytyki niemieckiej do kwestii pochodzenia i rodowości Słowian, których uznano za niezdolnych do dłuższego utrzymania politycznego bytu i porządku¹⁸. Ignorowano podobne praktyki u badaczy polskich/słowiańskich. W antropologicznym ujęciu A. Wagi to właśnie mieszkańcy Europy Środkowej wśród których przeważają Słowianie, stanowią podstawę rasy białej, kaukaskiej. Im dalej od wspomnianego obszaru, argumentował, tym ludy przejawiają więcej cech fizycznych sąsiednich grup¹⁹. Obok ogólnego trendu zafascynowania słowiańskością powodem ówczesnego mitotwórstwa o wyjątkowej roli Słowiańszczyzny był polski kompleks Zachodu przodującego w rozwoju cywilizacyjnym, poczucie szczepowej gorszości, niedoceny, wyobcowania. To poczucie gorszości często stało za językowymi przejawami megalomanii szczepowej. W typowym dla epoki binarnym układzie przeciwstawiano pokojowy charakter szczepu słowiańskiego zaborczym Germanom czy barbarzyńskim, destrukcyjnym ludom mongolsko-tatarskim (Trentowski, Mickiewicz, Moraczewski, Kucharski, Krasiński, Libelt, Szajnocha i in.).

Poprzez celowe zabiegi świat pojęć podlegał ścisłej hierarchizacji. Szczep/plemię romantycy polscy traktowali instrumentalnie, podporządkowując je kategorii dla nich nadrzędnej – narodowej wspólnoty ducha. To najstarsze dzieje narodu uwikłane w kontekst słowiański stały się więc od przełomu XVIII i XIX w. inspiracją dla rozmaitych badaczy: historyków, językoznawców, archeologów, badaczy kultury oraz popularyzatorów wiedzy. To początkowe dzieje Polski, wyodrębnionej z ogółu słowiańskiego szczepu, zajmowały ówczesną inteligencję, uciekającą od tragicznych wydarzeń związanych z utratą państwa i od groźnych reperkusji za popieranie polskość, w jak najodleglejszą przeszłość. W tonie wywyższającym Polskę jako „jadrze wielkiego ludu Słowian”, pisał Jędrzej Moraczewski. Zdaniem historyka

¹⁸ CHOJECKI, Edmund: *Starożytności i dzieje czeskie. Wyjątek z dzieła o Czechii*. Biblioteka Warszawska, 1846, t. 4, s. 477–480.

¹⁹ WAGA, Antoni: *Historia naturalna: dzieło wskazujące pomoc do nauczania się tej umiejętności, uważanych w głównych stanowiskach jej wzrostu*. T. 1. Warszawa: Nakład R. Friedleina, 1859, s. 196.

jej wielkość uzewnętrzniła się w wyjątkowej sile duchowego pierwiastka. Polska nie uległa obcym żywiołom i umiała uchronić się nie tylko od fizycznego najazdu ludów germańskich, ale i narzucanych innym wzorców kulturowych²⁰. Szczepowość/plemienność interesowała polskich autorów o tyle, o ile kategoria ta służyła interesowi narodowemu, nigdy nie odwrotnie. Do kategorii słowiańskości/Słowiańszczyzny sięgano, gdy polscy nacjonaści pragnęli wykazać wyjątkowość i przywództwo narodu w szczepie słowiańskim.

Kryteria wartościujące przy podziale narodów

Konceptualizując problem badawczy należało postawić pytanie o kryteria odpowiedzialne za powstanie hierarchii narodów. Tę najistotniejszą w romantyzmie zbiorowość społeczną opisywano za pomocą binarnych opozycji: naturalny – sztuczny, boski – ludzki, moralny – niemoralny, doskonały – ułomny, postępowy – wsteczny, nieśmiertelny – doczesny, historyczny – bez tradycji państwowej²¹. W ten sposób dobierane kryteria pozwalały romantykom na silne wartościowanie opisywanych bytów, na akcentowanie „naszej lepszności” i „gorszości innych”. Tak jak w przypadku ras i szczepów mamy więc do czynienia z ujęciami aksjologicznymi, będącymi pod wpływem polityki i ideologii. Polaryzowano i wartościowano narody odnosząc się do ich genezy, siły sprawczej stojącej za ich powstaniem, natury, przeznaczenia oraz stanu moralności. Na szczycie hierarchii narodów stała zbiorowość ludzka, której członkowie zdołali wyrobić między sobą jedność wyobrażeń, uczuć i celu, osiągając dojrzałą duchową formę. Taka wspólnota, podobnie jak człowiek, była obdarzona indywidualną duszą, przy czym człowiek rodził się dwupierwiastkowy, podczas gdy wspólnota narodowa dojrzewała w procesie dziejowym. Powołana przez Boga do zrealizowania określonego zadania stopniowo wyrabiała swoją duchową formę, wypełniając zadane jej posłannictwo. W romantycznym wyobrażeniu naród dojrzały to byt organiczny i trwały, obdarzony samoświadomością, przejawiający wolną wolę w myśli i działaniu, postępujący moralnie w oparciu o zasady etyki chrześcijańskiej, przyciągający inne grupy etniczne, zdolny do najwyższej ofiary, posiadający i realizujący określony cel dla dobra powszechnego.

²⁰ MORACZEWSKI, Jędrzej: *Rzut oka z historii na stanowisko Słowian*. Rok... pod względem oświaty, przemysłu i wypadków czasowych, 1844, t. 3, s. 32–102.

²¹ NOWAK, Joanna: *Czy każdy naród ma duszę? Romantycy polscy o duchowym wymiarze wspólnoty*. In: *Antropologiczno-językowe wizerunki duszy w perspektywie międzykulturowej*. T. 4. MASŁOWSKA, Ewa, PAZIO-WLAZŁOWSKA, Dorota (eds). Warszawa: SOW, 2022, s. 297–313.

Jego gorszym odpowiednikiem, o przeciwstawnych wartościach była zbiorowość pozbawiona duchowego pierwiastka. Był jednopierwiastkowy, wyłącznie materialny, niezdolny do długotrwałego rozwoju. Skonstruowany przez czynnik ludzki bez ingerencji Opatrzności był niedoskonały w wielu wymiarach. W romantycznych narracjach jako byt sztuczny był jedynie martwym tworem i jak każdy mechaniczny konstrukt, nietrwałym. Funkcjonował tylko w określonym czasie i miejscu. Po kryzysie nie był zdolny do rekonstrukcji, gdyż brak wyrobionego ducha narodowego uniemożliwiało odrodzenie i nieśmiertelność. Posiadanie duszy lub jej brak stanowiło więc podstawowe kryterium wartościowania narodów. Dusza spełniała bowiem fundamentalne funkcje: ożywiała społeczność, ale i sprawiała, iż naród stawał się „osobą moralną”. Duchowy deficyt był odpowiedzialny za zły stan moralny zbiorowości. Wewnątrz narodu bez duszy panowały stosunki oparte na przemocy gwałcącej wolną wolę innych narodowości i mniejszych grup etnicznych. Do tej niższej w hierarchii grupy zgodnie zaliczano państwa zaborcze, które pod koniec XVIII w. dokonały bezprawnego podziału Rzeczypospolitej Obojga Narodów. Znamię sztuczności i gorszości nadawano więc Rosji, Prusom, i Austrii ze względu, jak argumentowano, na ich nieorganiczną naturę i genezę bez ingerencji boskiej, co uniemożliwiało wykształcenie ducha zbiorowego. W wizerunku Maurycego Mochnackiego Rosjanie to lud, który nie wytworzył „rzeczy społecznej”, „ogrom bez historycznych wyobrażeń, gmin bez pojęć, kraj bez społeczeństwa”. To sztuczny twór, który w wyobrażeniu o sobie nie wyszedł poza pojęcie jednowładztwa²². Potęga Rosji jest wyłącznie materialna, a zespolenie wewnętrzne oparte zostało na strachu zamiast miłości ojczyzny²³. Takie zrzeszenia bez wyrobionych więzi duchowych między jednostkami, funkcjonujące bez idei przewodniej, utrzymywane w jedności przy pomocy rozwiązań siłowych, nie miały szans na dłuższe trwanie. Brak naturalnego spoiwa, w przekonaniu romantycznych autorów, sprawia, że sztuczne twory tylko pozornie wydają się silne, a naprawdę są słabe i nietrwałe. Królestwo Pruskie także określano mianem „sztucznego tworu”, „różnobarwnego zlepku”, czy nawet „potwora politycznego”²⁴. Podobnie Austria była w romantycznych narracjach nazywana niezespolonym „aglomeratem krajów,” tworem nienaturalnym, bez możliwości czerpania z zapasowych,

²² MOCHNACKI, Maurycy: *O charakterze zaborów moskiewskich*. In: MOCHNACKI, Maurycy: *Pisma polityczne i krytyczne*. T. 2. Kraków: Universitas, 1996, s. 113, 116, 170–171.

²³ SŁOWACKI, Juliusz: *Do emigracji o potrzebie idei*. In: SŁOWACKI, Juliusz: *Dzieła*. T. 12. Warszawa: Ossolineum, 1959, s. 321–322.

²⁴ *Jednolitość Niemiec*. *Demokrata Polski*, 1849, t. 12, s. 92.

ukrytych sił, które mają w sobie tylko narody organiczne. W barwnym opisie z epoki

„wraz i pojęcie Austrya, jest tylko ową gąbką, w której rozmaite rodzaje muszli i owadów morskich obok siebie mieszkają, ale nigdy jednej i tejże samej stanowić nie będą istoty”²⁵

Naturalnie, hierarchizacja wspólnot z podziałem na tzw. narody naturalne z wyrobioną duszą i te sztuczne pozbawione duchowego pierwiastka miała określony cel polityczno-ideologiczny związany z syndromem narodów pozbawionych państwa. W ten sposób chciano wykazać niezniszczalność wspólnot będących czasowo bez własnej organizacji politycznej, zwalczyć kompleks niższości poprzez wykazanie wyższości narodów z duszą nad ich ułomnymi zaborcami, udowodnić przewagę zaznaczoną już u samej genezy ich powstania, w naturze i strukturze wewnętrznej. Prostą acz niepodlegającą dyskusji zależność między ocenianym a ocenianym adekwatną do analizowanej epoki wyraził już na początku XX w. Franz Boas. Polega ona w dużej mierze na nadawaniu pierwszeństwa tej wspólnocie narodowej, której oceniancy jest członkiem, na przekonaniu o wyjątkowej wartości jej języka, zwyczajów, tradycji, na słuszności zachowania jej niepowtarzalnego wzorca i narzucenia go reszcie świata²⁶.

Konkluzje

W refleksji romantycznej aksjologia służyła do określenia przedmiotu wartości nie tylko w wyobrażeniach, uczuciach czy działaniu pojedynczego człowieka, ale też rozmaitych grup społecznych. Kreowano przy tym mniej lub bardziej złożone układy i hierarchie. Wierzono, że istnieje trwały zestaw wartości takich jak prawda, dobro, piękno, które stanowią odrębną rzeczywistość. Wyobrażano je sobie zgodnie z etyką chrześcijańską i wzorami estetycznymi kultury Zachodu. W ten sposób podlegały one subiektywizacji. Ludy innych „ras”, które nie odpowiadały ustalonym kanonom, prezentując odmienny sposób życia i myślenia, piętnowano jako gorsze, niecywilizowane i niemoralne. W narracjach nakładały się i uzupełniały argumenty językoznawców, badaczy kultury i przedstawicieli wczesnej antropologii. Interpretacje istnienia wartości, podobnie jak pochodzenie człowieka, były zdominowane przez kreacjonizm,

²⁵ *Austrija*. Jutrzenka, 1848, nr 50, s. 207.

²⁶ BOAS, Franz: *The Mind of Primitive Man*. The Journal of American Folklore, 1901, vol. 14, No. 52, s. 7.

który przenikał refleksję pozanaukową i deprecjonował społeczność, którym *a priori* odmawiano pochodzenia z woli Opatrzności. Materialny wymiar narodu bez duszy był oceniany jako gorszy, podrzędny w stosunku do duchowego. To duchowa forma nadaje kształt i kierunek wspólnocie, a materialne objawy są jedynie jej wypełnieniem, niedoskonałą emanacją.

Zakres romantycznych rozważań dotyczył problemu genezy przyjętych przez grupę wartości, ich natury, trwałości oraz sposobów powstawania. Namysł nad kryteriami wartościowania był obecny jedynie przy wyrażaniu opinii na temat tendencji w piśmiennictwie obcym. Krytykując ideologiczne konstrukty badaczy obcych nie chciano dostrzec, że analogicznie polityka i ideologia odcisnęły piętno na debatach polskich kreatorów refleksji nad podziałami świata ludzkiego. W rozważaniach nad rasą hierarchie wartościujące budowano w nawiązaniu do znanych typologii naturalistów, ale już w ramach rasy białej z intencją podporządkowania różnic szczepowych/narodowych ideologicznemu dowodzeniu o wyższości i pierwobytności Słowian w tej części Europy. Nie zważając na realia czy posługując się półprawdami umiejscawiano genezę narodu w jak najodleglejszej przeszłości, próbując dowodzić pokrewieństwa ze starożytnymi ludami, związku z istotnymi wydarzeniami w dziejach i przełomowymi wynalazkami. Opisując pierwotne dzieje narodu świadomie więc poszukiwano mocnego argumentu dla polskich aspiracji niepodległościowych i przyszłej pozycji w Europie Środkowo-Wschodniej.

W analizowanym okresie wszystkie kategorie podziałów w świecie ludzkim wzajemnie się przenikały, nachodząc na siebie – naród i szczep były urasawiane lub też w odwrotnym procesie rasę poddawano unarodowieniu. Rozmyte i plastyczne kontury znaczeń poszczególnych kategorii ułatwiały wzajemne przenikanie bez dylematów nurtujących autorów prac naukowych. Skupiono się na kwestiach słowiańskich z perspektywy różnicy „rasowej”, traktując szczep słowiański w kategorii odrębnej rasy i przeciwstawiając go innym najczęściej Germanom czy tzw. rasie turańskiej. Chodziło o tworzenie spójnego przekazu ideologiczno-propagandowego opartego na argumentacji „rasowej”, skierowanego przeciwko wrogom polskiej idei narodowej i jednocześnie w jej obronie. Istotne było zdeprecjonowanie wroga, ukazanie go jako zaborczego przeciwnika wolności, a w przypadku Rosji dodatkowo wykazanie jej kulturowej i cywilizacyjnej niższości w stosunku do kultury polskiej.

Pogłębiona kwerenda i analiza źródeł z epoki pozwala na stwierdzenie, iż normą było używanie, przynajmniej z dzisiejszej perspektywy, opresyjnego języka dla podkreślenia różnic uznanych za wrodzone cechy rasowe, porównania do zwierząt, pejoratywne skojarzenia. Była to cecha powszechna w myśleniu i literaturze przedmiotu. Przypisywane zbiorowościom znamiona poddawano

ocenom wartościującym i wręcz nieprawdopodobnym uogólnieniom. Takie narracje kreowały, a przynajmniej znacząco wpływały, na światopogląd ówczesnego czytelnika, kształtując nie tylko jego wiedzę, ale normy, wartości, zamknięte i stygmatyzujące postawy wobec fizycznej i kulturowej odmienności. W narracjach przez zastosowanie odpowiedniej perswazji i języka reprezentanci ras pozaeuropejskich zostali odpersonalizowani, rozczłonkowani na części, które opisano i klasyfikowano według koncepcji wymyślonych przez badaczy naturalistów. Spory o hierarchię dotknęły także mniejszych grup ludzkich jak szczepy i narody. W zmityzowanym wizerunku w obrębie odgałęzienia indoeuropejskiego rasy białej to szczep słowiański prezentował wyjątkową jedność, moralność i miał do odegrania wielką rolę w przyszłości podczas gdy Zachód Europy ulegał moralnej i duchowej degeneracji.

Bibliografia – References:

- Austria*. Jutrzenka, 1848, nr 50, s. 207–208.
- BOAS, Franz: *The Mind of Primitive Man*. The Journal of American Folklore 1901, vol. 14, No. 52, p. 1–11.
- BOBAKO, Monika: *Płeć, rasa, seksualność w kolonialnych ekonomiach władzy*. Nowa krytyka, 2011, nr 26–27, s. 83–112.
- CHOJECKI, Edmund: *Starożytności i dzieje czeskie. Wyjątek z dzieła o Czechii*. Biblioteka Warszawska, 1846, t. 4, s. 457–503.
- CUVIER, Georges: *Faites sur le Cadavre d'une femme connue à Paris et à Londres sous le nom de Vénus Hottentotte*. Mémoires du Muséum nationale d'histoire naturelle, 1817, t. 3, s. 259–274.
- DOMEYKO, Ignacy: *Araukania i jej mieszkańcy. Wspomnienia z podróży po południowych prowincjach republiki chilijskiej*. Wilno: Nakładem i drukiem Józefa Zawadzkiego, 1860.
- DOUGLAS, Brownen. *Foreign Bodies in Oceania*. In: *Foreign Bodies: Oceania and the Science of Race 1750–1940*. DOUGLAS, Brownen, BALLARD, Chris (eds). Canberra: ANU E Press, The Australian National University, p. 3–30.
- JAGIELSKI, Ludwik: *Dolina Amazonki*. Przyroda i przemysł, t. 5, 1856, s. 33–36. *Jednolitość Niemiec*. Demokrata Polski, 1849, t. 12, s. 91–92.
- Kilka słów o braterstwie Słowiańskim*. Kronika Emigracji Polskiej, 1835, t. 2, ark. 16, s. 241–247.
- Kilka słów o etnologii*. Pamiętnik Literacki 29, 1850, s. 675–690.

- KUMELSKI, Norbert Alfons, GÓRSKI, Stanisław Batys: *Zoologia albo historia naturalna zwierząt*. T. 1. Wilno: Nakładem i drukiem Teodora Glücksberga, 1836.
- LEŚNIEWSKI, Paweł Eustachy: *Historia naturalna systematycznie ułożona podług Milne-Edwardsa, Reichenbacha, Gistla, Richarda, Bromma i wielu innych znakomitych zagranicznych i krajowych naturalistów*. T. 1. Warszawa: S. H. Merzbach, 1857.
- LEWESTAM, Fryderyk Henryk: *Amerykańskie rassy i języki*. In: *Encyklopedia Powszechna*. T. 1. Warszawa: S. Orgelbrand, 1859, s. 633–639.
- LIBELT, Karol: *Ludy germańskie uważane w spełnieniu dziejowego posłannictwa swego*. *Rozprawy naukowe* 3, 1850, s. 101–135.
- MOCHNACKI, Maurycy: *O charakterze zaborów moskiewskich*. In: MOCHNACKI, Maurycy: *Pisma polityczne i krytyczne*. T. 2. Kraków: Universitas, 1996, s. 165–175.
- MORACZEWSKI, Jędrzej: *Rzut oka z historii na stanowisko Słowian*. *Rok... pod względem oświaty, przemysłu i wypadków czasowych*, 1843, t. 3, s. 32–102.
- NOWAK, Joanna: *Czy każdy naród ma duszę? Romantycy polscy o duchowym wymiarze wspólnoty*. In: *Antropologiczno-językowe wizerunki duszy w perspektywie międzykulturowej*. T. 4. MASŁOWSKA, Ewa, PAZIO-WLAZŁOWSKA, Dorota (eds). Warszawa: SOW, 2022, s. 297–313.
- SŁOWACKI, Juliusz: *Do emigracji o potrzebie idei*. In: SŁOWACKI, Juliusz: *Dzieła*. T. 12. Warszawa: Ossolineum, 1959.
- T. K.: *Obrazy Ameryki. Meksyk i Góry Skaliste*. *Księga Świata* 4, 1855, s. 9–13.
- TRENTOWSKI, Bronisław Ferdynand: *Wizerunki duszy narodowej s końca ostatniego szesnastolecia*. Poznań: Trzcionkarnia Umiejętni u Adolfa Emmerlinga, 1847.
- WAGA, Antoni: *Historia naturalna: dzieło wskazujące pomoc do nauczania się tej umiejętności, uważanych w głównych stanowiskach jej wzrostu*. T. 1. Warszawa: Nakład R. Friedleina, 1859.
- WALDENFELS, Bernhard: *Topografia obcego. Studia z fenomenologii obcego*. Warszawa: Oficyna Naukowa, 2002.
- Węgry. *Demokrata Polski*, 1844, t. 6, s. 6–8.

Joanna Nowak

Dr hab., prof., Associate Profesor, Institute of Slavic Studies, Polish Academy of Sciences, Jaracza 1, 00-378 Warszawa, Poland

joanna.nowak@ispan.edu.pl

ORCID 0000-0001-9706-9271

Rasa jako problematyczna wartość: pomiędzy nauką a polityką w polskiej prasie drugiej połowy XIX wieku

Katarzyna Wrzesińska

Streszczenie

Cel artykułu stanowi zaprezentowanie wpływu jaki myślenie w kategoriach rasy wywierało na postrzeganie człowieka oraz interpretacji terminu „rasa“. W drugiej połowie XIX w. polska prasa periodyczna przedstawiała klasyfikacje rasowe, w których łączono wedle ówczesnych światowych badań biologię z kulturą. W ten sposób upowszechniano mniemanie, że fizyczność człowieka stanowi wartość decydującą o sposobie kształtowania się ludów i narodów zarówno w koloniach jak i na kontynencie europejskim. Rasa miała przesądzać o ich wyższości bądź niższości. Brak zgodności uczonych na ten temat sprzyjał tworzeniu bezpodstawnych teorii rasowych wykorzystywanych politycznie. Zjawisko powyższe było widoczne w relacjach polsko-niemieckich. Naród polski w zaborze pruskim, traktowany jako społeczność o niskiej rasowej wartości, został uznany za niezdolny do stworzenia własnej państwowości.

Słowa kluczowe: rasa jako wartość; klasyfikacje rasowe; polska prasa periodyczna; relacje polsko-niemieckie w drugiej połowie XIX w.; polityka a nauka

Race as a Problematical Value: Between Science and Politics in the Polish Journalistic Writings of the Second Half of the 19th Century

Abstract

The aim of the article is to present how thinking in terms of race influenced the perception of man, and interpretation of the term “race”. In the second half of the 19th century, the Polish journalistic writings presented racial classifications, which combined biology and culture according to contemporary world research. Such an approach popularised the belief that human physicality was a value that determined the formation of peoples and nations, both in colonies and on the European continent. Race was supposed to determine their superiority or inferiority. The lack of consensus among scholars concerning this topic contributed to the development of unfounded racial theories that were used politically. The above-mentioned phenomenon was noticeable in Polish-German relations. The Polish nation in the Prussian partition, treated as

a community of low racial value, was considered incapable of creating its own statehood.

Key words: race as a value; racial classifications; Polish journalistic writings; Polish-German relations in the second half of XIX century; politics and science

Wstęp

W drugiej połowie XIX w. w Europie zaczęły kształtować się nacjonalizmy, które podbudowę dla swojego rozwoju czerpały m.in. z rozwijających się nauk przyrodniczych. Z medycyny wyodrębniła się antropologia, samodzielność zyskały etnografia i etnologia. Powstające na tym polu badania naukowe nad zróżnicowaniem rasowym ludzkości miały posłużyć wyjaśnieniu niejednakowej pozycji poszczególnych narodów, poszukiwaniu źródeł ich stanu współczesnego. Jedne były bogatsze i rozwijały się lepiej, drugie biedniejsze i zniewolone pod panowaniem silniejszych¹. W koloniach rdzenna ludność bytowała, jak to określano, w stanie dzikości. Sądzono, że to właśnie rasa generowała kształtowanie się realiów europejskich i zamorskich. Takie rozumowanie nabrało w ciągu XIX w. znaczenia i posłużyło jako usprawiedliwienie wartościowania ludzi. Także rozwój kapitalistycznej gospodarki stanowił bodziec do wyzysku ludów postrzeganych jako niższe². Nie zawsze badania nad rasami miały na celu hierarchizowanie różnych populacji. U zarania dążeń do stworzenia systematyki rodu ludzkiego stała chęć zgłębienia podłoża różnic między ludźmi i naukowego ich opracowania.

Materiał źródłowy będący podstawą artykułu stanowi polskie czasopiśmiennictwo. Wybrano periodyki o zasięgu przekraczającym granice między zaborami, które redagowane były przez uznane autorytety. Badania prowadzone nad polską prasą potwierdziły ich opiniotwórczą rolę³. W omawianym okresie popularyzacja wiedzy za pośrednictwem prasy odegrała główną rolę w kształtowaniu obrazu człowieka i świata oraz hierarchii wartości w społeczeństwie polskim.

¹ LANDES, David S.: *Bogactwo i nędza narodów. Dlaczego jedni są tak bogaci, a inni tak ubodzy*. Warszawa: Muza, Warszawskie Wydawnictwo Literackie, 2023.

² WIELGOSZ, Przemysław: *Gra w rasy. Jak kapitalizm dzieli, by rządzić*. Kraków: Wydawnictwo Karakter, 2021.

³ MYŚLIŃSKI, Jerzy: *Prasa polska w dobie powojennej*. In: ŁOJEK, Jerzy, MYŚLIŃSKI Jerzy, WŁADYKA, Wiesław: *Dzieje prasy polskiej*. Warszawa: Wydawnictwo Interpress, 1988, s. 48–89.

Zagadnienia terminologiczne

Na ziemiach polskich pod wpływem publikacji obcojęzycznych odchodzono od rodzimej terminologii. Zanikały określenia „ród“ i „pokolenie“, a częściej stosowano termin „rasa“. Jednak przez cały omawiany okres współistniały ze sobą pojęcia takie jak, prócz wyżej wymienionych: „plemień“, „szczerp“, „lud“ i „naród“. Tylko kontekst wypowiedzi pozwala rozoznać o jakiego rodzaju populację chodziło, terminy te stosowano bowiem synonimicznie. Piśmiennictwo nie przyniosło jednoznacznej definicji „rasy“. Taka nie istniała i w nauce zachodniej. Termin „rasa“ stosowano jako jeden ze sposobów różnicowania ludów⁴. Pewna jasność pozostawała jedynie jeśli zakładano, że bada się wyłącznie fizyczność człowieka, a więc np. kształt czaszki. Wtedy można było wyodrębnić np. podłużnoglówowych i krótkogłówowych. Wątpliwości nasuwały badania nad pojemnością czaszki, rozmiarem mózgu czy jego wagą. Stosowano niejednolite parametry, a wyciągane wnioski były niewiarygodne⁵. Problem ten posiadał znaczenie, ponieważ zaczęto z różnic anatomicznych wyciągać nieuprawnione wnioski. Upowszechniano pogląd, że te odmienności pozostawały w ścisłym związku z cywilizacyjnym postępem: im więc bliżej wzorca pojmowanego jako europejski, tym dane ludy znajdowały się w kręgu zdolnych do postępu. Konstatacje takie uprawniały wartościowanie ludzi.

Związki pomiędzy biologią i kulturą a klasyfikacje rasowe

Od zarania myślenia o ludzkości poszczególnym populacjom przypisywano nie tylko odmienny wygląd ale i zespolone z nim cechy charakteru. Tak było już w przypadku Carolusa Linnaeusa. Czarnych oceniano jako leniwych i rozpustnych, żółtych jako pogrążonych w stagnacji i okrutnych, a białych jako szlachetnych indywidualistów niosących postęp⁶. Wyznacznikom fizycznym przypisywano determinujący wpływ na dzieje społeczeństw. Odzwierciedleniem tego typu myślenia były klasyfikacje rasowe. Georges Cuvier wyróżnił

⁴ WRZESIŃSKA, Katarzyna: *Termin rasa i jego synonimy w polskiej refleksji naukowej i popularnonaukowej w latach 1864–1918*. Studia z Filologii Polskiej i Słowiańskiej. [online], nr 56, article 2041 [cit. 2022-12-10]. <https://doi.org/10.11649/sfps.2041>.

⁵ W. Sz.: *Waga mózgu a inteligencja*. Wszechświat, 1903, nr 21, s. 316.

⁶ LINNAEUS, Carolus: *Systema naturae per regna tria naturae, secundum classes, ordines, genera, species, cum characteribus, differentiis, synonymis, locis*. Holmiae: Impensis Direct. Laurentii Salvii, 1758; por. MINCER, Tadeusz: *Kulturowe rozumienie pojęcia rasy*. Prace Kulturoznawcze XIV, 2012, nr 1, s. 118.

trzy rasy⁷, Johann F. Blumenbach pięć⁸. Liczba dostrzeganych ras z czasem wzrastała. Choć Charles Darwin żywił wątpliwości co do samego pojęcia „rasa“, uważając podziały rasowe za płynne⁹, to jednak rasa stała się swojego rodzaju wartością która miała decydować o wyższości i niższości poszczególnych narodów, jak sądzono, tworzonych przez owe rasy.

„Zawisłość od siebie cech psychicznych i cielesnych tak jest uderzająca i stanowcza, że się stała punktem wyjścia antropologii”¹⁰. Nie jest to konstatacja pozbawiona podstaw. XIX-wieczni uczeni, wyjaśniając przyczyny ludzkiego zróżnicowania, zakładali że wygląd człowieka generuje określoną kulturę. Na wczesnym etapie rozwoju antropologii, kiedy wzorzec stanowiła cywilizacja białego człowieka u ludów uznawanych za dzikie dostrzegano takie cechy fizyczne, w których upatrywano przyczyn ich uwstecznienia. Z czasem w klasyfikacjach rasowych uwzględniano coraz więcej cech (np. kształt czaszki, rodzaj włosów). Podejmowano też próby dokonywania podziałów wedle języków przypisując ludom, które nimi władały cechy rasowe. Jednakże usiłowania łączenia elementów fizycznych z kulturowymi kończyły się niepowodzeniem. Z przesłanek anatomicznych nie dało się bowiem wyrokować o konkretnych zdolnościach, a i z przesłanek kulturowych o własnościach fizycznych.

W praktyce jednak z długiej lub krótkiej czaszki, z pochodzenia aryjskiego bądź niearyjskiego, nawet wbrew naukowym ustaleniom uczyniono oś sporu o prymat jednej rasy nad innymi. Uczeni i publicyści poczęli wysnuwać mało uprawnione z dzisiejszego punktu widzenia, wnioski dotyczące ludności Europy. Akceptację zyskało mniemanie, że wyłącznie europejskie ludy pochodzenia aryjskiego posiadają cechy predystynujące je do przewodzenia światu. Zainicjowano w nauce spór, które z nich są prawdziwie aryjskie, a które poprzez różnorodne przymieszki nimi nie są.

Stopniowo weszły w użycie pojęcia „rasa germańska” i „rasa słowiańska” oparte o kryterium językowe. Posługiwano się nimi również w kontekście rzekomo wspólnych cech fizycznych. Równolegle jednak negowano takie ujęcie wskazując, że pośród ludności europejskiej występuje różnorodność typów fizycznych, więc o żadnej jednolitości rasowej nie może być mowy i nie może

⁷ CUVIER, Georges: *Le règne animal distribué d'après son organisation: pour servir de bases à l'histoire naturelle des animaux, et d'introduction à l'anatomie comparée*. Paris: Fortin, Masson et Cie Libraires, 1817, s. 81–100.

⁸ BLUMENBACH, Johann F.: *De generis humani varietate nativa*. Gottingae: Vandenhoeck et Ruprecht, 1775.

⁹ DARWIN, Charles: *O pochodzeniu człowieka*. Kraków: Wydawnictwo „Kraju”, [1871] 1874, s. 213–214, 224, 228.

¹⁰ BOGACKI, Feliks: *Tajemnice życia duszy*. Prawda, 1881, nr 11, s. 125.

być jej dowodem język¹¹. Zaistniała w nauce opinia, że czystych ras nie ma¹². Pisano:

„...nie ma jednej rasy słowiańskiej, ale, co więcej, nie ma wcale jednej rasy polskiej, ruskiej, czeskiej [...], nie ma nawet okolic i rodzin, czystych pod względem antropologicznym czyli rasowym”¹³.

Każdy naród miał być zlepkiem różnorodnych typów fizycznych. Nie było to jednak przeszkodą, by w rasie upatrywać podłoża wpływającego na potencjał narodów.

Rasy ludzkie jako grupy o zróżnicowanej wartości

Rasa więc stała się wartością, która miała decydować o losach danej społeczności oraz wyrokować o jej przeznaczeniu¹⁴. Problematyczność tego wyznacznika ukazywały XIX-wieczne badania naukowe, a także polska prasa. Nie było na tym polu jednomyślności. Argumentem, który miał uzasadniać wyższość rasy białej była jej dominacja i podboje. Rasę poczęto postrzegać jako kategorię rozstrzygającą w pogoni za panowaniem nad światem. Aryjska, pierwsza w tym wyścigu, stała się tu wzorcem. Taka wizja stworzyła podbudowę dla negowania krzyżowania się ras jako wartości pozytywnej. Polskie piśmiennictwo dostarczało zarówno argumentów za jak i przeciw¹⁵. Ale wraz z upływem czasu „czystość rasowa” nabierała znaczenia.

Rasa stała się podstawą do legitymizacji prawa do rządzenia. Takie myślenie uwidoczniło się w relacjach polsko-niemieckich. Omawiana kategoria została wykreowana jako niezbędny czynnik w stwarzaniu narodu niemieckiego. Wspólnotę starano się budować nie w oparciu o tradycję państwową, ale właśnie o poczucie wspólnoty krwi. Wartość jaką stanowiła owa wymaginowana rasa kreowała podmiotowość społeczności. Niejednoznaczność terminu „rasa”

¹¹ VIRCHOW, Rudolf: *Pierwotna ludność Europy*. Przyroda i Przemysł, 1875, nr 6, s. 65; POPLAWSKI, Jan Ludwik: *Nasza sprawa*. In: POPLAWSKI, Jan Ludwik: *Pisma polityczne*. T. I. Warszawa: Gebethner i Wolff, [1897] 1910, s. 166; BRÜCKNER, Aleksander: *Dzieje języka polskiego*. Warszawa: Instytut Wydawniczy „Biblioteka Polska”, 1925, s. 15.

¹² KRZYWICKI, Ludwik: *Ludy. Zarys antropologii etnicznej*. Warszawa: PWN, [1893] 1969, s. 19; KRZYWICKI, Ludwik: *Kurs systematyczny antropologii. I. Rasy fizyczne*. Warszawa: PWN [1897] 1969, s. 303.

¹³ COURTENAY, Jan Baudouin de: *O panslawizmie platonicznym*. Krytyka II, 1903, s. 98–99.

¹⁴ TYRAŁA, Radosław: *O jeden takson za dużo. Rasa jako kategoria społecznie problematyczna*. Warszawa: Oficyna Naukowa, 2005, s. 9–11.

¹⁵ GAWIN, Magdalena: *Rasa i nowoczesność. Historia polskiego ruchu eugenicznego (1880–1852)*. Warszawa: Nerition, 2003, s. 61.

umożliwiła spekulacje na temat czynników tkwiących w człowieku, a mających rzutować na jego potencjał intelektualny. Rozbieżności w ich interpretacji (np. dotyczące kształtu czaszki) ułatwiły uczonym wejście w sferę działań o charakterze politycznym. Również na ziemiach polskich poczęto upatrywać w rasie źródeł wyższości bądź niższości narodów. Ponieważ zaś po erze rromańskiej i germańskiej miał wedle Johanna G. Herdera przyjść czas na słowiańską, i Polacy mieli pośród Aryjczyków odegrać swoją dziejową rolę: przewodniczyć całej Europie¹⁶. W piśmiennictwie przełomu XIX i XX w. upowszechniła się retoryka rasowa. Interpretacje różnic rasowych zostały naznaczone przejściem od sprawdzalnych faktów ku wyobrażeniom. W opisach często stosowano terminy „rasa słowiańska” i „rasa germańska”¹⁷, i „rasa polska”, „rasa niemiecka”¹⁸. Wskazywano, że istnieje pomiędzy nimi „nienawiść plemienna”¹⁹.

Spory naukowe a hierarchizacja ras w dyskursie publicystycznym

XIX-wiecznemu różnicowaniu się ludności Europy sprzyjał wzrost nacjonalizmów pośród umacniających swą państwowość narodów, a także tych, które tej państwowości nie posiadały. Nauki o człowieku, prócz antropologii, także archeologia, historia, etnologia i socjologia stanowiły fundament, na którym kreowano tożsamość danego narodu. Służyło temu upowszechnianie wiedzy i wyobrażeń o jego starożytnym rodowodzie, czystości rasy, wyższości cywilizacyjnej nad innymi, często mającej wynikać z cech *stricte* fizycznych wpływających na duchowe. Takie ujęcie wspólnoty zaczęło być dostrzegalne w latach 80. XIX w.²⁰.

Przybycie Słowian i Germanów do Europy stało się tematem sporów uczonych polskich i niemieckich²¹. Zygmunt Gloger widział Słowian w czasach przedhistorycznych osiedlonych nad Wisłą w przeciwieństwie do Rudolfa

¹⁶ BUSZCZYŃSKI, Stefan: *Cywilizacja niemiecka na ziemiach polskich*. In: Sobótka. Księga zbiorowa na uczczenie pięćdziesięcioletniego jubileuszu Seweryna Goszczyńskiego. Lwów: Gubrynowicz i Schmidt, 1875, s. 288–289; LUTOSŁAWSKI, Wincenty: *Ludzkość odrodzona. Wizje przyszłości*. Warszawa: Gebethner i Wolff, 1910, s. 185–190; por. MICHALSKI, Maciej: *Dawni Słowianie w tradycji polskiej pierwszej połowy XIX wieku: W poszukiwaniu tożsamości wspólnotowej*. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 2013, s. 37–68.

¹⁷ LUTOSŁAWSKI, Wincenty: *Charakterystyka narodu polskiego*. In: LUTOSŁAWSKI, Wincenty: *Posłannictwo polskiego narodu*. Warszawa: Rój, [1907] 1939, s. 76–77.

¹⁸ WEYSSENHOFF, Józef: *Dusza pruska*. Tygodnik Ilustrowany, 1909, nr 51, s. 1070.

¹⁹ HERTZ, Karol: *Wychowawcy Teutonów*. Przegląd Tygodniowy, 1902, nr 34, s. 418.

²⁰ POMIAN, Krzysztof: *Europa i jej narody*. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1992, s. 171–172.

²¹ Szczegółowo na temat tego sporu zob. GÓRNY, Maciej: *Wielka wojna profesorów. Nauki o człowieku (1912–1923)*. Warszawa: Instytut Historii PAN, 2014.

Virchowa, który pierwszeństwo osadnictwa przypisywał Germanom²². Erazm Majewski dowodził, że pierwotnymi mieszkańcami „Germanii” byli Słowianie²³. Wojciech Kętrzyński umiejscawiał ich także między Łabą a Renem. Germanie przybywając na te tereny

„...wszędzie przychodzili do gotowego, zdobywając na Słowianach od razu to, na co by wysilać się musieli całe wieki. Niemcy [...] zawdzięczają wszystko Słowianom, a Słowianie Niemcom tylko nędzę i niewolę”²⁴.

Pogląd o autochtonizmie Słowian stawał się w nauce polskiej powszechny. Wedle strony niemieckiej od tysiąca już lat uzewnętrzniała się wyższość jej rasy²⁵. W kontekście ludności polskiej pod zaborem pruskim obserwowano, że Niemcy posiadali przewagę. Nie wynikała ona jednak z „wyższości rasowej”, a ze starszeństwa ich „kultury społeczno-obyczajowej”²⁶. Stwierdzana poprzez obydwie strony sporu niższość cywilizacyjna Polaków była wykorzystywana propagandowo przez niemieckie elity. Uzasadniała ona niezdolność do tworzenia własnej państwowości i uprawiała panowanie niemieckie. „Szczep słowiański” miał „...stać się kompostem do umierzwienia europejskiej roli pod zasiew kultury niemieckiej, za pomocą której [...] Europa miała się zamienić w nowy Raj, [...]”. Taki pogląd wspierał Virchow, dla którego słabsze narodowości powinny przyjąć kulturę „germańską” i spełnić jej posłannictwo „dla dobra ludzkości”²⁷. Pangermanizm mógł się dokonać tylko przy użyciu przemocy²⁸.

Starano się naukowo zbadać na czym polegały dysproporcje sił pomiędzy „rasami”. Dociekano w oparciu o fizyczne przesłanki, czy da się udowodnić niższość „rasy polskiej”. Na podstawie austriackich statystyk urzędowych, wykazano, że pod względem średniej długości życia i odporności na choroby

²² GLOGER, Zygmunt: *Obrazy z zamierzchłych dziejów. Odczyt na rzecz Osad rolnych, w wielkiej Aleksandrowskiej sali ratuszowej w Warszawie*. Biblioteka Warszawska II, 1879, s. 143–153; KORZON, Tadeusz: *Kongres antropologiczny we Wrocławiu*. Ateneum IV, 1884, z. 4, s. 140.

²³ MAJEWSKI, Erazm: *Starożytni Słowianie na ziemiach dzisiejszej Germanii*. Warszawa: Księgarnia E. Wendego i S-ki, 1900; y.: *Nowe książki*. Tygodnik Ilustrowany, 1900, nr 8, s. 160.

²⁴ Fr. P.: *Nauka Polska*. Przegląd Tygodniowy, 1904, nr 11, s. 125. W artykule publicysta omawiał pracę KĘTRZYŃSKI, Wojciech: *O Słowianach mieszkających niegdyś między Renem a Łabą, Sałą i czeską granicą*. Kraków: Akademia Umiejętności, 1899.

²⁵ *Stosunek sił rasy sławiańskiej i germańskiej*. Przegląd Tygodniowy, 1875, nr 18, s. 211.

²⁶ Z.: *Powódz niemiecka*. Wędrowiec, 1885, nr 52, s. 616; DMOWSKI, Roman: *Ewolucja polityczna Polski*. Przegląd Narodowy, 1914, nr 2, s. 170–183.

²⁷ NAAKE-NAKĘSKI, Adam: *Sąsiedzi narodów sławiańskich*. Zarysy historyczno-etnograficzne. Przegląd Tygodniowy, 1876, nr 29, s. 342.

²⁸ *Pangermanizm i Pansłowianizm*. Przegląd Tygodniowy, 1876, nr 31, s. 362.

dane świadczyły o wyższości Niemców nad Polakami. Inne dane demograficzne również miały przemawiać na korzyść „rasy niemieckiej”²⁹. Zwracano jednak uwagę, że owa niższość Polaków zależna była od czynników obiektywnych: antypolskiej polityki zaborców oraz biedy, niedożywienia i braku dbałości o higienę. Polepszenie warunków życia powinno w przyszłości pozytywnie wpłynąć na „rasę”, dodać jej wytrzymałości. Publicysta nie był jednak optymistą. Przedstawił swe przekonania na temat właściwości rasowych w ogóle:

„...narody i plemiona nie nabierają z taką łatwością nowych przymiotów i nie tracą swych cech charakterystycznych tak fizycznych jak i moralnych. Zapewne, że niesprzyjające okoliczności grają rolę, ale bardzo podrzędną, a rasowe przymioty przechowują się z takim uporem, że nie tylko wiek ale i tysiące lat niewiele stosunkowo zmian przynoszą”³⁰.

Tę opinię można uznać za potwierdzenie tych teorii, które w samej rasie upatrywały czynnika determinującego dzieje narodów. Jest to o tyle istotne, iż myślenie poprzez pryzmat przyrodzonych i niezmiennych cech rasowych zdołało się głęboko zakorzenić. Relacje niemiecko-polskie oceniane były podobnie do tych jakie wytworzył kolonializm pomiędzy europejskimi zdobywcami a krajowcami podbijanych lądów. To Niemcy

„...ucywiliźowali zabrane ziemie polskie, założyli tam szkoły, banki i biblioteki, przecięli cały kraj siecią wybornych kolei żelaznych i dróg bitych, dali wzory doskonałego gospodarstwa rolnego i przemysłowego [...], podnieśli i upiększyli miasta. W oczach Niemców [...], zdobycze ich są synonimem „kultury”, germanizacja równa się dobrodziejstwu [...]"³¹.

Na przełomie XIX i XX w. coraz częściej informowano o argumentacji rasowej jaką stosowali Niemcy, by udowodnić swą wyższość oraz słuszość okazywania siły w walce ze Słowiańszczyzną. Historyk niemiecki Theodor Mommsen miał radzić Niemcom austriackim: „...bądźcie twardzi! ... Rozum nie trafia do czaszek słowiańskich, ale na uderzenie pałki są one zawsze wrażliwe”³². Tworzono teorie, które miały potwierdzić niższość Polaków. Jedną z nich, autorstwa anonimowego niemieckiego „uczonego” wyjaśniała ten fakt następująco:

²⁹ *Stosunek sił rasy sławiańskiej i germańskiej*. Przegląd Tygodniowy, 1875, nr 18, s. 212.

³⁰ *Ibidem*, s. 213.

³¹ LUTOMSKI, Bolesław: *My a Niemcy*. Tygodnik Ilustrowany, 1907, nr 25, s. 503.

³² PLAIN TRUTH: *Na szerokim świecie*. Wędrowiec, 1897, nr 49, s. 972.

„...w starożytnych czasach nad Wisłą, Pilicą i Bugiem mieszkali Galowie, Burgundowie i inne plemiona germańskie. W czasie wędrówek narodów plemiona owe zostały częściowo wyparte przez naród pochodzenia turańskiego. Nowoprzybyły ten naród wytworzył mieszaną ludność turańsko-gotycką [turańsko-gocką – K. W.], która wobec czystych Germanów uważana była za „zgałganiałą” i zajmowała stanowisko poddanych i parobków. Na zachodzie ludność ta była więcej gotycką, a zatem „więcej szlachetną”. [...] Czystej rasy Germanowie rządząli krajem [...]”³³

Polski publicysta ironicznie skomentował tę teorię, stwierdzając, że również łatwo można by wykazać, że Niemcy to „zgałgani” Słowianie³⁴.

Rzadko i z opóźnieniem rozważano koncepcje rasowe Arthura de Gobineau, Houstona Stewarta Chamberlaina i Ludwiga Woltmanna. Żadnej z ich prac nie przetłumaczono na język polski. Prawdopodobnie wynikało to z faktu, że nie brano wówczas na poważnie treści przez nich upowszechnianych. O Chamberlain'ie np. pisano:

„...sądząc tego pisarza z prac, uważać go za coś seryo, byłoby dla niego wielkim pochlebstwem, nie jest to bowiem ani historyk, ani myśliciel, lecz niczem nie stropiony dyletant. [...] [Jego – K. W.] książka [...] tem niemniej została w Niemczech przyjętą jako niewyczerpany skarbiec mądrości i rozeszła się w niesłychanej liczbie egzemplarzy [...]”³⁵

Podobnie Bolesław Prus krytycznie odniósł się do niemieckich teorii rasowych. Uważał je za niemające potwierdzenia w rzeczywistości. Oburzał go niemiecki egoizm, nienawiść i pogarda dla zasad moralnych³⁶. Niemieckie koncepcje wywarły wpływ na ocenę antropologii jako nauki. Dla Wilhelma Feldmana podważały one jej autorytet, gdyż sprowadzały dzieje jedynie do walki między krótko- a długogłowcami i w „duchu germańskim” upatrywały siły napędowej dla rozwoju Europy³⁷.

³³ PLAIN TRUTH: *Na szerokim świecie. Zadziwiające odkrycie*. Wędrowiec, 1901, nr 46, s. 916.

³⁴ Ibidem.

³⁵ REYCH, Emil: *Niemcy współczesne*. Warszawa: Edward Nicz i s-ka, 1909, s. 17–18.

³⁶ PRUS, Bolesław: *Niemcy współczesne*. Tygodnik Ilustrowany, 1909, nr 15, s. 288.

³⁷ FELDMAN, Wilhelm: *Czy się odradzamy*. Krytyka II, 1909, s. 74; GUMPLOWICZ, Ludwik: *Nieco o „rasologii” niemieckiej*. Przegląd Historyczny, 1905, nr 3, s. 291–305.

Zakończenie

Wiek XX zaostrzył tarcia między narodami w Europie. Ich źródło definiowano jako „...dążenie do przewagi narodowej, do ekspansji rasowej, kulturalnej, językowej.” Przejawiało się ono w pangermanizmie, ale także w panslawizmie i panamerykanizmie. „Różniły się one między sobą jedynie metodami, zależnymi od stopnia cywilizacji, ducha rasy i okoliczności politycznych”³⁸. W czasie wojny zastanawiano się nad barbarzyństwem dokonywanym przez państwo niemieckie. Władysław Jabłonowski pisał:

„Wszystko to płynie [...] z idei niezachwianej, tak jedynej, wyłącznej, że się stała wiarą, podstawą całego życia duchowego, kultem i ideałem narodowym. Ideą tą jest przekonanie o pierwszeństwie rasy germańskiej, o przedniości krwi niemieckiej, o tym, że wszystko, co nie jest tą rasą i tą krwią, jest nikczemnem i upośledzonym, niezdolnem do wytwarzania kultury istotnej, wyższych postaci życia w człowieczeństwie. Rasie germańskiej przeto należy się z prawa naturalnego, boskiego, panowanie nad tem wszystkim, nad temi grupami ludzkimi, które do niej nie należą; kultura germańska, jako jedynie prawdziwa, winna panować nad wszelkimi innymi, pozbawionymi z góry wartości i mocy twórczej”³⁹.

Taką świadomość wpojono w przeciętnego Niemca. Istotna stała się powszechność tych zapatrywań, społeczna chęć zaspokojenia poczucia wyższości. Choć rozważania niemieckich teoretyków rasizmu były uznawane za nieuzasadnione okazywało się, że nie ma to znaczenia. Powstała idea, która owładnęła narodem niemieckim. Torowano drogę dla zrealizowania mistycznego posłannictwa, by ostatecznie dominująca stała się wyższa „niemiecka rasa”. Był to proces długotrwały, którego nic można było dostrzec dopiero z perspektywy czasu, łącząc w jedną ideę myśli uczonych niemieckich: filozofów, socjologów i antropologów począwszy od XIX w., a później polityków i publicystów. Do przyszłej „Civitas germanica” włączeni mieli zostali tylko uprzywilejowani, należący do „czystej rasy germańskiej”. Dla pozostałych przewidywano podrzędne stanowisko⁴⁰. W ten sposób rasa jako wartość bardzo problematyczna miała zadecydować o rozwoju bądź upadku narodów.

³⁸ JABŁONOWSKI, Władysław: *Okrucieństwo Niemców w świetle pierwszeństwa ich rasy i cywilizacji*. Tygodnik Ilustrowany, 1914a, nr 43, s. 718.

³⁹ Ibidem.

⁴⁰ JABŁONOWSKI, Władysław: *Okrucieństwo Niemców w świetle pierwszeństwa ich rasy i cywilizacji*. Tygodnik Ilustrowany, 1914b, nr 44, s. 728.

Bibliografia – References:

Źródła

- BLUMENBACH, Johann F.: *De generis humani varietate nativa*. Gottingae: Vandenhoeck et Ruprecht, 1775.
- BOGACKI, Feliks: *Tajemnice życia duszy*. Prawda, 1881, nr 11, s. 125–126.
- BRÜCKNER, Aleksander: *Dzieje języka polskiego*. Warszawa: Instytut Wydawniczy „Biblioteka Polska”, 1925.
- BUSZCZYŃSKI, Stefan: *Cywilizacja niemiecka na ziemiach polskich*. In: Sobótka. Księga zbiorowa na uczczenie pięćdziesięcioletniego jubileuszu Seweryna Goszczyńskiego. Lwów: Gubrynowicz i Schmidt, 1875, s. 272–304.
- COURTENAY, Jan Baudouin de: *O panslawizmie platonicznym*. Krytyka II, 1903, s. 97–111.
- CUVIER, Georges: *Le règne animal distribué d’après son organisation: pour servir de bases à l’histoire naturelle des animaux, et d’introduction à l’anatomie comparée*. Paris: Fortin, Masson et Cie Libraires, 1817, pp. 81–100.
- DARWIN, Charles: *O pochodzeniu człowieka*. Kraków: Wydawnictwo „Kraju”, [1871] 1874.
- DMOWSKI, Roman: *Ewolucja polityczna Polski*. Przegląd Narodowy 1914, nr 2, s. 170–183.
- FELDMAN, Wilhelm: *Czy się odradzamy*. Krytyka II, 1909, s. 73–80.
- Fr. P.: *Nauka Polska*. Przegląd Tygodniowy, 1904, nr 11, s. 126–127.
- GLOGER, Zygmunt: *Obrazy z zamierzchłych dziejów. Odczyt na rzecz Osad rolnych, w wielkiej Aleksandrowskiej sali ratuszowej w Warszawie*. Biblioteka Warszawska T. II, 1879, s. 143–153.
- GUMPLOWICZ, Ludwik: *Nieco o „rasologii” niemieckiej*. Przegląd Historyczny, 1905, nr 3, s. 291–305.
- HERTZ, Karol: *Wychowawcy Teutonów*. Przegląd Tygodniowy, 1902, nr 34, s. 418–419.
- JABŁONOWSKI, Władysław: *Okrucieństwo Niemców w świetle pierwszeństwa ich rasy i cywilizacji*. Tygodnik Ilustrowany, 1914a, nr 43, s. 718.
- JABŁONOWSKI, Władysław: *Okrucieństwo Niemców w świetle pierwszeństwa ich rasy i cywilizacji*. Tygodnik Ilustrowany, 1914b, nr 44, s. 728.
- KĘTRZYŃSKI, Wojciech: *O Słowianach mieszkających niegdyś między Renem a Łabą, Sałą i czeską granicą*. Kraków: Akademia Umiejętności, 1899.
- KORZON, Tadeusz: *Kongres antropologiczny we Wrocławiu*. Ateneum IV, 1884, z. 4, s. 138–152.
- KRZYWICKI, Ludwik: *Kurs systematyczny antropologii. I. Rasy fizyczne*. Warszawa: PWN, [1897] 1969.

- KRZYWICKI, Ludwik: *Ludy. Zarys antropologii etnicznej*. Warszawa: PWN, [1893] 1969.
- LINNEAUS, Carolus: *Systema naturae per regna tria naturae, secundum classes, ordines, genera, species, cum characteribus, differentiis, synonymis, locis*. Holmiae: Impensis Direct. Laurentii Salvii, 1735–1770.
- LUTOMSKI, Bolesław: *My a Niemcy*. Tygodnik Ilustrowany, 1907, nr 25, s. 503.
- LUTOSŁAWSKI, Wincenty: *Charakterystyka narodu polskiego*. In: LUTOSŁAWSKI, Wincenty: *Posłannictwo polskiego narodu*, Warszawa: Rój, [1907] 1939, s. 71–81.
- LUTOSŁAWSKI, Wincenty: *Ludzkość odrodzona*. Warszawa: Gebethner i Wolff, 1910.
- MAJEWSKI, Erazm: *Starożytni Słowianie na ziemiach dzisiejszej Germanii*. Warszawa: Księgarnia E. Wendego i S-ki, 1900.
- NAAKE-NAKĘSKI, Adam: *Sąsiedzi narodów słowiańskich. Zarysy historyczno-etnograficzne*. Przegląd Tygodniowy 1876, nr 29, s. 341–344.
- PLAIN TRUTH: *Na szerokim świecie*. Wędrowiec, 1897, nr 49, s. 971–972.
- PLAIN TRUTH: *Na szerokim świecie. Zdziwiający odkrycie*. Wędrowiec, 1901, nr 46, s. 916.
- POPŁAWSKI, Jan Ludwik: *Nasza sprawa*. In: POPŁAWSKI, Jan Ludwik: *Pisma polityczne*. T. I. Warszawa: Gebethner i Wolff, [1897] 1910.
- PRUS, Bolesław: *Niemcy współczesne. Kronika Tygodniowa*. Tygodnik Ilustrowany, 1909, nr 15, s. 288–289.
- REYCH, Emil: *Niemcy współczesne*. Warszawa: Edward Nicz i S-ka, 1909.
- Stosunek sił rasy sławiańskiej i germańskiej*. Przegląd Tygodniowy, 1875, nr 18, s. 211–213.
- VIRCHOW, Rudolf: *Pierwotna ludność Europy. Odczyt*. Przyroda i Przemysł, 1875, nr 6, s. 65–66.
- W. Sz.: *Waga mózgu a inteligencja*. Wszechświat, 1903, nr 21, s. 316.
- WEYSENHOFF, Józef: *Dusza pruska*. Tygodnik Ilustrowany, 1909, nr 51, s. 1070–1071.
- y.: *Nowe książki*. Tygodnik Ilustrowany, 1900, nr 8, s. 160.
- Z.: *Powódź niemiecka*. Wędrowiec, 1885, nr 52, s. 616–617.

Opracowania

- GAWIN, Magdalena: *Rasa i nowoczesność. Historia polskiego ruchu eugenicznego (1880–1952)*. Warszawa: Nerition, 2003.
- GÓRNY, Maciej: *Wielka Wojna profesorów. Nauki o człowieku (1912–1923)*. Warszawa: Instytut Historii PAN, 2014.

- LANDES, David S.: *Bogactwo i nędza narodów. Dlaczego jedni są tak bogaci, a inni tak ubodzy*. Warszawa: Muza, Warszawskie Wydawnictwo Literackie, 2023.
- MICHALSKI, Maciej: *Dawni Słowianie w tradycji polskiej pierwszej połowy XIX wieku: W poszukiwaniu tożsamości wspólnotowej*. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 2013.
- MINCER, Tadeusz: *Kulturowe pojęcie rasy*. *Studia Kulturoznawcze XIV*, 2012, nr 1, s. 115–128.
- MYŚLIŃSKI, Jerzy: *Prasa polska w dobie popowstaniowej*. In: ŁOJEK, Jerzy, MYŚLIŃSKI, Jerzy, WŁADYKA, Wiesław: *Dzieje prasy polskiej*. Warszawa: Wydawnictwo Interpress, 1988, s. 48–89.
- POMIAN, Krzysztof: *Europa i jej narody*. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1992.
- TYRAŁA, Radosław: *O jeden takson za dużo. Rasa jako kategoria społecznie problematyczna*. Warszawa: Oficyna Naukowa, 2005.
- WIELGOSZ, Przemysław: *Gra w rasy. Jak kapitalizm dzieli, by rządzić*. Kraków: Wydawnictwo Karakter, 2021.
- WRZESIŃSKA, Katarzyna: *Termin rasa i jego synonimy w polskiej refleksji naukowej i popularnonaukowej w latach 1864–1918*. *Studia z Filologii Polskiej i Słowiańskiej*. [online], nr 56, article 2041 [cit. 2022-12-10]. <https://doi.org/10.11649/sfps.2041>.

Katarzyna Wrzesińska

Dr hab., prof., Associate Professor, Institute of Slavic Studies, Polish Academy of Sciences, Jaracza 1, 00-378 Warszawa, Poland

katarzyna.wrzesinska@ispan.edu.pl

ORCID 0000-0002-5533-5540

А. С. Пушкин о ценностях народов Кавказа

Эка Георгиевна Вардошвили

Абстракт

Интерес к Кавказу и Грузии Пушкин проявляет в 20-х годах XIX века. Из его писем видно, что Пушкин хорошо разбирается в геополитическом положении Кавказа и точно определяет его роль в торговых отношениях между Европой и Азией. Хотим заметить, что в своем творчестве поэт неоднократно говорит о красоте грузинских и черкесских женщин. Видимо, эта традиция характерна как для европейской, так и для русской литературы. Говоря о ценностях народов Кавказа в творчестве Пушкина, важно упомянуть и его очерк «Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года». «Путешествие в Арзрум» важно не только с точки зрения изучения биографии писателя, в нем мы находим описание бытовых и обрядовых сцен народов, проживающих на Кавказе, а также историко-этнографические пояснения. Пушкин много времени уделяет теме Грузии. О ценностях народов Кавказа Пушкин говорит в своих поэмах, лирических стихах и в прозе. Рассказывает о культурных, исторических и этнографических ценностях народов Кавказа. Тема Кавказа в творчестве Пушкина занимает особое место.

Ключевые слова: Кавказ; Грузия; Пушкин; ценности; материальные ценности; духовные ценности

A. S. Pushkin on the Values of the Caucasian Peoples

Abstract

Pushkin shows interest in Caucasus and Georgia in the 20s of the XIX century. His letters show that Pushkin knows well geopolitical location of the Caucasus and accurately identifies the role of the Caucasus in trade relations between Europe and Asia. In general, we would like to note that in his works the poet repeatedly speaks of the beauty of Georgian and Circassian women, it seems that this tradition is characteristic of both European and Russian literature. Speaking of the values of the Caucasian people in Pushkin's work, his work *A Journey to Arzrum* is also important. The work is important not only in terms of studying the biography of the writer, but here we find a description of the household and ceremonial scenes of the peoples of the Caucasus, historical and ethnographic explanations. The poet devotes especially a lot of time to the

topic of Georgia. Pushkin tells us about the values of the Caucasian peoples in his lyrical verses, poems and prose. He speaks of the cultural, historical and ethnographic values of the Caucasian peoples. The topic of the Caucasus has a special place in the work of the writer.

Key words: Caucasus; Georgia; values; spiritual values; material values

Интерес к Кавказу и Грузии Пушкин проявляет в 20-х годах XIX века. В 1820 году он пишет своему брату Льву:

«Два месяца жил я на Кавказе; воды мне были очень нужны и чрезвычайно помогли, особенно серные горячие [...] Кавказский край, знойная граница Азии, любопытен во всех отношениях. Ермолов наполнил его своим именем и благотворным гением. Дикие черкесы напуганы; древняя дерзость их исчезает. Дороги становятся час от часу безопаснее, многочисленные конвои — излишними. Должно надеяться, что эта завоеванная сторона, до сих пор не приносившая никакой существенной пользы России, скоро сблизит нас с персиянами безопасною торговлею...»¹

Из письма видно и то, что Пушкин хорошо разбирается в геополитическом положении Кавказа и точно определяет его роль в торговых отношениях между Европой и Азией.

На наш взгляд, в творчестве Пушкина тема Кавказа и Грузии включает в себя два этапа. Первый период — это 1820–1828 годы; второй — с 1829 года, когда он сам приехал в Грузию.

Следует отметить, что Кавказ стал источником вдохновения для многих русских классиков XIX века, таких как Пушкин, Лермонтов, Грибоедов, Толстой и др.

«Кавказский пленник» хронологически является первой поэмой Пушкина; важно также, что в нем появляются темы Кавказа и Грузии. Произведение относится к ряду лирико-эпических поэм; её также называли «байронической поэмой».

В поэме показано стремление личности к свободе. Завораживает и образ черкесской женщины.

В поэме Пушкин впечатляюще описывает природу Кавказа, быт и нравы черкесов:

¹ PUŠKIN, Aleksandr: *Sočinenija*. Sankt-Peterburg: Knigopečatnaja Šmidt, 1907, s. 1501.

*«Но европейца все вниманье
Народ сей чудный привлекал.
Меж горцев пленник наблюдал
Их веру, нравы, воспитанье,
Любил их жизни простоту,
Гостеприимство, жажду брани,
Движений вольных быстроту,
И легкость ног, и силу длани...»²*

Грузия впервые появляется в поэме, когда черкешенка поет пленнику:

*«Поет ему и песни гор,
И песни Грузии счастливой,
И памяти нетерпеливой
Передает язык чужой.»³*

В песне видна счастливая Грузия. Мы думаем, что именно такой Пушкин хочет представить себе Грузию, однако в пояснениях к поэме он отмечает:

«Счастливым климат Грузии не вознаграждает сию прекрасную страну за все бедствия, вечно ею претерпеваемые. Песни грузинские приятны и по большей части заунывны. Они славят минутные успехи кавказского оружия, смерть наших героев: Бакунина и Цицианова, измены, убийства — иногда любовь и наслаждения.»⁴

В эпилоге поэмы мы видим образ мстительной грузинки.

Отметим, что образ мстительной грузинки можно найти и в поэме «Бахчисарайский фонтан», написанной в 1821–1823 годах.

В поэме Зарема рассказывает о своем происхождении:

*«Я помню горы в небесах,
Потоки жаркие в горах,
Непроходимые дубравы,
Другой закон, другие нравы...»⁵*

² ПУШКИН, Александр: *Kavkazskij plennik*. In: ПУШКИН, Александр: *Sočinenija v trech tomach*. T. 2. Moskva: Chudožestvennaja literatura, 1985, s. 9.

³ Ibidem, c. 8.

⁴ Ibidem, c. 22.

⁵ ПУШКИН, Александр: *Bachčisarajskij fontan*. In: ПУШКИН, Александр: *Sočinenija v trech tomach*. T. 2. Moskva: Chudožestvennaja literatura, 1985, s. 56.

Пушкин настолько выразительно изобразил в своей поэме образ мстительной грузинки, думается, что он знаком с древнегреческим мифом об аргонавтах, где, согласно Еврипиду, колхидская царевна Медея убивает двух своих сыновей с целью отомстить мужу Язону. Отметим, что образ Медеи стал парадигмой в мировой литературе.

В 1826 году Пушкин пишет стихотворение «Ответ Ф. Т. ***». В некоторых изданиях, например, в полном собрании сочинений Пушкина, изданном в Санкт-Петербурге в 1907 году, название произведения даётся полностью: «Ответ Ф. А. Туманскому». Как указывается в научной литературе, речь идет о С. Ф. Пушкиной, однофамилице поэта, с которой он познакомился в Москве.

*«Нет, не черкешенка она;
Но в доли Грузии от века
Такая дева не сошла
С высот угрюмого Казбека.
Нет, не агат в глазах у ней,
Но все сокровища Востока
Не стоят сладостных лучей
Ее полуденного ока».⁶*

В стихотворении, при изображении женской красоты, прослеживаются восточные тенденции. Поэт превозносит красоту предмета своего вдохновения и считает ее более привлекательной, чем грузинские и черкесские женщины.

Хотим заметить, что в своем творчестве поэт неоднократно говорит о красоте грузинских и черкесских женщин. Видимо, эта традиция характерна как для европейской, так и для русской литературы.

Говоря о теме Кавказа и Грузии в творчестве Пушкина, важно упомянуть и его очерк «Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года».

5 марта 1829 года от военного губернатора Петербурга Пушкин получил дорожную карту в направлении Тифлиса. 1 мая 1829 года Пушкин, фактически без разрешения правительства, выехал из Москвы на юг. 12 мая генерал Паскевич поручает военному губернатору Тифлиса Стрекалову обеспечить должный надзор за Пушкиным сразу по прибытии его в Грузию.

⁶ PUŠKIN, Aleksandr: *Otvet F. T. ****. In: PUŠKIN, Aleksandr: *Sočinenija v trech tomach*. T. 1. Moskva: Chudožestvennaja literatura, 1985, s. 387.

Предисловие к «Путешествию в Арзрум» носит полемический характер и адресовано французскому дипломатическому агенту и политическому писателю на Востоке Виктору Фонтанье, опубликовавшему в 1834 году в Париже свою книгу «Путешествие на Восток». Это произведение дало Пушкину своеобразный толчок к написанию собственного сочинения в 1835 году.

Здесь хотелось бы отметить, что основой для произведения послужили дорожные дневники поэта, а также он использовал разные произведения и научные работы о Грузии, изданные на русском и иностранных языках.

Пушкин старается подробно описать период путешествия. Ему предстояло пройти через Курск и Харьков, но он выбрал дорогу прямо в Тифлис. В Новочеркасске он встретился с графом В. А. Мусиным-Пушкиным, который тоже направлялся в Тифлис, и они решили ехать вместе. Пушкин отмечает, что

«переход от Европы к Азии делается час от часу чувствительнее: леса исчезают, холмы сглаживаются, трава густеет и являет большую силу растительности; показываются птицы, неведомые в наших лесах; орлы сидят на кочках, означающих большую дорогу, как будто на страже, и гордо смотрят на путешественников...»⁷

Стоит отметить, что и в прозе, и в поэзии Пушкин много времени уделяет описанию картин природы, как одного из источников своего вдохновения.

По дороге ему встретится калмыцкая деревня, которая не вызывает у поэта особого восхищения, однако его внимание привлекает молодая калмычка. В том же 1829 году Пушкин пишет своё прекрасное стихотворение «Калмычке», а в очерке отмечает: «... я поскорее выбрался из кибитки и поехал от степной Цирцеи».⁸

Из Георгиевска он едет на Горячие воды, говорит о важности этих вод, а на следующий день посещает Екатериноград, откуда, по его словам, начинается Военно-Грузинская дорога. Первое значимое место для него — крепость Минарет:

⁷ PUŠKIN, Aleksandr: *Putešestvije v Arzrum*. In: PUŠKIN, Aleksandr: *Sočinenija v trech tomach*. T. 3. Moskva: Chudožestvennaja literatura, 1986, s. 373.

⁸ Ibidem, c. 374.

*«Приближаясь к ней, наш караван ехал по прелестной долине между курганами, обросшими липой и чинаром. Это могилы нескольких тысяч умерших чумою. Пестрелись цветы, порожденные зараженным теплом. Справа сиял снежный Кавказ; впереди возвышалась огромная, лесистая гора; за нею находилась крепость».*⁹

Во время путешествия Пушкин много времени уделяет описанию прекрасной природы Кавказа, но не упускает из виду ни одного важного пункта. Акцентируя внимание на Татартубе, он отмечает, что в настоящее время он разорён, хотя некогда был главным в Большой Кабарде.

Пушкин много говорит о черкесах. Подчеркивает политику России на Кавказе и фактически сочувствует черкесам. Он пишет:

*«Черкесы нас ненавидят. Мы вытеснили их из привольных пастбищ; аулы их разорены, целые племена уничтожены... Дружба мирных черкесов ненадежна: они всегда готовы помочь буйным своим единоплеменникам».*¹⁰

Пушкин также говорит и о нравах и обычаях черкесов, затрагивает он и вопрос вероисповедания

*«Черкесы очень недавно приняли магометанскую веру. Они были увлечены деятельным фанатизмом апостолов Корана, между коими отличался Мансур, человек необыкновенный, долго возмущавший Кавказ против русского владычества, наконец схваченный нами и умерший в Соловецком монастыре. Кавказ ожидает христианских миссионеров».*¹¹

Затем Пушкин приезжает во Владикавказ, окруженный осетинскими аулами. Описывает сцену погребения, оплакивание умерших, однако, многое ему кажется необычным. Он говорит об осетинах: «Осетинцы самое бедное племя из народов, обитающих на Кавказе; женщины их прекрасны...».¹²

⁹ Ibidem, с. 375.

¹⁰ Ibidem, с. 376.

¹¹ Ibidem, с. 377.

¹² Ibidem.

До Ларса он в основном идёт пешком. Величественная природа, грохот Терека, утёсы скал вызывают в нем большой интерес несмотря на то, что его предупреждают, что идти пешком здесь опасно.

В Ларсе Пушкин уже на территории Грузии. Он ночует здесь. Затем встречает французского путешественника, который предупреждает о трудной дороге и советует оставить карету в Коби и продолжить путь верхом. Вместе с французом он впервые пьёт кахетинское вино. Здесь же вспоминает свою поэму «Кавказский пленник», еще раз перечитывает рукопись и отмечает: «Здесь нашел я измаранный список «Кавказского пленника» и, признаюсь, перечел его с большим удовольствием. Все это слабо, молодо, неполно; но многое угадано и выражено верно».¹³

Проезжает через пост Дарьял и через Дарьяльское ущелье спускается в деревню Казбеги. «Деревня Казбек находится у подошвы горы Казбек и принадлежит князю Казбеку. Князь, мужчина лет сорока пяти... Мы нашли его в духане...».¹⁴ Этим человеком был правитель Хевии Михаил Казбеги, отец известного писателя XIX века Александра Казбеги. В Казбеги Пушкин встречается с персидским принцем Фазиль-Ханом. Затем они прибывают в Коби. Пушкин пишет:

*«Пост Коби находится у самой подошвы Крестовой горы, чрез которую предстоял нам переход... Дорога шла через обвал, обрушившийся в конце июня 1827 года... Мы круто подымались выше и выше. Лошади наши вязли в рыхлом снегу... Я с удивлением смотрел на дорогу и не понимал возможности езды на колесах. В это время услышал я глухой грохот. „Это обвал“, — сказал мне г. Огарев».*¹⁵

Они поднимаются на самую высокую вершину Крестового перевала. Здесь стоял гранитный крест, старый памятник, обновленный Ермоловым. Внимание Пушкина привлекает Кайшаурская долина и река Арагви. Они ночуют на берегу Арагви, в доме г. Чилиева, а утром отправляются в Тифлис.

Здесь следует обратить внимание на следующие вопросы: увиденное и пережитое поэт передал в своих стихах «Обвал», «Монастырь на Казбеке», «Кавказ» и др.

Второе: после перехода через Крестовый перевал Пушкин пишет: «Мгновенный переход от грозного Кавказа к миловидной Грузии восхи-

¹³ Ibidem, с. 378.

¹⁴ Ibidem, с. 379.

¹⁵ Ibidem, с. 380–381.

тителен».¹⁶ В данном случае Пушкин даёт ошибочное объяснение того, где начинается Грузия. На самом деле, когда он находится в долине Ларси, он уже в Грузии. Он проходит через Пасанаури и прибывает в Ананури, где встречает Хозрев-Мирзу. Здесь он рассказывает и о нападении горцев. Он минует Ананури и Душети и продолжает путь в Тифлис.

27 мая 1829 года Пушкин прибыл в Тифлис. Он рассказывает об этом следующим образом:

*«Я остановился в трактире, на другой день отправился в славные тифлисские бани. Город показался мне многолюден. Азиатские строения и базар напомнили мне Кишинев. По узким и кривым улицам бежали ослы с перекидными корзинами; арбы, запряженные волами, перегорожали дорогу. Армяне, грузины, черкесы, персияне теснились на неправильной площади; между ими молодые русские чиновники разъезжали верхами на карабахских жеребцах».*¹⁷

Таким Пушкин рисует Тифлис, это его первое впечатление. Интересно, что пишут о Тифлисе европейские путешественники.

Знаменитый французский путешественник XVII века Жан Шарден в своём сочинении «Путешествие Жана Шардена в Персию и другие страны Востока» пишет о Грузии:

*«Здесь имеешь право жить по своим обычаям и со своим вероисповеданием, рассуждать о нем и защищать его... В Грузии встречаются армяне, греки, турки, персы, индусы, татары, московиты и европейцы».*¹⁸

В своей книге «Кавказ» А. Дюма пишет:

«Истинное название Тифлиса — „Тбили-калаки“, т. е. Теплый город. Это название происходит от теплых вод, благодаря которым путешественникам известны те знаменитые персидские бани... В эпоху, когда начинается христианская эра, Тифлис был только деревней

¹⁶ Ibidem.

¹⁷ Ibidem, с. 383.

¹⁸ ŠARDEN, Žan: *Putešestvije Žana Šardena v Persiju i drugije strany Vostoka*. Tbilisi: Mecnijereba, 1975, s. 298.

*Мцхет, столицей Грузии; но в 469 году царь Вахтанг Гургаслан, „волк-лев“, заложил город Тбилиси — мать нового Тифлиса».*¹⁹

Пушкин рассказывает нам о климате Грузии, её природных условиях, характере грузин, их нравах и обычаях:

«Они вообще нрава веселого и общежительного. По праздникам мужчины пьют и гуляют по улицам. Черноглазые мальчики поют, прыгают и кувыркаются; женщины пляшут лезгинку.

*Голос песен грузинских приятен. Мне перевели одну из них слово в слово».*²⁰

Здесь речь идет о стихотворении Дмитрия Иосифовича Туманишвили «Ахал Агнаго».

*«Из семи строф песни Пушкин перевел первую, вторую, третью и шестую строфы. В правом углу рукописи есть рисунки, выполненные рукой Пушкина. На одной из них изображена грузинка в национальной одежде».*²¹

В личном архиве Пушкина среди бумаг были обнаружены грузинский текст песни и её дословный русский перевод. Песню поэт озаглавил как «Весенняя песня».

Пушкин также говорит о грузинском вине:

*«Грузины пьют не по-нашему и удивительно крепки... Кахетинское и карабахское стоят некоторых бургонских. Вино держат в маранах, огромных кувшинах, зарытых в землю».*²²

Рассуждая об архитектуре города, поэт отмечает, что здесь преобладает азиатский стиль, хотя в северной части города можно найти образцы европейской архитектуры.

¹⁹ DJUMA, Aleksandr: *Kavkaz*. Tbilisi: Mecnijereba da Chelovneba, 1964, s. 334.

²⁰ PUŠKIN, Aleksandr: *Putešestvije v Arzrum*. In: PUŠKIN, Aleksandr: *Sočinenija v trech tomach*. T. 3. Moskva: Chudožestvennaja literatura, 1986, s. 385.

²¹ JENIKOLOPOV, Ivan: *Puškin v Gruzii*. Tbilisi: Sabčota Sakartvelo, 1958, s. 79.

²² PUŠKIN, Aleksandr: *Putešestvije v Arzrum*. In: PUŠKIN, Aleksandr: *Sočinenija v trech tomach*. T. 3. Moskva: Chudožestvennaja literatura, 1986, s. 386.

Грузинские деревни не кажутся Пушкину очаровательными. Перейдя гору Безобдал, он уже оказывается в Армении. Он пересекает реку возле крепости Гергеры, и здесь встречает странников. «Два вола, впряженные в арбу, подымались по крутой дороге. Несколько грузин сопровождали арбу. «Откуда вы?» — спросил я их. «Из Тегерана». — «Что вы везете?» — «Грибоедова». Это было тело убитого Грибоедова, которое препровождали в Тифлис»,²³ — пишет Пушкин. Он довольно много говорит о Грибоедове. Мы считаем, что эта часть произведения важна для русского литературоведения.

Сведения о его путешествии по Армении довольно скудные. По пути он встречает армянского попа, который едет из Эривани в Ахалцихе. Гора Арарат производит на него большое впечатление:

*«Жадно глядел я на библейскую гору, видел ковчег, причаливший к ее вершине с надеждой обновления и жизни — и врана и голубицу, излетающих, символы казни и примирения...».*²⁴

Он спускается к Апрачаю, на границу, что вызывает в нем большое волнение. Он пишет:

*«Граница имела для меня что-то таинственное... Долго вел я потом жизнь кочующую, скитаясь то по югу, то по северу, и никогда еще не вырывался из пределов необъятной России».*²⁵

Пушкин возвращается назад и 1 августа прибывает в Тифлис, где остается на несколько дней.

*«В Тифлис я прибыл 1-го августа. Здесь остался я несколько дней в любезном и веселом обществе. Несколько вечеров провел я в садах при звуке музыки и песен грузинских».*²⁶

Он возвращается на родину через Военно-Грузинскую дорогу. В честь Пушкина грузинское общество устроило несколько застолий, хотя Пушкин дает об этом лишь скудные сведения. Во время одной из вечеринок, когда

²³ Ibidem, с. 388.

²⁴ Ibidem, с. 391.

²⁵ Ibidem, с. 391.

²⁶ Ibidem, с. 409.

*«европейский оркестр стал играть марш, подняли заздравный кубок за Пушкина, на русского тонквато надели венок из цветов, посадили в кресло и поддерживая плечами, с непрекращающимся возгласом «Ура» подняли вверх».*²⁷

Интересны также воспоминания К. И. Савостьянова. Современники отмечают, что во время таких встреч Пушкин не мог скрыть своего удовлетворения и восхищения.

Встаёт вопрос: почему не говорит Пушкин в «Путешествии в Арзрум» о своей поездке в Кахетию и Карагаджи, а также ни словом не упоминает грузинских писателей и общественных деятелей, которых он встречал в Грузии.

Во время поездки в Кахетию он, наверное, повидался с грузинским князем Александром Чавчавадзе, находившимся в это время на службе в Карагаджи. Однако, во введении к произведению, наряду с другими лицами, он все же упоминает грузинского князя (Le Prince Tsitsevaze...). Александр Чавчавадзе был первым грузинским поэтом-романтиком. Он родился в 1786 году в Петербурге и был крестником императрицы Екатерины II и великого князя Александра. Он перевёл стихи Пушкина «Цветок», «Анчар», «Сон», «Обвал», «Медный всадник» и другие. Кроме того, важно и то, что женой Грибоедова была его дочь Нино Чавчавадзе. В августе-сентябре 1828 года он участвовал в Русско-турецкой войне и взял Баязет. Интересны также воспоминания П. Г. Ханжонкова, из которых видно,

*«что Пушкин провел несколько дней в Карагадже и познакомился с поэтом Мирзаджаном Мадатовым, знакомым Грибоедова и Григола Орбелиани».*²⁸

Однако, он ничего не говорит ни о втором грузинском поэте-романтике Гр. Орбелиани, хотя последний перевел на грузинский язык многие его стихи. Например, «Подражание Пушкину» («Дар напрасный, дар случайный»), «Пир» (подражание Пушкину). Есть воспоминания современников Пушкина, в определенной мере оценивающих его сочинения.

²⁷ JENIKOLOPOV, Ivan: *Puškin v Gruzii*. Tbilisi: Sabčota Sakartvelo, 1958, s. 74.

²⁸ Ibidem, с. 69.

*«Одним из первых переводчиков Пушкина на грузинский язык был Теймураз Батонишвили. Можно с уверенностью сказать, что Теймураз лично знал Пушкина через семью Абамелека».*²⁹

Это можно объяснить тем, что Пушкин написал «Путешествие...» через несколько лет после поездки на Кавказ и в Грузию, а именно в 1835 году. В 1832 году в Грузии произошел знаменитый заговор против России, в котором были замешаны почти все писатели и общественные деятели. Многие из них были арестованы, некоторые сосланы. Видимо, Пушкин избегал говорить о них в своём произведении.

Грузинские классики XIX века с большим интересом знакомились с творчеством Пушкина, переводили его и знакомили с ним грузинское общество. Такое отношение к поэту в Грузии сохраняется и сегодня.

«Путешествие в Арзрум» важно не только с точки зрения изучения биографии писателя, в нем мы находим описание бытовых и обрядовых сцен народов, проживающих на Кавказе, а также историко-этнографические пояснения. Пушкин много времени уделяет теме Грузии.

С 1829 года Пушкин создает ряд поэтических шедевров на тему Кавказа и Грузии. Многие из них были написаны именно после поездки в Грузию. Высокие непоколебимые горы Кавказа служат источником вдохновения для поэта.

Пушкин очарован Троицкой церковью Гергети и посвящает ей прекрасное стихотворение «Монастырь на Казбеке»:

*«Высоко над семью гор,
Казбек, твой царственный шатер
Сияет вечными лучами.
Твой монастырь за облаками,
Как в небе реющий ковчег,
Парит, чуть видный, над горами
Далекий, возделенный брег!
Туда б, сказав прости ущелью,
Подняться к вольной вышине!
Туда б, в заоблачную келью,
В соседство бога скрыться мне!..»*³⁰

²⁹ Ibidem, с. 138.

³⁰ PUŠKIN, Aleksandr: *Monastyr' na Kazbeke*. In: PUŠKIN, Aleksandr: *Sočinenija v trech tomach*. T. 1. Moskva: Chudožestvennaja literatura, 1985, s. 458.

Гергетская Троица, возвышающаяся на горе Казбек, является главной святыней мохевцев. Её окутанная таинственностью красота вызывает у поэта возвышенные чувства. Пушкин хочет обойти ледник, пройти сквозь верхнюю обитель облаков и поселиться рядом с Богом. Для него этот храм является символом спасения. Здесь просматривается фаустовская парадигма понимания мира. Мы думаем, что это первое впечатление поэта, когда он въезжает в Грузию.

Грузия часто привлекала внимание европейцев своей культурой и традициями. Многие иностранные авторы XVII–XIX веков рассказывают нам о Грузии. В своих произведениях они

*«выделяют основные приоритеты, определившие национальный характер грузин; это — историческое прошлое Грузии, грузинский язык и литература, место и роль христианства, географическое местоположение, нравы и обычаи, внешний вид грузин, социальный строй».*³¹

О ценностях народов Кавказа Пушкин говорит в своих поэмах, лирических стихах и в прозаическом произведении «Путешествие в Арзрум». Он создаёт особенные образы черкесских и грузинских женщин. Рассказывает о культурных, исторических и этнографических ценностях народов Кавказа. Тема Грузии и Кавказа в творчестве Пушкина занимает особое место.

Список использованных источников — References:

- DJUMA, Aleksandr: *Kavkaz*. Tbilisi: Mecnijereba da Chelovneba, 1964.
- JENIKOLOPOV, Ivan Konstantinovič: *Puškin v Gruzii*. Tbilisi: Sabčota Sakartvelo, 1958.
- PUŠKIN, Aleksandr: *Sočinenija*. Sankt-Peterburg: Knigopečatnaja Šmidt, 1907.
- PUŠKIN, Aleksandr: *Sočinenija v trech tomach*. Moskva: Chudožestvennaja literatura, 1985–1986.
- ŠARDEN, Žan: *Putešestvije Žana Šardena v Persiju i drugije strany Vostoka*. Tbilisi: Mecnijereba, 1975.
- VARDOŠVILI, Ėka: *Iz istorii gruzino-jevropejskich literaturnych vzaimosvjazej*. Tbilisi: Universal, 2022.

³¹ VARDOŠVILI, Ėka: *Iz istorii gruzino-jevropejskich literaturnych vzaimosvjazej*. Tbilisi: Universal, 2022, s. 5.

Eka Vardoshvili

Doctor of Philology, Associated Professor, Department of the History of New Georgian Literature, Faculty of Humanities, Ivane Javakhishvili Tbilisi State University, Chavchavadze ave. 1, Tbilisi 0179, Georgia

eka.vardoshvili@tsu.ge

ORCID 0000-0003-3107-753X

Vlastenectvo ako akademická hodnota¹

Oxana Blaškiv

Abstrakt

Článok sa zaoberá ideou vlastenectva ako akademickej hodnoty a tým, ako sa prejavuje v slovenských a poľských univerzitných románoch. Romány *Głowa. Powieść nocy zimowej* (2016) od Tadeusza Cegielského a *Legenda o języku* (2018) Pavla Rankova sa odohrávajú na rôznych miestach strednej Európy, v rôznom historickom čase a zobrazujú univerzitný život pod nadvládou Ruskej ríše a Sovietskeho zväzu. Spoločným motívom oboch románov je reakcia univerzitných komunit na politické udalosti ovplyvňujúce kultúrnu a sociálnu situáciu Poľska po roku 1795 a Československa po roku 1968. Zatiaľ čo Cegielského román zobrazuje vlasteneckú komunitu poľských vysokoškolákov a poľskú elitu, ktorá znáša provokácie vládnej moci, Rankovov román zobrazuje „zotročenú“ univerzitu, takmer plne podriadenú ideológii okupanta, s výnimkou malej skupiny študentov prvákov, ktorí študujú dejiny. V prípade oboch románov sa patriotizmus rovná úrovni akademickej hodnoty rozhodujúcej pre univerzity a prežitie národa.

Kľúčové slová: univerzitná próza; akademické hodnoty; obraz univerzity; vlastenectvo

Patriotism as Academic Value in Slavic University Fiction

Abstract

The article deals with the idea of patriotism as an academic value based on the Slovak and Polish campus novels. Set in different locations in Central Europe and at different times in history the novels by novels *Głowa. Powieść nocy zimowej* (2016) Tadeusza Cegielski and *Legenda o języku* (2018) by Pavol Rankov, portray university life under the rule of Russian Empire and the Soviet Union respectively. The common motif in both novels is university communities' response to the political events impacting Poland's cultural and social landscape after 1795 and Czechoslovakia after 1968. Whilst Cegielski's novel depicts the patriotic community of the Polish university students and Polish elite enduring provocations of the ruling government, Rankov's novel portrays the captive

¹ Štúdiá vznikla v rámci projektu s podporou Poľskej Národnej Agentúry Akademickej Vymeny (Nr BWS/BIL/2022/1/00131/DEC/I/1). The article is written within the project supported by the Polish National Agency of Academic Exchange (Nr BWS/BIL/2022/1/00131/DEC/I/1).

university, subdued to the occupant's ideology, except for a small group of freshmen studying history. In both novels, patriotism amounts to the level of academic value crucial for universities and the nation's survival.

Key words: university prose; campus novel; academic values; image of the university; patriotism

V posledných rokoch rastie záujem o univerzitný román písaný v iných jazykoch ako v angličtine. V tomto zmysle, slovanský svet poskytuje dosť široké možnosti. Poľský univerzitný román², ako aj český³, slovenský⁴, chorvátsky⁵, a ukrajinský⁶ sa neraz stal objektom výskumu, ktorý sa väčšinou sústreďoval na analýzu žánru v jednotlivých slovanských literatúrach. Ako kronikár svojej inštitúcie však slovanský univerzitný román, hoci sa žánrovo často pridrižoval anglo-amerického vzoru (*the campus novel* alebo *the academic novel*⁷), poskytol

² SMULSKI, Jerzy: *Dwie zapomniane powieści uniwersyteckie: przyczynek do dziejów realizmu socjalistycznego w Polsce*. Pamiętnik Literacki CIII, 2012, z. 3, s. 195 – 209. SIDOWSKA, Karolina: *Polska powieść uniwersytecka*. Acta Universitatis Lodziensis. Folia Litteraria Polonica 4, Nr. 30, 2015, s. 149 – 157. SKUBACZEWSKA-PNIEWSKA, Anna: *Czy istnieje polska powieść uniwersytecka?* In: *Literaturoznawca literatem czyli rzecz o akademii i kreatywnym pisaniu*. GRUSZEWSKA-BLAIM, Ludmiła (red.). Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2018, s. 93 – 115. BLASHKIV, Oksana: *Academic Nostalgia in Mystery Novels Celebrating Old Polish Universities*. East-West Cultural Passage, 2022, vol. 22, nr. 1, pp. 73 – 99.

³ GWÓDŹ-SZEWCZENKO, Ilona: *Czeska i słowacka powieść uniwersytecka z transformacją ustrojową w tle*. In: *Nowoczesność i tradycja. 50 lat wrocławskiego Instytutu Filologii Słowiańskiej*. KOMISARUK, Ewa i MALEJ, Izabella (red.). Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2019, s. 165 – 176. BLAŠKIV, Oxana: *Ruský profesor ako marker kultúrnej pamäti v českej a slovenskej univerzitnej próze začiatku 21. storočia*. In: *Střední Evropa včera a dnes: proměny koncepcí III (jazyk – literatura – kultura – politika – filozofie)*. POSPÍŠIL, Ivo (red.). Brno: Jan Sojnek – nakladatelství Galium, 2022. 23 – 34.

⁴ BLAŠKIV, Oxana: *Obrazy ruskich professorov v romane Stanislava Rakusa „Ekscentričnyj universitet.“ Izvestija Uralskogo federalnogo universiteta. Seria 2, Gumanitarnyje nauki, t. 23, 2021, №2, s. 217 – 232. BLASHKIV, Oksana: (Anty-)stereotypowe obrazy rosyjskich profesorów i słowackich studentów w słowackiej powieści uniwersyteckiej. In: *Oblicza męskości w literaturze i sztuce*. KOZAK, Ewa, KRUPOWIES, Walentyna, POGODA-KOŁODZIEJAK, Adriana (red.). Siedlce: Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny, 2021, s. 61 – 72.*

⁵ VARGA OSWALD, Tina.: *The Academic Novel in the Context of Croatian Literature*. Journal of Language and Cultural Education 2/2, 2014, pp. 123 – 142.

⁶ BLASHKIV, Oksana: *Vagaries of (Academic) Identity in Contemporary Fiction*. Journal of Education, Culture and Society 9, 2018, vol. 1, pp. 151 – 160. BLAŠKIV, Oxana: *Istoričeskije peripetii čerez prizmu ukrajinskogo akademičeskogo romana*. Conversatoria Litteraria, 2018, Nr. 12, s. 135 – 149. BLAŠKIV, Oxana: *Radjans'kyj džentl'men: ukrajins'kyj profesor suproty vyklykiv istorji*. Kultury Wschodniosłowiańskie – Oblicza i Dialog, Nr. 9, 2019, s. 11 – 22. BLASHKIV, Oksana: *Intellectuals in the Face of Historical Turmoil: "The Revenge of the Printer" as Academic Fiction*. Naukovi zapysky Charkivs'kogo nacionalnogo pedagogičnogo universytetu im. G. S. Skovorody, Literaturoznavstvo, 2019, č. 3, s. 3 – 15.

⁷ WILLIAMS, Jeffrey J.: *The Rise of the Academic Novel*. American Literary History 3, 2012, vol. 24, p. 561.

aj zaujímavý pohľad na stredoeurópsku univerzitu. Je to vďaka samotnej histórii univerzít súčasných slovanských národov, ktoré v rozličných historických obdobiach patrili k rôznym ríšam. V 19. storočí to bolo Rakúsko-Uhorsko, Prusko a Ruská ríša. V 20. storočí to platilo aj pre krajiny Varšavskej zmluvy, ktoré boli pod silným vplyvom Sovietskeho zväzu. Dej sa často odohrával v období po druhej svetovej vojne (čiže v časoch komunizmu) a hlavnou témou bol útlak univerzity, ktorá sa pod vplyvom vlády stávala nástrojom kontroly. Na rozdiel od anglo-amerického románu sa v slovanských románoch univerzita nestáva „uzavretým svetom s vlastnými normami a hodnotami“⁸, ale nosičom a ochrancom hodnôt a nástrojom na interpeláciu štátnych subjektov (podľa Althusserovej teórie). Slovanská univerzita síce ostáva mikrosvetom „celej spoločnosti s vlastnými pravidlami, tvorivými silami a konfliktmi“, ako ju definoval David Lodge, ale ten svet, ktorý reprezentuje, je úplne odlišný. Je to svet totality, kde je úlohou vlády zhora udržiavať stanovený poriadok a prostredníctvom zobrazovania skreslenej pravdy predchádzať vzniku novej opozície a vzburám. Z tohto pohľadu môžeme univerzitnú beletriu považovať za historický román zaoberajúci sa univerzitným životom.

Medzi takéto romány patrí *Głowa. Powieść nocy zimowej (Hlava. Povest zimnej noci)* (2016) od Tadeusza Cegielského a *Legenda o jazyku* (2018) od Pavla Rankova. Dej týchto románov sa síce odohráva v rozdielnych historických obdobiach a na iných miestach strednej Európy, ale oba príbehy zobrazujú univerzitný život pod cudzou nadvládou. Cegielský píše o nadvláde Ruskej ríše a Rankov zase o nadvláde Sovietskeho zväzu. Napriek týmto rozdielom môžeme medzi románmi nájsť podobnosti v tom, ako autori vnímajú vplyv vtedajších politických udalostí na kultúrne a spoločenské dianie Poľska po roku 1795 a Československa po roku 1968. Zatiaľ čo mysteriózny román Cegielského zobrazuje vlasteneckú komunitu poľských akademikov (hlavne študentov!) a poľskú elitu, ako odolávajú všetkým provokáciám zo strany vládnucej moci, Rankovov román ukazuje obraz zotročenej univerzity, ktorá sa poddáva okupantskej ideológii s jedinou výnimkou malej skupiny študentov snažiacich sa uspieť vo svojom prvom roku štúdia histórie. V oboch románoch sa vlastenectvo dostáva na úroveň akademickej hodnoty, ktorá je kľúčová pre univerzitu a prežitie národa, a študenti v nich vystupujú ako vlastenci a potenciálni/skutoční vzbúrenci proti systému.

V Cegielského románe *Głowa* je Kráľovská univerzita vo Varšave novovzniknutou inštitúciou. Má sa stať akýmsi alternatívnym akademickým domovom pre

⁸ SHOWALTER, Elaine: *Faculty Towers: The Academic Novel and Its Discontents*. Oxford: Oxford UP, 2005, p. 3.

študentov poľského pôvodu, ktorí študujú na Sorbonne, v Jene alebo v inej časti Európy. Už tento samotný fakt hovorí o tom, že univerzita ma význam väčší ako len vysoká škola. Univerzita je neoddeliteľnou súčasťou mesta a centrom verejného života. Jej cieľom je okrem uchovávanía a šírenia vedomostí aj vzdelávanie a zvyšovanie národného povedomia Varšavčanov počas nadvlády Ruskej ríše, ktorá sa začala v dôsledku rozdelenia Poľska v roku 1775.

Celý areál ešte len bude postavený, a preto univerzita využíva viacero rôznych budov, ktoré patrili predošlým inštitúciám. Okrem budov univerzity sú miestami deja v románe aj divadlá: Veľké divadlo, kde sa začína dej, a Theatrum Mundi, založené na pantomíme. Je 1. januára 1821, keď v divadle inscenujú premiéru tragédie od Ignáca Humnického (1798 – 1864) s názvom *Żołkiewski pod Cecorq*. Je to príbeh o porážke Hetmana Żołkiewského (1547 – 1620) v bitke pri Cecore v Moldavsku počas poľsko-osmanskej vojny (1620 – 1621). Legenda hovorí, že Żołkiewského posledné slová zneli takto: „Je sladké a čestné umrieť za svoju vlasť.“ Divadelná hra poukazovala na časy niekdajšej poľskej slávy a pripomínala aj predchádzajúce Żołkiewského víťazstvá. Jedným z nich bolo dobytie Moskvy a zajatie cára Vasilija Šujského počas poľsko-moskovskej vojny v roku 1610. V očiach ruských úradov a veľkoknieža Konstantina Romanova, ktorý v tom čase spravoval Poľské kráľovstvo, bolo zámerom hry vyzvať poľských vysokoškolákov a vlastencov k akcii. A k tomu napokon aj došlo, súdiac podľa reakcií študentov v hľadisku. Veľkoknieža na to zareagoval takto: „To nie vy, Poliáci, budete písať históriu! Budeme ju písať my, Moskovčania!“⁹

Reakcia študentov v hľadisku divadla je významná tým, že stelesňuje silu odporu, ktorú veľkokniežaťa berie vážne. Symbolický význam akademickej komunity v tomto období poľskej histórie Cegielski zobrazuje prostredníctvom motívu predstavenia a inaugurácie univerzity v Theatrum Mundi. Hlavný hrdina v tomto predstavení je Stanisław Kostka Potocki (1755 – 1821), ktorý ako bývalý štátny minister bol hlavným iniciátorom založenia Kráľovskej univerzity. Počas inaugurácie Potocki prirovnal novozaloženú univerzitu k cédru, čiže k symbolu svätosti Panny Márie¹⁰, čím Univerzitu povýšil na úroveň svätej inštitúcie, ktorej úlohou je zachrániť Poľsko. Napriek tomu, že sa v románe o žiadnych vlasteneckých pocitoch explicitne nehovorí, každá postava spojená s Univerzitou si svoje vlastenecké poslanie hlboko uvedomuje a tak sa aj chová.

Bezhlavá mŕtvola – román sa vola *Hlava. Román zimnej noci* –, ktorá sa v ten večer našla za javiskom vo Veľkom divadle (ktorého riaditeľom bol profesor

⁹ CEGIELSKI, Tadeusz: *Głowa. Powieść nocy zimowej*. Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 2016, s. 36.

¹⁰ FORSTNER, Dorothea: *Świat symboliki chrześcijańskiej. Leksykon*. Warszawa: Instytut Wydawniczy Pax, 2001, s. 157 – 159.

univerzity), je iba jedným kúskom skladačky, vymyslenej ruskými službami s cieľom zavrieť univerzitu. Celý príbeh sa točí okolo poľského odporu voči ruskej nadvláde. Študenti, vyučujúci a politicko-kultúrna elita spoja sily, aby vyriešili prípad záhadnej vraždy, pričom odolajú provokáciám a zabránia vláde, aby priniesla ďalšie obmedzenia a intenzívnejšiu ruskú kontrolu nielen nad univerzitou, ale aj nad samotným Poľskom.

V detektívnej zápletke románu prináša spásu študent medicíny Mikolaj Obrycki, samozvaný vyšetrovateľ, ktorý pri svojej honbe za pravdou využíva najnovšie výdobytky vedy. V tých časoch bola kriminológia ešte len v plienkach, no spoločnými silami sa študentom medicíny a ich učiteľom podarí interpretovať záznam z pitvy. Narušenie akademickej autonómie počas rozdelenia Poľska nebráni členom akademickej komunity preniesť sa cez rozdielne osobné záujmy a politické konšpirácie a zároveň sa pritom správať vlastenecky. Skorumpovanú tvár vysokoškolského života zase vidíme v postave Joachima Schneidera, študenta filozofickej fakulty. Schneider, ktorý už študoval na rôznych vysokých školách v Nemeckom spolku (ktorý bol rozdelený medzi viaceré štáty, podobne ako Poľsko), sa nechá ľahko ovplyvniť silnými osobnosťami, a tak sa zapletie do sprisahania vedeného samotným vojvodom, ktorého cieľom sú poľskí vlastenci, predovšetkým tí na univerzite. Vnímanie vlastenectva jednotlivých postáv sa značne líši. Zatiaľ čo Joachim sa zapojí do sprisahania a vystavuje svojich blízkych nebezpečenstvu, Obrycki hľadá pravdu, ochraňuje celú akademicкую komunitu aj obyvateľov mesta. Jeho hodnotami sú racionálnosť (vedecký prístup) a vlastenectvo hrdého obyvateľa Poľska.

Román Cegielského umožňujú čitateľovi zamyslieť sa nad významom vlastenectva, ktorý ponúka súčasná literatúra, obzvlášť univerzitná próza. V spojení s 19. storočím (čase, v ktorom sa odohráva dej románu) sa v poľských humanitných a sociálnych vedách rozlišujú tri typy vlastenectva: „nezávislostného“, modernizačného, a republikánskeho.¹¹ Prvé chápe vlastenectvo ako možnosť položiť svoj život za vlasť, druhé považuje zlepšovanie vlasti v zmysle civilizačnom a ekonomickom za prejav patriotizmu, tretie neguje dva predchádzajúce a sústreďuje sa na „malú (regionálnu) vlasť“. Hoci sa modernizačný typ patriotizmu javí najlepšie zodpovedajúci postavám univerzitných študentov a profesorov v románe, nesie tiež črty pasívneho odporu a snahy zachrániť poľskú komunitu, známej skôr z 20. storočia. Keď si však čitateľ prečíta aj *predslov* a *doslov* z roku 2016, pocit nostalgie za minulosťou sa zmení na kritickú reflexiu, ktorá ústi do výzvy zamyslieť sa nad dnešným

¹¹ WILKOMIRSKA, Anna, FIJAŁKOWSKI, Adam: *Jaki patriotyzm?* Warszawa: Wydawnictwo Difin, 2016, s. 51 – 52.

cieľom univerzity, nad jej vzťahom k pestovaniu vlastenectva a k významu patriotizmu v dnešnej dobe globalizácie.

Román Pavla Rankova *Legenda o jazyku* (2018) ponúka obraz zotročenej univerzity¹². Tento román má tri časové línie. Jedna sa odohráva v súčasnosti, tú by sme mohli nazvať „línia straty pamäti“ a je skôr výzvou pre čitateľa¹³. Druhá, hlavná línia, sa odohráva v období normalizácie a zobrazuje študentov prvého ročníka histórie na Karlovej univerzite v Prahe počas prvých dvoch mesiacov štúdia. Tretia línia opisuje dobu, keď žil český svätec Ján Nepomucký (14. storočie). Autor v týchto troch naratívoch nastoľuje mnoho otázok, medzi nimi aj otázky týkajúce sa chodu univerzity v čase okupácie a tiež kultúrnej pamäti. Rovnako ako v románe Cegielského, aj v románe Rankova sa o vlasteneckých pocitoch explicitne nehovorí, ale bez vlastenectva hlboko pociťovaného študentmi motivácia ich činov zostáva nepochopiteľná.

Ako nám už naznačuje názov, príbeh vychádza z legendy o Jánovi Nepomuckom (1345 – 1393), svätom patrónovi Prahy a spovedníkovi českej kráľovnej Žofie. Obsah kráľovných spovedí odmietol vyzradiť jej manželovi kráľovi Václavovi IV., a preto bol väznený a nemilosrdne mučený, pričom mu vyrezali jazyk a jeho telo nakoniec hodili do Vltavy. Za ctenie zákonov a ochranu autonómie katolíckej cirkvi Nepomuckého ihneď po smrti vyhlásili za svätého. Keď o niekoľko storočí neskôr otvorili jeho truhlu, zistilo sa, že jediná časť jeho tela, ktorá sa nezačala rozkladať, bol jazyk. Preto ho vyhlásili za blahoslaveného. Legenda o Nepomuckom a jej kultúrna recepcia sú v románe hlavnou témou prváckeho predmetu „Československá história 1“. Profesor Šindelář dáva svojim študentom za úlohu naučiť sa, ako sa legenda a jej recepcia menili v priebehu storočí, ale pristupuje k tomu vo svetle marxistickej ideológie. Študenti pri hľadaní pravdy odhalia dvojtvárnu realitu „zotročenej“ vysokej školy.

Do deja vstupuje prostredníctvom Jána Nepomuckého obraz stredovekej vysokej školy. Aj on bol študentom (a absolventom kanonického práva v roku 1381) Karlovej univerzity, jednej z najstarších univerzít nielen v krajinách českej koruny, ale aj v širšej strednej Európe. Už v stredoveku sa vysoká škola ako inštitúcia vyššieho vzdelávania formovala ako samoregulačná komunita študentov a učiteľov. Jej existencia bola uznávaná a posvätená svetskou alebo cirkevnou vrchnosťou, čo jej zaručovalo autonómiu. Úlohou vysokej školy bol zber, uchovávanie a šírenie vedomostí. Čoskoro sa etablovala ako tretia moc kresťanského sveta (popri ríši a duchovenstve), ktorá „formovala západnú myseľ“. V kontexte Rankovovho románu má táto myšlienka špeciálny význam.

¹² Termín prevzatý z práce *Zotročená univerzita* Johna CONNELLY (český preklad z r. 2008).

¹³ ŽEMBEROVÁ, Viera: *História a skúsenosť, pamäť a poznanie*. Proudy, 2022, č. 3, s. 38.

Karlova univerzita je jednou z najstarších univerzitných inštitúcií v Európe. Začala sa budovať v 13. storočí a odvtedy sa úspešne adaptuje na všetky prichádzajúce zmeny filozofického, náboženského, vedecko-výskumného aj technologického pôvodu. V tomto románe však Rankov spochybňuje jej schopnosť adaptovať sa v období normalizácie Československa (čiže počas sovietskej okupácie po roku 1968). Pod vplyvom Komunistickej strany Sovietskeho zväzu (KSSZ) a vlády sa univerzita stáva jej spojencom, ktorý ochraňuje sympatizantov a zbavuje sa nepriateľov – voľnomyšlienkarov. Vysokoškolská komunita sa rozdelila na dva tábory. Prvý tábor tvorili učitelia a študenti podporujúci komunistický režim, zatiaľ čo „opozičný“ tábor tvorilo len pár skeptických ľudí, ktorí majú kritické myslenie a podporujú slobodnú výmenu vedomostí, nesebeckosť a kolegiálnosť¹⁴. Týchto pár „vyvolených“ ľudí moc považuje za nepriateľov, ako ironicky na konci prvého dňa poznamená protagonista príbehu Tomáš Dobrotka:

„skamarátil som sa s jedným zarytým triednym nepriateľom z Prahy, jednou triednou nepriateľkou slovenského pôvodu a druhou z moravského Sliezska, tá vyzerá ako kontrarevolucionárka, nábožensky zaťažená katolíčka“¹⁵.

Pri pátraní po pravde si postavy plne uvedomujú prítomnosť „stopercentný[ch] súdruženko[v], ktorí odolal[i] nástrahám demokracie v roku šesťdesiatosem“¹⁶, no mladí historici sa rozhodnú zájsť nad rámec povinného čítania. Tomáš a Tāňa sa spoznajú s francúzskym študentom – členom medzinárodného tímu, ktorý pracuje na Nepomuckého relikviári. Ich odhodlanie pramení zo silného presvedčenia, že nech výskum prinesie akékoľvek výsledky, KSSZ a vláda nikdy neodhalia ľuďom pravdu, pretože pri posudzovaní a určovaní pravdivosti informácií postupujú svojvoľne. České úrady budú vždy počúvať nariadenia Moskvy. Toto tvrdenie podporuje aj slogan zavesený na stene univerzity: „So Sovietskym zväzom na večné časy a nikdy inak.“¹⁷

Naopak výmena informácií o nálezoch medzi štyrmi hrdinami je najlepším príkladom akademickej spolupráce. Pre Tomáša, Kláru, Martina a Tāňu je už od začiatku táto zdanlivo striktna akademická aktivita formou odporu voči komunistickému režimu v mene pravdy a lásky k vlasti. Štvorica si

¹⁴ DOPART, Bogusław: *Etos wykładowcy akademickiego (etos a praktyka)*. Bibliotekarzy Podlaski, 2020, nr. 1, s. 272.

¹⁵ RANKOV, Pavol. *Legenda o jazyku*. Bratislava: Slovart, 2018, s. 38.

¹⁶ *Ibidem*, s. 37.

¹⁷ *Ibidem*, s. 36.

vedomuje situáciu, v ktorej sa krajina nachádza, avšak okupantom sa nehodlajú podvoliť. Voči informáciám sa stavajú kriticky a skúmajú ich, neboja sa klásť ťažké otázky a odvolávajú sa na medzivojnové obdobie, čo je v tom čase zakázané. Medzinárodný výskumný tím nakoniec zistil, že relikviou nie je jazyk, ale mozgové tkanivo. Štvorici to pripadá logické, pretože strediskom reči je mozog, nie jazyk. Reč nie je závislá len od mozgu, ale aj od pamäti a motivácie. „Problematická štvorica“ (ako ich po novom volá súdruh profesor) sa o toto zistenie na vyučovaní podelí so spolužiakmi, čím spochybni učiteľov spôsob uvažovania. Poukazujú na to, že historický výskum realizovaný v čase okupácie Československa po roku 1968 je problematický. Ich spolužiaci však o kritický prístup k štúdiu neprejavujú záujem a ani ho neschvaľujú. Podporujú fakultu a jej ideologicky zaujaté interpretácie, zosmiešňovanie náboženstva a duchovných aspektov minulosti a falošnú kolegialitu. Donášajú na svojich spolužiakov, schvaľujú iniciatívy Socialistického zväzu mládeže a hrajú podľa nanútených pravidiel.

Pre českú a slovenskú beletriu z obdobia normalizácie je charakteristický obraz zmierenia sa so situáciou a istá ľahostajnosť. Na rozdiel od čitateľov sa postavy románu nepozastávajú nad tým, že už len za snahu nadobudnúť znalosti im hrozí prenasledovanie tajnou službou. Protagonistu Tomáša unesú a mučia, aby prezradil mená členov skupiny fanatických kresťanov, ktorí sa klaňajú Nepomuckému. Tomáš nakoniec umiera. Táňa sa po tom, čo bola svedkyňou vraždy svojho spolužiaka a kamaráta, uzavrie do seba, neschopná vyrozprávať svoj príbeh. Tomáš, rovnako ako Nepomucký, „zachoval mlčanlivosť“ (latinsky: *tacui*), no Táňa bola tá, čo stratila reč. Jej prejav je aj o päťdesiat rokov neskôr plný spomienok pomiešaných s ľudovými príbehmi, nelogický, odtrhnutý od reality a pre poslucháča nerozlúštiteľný. Základné ľudské práva hrdinov boli nepredstaviteľne hrubo porušené a ani steny univerzity im neposkytli ochranu a útočisko. Študenti, ktorí boli zároveň patriotmi vlasti aj univerzity ako inštitúcie vedy a pravdy, v tejto bitke prehrali. Ako historická próza tento román naznačuje, že bez účasti literatúry ako vedomého inštrumentu formovania kultúrnej pamäti v dnešnej dobe globalizácie pamäť a spomienka na toto obdobie československých dejín tiež môže zaniknúť¹⁸.

Romány Rankova a Cegielského ukazujú stredo európsku univerzitu v rôznych historických obdobiach, ale v podobných podmienkach fungovania, teda pod kontrolou politického režimu okupanta, ktorým v oboch prípadoch bolo Rusko. Oba príklady ukazujú, ako vysoké školy (obzvlášť študenti)

¹⁸ Por. BARBORÍK, Vladimír: *Memory and History: A Comparison of the Past in Slovak Prose of the Post-2000 Period*. Porównania 2 (27), 2020, s. 77 – 99.

reagovali na cudzí politický režim a tiež na situáciu, keď sa na zoznam akademických hodnôt inštitúcie, ktorá „formovala západnú myseľ“, pridá aj ďalšia hodnota, ktorou je vlastenectvo. Ďalšie skúmanie reprezentácie univerzitného života v slovanských literatúrach môže poskytnúť i nový pohľad na slovanskú akademickú kultúru v historických súvislostiach aj v kontexte súčasných postkoloniálnych výskumov.

Použitá literatúra – References:

- BARBORÍK, Vladimír: *Memory and History: A Comparison of the Past in Slovak Prose of the Post-2000 Period*. Porównania 2 (27), 2020, s. 77 – 99. <https://doi.org/10.14746/por.2020.2.5>.
- BLASHKIV, Oksana: *(Anty-)stereotypowe obrazy rosyjskich profesorów i słowackich studentów w słowackiej powieści uniwersyteckiej*. In: *Oblicza męskości w literaturze i sztuce*. KOZAK, Ewa, KRUPOWIES, Walentyna, POGODA-KOŁODZIEJAK, Adriana (red.). Siedlce: Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny, 2021, s. 61 – 72.
- BLASHKIV, Oksana: *Intellectuals in the Face of Historical Turmoil: “The Revenge of the Printer” as Academic Fiction*. *Naukovi zapysky Charkivskogo nacionalnogo pedagogičnogo universytetu im. G. S. Skovorody, Literaturoznavstvo*, 2019, č. 3, s. 3 – 15.
- BLASHKIV, Oksana: *Vagaries of (Academic) Identity in Contemporary Fiction*. *Journal of Education, Culture and Society* 9, 2018, vol. 1, pp. 151 – 160.
- BLASHKIV, Oksana: *Academic Nostalgia in Mystery Novels Celebrating Old Polish Universities*. *East-West Cultural Passage*, 2022, vol. 22, nr. 1, pp. 73 – 99.
- BLAŠKIV, Oxana: *Istoričeskije peripetii čerez prizmu ukraïnskogo akademičeskogo romana*. *Conversatoria Litteraria*, 2018 (12), s. 135 – 149.
- BLAŠKIV, Oksana: *Obrazy russkich professorov v romane Stanislava Rakusa „Ekscentričnyj universitet.“* *Izvestija Uralskogo federalnogo universiteta*. *Seria 2, Gumanitarnyje nauki*, t. 23, 2021, № 2, s. 217 – 232.
- BLAŠKIV, Oksana: *Radjans'kyj džentl'men: ukraïjns'kyj profesor suproty vyklykiv istorji*. *Kultury Wschodniosłowiańskie – Oblicza i Dialog*, Nr 9, 2019, s. 11 – 22.
- BLAŠKIV, Oxana: *Ruský profesor ako marker kultúrnej pamäti v českej a slovenskej univerzitnej próze začiatku 21. storočia*. In: *Střední Evropa včera a dnes: proměny koncepcí III (jazyk – literatura – kultura – politika – filozofie)*. POSPÍŠIL, Ivo (red.). Brno: Jan Sojnek – nakladatelství Galium, 2022, s. 23 – 34.

- CEGIELSKI, Tadeusz: *Głowa. Powieść nocy zimowej*. Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 2016.
- CONNELLY, John: *Ztročená univerzita*. Praha: Univerzita Karlova v Praze, 2008.
- FORSTNER, Dorothea: *Świat symboliki chrześcijańskiej. Leksykon*. Warszawa: Instytut Wydawniczy Pax, 2001.
- DOPART, Bogusław: *Etos wykładowcy akademickiego (etos a praktyka)*. Bibliotekarz Podlaski, 2020, nr. 1, s. 269 – 283.
- GWÓŹDŹ-SZEWCZENKO, Ilona: *Czeska i słowacka powieść uniwersytecka z transformacją ustrojową w tle*. In: *Nowoczesność i tradycja. 50 lat wrocławskiego Instytutu Filologii Słowiańskiej*. KOMISARUK, Ewa, and MALEJ, Izabella (eds). Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2019, s. 165 – 176.
- RANKOV, Pavol: *Legenda o jazyku*. Bratislava: Slovart, 2018.
- SHOWALTER, Elaine: *Faculty Towers: The Academic Novel and Its Discontents*. Oxford: Oxford UP, 2005.
- SIDOWSKA, Karolina: *Polska powieść uniwersytecka*. Acta Universitatis Lodzianensis. Folia Litteraria Polonica 4 (30), 2015, s. 149 – 157.
- SKUBACZEWSKA-PNIEWSKA, Anna: *Czy istnieje polska powieść uniwersytecka?* In: *Literaturoznawca literatem czyli rzecz o akademii i kreatywnym pisaniu*. GRUSZEWSKA-BLAİM, Ludmiła (red.). Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2018, s. 93 – 115.
- SMULSKI, Jerzy: *Dwie zapomniane powieści uniwersyteckie: przyczynek do dziejów realizmu socjalistycznego w Polsce*. Pamiętnik Literacki CIII, 2012, z. 3, s. 195 – 209.
- VARGA OSWALD, Tina: *The Academic Novel in the Context of Croatian Literature*. Journal of Language and Cultural Education 2/2, 2014, pp. 123 – 142.
- WIŁKOMIRSKA, Anna, FIJAŁKOWSKI, Adam: *Jaki patriotyzm?* Warszawa: Wydawnictwo Difin, 2016, s. 58 – 82.
- WILLIAMS, Jeffrey J.: *The Rise of the Academic Novel*. American Literary History, Vol. 24.3, 2012, pp. 561 – 589.
- ŽEMBEROVÁ, Viera: *História a skúsenosť, pamäť a poznanie*. Opera Slavica XXXII, 2022, nr. 3, s. 33 – 40.

Oxana Blaškiv

PhD., Institute of Linguistics and Literary Studies, University of Siedlce,
2 Stanisław Konarski Street, 08-110 Siedlce, Poland

oksana.blashkiv@uws.edu.pl

ORCID 0000-0002-3607-9895

From Masurao to Kamikaze: Rethinking Images of “Manly Japan”

Iva Lakić Parać

Abstract

Every time Japan found itself in danger, “masculine, heroic, and strong images” of the country appeared in literature. From ancient times, when the Chinese writing system and its political, philosophical, and cultural framework were introduced, to modern and contemporary times of clash with Western culture, Japan defended its cultural borders with the images of a strong, distinctive, and heroic self. This paper aims to explore some of the re-using of heroic images from ancient Japanese literature as a basis for strengthening national identity. Taking Kamo no Mabuchi’s (1697–1769) interpretations of the *Man’yōshū* (万葉集, *Collection of Ten Thousand Leaves*, 759.) as an example, it will be discussed how ancient Japanese poetry has been used as means of building and defending the national identity.

Key words: Japanese poetry; Japanese national identity; *masuraoburi*; *manyō seishin*

Introduction

Man’yōshū is generally considered to be one of the most important texts of classical Japanese literature, although the collection was relatively unknown until the mid-Meiji period (1868–1912). Nowadays, it is taught in Japanese language classes (jap. *kokugo* 国語) in schools, and it is not uncommon for students to memorize some of the most famous works. In large anthologies of Japanese literature, it is often emphasized that one of the most striking characteristics of the collection is that it includes works from different social classes, from the aristocracy to ordinary people, and that the style in which the poems are written is “simple, direct and filled with sincere emotions”.¹

¹ CARTER, D. Steven: *Traditional Japanese Poetry: an Anthology*. Stanford, California: Stanford University Press, 1991; *A History of Japanese Literature. From Manyōshū to Modern Times*. KATO, Shichi, SANDERSON, Don (eds). England: New Abridged Edition, Japan Library, 1997; *Traditional Japanese Literature. An Anthology, Beginnings to 1600*. SHIRANE, Haruo (ed.). New York: Columbia University Press, 2007. For a more accurate explanation of the importance of “sincere emotions” (jap. *makoto*) in Japanese poetry, ethics and aesthetics see REASONER,

As Shimada notes, these characteristics have been emphasized in all major textbooks, anthologies, reference books, and dictionaries from the second half of the Meiji period to the present day.² The result is that the collection, like other canonical texts of the classical period, which are mostly the product of the ruling class and a specific historical moment, became a reference material for shaping the Japanese national identity as a whole.

The ideas about the valorization of ancient literary works written in Japanese emerged in the Tokugawa period (1600–1867) with the development of the *kokugaku* or “national studies” (国学). Kamo no Mabuchi (1697–1769), one of the main figures of the *kokugaku* movement, produced essays on a range of topics, but the focus of his study was a philological analysis of the *Man’yōshū* through which he believed one could learn the words and spirit (*kokoro*) of Japan before these were sinicized and thereby “corrupted” during the Nara period of the eighth century. Mabuchi was particularly interested in the connection between language and culture, as he believed that the language of the *Man’yōshū* reflected the values and ideals of ancient Japanese society.

Kokugaku’s legacy

Scholarships of all sorts expanded dramatically in Japan during the seventeenth century spurred on by relative tranquility, and increasing levels of prosperity and literacy.³ Alongside the more traditional studies of China, there arose new historical studies of things Japanese—history, literature, philology, poetics, customs, mythology, the tradition of kami worship, and so on. Collectively those forms of Japanese studies can be thought of as *kokugaku* in the broad sense, it is a scholarship that takes Japan as its focus instead of China. Some of these studies in the eighteenth century came to focus on Japanese distinctiveness principally vis a vis China, which was now posited as an Other whose historical influence on Japan was construed as harmful. It came to refer to the effort to discern a native Way distinct from Buddhism and Confucianism within Japan’s most ancient writings, and to the attendant effort to resurrect that Way in the

Paul: *Sincerity and Japanese Values*. *Philosophy East and West: Understanding Japanese Values*, 1990, vol. 40, No. 4, pp. 471–488.

² SHIRANE, Haruo, SUZUKI, Tomi: *Inventing the Classics: Modernity, National Identity, and Japanese Literature*. Stanford, California: Stanford University Press, 2000, p. 32.

³ For a quick explanation of *kokugaku* see FUJIWARA, Gideon, NOSCO, Peter: *The Kokugaku (Native Japan Studies) School*. In: *Stanford Encyclopedia of Philosophy*. [online], 2021 [cit. 2023-06-10]. <https://plato.stanford.edu/entries/kokugaku-school/#FemaKoku>.

present.⁴ In the nineteenth century, the frame of reference expanded to include Europe and the world as a whole.

Kokugaku's most famous scholars are Motoori Norinaga (1730–1801) and Hirata Atsutane (1776–1843), and they both included Kamo no Mabuchi (1697–1769) in their list of founders.

These scholars studied ancient Japanese thought and culture, including *Kojiki* (古事記, *Records of Ancient Matters*, early 8th century), *Nihon Shoki* (日本書紀, *The Chronicles of Japan*, 720.) and *Man'yōshū* (万葉集, *Collection of Ten Thousand Leaves*, 759.), and they aimed at excavating original moral culture of Japan which was different from imported Confucianism and Buddhism. Kamo no Mabuchi wrestled with the study of *Man'yōshū*, called “masurao-buri” for *masculine* and *tolerant poetic* style, and evaluated the collection as “pure and simple”. Through his study of the *Kojiki*, Motoori Norinaga argued that the essence of Japanese literature came from “mono no aware” which were natural feelings to occur when in contact with an object. He respected the Japanese “Yamato spirit” instead of the Chinese (Confucianism/Buddhism) “Kara spirit”. According to him, *kokugaku* should pursue the Japanese “old way of Shinto”. Hirata Atsutane advocated nationalistic State Shinto, obedience to the Emperor, and abolition of Confucianism and Buddhism.⁵

Approximately a century later, the new Meiji state (1867–1912) used *kokugaku* notions to raise a racial identity and cultural superiority and to mobilize support for Japan's nationalist ideology. After 1945 such notions (interpretation that the Japanese people were descended from *kami*) were considered taboo and replaced by less toxic arguments regarding Japanese uniqueness, though these too have morphed yet again into the broad category of *Nihonjinron*, “theories of Japaneseness”. Typical interpretations were that

*“Japanese people were naturally or intrinsically inclined toward harmonious behavior, and are characterized by diligence, frugality, honesty, and sensitivity to seasonal change; that these qualities explain Japan's success in economic development and social stability, and that those traditional qualities are uniquely configured in contemporary Japanese society.”*⁶

“Theories of Japaneseness”, collectively referred to as *Nihonjinron*, have figured prominently in Japanese popular culture since the 1970s. Notions of Japan as an animistic spirit-infused realm in which humans can commune with

⁴ Ibidem.

⁵ Ibidem.

⁶ Ibidem.

animals and other objects and forces of nature are ubiquitous in Japan, coursing through popular manga and anime. These enjoy not just enormous popular appeal in Japan and worldwide, but also government support as forms of “soft power” fundamental to the representation of Japanese society outside Japan.

Kamo no Mabuchi’s “Age of Gods”

Kamo no Mabuchi (1697–1769), one of the main figures of the *kokugaku* movement, produced essays on a range of topics, but the focus of his study was a philological analysis of the *Man’yōshū*. Mabuchi depicted the Japan of the *Man’yōshū* as a natural arcadia ruled by the descendants of the kami who governed in accordance with a Way (*michi*) that conformed to the natural rhythms and dictates of nature⁷:

“From the time when the imperial court was at Ōtsu in Ōmi through the period of the Fujiwara court at Yamato, the grand august government filled the heavens and reached to every nook and cranny of the earth; and thanks to this glorious tranquility, literary expression was blessed with beauty and elegance. (Engishiki norito kai jo, KKMZ:SH 1: 446)

Ancient Japan was governed well in accordance with the spirit of heaven and earth, and there was none of this petty sophistry; but then suddenly when these convincing theories were imported from China, ancient men in their straightforward fashion took these theories as truth, and the theories spread far and wide [...] and no sooner were these theories introduced [...] than tremendous chaos erupted.” (Kokui kō, SJTa: 406)

Mabuchi taught that if one will advance to the stage of being able to recite the most ancient *Man’yōshū* verses aloud, one will spontaneously acquire the virtues of that past—*truthfulness, directness, manliness, vitality, and native elegance*—which were the antithesis of the notoriously corrupt political culture of his times. He also became virulently anti-Chinese, insisting that the absence of native Japanese words for the classic Confucian virtues was evidence that such teachings were unnecessary in ancient Japan when life enjoyed a morally and ethically untutored order rooted in its conformity to the natural rhythms of heaven and earth. (Ibidem.)

Basically, Mabuchi argued for the importance of using the Japanese language and culture as a basis for poetry, rather than relying on Chinese literary models. He believed that the Japanese language was as sophisticated as Chinese and

⁷ Ibidem.

that Japanese poets should celebrate their own unique literary traditions and language.

Kamo no Mabuchi considered poems selected from the *Man'yōshū* as the very essence of poetry. He claimed that the “spirit of the age of the gods” could be known through poems the same way the “way of the gods” (Shinto) could be known through what is “attained in nature.” His emphasis on a “return to an ancient”—natural, gentle—“age of the gods” was equivalent to “restoration”, but the “age of the gods” is obviously linked to Mabuchi’s present Tokugawa Japan and gives rise to an imagined “historical Japan” through the structure in which his current era is reflected.

***Masurao buri* poetic style**

Masurao buri is a term coined by Kamo no Mabuchi and is compounded of 益荒男 (*masurao*, “strong, brave man”) and 振り (*huri*, “style”). The term refers to a particular style of poetry that was often associated with the masculine ideal of the warrior. It has often been translated as “warrior-like style” or “masculine style”. *Masurao* itself indicates “a man excellent in everything” (*mono no masareru hito*) and oftentimes the term *masurao gokoro* (*kokoro* means “heart”) is used alongside *masurao buri*, both aesthetic ideals used to indicate the spiritual and poetic manifestation of “virile vigor”.⁸

As explained, Mabuchi was particularly interested in the connection between language and culture and believed that the language of the *Man'yōshū* reflected the values and ideals of ancient Japanese society. In his analysis of *masurao buri*, Mabuchi saw the style as “virtuous, direct, and strong”. He argued that *masurao buri* was characterized by strong, forceful language that conveyed a sense of power and bravery. However, Mabuchi’s enfaces on *Manyōshū*’s “virtuous, direct and strong”—masculine—poetic style was opposed to another concept, *taoyame buri*, or feminine poetic style which is associated with *excessive poetic techniques* that prevailed in the poetry of the next generation. He considered *masurao buri* style to be authentically “Japanese” while the former is considered as something that has been imported from China.

As examined before, Mabuchi’s interpretation of *masurao buri* was part of his larger project of studying and celebrating the unique cultural and linguistic heritage of Japan. Through his analysis of the *Man'yōshū*, he sought to uncover the deeper meanings and values that were embedded in the language and poetry

⁸ ORSI, Maria Teresa: *Cronaca e letteratura: dal “caso Genta” a masurao di Enchi Fumiko*. Il Giappone, 1983, vol. 23, p. 189.

of ancient Japan and to connect these to the cultural identity of the Japanese people in general.

At one moment in Japanese history *masurao buri* began to be associated with the masculine ideal of the warrior, and it will often be described as a “warrior-like style”, “samurai-like style” and not as a mere “direct, strong or masculine style”. It will become an embodiment of the martial spirit and the ideal of the strong, heroic warrior, closely associated with the samurai class and a reflection of their values of courage, loyalty, and honor.

Both, Western and Japanese understanding of *masurao buri* and the set of moral values that have been associated with this term, have somehow been distorted, as will be explained by exploring some of the *Man'yōshū* poems called *sakimori no uta* or “the poems of the frontier guards”, that use to be linked to the concepts of loyalty, honor and bravery and as such associated with the term *masurao buri*.

For example, the Japanese site japanesewiki.com reports:

*“The Manyōshū is extremely valuable in that it contains many poems written by commoners in the ‘Sakimori no Uta’ (Sakimori’s poems) and ‘Azumauta’ for example. The poems written by commoners are characterized by a simple and straightforward style rather than using showy techniques. Kamo no Mabuchi called the poems in this category ‘Masuraoburi’ (manly poetical style).”*⁹

Man'yōshū, Japan’s oldest anthology of poetry, consists of twenty volumes containing more than 4,500 poems, edited in several stages by different people over seventy or eighty years. It probably began to be compiled in and around the court in the capital of Nara, and finished outside the capital, by the poetic circle formed in Etchū province. At that moment, the compilation appears to have become mainly a private enterprise by Otomo no Yakamochi, a poet and, at that time, a junior assistant minister of military affairs. He collected and selected the poems that are now considered to exhibit *masurao buri* poetic style, and these poems are mainly those collected among the young confiscated soldiers serving in the eastern provinces i.e. *Azuma uta* and *Sakimori no uta*.

One poem each from *Azuma uta* and *Sakimori no uta* are shown as follows:

⁹ 「防人の歌」（さきもりのうた）「東歌」（あずまうた）など、貴族以外の民衆の歌が載っているきわめて貴重な史料でもある。派手な技巧はあまり用いられず、素朴で率直な歌いぶりに特徴がある。賀茂真淵はこの集を評してまこと・ますらをぶりと云った。

比流等家波 等家奈敵比毛乃 和賀西奈尔 阿比与流等可毛
欲流等家也須家

昼解けば 解けなへ紐の 我が背(せ)なに 相寄るとかも
夜解けやすけ

*Hiru tokeba tokenahe himono waga senani aiyoru to kamo yoru
tokeyasuke*

(Vol. 14, 3483)

*I could not untie the cord in the daytime, but perhaps because I will
meet my husband, in the evening it will be easier to untie*

久佐麻久良 多妣乃麻流祢乃 比毛多要婆 安我弓等都氣呂
許礼乃波流母志

草枕 旅の丸寝の 紐絶えば 我が(あ)が手と付けろ
これの針(はる)持(も)し

*Kusamakura tabino maruneno himotaeba agatetotsukero
korenoharumoshi*

(Vol. 20, 4420)

*If you sleep in your clothes when on a journey and the cord of your
garment becomes broken, sew it back on the garment yourself
with this needle*

Before examining the poetic style, the historical context of these poems needs to be explained.

Azuma uta, meaning poems from the Togoku region (Eastland), covers poems handed down in Togoku, which covers the present Kanto region, Tohoku region, and Tokai region. As the dialects of the Togoku region of the period are frequently used in most of the poems, the *Azuma uta* has an important position as a specific record of these ancient dialects, even though, nota bene, the year the poems were composed, the profile of the composers, and how they were recorded remain unknown.

The *sakimori*, the 7th and 8th-century frontier guards, were conscripts, mostly of humble origin, who were for a certain period drafted exclusively from eastern provinces (Togoku). They were sent to live for 3 years in Kyushu, mostly in Tsukishi, what is now Fukuoka Prefecture, and to the Islands of Oki and Tsushima, where they did their military service while growing their own food. *Sakimori no uta* are the poems composed by these coast guards. Regarding these poems, captains of the *sakimori* were commanded to record and submit

the poems composed by the *sakimori* guards; among the originally collected poems, 82, or almost half of them, were not included as they were felt to be not skillful enough, and the selected poems were registered with the composers' names, and the provinces they came from (the counties they came from in some cases were also included). Both *Azuma uta* and *Sakimori no uta* are evaluated as valuable resources in relation to the dialects of the Togoku region, but not only.

In 644, the year after the collapse of efforts to revive the Korean state of Paekche, Japan took measures to defend itself against possible aggression from T'ang China and its Korean ally, Silla. Among these measures was the garrisoning of conscript soldiers, the *sakimori* or “guardians of the capes”, in northern Kyushu and its outlying islands Tsushima and Iki. The conscripts came mostly from eastern Japan, whose men had the reputation of good soldiers and served for three years. The force numbered three thousand men, and the tours of duty were staggered, with a new contingent of one thousand assembling at the embarkation point of Naniwa once a year. The system was still in effect a century later, when Otomo no Yakamochi (*Man'yōshū* editor) was stationed at Naniwa as junior assistant minister of military affairs in 755. Yakamochi's duties included overseeing the processing of the *sakimori*, and he took it upon himself to collect the poems, mostly sad ones, that they composed on setting out their distant duty. Yakamochi excluded what he considered to be the inferior poems, and it is not inconceivable that he revisited others, or even that he assigned the composition of the poems as extra duty in order to provide material for *Man'yōshū*.¹⁰

If one closely examines some of those poems, what strikes immediately is the youth of the *sakimori*, which is suggested by the many poems that speak of parting with parents rather than wives and children.

1. たちばなのみをりの里に父を置きて 道の長路は行きがてぬかも

<i>Tachibana no</i>	<i>Leaving my father</i>
<i>Miori no sato no</i>	<i>In the village of Miori</i>
<i>Chichi okite</i>	<i>In Tachibana,</i>
<i>Michi no nagachi wa</i>	<i>It is more than I can bear</i>
<i>Yukikatenu kamo</i>	<i>To travel the long, long road.¹¹</i>
	<i>MYS XX: 4341</i>

¹⁰ CRANSTON, A. Edwin: *A Waka Anthology: Volume One: The Gem-Glistening Cup*. Stanford, California: Stanford University Press, 1993, p. 629.

2. 忘らむて野行き山行き我来れど我が父母は忘れせぬかも

Wasuramu te *Wanting to forget,*
 No yuki yama yuki *Over moor, over mountain*
 Ware kuredo *I came away;*
 Wa ga chichi haha wa *But there was no forgetting them,*
 Wasuresenu kamo *My father and mother.¹²*
 MYS XX: 4344

3. 父母も花にもがもや草枕旅は行くとも捧ごて行かむ

Chichi haha mo *Father and mother—*
 Hana ni mogamo ya *Could they only be flowres!*
 Kusamakura *How I wolud hold them,*
 Tabi wa yuku to mo *Though on a grass pillow journey,*
 Sasagote yukamu *High in my hands as I go!¹³*
 MYS XX: 4325

4. 大王の命かしこみ磯に触り海原渡る父母を置きて

Ōkimi no *Awed by the command*
 Mikoto kashikomi *Of our great lord, I shall go:*
 Iso ni furi *Skirting stony strands,*
 Unohara wataru *I shall cross the plains of sea,*
 Chichi haha o okite *Leaving Father and Mother.¹⁴*
 MYS XX: 4328

5. 難波津に装ひ装ひて今日の日や出でて罷らむ見る母なしに

Naniwatsu ni *In Naniwa port,*
 Yosoiyosoite *Ready as ready we can be,*
 Kyō no hi ya *Now at last today—*
 Idete makaramu *But must I embark on this journey*
 Miru haha nashi ni *Without Mother to watch me go?¹⁵*
 MYS XX: 4330

6. 父母が頭搔き撫で幸くあれて言ひし言葉そ忘れかねつる

Chichi haha ga *Father and Mother*
Kashira kakinade *Stroked my head and said to me,*
Saku are te *“Good luck to be with you!”*
Iishi ketoba ze *Those words I have never*
Wasurekanetsuru *Been able to forget.¹⁶*
 MYS XX: 4346

The following poems form a set focusing on parting with wives and children.

1. 畏きや命被り明日ゆりや加叟が齋田嶺を妹無しにして

Kashikoki ya *The dread command*
Mikoto kagafuri *Has descended from on high;*
Asu yuri ya *Shall I tomorrow*
Kae ga muta nemu *Be sleeping with the wild grass,*
Imu nashi ni shite *No sweetheart by my side?¹⁷*
 MYS XX: 4321

2. 我が妻はいたく恋ひらし飲む水に影副へ見えて世に忘れず

Wa ga tsuma wa *My wife misses me—*
Itaku koi rashi *See, with how sore a yearning:*
Nomu mizu ni *In the very water*
Kago sae miete *That I drink her face appears;*
Yo ni wasurarezu *I can never forget her.¹⁸*
 MYS XX: 4322

3. 我ろ旅は旅と思ほど恋にして顔持瘦すらむ我が身悲しも

Waro tabi wa *This is a journey,*
Tabi to omoedo *Yes, I know it's a journey—*
Ii ni shite *But she's at home*
Komechi yasuramu *And must be worn thin with the children—*
Wa ga mi kanashi mo *My wife, oh, how dear to me!¹⁹*
 MYS XX: 4343

Among 22 poems of *sakimori no uta* selected in Cranston's anthology of Japanese poetry, poems that speak of parting with parents are 12 and those of parting with wives are 8 (2 are love poems of unclear addressee).

Table of *sakimori no uta* selected in the Cranston's anthology.

	Parting with wife	Parting with parents	Other
MYS XX (Man'yoshu, vol. 10)	4321		
	4322	-	-
	-	4323	-
	4324	-	-
	-	4325	-
	-	4326	-
	4327	-	-
	-	4328	-
		-	4329
	-	4330	-
	4334	-	-
	4335	-	-
	-	-	4336
	-	4337	-
	-	4338	-
	4339	-	-
	-	4340	-
	-	4341	-
	-	4342	-
	4343	-	-
	-	4344	-
	4345	-	-
	-	4346	-

Seen the above analysis, it is obvious that *sakimori no uta* are mostly love poems written by young soldiers who grieve the departure from their loved ones, left behind. These are sad songs that cry in despair on journeys where

you need to expect nothing but the worst. How did they become to be patriotic poems?

It is well known fact that the Showa war regime used *Man'yōshū* as a tool for uplifting fighting spirit, especially the *sakimori no uta* has been used as a typical example of expressions of loyalty and patriotism. According to Kajikawa, this “fighting spirit”, that has come to be called the *manyō spirit* (*manyō seishin* in Japanese) by the same regime, was renamed *masuraoburi* after the war.²⁰ In his article, Kajikawa deals with the problem of how *masuraoburi* is presented in textbooks and instruction books, mostly compiled by the Education Bureau of the Ministry of Education, especially in relation to its connection with the *manyō seishin* concept and how, considering this issue, the *Man'yōshū* collection should be reviewed. He came to the conclusion that *Man'yōshū* is still today taught in Japanese schools as *masuraoburi*, a collection of “simple” and “frank” poems based on a “pure” spirit, the same way it was touted under the wartime regime of the Showa era when the *manyō spirit* was thought as one form of the “Japanese spirit” of reverence, loyalty, and patriotism and used as a tool to raise this fighting spirit during the war.

However, *masuraoburi* is a concept first used by Kamo no Mabuchi when he talked about the 「歌風」 or the poetic style in *Man'yōshū*. His *masuraoburi* and the *manyō seishin* used by wartime propaganda cannot of course be the same. But despite this, this parallel continued to be drawn in national textbooks during and after the war. To put it simply, according to Kajikawa, *manyō seishin*, which was used as a tool for uplifting the spirit during the war period, was simply replaced with *masuraoburi* in peacetime. In other words, *masuraoburi* is nothing but *manyō seishin* dressed in new clothes, presented under the authority of *kokugaku* and introduced as such into Japanese textbooks and the education system.²¹

Kajikawa explained that *Manyōshū* appears as a textbook for the first time in the form of a fifteen-volume compilation named 小學國語讀本 尋常科用卷十二 (*Elementary School Japanese Book for General Purpose Volume 12*), 著作権及び發行者 文部省・發行所日本書籍 (published by the Ministry of education) which was created in the 13th year of the Showa period (1939). Its editor was Sasaki Nobutsuna (1872–1963)²², previously ordained with the

²⁰ KAJIKAWA, Nobuyuki: “*Manyō seishin*” kara “*masuraoburi*” he – *Kentei kyokasho no “Manyōshū”*. Special Issue: Government-Authorized Textbooks and Classical Literature. [online]. 2018, vol.67, No. 5, p.2 [cit. 2023-06-30]. https://www.jstage.jst.go.jp/article/nihonbungaku/67/5/67_2/_pdf/-char/en.

²¹ Ibidem.

²² In 1894 Sasaki published a lengthy patriotic poem *Shina seibatsu no Uta* (*The Song of the Conquest of China*), on the occasion of the start of the First Sino-Japanese War. The poem was

Order of Culture. In his essay 小學讀本と萬葉集 (*Elementary School Books and Man'yōshū*) published in volume 萬葉清話 (*Manyō seiwa*, 1943) Sasaki wrote²³:

One of my greatest joys in the 13th year of the Showa era was the addition of a new section, “Manyoshu” to the “Elementary School Japanese Book for General Purpose Volume 12”. The living power of our ancient Japanese spirit, the essence of our ancient literature, the classic that should be able to transmit the voices of the people of our ancient times, and one of the classics that the Japanese people should be proud of. It is most gratifying that the “Manyoshu” will be included in elementary school books and that this precious classic will be properly imbued in the young minds of the next generation of Japanese people...Teachers who will train the most important people for Japan in the future, make good use of these teaching materials and instill in children the Man'yo spirit that has been handed down from our ancestors. (English translation by the author)

Manyoshu in 小學國語讀本 is supposed to 我々の祖先から傳はつてをる萬葉精神を兒童に鼓(こ)吹(すい)する—“inspire children with the spirit of courage that has been handed down from our landlords through *Man'yōshū*”.²⁴ According to Kajikawa, the word “courage” is a typical term used in this period of militaristic and nationalistic tendencies.²⁵

Let us examine what meaning the “Manyo seishin” has for Sasaki. The poem from vol. 29, n. 4373 is regarded as *sakimori no uta*:

今日よりは 顧(かえり)みなくて 大君(おおきみ)の
醜(しこ)の御楯(みたて)と 出で立つわれは
*Kyō yoriwa kaeriminakute ōkimino shikonomitate to
detetatsuwawarewa*

extremely popular, and one of its lyrics comparing falling cherry blossoms to Japanese soldiers falling in battle for the emperor became a common symbolic phrase through the end of World War II.

²³ Ibidem, p.3. 「昭和十三年度に於ける自分の大いなる喜びの一つは、文部省発行の小學讀本尋常科用卷十二の第十五課に、「萬葉集」といふ一課の 新たに掲げられたことである。我が上代日本精神の生きたる力、我が上代文學の精華、我が上代國民の心の聲をさながらきくべき古典籍、しかして我が日本國民が世界に向つて誇るべき古典の一である萬葉集のことが、小學讀本に採録せられ(中略)、今後の第二の日本國民の幼い頭腦に、この貴き古典のことを正しく沁みこませおくといふことは、最も喜ばしいこと。將來の日本にとつて最も大切な小國民を養成せられる教員諸氏が、この教材を十分よく生かして、我々の祖先から傳はつてをる萬葉精神を、新たに兒童に鼓吹せられむことを切望する。」

²⁴ Ibidem, p.3.

²⁵ 「まさに、この時代らしい国家主義的・民族主義的な発言だが、この「鼓吹」という語も、いかにも軍国主義の時代にふさわしい。」

*I will not from today,
Turn back toward home—
I who have set out to serve
As her Majesty's humble shield.*

Sasaki's comment on this poem is:

よく国民の本分、軍人の覺悟をあらはした、りっぱな歌である。²⁶

It is a splendid song that reveals the duty of a citizen and the path to the enlightenment of a soldier.

In another example, Sasaki took only the following part of the *chōka* (long poem) 陸奥国に金を出せる詔書を賀ける歌 (*A song to write an imperial edict to give money to Mutsu province*; vol. 19, poem n. 4094) wrote by Otomo no Yakamochi:

海行かば 水漬く屍 山行かば 草生す屍
大君の 辺にこそ死なめ 顧みはせじ
*Umi yukaba mizutsuku kabane yama yukaba kusa musu kabane
Okimi no he ni koso shiname kaerimi wa seji*
*At sea be my body water soaked,
On land be it with grass overgrown,
Let me die by the side of my Sovereign!
Never will I look back.*

Sasaki's comment on this poem is:

まことに雄々しい歌であり、忠勇の心の躍動した歌である。²⁷

It is a truly heroic song, it is a song that moves the heart of a brave man.

Umi yukaba is almost considered a national anthem, as can be read in multiple online sources, some of those examples are:

*Umiyukaba is a military song composed in 1937 to raise the fighting spirit of the nation.*²⁸

²⁶ Ibidem.

²⁷ Ibidem.

²⁸ 「海ゆかばは、1937年に国民の戦意高揚のため作曲された軍歌です。」

*Umiyukaba is one of Japan's national songs. During the Great East Asian War, it was called the quasi-national anthem or the second national anthem (although it was not legally recognized).*²⁹

However, this passage is only a part of a poem written by Otomo no Yakamochi in 749, when he was appointed as the governor of Etchu Province and the song was supposed to celebrate the imperial edict that gives money to Mutsu Province. But it also had a personal significance to Otomo himself because the moment he became governor of Etchu, due to court political battles, he actually lost the position that was hereditary in his family clan, of service as an imperial guard. This song is an expression of his personal gratitude towards the emperor and its opening passage “Go to the sea” refers to the Etchu province that bordered the Sea of Japan to the north.

In 1937, the Japan Broadcasting Corporation (NHK) commissioned Nobutoki Kiyoshi, a lecturer at the Tokyo Music School (currently Tokyo University of Arts), to put the music to the Yakamochi's song and create *Umi Yukaba* as part of its campaign for the National Spirit Mobilization Week.

It was on March 6, 1942, that the Japan Broadcasting Corporation (NHK) broadcast this song for the first time after announcing that nine soldiers had died in the attack on Pearl Harbor. After December of the same year, the Imperial Rule Assistance Association designated this song as the “national song” and after that, it was broadcast every time an announcement was made.

However, the worship of the emperor as described in the lyrics has not always existed among the *common* people. In the Nara period, when Yakamochi lived, power struggles were fierce, Yakamochi was also involved and this *uta* is an expression of his loyalty to the emperor in order to survive the power struggle. He also created and edited songs for soldiers, as explained previously. In this period, the aristocracy was only a minority, and the common people had nothing to do with emperor worship. The population of the capital was estimated to be about 100,000, with more than 100 nobles and thousands of lower-ranking officials. From the Kamakura period to the Edo period, many people did not even know the existence of the emperor. Emperor worship was strengthened after the Meiji era when the absolutist emperor system was established.

Umi yukaba eventually came to be sung before takeoff by many kamikaze suicide attack pilots in the final stages of the Pacific War.

²⁹ 「『海行かば』（うみゆかば）は、日本の国民歌謡の一つ、歌曲、合唱曲。特に大東亜戦争中は準国歌、第二国歌とも呼ばれた（ただし、法的に認められたものではない）」

Conclusion

The aim of this paper was to discuss the concept of *masurao* and the term itself, for both the Western and Japanese understanding of this term and the associated set of moral values have been somehow distorted. By taking into examination the particular songs themselves, the scope was to check how exactly *sakimori no uta* can be linked to the “virtuous, direct and strong”—masculine—*masurao buri* poetic style. As explained, even though *sakimori no uta* in recent times have been associated with the concepts of loyalty, honor, and bravery, *masurao buri* masculine poetic style was coined as a means of opposition to *taoyame buri* or feminine style which attaches itself to excessive poetic techniques imported from China. Kamo no Mabuchi, member of *Kokugaku*, proclaimed the poetic style of the *Manyōshū* as authentically Japanese because the anthology was compiled at a time when Chinese influence was not considered as strong as it would become in the next period. *Kokugaku* had a very clear Other: China and *kangaku*—studies of Chinese classics. Under the 18th-century Tokugawa Shogunate, Confucianism (neo-Confucianism) was the established academic discipline enjoying the Shogunate’s protection. In this school of thought, at least as developed in Tokugawa Japan, the way in which social and political order was realized was the major focus of scholarly, and such inquiries were carried out through close reading and examination of Chinese Confucian texts. In this intellectual climate, *kokugaku* which concentrated on exploring ‘What is Japan?’ was a radical movement challenging the established way of thinking. *Kokugaku* scholars studied Japanese ancient texts so as to uncover the uncontaminated “essence of Japaneseness”. These texts were thought to be ideal material for the efforts to recover the past because they were written before foreign influences, i.e. Buddhism and Confucianism firmly established themselves in Japan. The irony is that these texts were written before the invention of the Japanese kana script and are entirely written in Chinese characters. The *manyōgana* is a script that uses Chinese characters in a rather complicated way and very few experts are actually able to read the poems in their original form. The *kokugaku* scholars were those experts but their job was in the first place philological: they were trying to remove the layers of foreign influences from these ancient texts by conducting close and careful reading of them. Based on these painstaking endeavors, *kokugaku* scholars argued that Japan in antiquity was a country where perfection in every aspect of life—human behavior, governance, order—was realized naturally through the ‘true heart’. Human beings were simply good, and life was effortlessly harmonious because the ancient ways of Japan, the expression of the true heart,

prevailed. How did these, rather “pacifistic” ideas, come to be associated with the *manyō seishin* militaristic propaganda?

A close reading of the *sakimori no uta* reveals that most of the poems written by young soldiers are actually love songs or deeply sad songs that talk about the departure and separation from loving families. What strikes immediately is the youth of the *sakimori*, which is suggested by the many poems that speak of parting with parents rather than wives and children. How did they become the representative patriotic poems defined as “warrior-like style” or “masculine style” poems?

Mabuchi’s interpretation of *masurao buri* was part of the larger project of studying and celebrating Japan’s unique cultural and linguistic heritage. These ideas were taken by the next (militaristic) generation and re-interpreted or even intoxicated, as explained in concrete examples.

As shown, Showa war regime used *Man’yōshū* as a tool for uplifting the fighting spirit, especially the *sakimori no uta* has been used as a typical example of expressions of loyalty and patriotism. According to Japanese scholar Kajikawa, this “fighting spirit”, that has been called the *manyō seishin* by the same regime, has been simply renamed *masuraoburi* after the war. In other words, *masuraoburi* is nothing but *manyō seishin* dressed in new clothes, presented under the authority of *kokugaku* and introduced as such into Japanese textbooks and education system. Since the new era name Reiwa (2019 up today) was inspired by the poem found in *Man’yōshū*, it is obvious that this collection of ancient Japanese poetry continues to be an important pillar in building the national identity.

References:

- A History of Japanese Literature. From Manyōshū to Modern Times*. KATO, Shichi, SANDERSON, Don (eds). England: New Abridged Edition, Japan Library, 1997.
- CARTER, D. Steven: *Traditional Japanese Poetry: an Anthology*. Stanford, California: Stanford University Press, 1991.
- CRANSTON, A. Edwin: *A Waka Anthology: Volume One: The Gem-Glistening Cup*. Stanford, California: Stanford University Press, 1993.
- DOMON, Minoru: 太平洋戦争中、“第二の国歌”といわれた軍歌「海行かば」に作曲家・信時潔のキリスト教信仰 (*During the Pacific War, composer Kiyoshi Nobutoki’s Christian faith in the military song “Umiyukaba”*,

- which was called the “second national anthem”). Christian Today. [online], 2015 [cit. 2023-08-15]. <https://www.christiantoday.co.jp/articles/16629/20150815/umiyukaba-nobutoki-kiyoshi.htm>.
- FUJIWARA, Gideon, NOSCO, Peter: *The Kokugaku (Native Japan Studies) School*. In: Stanford Encyclopedia of Philosophy. [online], 2021 [cit. 2023-06-10]. <https://plato.stanford.edu/entries/kokugaku-school/#FemaKoku>.
- KAJIKAWA, Nobuyuki: “Manyo seishin” kara “masurao buri” he – Kentei kyokasho no “Manyoshu”. Special Issue: Government-Authorized Textbooks and Classical Literature. [online]. 2018, vol. 67, No. 5, pp. 2–12 [cit. 2023-06-30]. https://www.jstage.jst.go.jp/article/nihonbungaku/67/5/67_2/_pdf/-char/en.
- ORSI, Maria Teresa: *Cronaca e letteratura: dal “caso Genta” a masurao di Enchi Fumiko*. Il Giappone, 1983, vol. 23, pp. 187–205. REASONER, Paul: *Sincerity and Japanese Values*. Philosophy East and West: Understanding Japanese Values, 1990, vol. 40, No. 4, pp. 471–488.
- SHIRANE, Haruo, SUZUKI, Tomi: *Inventing the Classics: Modernity, National Identity, and Japanese Literature*. Stanford, California: Stanford University Press, 2000.
- Traditional Japanese Literature. An Anthology, Beginnings to 1600*. SHIRANE, Haruo (ed.). New York: Columbia University Press, 2007.
- UENO, Makoto, SUZUKI, Hideo: *The Manyoshu*. In: Japanese Wikipedia. [online], 2017. [cit. 2023-05-12]. <https://ja.wikipedia.org/wiki/%E6%B5%B7%E8%A1%8C%E3%81%8B%E3%81%B0>.
- 準国歌ともいわれた「海ゆかば」を解説。歌詞，現代語訳，意味など【世界の軍歌シリーズ】 (*Explaining “Umi Yukaba”, called the quasi-national anthem. Lyrics, modern translations, meanings, etc.: World Military Songs Series*). In: Kokeken no nikki. [online], 2019 [cit. 2023-08-15]. <https://kokeken.com/umiyukaba>.

Iva Lakić Parać

doc. dr. sc., assistant professor, Department of Asian Studies, Faculty of Humanities and Social Sciences, University of Zagreb, Ivana Lučića 3, Zagreb 10000, Croatia

ilakic@m.ffzg.hr

ORCID 0009-0001-8808-6149

V. Briusov v slovenskom literárno-kultúrnom kontexte¹

Andrea Grominová

Abstrakt

Cieľom predkladaného príspevku je poukázať na podoby recepcie tvorby ruského autora tzv. strieborného veku, „staršieho“ symbolistu Valerija Briusova v slovenskom literárno-kultúrnom kontexte, počnúc prvými čiastkovými prekladmi jeho básní, uverejnenými v priebehu prvého dvadsaťročia 20. storočia, až po súčasné literárnovedné práce, reflektujúce jeho básnickú, prozaickú, dramatickú i prekladateľskú činnosť. Neopomínajú sa kľúčové prekladateľské osobnosti, kultúrne periodiká a vydavateľstvá slovenskej proveniencie, zásluhou ktorých sa naša odborná i laická čitateľská verejnosť mala a má možnosť oboznamovať s jednotlivými literárnymi dielami V. Briusova. V rámci literárnokritickej recepcie je pozornosť venovaná nielen dekódovaniu Briusovovho umeleckého modelu sveta, ale aj hodnotovým aspektom jeho umeleckého odkazu z pohľadu slovenských rusistov, filológov, teoretikov prekladu.

Kľúčové slová: Valerij Briusov; umelecký odkaz; slovenský literárno-kultúrny kontext; preklad; prekladateľ; literárnovedná recepcia

V. Bryusov in the Slovak Literary-Cultural Context

Abstract

The objective of this paper is to elucidate the modes of reception pertaining to the oeuvre of the Russian author associated with the Silver Age, the “elder” Symbolist Valery Bryusov, within the Slovak literary and cultural milieu. This exploration commences with an examination of the initial partial translations of his poems that surfaced during the first two decades of the 20th century and extends to encompass contemporary literary science works that reflect upon his poetic, prose, dramatic, and translational endeavours. Furthermore, this study endeavours to shed light on the pivotal translation figures, cultural periodicals, and publishing houses of Slovak origin, which have facilitated, and continue to facilitate, the acquaintance of our professional and general readership with the various literary contributions of V. Bryusov. In the sphere

¹ Táto štúdia bola spracovaná a publikovaná s podporou medzinárodného grantového projektu Erasmus+ KA220-HED č. 2021-1-SK01-KA220-HED-000022917 s názvom *The innovation of the concept and curriculum of doctoral study programs and increasing their effectiveness.*

of literary-critical reception, our focus extends beyond the mere deciphering of Bryusov's artistic worldview to encompass an assessment of the intrinsic value embedded within his artistic legacy, as perceived by Slovak Russianists, philologists, and translation theorists.

Key words: Valery Bryusov; artistic legacy; Slovak literary-cultural context; translation; translator; literary reception

Tvorba Valerija Jakovleviča Briusova (1873 – 1924), ruského spisovateľa, prekladateľa, literárneho kritika, teoretika a jedného zo zakladateľov ruského symbolizmu, nie je v slovenskom literárno-kultúrnom priestore neznámou. V tomto procese zohrali dôležitú úlohu dva aspekty: na jednej strane, prekladateľské aktivity, na druhej strane, literárnovedná, resp. literárnokritická činnosť. Ak sa pozrieme na prvý z nich, tak nemôžeme opomenúť iniciatívu prekladateľa francúzskej, ruskej, poľskej a nemeckej literatúry, politika, diplomata a básnika J. Slávika (publikoval pod menami J. Slávik-Neresnický, J. Neresnický), ktorý je autorom prvého knižného prekladu Flaubertovho románu *Madame Bovary* (1928) v slovenčine. Prekladateľským aktivitám sa venoval najmä v rokoch 1907 – 1918 a za toto obdobie časopisecky uverejnil aj niekoľko krátkych básnických prekladov z ruštiny, a to z tvorby V. Briusova, M. J. Lermontova a L. Andrejeva. Od V. Briusova preložil dielo *Hľadajúci* a uverejnil ho v roku 1929 v najstaršom slovenskom kultúrnom periodiku Slovenské pohľady.

V tom istom periodiku vyšla v roku 1926 jedna z prvých štúdií v slovenskom kontexte, reflektujúcich tvorbu V. Briusova, a to článok *Súčasný stav ruskej literatúry* R. Pletneva. Autor v ňom za veľké osobnosti vyhlasoval spisovateľov v Rusku, ako aj mimo neho, a teda popri I. Buninovi, D. Merežkovskom, Z. Gippiusovej, A. Kuprinovi, M. Gorkom, S. Jeseninovi, L. Leonovovi a iných vyzdvihoval aj osobnosť V. Briusova.²

V povojnovom období (po roku 1945) sa slovenský čitateľ oboznamoval s kľúčovými dielami ruských klasikov, ale aj predstaviteľov modernej literatúry začiatku 20. storočia, a to zásluhou iniciatívy prekladateľov ako R. Kľačko, M. Gacek, M. Klimová, J. Komorovský a J. Jesenský, básnik a prozaik, najvýznamnejší prekladateľ ruskej poézie v medzivojnovom a vojnovom období. Od roku 1933 v časopisoch Slovenské pohľady a Slovenské smery uverejňoval svoje preklady z tvorby A. S. Puškina, F. I. Ťutčeva, A. A. Feta, B. Pasternaka, K. Balmonta, N. Gumilova, A. Achmatovovej, O. Mandelštama, M. Vološina,

² KUSÁ, Mária: *Hĺbka a šírka záberu (1918 – 1938)*. In: Ruská literatúra v slovenskej kultúre v rokoch 1825 – 2015. KUSÁ, Mária (ed.). Bratislava: VEDA, 2017, s. 66.

M. Gorkého, I. Bunina, a tiež V. Briusova.³ Avšak vzhľadom na čiastkový charakter časopisecké preklady nepredstavovali zásadný vklad do slovenského kultúrneho kontextu. Knižné vydanie väčšiny týchto prekladov sa zrealizovalo až v roku 1947, keď bola vo vydavateľstve Tranoscus vydaná zbierka prekladov s názvom *Z novej ruskej poézie*. V nej dominovali predchodcovia moderny, symbolisti (vrátane V. Briusova), akmeisti, imажinisti, ale aj M. Gorkij, I. Bunin a B. Pasternak. Pri svojom výbere sa J. Jesenský nepodriaďoval oficiálnemu sovietskemu modelu, ale vychádzal z hodnotového hľadiska a z vlastného vkusu (neprekladal napríklad futuristov), čo svedčí o jeho kompetencii znalca ruskej poézie.⁴

O desať rokov neskôr (1957) bol zásluhou vydavateľstva Slovenský spisovateľ publikovaný reprezentatívny výber ruskej básnickej tvorby *Hviezda ľudská*, ktorý zostavil prekladateľ z ruštiny, angličtiny a poľštiny, dramaturg, dramatik, básnik a textár R. Skukálek. Na preklade umeleckých textov V. Briusova, A. Achmatovovej, B. Pasternaka, V. Majakovského, S. Jesenina a i., ktoré boli zaradené do antológie, sa podieľal kolektív autorov, vrátane R. Skukálka.⁵

Okrem J. Slávika, J. Jesenského a R. Skukálka, ktorí uverejňovali len čiastkové preklady Briusovových umeleckých diel, je potrebné oceniť pozoruhodnú prekladateľskú aktivitu prekladateľa ruskej literatúry, vydavateľského redaktora a kultúrneho pracovníka I. Izakoviča, ktorý preložil a v roku 1971 v Tatrane vydal historický román *Oltár bohyně víťazstva* (Алтарь победы. Повесть IV века, 1911) symbolistu V. Briusova. Tento edičný počin možno v danom období vnímať ako doznievajúci trend 60. rokov s prevažujúcim záujmom o diela moderných autorov prelomu storočí. Originálne kompozičné postupy a intertextové nadväzovanie sa I. Izakovič pokúsil slovenským čitateľom sprístupniť aj v preklade ďalšieho Briusovovho románu *Ohnivý anjel* (Огненный ангел, Tatraň, 1984) s ľubostným príbehom, zasadeným do obdobia nemeckej renesancie, „okoreným“ faustovskými motívmi.⁶

Z hľadiska prekladovej reflexie Briusovovej poézie v slovenskom kontexte je potrebné vyzdvihnúť úsilie prekladateľa ruskej, hispanofónnej, ukrajin-

³ PAŠTEKOVÁ, Soňa: *Transformácie obrazu ruskej literatúry*. In: Ruská literatúra v slovenskej kultúre v rokoch 1836 – 1996. KUSÁ, Mária (ed.). Bratislava: Ústav svetovej literatúry SAV, 1998, s. 90.

⁴ KUSÁ, Mária: *Hĺbka a šírka záberu (1918 – 1938)*. In: Ruská literatúra v slovenskej kultúre v rokoch 1825 – 2015. KUSÁ, Mária (ed.). Bratislava: VEDA, 2017, s. 58.

⁵ KOVAČIČOVÁ, Oľga: *Rudolf Skukálek*. In: Slovník slovenských prekladateľov umeleckej literatúry. 20. storočie. L – Ž. KOVAČIČOVÁ, Oľga – KUSÁ, Mária (eds). Bratislava: Ústav svetovej literatúry SAV – VEDA, 2017, s. 218 – 220.

⁶ MALITI, Eva: *Ivan Izakovič*. In: Slovník slovenských prekladateľov umeleckej literatúry. 20. storočie. A – K. KOVAČIČOVÁ, Oľga – KUSÁ, Mária (eds). Bratislava: Ústav svetovej literatúry SAV – VEDA, 2015, s. 290.

skej, českej, staroslovienskej, v jazykovej spolupráci aj nemeckej, estónskej a lužicko-srbskej poézie, básnika, literárneho vedca, teoretika prekladu a vysokoškolského pedagóga J. Zambora, jedného z najvýraznejších osobností slovenského básnického prekladu. Okrem prekladov z tvorby A. S. Puškina (Dievča na skale, 2000), M. J. Lermontova (*Iba sen*, 1980, spoluprekladateľ; *Kindžal*, 1981 a. i.), A. Achmatovovej (*Spálený zošit*, 1981; *Vrcholiaca luna*, 1989; *Biely kráľ*, 2002), M. Cvetajevovej (*Nespavosť*, 1986), B. Pasternaka (*Sestra moja – život. Čas bez lásky. Eseje. Listy*, 1991) či G. Ajgiho (*Predĺžovanie odchodu*, 1995; *Obdarená zima*, 2008), vďaka jeho iniciatíve a iniciatíve vydavateľstva Slovenský spisovateľ vznikol prvý samostatný knižný výber z poézie V. Briusova v slovenskom jazyku s názvom *Zrkadlo tieňov* (Зеркало теней, 1978), náročný na preklad z hľadiska rôznorodosti veršových a strofických foriem. O päť rokov neskôr (1983) vyšiel vo vydavateľstve Tatran ďalší významný počin J. Zambora – knižný preklad Briusovovho diela *Mestu a svetu* (Urbi et Orbi, 1903).

Výsledkom jeho štyri desaťročia pretrvávajúceho záujmu o ruskú poéziu je antológia *Kniha ruskej poézie* (Vydavateľstvo Michala Vaška, 2011), reflektujúca tvorbu 32 reprezentatívnych ruských básnikov 19. a 20. storočia prostredníctvom jeho prekladov. V medailóne o V. Briusovovi J. Zambor uvádza (podľa jeho slov) autorovu sebacharakteristiku nasledovne:

„Medzi znakmi jeho skorej lyriky figuruje záľuba v nezvyčajných i extravagantných obrazoch, egocentrizmus, absencia súcitu, krajná neviazanosť, provokatívne narušanie tradičnej morálky (nazývanej aj amorálnosťou), kult nezávislého umenia i zámerné zatemnenie zmyslu.“⁷

J. Zambor konštatuje, že

„Briusov sa predstavil ako prvý urbanistický básnik 20. storočia. Mesto oslavuje, ale ostro vidí aj jeho protirečivosť (pri tvarovaní tohto motívu využíva podnety Émile Verhaerena).“⁸

Vo svojej ďalšej publikácii *Stavebnosť básne* (Literárne informačné centrum, 2018) J. Zambor porovnáva tvorbu Briusova so slovenskými i ďalšími ruskými básnikmi a prichádza tak k záveru, že spôsobom zrkadlenia, zobrazenia v odraze, ktorý napríklad slovenský básnik Š. Strážay uplatnil v básni *Na cintoríne*, sa

⁷ ZAMBOR, Ján: *Valerij Briusov*. In: ZAMBOR, Ján: *Kniha ruskej poézie*. Prešov: Vydavateľstvo Michala Vaška, 2011, s. 106.

⁸ Tamže, s. 107.

inšpiroval V. Briusovom a B. Pasternakom.⁹ Nachádza tiež paralely výstavby básne *Slovo* (Слово) V. Briusova s novšou slovenskou poéziou, a to v zmysle netradičného aliteračného princípu (každé slovo v Briusovovej básni sa začína spoluhláskou „s“).¹⁰

Z hľadiska vydávania knižných prekladov prózy V. Briusova v novom miléniu môžeme oceniť snahu vydavateľstva Ikar, vďaka ktorému v roku 2005 vyšiel knižný preklad I. Izakoviča *Posledné stránky denníka* a dva roky neskôr reedícia jeho prekladu *Oltár bohyně víťazstva* (Алтар победы, Ikar, 2007) z roku 1971. Nemenej dôležitý vklad do recepcie tohto spisovateľa v našom kontexte vnáša zvukový záznam (magnetofónové kazety) diela *Posledné stránky denníka* V. Briusova, vydaný Slovenskou knižnicou pre nevidiacich Mateja Hrebendu v Levoči (2007) spolu s elektronickým zdrojom tohto diela pre nevidiacich (2008). Preklad s názvom *Posledné stránky denníka* (Ikar, 2005) sa stal predmetom dvoch recenzií, a to z pera M. Schustera v časopise *Knižná revue* (*Ako povzdych*, 2006) a M. Lampertovej v denníku *Sme* (*Stále aktuálny kráľ ruského básnického symbolizmu*, 2006). Reedícia prekladu románu *Oltár bohyně víťazstva* (Алтар победы, Ikar, 2007) si zaslúžila pozornosť M. Geisbacherovej v podobe recenzie, uverejnenej v *Knižnej revue* (*Valerij Briusov: Oltár bohyně Víťazstva*, 2008).

M. Schuster vo svojej recenzii výstižne hodnotí krátke Briusovove prózy v troch cykloch, ktoré odkazujú na minulosť, súčasnosť i budúcnosť. Podtitul *Novella simplici No. 1* prózy *Pod starým mostom* (Под Старым мостом, 1903) je podľa neho symptomatický (Prostá poviedka č. 1). Obsah poviedky o nezmieriteľnosti svetov chudoby a bohatstva je podľa jeho názoru spracovaný primerane prosto, nevyumelkovane, a svojou rozprávkovitosťou pripomína *Dievčatko so zápalkami* H. Ch. Andersena.¹¹ V prózach, venovaných budúcnosti (*Republika Južného kríža*, Республика Южного Креста, 1905; a *Vzbura strojov*, Восстание машин, 1908, s príznačnými podtitulmi *Článok v mimoriadnom vydaní Severoeurópskeho večerníka* a *Z kroník x-tého storočia*), podľa kritika Briusov predvídal katastrofy, varoval pred diktatúrou a tyraniou a upozorňoval, že stroje síce môžu človeku uľahčiť život, ale hrozí mu pri tom nebezpečenstvo závislosti na nich.

Na margo najrozsiahlejšieho z cyklov s názvom *O smutnej prítomnosti*, obsahujúceho sedem próz, M. Schuster konštatuje, že

⁹ ZAMBOR, Ján: *Reflexie poézie. Lyrika ako fascinácia bytím*. In: ZAMBOR, Ján: *Stavebnosť básne*. Bratislava: Literárne informačné centrum, 2018, s. 140.

¹⁰ ZAMBOR, Ján: *Reflexie prekladu. Zvukové tvarovanie ruskej básne a preklad*. In: ZAMBOR, Ján: *Stavebnosť básne*. Bratislava: Literárne informačné centrum, 2018, s. 283.

¹¹ SCHUSTER, Michal: *Ako povzdych*. *Knižná revue*. [online]. 2016, č. 13. Rec. na: BRIUSOV, Valerij: *Posledné stránky denníka*. Bratislava: Ikar, 2005 [cit. 2023-09-04]. <https://www.litcentrum.sk/recenzia/posledne-stranky-dennika-valerij-briusov-ako-povzdych>.

„viaceré z nich možno označiť prívlastkom korunovačné: Briusovovi ako kráľovi ruskej moderny patria ako jeho insignie. B-mol (Zo života bezvýznamného človeka), V zrkadle (Z psychiatrovho archívu) i Prebudenie (Zápisky psychopata) sú poviedky, ktoré sú malými majsterštykmi, ponormi do duše ľudí, ktorí zápasia sami so sebou, okolie im je cudzie a vytvárajú si vlastný fantazmagorický svet. Svet, kde je poriadok podľa ich predstáv, kde veci ožívajú, kde si možno byť sám sebe nebezpečným nepriateľom v podobe dvojníka v zrkadle, kde sen splýva so skutočnosťou. Téma malého ruského človeka alebo aj psychologická novela nezostali teda Briusovom nepovšimnuté, až do svojej smrti ostal vášnivým hľadačom a skúmatelom noviniek. Próza Pätnásť rokov citlivo zobrazuje vzťah dvoch ľudí, muža a ženy, neopätovanej, ale trpezlivej lásky. Príbeh tajenej vášne so všetkými jej peripetiami sa málokomu vo svetovej literatúre podarilo opísať natoľko výstižne, ako práve V. Briusovovi“¹²

M. Lampertová vo svojej recenzii toho istého diela (*Posledné stránky denníka*) upozorňuje:

„*Posledné stránky denníka* je kniha, ktorá dosvedčuje, aká veľká škoda je, že sa o ňom tak málo hovorí, aká je to škoda, že jeho meno absentuje napríklad aj v slovenských stredoškolských učebniciach“¹³

Vyzdvihuje Briusova ako znamenitého štylistu, ktorý s obľubou prelína fikciu a non-fikciu. Dodáva, že

„v jeho rozprávaní cítiť záujem o psychologické problémy spojené s Freudovými objavmi. Najviac sa to azda prejavilo v próze V zrkadle, kde okrem iného badať aj autorovu majstrovskú štúdiu ženskej mysle. Do postavy opačného pohlavia sa excelentne prevetelil v titulnej novele *Posledné stránky denníka*, s publikovaním ktorej mal v tom čase nemalé problémy, keďže ju cenzúra označila za nemravnú. Ruský veľikán sa totiž nikdy nesnažil skrášľovať charaktery svojich hrdinov. Pomerne frekventovaná je uňho téma lásky a smrti, jeho ľudia neraz trpia až chorobnou vášňou,

¹² Tamže.

¹³ LAMPERTO VÁ, Mária: *Stále aktuálny kráľ ruského básnického symbolizmu*. Sme. [online]. 2006. Rec. na: BRIUSOV, Valerij: *Posledné stránky denníka*. Bratislava: Ikar, 2005 [cit. 2023-09-04]. <https://www.sme.sk/c/2719096/stale-aktualny-kral-ruskeho-basnickeho-symbolizmu.html>.

čím sa vovádzajú do záhuby. Ten, kto miluje happyendy, si teda nepríde na svoje“.¹⁴

M. Geisbacherová, ktorá recenzovala reedíciu prekladu historického románu *Oltár bohyně víťazstva* (Алтар победы, Ikar, 2007), hodnotí dielo nasledovne:

„V pútavom deji (Briusov – pozn. A. G.) približuje atmosféru starého Ríma, historické a politické udalosti, zákulisné hry boja o moc, život v rímskych palácoch. Oživí naše vedomosti z histórie, ale zaujme aj psychológiu osobnosti hlavného hrdinu či porozumením ľudskej vášni“.¹⁵

V tom istom roku, ako bola publikovaná recenzia M. Geisbacherovej (2008), bol v katolíckom týždenníku *Remény*, vydávaného v maďarskom jazyku, uverejnený aj maďarský preklad Briusovovho diela *Márnótratóny syn* s názvom *A tékozló fiú* vďaka maďarskej prekladateľke a poetke Z. Rab.

Ako sme už načrtli vyššie, v novom miléniu majú svoje stabilné miesto aj reedície starších prekladov, čoho dôkazom sú aj edičné aktivity vydavateľstva SnowMouse Publishing, ktoré v období rokov 2010 – 2011 vydalo niekoľko knižných prekladov v rámci edície ruskej klasickej literatúry. Popri prekladoch z ruskej poézie, zastúpenej A. S. Puškinom (*Eugen Onegin*), z ruskej drámy, zastúpenej A. P. Čechovom (*Ujo Váňa*, *Ivanov* a *Višňový sad*) a M. A. Bulgakovom (*Puškin*), vyšla aj ruská próza, zastúpená dielami práve V. Briusova – *Mozart* (Моцарт, 2011) a *Pod starým mostom* (Под Старым мостом, 2011), všetky v preklade I. Izakoviča.¹⁶

Umelecký odkaz V. Briusova a snaha o jeho dekódovanie zo strany slovenskej literárnokritickej obce sú v novom tisícročí stále živé a aktuálne, čo sa premietlo aj do troch pre slovenskú rusistiku kľúčových publikácií, reflektujúcich o. i. aj autorovu tvorbu. Prvou je *Slovník ruskej literatúry 11. – 20. storočia* (2007), ktorý v našom kontexte predstavuje

¹⁴ Tamže.

¹⁵ GEISBACHEROVÁ, Michaela: *Valerij Briusov: Oltár bohyně víťazstva*. Knižná revue. [online]. 2008, č. 3. Rec. na: BRIUSOV, Valerij: *Oltár bohyně víťazstva*. Bratislava: Ikar, 2007 [cit. 2023-09-04]. <https://www.litcentrum.sk/recenzia/oltar-bohyne-vitazstva-valerij-briusov>.

¹⁶ MATTOVÁ, Lucia – GROMINOVÁ, Andrea – MOČKOVÁ LORKOVÁ, Zuzana: *Hľadanie nových pozícií (po roku 2000)*. In: *Ruská literatúra v slovenskej kultúre v rokoch 1825 – 2015*. KUSÁ, Mária (ed.). Bratislava: VEDA, 2017, s. 173.

„prvú syntetickú publikáciu o ruskej literatúre, ale aj prvý slovník spisovateľov inonárodnej literatúry vôbec“.¹⁷

Autorkou hesla o V. Briusovovi je poetka a prekladateľka z ruského a anglického jazyka I. Drugová, ktorá hodnotí jeho tvorbu nasledovne:

„V ranej tvorbe je badateľný vplyv M. Ľ. Lermontova, duch romantického rozporu medzi snom a skutočnosťou. Po hlbokom reflektovaní ruskej klasiky (Tolstoj, Dostojevskij, Turgenev) sa do centra jeho pozornosti dostali Merežkovskij, Fofanov, Verlaine, Mallarmé a Rimbaud.“¹⁸

Ďalej upresňuje:

„Celou tvorbou Briusova sa vinie motív mesta, inšpirovaný Nekrasovom, Dostojevským, mestským folklórom. V jeho vysokom básnickom jazyku sa objavujú archaizmy, abstraktné epitetá a prirôvnania. Lyrický subjekt sa vyvíja od sklamaného, životom unaveného individua, stojaceho v opozícii proti zvláštnemu svetu, k subjektu determinovanému týmto svetom, k občianskej zodpovednosti až sociálnemu protestu. Najvyššími hodnotami sú príroda a ideál lásky, nahrádzaný aj mučivo-erotickými redukciami tohto citu.“¹⁹

Podľa jej slov, posledné obdobie Briusovovej tvorby je charakterizované

„redukciou hudobnosti verša, nárastom filozofickosti, racionalizmom a neoklasicistickým štýlom.“²⁰

Druhou publikáciou je monografia *Ruská literatúra 18. – 21. storočia* (2013), ktorá, na jednej strane, nadväzuje na vyššie uvedený *Slovník ruskej literatúry 11. – 20. storočia* (2007), no, na druhej strane, si kladie za cieľ doplniť jeho materiál o súvislosti formovania literárnych dejín, počnúc 18. a končiac 21. storočím (aj preto táto publikácia dnes slúži ako vysokoškolská

¹⁷ KOVAČIČOVÁ, Oľga: *Predslov*. In: *Slovník ruskej literatúry 11. – 20. storočia*. KOVAČIČOVÁ, Oľga et al. Bratislava: VEDA – Ústav svetovej literatúry SAV – Filozofická fakulta Univerzity Komenského, 2007, s. 7.

¹⁸ DRUGOVÁ, Ildikó: *Valerij Briusov*. In: *Slovník ruskej literatúry 11. – 20. storočia*. KOVAČIČOVÁ, Oľga et al. Bratislava: VEDA – Ústav svetovej literatúry SAV – Filozofická fakulta Univerzity Komenského, 2007, s. 104.

¹⁹ Tamže, s. 105.

²⁰ Tamže.

učebnica v prvom rade pre poslucháčov rusistických študijných programov). V. Briusovovi venuje pozornosť S. Pašteková v rámci kapitoly s názvom *Moderna alebo „strieborný vek“ ruskej literatúry (1890 – 1910)*. V podkapitole *Vláda ruského symbolizmu* autorka zaraďuje tvorbu V. Briusova k tzv. prvej vlne – ku generácii „starších“ symbolistov spolu s D. Merežkovským, Z. Gippiusovou a K. Baľmontom. Nástup symbolizmu na ruskú literárnu scénu podľa jej slov signalizoval publikovanie zborníkov V. Briusova *Ruskí symbolisti* (Русские символисты, 1894 – 1895), kde básnik predstavil vlastné verše i verše svojich súčasníkov a proklamoval typ novej, symbolisticko-dekadentnej poézie.²¹

S. Pašteková upozorňuje aj na skutočnosť, že známe antiutopické romány britských autorov A. Huxleyho – *Prekrásny nový svet* (Brave New World, 1932), a *Farma zvierat* (Animal Farm, 1945) a 1984 (1949) G. Orwella majú svojich ruských predchodcov, ktorí anticipovali vývin dejinných udalostí v Rusku k totalitným spoločenským normám s nadvládou skupinky „vyvolených“. Zaraďuje k nim poviedku *Argonauti* (Аргонавты, 1904) A. Belého, diela *Skaza hlavného mesta* (Гибель главного города, 1918) a *Poviedka o Akovi a ľudstve* (Рассказ об Аке и человечестве, 1919) J. Zozuľu, drámy *Mimo zákona* (Вне закона, 1921) a *Mesto Pravdy* (Город правды, 1924) L. Lunca, ale aj vedeckofantastickú novelu *Republika Južného kríža* (Республика Южного Креста, 1907) i antiutopickú drámu *Zem* (Земля, 1904) V. Briusova. Všetky tieto diela sú podľa literárnej vedkyne „varovným signálom, odhaľujúcim skryté nebezpečenstvo spoločenskej rovnosti a deformovaného kolektivismu.“²²

Treťou fundamentálnou publikáciou je antológia *Ruská moderna* (Slovart, 2011), ktorá predstavuje reprezentatívny výber z tvorby 25 básnikov – predstaviteľov poetických smerov konca 19. a začiatku 20. storočia (starsymbolizmus, mlad-symbolizmus, akmeizmus a básnici, ktorí nepatril k žiadnemu zoskupeniu). V. Briusov v nej zaujíma čestné miesto. Popri Zamborových prekladoch z Briusovovej básnickej tvorby, antológia obsahuje aj životopis symbolistu, stručnú charakteristiku jeho tvorby a názory jeho súčasníkov, literárnych kritikov i mysliteľov na Briusova i jeho umelecký odkaz. Celkový obraz dotvárajú portréty básnika a obálky jeho kníh *Ruskí symbolisti* (1894), *Chefs d'oeuvre* (1896) a *Urbi et orbi* (1903). Zostavovateľ a autor životopisu V. Kupka zdôrazňuje, že V. Briusov ovládal takmer 20 jazykov, o. i. aj japončinu, arabčinu, perzštinu, fínčinu, litovčinu či arménčinu. Preložil diela Vergília,

²¹ PAŠTEKOVÁ, Soňa: *Moderna alebo „strieborný vek“ ruskej literatúry (1890 – 1910)*. In: Ruská literatúra 18. – 21. storočia. ELIÁŠ, Anton et al. Bratislava: VEDA – Ústav svetovej literatúry SAV – Filozofická fakulta Univerzity Komenského, 2013, s. 124.

²² Tamže, s. 131.

Danteho, Goetheho, Byrona, Huga a iných. Podieľal sa aj na prekladoch pre antológiu *Arménska poézia od najstarších čias až po naše dni*.²³

Vo svojich literárnovedných štúdiách, prácach a učebniciach, publikovaných v slovenskom prostredí, sa tvorby V. Briusova okrajovo „dotkli“ viacerí slovenskí i českí literárni kritici, napríklad M. Andričík a E. Maliti (*Symbolizmus v kontextoch a súvislostiach*, 1999), J. Tesařová (*Kapitoly z lotyšskej a estónskej literatúry a kultúry*, 2001), O. Guzyová (*Ruská emigrantská literatúra v kontexte slovenskej literatúry a kultúry v rokoch 1921 – 1945*, 2002), M. Antoš (*Literatúra a čas*, 2002), D. Kšicová (*Antiutopie Valerije Brjusova*, 2003), A. Antoňák (*Ruská literatúra 20. storočia I. Kompendium*, 2007), A. Repoň (*Umelecké zobrazenie človeka v románovom svete I. S. Turgeneva*, 2011) a i.

Vyššie uvedené nás oprávňuje konštatovať, že básnická, prozaická, dramatická tvorba i prekladateľská činnosť V. Briusova, ako aj iniciatívy slovenských prekladateľských osobností (J. Slávik, J. Jesenský, R. Skukálek, I. Izakovič, J. Zambor, Z. Rab a i.), literárnych vedcov a kritikov (J. Zambor, I. Drugová, S. Pašteková, M. Kusá, V. Kupka, M. Schuster, M. Lampertová, M. Geisbacherová a i.), kultúrnych periodík (*Slovenské pohľady*, *Slovenské smery*, *Knižná revue*, *Sme*, *Remény* a i.) i vydavateľstiev (*Tranoscius*, *Slovenský spisovateľ*, *Tatran*, *Vydavateľstvo Michala Vaška*, *Literárne informačné centrum*, *Ikar*, *SnowMouse Publishing*, *VEDA*, *Slovart* a i.) prispievajú k stále živému záujmu slovenského kultúrneho kontextu o večné hodnoty, pertraktované v literárnych dielach tohto významného ruského autora, ako aj o jeho majstrovskú prácu so slovom.

Použitá literatúra – References:

DRUGOVÁ, Ildikó: *Valerij Briusov*. In: *Slovník ruskej literatúry 11. – 20. storočia*.

KOVAČIČOVÁ, Oľga et al. Bratislava: VEDA – Ústav svetovej literatúry SAV – Filozofická fakulta Univerzity Komenského, 2007, s. 104 – 106.

GEISBACHEROVÁ, Michaela: *Valerij Briusov: Oltár bohyně víťazstva*. *Knižná revue*. [online]. 2008, č. 3. Rec. na: BRIUSOV, Valerij: *Oltár bohyně víťazstva*. Bratislava: Ikar, 2007 [cit. 2023-09-04]. <https://www.litcentrum.sk/recenzia/oltar-bohyně-vitazstva-valerij-briusov>.

KOVAČIČOVÁ, Oľga: *Predslov*. In: *Slovník ruskej literatúry 11. – 20. storočia*.

KOVAČIČOVÁ, Oľga et al. Bratislava: VEDA – Ústav svetovej literatúry SAV – Filozofická fakulta Univerzity Komenského, 2007, s. 7 – 9.

²³ KUPKA, Valerij: *Valerij Briusov*. In: *Ruská moderna*. KUPKA, Valerij (ed.). Bratislava: Slovart, 2011, s. 63.

- KOVAČIČOVÁ, Oľga: *Rudolf Skukálek*. In: Slovník slovenských prekladateľov umeleckej literatúry. 20. storočie. L – Ž. KOVAČIČOVÁ, Oľga – KUSÁ, Mária (eds). Bratislava: Ústav svetovej literatúry SAV – VEDA, 2017, s. 218 – 220.
- KUPKA, Valerij: *Valerij Briusov*. In: Ruská moderna. KUPKA, Valerij (ed.). Bratislava: Slovart, 2011, s. 63.
- KUSÁ, Mária: *Hĺbka a šírka záberu (1918 – 1938)*. In: Ruská literatúra v slovenskej kultúre v rokoch 1825 – 2015. KUSÁ, Mária (ed.). Bratislava: VEDA, 2017, s. 47 – 69.
- LAMPERTOVIÁ, Mária: *Stále aktuálny kráľ ruského básnického symbolizmu*. Sme. [online]. 2006. Rec. na: BRIUSOV, Valerij: *Posledné stránky denníka*. Bratislava: Ikar, 2005 [cit. 2023-09-04]. <https://www.sme.sk/c/2719096/stale-aktualny-kral-ruskeho-basnickeho-symbolizmu.html>.
- MALITI, Eva: *Ivan Izakovič*. In: Slovník slovenských prekladateľov umeleckej literatúry. 20. storočie. A – K. KOVAČIČOVÁ, Oľga – KUSÁ, Mária (eds). Bratislava: Ústav svetovej literatúry SAV – VEDA, 2015, s. 289 – 291.
- MATTOVÁ, Lucia – GROMINOVÁ, Andrea – MOČKOVÁ LORKOVÁ, Zuzana: *Hľadanie nových pozícií (po roku 2000)*. In: Ruská literatúra v slovenskej kultúre v rokoch 1825 – 2015. KUSÁ, Mária (ed.). Bratislava: VEDA, 2017, s. 155 – 174.
- PAŠTEKOVÁ, Soňa: *Moderna alebo „strieborný vek“ ruskej literatúry (1890 – 1910)*. In: Ruská literatúra 18. – 21. storočia. ELIÁŠ, Anton et al. Bratislava: VEDA – Ústav svetovej literatúry SAV – Filozofická fakulta Univerzity Komenského, 2013, s. 124.
- PAŠTEKOVÁ, Soňa: *Transformácie obrazu ruskej literatúry*. In: Ruská literatúra v slovenskej kultúre v rokoch 1836 – 1996. KUSÁ, Mária (ed.). Bratislava: Ústav svetovej literatúry SAV, 1998, s. 119 – 131.
- SCHUSTER, Michal: *Ako povzdych*. Knižná revue. [online]. 2016, č. 13. Rec. na: BRIUSOV, Valerij: *Posledné stránky denníka*. Bratislava: Ikar, 2005 [cit. 2023-09-04]. <https://www.litcentrum.sk/recenzia/posledne-stranky-dennika-valerij-briusov-ako-povzdych>.
- ZAMBOR, Ján: *Reflexie poézie. Lyrika ako fascinácia bytím*. In: ZAMBOR, Ján: *Stavebnosť básne*. Bratislava: Literárne informačné centrum, 2018, s. 114 – 142.
- ZAMBOR, Ján: *Reflexie prekladu. Zvukové tvarovanie ruskej básne a preklad*. In: ZAMBOR, Ján: *Stavebnosť básne*. Bratislava: Literárne informačné centrum, 2018, s. 265 – 295.
- ZAMBOR, Ján: *Valerij Briusov*. In: ZAMBOR, Ján: *Kniha ruskej poézie*. Prešov: Vydavateľstvo Michala Vaška, 2011, s. 106 – 107.

Andrea Grominová

doc., PhDr., PhD., Associate Professor, Department of Russian Studies, Faculty of Arts, University of St. Cyril and Methodius in Trnava, nám. J. Herdu 2, 917 01 Trnava, Slovak Republic

andrea.grominova@ucm.sk

ORCID 0000-0002-2384-6880

Oddíl – Part II

**VÁLKA JAKO AXIOLOGICKÉ TÉMA
V LITERATUŘE A UMĚNÍ**

**WAR AS AN AXIOLOGICAL PROBLEM
IN LITERATURE AND ART**

The Theme of Heroism in the Works of Artur Grottger (1837–1867)

Witalij Bohatyrewicz

Abstract

The theme of heroism has been repeatedly touched upon in art, and the motif of the hero often appeared in the works of many artists. Interest in this theme grew as a result of certain historical events. Artur Grottger (1837–1867) became famous primarily for his cartoons dedicated to the January Uprising, which comprised separate series: *Warsaw I* (1861), *Warsaw II* (1862), *Polonia* (1863), *Lithuania* (1864–1866) and *War* (1866–1867). More attention was focused on the *Polonia* and *Lithuania* cycles, which best and most fully depict the hero's theme. The *War* cycle was also mentioned. Other works of painting and drawing, are also important, and each in its own way shows the subject matter addressed. Grottger created a universal image of the hero, and the artist's work was of great importance in the times in which he lived and worked. Artur Grottger died at a young age leaving behind a significant artistic output.

Key words: Artur Grottger (1837–1867); hero; heroism; January Uprising; drawing; painting

Temat bohaterstwa w twórczości Artura Grottera (1837–1867)

Streszczenie

Tematyka bohaterstwa była wielokrotnie poruszana w sztuce, a motyw bohatera często pojawiał się w dziełach wielu artystów. Zainteresowanie tego typu zagadnieniami wzrastało w wyniku określonych wydarzeń historycznych. Artur Grottger (1837–1867) zasłynął przede wszystkim ze swoich kartonów poświęconych tematyce powstania styczniowego, które składały się na odrębne cykle: *Warszawa I* (1861), *Warszawa II* (1862), *Polonia* (1863), *Lithuania* (1864–1866), *Wojna* (1866–1867). W większym stopniu uwaga została skoncentrowana na cyklach *Polonia* oraz *Lithuania*, które najlepiej i najpełniej ukazują temat bohatera. Wspomniany został także cykl *Wojna*. Pozostałe dzieła malarskie oraz rysunkowe, również są istotne, a każde z nich na swój sposób ukazuje poruszoną tematykę. Grottger stworzył uniwersalny wizerunek bohatera, a twórczość artysty miała ogromne znaczenie w czasach w których żył i tworzył. Artur

Grottger zmarł w młodym wieku pozostawiając po sobie znaczący dorobek artystyczny.

Słowa kluczowe: Artur Grottger (1837–1867); bohater; bohaterstwo; powstanie styczniowe; rysunek; malarstwo

The theme of heroism has been repeatedly touched upon in art. The theme of the hero has often been the subject of paintings, prints and drawings by many artists. Usually, interest in this type of subject matter grew as a result of certain historical events. Polish artist Artur Grottger (1837–1867) was one of the most prominent artists active in the mid-19th century. He became famous primarily for his cartoons devoted to the subject of the January Uprising.

The work of many artists of the 19th century was associated with similar themes: heroism, the struggle for independence and various historical and battle scenes. We know of many artists, each of whom developed the aforementioned themes. Worth mentioning are Jozef Brandt (1841–1915), as well as Juliusz Kossak (1824–1899) and Wojciech Kossak (1856–1942). There were, of course, many other painters. Among the aforementioned artists we should also include Artur Grottger, who depicted Polish history in his own way, or rather reflected the events of his contemporaries, related to the uprising themes and manifestations of heroism¹.

Artur Grottger was born on November 11, 1837, in Ottyniowice, Lviv region. Initially he studied under the Lviv painter Jan Maszkowski, in his studio. Then, in 1850 in Lviv, he met Juliusz Kossak and was his student for a short period. As a matter of fact, Artur Grottger consulted with Juliusz Kossak about his works and greatly appreciated and respected the master's opinion. Despite the authority of such a significant artist, Grottger followed his own creative path².

Arthur sold his first work in 1851, at the age of 14. The watercolor, depicting the Polish nobility's pursuit of the Tartars, was purchased by Count Alexander Pappenheim of Bavaria. The buyer necessarily wanted to meet the author of this work. Thanks to this, Artur Grottger found a friend and patron for years. In the same year, he created a watercolor illustrating the Entry of Franz Joseph I into Lvov. The monarch was greatly impressed and admired the young artist's work. He granted Arthur a scholarship to study art. The emperor ordered him to begin his studies first in Krakow, and upon completion at the Academy of Fine Arts

¹ CWER, Andrzej: *The education of youth in the cadet corps in the Second Polish Republic (1918–1939)*. Naukovi zapysky. Serija: pedahohika, 2014, nr. 3, p. 147.

² POTOCKI, Antoni: *Grottger*. Lwów: Wydawnictwo Altenberga [Nakład i własność Księgarni H. Altenberga], 1931, p. 3–15.

in Vienna. In 1852 Artur Grottger began his studies at the School of Fine Arts in Krakow. At that time, his masters were prominent artists-pedagogues Wojciech Stattler, Jozef Kremer, Władysław Łuszczkiewicz. As early as the end of 1854, Grottger left for Vienna, where he studied at the Academy from 1855–1858. In Vienna, his masters were Karl Blaas and Karl Meyer and other artists. It is known that he also studied with Peter Geiger. Probably thanks to him, Artur Grottger began to appreciate printmaking more than painting or watercolor. This influenced all of the artist's further work, especially his cycles dedicated to the January Uprising³.

The theme of bravery and heroism constantly accompanied Grottger's family, and this then manifested itself in the master's artistic work. The artist's father John Joseph fought in the November Uprising of 1830–1831, and it is known that he encouraged his son to develop his artistic talent and gave Arthur various kinds of guidance. Arthur's brother, on the other hand, was exiled to Siberia for participating in the January Uprising. These events undoubtedly had a huge impact on the subject matter and character of Grottger's works⁴.

The artist had a great talent as an illustrator and thanks to this he achieved success in Vienna. At the time, he collaborated with many magazines. He also made woodcuts for newspaper woodcutters. In 1859, he established cooperation with the Polish magazine "Progress", which was published in Vienna. In 1863 Grottger became the editor-in-chief of this magazine, and after the arrest of J. Osiecki he financed the edition with his own funds. In Vienna, Artur Grottger remained until 1865. The artist helped the insurgents, although he himself did not directly participate in the uprising. A lawsuit was initiated against Grottger, by the Austrian authorities, and Emperor Franz Joseph decided to revoke his artistic scholarship. Finally, in July 1865, the artist left Vienna. In 1866, he met Wanda Monné, a Polish writer. However, the young couple did not marry, among other reasons due to opposition from Wanda's family. Artur Grottger left for France, where he died in 1867 from a lung disease⁵. Despite this short life, he left behind a significant artistic output.

The works of Artur Grottger stand out from those of other artists. Among other things, Grottger created a series of cartoons, which he dedicated to events related to the January Uprising. The artist personally did not take part in the January Uprising, as mentioned above, but he was strongly affected by it and

³ Ibidem, p. 22–23.

⁴ BOŁOZ ANTONIEWICZ, Jan: *Grottger*. Kraków: Towarzystwo Nauczycieli Szkół Wyższych – Lwów, 1910, p. 27–31.

⁵ POTOCKI, Antoni: *Grottger*. Lwów: Wydawnictwo Altenberga [Nakład i własność Księgarni H. Altenberga], 1931, p. 170–173, 189–191.

helped the insurgents. As a result of the artist's research and creative reflections, an appropriate image of the hero of his works was created. His works were categorized as Romanticism and at the same time as Classicism. His artistic activity was constantly accompanied by extreme opinions. It is impossible to unequivocally define and characterize his work or set it within the framework of one style. However, the nature of the scenes and the way they are depicted are more indicative of Romanticism. Artur Grottger created several series: *Warsaw I* (1861), *Warsaw II* (1862), *Polonia* (1863), *Lithuania* (1864–1866), and *War* (1866–1867).

Attention was focused on selected cycles *Polonia* and *Lithuania*, which best and most fully show the theme of the hero. The *War* series was also mentioned. Other works, both paintings and drawings, are also relevant, and each in its own way shows the theme of heroism. The works, as mentioned above, were dedicated to the theme of the January Uprising.

The *Polonia* series, consisting of nine black-and-white drawings executed on dark yellow cardboard, was created in 1863. The series is at the Museum of Fine Arts in Budapest. All the works form a certain narrative. The series opens with the work *Symbolic Image of Poland*, which is an allegorical work. Poland is liberated from its shackles by a young man wearing a Phrygian cap, symbolizing freedom. The artist also added two young men to symbolize the country looking to the future. The second cartoon, *Conscription at Night*, illustrates forced conscription into the Czarist army. In the center of the composition is the figure of a woman plunged into despair. The situation depicted here by Grottger could have taken place in any home at the time, in any family. Another work *The Forging of Scythes* depicts the preparation of insurgents for battle—the forging of battle scythes. Kosynierzy, as is known, fought many victorious battles. A cartoon under the title *Battle* shows one of the many battles that took place during the January Uprising. In the work *Shelter*, a Jew warns the hiding insurgents of the arrival of the Czarist army. The work *Defense of the Manor* illustrates the defense of a nobleman's manor by the insurgents. The next cartoon *After the enemy* is gone shows the destruction of one of the nobleman's mansions. There were probably many such situations in Poland at the time. In the work *Mournful News*, the artist captured the moment when one family learns of the death of an insurgent. The series closes with the cartoon *On the battlefield*, where the consequences of one of the battles are shown⁶. The artist has masterfully portrayed the character's emotional state.

⁶ TONIAK, Ewa: *Grottger i jego cień*. Teksty Drugie, 2003, nr. 4, p. 143–145.

The *Lithuania* series, executed in 1864–1866, consists of six cartoons. It includes depictions that are more mystical, sometimes unreal. The cycle begins with the work *Forest*, showing the personification of death with a scythe passing through a wilderness. The work *Sign* illustrates a sleeping man moments before the call to battle. Next to it is his wife, who wakes him up in the middle of the night because she saw the messenger's hand in the window. *The oath* shows the moment when the insurgents take an oath on the cross. Arguably, the scene could have been taken from reality. At the time, many insurgents could mark their allegiance to the motherland in this way, and situations of a similar nature took place in every part of the insurgency country. Subsequently, the insurgents participate in the battle, which the author illustrated in the work *Battle*. The work *Spirit* is a depiction of an insurgent-forester who died in battle, and now visits his home and family in this way. The representation is undoubtedly imbued with mysticism, which only strengthens the message of the content of this work. In the closing cartoon of the series, titled *Vision*, a woman insurgent exiled to Siberia is depicted. We can read the message in such a way that Poland is still under the protection of the Mother of God, despite the complicated situation in the country and the hard fate of those who participated in the uprising. Artur Grottger dedicated his work to insurgents exiled to Siberia for their participation in the uprising⁷. In the *Lithuania* series, Grottger again portrayed a collective image of the hero. Some of the works were posed by his friends. Despite some seemingly unreal and mystical depictions, the artist's message is legible and clear to the viewer. Once again, all the works formed a certain narrative and were connected among themselves.

The *War* series, which the artist completed in 1867, consists of eleven works and is held in the collection of the National Museum in Wrocław. The entire series is similar in style and imagery to those works Grottger included in the *Polonia* and *Lithuania* cycles discussed above. The compositions, however, are more elaborate and multifaceted. Antique motifs appear in some works, and the depictions are sometimes mythological in nature. The narrative begins with a cartoon under the title *Come with me through the carrion of weeping*. The second work is titled *Comet*. The next work *The draw of recruits*. The narrative continues with *Farewell*. The motif of the insurgent's farewell often appeared in the works of Artur Grottger, as well as depictions illustrating the insurgent's welcome. Grottger's works also featured the motif

⁷ BOŁOZ ANTONIEWICZ, Jan: *Grottger*. Kraków: Towarzystwo Nauczycieli Szkół Wyższych – Lwów, 1910, p. 218, 355–356.

of a woman greeting an insurgent or a widow⁸. Paintings with this theme were also produced. Subsequent works of the *War* series are: *Fire, Famine, Draw of Recruits, Farewell, Betrayal and Punishment, People or Jackals, Just Misery, Sacrilege, Humanity, the House of Cain*. Each work in its own way shows the theme of the hero. It was not necessary to be a fighting insurgent. During the uprising, heroism had different variations. Arthur Grottger just showed different manifestations of heroism in his works⁹. Three more cartoons from the series have not survived: *The Battle, The Struggle of the Kings-Sketchers, and The Allegory of War*.

In conclusion, it is necessary to mention again the *Polonia, Lithuania, War* series discussed above, and to note the collective nature of the heroes of the individual cartoons. It was a collective image, as noted, and it was not about any particular historical figure. The author showed the pain and suffering and struggle of the entire country through the actions and attitude of a single figure in the face of the enemy. The events and situations that the artist recorded in his works could have taken place in any part of the country covered by the uprising. In almost every family, someone participated in the uprising in one way or another. The narrative was ultimately clear and legible to the viewer.

Despite his short life, Artur Grottger left a large artistic output. In 1988, the National Museum in Krakow held an anniversary exhibition dedicated to the 150th anniversary of the artist's birth. 500 works by the master were exhibited¹⁰. Grottger's works were and still are of interest to contemporary artists. Zdzisław Beksiński, for example, was fascinated by the works of this artist and the way he depicted human figures. We can see common features between Grottger's romantic figures and Beksiński's surrealist figures¹¹. Particularly evident are inspirations taken from the *Lithuania* series, which are characterized by mysticism. Arthur Grottger left a rich cultural legacy for future generations.

⁸ POPRZEĆKA, Maria: *Czas wyobrażony. O sposobach opowiadania w polskim malarstwie XIX wieku*. Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 1986, p. 50–51.

⁹ BRYL, Mariusz: *Cykle Artura Grottgera. Poetyka i recepcja*. Poznań: Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu, 1994, p. 212–235; POTOCKI, Antoni: *Grottger*. Lwów: Wydawnictwo Altenberga [Nakład i własność Księgarni H. Altenberga], 1931, p. 110–113.

¹⁰ *Grottger. Wystawa w 150. rocznicę urodzin i 120. rocznicę śmierci artysty*. GOŁUBIEW, Zofia, KRÓL, Anna (eds). Kraków: Muzeum Narodowe w Krakowie, 1988.

¹¹ KOPTSEVA, Natalia, REZNIKOVA, Ksenia: *Three paintings by Zdzisław Beksiński: making art possible "After Auschwitz"*. Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences 5, 2015, nr 8, p. 879–900.

References:

- BOŁOZ ANTONIEWICZ, Jan: *Grottger*. Kraków: Towarzystwo Nauczycieli Szkół Wyższych – Lwów, 1910.
- BRYL, Mariusz: *Cykle Artura Grottgera. Poetyka i recepcja*. Poznań: Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu, 1994.
- CWER, Andrzej: *The education of youth in the cadet corps in the Second Polish Republic (1918–1939)*. Naukovi zapysky. Serija: pedahohika, 2014, nr. 3, p. 143–148.
- Grottger*. Wystawa w 150. rocznicę urodzin i 120. rocznicę śmierci artysty. GOŁUBIEW Zofia, KRÓL Anna (eds). Kraków: Muzeum Narodowe w Krakowie, 1988.
- KOPTSEVA, Natalia, REZNIKOVA, Ksenia: *Three paintings by Zdzisław Beksiński: making art possible “After Auschwitz”*. Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences 5, 2015, nr. 8, p. 879–900.
- POPZRĘCKA, Maria: *Czas wyobrażony. O sposobach opowiadania w polskim malarstwie XIX wieku*. Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 1986.
- POTOCKI, Antoni: *Grottger*. Lwów: Wydawnictwo Altenberga [Nakład i własność Księgarni H. Altenberga], 1931.
- TONIAK, Ewa: *Grottger i jego cień*, Teksty Drugie, 2003, nr. 4, p. 130–148.

List of illustrations:

- Il. 1. Artur Grottger, *Defense of the manor*, from the series: *Polonia*, 1863, Museum of Fine Arts in Budapest, https://pl.wikipedia.org/wiki/Artur_Grottger#/media/Plik:Polonia_Obrona_dworu.jpg. [29.12.2023].
- Il. 2. Artur Grottger, *Battle*, from the series: *Lithuania*, 1864–1966, National Museum in Krakow, <https://pl.wikipedia.org/wiki/Lithuania#/media/Plik:Lit4.jpg>. [29.12.2023].
- Il. 3. Artur Grottger, *Farewell*, from the series: *War*, 1866–1867, National Museum in Wroclaw, [https://pl.wikipedia.org/wiki/Wojna_\(obrazy_Artura_Grottgera\)#/media/Plik:Wojna04.jpg](https://pl.wikipedia.org/wiki/Wojna_(obrazy_Artura_Grottgera)#/media/Plik:Wojna04.jpg). [29.12.2023]

Witalij Bohatyrewicz

PhD, Department of Graphics, Faculty of Art, Jan Długosz University in Czestochowa, 42-200 Czestochowa, Str. Waszyngtona 4/8, Poland

w.bohatyrewicz@ujd.edu.pl

ORCID 0000-0001-5217-2750

Il. 1. Artur Grottger, *Defense of the manor*, from the series: *Polonia*, 1863, Museum of Fine Arts in Budapest

Il. 2. Artur Grottger, Battle, from the series: Lithuania, 1864–1866, National Museum in Krakow

Il. 3. Artur Grottger, Farewell, from the series: War, 1866–1867, National Museum in Wrocław

Разрушение личности как косвенное последствие войны в романе «Иго войны» Леонида Андреева¹

Йозеф Догнал

Абстракт

Роман «Иго войны» — реакция Л. Н. Андреева на события Первой мировой войны и на их возможное отражение в жизни и психике людей, оставшихся в тылу. Форма дневника дает писателю возможность сочетать выбранные факты войны с их отражением в жизненных событиях и, прежде всего, в психике главного персонажа. Нагнетание отрицательных фактов общественной и личной жизни шаг за шагом деструктируют самосознание и уверенность в самом себе фиктивного автора дневника и постепенно доводят его до переломного момента — решения о самоубийстве, которое он, наконец, не совершит. Попытка самоубийства доводит, однако, до полного разрушения его «я», делает из него не уверенное в самом себе, безвольное, поддающееся внешнему влиянию существо. Андреев таким способом указывает на губительные последствия войны «на расстоянии», т. е., и на тех, кто не принимает непосредственного участия в войне. Она губит не только их нормальную жизнь, но и их самих.

Ключевые слова: Л. Н. Андреев; «Иго войны»; разрушение личности; последствия войны; самоубийство

Destruction of Personality as an Indirect Consequence of War in Leonid Andreev's Novel Иго войны (The Yoke of War)

Abstract

The novel “The Yoke of War” («Иго войны») was written as Andreyev's immediate reaction to the events of the First World War and their potential reflection in the life and psyche of people who remained on the home front. The form of a diary gives the writer the opportunity to combine selected facts of war with their reflection in life events and, above all, in the psyche of the main character. Step by step the negative facts of public and personal life destroys the self-consciousness and self-confidence of the fictitious author of the diary

¹ Stať vznikla jako výstup zpracovaný v rámci projektu grantu specifického výzkumu Masarykovy univerzity Brno MUNI/A/1479/2023 Identita, ekvivalence a jinakost v slovanských jazycích a literaturách.

and gradually brings him to a turning point—the decision to commit suicide, which he finally does not commit. The suicide attempt, however, leads him to the complete destruction of his “I” and makes him an unsure of himself, a weak-willed creature, subject to external influence. In this way Andreev points out the disastrous consequences of war “at a distance”, i.e., to those who are not directly involved in the war, but it destroys not only their normal lives, but also themselves.

Key words: L. N. Andreev; “The Yoke of War”; destruction of personality; consequences of war; suicide

Мирослав Заградка в своей монографии, исследующей произведения русской литературы о войне, констатирует, что тема войны присутствует в русской авторской литературе с 18-го века², причем чередуются ее «сюжетная» и «натурально-фактическая» волны.³ Вполне закономерно, что русская литература затронула и такое масштабное явление, каким стала Первая мировая война, начавшаяся в 1914 году и закончившаяся для России судьбоносными событиями октября 1917 года. По словам А. И. Иванова,

«поиски нравственной опоры для общества — довольно обширная деятельность творческой интеллигенции по противостоянию безумию войны»⁴,

что стало одной из черт произведений художественной литературы, рефлексирующих войну.)

Одним из произведений, в котором основным стержнем становится указание на вопросы, связанные с темой опоры не только общества как такового, но и основной его ячейки, индивида, можно считать и роман-дневник Леонида Андреева «Иго войны». Именно тема личного удела, фиктивное описание восприятия судьбы и внутренних переживаний

² ZAHŘÁDKA, Miroslav: *O vývoji ruské válečné prózy. Téma – žánr – styl. Část první (1812–1853)*. Olomouc FF UP v Olomouci. Rossica Olomucensia. Supplementum, 1969, s. 11.

³ „Střídání vln ‚syžetových‘ a ‚naturálně-faktografických‘ je zřejmě jednou ze zákonitostí vývoje válečné prózy.“ ZAHŘÁDKA Miroslav: *O vývoji ruské válečné prózy. Téma – žánr – styl. Část první (1812–1853)*. Olomouc FF UP v Olomouci. Rossica Olomucensia. Supplementum, 1969, s. 170.

⁴ IVANOV, Anatolij Ivanovič: *Russkaja literatura i Pervaja mirovaja vojna (1914–1918 gg.) Političeskije i ètičeskije aspekty problemy*. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, Gumanitarnyje nauki, vypusk 3 (27), 2002, s. 30.

индивида им самим в военное время открывает повествовательную перспективу, помогающую отойти от изображения непосредственно военных событий и переживаний (сражений, их тактической подготовки, поведения командиров и солдат, восприятие другого как врага, ...), а посмотреть на войну как на более «объемистое» явление, так или иначе затрагивающее всю страну и всех ее жителей без исключения. Если герои, скажем, Л. Н. Толстого или В. М. Гаршина размышляют о войне и ее этических координатах, то Андреев идет дальше: его герой не только не участвует в военных действиях, он в них даже никогда и не участвовал, что отличает его от главного персонажа нашумевшего «Красного смеха», которым писатель откликнулся на события Русско-японской войны 1904–1905 гг. однако, уже в «Красном смехе» проглядывается концепция войны не как внешнего социально-нравственного феномена, в котором субъекты принимают активное участие — один как нападающий на другого, который защищается от атаки. В таком случае одна из противоборствующих сторон стоит с этической стороны выше другой, и война потом, с ее точки зрения, кажется «правой» или «справедливой». «Красный смех» не вносит в изображение войны аспект «справедливости», а изображает войну как субъективно-переживаемое явление, вызывающее в субъекте важные психические изменения, приводящие его на или за грань сумасшествия. Факт изменения психического состояния, т. е. психического ущерба, касается всех, кто не погиб, несмотря на то, кто кого атакует и кто от кого защищается, кто «прав», а кто «не прав»: пострадавшими в этом смысле являются все.

«Психологизация» изображения войны в «Иге войны» усугубляется — Андреев вновь пользуется формой дневника, который на этот раз помещает на грань фикции и реальности, так как вводит в субъективизированные записки автора дневника реальные события, приурочивая их к реальным датам, будь это, напр., начало войны или взятие Перемышля, так что упоминаемые М. Заградкой линии военной прозы соприкасаются и переплетаются. Субъектом, запечатлевающим в дневнике с ним происходившее и свои переживания, Андреев делает бухгалтера Илью Петровича Дементьева, служащего, который не принимает и не должен принимать в войне прямого участия, а следит за ее ходом только издали — из Петербурга, который он покидает со своей женой и тремя детьми на несколько дней только в самом начале войны. Чувствуя, что война с Германией — событие, вызывающее разные мнения, он прибегает к дневнику как к единственной возможности свободно

выражать его личное мнение без того, чтобы вступать в дискуссию с кем-либо:

*«... для меня крайне важно и необходимо, чтобы никто не читал написанного мною, иначе я потеряю свободу в выражении моих мыслей».*⁵

Дневник становится попыткой субъекта найти «убежище» от необходимости считаться с мнением других, сохранить целостность своего собственного, аутентичного «я», не подчиняясь никакому давлению извне, но и не вступать в конфликт с ним.

Убедившись после первого испуга, что война ничего не меняет в обиходе жизни города, Дементьев как будто успокаивается и принимает войну за новую, но только косвенную примету его жизни:

*«... вот и сейчас, когда уже происходят кровопролитные сражения, никакого такого особенного страха я не чувствую, живу, как и прежде жил: служу, хожу в гости и даже в театр или кинематограф и вообще никаких решительных изменений в моей жизни не наблюдаю. Не будь на войне Павлуша, женин брат, так и совсем порою можно было бы позабыть обо всех этих страшных происшествиях».*⁶

Воспринимаемый субъектом контраст между «кровопролитными сражениями», которые происходят где-то далеко от него, и никак не изменившимся обиходом его жизни, как будто успокаивает его — осознание «страшных происшествий» отходит на задний план, но остается основным фактором, по отношению к которому герой определяет свое состояние: весь дневник, по сути, не представляет ничего другого, как конфронтацию субъекта с войной. Его изначальное убеждение в том, что война его лично не касается, становится, однако, тем, что в последующих записях меняется: война постепенно, шаг за шагом, как будто подкрадывается все ближе и ближе к субъекту. Как раз тому, насколько субъекту удастся сохранять в вихре событий его личное «я», насколько он способен противостоять влиянию войны как комплексного явления, посвящено внимание в данной статье.

⁵ ANDREJEV, Leonid Nikolajevič. *Igo vojny*. V: ANDREJEV, Leonid: *Polnoje sobranije romanov, povestej i rasskazov v odnom tome*. Moskva: Al'fa-Kniga 2007, s. 140.

⁶ Ibidem, s. 138.

Дементьевым сначала наблюдаются в дневнике моменты, которые ему лично не причиняют никакого серьезного ущерба: жизнь в городе, мелочи семейной жизни, дискуссии в конторе, в которые он не вступает, демонстрация, к которой он случайно присоединяется. Все его заметки подтверждают его подспудное применение критерия, который не упоминается, но по которому Дементьев оценивает происходящее: что бы ни происходило во внешнем мире, оно не должно касаться моего личного мира, т. е., моей семьи и меня лично. Сам он, однако, в рефлексии своего участия в демонстрации, начинает чувствовать, что отделять одно от другого вряд ли возможно. Он недоумевает, как это случилось, что он не сумел отгородиться от влияния массы — ведь он слился с ней, он от страха ли или от восторга кричал вместе с демонстрирующими «Ура!»⁷ «Я» Дементьева, его мнимая самостоятельность, независимость от событий, попадают с этого момента под все усиливающуюся угрозу.

Его «крепость» — благополучный семейный мирок Дементьева — постепенно рушится. Кажущиеся внешними события военного времени превращаются в факторы, непосредственно определяющие изменения в его семействе. Все становится дороже, так что приходится продать пианино, его жена почти не бывает дома, запускает домашнее хозяйство и начинает все интенсивнее заботиться о раненых, когда в их доме основан лазарет, потом Павел, брат его жены, умирает на войне. Самой большой личной трагедией стала для него смерть Лидочки, его дочери, которой не была вовремя предоставлена помощь врача из-за того, что все предпочли заботу о раненых. Потеряв чуть позже работу, Дементьев не может найти новое место работы, вследствие чего он не способен сохранить дальше большую уютную квартиру, и ему приходится нанять меньшую, менее удобную. Семейный мирок, таким способом, рушится под влиянием случившегося с ним не по его вине — от прежнего благополучия, взаимности и удачи не остается ничего, на что субъекту можно было опираться. Не он определяет то, каким будет его семейный мирок, падает его уверенность в самом себе как решающем факторе, гарантирующем благополучие самых близких ему людей, «семейное счастье».

Все интенсивнее действуют на него и внешние обстоятельства, обращаясь во внутренние душевные терзания. Ослабевшее сознание уверенности в себе, в своей жизнеспособности и самостоятельности, получает дальнейшие удары. Еще в записке от 6-го марта, реагируя на

⁷ Ibidem, с. 151.

письмо от друга, Дементьев провозглашает: «... я один и единственный, и другого такого Ильи Петровича на свете не было, нет и не будет ... не поддамся войне, ...».⁸ В той же записке он даже считает себя одним из героев тыла. Чувствуется, однако, что его заявление скорее акт самосохранения и самоубеждения, ведь уже в записке от 14-го февраля, в реакции на письмо его друга, в котором тот приравнивает немцев к кирпичам, составляющим единое здание, можно найти подобное убеждение Дементьева в том, что он не клеточка большого организма, а самостоятельная личность: «Сам хочу жить и пользоваться всеми благами жизни, ...».⁹ Но обратное завоевание Перемышля немцами, все более частые поражения русской армии, молебны за спасение России возле Казанского собора, известия о том, что правительство России не обеспечило снаряды для армии, сознание того, что многие зарабатывают на войне огромные суммы денег и другие, менее значительные факты общественной жизни, как будто умножают его личную трагедию.

Герой тыла превращается под влиянием обстоятельств в период с марта до июля 1915 г. года в психически надломленное существо, сознающее свою беспомощность, свое бессилие. Самоуверенный бухгалтер Ильи Петрович Дементьев исчез, вместо него все яснее вырисовывается экономически риунированная и психически разваливающаяся человеческая «клеточка», ищущая, но не находившая какую бы то ни было прочную точку опоры. Рухнули его представления о собственной силе и самооценности, он разочаровался в вере в прочность и поддержку семьи, исчезло представление о сильной и самоуверенной России, нет больше веры в то, что война его не касается, так как он вины в ней не ощущает, нет веры ни в какие высшие ценности, отстаиваемые и им, и его окружением, и государством во главе с правительством. В итоге всего этого приходит экзистенциальный кризис: существование субъекта теряет любую положительную точку в будущем, он становится никому не нужным человеком, лишается и для самого себя чувства самостоятельной, самооценной личности. Наступает тупое чувство полной безысходности и бессмысленности дальнейшего существования. Неудивительно, что в такой ситуации отчаивающийся в себе и в мире субъект находит исход в самоубийстве, мысль о котором несколько раз уже мелькнула в его мысли, но в записке от 26 августа она приобретает конкретное представление:

⁸ Ibidem, с. 162.

⁹ Ibidem, с. 160.

*«Так чего же я борюсь, все еще борюсь с невзгодами и берегу подметки, как честный нищий? Освобождение и счастье так близки от всякого несчастного там, где есть глубокая и быстрая вода».*¹⁰

Записки от первых дней сентября вносят свидетельство о заведомых действиях по подготовке самоубийства, что концентрируется в признании персонажа: «... я понял, что такое пустота ... Капут тебе, Илья Петрович!»¹¹ и в словах, содержащихся в письме жене: «На земле мой счет оплачен, а там уже пойдет иная бухгалтерия».¹² Потеряв смысл жизни, Дементьев готов покончить собой 9-го сентября, но перед решающим шагом с ним происходит коренное изменение. Он как будто лишается своего сиюминутного «я», его сознание выходит за рамки моментального, что он выражает словами: «... точно был я в эту минуту настоящим мудрецом, который видит всю вселенную и все понимает».¹³ Неожиданный момент просветления приводит его к познанию, что произошедшее с ним — не его вина, не его бессилие: «Так это все война! Война! — подумал я и сразу увидел всю войну, какая она ужасная, какая гибельная».¹⁴

Последние страницы дневника — страницы, стоящие в полном контрасте с раннее ощущаемым и субъектом защищаемым чувством личной самооценности. Свидетельствует об этом признание Дементьева о том, что в последний момент перед самоубийственным прыжком в воду наступило смирение:

*«И вдруг я — смирился. Не могу иначе как смирением назвать чувство, которое вместе с холодом от реки легким ознобом проникло в меня... нет, не знаю, как это случилось, но от самых вершин мудрости и понимания, на которых я только что был, я внезапно спустился в такой трепет, в такое чувство малости своей и страха, что пальцы мои в кармане сразу высохли, застыли и согнулись, как птичьи лапы».*¹⁵

¹⁰ Ibidem, с. 180.

¹¹ Ibidem, с. 183–184.

¹² Ibidem, с. 186.

¹³ Ibidem, с. 187.

¹⁴ Ibidem, с. 188.

¹⁵ Ibidem, с. 187.

Он мирится с тем, что он как индивид не представляет никакой особенной ценности и что его роль, смысл его бытия — слиться с другими, отречься от себя как индивидуума: «Жил я „клеточкой“ и умру такой же клеточкой, и только об одном молю судьбу свою: чтобы не была напрасной моя смерть и страдания, которые принимаю покорно и со смирением. Но не могу совсем успокоиться в этой безнадежности: горит у меня сердце, и так я тянусь к кому-то руками: приходи! дай прикоснуться! Я так люблю тебя, милый, милый ты мой!...»¹⁶ Не стало самостоятельного Ильи Петровича Дементьева, его заменил субъект, поддающийся какому-то мистическому чувству малости, несамостоятельности, подчиненности неизвестному ему раньше чувству сопричастности с кем-то. Война уничтожила самоуверенную личность, разрушила все то, на что персонаж опирался, утверждая свое тождество, свое аутентическое бытие, свою самоценность.

Невероятное и противоречащее логике выстраивания персонажа изменение субъекта можно связать с тем, как подходил к вопросу о самоубийстве сам Л. Андреев в его же эссе на данную тему в газете «Биржевые ведомости» (1912), в котором он говорит о двух видах самоубийства — от разума и от неразумия, делая между ними существенную разницу:

*«... разница так же велика, как между трагедией и драмой: в одном случае гибнет герой, и гибель его есть утверждение и завершение борьбы, а в драме человека просто раздавливают, через него переживает жизнь, и никакого „само“ тут нет. ... в драме бессильных и безвольных самоубийств нужно толковать о жизни, о текущей жизни, о жизни мучительной, дрянной и бестолковой».*¹⁷

Смирение Дементьева в завершении «Ига войны» тогда можно толковать и как, по сути, не самоубийство войной и ее последствиями раздавленной личности, а как убийство личности, потерявшей самое главное — саму себя. От бывшего «я» Ильи Петровича Дементьева, бухгалтера, главы семьи, независимого от мнения других субъекта и героя тыла, остается лишь тень, дезориентированное, хилое, несамостоятельное, плаксивое, обессиленное «не-я» — идеальный «материал» для военной машины, для безличного государственного строя и безнаказанных хищников, зарабатывающих на смерти и разрушении.

¹⁶ Ibidem, с. 194.

¹⁷ ANDREJEV, Leonid Nikolajevič. *Samoubijstvo*. Anketa „Birževych vedomostej“. Birževyje vedomosti. 1912, 7 (20) maja (№ 12924), s. 4.

Андреев, как и в других своих произведениях, пользуется градацией, указывая на все более интенсивное воздействие друг за другом последующих факторов на психическое состояние субъекта. Вместо хронотопа, направленного на внешнюю среду, в которой обитает фиктивный автор дневника, писатель конструирует что-то вроде психотопа: внешнее ощущается, переживается, комментируется сквозь призму психической «переработки» индивидуально, субъективно им воспринимаемое. Сами истонные события получают тогда лишь косвенное изображение, могут даже оставаться не изображенными, а лишь воспринятыми (напр., взятие некоторых городов — Ковны, Варшавы, Осовца, ...). Центром модели мира, передаваемой произведением художественной литературы, становится совокупность рациональной и эмоциональной «обработки» субъектом своего положения в мире, но, прежде всего, самого себя в себе. Как и в «Жизни Василия Фивейского», «Губернаторе», «Тьме» и многих других андреевских произведениях, решающим моментом в «Иге войны» становится ломка именно в сфере психики главного персонажа.

Список использованных источников — References:

- ANDREJEV, Leonid Nikolajevič. *Igo vojny*. V: ANDREJEV, Leonid: *Polnoje sobranije romanov, povestej i rasskazov v odnom tome*. Moskva: Al'fa-Kniga 2007, s. 138–194.
- ANDREJEV, Leonid Nikolajevič. *Samoubijstvo*. Anketa «Birževych vedomostej». *Birževyje vedomosti*. 1912, 7 (20) maja (№ 12924), s. 4.
- IVANOV, Anatolij Ivanovič: *Russkaja literatura i Pervaja mirovaja vojna (1914–1918 gg.) Političeskije i etičeskije aspekty problemy*. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, Gumanitarnyje nauki, vypusk 3 (27), 2002, s. 26–36.
- ZAHRÁDKA Miroslav: *O vývoji ruské válečné prózy. Téma – žánr – styl. Část první (1812–1853)*. Olomouc: FF UP v Olomouci. Rossica Olomucensia. Supplementum, 1969.

Josef Dohnal

professor, PhDr., CSc., Department of Slavonic Studies, Faculty of Arts, Masaryk University Brno, A. Nováka 1, 602 00 Brno, Czech Republic

Department of Russian Studies, Faculty of Arts, University of Ss. Cyril and Methodius in Trnava, Námestie J. Herdu 577/2, 917 01 Trnava, Slovak Republic
josef-dohnal@volny.cz

ORCID 0000-0002-0763-5784

Oddíl – Part III

**NÁBOŽENSKÉ HODNOTY
NA POMEZÍ KULTUR**

**RELIGIOUS VALUES
AT THE INTERFACE OF CULTURES**

Паломничество и ценности. Опыт Андрея Муравьева

Анна Кощелек

Абстракт

В статье предпринята попытка исследовать влияние паломнического опыта Андрея Муравьева, писателя, богослова, поэта, драматурга, церковного и государственного деятеля, самого известного, неутомимого русского паломника XIX века, на систему его ценностей. Как теоретическая основа использовалась концепция австрийского психиатра Виктора Франкла. Он разделил ценности на три категории: созидательные, переживания и отношений. Паломнический опыт Муравьева повлиял прежде всего на ценности созидания и переживания.

Ключевые слова: Муравьев; паломничество; святые места; религиозный опыт; созидательные ценности; ценности переживания; ценности отношений

Pilgrimage and Values. Andrey Muravyov's Experience

Abstract

The paper is an attempt to explore the influence of the pilgrimage experiences of Andrey Muravyov, a writer, theologian, poet, playwright, church, and state activist, the most famous, indefatigable Russian pilgrim of the 19th century, on his system of values. The theoretical foundation used was the concept of Austrian psychiatrist Viktor Frankl. He divided values into three categories: creative values, experiential values, and relational values. The pilgrimage experiences of Muravyov impacted primarily the values of creation and experiencing.

Key words: Muravyov; pilgrimage; holy places; religious experience; creative values; experiential values; relational values

В своих поисках смысла жизни и мира каждый человек руководствуется разными ценностями. Именно они нормируют все аспекты нашей деятельности, оказывают влияние на переживаемые эмоциональные состояния и стимулируют самооценку. Ценности являются критерием принятия решений и выбора жизненной позиции.

В статье исследуется влияние паломнического опыта Андрея Муравьева (1806–1874) — религиозного писателя, богослова, поэта, драматурга, церковного и государственного деятеля на систему его ценностей.

Существует множество определений паломничества, их авторы исходят из разных предпосылок и подчеркивают те элементы, которые особенно важны с точки зрения их научных дисциплин. В этих различных подходах можно выделить несколько ключевых элементов. Во-первых, богомолье — акт религиозного характера (он может быть как коллективным, так и индивидуальным). Во-вторых, человек, который его осуществляет, стремится к контакту с трансцендентной сферой. В-третьих, важную роль играют личные переживания странника.¹

Паломничество сопровождает людей с самых ранних времен, оно является одной из важных форм благочестия, а в некоторых религиях даже обязанностью верующих. Люди давно совершали путешествия, чтобы просить о помощи, благодарить за полученные милости или искупить свои грехи. В различных конфессиях открытие священных пространств, определение их границ и переживание в них божественности играют важную роль в жизни человека.² Считают, что молитвы и другие религиозные практики особенно эффективны в местах важных для данной религии, что легче там получить благосклонность и благодать со стороны трансцендентных сил. Однако паломничество не является лишь выражением благочестия или удовлетворением религиозных потребностей. Его мотивация может иметь также познавательный или культурный характер.³

В православии духовный смысл паломничества заключается в поклонении святым местам, мощам, иконам, включении в Божественные энергии⁴, свидетельствующие о присутствии Создателя на земле. Главной

¹ См. OSTROWSKI, Maciej: *Jesteśmy pielgrzymami przed Tobą. Posługa duszpasterska wśród pielgrzymów*. Kraków: Wydawnictwo Naukowe PAT, 2005, s. 48–49.

² См. SEWERYNIAK, Henryk: *Geografia wiary*. Warszawa: Biblioteka Więzi, 2010, s. 21.

³ Шире на тему паломнической традиции в европейской культуре я писала в книге: KOŚCIOŁEK, Anna: *Andrzeja Murawjowa peregrynacje do kolebek chrześcijaństwa (Jerozolima, Rzym, Kijów)*. Toruń: Wydawnictwo Naukowe UMK, 2020, s. 19–78.

⁴ Для православного богословия характерно различие между «сущностью» Бога, недостижимой верующим, и «энергиями», через которые Творец является в мире. Человек не может объединиться с сущностью Бога, но с Его действиями, проявлениями Его присутствия в мире, то есть энергиями (см. EVDOKIMOV, Paul: *Prawosławie*. Warszawa: PAX, 2003, с. 30–31).

целью путешествия к святыне являются: молитва, участие в Литургии, богослужениях и крестных ходах.⁵

Андрей Муравьев был самым известным, неутомимым и плодовитым российским паломником XIX века. Его peregrinacii можно разделить на три группы: на Восток (например, Святая Земля, Константинополь, Афон), по святыням российской империи (например, Троице-Сергиева лавра, Оптина пустынь, Саровская пустынь, Валаам) и в Западную Европу (например, Рим, Неаполь, Амальфи).

На такой подход повлияло не только религиозное воспитание писателя, но и его чудесное спасение в молодости. В 1823 году, когда Муравьев был молодым юнкером, он отправился в свой полк, который находился в Тульчине, и чуть не утонул в Днепре, стремясь попасть в Киев на торжества, посвященные святому Феодосию Печерскому. Поэт выбрался на берег напротив места, где крестили сыновей Владимира Великого. Он отправился к памятнику князя, чтобы поблагодарить Господа и святого за спасение.⁶ В знак благодарности за защиту молодой человек обещал описать великое событие введения христианства на Руси.⁷ Кроме того, он обязался приложить все усилия для прославления Церкви и ее святых мест.⁸ Это обещание он выполнял чрезвычайно добросовестно всю свою жизнь.⁹

Именно поэтому творчество имело для Муравьева миссионерский и просветительский характер, каждая работа была этапом действий

⁵ См. ŽITENEV, Sergej Jur'jevič: *Palomničestvo kak religioznoje nasledije (časť 2)*. Žurnal Instituta nasledija. [online], 2015, №2 [cit. 2023-07-17]. <http://nasledie-journal.ru/ru/journals/3/23.html>; ŽITENEV, Sergej Jur'jevič: *Istorija russkogo pravoslavnogo palomničestva v X–XVII vekach*. Moskva: Indrik, 2007, s. 39–40; ŽITENEV, Sergej Jur'jevič: *Religioznoje palomničestvo v christianstve, buddizme i musul'manstve. Sociokul'turnyje, kommunikacionnyje i civilizacionnyje aspekty*. Moskva: Indrik, 2012, s. 213. Шире о православном паломничестве см. KOŚCIOŁEK, Anna: *Andrzeja Murawjowa peregrynacje do kolebek chrześcijaństwa (Jeruzolima, Rzym, Kijów)*. Toruń: Wydawnictwo Naukowe UMK, 2020, s. 33–38; на тему русских традиций см. KOŚCIOŁEK, Anna: *Andrzeja Murawjowa peregrynacje do kolebek chrześcijaństwa (Jeruzolima, Rzym, Kijów)*. Toruń: Wydawnictwo Naukowe UMK, 2020, s. 67–77.

⁶ См. MURAV'JEV, Andrej Nikolajevič: *Putešestvije po svjatym mestam russkim*. Č. 2. Sankt-Peterburg: Tipografija III Otdelenija Sob. Je. I. V. Kanceljarii, 1863, s. 289; Č. 4. Sankt-Peterburg: Tipografija III Otdelenija Sob. Je. I. V. Kanceljarii, 1863, s. 360–361.

⁷ См. MURAV'JEV, Andrej Nikolajevič: *Putešestvije po svjatym mestam russkim*. Č. 4. Sankt-Peterburg: Tipografija III Otdelenija Sob. Je. I. V. Kanceljarii, 1863, s. 360–361.

⁸ STRIŽEV, Aleksandr Nikolajevič: *Andrej Nikolajevič Murav'jev. Biografičeskij očerk*. In: MURAV'JEV, Andrej Nikolajevič: *Russkaja Fivaida na Severe*. Moskva: Palomnik, 1999. [online]. [cit. 2023-06-05]. <http://booksite.ru/fulltext/phiv/aida/1.htm#1>

⁹ Подробнее о биографических условиях обещания см. KOŚCIOŁEK, Anna: *Andrzeja Murawjowa peregrynacje do kolebek chrześcijaństwa (Jeruzolima, Rzym, Kijów)*. Toruń: Wydawnictwo Naukowe UMK, 2020, s. 90, 236.

в защиту православия.¹⁰ Ссылаясь на евангельскую притчу (Мф. 25, 14–30), он считал, что нельзя зарывать свой талант, то есть дар слова, но надо использовать его для возвеличения Церкви. Писатель был убежден, что, хотя и у него священного сана не было, он все-таки должен действовать на благо православия насколько это в его силах.¹¹ Ведь каждый верующий призван проповедовать Слово Божье и защищать христианские ценности.

Паломничество стало важной частью благочестия, жизни и творчества Муравьева. Он не только посещал святые места, но записывал свои переживания и чувства, представлял разные санктуарии, чтобы приблизить их другим людям. Самые популярные его «хождения» — это: «Путешествие ко Святым местам в 1830 году» (1832), «Путешествие по святым местам русским» (1836)¹², «Римские письма» (1846), «Письма с Востока в 1849–1850 гг.» (1851), «Русская Фиваида на Севере» (1855).

Хотя в названиях некоторых своих произведений автор употребил слово «путешествие», на самом деле это были паломничества. Он удовлетворял не только свое любопытство о мире, но прежде всего стремился встретиться с Абсолютом, раскрыть тайну данного святилища, его религиозное значение.

В своих описаниях peregrinаций в святые места автор реализовал образцы паломнической литературы, определенные еще в XII веке игуменом Даниилом. Он, как и другие паломники, сообщал лишь о том, что лично видел или слышал. В соответствии с принципом пространственно-топографического или временного представления этапов путешествия, Муравьев создавал небольшие тематические очерки, объединенные в одно целое. Писатель сочетал два типа описания: пространственное и хронологическое. Передавал свои впечатления о разных местах и церемониях в порядке посещения их. Стремясь к ясности, он пользовался простым и понятным языком. Заботясь о «достоверности» передачи, автор часто цитировал Священное Писание, произведения

¹⁰ CHOCHLOVA, Natal'ja Aleksandrovna: *Ob A. N. Murav'jeve i jeho poëtičeskom sbornike «Tavrida»*. In: MURAV'JEV, Andrej Nikolajevič. *Tavrida*. Sankt-Peterburg: Tipografija S. Selivanskogo, 2007, s. 277.

¹¹ MURAV'JEV, Andrej Nikolajevič: *Pis'mo k otčuzdivšemušja ot Pravoslavija*. In: MURAV'JEV, Andrej Nikolajevič. *Putešestvije po svjatym mestam ruskim*. Moskva: Institut ruskoj civilizacii, 2014, s. 690.

¹² Дата первого издания книги. Следующие пополнялись новыми очерками.

Отцов Церкви, религиозных писателей, гимны и церковные молитвы, а также местные легенды и предания.¹³

Поэт был хорошо подготовлен к путешествиям. Он знал современные (немецкий, французский, английский, итальянский, арабский) и древние (латынь, греческий) языки, художественную, путешественническую литературу, историю и культуру посещаемых стран.

Объезжая места, которые играли важную роль в истории спасения, он принимал участие в богослужениях и таинствах Церкви. Например, второе путешествие в Святую Землю он начал с исповеди и причастия на Голгофе¹⁴, а окончил таинством елеосвящения в церкви Равноапостольных Константина и Елены в Иерусалиме¹⁵. Преодолевая различные повседневные трудности, он осознавал, что стремится к вечной жизни. Паломничество было временем размышления о своей жизни; он оценивал ее с точки зрения верности учению Христа. Во время пути и в святых местах он вновь открывал свою христианскую идентичность. Писатель воспитывался в религиозной семье, однако в детстве и молодости не соблюдал всех религиозных правил, прежде всего касающихся постов. Только на пути в Иерусалим впервые выдержал весь Великий пост.¹⁶

Для Муравьева паломничества были опытом психосоматического характера. Благодаря им, он находил в святых местах «следы» присутствия Бога, созревал как верующий человек и писатель. Он совершал путешествия, чтобы принести почитание Богу, углубить свои отношения с Ним, переосмыслить себя. Он открывал религию как живую реальность. Особое значение имело первое паломничество в Святую Землю в 1830 году. Оно стало поворотным моментом в его жизни. Поэт считал, что всякое добро, которое он испытал в своем земном странствии, как

¹³ Подробнее на тему правил, которые ввел игумен Даниил, я писала в: KOŚCIOŁEK, Anna: *Andrzej Murawjowa peregrynacje do kolebek chrześcijaństwa (Jerozolima, Rzym, Kijów)*. Toruń: Wydawnictwo Naukowe UMK, 2020, s. 121.

¹⁴ См. MURAV'JEV, Andrej Nikolajevič: *Pis'ma s Vostoka, ot 1849–1850 godov. Č. 2*. Sankt-Peterburg: Tipografija III Otdelenija Sob. Je. I. V. Kanceljarii, 1851, s. 88.

¹⁵ Ibidem, s. 290–291.

¹⁶ MURAV'JEV, Andrej Nikolajevič: *Moi vospominanija*. In: MURAV'JEV, Andrej Nikolajevič. *Putešestvije po svjatym mestam russkim*. Moskva: Institut russkoj civilizacii, 2014, s. 625. Подробнее на тему поста в жизни и творчестве Муравьева см. KOŚCIOŁEK, Anna: *Post v žizni i tvorčestve Andreja Murav'jeva*. In: *Czas w kulturze rosyjskiej. Vremja v russkoj kul'ture*. DUDEK, Andrzej (ed.). Kraków: Księgarnia Akademicka, 2019, s. 89–99; KOŚCIOŁEK, Anna, SZULC, Arleta: „*Duchowa drabina do nieba*”. *O postawie Andrieja Murawjowa wobec postu w rozumieniu Biblii i prawosławia*. *Slavia Orientalis*, 2022, nr 2, s. 257–275.

в материальном, так и в духовном измерении, исходило именно из Святого Города Иерусалима.¹⁷

Для писателя паломничества стали религиозными лиминальными опытами.¹⁸ В своих исследованиях американский антрополог и религиовед Виктор Тернер ссылается на концепцию ритуалов перехода, созданную Арнольдом ван Геннепом, и предлагает рассматривать паломничество как опыт лиминального характера.

Из признаков, характерных для лиминальной фазы ритуалов перехода, которые характеризуют паломничество, исследователь называет: освобождение от повседневных структур, гомогенизацию статуса, простоту одежды и поведения, *communitas*, тяжелые испытания, которые необходимо пройти, размышления

*«о значении основных культурных и религиозных ценностей, ритуализированное введение в жизнь согласия между религиозными парадигмами и общечеловеческим опытом, возникновение целостной личности вместо множества общественных масок, движение от мирского центра к сакральной периферии, которая внезапно становится временной точкой отсчета для лица, axis mundi ego веры, само движение, символ communitatis, которая меняется со временем, в отличие от stasis структуры, индивидуальность, противостоящую институционализации».*¹⁹

В случае Муравьева присутствовало большинство из перечисленных выше атрибутов. Не полностью произошла гомогенизация статуса. Писатель имел возможности, которых не было у множества паломников. Благодаря контактам с представителями власти как духовной, так и светской²⁰, священниками и монахами он мог посещать места,

¹⁷ См. MURAV'JEV, Andrej Nikolajevič: *Moi vospominanija*. In: MURAV'JEV, Andrej Nikolajevič. *Putešestvije po svjatym mestam russkim*. Moskva: Institut ruskoj civilizacii, 2014, s. 619–620.

¹⁸ См. TURNER, Victor: *Wprowadzenie. Pielgrzymka jako doświadczenie liminoidalne*. In: TURNER, Victor, TURNER, Edith L. B.: *Obraz i pielgrzymka w kulturze chrześcijańskiej*. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2009, s. 1–35.

¹⁹ См. TURNER, Victor: *Wprowadzenie. Pielgrzymka jako doświadczenie liminoidalne*. In: TURNER, Victor, TURNER, Edith L. B.: *Obraz i pielgrzymka w kulturze chrześcijańskiej*. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2009, s. 31. Перевод мой — А. К.

²⁰ Например, во время первого паломничества в Святую Землю писателя принял губернатор города Иерусалим (см. MURAV'JEV, Andrej Nikolajevič: *Putešestvije ko Svjatym mestam v 1830 godu*. Č. 1. Sankt-Peterburg: Tipografija III Otdelenija Sob. Je. I. V. Kanceljarii, 1848, s. 209). В Константинополе в марте 1850 года писатель был в аудиенции у тогдашнего султана Абдулмеджида I (1823–1861). См. MURAV'JEV, Andrej Nikolajevič:

недоступные для других. Например, во время второго паломничества в Святую Землю митрополит Мелетий показал поэту, какие части Базилики Воскресения Христова уцелели после пожара 1808 года.²¹ Блюститель Святой Земли отец Бернардино Трионфетти из Монтефранко приказал специально для писателя открыть всегда заключенную пещеру, избивенных Иродом младенцев, в подземелье Вифлеемской, а также снять картину над яслями, чтобы показать ему природную скалу.²² В Риме в 1845 году гидом поэта по катакомбам святой Агнессы был иезуит, отец Джузеппе Марки (1795–1860), с 1841 года блюститель подземных кладбищ.²³ В Константинополе в 1849 году Муравьеву удалось получить фирман, чтобы попасть в Святую Софию.²⁴

Перегринации, которые он предпринимал, имели инициативный характер. Этот аспект был особенно заметен во время первого паломничества в Святую Землю, которое вдохновило его на богомолье по святым местам русской империи, хотя, конечно, он посещал их и раньше. Муравьев стал первым светским автором в России, который затронул тему местных святынь. «Литературная святая география российской империи», созданная писателем, является чрезвычайно богатой и подробной (например, Киев, Новый Иерусалим, Троице-Сергиева лавра, Саровская пустынь, Оптинская пустынь, Соловецкий монастырь, Ваалам).

Для того, чтобы определить, каким образом перегринации повлияли на систему ценностей Андрея Муравьева, используется концепция Виктора Франкла, австрийского психиатра и психолога, известного врача-психотерапевта, философа-экзистенциалиста. Он разделил ценности на три категории: созидательные ценности (творчества), ценности переживания и отношений:

«Ценности, которые реализуются в продуктивных творческих действиях, мы будем называть «созидательными». Помимо созидательных, существуют ценности, реализуемые в переживании»

Pis'ma s Vostoka, ot 1849–1850 godov. Č. 2. Sankt-Peterburg: Tipografija III Otdelenija Sob. Je. I. V. Kanceljarii, 1851, s. 370–375.

²¹ MURAV'JEV, Andrej Nikolajevič: *Pis'ma s Vostoka, ot 1849–1850 godov.* Č. 2. Sankt-Peterburg: Tipografija III Otdelenija Sob. Je. I. V. Kanceljarii, 1851, s. 166.

²² Ibidem, c. 186.

²³ MURAV'JEV, Andrej Nikolajevič: *Rimskie pis'ma.* Č. 2, Sankt-Peterburg: Tipografija III Otdelenija Sob. Je. I. V. Kanceljarii, 1846, s. 1.

²⁴ См. MURAV'JEV, Andrej Nikolajevič: *Pis'ma s Vostoka, ot 1849–1850 godov.* Č. 2. Sankt-Peterburg: Tipografija III Otdelenija Sob. Je. I. V. Kanceljarii, 1851, s. 1–2.

*ях, — это «ценности переживания». Они проявляются в нашей чувствительности к явлениям окружающего мира — например, в благоговении перед красотой природы или произведений искусства [...] третья группа ценностей заключается в отношении человека к факторам, ограничивающим его жизнь. Ценности подобного рода мы назовем «ценностями отношения». Ибо действительно значимым является отношение человека к судьбе, выпавшей на его долю».*²⁵

Созидательные ценности осуществляются, главным образом, в процессе трудовой деятельности человека на благо общества. Ценностями переживаний психиатр назвал те, которые лицо находит в мире искусства, природы, взаимоотношений с другими людьми. Они способны стать стимулом для реализации собственного творческого потенциала отдельного лица, поиска им своего предназначения в реализации созидательных ценностей. В свою очередь, в ценностях отношения, в большей степени, чем в остальных, проявляется отношение человека к своей судьбе.

*«То, как он принимает тяготы жизни, как несет свой крест, то мужество, что он проявляет в страданиях, достоинство, которое он выказывает, будучи приговорен и обречен, — все это является мерой того, насколько он состоялся как человек».*²⁶

Таким образом созидательные ценности актуализируются в действии, ценности переживания реализуются в восприятии мира (например, природы или искусства) нашим сознанием, ценности отношения актуализируются всюду, где индивид сталкивается с чем-либо, навязанным судьбой, чего изменить уже нельзя.²⁷ Иными словами: создавая творческие произведения, человек реализует свои созидательные ценности; переживая — ценности переживания; страдая — ценности отношения.²⁸

Каждая ситуация предоставляет возможность для реализации ценностей. Паломнический опыт Муравьева повлиял прежде всего на ценности созидания и переживания. Писатель реализовал созидательные ценности в своих произведениях, которые были продуктом его творческих усилий. Эти ценности сделали его жизнь осмысленной, ибо он выполнял

²⁵ FRANKL, Viktor: *Čelovek v poiskach smysla*. Moskva: Progress, 1990, s. 173–174.

²⁶ Ibidem, c. 174.

²⁷ Ibidem, c. 221.

²⁸ Ibidem, c. 223.

обещание, данное в юности после чудесного спасения, стал защитником святынь. Поэт распространял знания о них, показывал их роль в жизни отдельного человека, страны и Церкви.

Во время peregrinаций он ощущал мир через призму произведений искусства, природу, взаимоотношения с людьми, реализовал таким образом ценности переживания. Религиозные чувства Муравьева сочетались с интересом к повседневной жизни, обычаям и культуре посещаемых мест. Он восхищался ими с верой паломника и любовью туриста. В санктуариях писатель находил свидетельства истории данной нации, присутствующие в литературных, живописных или архитектурных произведениях. Он много работал в архивах, библиотеках и монастырях России и Греции. Полученный в результате исследований материал автор использовал в исторических, богословских и литературных работах.²⁹ Из своих peregrinаций Муравьев привез много вещей, которые положили начало его известной коллекции икон и реликвий. После смерти поэта часть его уникального собрания была передана в Церковно-археологический музей при Духовной академии в Киеве.³⁰ К сожалению, эта коллекция не сохранилась. После Октябрьской революции она попала в Киево-Печерский монастырь, откуда была вывезена немцами во время Второй мировой войны, когда они отступали из города, и исчезла. Несколько сохранившихся экспонатов были разбросаны по различным странам и музеям в Европе и Соединенных Штатах.³¹

Красота природы пробуждала в поэте чувство благодарности к Творцу³², встречи с людьми разных вероисповеданий и культур обучали чувствительности к «другому». Все они помогали достичь полноты смысла жизни.

Довольно скромно в peregrinациях Муравьева проявлялись ценности отношений. Отправляясь в путь, он соглашался на определенные трудности, неудобства, прежде всего транспортные и связанные с мусульман-

²⁹ MOKLECOVA, Irina Vasil'jevna: *Chudožestvennoje tvorčestvo, publicističeskaja i prosvetitel'skaja dejatel'nost' A. N. Murav'jeva v kontekste ruskoj literatury i kul'tury XIX veka*. Dissertacija na soiskanije učenoj stepeni doktora filologičeskich nauk. Moskva, 2013, s. 205–206.

³⁰ PETROV, Nikolaj Ivanovič: *Murav'jevskaja kollekcija v Cerkovno-arheologičeskom muzeje pri Kijevskoj duchovnoj akademii*. Trudy Kijevskoj duchovnoj akademii, 1878, № 7, s. 193–216.

³¹ MOKLECOVA, Irina Vasil'jevna: *Chudožestvennoje tvorčestvo, publicističeskaja i prosvetitel'skaja dejatel'nost' A. N. Murav'jeva v kontekste ruskoj literatury i kul'tury XIX veka*. Dissertacija na soiskanije učenoj stepeni doktora filologičeskich nauk. Moskva, 2013, s. 190.

³² Подробнее о восприятии природы Муравьевым см. KOŚCIOŁEK, Anna: *Andrzeja Murawjowa peregrynacje do kolebek chrześcijaństwa (Jerozolima, Rzym, Kijów)*. Toruń: Wydawnictwo Naukowe UMK, 2020, s. 163–165, 206–208, 266–268.

скими порядками в посещаемых местах. Однако в своих размышлениях писатель редко обращал внимание на эти аспекты богомолья.

Библиография — References:

На русском языке

- CHOCHLOVA, Natal'ja Aleksandrovna: *Ob A. N. Murav'jeve i jego poëtičeskom sbornike «Tavrida»*. In: MURAV'JEV, Andrej Nikolajevič. *Tavrida*. Sankt-Peterburg: Tipografija S. Selivanskogo, 2007, s. 237–342.
- FRANKL, Viktor: *Čelovek v poiskach smysla*. Moskva: Progress, 1990.
- FUSU, Larisa Ivanovna: *Palomničestvo kak liminal'noje sostojanije*. Kontekst i refleksija: filosofija o mire i čeloveke, 2017, t. 6, № 6A, s. 247–254.
- МОКЛЕЦОВА, Ирина Васильевна: *Чудоžestvennoje tvorčestvo, publicističeskaja i prosvetitel'skaja dejatel'nost' A. N. Murav'jeva v kontekste ruskoj literatury i kul'tury XIX veka*. Dissertacija na soiskanje učenoj stepeni doktora filologičeskich nauk. Moskva, 2013.
- MURAV'JEV, Andrej Nikolajevič: *Moi vospominanija*. In: MURAV'JEV, Andrej Nikolajevič. *Putešestvije po svjatym mestam russkim*. Moskva: Institut ruskoj civilizacii, 2014, s. 617–669.
- MURAV'JEV, Andrej Nikolajevič: *Pis'ma s Vostoka, ot 1849–1850 godov*. Č. 2. Sankt-Peterburg: Tipografija III Otdelenija Sob. Je. I. V. Kanceljarii, 1851.
- MURAV'JEV, Andrej Nikolajevič: *Pis'mo k otčuždivšemusja ot Pravoslavija*. In: MURAV'JEV, Andrej Nikolajevič. *Putešestvije ko Svjatym mestam v 1830 godu*. Č. 1. Sankt-Peterburg: Tipografija III Otdelenija Sob. Je. I. V. Kanceljarii, 1848.
- MURAV'JEV, Andrej Nikolajevič: *Putešestvije po svjatym mestam russkim*. Moskva: Institut ruskoj civilizacii, 2014, s. 689–695.
- MURAV'JEV, Andrej Nikolajevič: *Putešestvije po svjatym mestam russkim*. Č. 2. Sankt-Peterburg: Tipografija III Otdelenija Sob. Je. I. V. Kanceljarii, 1863. Č. 4. Sankt-Peterburg: Tipografija III Otdelenija Sob. Je. I. V. Kanceljarii, Sankt-Peterburg, 1863.
- MURAV'JEV, Andrej Nikolajevič: *Rimskije pis'ma*. Č. 1–2. Sankt-Peterburg: Tipografija III Otdelenija Sob. Je. I. V. Kanceljarii, 1846.
- PETROV, Nikolaj Ivanovič: *Murav'jevskaja kollekcija v Cerkovno-arheologičeskom muzeje pri Kijevskoj duhovnoj akademii*. Trudy Kijevskoj duhovnoj akademii, 1878, № 7, s. 193–216.
- STRIŽEV, Aleksandr Nikolajevič: *Andrej Nikolajevič Murav'jev. Biografičeskij očerk*. In: MURAV'JEV, Andrej Nikolajevič. *Russkaja Fivajda na Severe*.

Moskva: Palomnik, 1999. [online]. [cit. 2023-06-05]. <http://booksite.ru/fulltext/phiv/aida/1.htm#1>.

ŽITENEV, Sergej Jur'jevič: *Istorija ruskogo pravoslavnogo palomništva v X–XVII vekach*. Moskva: Indrik, 2007.

ŽITENEV, Sergej Jur'jevič: *Palomništvo kak religioznoje nasledije (časť 2)*. Žurnal Instituta nasledija. [online], 2015, № 2 [cit. 2023-07-17]. <http://nasledie-journal.ru/ru/journals/3/23.html>.

ŽITENEV, Sergej Jur'jevič: *Religioznoje palomništvo v christianstve, buddizme i musul'manstve. Sociokul'turnyje, kommunikacionnyje i civilizacionnyje aspekty*. Moskva: Indrik, 2012.

На польском языке

EVDOKIMOV, Paul: *Prawosławie*. Warszawa: PAX, 2003.

KOŚCIOŁEK, Anna: *Andrzeja Murawjowa peregrynacje do kolebek chrześcijaństwa (Jerozolima, Rzym, Kijów)*. Toruń: Wydawnictwo Naukowe UMK, 2020.

KOŚCIOŁEK, Anna: *Post v žizni i tvorčestve Andreja Murav'jeva*. In: *Czas w kulturze rosyjskiej. Vremja v russkoj kul'ture*. DUDEK, Andrzej (ed.). Kraków: Księgarnia Akademicka, 2019, s. 89–99.

KOŚCIOŁEK, Anna, SZULC, Arleta: „*Duchowa drabina do nieba*”. *O postawie Andrieja Murawjowa wobec postu w rozumieniu Biblii i prawosławia*. *Slavia Orientalis*, 2022, nr 2, s. 257–275.

OSTROWSKI, Maciej: *Jesteśmy pielgrzymami przed Tobą. Posługa duszpasterska wśród pielgrzymów*. Kraków: Wydawnictwo Naukowe PAT, 2005.

SEWERYNIAK, Henryk: *Geografia wiary*. Warszawa: Biblioteka Więzi, 2010.

TURNER, Victor: *Wprowadzenie. Pielgrzymka jako doświadczenie liminoidalne*. In: TURNER, Victor, TURNER, Edith L. B.: *Obraz i pielgrzymka w kulturze chrześcijańskiej*. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2009, s. 1–35.

Anna Kościółek

Dr hab., NCU Professor, Associate Professor, Department of Slavic Literatures, Institute of Literary Studies, Faculty of Humanities, Nicolaus Copernicus University, Fosa Staromiejska 3, Toruń 87-100, Poland

Anna.Kosciolek@umk.pl

ORCID 0000-0001-8133-0965

Propagandowe i perswazyjne przewartościowania literatury. O ostatnich powieściach Marii Nurowskiej

Dorota Kulczycka

Streszczenie

Autorka artykułu rozważa kwestię narzucania czytelnikom przez Marię Nurowską własnej hierarchii wartości i własnych poglądów politycznych. Owa intencjonalność, związana z pragnieniem „przerobienia” mentalności Polaków na modłę pisarki, charakteryzuje szczególnie ostatnie jej powieści, spośród których tendencyjnością wyróżnia się *Dziesięć godzin*. I chociaż przemycane w jej utworach „czytanie Polski” jest dominujące, a przy tym niezwykle nachalne, indoktrynerskie, jednowymiarowe, nie można powiedzieć, aby było wyłączone. Autorka chce też imputować czytelnikom swoje zdanie w kwestii polityki dziejącej się za granicą, szczególnie wschodnią – na Ukrainie. Z perspektywy czasu jej poglądy zupełnie rozmiągają się z prawdą. Z wątpliwą aksjologią idą w parze nikłe wartości estetyczne: *Dziesięć godzin* okazało się karykaturą *Mistrza i Małgorzaty*, które to dzieło Michaiła Bułhakowa autorka zamierzała w wielu aspektach naśladować.

Słowa kluczowe: Maria Nurowska; tendencyjność; indoktrynacja; wartość artystyczna; wartość ideowa

Propagandistic and Persuasive Re-Evaluations of Literature. On the Recent Novels of Maria Nurowska

Abstract

The author of this paper considers the issue of Maria Nurowska imposing her own hierarchy of values and political views on her readers. This intentionality, related to the desire to “remake” the mentality of Poles in the writer’s fashion, characterizes especially her recent novels, among which *Dziesięć godzin* [*Ten hours*] stands out in terms of bias. And although the “reading of Poland” smuggled in her works is dominant, while also being extremely intrusive, indoctrinating, and one-dimensional, it is not exclusive. The author also wants to impute to readers her views on the politics happening abroad, especially beyond Poland’s eastern border—in Ukraine. In retrospect, her views completely miss the truth. The questionable axiology is accompanied by poor aesthetic values: *Dziesięć godzin* revealed itself as a caricature of *The Master and Margarita*,

a work by Mikhail Bulgakov, which the author intended to imitate in many aspects.

Key words: Maria Nurowska; political bias; indoctrination; artistic value; ideological value

Współcześni humaniści polscy, rozważając problem „zwrotu politycznego” w rodzimej literaturze i literaturoznawstwie, akcentując narzucającą się rzekomo polskość tematyki, używają za Kingą Dunin wyrażenia „czytając Polskę”¹. Tak czyni Michał Kuziak w artykule pod znamienym tytułem *Czy polska humanistyka jest polityczna? Rekonesans*, zaznaczając, że owo zjawisko jest widoczne nie tylko u pisarzy czy badaczy literatury, ale także u historyków, antropologów, socjologów, filozofów, teatrologów, kulturoznawców. Szczególnie interesujące są jego uwagi na temat tzw. „sprawstwa” mającego dokonywać się za przyczyną upolitycznionych tekstów:

*„Szyborska pisała kiedyś, że żyjemy w czasach, w których wszystko jest „polityczne”, jakby potwierdzając myśl Napoleona z anegdoty Hegla. Próbując jednak dookreślić znaczenie tego pojęcia na potrzeby dalszych rozważań, wstępnie przyjmuję, że chodzi o manifestującą się w tekstach chęć oddziaływania na czytelnika – na jego przekonania i postawy związane z szeroko pojętym życiem wspólnotowym. A więc to pragnienie sprawstwa, o którym coraz częściej mówi się we współczesnej humanistyce, jest kluczowe dla wyznaczenia pola humanistyki politycznej.”*²

Właśnie taka intencjonalność, związana z pragnieniem „przerobienia” mentalności Polaków na modłę autorki, charakteryzuje powieści Marii Nurowskiej, zwłaszcza ostatnie – z końca XX i z dwóch dekad XXI w. Pisarkę, manifestującą się tym, że jest córką legionisty i żołnierki AK, zawsze interesowała polityka i historia. Od początku jej literatura była pod tym względem „zaangażowana”, ale pobudki ideologiczne nie zawsze były jasne. Mimo jej bojowego nastawienia i przekonania o konieczności spełnienia dziejowej misji, można stwierdzić, że paradoksalnie charakteryzowała ją ugodowość. Pisarka w dobie komunizmu i socjalizmu wykazywała się daleko

¹ DUNIN, Kinga: *Czytając Polskę. Literatura polska po roku 1989 wobec dylematów nowoczesności*. Warszawa: W.A.B., 2004, s. 28.

² KUZIAK, Michał: *Czy polska humanistyka jest polityczna? Rekonesans*. In: *Nowa humanistyka. Zajmowanie pozycji, negocjowanie autonomii*. CZAPLIŃSKI, Przemysław et al. (eds). Warszawa: IBL PAN, 2017, s. 545–546.

posuniętym konformizmem i interesownością wobec władz. Ujawnia to w swoim artykule redaktor naczelna Telewizji „Republika” Dorota Kania, która zauważa działalność Nurowskiej w komunistycznych organizacjach: Związku Młodzieży Socjalistycznej oraz Związku Studentów Polskich. Kania odnotowuje też pracę m.in. w Garnizonowym Klubie Oficerów w Braniewie, MSW czy PLL LOT. Dziennikarka omawia rozmowy pisarki z bezpieką tuż przed jej wyjazdami do RFN, skrupulatnie, „bez żadnych zastrzeżeń” informowanie inspektora stołecznej Służby Bezpieczeństwa Stanisława Piotrowicza o działalności Koła Młodych przy Związku Literatów Polskich oraz wycofanie się Nurowskiej z tej funkcji tuż po powrocie z RFN. Dorotę Kanię zastanawia również „lawinowa twórczość” w czasie, „gdy w PRL rządziła junta Jaruzelskiego i Kiszczaaka”.

„Popularność Nurowskiej utrzymała się także w III RP. Była zapraszana do mainstreamowych mediów, jej książki zyskiwały przychylnie recenzje. Wypowiadała się w kolorowych pismach kobiecych, wygłaszając poglądy zgodne z oczekiwaniem właścicieli III RP. Podobnie jest z jej książkami, które wpisują się w lewicowo-liberalne poglądy i są dedykowane osobom o takim właśnie nastawieniu.”³

W czasach rządów PiS Nurowska znów poszła z falą – tym razem, co łatwiej – z demonstrantami spod znaku KOD-u, czarnych marszy i niepolskich, aczkolwiek polskojęzycznych czasopism. Przekorna natura pisarki każe wyśmiewać tych, którzy pisali scenariusze według linii Bierutowskiej (Andrzejewski sportretowany w powieści *Sergiusz, Czesław, Jadwiga*) bądź asekurować się przyjaźniami z nietuzinkowymi postaciami (z Ryszardem Kuklińskim czy – przez lata – z Leonem Niemczykiem). Z populistycznych założeń wyrastają zatem opowieści o pisarzach, politykach, wojskowych, a także o filmowcach z czasów jej młodości. Już tutaj nie można, z metodologicznego punktu widzenia, odseparować tkanki ideologicznej światów przedstawionych w badanej twórczości od biografizmu. Szczególnie jednak owa nierozłączność jest ewidentna w utworach Nurowskiej z ostatnich dekad, m.in. z tego powodu, iż niepardonowy atak na polityków tylko z jednego ugrupowania, hołdowanie niegdysiejszym bohaterom typu Józef Pinior czy (na gruncie ukraińskim) Wiktor Juszczenko po pierwsze: idzie w parze z demonstrowanymi antypatiami i sympatiami pisarki również na innych niż literackie platformach; po drugie: jej sądy są niezwykle skrajne i niewyważone, silnie demonstrowane i narzucane czytelnikom; po trzecie: rozpowszechniane poglądy autorki są

³ KANIA, Dorota: *Nurowska w oparach absurdu*. Gazeta Polska, 2018, nr 36, s. 26–27.

subiektywne, niedyktowane żadną dziejową koniecznością i potrzebą, choć zapewne takim imperatywem pisarka się kierowała. Artykułów naukowych o twórczości Nurowskiej nie znajdziemy zbyt wiele, natomiast istnieje znaczna liczba tekstów publicystycznych, również przenoszonych do Internetu. I, jak się można spodziewać, materiały zamieszczane na forach internetowych (zwłaszcza komentarze czytających je internautów) balansują między aplauzem a politowaniem i dezaprobatą wobec poczynań literatki.

Już w cyklu poświęconym ochronie wilków⁴ autorka przemycyła własne awersje dotyczące przedstawicieli polityki związanej z prawicą. Za medium własnych poglądów obiera sprzedawczynię z Bieszczad, nie uwzględniając faktu, że ludzie z Małopolski z reguły wyznają prawicowe i konserwatywne poglądy. Nieporównywalny z niczym atak na polityków PiS-u, nieliczący z godnością pisarza jako artysty i myśliciela, obserwujemy w kolejnym ogniwie powieści, w której pojawiają się znów wilki (już nie tyle jako temat, co jedynie jako pretekst do politycznych oszczerstw). Zresztą są one wyraźnie zantropomorfizowane jako bestie grożące ministrowi ochrony środowiska (jednoznaczna aluzja do postponowanego, obecnie już nieżyjącego prof. Jana Szyszki) samosądem kończącym się okrutną śmiercią polityka. Chodzi, rzecz jasna, o najbardziej paszkwilancki utwór Nurowskiej *Dziesięć godzin* (2017).

Zanim więcej uwagi poświęcimy *Dziesięciu godzinom*, zauważmy, że również inne powieści zahaczają o najnowszą historię Polski. Nurowska przeprowadza w nich atak na „romantyczne” wartości takie jak Bóg, wiara, Kościół, patriotyzm, martyrologia polska. Upolityczniony jest zatem *Dom na krawędzi*, gdzie m.in. pojawiają się aluzje do utarczek ekologów z profesorem Janem Szyszko o Dolinę Rospudy czy do krzyża w Warszawie po tragedii smoleńskiej przed Pałacem Prezydenckim⁵. Wydarzenia z Krakowskiego Przedmieścia będą też przedmiotem szyderstwa w *Dziesięciu godzinach*.

W powieści *Sergiusz, Czesław, Jadwiga* młoda pisarka o imieniu Anna, *porte parole* lubiącej posługiwać się poetyką maski Nurowskiej, przeprowadzając wywiad z twórcą *Kochanka Wielkiej Niedźwiedzicy* rozmawia z nim o Czesławie Miłoszu i o jego *Zniewolonym umyśle*. Po zacytowaniu fragmentu ze *Zniewolonego umysłu* dotyczącego Alfego (czyli Jerzego Andrzejewskiego), Anna przytacza następującą, uszczypliwą nie tylko wobec autora *Ładu serca*, ale również względem Miłosza, którego Piasecki uważał za „sprzedawczyka” i „zdrajcę”, uwagę:

⁴ NUROWSKA, Maria: *Nakarmić wilki*. Warszawa: W.A.B., 2010; NUROWSKA, Maria: *Requiem dla wilka*. Warszawa: W.A.B., 2011.

⁵ NUROWSKA, Maria: *Dom na krawędzi*. Kraków: Znak, 2012, s. 257, 261–262.

„Wkrótce mieliśmy się dowiedzieć wszyscy, co czuł prozaik Andrzejewski, jaki plan powieści rysował mu się w głowie. Historia starego, ideowego komunisty!!! A co czuł poeta? Nic nie czuł, liczył srebrniki, które miały wpaść do jego kieszeni za wspólnie z prozaikiem spłodzony scenariusz filmowy, oczywiście uwzględniający jedynie słuszną linię Bierutowskiej partii...”⁶

Wiadomo, że autor *Bram raj* zaraz po II wojnie światowej razem z Czesławem Miłoszem napisał scenariusz do wspomnianego przez Nurowską filmu *Robinson warszawski*, obrazu inspirowanego doświadczeniami Władysława Szpilmana, pseud. AlLEGRO (kompozytora i wirtuoza żydowskiego pochodzenia, upamiętnionego także w filmie *Pianista* Romana Polańskiego⁷). Gdy scenariusz zmieniono z powodów ideologicznych, Czesław Miłosz wycofał swoje nazwisko. Czarno-biały film, kręcony w latach 1948–1949 na gruzach zrujnowanej Warszawy powstał ostatecznie w 1950 roku pod tytułem *Miasto nieujarzmione*.

Wyraźny rys upolitycznienia literatury pięknej obserwujemy w cyklu *Imię twoje*. Pisarka w trzech powieściach składających się na ów cykl: *Imię twoje – Powrót do Lwowa – Dwie miłości* konsekwentnie broni Wiktora Juszczenkę, czyniąc z niego bohatera narodowego i męczennika sprawy wolnej Ukrainy. Motyw próby zgładzenia Juszczenki i jego zeszeconej wskutek działań toksyn twarzy, to stały motyw w owych „lwowskich” powieściach⁸. W pewnym momencie, na przestrzeni trylogii *Imię twoje...*, widać wahanie autorki względem Juszczenki. Takie wrażenie odnosi czytelnik przy lekturze trzeciego ogniwa cyklu – *Dwóch miłości*, ale wkrótce przekonuje się, że bogaty lwowski prawnik Andrew Sanicki – *porte parole* politycznych poglądów pisarki, dementuje – przy użyciu przez pisarkę w narracji mowy pozornie zależnej – domniemane sądy Julii Tymoszenko:

„A ta zła wiadomość to „wojna na górze”, zupełnie jakby się powtarzał polski scenariusz. Tam namieształ legendarny przywódca „Solidarności” Wałęsa, a tutaj wyraźnie mieszka Julia [Tymoszenko – przyp. D. K.]

⁶ NUROWSKA, Maria: *Sergiusz Czesław Jadwiga*. Warszawa: W.A.B., 2013, s. 17; por. s. 13.

⁷ Nurowska broniła tegoż z kolei reżysera w najbardziej nas tutaj interesujących *Dziesięciu godzinach*, co Marcin Kube komentuje następująco: „Poddaje polityków fizycznej przemocy, wchodzi w ich umysły i dokonuje nieuprawnionych sądów. Choćby wtedy, gdy przypisuje obsesyjny antysemityzm ministrowi sprawiedliwości, gdyż opowiada się on za rozliczeniem przed sądem Romana Polańskiego. Poważny to zarzut, na który warto byłoby mieć pokrycie”. KUBE, Marcin: *Literacka ofiara PiS*. Rzeczpospolita (wydanie zasadnicze), 2017, nr 113, s. A13.

⁸ NUROWSKA, Maria: *Powrót do Lwowa*. Warszawa: W.A.B., 2005, s. 254–255.

Oświadczyła w telewizji, i to niestety poszło w świat: „Wiktor Juszczenko zniszczył naszą jedność, zniszczył przyszłość państwa”.

Obawiam się, Julio, że to ty chcesz ją zniszczyć, dla swoich wybujałych ambicji. Opanuj się, kobieto, i pomóż biednemu Wiktorowi. On ma wizję naprawy państwa, ty mu w tym tylko nie przeszkadzaj... A że korupcja, że nieuczciwi urzędnicy? Chorego organizmu nie da się tak od ręki uzdrowić, bo kiedy się za dużo wytnie chorej tkanki, pacjent może tego nie wytrzymać.”⁹

Andrew chce zadzwonić do Julii Tymoszenko, ale boi się, że przyjaciółka zareaguje jak „rozwścieczona kocica”.

Apogeuem szyderstwa połączonego z oszczerstwami wobec władz IV RP, ale również wobec Kościoła czytelnik obserwuje w *Dziesięciu godzinach*. Autorka zademonstrowała w tej powieści, jak dotychczas w żadnej innej, swoje zdolności w posługiwaniu się tzw. dziś „mową nienawiści”. Problem owej „mowy” sam w sobie bywa skomplikowany, z tego powodu, że najczęściej wyrażenie to pojawia się u tych, którzy tym uczuciem i tą postawą się kierują. Takie stanowisko zajmuje Roger Scruton, bodajże najwybitniejszy współczesny filozof polityki; który „definiuje walkę z mową nienawiści jako przypisywanie innym własnej nienawiści”¹⁰. Powszechnie też wiadomo, że błogosławionego księdza Jerzego Popiełuszkę w bestialski sposób zamordowali ci, którzy określali jego kazania jako „seanse nienawiści”. Pojęcie „mowy nienawiści” bywa więc środkiem medialnej i politycznej manipulacji. Ostrożniej więc może byłoby z politowaniem mówić o „emocjonalnym bełkocie” czy o nieświadomości oskarżycieli. Można jednak właśnie ich język badać, choć zajęcie to, przynajmniej, nie dla każdego bywa przyjemne. W przypadku Nurowskiej, u której ostatnimi laty powieści służą jako tuba propagandowa własnych, idących w parze z mainstreamowymi, poglądów politycznych, zamieniając się w ten sposób w publicystykę, a tracąc na „literackości”, mowa nienawiści zdobywa swoje specyficzne zabarwienie. Nie ma u niej wulgaryzmów, charakterystycznych chociażby dla prozy młodszych pisarzy, np. Doroty Masłowskiej czy Jakuba Żulczyka, ale jest odbieranie godności konkretnym, łatwo dającym się zidentyfikować, osobom publicznym funkcjonującym w IV RP. Pomówienia, niesprawdzone sądy o nich, skazywanie ich na rozszarpanie przez wilki (*Dziesięć godzin*) tak jak – w rzeczywistości empirycznej – poddawanie innych wpływom

⁹ NUROWSKA, Maria: *Dwie miłości*. Warszawa: W.A.B., 2006, s. 213.

¹⁰ SCRUTON, Roger: *The Threat of Free Speech in the University*. The Imaginative Conservative. [online], 2022 [cit. 2023-04-05]. <https://theimaginativeconservative.org/2022/07/threat-free-speech-university-roger-scruton-2020-timeless.html>.

magii homeopatycznej¹¹ świadczyć mogą o nieujarzmionej agresji pisarki, która zachłysnęła się swoją wieloletnią sławą jak autorka rzekomo poczytnych powieści i na tej bazie w niewybredny sposób „uprawia politykę”. Warto w tym miejscu oddać głos Oldze Białek-Szwed, która w ten sposób charakteryzuje zjawisko znane jej z mediów:

„...mowa nienawiści we współczesnych mediach masowych, to zjawisko powszechnie uważane za przejaw zła i niegodziwości, które może doprowadzić do nieprzewidywalnych społecznie skutków, takich jak szerzenie stereotypów, popularyzacja treści wulgarnych i obraźliwych, eskalacja zachowań niebezpiecznych w życiu publicznym, zaburzenia społecznej komunikacji masowej i interpersonalnej. Mowa nienawiści jest także postępującym zagrożeniem dla kultury powszechnej kraju, w którym nie stosuje się na co dzień mechanizmów ją ograniczających.”¹²

Autorka artykułu podaje najrozmaitsze przykłady medialnego „hejtu”, w tym również – dodajmy – na szczególnie znienawidzonego przez Nurowską Jarosława Kaczyńskiego. I w tym wypadku, a chodzi o atak terrorystyczny w Londynie z 22 marca 2017 r., kiedy to Kaczyński właśnie przebywał w stolicy Wielkiej Brytanii, pojawiają się przytoczone przez badaczkę ubolewania typu: „Miliony prawdziwych Polaków jest zawiedzionych, że kurdupła nie było na tym moście”, „Szkoda, że nadal żyje”, „Udało się kacze, jak pech to pech”, „Chyba ze strachu poleciało mu po nogawkach”, „Ruchomy cel, trudno trafić” itd.¹³. Komentarz Białek-Szwed jest następujący: „Media zbyt łatwo i bezrefleksyjnie nagłaśniają mowę nienawiści, traktują ją jako element przyciągający uwagę odbiorcy, specyficzny rodzaj atrakcji”¹⁴. A jeśli dzieje się też tak na płaszczyźnie literatury mającej uchodzić za literaturę piękną? Takim elementem sensacyjności miało być jeszcze bardziej niewybredne „hejtowanie” przez Nurowską obecne w wielu jej powieściach (nie mówiąc o wywiadach, listach otwartych, wpisach na Twitterze itd., czyli właśnie w mediosferze), szczególnie zaś w wielce nieudanej powieści *Dziesięć godzin*.

¹¹ Chodzi o nakłuwane przez pisarkę laleczki voo-doo z wizerunkiem prokuratora Stanisława Piotrowicza, życzenie mu choroby i śmierci. B. a.: „Wystarczy mały wylew i paraliż”. *Nurowska szokuje słowami o voodoo i Piotrowiczu*. Wprost.pl. [online], 2018 [cit. 2019-02-18]. <https://www.wprost.pl/polityka/10140705/wystarczy-maly-wylew-i-paraliz-nurowska-shokuje-slowami-o-vooodoo-i-piotrowiczu.html>.

¹² BIAŁEK-SZWED, Olga: *Mowa nienawiści problemem etycznym współczesnych mediów*. Zeszyty Naukowe KUL 61, 2018, nr 4 (244), s. 331.

¹³ Ibidem, s. 335.

¹⁴ Ibidem.

Autorka komponuje ową powieść – w sposób niezwykle uproszczony i nielogiczny – na wzór *Mistrza i Małgorzaty* Michaiła Bułhakowa, *Fausta* Goethego oraz *Kordiana* Juliusza Słowackiego. Lekceważąco pisze o Polsce, o jej historii, o Kościele, posługując się – jako swoimi *porte parole* – Wolandem i innymi kreacjami diabłów znanych z owych utworów (Fagot, Asasello, Bohemot, gdy np. w *Mistrzu i Małgorzacie* był kot Behemot). Postępuje tak, jakby tworzyła nową XXI-wieczną wersję wspomnianej klasyki. „Mistrzem” ma być tu terapeuta, naukowiec Jerzy Brzeski, który uwiódł żonę swojego pacjenta. To właśnie jej – 37-letniej sędzinie Małgorzacie Poznańskiej-Śliwie zlecono zbadanie sprawy oskarżonego o korupcję Józefa Piniora. Z kolei, jak w *Kordianie*, diabły rozdzielają między sobą ministrów, którymi mają się zająć po kolei. Bohemot np. rozprawi się z panią minister edukacji, rzekomo tą, „która ma wielkie zębiska”¹⁵. Główną rolę odgrywa diabeł Fagot – przebrany za 89-letniego staruszka. Wyjęte niejako z mainstreamowych mediów są jego słowa, np. o tych, co „dorwali się do władzy” i pustoszą kraj i ludzkie umysły¹⁶. Tak samo niewybredne insynuacje kierowane są przez diabłów pod adresem ministra Antoniego Maciarenwicza. Najbardziej jednak ostrze nienawiści i pomówień bez pokrycia w rzeczywistości empirycznej wymierzone zostaje w stronę Prezesa Kaczyńskiego, ministrów Joachima Brudzińskiego, Zbigniewa Ziobry, Jana Szyszki oraz ks. Tadeusza Rydzyka. Tego typu zabiegi w zamyśle autorki mają być śmieszne, a są po prostu nieetyczne. Zawodzi też logika utworu: jeśli pomówienia padają z ust diabłów, czy można brać je na serio? Logiczne błędy polegają m.in. na tym, że właściwie nie wiadomo, jaka jest rola diabłów; ponadto zdają się one być postaciami reprezentującymi to samo stanowisko światopoglądowe, co autorka.

Fabula jest plagiatowa i miałka intelektualnie. Nawet w ułamku nie dorównuje klasyce, którą autorka nieudolnie próbuje naśladować. Jeden z recenzentów powieści – Marcin Kube również nie widzi w owym analogonie *Mistrza i Małgorzaty* ani artyzmu, ani humoru:

„Kto spodziewał się wyśmienitej satyry politycznej, będzie zawiedziony, bo rzadko kiedy jest zabawnie. Autorka wielokrotnie przekracza granice dobrego smaku.”¹⁷

W *Dziesięciu godzinach* konkurują ze sobą dwa filmy: jeden prawdziwy – 80 milionów, drugi sfingowany – wyświetlany pod koniec powieściowej

¹⁵ NUROWSKA, Maria: *Dziesięć godzin*. Warszawa: Prószyński Media, 2017, s. 96–97.

¹⁶ Ibidem, s. 41.

¹⁷ KUBE, Marcin: *Literacka ofiara PiS*. Rzeczpospolita (wydanie zasadnicze), 2017, nr 113, s. A13.

fabuły Jarosławowi Kaczyńskiemu przez jego zantropomorfizowanego, jak i wilki, kotka zamienionego w demonicznego, monstrualnego Kota. Jednym z głównych wątków jest sprawa Józefa Piniora, dlatego pisarka – stając po stronie niewinności polityka – nawiązuje do wspomnianego filmu o jego solidarnościowej przeszłości. Bez pogłębienia problematyki, bez powołania się na autentyczne akta ze śledztwa prowadzonego w sprawie późniejszych wydarzeń, pod pretekstem obrony polityka, przepuszcza ona niegodny pisarskiego pióra atak na ludzi prawicy i Kościoła w Polsce. „Argumentami” mają być: ów autentyczny film Waldemara Krzystka z 2011 r., upamiętniający brawurową akcję Piniora sprzed 36 laty; sam ten czyn oraz dalsza, świetlana kariera zawodowa Piniora potwierdzana zagranicznymi stypendiami i licznymi odznaczeniami. Na przestrzeni ośmiu stron¹⁸ pisarka odtwarza z Internetu¹⁹ wizerunek medialny Piniora, każąc swoim bohaterkom artykułować oburzenie, iż zaatakowano tak – według nich – zacnego, inteligentnego i wykształconego człowieka.

Sfingowana przez Nurowską sędzina musiała w ciągu dziesięciu tytułowych godzin zająć się sprawą Piniora. Mając do przejżenia sterty akt powinna „zdecydować, czy zasadny jest wniosek o aresztowaniu na trzy miesiące”²⁰. Według Marcina Kube i w tym aspekcie autorka zachowuje się niezręcznie:

„...Najbardziej jednak zastanawia, czy autorka pomyślała, że gdzieś w rzeczywistości istnieje prawdziwa sędzia, która rozstrzygała sprawę aresztu dla Józefa Piniora, i powieść napisana w ten sposób może stawiać ją w mało zręcznej sytuacji.”²¹

Atak na IV RP przeprowadzany jest konsekwentnie w całej powieści, ale jego apogeum następuje w drugim ze wspomnianych obrazów. Otóż Kot puszczający filmik, wykreowany – mimo aluzji do pupila Prezesa – na diabelskiego Behemota z *Mistrza i Małgorzaty*, mówi do Kaczyńskiego, iż nie chce jego duszy, gdyż jest „obrzydliwie czarna” i oskarża Prezesa o śmierć jego brata, o totalitaryzm, o rasizm²². Następnie przez cały czas – w trakcie emisji filmiku – ten fantastyczny stwór prowadzi narrację przed oczyma Prezesa, insynuując politykowi wszelkie zło związane z katastrofą smoleńską, losem

¹⁸ NUROWSKA, Maria: *Dziesięć godzin*. Warszawa: Prószyński Media, 2017, s. 16–18; 22–26.

¹⁹ Owo źródło informacji jest tu wprost ujawnione: „Weszła na stronę senatora Piniora, ze zdziwieniem czytała biogram, który miał tak mało wspólnego z wówczas przaśną, robotniczą Polską” (ibidem, s. 16). Innym medium są TVN-owskie „Fakty” (zob. ibidem).

²⁰ Ibidem, s. 260.

²¹ KUBE Marcin: *Literacka ofiara PiS*. Rzeczpospolita (wydanie zasadnicze), 2017, nr 113, s. A13.

²² NUROWSKA, Maria: *Dziesięć godzin*. Warszawa: Prószyński Media, 2017, s. 250–254.

ofiar i ich rodzin, historią krzyża przy Krakowskim Przedmieściu. Posuwa się do tego, że zarzuca Kaczyńskiemu obrażanie Boga przez założenie sekty smoleńskiej nazywanej rzekomo „religią smoleńską” (w ten sposób nazywa się ludzi skupionych wokół prawicowych mediów jak „Gazeta Polska” i in.²³). Kot ostatecznie zaskakuje Prezesa jego własnym widokiem, jako człowieka wyprowadzonego z równowagi wykrzyknieniami kontrmanifestacji:

„— *Oszust! Kłamca! Manipulant!*

Nie mógł dokończyć swojego przemówienia, więc wpadł we wściekłość, wymachiwał rękami, czapka spadła mu z głowy i siwe włosy rozwiały się na wietrze...

Żalony starzec – pomyślał i w tej samej chwili dotarło do niego, że to przecież on, we własnej osobie.

Manifestanci krzyczeli:

*— Precz od grobów! Precz od grobów!*²⁴

To samo, o czym Nurowska przekonuje w wywiadach i oskarżycielskich listach, np. do Przewodniczącego Parlamentu Europejskiego²⁵, przekazuje też w owej paszkwilanckiej powieści. Chodzi mianowicie o określenie elektoratu PiS-u w sposób przypominający poniekąd portretowanie ślepców przez Bruegla:

„— *Zwyciężymy! Zwyciężymy!*

*Skandowali jego zwolennicy. Po raz pierwszy mógł przyjrzeć się im z bliska. Ich twarze wykrzywił brzydki wyraz. Przeważnie już mocno starsi, biednie ubrani, niektórzy mieli braki w uzębieniu, więc kiedy wykrzykiwali swoje hasła, trudno ich było zrozumieć. Nieśli zapalone pochodnie, co wyglądało, jakby czas się cofnął w mroki średniowiecza*²⁶.

„— *Smoleńsk pomścimy! Biada mordercom i złodziejom!*

²³ Ibidem, s. 254–255.

²⁴ Ibidem, s. 255.

²⁵ W liście do przewodniczącego Parlamentu Europejskiego Antonio Tajaniego, któremu poskarżyła się na prezesa PiS Jarosława Kaczyńskiego, prezydenta Andrzeja Dudę oraz partię rządzącą, pisała: „Elektorat PiS składa się głównie z prostych, niewykształconych ludzi. To jest baza tej partii: małe miasteczka i wsie. Ci ludzie, pokładający ufność w Kościele, nie zdają sobie sprawy, dokąd rządzący wspólnie z klerem prowadzą naszą ojczyznę” – pisała do Tajaniego, dodając, że „opór społeczny przybiera na sile, a tylko siłą można powstrzymać obecną władzę”. Cyt. za: KANIA, Dorota: *Nurowska w oparach absurdu*. *Gazeta Polska*, 2018, nr 36, s. 27. Por.: KOPEĆ, Jakub: *Kaczyński jest potworem: apostazja prześwietnej Marii Nurowskiej*. *Dziennik Trybuna*, 2017, nr 93/94, s. 12–13.

²⁶ NUROWSKA, Maria: *Dziesięć godzin*. Warszawa: Prószyński Media, 2017, s. 255–256.

Dlaczego złodziejom? – zdziwił się Kot – co oni ukradli? Śmigło od samolotu? I z kim chcecie zwyciężać, przecież to wy zwyciężyliście, wy dźwierzycie władzę w tym nieszczęsnym kraju.

Ekran zawęził się i zniknął.²⁷

Następnie Kot szantażuje Kaczyńskiego w słowach przypominających wpisy Nurowskiej na Twitterze oraz jej list do dowództwa Wojska Polskiego apelujący o rozwiązanie rządu:

„– Daję ci trzy dni, rząd ma się poddać do dymisji, a parlament rozwiązać – i dodał – w kwestii formalnej, w każdej chwili nagranie może być udostępnione opinii publicznej!

Po czym na jego oczach przemienił się w małego kotka i czmychnął przez okno.²⁸

W tak szyderczy sposób autorka upamiętnia najnowszą historię Polski. Takie są jej środki perswazji. Skonfrontowanie autentycznego filmu ze sfingowanym przez Nurowską ma pewien sens, którego możemy się domyśleć. Chodzi o pokazanie rzekomego podobieństwa dwóch „reżimów”: PRL-owskiego i PiS-owskiego. Chodzi też o ukazanie nieskazitelnosci Pinióra (pierwszy film) i nikczemności tych, którzy go teraz „włączą” po sądach. Zauważyć jednak trzeba, że film o wydarzeniach z początku lat 80. nie ma takiego ładunku nienawiści do wypaczeń i zbrodni PRL-u, co *Dziesięć godzin* wobec polityki współczesnego rządu.

Nawet autor piszący w lewicowej „Trybunie”, solidaryzując się „z pisarką Nurowską w jej proteście przeciwko opresji reżimu Dobrej Zmiany”, oburza się na przesadę dawnej – jego zdaniem – zwolenniczki PiS-u:

„Z żarliwością neofitki Nurowska popada w grubą przesadę, kiedy obrzuca Prezesa obelżywymi słowami. Być może Kaczyński jest potworem, ale porównywanie jego działań do zbrodni „w najgorszych czasach stalinizmu” jest nieporozumieniem tak wielkim, że aż budzącym śmiech publiczności. A to nie najlepiej służy sprawie odsunięcia PiS od władzy.²⁹

²⁷ Ibidem, s. 255–256.

²⁸ Ibidem, s. 260.

²⁹ KOPEĆ, Jakub: *Kaczyński jest potworem: apostazja prześwieconej Marii Nurowskiej*. Dziennik Trybuna, 2017, nr 93/94, s. 12.

Ironizuje też z demonizowania przez pisarkę sytuacji przesłuchania Pinióra i z porównania „ziobrystów” do stalinowców³⁰. Podobnie jak Marcin Kube, Kopeć ocenia utwór bardzo nisko.

Reasumując: autorka ośmieszając się swoją zamazującą granice pisarstwa i publicystyki działalnością, skompromitowała też dzieło filmowe Waldemara Krzystka, którego potraktowała instrumentalnie, „użyczając” do wzmocnienia i autoryzacji własnych poglądów. Aluzje do filmów stały się bowiem jeszcze jedną okazją do usilnej propagandy politycznych poglądów. Sam film stanowi narzędzie sprawcze, obecny w aluzjach i streszczeniach, ma odgrywać rolę argumentu, elementu perswazji. Pisarka, będąc przekonaną, że jej głos jest „głosem narodu”, konstrukcją światów przedstawionych, a w dużej mierze odniesieniami do filmów, pragnie zmienić mentalność reszty Polaków i bieg historii. Oscyluje przy tym między wyrażaniem skrajnych, podbudowanych najczęściej zbiorową histerią, uczuć wobec polityków: od nienawiści do uwielbienia. Jedne i drugie nie są merytorycznie do końca uzasadnione: tak zawzięta obrona idealizowanego Józefa Pinióra, jak nienawiść wobec obozu rządzącego w IV RP (*Dziesięć godzin*); tak wysławianie i oczyszczanie z win Wiktora Juszczenki, jak i przeciwstawianie mu i oczernianie Leonida Kuczmy (cykl *Imię twoje*) itd.

Z antropologicznego punktu widzenia jest to piśmiennictwo szkodliwe, w którym literaturę tak naprawdę zastępuje zjadliwa publicystyka niemająca jednak nic wspólnego z faktami; piękno ustępuje miejsca karykaturze, dobro – złu, a co niepożądane również ze względu na następne pokolenia odbiorców: prawdę – fałszowi. Dokonuje się przy tym w tych powieściach jeszcze jeden skandal polegający na idealizacji jednych, a oczernianiu drugich; na braku poszanowania i na permanentnym godzeniu w godność osoby ludzkiej³¹.

Obserwujemy zatem „wpadnięcie” przez zmarłą w 2022 roku pisarkę starszej generacji w pułapkę indoktrynacji zastawianej przez określone, liberalne i kontestujące tradycyjny system wartości kanały telewizyjne, portale internetowe i czasopisma. Pierwszą ofiarą uwikłania w tzw. „mowę nienawiści” jest ona sama, kolejnymi – czytelnicy współcześni i potomni, nieświadomi, jak polska (na pewno bardziej skomplikowana, niż chce to widzieć Nurowska) polityka w tym czasie naprawdę wyglądała. Pisarka niepotrzebnie, również na niwie literackiej angażuje się w politykę i ujawnia w powieściach swoje subiektywne poglądy. Z etycznego punktu widzenia można jeszcze zapytać, czy nie jest to pewnego rodzaju nadużycie: autorka, mając zaprzyjaźnione

³⁰ Ibidem.

³¹ Por. BIAŁEK-SZWED, Olga: *Mowa nienawiści problemem etycznym współczesnych mediów*. Zeszyty Naukowe KUL 61, 2018, nr 4 (244), s. 337.

sobie wydawnictwa z czegoś, co jest publiczne, czyni domenę prywatną: swoją własność. Z tego również względu *Dziesięć godzin* (pomijając wcześniejsze, również, aczkolwiek na mniejszą skalę, politycznie tendencyjne powieści) jest utworem złym, szkodliwym. Wracając zatem do zwrotu politycznego: ważne jest nie tyle to, że dany pisarz występuje w roli *homo politicus*, ile to, jakiego pokroju *homo politicus* on *de facto* jest. Zwrot polityczny bowiem nierozłącznie powinien iść w parze ze zwrotem etycznym, przywracającym prawdzie (i innym z antyku wywiedzionym, szczególnie Platońskim ideom)³² jej należne miejsce.

Bibliografia – References:

- B. a.: „Wystarczy mały wylew i paraliż”. *Nurowska szokuje słowami o voodoo i Piotrowiczu*. Wprost.pl. [online], 2018 [cit. 2019-02-18]. <https://www.wprost.pl/polityka/10140705/wystarczy-maly-wylew-i-paraliz-nurowska-szokuje-slowami-o-voodoo-i-piotrowiczu.html>.
- BIAŁEK-SZWED, Olga: *Mowa nienawiści problemem etycznym współczesnych mediów*. Zeszyty Naukowe KUL 61, 2018, nr 4 (244), s. 331–342.
- DUNIN, Kinga: *Czytając Polskę. Literatura polska po roku 1989 wobec dylematów nowoczesności*. Warszawa: W.A.B., 2004.
- KANIA, Dorota: *Nurowska w oparach absurdu*. Gazeta Polska, 2018, nr 36, s. 26–27.
- KOPEĆ, Jakub: *Kaczyński jest potworem: apostazja prześwietnej Marii Nurowskiej*. Dziennik Trybuna, 2017, nr 93/94, s. 12–13.
- KUBE, Marcin: *Literacka ofiara PiS*. Rzeczpospolita (wydanie zasadnicze), 2017, nr 113, s. A13.
- KUZIĄK, Michał: *Czy polska humanistyka jest polityczna? Rekonesans*. In: Nowa humanistyka. Zajmowanie pozycji, negocjowanie autonomii. CZAPLIŃSKI, Przemysław et al. (eds). Warszawa: IBL PAN, 2017, s. 545–546.
- NUROWSKA, Maria: *Dom na krawędzi*. Kraków: Znak, 2012.
- NUROWSKA, Maria: *Dwie miłości*. Warszawa: W.A.B., 2006.
- NUROWSKA, Maria: *Nakarmić wilki*. Warszawa: W.A.B., 2010.
- NUROWSKA, Maria: *Powrót do Lwowa*. Warszawa: W.A.B., 2005.
- NUROWSKA, Maria: *Requiem dla wilka*. Warszawa: W.A.B., 2011.
- NUROWSKA, Maria: *Sergiusz Czesław Jadwiga*. Warszawa: WAB, 2013.

³² Zob. np. STOFF, Andrzej: *Jaką koncepcję prawdy implikuje interpretowalność/interpretacja dzieła literackiego*. In: Filozofia i etyka interpretacji. KOLA, Adam F. (ed.). Kraków: Universitas, 2007, s. 47–58. WIECZOREK, Krzysztof: *Od reprezentacji do interpretacji*. In: Filozofia i etyka interpretacji. KOLA, Adam F. (ed.). Kraków: Universitas, 2007, s. 59–70.

SCRUTON, Roger: *The Threat of Free Speech in the University*. The Imaginative Conservative. [online], 2022 [cit. 2023-04-05]. <https://theimaginativeconservative.org/2022/07/threat-free-speech-university-roger-scruton-2020-timeless.html>.

STOFF, Andrzej: *Jaką koncepcję prawdy implikuje interpretowalność/interpretacja dzieła literackiego*. In: Filozofia i etyka interpretacji. KOLA, Adam F., SZAHAJ, Andrzej (eds). Kraków: Universitas, 2007, s. 47–58.

WIECZOREK, Krzysztof: *Od reprezentacji do interpretacji*. In: Filozofia i etyka interpretacji. KOLA, Adam F., SZAHAJ, Andrzej (eds). Kraków: Universitas, 2007, s. 59–70.

Dorota Kulczycka

Dr hab., prof., Associate Professor, Institute of Polish Philology, Faculty of Humanities, University of Zielona Góra, Wojska Polskiego 69, 65-762 Zielona Góra, Poland

D.Kulczycka@ifp.uz.zgora.pl

ORCID 0000-0002-2608-3620

Wartości chrześcijańskie w odwołaniach Jana Pawła II do literatury pięknej

Anastazja Seul

Streszczenie

Artykuł pt. *Wartości chrześcijańskie w odwołaniach Jana Pawła II do literatury pięknej* ukazuje nauczanie papieża w kontekście biblijnego rozumienia miłości (*agape*). Papież nawiązuje do personalizmu chrześcijańskiego i naucza, że człowiek jest wezwany do odpowiedzialności za swój rozwój. Rozwój ukierunkowany jest na życie wieczne, które jest celem życia na ziemi. Aby ten cel osiągnąć, trzeba budować *communio personarum*. Literatura piękna, którą cytuje Jan Paweł II, stanowi ilustrację tej tezy. Papież, przywołując słowa pisarzy i poetów, zachęca do troski o właściwe relacje w trzech wymiarach: do siebie samego, do innych ludzi, do Boga; relacje te są przejawem miłości.

Słowa kluczowe: Jan Paweł II; personalizm; literatura piękna; odpowiedzialność; autoformacja; *homo viator*; *communio personarum*

Christian Values in John Paul II References to Belle Letters

Abstract

The article *Christian values in John Paul II references to belle letters* presents the teaching of the pope in the context of biblical understanding of love (*agape*). The pope alludes to Christian personalism, and teaches that a human person is called to be responsible for his/her development. This development is directed toward the eternal life that should be a goal of our life on Earth. To reach this goal one has to build a *communio personarum*. The belle letters that have been quoted by John Paul II are the illustration of that argument. The pope recalling words of the writers and poets encourages us to take care of proper relationships in three dimensions: towards yourself, towards other people and toward God, which are the manifestation of Love.

Key words: John Paul II; personalism; belle letters; responsibility; self-development; *homo viator*; *communio personarum*

Wprowadzenie

W dniu 21 IV 1990 r. rozpoczęła się przełomowa pielgrzymka Jana Pawła II do Pragi. Václav Havel, prezydent ówczesnej jeszcze Czechosłowacji, przywitał Papieża-Słowianina na czeskiej ziemi. Jego słowa cytuje ambasador Republiki Czeskiej przy Stolicy Apostolskiej:

„Nie wiem, czy wiem czym jest cud. Mimo tego mam śmiałość twierdzić, że w tej chwili uczestniczę w cudzie: człowiek, którego jeszcze sześć miesięcy temu aresztowano jako wroga Państwa, dzisiaj, pełniąc funkcję Prezydenta tego Państwa, wita pierwszego Papieża, jaki w historii Kościoła katolickiego stanął na tej ziemi”¹.

Ci, którzy boleśnie odczuwali totalitarne wpływy ówczesnego Związku Radzieckiego, z radością witali Papieża. Żywili wówczas nadzieję, że świat wartości chrześcijańskich, reprezentowany przez Polaka okaże się tą „siłą bezsilnych”, która otworzy drzwi do wolności narodów słowiańskich zamieszkujących Europę Środkową². Warto przy okazji zauważyć, że ten tytuł eseju Vaclava Havla³ przywołał papież pięć lat później, 5 X 1995 r., wygłaszając przemówienie do Zgromadzenia Ogólnego ONZ w Nowym Jorku, gdy mówił o prawach człowieka i prawach narodów⁴.

Papież – Polak, przybywszy do Pragi, doceniając wkład kultury czeskiej w rozwój kultury chrześcijańskiej w Europie powiedział:

¹ KOLAJA, Václav J. E.: *Święty Jan Paweł II we wspomnieniach – Republika Czeska*. Serwis Rzeczypospolitej Polskiej. [online], n. d. [cit. 2023-08-17]. <https://www.gov.pl/web/watykan/swiety-jan-pawel-ii-we-wspomnieniach-republika-czeska>

² ZAORÁLEK, Lubomír: *Przełomowa pielgrzymka Jana Pawła II do Czechosłowacji*. Rzeczpospolita. [online], 2020 [cit. 2023-08-17]. <https://www.rp.pl/historia/art756731-przelomowa-pielgrzymka-jana-pawla-ii-do-czechoslowacji>.

³ HAVEL, Václav: *Siła bezsilnych*. In: HAVEL, Václav: *Siła bezsilnych i inne eseje*. Warszawa: Agora 2011, s. 87–158. Por też HAVEL, Václav: *Moc bezmocnych a jiné eseje*. Praha: Knihovna Václava Havla, 2022.

⁴ „O powodzeniu [tych] bezkrwawych rewolucji zadecydowało doświadczenie solidarności społecznej: występując przeciw reżimom opartym na sile propagandy i terroru, solidarność ta stała się moralnym jądrem «siły bezsilnych» była pierwszą zwiastunką nadziei i nadal przypomina nam, że człowiek, krocząc swym historycznym szlakiem, może wybrać drogę najwyższych aspiracji ludzkiego ducha” (JAN PAWEŁ II: *Przemówienie do Zgromadzenia Ogólnego ONZ. Od praw człowieka do praw narodów*. In: JAN PAWEŁ II: *Dzieła zebrane*. T. XIII. Kraków: Wydawnictwo M, 2007, s. 128–129). W dalszej części artykułu (ze względów technicznych) wybieram skróconą wersję tytułu wypowiedzi papieża i zaznaczam w tekście głównym tylko poszczególne tomy *Dzieł zebranych*, z których je czerpię, stosując skrót: DZ, T. oraz podaję rzymską numerację tomu.

„Pozdrawiam was również jako Słowianin i syn bratniego narodu, którego historia i kultura jest połączona tyloma ważnymi więzami z waszą historią i kulturą [...] Papież – Polak nie zapomina, że chrześcijaństwo przyszło do Polski właśnie z Czech, «słowiańską drogą»” (DZ XI, s. 780).

Termin ten „wartości chrześcijańskie” rozpatrywany bywa przez przedstawicieli różnych dyscyplin. Zajmowali się nim nie tylko teologowie, lecz inni autorzy ukazujący go w kontekście filozoficznym, socjologicznym, pedagogicznym, psychologicznym, czy też kulturowym⁵. Dla potrzeb mojej wypowiedzi, wybieram takie spojrzenie, jakie jest bliskie personalizmowi chrześcijańskiemu, gdyż Karol Wojtyła w swoich pracach filozoficznych odwoływał się do tego nurtu. Osoba ludzka, jest bytem zdolnym do podejmowania dialogu, wchodzenia w interakcje, budowania wspólnoty i w ten sposób – w relacjach z innymi osobami – rozwija swój potencjał, kształtuje samą siebie. Z wypowiedzi Jana Pawła II wynika, że życie doczesne jest szansą na taki rozwój osoby ludzkiej, który dokonuje się przez biblijnie rozumianą miłość jako *agape*, czyli bezwarunkową życzliwość wobec innych osób⁶.

Tak postrzegana miłość jest widoczna przede wszystkim na trzech płaszczyznach odniesień: dwóch interpersonalnych – w relacji do Boga, do bliźniego oraz jednej intrapersonalnej – relacji do samego siebie. W literaturze pięknej przywoływanej przez papieża, można odnaleźć wszystkie te trzy rodzaje relacji. Z tego względu wypowiedzi Ojca Świętego będą zgrupowane w tych trzech kręgach, zaleźnie od tego, ku komu zostaje ta miłość zwrócona (gr. τροπή – *tropē*: ‘nawrót, zwrot, obrót’, ‘zwrócenie’, ‘skręt, zmiana, zwrot’). W dalszej części artykułu zostaną uwzględnione więc następujące aspekty: teotropiczny: człowiek w zwrócony ku Bogu (gr. Θεός – *Theos*: Bóg); allotropiczny: człowiek w relacji z inną osobą (gr. ἄλλος – *allos*, ‘inny, drugi’); autotropiczny: człowiek skierowany sam ku sobie (gr. αὐτός – *autos*: ‘sam’).

⁵ Zob. np. *Wartości chrześcijańskie a europejskie. Chrześcijaństwo kształtujące tożsamość Europy*. WALEWSKI, Piotr (ed.). Pelplin: Bernardinum, 2022; KRAPIEC, Mieczysław Albert: *Rozważania o wychowaniu*. Lublin: Wydawnictwo Fundacja Servire Veritati Instytut Edukacji Narodowej, 2010; SKOROWSKI, Henryk: *Wartości chrześcijańskie a liberalne. Zgodność czy rozbieżność?* *Seminare. Poszukiwania Naukowe*, 2007, nr 24, s. 279–297; KUKOŁOWICZ, Teresa: *Miejsce kultury i tradycji w wychowaniu chrześcijańskim*. In: *Wychowanie chrześcijańskie. Między tradycją a współczesnością*. RYNIO, Alina (ed.). Lublin: Wydawnictwo KUL, 2007, s. 482–492.

⁶ Por. HAŁAS, Stanisław: *Biblijne słownictwo miłości i miłosierdzia na zderzeniu kultur. Określenia hebrajskie i ich greckie odpowiedniki*. Kraków: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Papieskiego Jana Pawła II w Krakowie, 2011.

Aspekt teotropiczny

W antropologii filozoficznej Karola Wojtyły jest zawarte przekonanie, że osoba ludzka nie jest bytem absolutnym, nie jest sama dla siebie źródłem istnienia. Człowiek, będąc tylko stworzeniem, a więc bytem przygodnym, swoje istnienie otrzymał od Boga i w swym istnieniu pozostaje otwarty na Stwórcę, co wyraża łacińska formuła *homo capax Dei*. O tym otwarciu na Boga napisał św. Augustyn:

„Stworzyłeś nas bowiem jako skierowanych ku Tobie. I niespokojne jest serce nasze, dopóki w Tobie nie spocznie”⁷.

Słowa te przypomina Jan Paweł II podczas swych pielgrzymek do wielu narodów. Należały także do nich narody, które – podobnie jak mieszkańcy Czech, Moraw i Słowacji – były poddawane indoktrynacji byłego Związku Radzieckiego.

Podobną myśl – o potrzebie transcendencji – wyraża pośrednio Vladimír Holan, czeski poeta, cytowany przez papieża podczas spotkania z młodzieżą na Hradczanach. Biskup Rzymu rozpoczyna swą wypowiedź od wyrazów uznania wobec czeskiej młodzieży, która nie poddała się indoktrynacji ideologii komunistycznej i przełamała lęk wobec struktur totalitarnego systemu:

„Wyście ten lęk przewyciężyli. Znaleźliście nową ufność, nową odwagę życia w prawdzie, życia, czerpiącego z wartości duchowych. Czeski poeta Vladimír Holan napisał: „sama ziemia mówi: bez czystej transcendencji nie stanie żadna budowla”. Bez perspektywy transcendentnej, bez zmysłu przekraczania widzialnej rzeczywistości każda ludzka kultura pozostaje żalosnym fragmentem, niczym wieża Babel (DZ, XI, s. 784).”

Piękno poetyckiego słowa lepiej oddaje oryginał czeski, w którym wyraźnie słychać ciąg tych samych i podobnych odbrzmień rymowych w układzie tautologicznym *aaaa*:

*„[Jenomže] sama země praví:
Bez ryzí transcendentály
Se žádná stavba nedostaví
Nikdy, ach, nikdy nedostaví”⁸.*

⁷ AUGUSTYN [św.]: *Wyznania*. Kraków: Wydawnictwo Znak, 2008, s. 27.

⁸ HOLAN, Vladimír: *The First Testament*. Suffolk: Arima Publishing, 2005, p. 114.

Słowa, które przywołał papież, są ostatnimi czterema wersami długiego poetyckiego utworu *První testament* datowanego na lata 1939–1940, który ukazał się w zbiorowym tomiku wydanym w 1946 roku *Havraním brkem (Piórem kruka)*. Autor podejmuje w nim problematykę filozoficzną i etyczną⁹.

Cytat znanego i cenionego autora, reprezentanta nurtu zwanego poetyzmem, który stanowił autorytet dla słuchaczy, pełni funkcję alegacyjną i wzmacnia papieskie nauczanie o potrzebie otwarcia na perspektywę transcendencji, gdyż ona wskazuje na ponadczasowe wartości.

Jan Paweł II, nawiązując do myśli poety, przypomina o prymacie ducha nad materią, a zarazem oddaje cześć kulturze czeskiej, która wydała tak znakomitego twórcę. Wyjaśnia, iż wyraz kultura pochodzi od słowa *cultus* tłumaczony jako ‘kult’, ‘szacunek’. Przestrzega, że tam gdzie brak poszanowania dla siebie i innych, życie zmienia się w u-życie, a człowiek odarty z wymiaru duchowego traci poczucie sensu i nie potrafi budować wspólnoty z innymi ludźmi. Porównuje społeczeństwa, które pomijały aspekt duchowy, do ruin wieży Babel i ponownie, odwołując się – pośrednio już – do słów Holana, stwierdza:

„Budowa tego społeczeństwa nie miała perspektywy transcendentnej, nie miała więc głębi duchowej. Każda próba zbudowania w ten sposób społeczeństwa [...] owocuje, podobnie jak w Babilonie – podziałem ludzi i pomieszaniem języków” (DZ t. XI, s. 784).

Fragmety *Pierwszego testamentu* czeskiego poety odczytane przez Jana Pawła II w biblijnym kontekście, pozwalają wysnuć wniosek, że papież, nie pomijając literackich wartości artystycznych, odsłania także obecne w nim wartości chrześcijańskie.

Aspekt allotropiczny

Z antropologicznej a zarazem biblijnej myśli Wojtyły wynika, że człowiek, jest bytem stworzonym na podobieństwo Boga; Bóg zaś jako Miłość istnieje we

⁹ MADANY, Edward: *Holan Vladimír*. In: Mały słownik pisarzy zachodniosłowiańskich i południowosłowiańskich. MAGNUSZEWSKI, Józef (ed.). Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Wiedza Powszechna, 1973, s. 149; TARAJŁO-LIPOWSKA, Zofia: *Historia literatury czeskiej. Zarys*. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 2000, s. 289.

wzajemnej relacji Ojca, Syna i Ducha – tworząc wspólnotę Osób Trójcy Świętej. Każdy człowiek więc ze swej natury istnieje jako skierowany „ku innym”¹⁰.

Jan Paweł II rozwijając swą myśl o człowieku zaproszonym do budowania relacji z innymi ludźmi, posługuje się terminem *communio personarum*. Wskazuje on, że dla papieża istotna jest wspólnota/jedność osób¹¹. Komentator filozofii Wojtyły zwraca uwagę na znaczenie proegzystencji – życia w wymiarze daru dla innych: „Być sobą to [...] wybrać solidarność z każdym drugim, to przekroczyć siebie w stronę każdego drugiego”¹².

Solidarność z drugimi wpisana jest w wartości chrześcijańskie, gdyż wynika wprost z Ewangelii: „Cokolwiek chcecie, aby ludzie wam czynili i wy im czynicie” (Mt 6, 12; Łk 6 31). Realizacja tego wskazania Jezusa Chrystusa jest widoczna nie tylko w wymiarze osobistym czy rodzinnym, ale także wymiarze społecznym i międzynarodowym.

Te dwa ostatnie wymiary obecne są w literackich odwołaniach do literackich tekstów patriotycznych. Jednym z przykładów jest cytat z utworu Tarasa Szewczenki, poety okresu romantyzmu, o którym czytamy:

„[Jego twórczość – A. S.] legła u podstaw ukraińskiego kanonu literackiego [...]. Szewczenkę ceni się nie tylko ze względu na rangę mistrza literatury narodowej Ukraińców. Dopóki proces budowania ukraińskiej tożsamości będzie otwarty (czego dziś, w momencie budowania ukraińskiej państwowości, jesteśmy świadkami), dopóty Taras Szewczenko pozostanie niezmiennie czołowym bohaterem narodowym, wzorem pisarza obywatela i patrioty oddanego swojemu narodowi”¹³.”

Słowa Szewczenki, zacytowane przez papieża podczas powitalnego przywitania w Kijowie, pochodzą z wiersza pt. *Do martwych i żywych i neurodzonych*

¹⁰ WOJTYŁA, Karol: *Osobowa struktura samostanowienia*. In: *Osoba i czyn oraz inne studia antropologiczne*. STYCZEŃ, Tadeusz (ed.), WOJTYŁA, Karol. Lublin: Towarzystwo Naukowe Katolickiego Uniwersytetu Lubelskiego, 2000, s. 431.

¹¹ Zob. KAŻMIERCZAK, Paweł: *Personalistyczna koncepcja wychowania w nauczaniu Jana Pawła II*. Kraków: Wyższa Szkoła Filozoficzno-Pedagogiczna „Ignatianum”, Wydawnictwo Apostolstwa Modlitwy, 2003.

¹² STYCZEŃ, Tadeusz: *Być sobą to przekraczać siebie – O antropologii Karola Wojtyły. Posłowie*. In: *Osoba i czyn oraz inne studia antropologiczne*. STYCZEŃ, Tadeusz (ed.), WOJTYŁA, Karol. Lublin: Towarzystwo Naukowe Katolickiego Uniwersytetu Lubelskiego, 2000, s. 509.

¹³ Są to słowa te wypowiedział Stepan Smal-Stocki; opublikowane zostały w 1939 roku. Zob. *Ukraińskie rozstaje*. Studia. POLISZCZUK Jarosław, SIEDLECKI, Michał (eds). Białystok: Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku, 2015, s. 29.

*rodaków moich na Ukrainie i poza Ukrainą moja przyjacielska epistoła*¹⁴. Utwór ten poprzedzony jest mottem z 1 Listu św. Jana: „jeśli kto rzekł: «miłuję Boga», a brata by nienawidził, kłamcą jest” (1J 4, 20). Werset biblijny wyraźnie wskazuje na związek wymiaru allotropicznego z teotropicznym, a na każdy z nich można spojrzeć, uwzględniając perspektywę narodową i międzynarodową. Papież, przybywając do Kijowa 23 VI 2001 r., umieszcza przesłanie poety w patriotycznym kontekście, czyniąc je także i swoim orędziem, które kieruje do ukraińskiego narodu:

„Niech wasza ziemia nadal wypełnia swą szlachetną misję, zachowując dumę, którą wyraził cytowany tu już poeta: «Nie ma na świecie innej Ukrainy i nie ma innego Dniepru». Narodzie, zamieszkujący tę ziemię, nie zapominaj o tym” (DZ XI, s. 857).

Przywołanie przez papieża tekstu ukraińskiego poety, świadczy o tym, że Papież – Polak docenia wartość literatury sąsiedniego narodu. W tym przemówieniu zwraca uwagę na Ukrainę jako miejsce spotkania różnych kultur oraz przestrzeń łączącą w sobie duchowe bogactwo Wschodu i Zachodu. Papież przypomina o chrześcijańskich korzeniach i miejscu tego słowiańskiego narodu w kulturze w europejskiej. Zwraca uwagę na to, że w takim europejsko-słowiańskim kontekście jest przestrzeń i dla Ukraińców i dla Rosjan¹⁵.

Aspekt autotropiczny

W wielu swych wypowiedziach Jan Pawła II zwraca uwagę na znaczenie troski człowieka o jego osobisty rozwój czyli autoformację. W papieskim sposobie rozumienia wychowania podkreślana jest specyfika wzrastania w człowieczeństwie ze świadomością «tego kim się jest i kim być się powinno».

W świadomości tak zorientowanej tkwi siła osoby, jej ideał i do co do niego prowadzi. Najprostszą drogą prowadzącą do realizowania ideału bycia osobą jest odkrycie prawdy o samym sobie, o własnym powołaniu, i świecie i życie ową prawdą niezależnie od okoliczności.¹⁶

¹⁴ SZEWCZENKO, Taras: *Do martwych i żywych i nieurodzonych rodaków moich na Ukrainie i poza Ukrainą moja przyjacielska epistoła*. In: SZEWCZENKO, Taras: *Poezje*. Warszawa: Instytut Naukowy, 1936, s. 166–174.

¹⁵ PRZEBINADA, Grzegorz: *Większa Europa. Papież wobec Rosji i Ukrainy*. Kraków: Społeczny Instytut Wydawniczy Znak, 2001, s. 224–225.

¹⁶ RYNIO, Alina: *Argumenty potwierdzające obiektywną wartość pedagogicznego przesłania Jana Pawła II*. In: *Pedagogia Jana Pawła II wyzwaniami dla współczesnej myśli i teorii wychowania*.

Jan Paweł II, zwracając się do młodych, nawiązuje do przekonań twórców romantyzmu, którym bliskie były idee filomatów. W wierszu, który Mickiewicz przysłał filomatom, znajdują się cele, które stawiali sobie ówcześni studenci: ojczyzna, nauka, cnota, męstwo, praca zgoda. Poeta zachęcał młodych do podejmowania wysiłku kształtowania swego charakteru¹⁷. Współczesna badaczka, pisząc o studenckich latach Mickiewicza, poświęciła swą uwagę zaangażowaniu w działalność patriotyczno – wychowawczą młodego twórcy. Autorka, opierając się na *Ustawach Towarzystwa Filomatów* dowodzi, że program osobistej formacji, jaki przyjęli filomaci, można ująć w słowach: „jeśli nasi wychowawcy niczego od nas nie wymagają, wymagajmy sami od siebie”¹⁸.

Podobny apel Jan Paweł II dwukrotnie skierował do młodych. Po raz pierwszy zwrócił się z nim do polskiej młodzieży w Częstochowie 18 VI 1983 r., przestrzegając ją przed społecznymi skutkami rozluźnienia w dziedzinie moralności:

„Musicie od siebie wymagać, nawet gdyby inni od was nie wymagali. Doświadczenia historyczne mówią nam o tym, ile kosztowała cały naród okresowa demoralizacja”¹⁹.

Po raz drugi powtórzył to wezwanie młodym ludziom zebranych w Gdańsku na Zaspie cztery lata później, gdy wyjaśniał, czym jest – wpisany w jego myśl personalistyczną – prymat „być nad mieć”²⁰:

WALOSZEK, Danuta (ed.). Mysłowice: Górnośląska Wyższa Szkoła Pedagogiczna imienia Kardynała Augusta Hłonda w Mysłowicach, 2008, s. 37.

¹⁷ MICKIEWICZ, Adam: *[Hej radością oczy błysną...]*. In: MICKIEWICZ, Adam: Wybór poezji. T. 1. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1997, s. 60–61. Wiersz ten był pisany z przeznaczeniem do śpiewu; w krótkim czasie znalazły go coraz szersze kręgi patriotycznej młodzieży.

¹⁸ WIECZERSKA-ZABŁOCKA, Janina: *Posłowie*. In: MICKIEWICZ, Adam: *Dziady cz. III*. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1984, s. 231.

¹⁹ JAN PAWEŁ II: *Apel Jasnogórski. Rozważanie wygłoszone dla młodzieży*. In: JAN PAWEŁ II: *Pielgrzymki do Ojczyzny: 1979, 1983, 1987, 1991, 1995, 1997, 1999, 2002: Przemówienia, homilie*. Kraków: Wydawnictwo Znak, 2006, s. 264. W dalszej części artykułu na oznaczenie tego zbioru wypowiedzi papieża stosuję skrót PDO.

²⁰ „W teorii cywilizacji miłości funkcjonuje słynny czwórmiar: prymat osoby przed rzeczą, etyki przed techniką, «być» przed «mieć» i miłości przed sprawiedliwością”. DEC, Ignacy: *Człowiek w spojrzeniu Jana Pawła II*. In: *Twórczość Karola Wojtyły. Materiały z sesji zorganizowanej z okazji 46 Kongresu Eucharystycznego we Wrocławiu*. SOLSKI, Zbigniew Władysław (ed.). Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 1998, s. 20. Zob. też szerokie opracowanie tego zagadnienia: CZARNY, Janusz: *Jana Pawła II wizja cywilizacji miłości (studium filozoficzne)*. Wrocław: Papieski Fakultet Teologiczny: „Arboretum”, 1994.

„Musicie od siebie wymagać, nawet gdyby inni od was nie wymagali. Wbrew wszystkim mirażom ułatwionego życia, musicie od siebie wymagać. To właśnie znaczy «więcej być»” (PDO, s. 481).

Ale nie tylko do młodych skierował to wezwanie do stawiania sobie wymagań. W Gorzowie Wielkopolskim powtórzył ten apel w kontekście zaproszenia na drogę rozwoju ku świętości zaadresowanego do wszystkich zebranych na placu przy kościele Męczenników:

„Nie lękajcie się świętości. Starajcie się odważnie dążyć do pełnej miary człowieczeństwa. Wymagajcie od siebie, choćby inni od was nie wymagali” (PDO, s. 903).

Słowa o pełniej mierze człowieczeństwa przywołują poszukiwanie odpowiedzi na pytanie, które papież postawił młodzieży akademickiej, 3 VI 1979 w Warszawie: „jaką miarą mierzyć człowieka?” Wśród poszukiwań odpowiedzi, papież wymienił: siły fizyczne, zmysły, inteligencję i serce. Studenci oklaskami zaakceptowali ostatnią propozycję, a Jan Paweł II zareagował przywołaniem słów Mickiewicza:

„Moi drodzy! Ostatnie brawo było przy sercu. Temu nie można się tak bardzo dziwić. Przede wszystkim, że jesteście młodzi, a następnie, wszyscy należycie do tego społeczeństwa, którego największy poeta napisał w swojej młodości: «Miej serce i patrzaj w serce»” (PDO, s. 28).

Słowa poety pochodzą z programowego dla romantyzmu tomiku *Ballady i romanse*, w którym autor umieścił je na końcu ostatniej zwrotki wiersza *Romantyczność*²¹. Komentując wypowiedź wieszczka, papież nawiązał do teologicznego znaczenia słowa „serce”: „myślę, że Mickiewicz, chociaż pisał w duchu swojej epoki romantycznej, jednak nie był daleki od biblijnego znaczenia serca” (PDO, s. 28).

Dla przedstawicieli romantyzmu, podobnie jak dla autorów biblijnych, serce było nie tylko siedliskiem uczuć, lecz także miejscem, w którym zapadały ludzkie decyzje. Słowo to wskazywało na wewnętrzną postawę człowieka i jego postawę wobec Boga i ludzi. Człowiek kierujący się sercem otwartym na Boga

²¹ Martwe znasz prawdy nieznanne dla ludu / Widzisz świat w prosku, w każdej gwiazd iskierce / Nie znasz prawd żywych, / nie obaczysz cudu / Miej serce i patrzaj w serce!” MICKIEWICZ, Adam: *Romantyczność [Ballady i romanse]*. In: MICKIEWICZ, Adam: *Wybór poezji*. T. 1. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1997, s. 103.

i ludzi okazywał się godnym zaufania; człowiek o sercu zamkniętym i twardym – okazywał się zdrajcą²².

„Serce w języku biblijnym oznacza ludzkie duchowe wnętrze, oznacza w szczególności sumienie... Człowieka więc trzeba mierzyć miarą sumienia, miarą ducha, który jest otwarty ku Bogu” (PDO, s. 28).

Mickiewiczowski apel wyrażony za pomocą poetyckiego słowa, papież wzbogaca wezwaniem odpowiedzialności za osobistą formację sumienia. Stawia człowieka przed wyborem: człowiek może stawiać sobie wymagania, aby rozwijać drzemiące w nim potencjalności, ale może też zaniedbywać troskę o własny rozwój.

Zakończenie

Osoba ludzka – zdaniem Jana Pawła II i innych filozofów, a także teologów chrześcijańskich – to byt wolny, a więc i odpowiedzialnym za swe decyzje i czyny. Papież jest kontynuatorem teologicznej myśli Soboru Watykańskiego II, któremu także bliskie było personalistyczne rozumienie godności osoby ludzkiej. Godność ta wynika ze stworzenia na obraz i podobieństwo Boga, a więc Trzech Osób Boskich, tworzących nierozdzielalną wspólnotę – „*Communio Personarum*”. Człowiek zaproszony jest do tego, by swoje podobieństwo do Boga coraz pełniej odsłaniać przed światem, podejmując odpowiedzialność za własną formację.

Koncepcja człowieka, która wynika z personalizmu chrześcijańskiego, jest zaproszeniem go do odpowiedzialności za swój rozwój ku pełni człowieczeństwa. Papieskie odwołania do literatury pięknej, wskazują na to, że drogą do tej pełni jest troska o dojrzałe relacje wobec Boga, bliźniego i samego siebie. Widoczne są one w przykładowo wybranych utworów literackich pochodzących z różnych kręgów kulturowych. Istotnym też warunkiem tego rozwoju jest odkrywanie prawdy o samym sobie, o swojej godności osoby ludzkiej, o czym także świadczą nawiązania Jana Pawła II do literatury.

Bibliografia – References:

AUGUSTYN [św.]: *Wyznania*. Kraków: Wydawnictwo Znak, 2008.

²² *Leksykon biblijny*. RIENECKER, Fritz, MAIER, Gerhard, CHROSTOWSKI, Waldemar (eds). Warszawa: Oficyna Wydawnicza „Vocatio”, 1994, s. 729–730; zob. też *Słownik teologii biblijnej*. DUFOUR, Xavier-Leon (ed.). Poznań: Pallotinum, 1990, s. 871–874.

- CZARNY, Janusz: *Jana Pawła II wizja cywilizacji miłości* (studium filozoficzne). Wrocław: Papieski Fakultet Teologiczny: „Arboretum”, 1994.
- DEC, Ignacy: *Człowiek w spojrzeniu Jana Pawła II*. In: Twórczość Karola Wojtyły. Materiały z sesji zorganizowanej z okazji 46 Kongresu Eucharystycznego we Wrocławiu. SOLSKI, Zbigniew Władysław (ed.). Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 1998, s. 13–21.
- HAŁAS, Stanisław: *Biblijne słownictwo miłości i miłosierdzia na zderzeniu kultur. Określenia hebrajskie i ich greckie odpowiedniki*. Kraków: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Papieskiego Jana Pawła II w Krakowie, 2011.
- HAVEL, Václav: *Siła bezsilnych*. In: HAVEL, Václav: *Siła bezsilnych i inne eseje*. Warszawa: Agora, 2011, s. 87–158.
- HAVEL, Václav: *Moc bezmocnych a jiné eseje*. Praha: Knihovna Václava Havla, 2022.
- HOLAN, Vladimír: *The First Testament*. Suffolk: Arima Publishing, 2005.
- JAN PAWEŁ II: *Dzieła zebrane*. T. I–XVI. Kraków: Wydawnictwo M, 2006–2009.
- JAN PAWEŁ II: *Pielgrzymki do Ojczyzny: 1979, 1983, 1987, 1991, 1995, 1997, 1999, 2002: Przemówienia, homilie*. Kraków: Wydawnictwo Znak, 2006.
- KAŹMIERCZAK, Paweł: *Personalistyczna koncepcja wychowania w nauczaniu Jana Pawła II*. Kraków: Wyższa Szkoła Filozoficzno-Pedagogiczna „Ignatianum”, Wydawnictwo Apostolstwa Modlitwy, 2003.
- KOLAJA, Václav J. E.: *Święty Jan Paweł II we wspomnieniach – Republika Czeska*. Serwis Rzeczypospolitej Polskiej. [online], n. d. [cit. 2023-08-17]. <https://www.gov.pl/web/watykan/swiety-jan-pawel-ii-we-wspomnieniach-republika-czeska>.
- KRĄPIEC, Mieczysław Albert: *Rozważania o wychowaniu*. Lublin: Wydawnictwo Fundacja Servire Veritati Instytut Edukacji Narodowej, 2010.
- KUKOŁOWICZ, Teresa: *Miejsce kultury i tradycji w wychowaniu chrześcijańskim*. In: Wychowanie chrześcijańskie. Między tradycją a współczesnością. RYNIO, Alina (ed.). Lublin: Wydawnictwo KUL, 2007, s. 482–492.
- Leksykon biblijny*. RIENECKER, Fritz, MAIER, Gerhard, CHROSTOWSKI, Waldemar (eds). Warszawa: Oficyna Wydawnicza „Vocatio”, 1994.
- MADANY, Edward: *Holan Vladimír*. In: Mały słownik pisarzy zachodniosłowiańskich i południowosłowiańskich. MAGNUSZEWSKI, Józef (ed.). Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Wiedza Powszechna, 1973, s. 149.
- MICKIEWICZ, Adam: *[Hej radością oczy błysną...]*. In: MICKIEWICZ, Adam: *Wybór poezji*. T. 1. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1997, s. 60–61.
- MICKIEWICZ, Adam: *Romantyczność [Ballady i romanse]*. In: MICKIEWICZ, Adam: *Wybór poezji*. T. 1. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1997, s. 99–103.

- PRZEBINADA, Grzegorz: *Większa Europa. Papież wobec Rosji i Ukrainy*. Kraków: Społeczny Instytut Wydawniczy Znak, 2001.
- RYNIO, Alina: *Argumenty potwierdzające obiektywną wartość pedagogicznego przesłania Jana Pawła II*. In: *Pedagogia Jana Pawła II wyzwaniem dla współczesnej myśli i teorii wychowania*. WALOSZEK, Danuta (ed.). Mysłowice: Górnośląska Wyższa Szkoła Pedagogiczna imienia Kardynała Augusta Hlonda w Mysłowicach, 2008, s. 36–51.
- SKOROWSKI, Henryk: *Wartości chrześcijańskie a liberalne. Zgodność czy rozbieżność?* Seminarium. Poszukiwania Naukowe, 2007, nr 24, s. 279–297.
- Słownik teologii biblijnej*. DUFOUR, Xavier-Leon (ed.). Poznań: Pallotinum, 1990.
- STYCZEŃ, Tadeusz: *Być sobą to przekraczać siebie – O antropologii Karola Wojtyły. Posłowie*. In: *Osoba i czyn oraz inne studia antropologiczne*. STYCZEŃ, Tadeusz (ed.), WOJTYŁA, Karol. Lublin: Towarzystwo Naukowe Katolickiego Uniwersytetu Lubelskiego, 2000, s. 491–526.
- SZEWCZENKO, Taras: *Do martwych i żywych i nieurodzonych rodaków moich na Ukrainie i poza Ukrainą moja przyjacielska epistoła*. In: SZEWCZENKO, Taras: *Poezje*. Warszawa: Ukraiński Instytut Naukowy, 1936, s. 166–174.
- TARAJŁO-LIPOWSKA, Zofia: *Historia literatury czeskiej. Zarys*. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 2000.
- Ukraińskie rozstaje. Studia*. POLISZCZUK, Jarosław, SIEDLECKI, Michał (eds). Białystok: Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku, 2015.
- Wartości chrześcijańskie a europejskie. Chrześcijaństwo kształtujące tożsamość Europy*. WALEWSKI, Piotr (ed.). Pełplin: Bernardinum, 2022.
- WIECZERSKA-ZABŁOCKA, Janina: *Posłowie*. In: MICKIEWICZ, Adam: *Dziady cz. III*. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1984, s. 221–237.
- WOJTYŁA, Karol: *Osobowa struktura samostanowienia*. In: *Osoba i czyn oraz inne studia antropologiczne*. STYCZEŃ, Tadeusz (ed.), WOJTYŁA, Karol. Lublin: Towarzystwo Naukowe Katolickiego Uniwersytetu Lubelskiego, 2000, s. 421–432.
- ZAORÁLEK, Lubomír: *Przełomowa pielgrzymka Jana Pawła II do Czechosłowacji*. Rzeczpospolita. [online], 2020 [cit. 2023-08-17]. <https://www.rp.pl/historia/art756731-przełomowa-pielgrzymka-jana-pawla-ii-do-czechoslowacji>.

Anastazja Seul

Dr hab., prof., Associate Professor, Institute of Polish Philology, Faculty of Humanities, University of Zielona Góra, Wojska Polskiego 69, 65-762 Zielona Góra, Poland

aseul@ifp.uz.zgora.pl

ORCID 0000-0001-7137-2109

Pravoslávna viera v živote ruského človeka po roku 1917 (na príklade poviedky „Svetlo Rozumu“ I. S. Šmeľova)

Igor Cintula

Abstrakt

V predkladanom príspevku je autorom analyzovaná pozícia pravoslávnej viery v živote ruského človeka, ktorý po októbrovej revolúcii v roku 1917 čelil narastajúcim ideologickým tlakom a zaužívané hodnoty, vrátane náboženských a duchovných, boli vo formujúcej sa porevolučnej spoločnosti predstaviteľmi novej vládnej moci násilne potláčané alebo zosmiešňované. Ako materiál pre analýzu takéhoto javu bola použitá poviedka *Svetlo rozumu* (*Свет Разума*, 1926) ruského spisovateľa prvej vlny emigrácie Ivana Sergejeviča Šmeľova (1873 – 1950), reflektujúca oslavy pravoslávnych sviatkov a s nimi spojené počiatky ideologického a hodnotového tlaku na jednotlivca v prostredí porevolučnej ruskej spoločnosti na Kryme. Analýza poviedky je doplnená sprievodným komentárom autora, v ktorom obracia pozornosť i na osobu spisovateľa ako tvorcu literárneho textu a jeho osobnú pozíciu k pravoslávnej viere.

Kľúčové slová: Ivan Sergejevič Šmeľov; ruská literatúra; pravoslávie; ideológia; Svetlo Rozumu

Orthodox Faith in the Life of Russian Man after 1917 (on the Example of I. S. Shmelev's story "The Light of Reason")

Abstract

In the present paper, the author analyses the position of the Orthodox faith in the life of the Russian man who, after the October Revolution in 1917, faced increasing ideological pressures, and the established values, including religious and spiritual ones, were violently suppressed or ridiculed by the representatives of the new governmental power in the emerging post-revolutionary society. The short story *The Light of Reason* (*Свет Разума*, 1926) by the Russian writer of the first wave of emigration Ivan Sergeyevich Shmelev (1873–1950), reflecting on the celebration of Orthodox holidays and the associated beginnings of ideological and value pressure on the individual in the environment of post-revolutionary Russian society in the Crimea, was used as material for the analysis of such a phenomenon. The analysis of the short story is accompanied by an accompanying commentary by the author, in which he also turns his

attention to the person of the writer as the creator of the literary text and his personal position on the Orthodox faith.

Key words: Ivan Sergejevich Shmelyov; Russian literature; Orthodoxy; ideology; Light of Reason

Ruský spisovateľ Ivan Sergejevič Šmeľov (1873 – 1950) predstavuje v intenciách slovenskej rusistiky ešte stále pomerne neznámu osobu 1. vlny emigrácie v 20. storočí, a teda je tým, čo sa v nej zvykne nazývať tzv. bielym miestom. Situácia nebola zásadne odlišná iná ani v rámci spisovateľovho rodného Ruska, kde sa jeho „znovuobjavenie“ spája s pádom ZSSR a fenoménom tzv. navrátenej literatúry, v rámci ktorej sa na ruskú literárnu scénu postupne vracali (a stále vracajú) predtým prehladané mená ruskej literatúry predchádzajúcich období, spravidla predným zakázaných z ideologických či iných dôvodov. V zmenenej politickej i kultúrnej situácii v ruskej spoločnosti na konci 90. rokov minulého storočia sa spolu s návratom duchovných hodnôt ruského pravoslavia opäť objavuje meno ruského emigré I. S. Šmeľova. Za oficiálne prijatie spisovateľa i jeho literárnej tvorby môžeme považovať 30. máj v roku 2000, keď bol pri príležitosti opätovného pochovania popola Šmeľov v Donskom kláštore slovami Jeho Svätosti patriarchu moskovského a celej Rusi Alexija II. nazvaný „великим русским православным писателем“¹. Nebolo to po prvýkrát, kedy sa spolu s prívlastkom „ruský“ spisovateľ u Šmeľovova uvádzal aj „pravoslávny“. Práve takto bol totiž vnímaný mnohými jeho súčasníkmi (Gorkým, Buninom a inými), ktorí Šmeľovovu tvorbu poznali a zotrvali s ním v kontakte i po jeho emigrácii z rodného Ruska v roku 1922.

Pozícia ruského pravoslavia v ruskom kultúrnom priestore je historicky hlboko ukotvená a skutočnosť, že po tisíc rokoch malo kresťanstvo centrálnu pozíciu v kultúrnom povedomí východných Slovanov bola už neraz konštatovaná koryfejami modernej slavistiky či rusistiky (napr. ruským sémiotikom B. Gasparovom). Všeobecne

„život literatúry a umenia vôbec je so sakrálnom prepojený aspoň tak tesno ako život človeka. Počiatky literatúry splývajú s mýtom, literárny text býva súčasťou rituálu. Stáročia tvorilo náboženské umenie významnú časť celkovej umeleckej produkcie“².

¹ CHARLAMOV, Ivan Nikolajevič: *Venok Šmeľevu*. Moskva: IMLI RAN, 2001, s. 33.

² KOVÁČIK, Lubomír: *Sakrálna v literatúre*. Banská Bystrica: Fakulta humanitných vied Univerzity Mateja Bela v Banskej Bystrici, 2012, s. 10.

Genézu religiózných tém v literárnych dielach Šmeľova môžeme hľadať nielen v silnej pozícii pravoslávia v živote ruskej spoločnosti na začiatku 20. storočia ako jedného z troch pilierov „uvarovskej triády“³, ale aj v nábožensky založenom rodinnom prostredí, ktoré formovalo tak jeho hodnotový mikrosvet, ako aj tematické zameranie literárnych diel spisovateľa. Vo spomienkach na svoje literárne začiatky Šmeľov spomínal:

„Расцвел я пышно на сочинениях. С пятого класса я до того равился, что к описанию храма Христа Спасителя как-то приплел... Надсона! Помнится, я хотел выразить чувство душевного подъема, которое охватывает тебя, когда стоишь под глубокими сводами, где парит Саваоф, как в небе“⁴.

Syntéza vplyvu spoločnosti a rodinného prostredia tak viedla k tomu, že už v rannej literárnej tvorbe Šmeľova zreteľne vyniká neochvejná

„víra v Boha nejen jako tvůrce Všemíra, ale hlavně jako jediná jistota tohoto světa a doby, která se zvlášť v Rusku vyznačovala nejprve ztajenými a pak i zjevnými otrěsy“⁵.

Predmetnom našej ďalšej analýzy je práve spisovateľova literárna reflexia takéhoto otrasu vo vnútri ruskej spoločnosti na príklade Šmeľovovej poviedky *Svetlo rozumu* (*Свет Разума*, 1926). Dejová línia sa odohráva v prostredí Krymu po revolučných udalostiach v roku 1917, kedy sa pravoslávie ako ten „tradičný“, historicky daný a po stáročia nemenný atribút života obyvateľov ruského štátu, dostávalo pod tlak aktuálnych revolučných tendencií, prinášajúcich faktor ideológie ako niečoho lepšieho a priori, vnímaného ako niečo pokrokového, hodnotnejšieho a súčasne chápaného ako nevyhnutného pre budúce napredovanie krajiny. Obraz dramatických zmien v živote ľudí na území krymského polostrova Šmeľov už skôr reflektoval v širších súvislostiach napr. v románe *Slnko mŕtvych* (*Солнце мертвых*, 1923). S odstupom troch rokov je v poviedke *Svetlo rozumu* akcent spisovateľa sústredený explicitne na kolízny stret viery a ideológie, kde sa človek ocitá medzi nimi ako subjekt vychovaný v tradíciách ruského pravoslávia, avšak vplyvom zmenenej spoločenskej situácie si aj on

³ Termín „uvarovská triáda“, autorom ktorej je Sergej S. Uvarov (1786 – 1855), môžeme zjednodušene interpretovať ako jednotu štátu (samoderžavie), cirkvi (pravoslávie) a ľudu (národa).

⁴ ŠMELEV, Ivan Sergejevič: *Vospominanija*. Moskva: Sinopsis, Nikolín den', 2021, s. 17.

⁵ HRALA, Milan: *Ruská moderní literatura 1890–2000*. Praha: Karolinum, 2007, s. 464.

hľadá miesto v ateisticky vznikajúcej porevolučnej spoločnosti. Takýto moment je skoro až dokumentárnym spôsobom zobrazený v osude jednej z postáv – inteligenta a učiteľa Ivana Ivaniča, ktorý, v snahe prežiť a opäť zaujať svoje bývalé vysoké spoločenské postavenie aj v novej spoločnosti, v liste prehlasuje:

„Я, учитель Иван Иванович Малов, отвергаю Церковь и Крещение и принимаю новое, огнем и духом, сегодня, в 12 часов дня, на море, всенародно, со своей семьей“⁶.

Ním vykonaná voľba reflektuje existenčnú otázku v živote reálneho človeka krátko po októbrovej revolúcii 1917, kedy zostať verným predchádzajúcim tradíciám a predovšetkým viere predstavovalo riziko fyzickej likvidácie, stávalo sa synonymom „zrady“ revolúcie a jej ideí pokrokovej (de facto ateistickej) spoločnosti nového ruského štátu. Takáto nutnosť voľby je modelovaná v životných osudoch postáv ako umelecké zobrazenie porevolučnej reality, v ktorej cirkev a veriaci, ako poznamenal H. Nykl,

„po bolševickém převratu čelí otevřenému pronásledování ze strany státu, dochází ke státem iniciovanému obnovleneckému rozkolu a odchodu části věřících do emigrace“⁷.

Sujet poviedky tak balansuje na pomerne krehkej hranici literárneho zobrazenia triády pravoslávie – človek – ideológia, ktorá so sebou nevyhnutne prináša i rôzne dilematické otázky (napr.: Je ideológia tým správnym kritériom na určovanie toho, či je viera hodnotná pre človeka?). Už samotný kontakt ideológie a literatúry predznamenáva zmeny či možné konflikty medzi intenciou spisovateľa ako autora textu a požiadavkami k umeleckému zobrazovaniu reality v súlade s ideológiou. Avšak práve preto, ako poznamenáva J. Dohnal,

„téma ‚člověk a ideologie‘ může být předmětem literárního zobrazení, protože takovýto ‚dotyk‘ vytváří intenzivní napětí především tehdy, kdy se setkání s do té doby nepoznanou ideologickou koncepcí stává zdrojem změny, vnitřního či otevřeného konfliktu, který literární postavy na svých osudech dokumentují a modelují tak to, co v reálném životě mohou prožívat reální lidé“⁸.

⁶ ŠMELEV, Ivan Sergejevič: *Sobranije sočinenij v 5 t., t. 2.* Moskva: Russkaja kniga, 1998, s. 84.

⁷ NYKL, Hanuš: *Náboženství v ruské kultuře.* Červený Kostelec: Pavel Mervart, 2013, s. 47.

⁸ DOHNAL, Josef: *Proměny modelu světa v ruské próze na přelomu XIX. a XX. století.* Brno: Masarykova univerzita, 2012, s. 145.

Z hľadiska kompozície využíva Šmeľov v poviedke pre ruskú literatúru tradičný model tzv. „príbehu v príbehu“ (rus. „рассказ в рассказе“), ktorý sám veľmi dobre poznal a úspešne adaptoval už do predchádzajúcich literárnych diel, napr. *Človek z reštaurácie* (Человек из ресторана, 1911) alebo *To bolo* (Это было, 1919), a súčasne tým nadväzuje na kompozične podobne napísané diela M. Gorkého (*Makar Čudra*, rus. *Макар Чудра*, 1892) či L. N. Tolstého (*Po bále*, rus. *После бала*, 1911).

Dejové udalosti sa začínajú krátkym opisom prostredia slovami „С горы далеко видно“⁹ a neznámi rozprávač rozoruje, ako „карабкается кто-то от городка [...] Как будто, дьякон... Но зачем он сюда забрался? Не время теперь гулять. Что-нибудь очень важное?“¹⁰. Tento Šmeľovov počiatočný homodiegetický rozprávač čoskoro odovzdá „slovo“ druhému heterodiegetickému rozprávačovi a súčasne hlavnej postave poviedky – pravoslávneho diakonovi, súčasne s jeho opisom:

„Мужицкий совсем дьякон. И раньше глядел простецки, ходил с рыбаками в море, пивал с дрогальями на базаре, а теперь и за дрогальи признаешь. Лицо корявое, вынута в щеках резко, стесано топором углами, черняво, темно, с узким-высоким лбом — самое дьяконское, духовное“¹¹.

V širšej expozícii poviedky sa tak mení chronotop, keď sa odlišuje rozprávaný čas od času samotného rozprávaných udalostí.

V nasledujúcom príbehu, ktorý možno chápať ako autentickú monologickú sved' diakona svojmu prísediacemu spoločníkovi, je postupne prezentovaná plejáda diakonových obáv o budúcnosť náboženských obyčajov a ťažký život pravoslávnych veriacich, ktorí sa dostali po revolučných udalostiach do ťažkej životnej situácie, novou vládou označovaní ako sabotéri ideí revolúcie. Svoje obavy podkladá na prežitých situáciách, ako napr. tej, keď počas Vianoc „принял на себя миссию“¹² viesť službu, nakoľko miestneho kňaza zatkli v Alušte čakisti, čím sa malo zabrániť realizácii osláv Vianoc v duch „starých“ pravoslávnych tradícií. Diakonov opis vianočnej bohoslužby je dojímavý, zacielený na estetické prežitie na strane recipienta, nie náhodou z jeho úst zaznie „Свет во тьме светит, и тьма его не объя!“¹³, keďže je popisovaná bohoslužba

⁹ ŠMELEV, Ivan Sergejevič: *Sobranije sočinenij v 5 t., t. 2*. Moskva: Russkaja kniga, 1998, s. 76.

¹⁰ Ibidem.

¹¹ Ibidem, s. 77.

¹² Ibidem, s. 78.

¹³ Ibidem, s. 77.

v tmavom chráme, bez sviečok, v neprítomnosti zatknutého duchovného. Takáto „zrada“ diakona nemohla zostať mimo pozornosti tých, ktorí sa snažili náboženské prvky zo života spoločnosti ostrakizovať. Ich hrozba je priamo prezentovaná prehovorom námorníka Kubyšku, ktorý na margo takýchto aktivít diakona upozorňuje: „Ты, дьякон, гляди... как бы в ад тебе не попасть! Наши зудятся, народ ты мутишь на саботаж...“¹⁴.

Postupne je tak pred čitateľa predkladaný obraz porevolučnej spoločnosti prechádzajúcej transformáciou, počas ktorej sa náboženstvo dostáva do stretu s ideológiou v boji o človeka a jeho „vieru“ (t. j. duchovnú zložku jeho bytia – dušu). A práve takýto stret zachytáva diakon: „Вот, почитайте... новые христиане объявляются... [...] Как это называется?! ,Новый Вертоград...“¹⁵. Jeho reakcia je na predstaviteľa náboženských kruhov pomerne razantná a len ťažko v nej nevidieť rozhorčenie samotného Šmelova:

„Черто-град!.. Прости, Господи!.. — кричит дьякон. — Такой соблазн! Не баптист, не евангелист, не штундист, а прямо... дух нечист!.. Все отрицает! И в такое-то время, когда все иноверцы ополчились?! Ни церкви, ни икон, ни... воспитания?! Отними у народа храм — кабак остался! А он, толстопузый, свою веру объявил... мисти-ци-сти-ческую! В кукиш... прости, Господи! И на евангельской закваске! Первосвященником хочет быть, во славе! И... интелли-гент?! А?! Свет разума?! Объявил свою веру — и мутит!“¹⁶

Tento citovaný úsek prezentuje azda najimpulzívnejší protest diakona proti útokom na pravoslávie v celej poviedke. Jeho prehovorom sa prezentuje určitá idealizácia viery ako niečoho čistého a nenapodobiteľného, ako aj Šmelovove osobné presvedčenie, hovoriace o tom, že

„мужику на глаза икону надо, свечку надо, теплую душу надо [...] Храм Господень с колоколами надо!.. В сердце колокола играют... А не пустоту“¹⁷.

Na základe poznatkov o samotnom spisovateľovi nie je ťažké rozpoznať jeho ďalší prehovor prostredníctvom diakona, ktorý predkladá pred čitateľa rečnícku otázku: „А Свет-то Разума хранить надо? Хотя в помойке и непотребстве

¹⁴ Ibidem, s. 78.

¹⁵ Ibidem.

¹⁶ Ibidem.

¹⁷ Ibidem, s. 79.

живем, а тем паче надо Его хранить“¹⁸. Koncept „svetla“, ktorým sa vo Svätom písme alegoricky označuje Pán Ježiš Kristus, sa v náboženskej tradícii veľmi nemení, len zriedka nadobúda nové významy, je určitou stabilnou (stálou) hodnotou. V literárnej reflexii Šmeľova je modelovaný nielen ako prostriedok stability a opory, ale aj duchovnej očisty v nepokojnej dobovej atmosfére, ktorá stavia človeka pred rôzne životné skúšky a pookušenia.

Jedno z takýchto pookušení v duchovnom živote človeka je spisovateľom v poviedke modelované v podobe nových „náboženstiev“, na čo obracia pozornosť aj diakon:

„теперь я обращаюсь к самому важному и даже трагическому [...] слышим, в народе стали говорить, что какая-то новая вера объявляется“¹⁹.

Namiesto zatknutého kňaza sa objavuje kazateľ Voroncov, zvestujúci novú náboženskú obec „Вертоград сердца“. Za podpory komisára Šilca a čekistu Krebsa sa pasuje do pozície nového spasiteľa s cieľom presvedčiť pravoslávnych veriacich prevziať ním hlásanú „vieru“, ktorá je na rozdiel od tej pravoslávnej ideologicky správna a priori, prehlasujúc:

„Видимая церковь есть капище идолов, а священники и дьякона — жрецы! Придите в Невидимую, ко Мне! [...] Аз есмь истинная лоза виноградная, а Отец Мой — виноградарь“²⁰.

Na pozadí mocenskej zmeny v krajine je tak v poviedke reflektovaná i druhá, nemenej podstatná duchová zmena. Tú prináša Voroncov ako predstaviteľ novej vládnej moci s vlastným „náboženstvom“, v ktorom sa ponúka víno a fyzické potešenie:

„господин Воронов виноторговлю открывает и заманивает, а у его отца огромные виноградники закуплены, в компании с англичанами. Но все сие было только предтечей горших бед“²¹.

Na pozadí nových spasiteľov môžeme identifikovať motív určitej duchovnej pustoty ako toho tragického, čo náhle prišlo do života ľudského individua. Ноци

¹⁸ Ibidem, s. 83.

¹⁹ Ibidem, s. 80.

²⁰ Ibidem.

²¹ Ibidem.

literárne zobrazenie takéhoto javu nie je v prípade Šmelova ničím novým, na ploche analyzovanej poviedky absentuje až taký výrazný apokalyptický prvok ako v iných jeho dielach (napr. v už spomenutom románe *Slnko mŕtvych*), literárne postavy vieru vnímajú, avšak v novej spoločnosti jej už nedávajú také silné postavenie. Príkladom môže byť rozprávačova charakteristika jednej z postáv:

„А прокурор новый, присяжный поверенный, воров защищал недавно. Мелким бесом рассыпался, чуть под благословение не полез. «Ах, я так уважаю религиозные проявления! Свобода совести для меня высший идеал, в ореоле блеска! Но... с точки зрения философии и политики, не смею пальца поднять на анакомыслие»²².

Pravoslávna viera tak nie je modelovaná ako niečo už neexistujúceho, ale ako súčasť života ľudí, ktorá sa stala málo dôležitou či dokonca zakázanou.

Gradácia literárneho príbehu kulminuje v momente, keď diakon konštatuje odhodlanie v realizácii osláv Sviatosti krstu (Крещение) a prijíma toto bremeno ako svoju povinnosť pravoslávneho veriaceho, ktorý si musí prejsť takouto skúškou v kataklizmatickej dobe, konštatujúc:

„Поглядел я на образ Чудотворца Николая. А Он, без свечей и без лампады, строгий! И передалось словно от Него: «Следуй, дьякон, Свету Разума!» И тут-то со мной и вышло... И до сего часу в смятении, не согрешил ли... А в сердце своем решил... А вот, слушайте... Возглашаю верующим с амвона: „Братие, как и в прежние годы, шествуем крестным ходом на Иордань и освятим воду, и... — тут я голосу припустил, — возревнуем о Господе и будем вкупе, да знамение Кресте Господне на нас!“ И пошли. Все.²³.

Samozrejme nie je náhodou, že hlavnou udalosťou vzdoru proti tým, ktorí urážajú pravoslávnu vieru, má byť sviatok krstu – ponorenia sa do vody. Ako poznamenal H. Nykl,

„voda je látkou klíčovou pro život a dostává se jí bohatých symbolických významů ve všech kulturách. Stejně zásadní úlohu hraje i v církevní kultuře a obřadech“²⁴.

²² Ibidem.

²³ Ibidem, s. 84 – 85.

²⁴ NYKL, Hanuš: *Náboženství v ruské kultuře*. Červený Kostelec: Pavel Mervart, 2013, s. 143.

Voda ako alúzia na nielen životodarnú ale predovšetkým duchovnú očistu, katarziu tela i ducha človeka, je Šmelovom modelovaná ako prostriedok či nástroj obrodzenia tých „tradičných“, v danom prípade pravoslávnych hodnôt, v ktorých bol ruský človek do revolúcie vychovávaný a vo veľkej miere sa stali prirodzenou súčasťou jeho života. Môžeme tak hovoriť aj o tom, že v rámci poviedky sú v konfrontácii proti sebe postavené nové hodnoty ideológie (revolúcia) proti hodnotám starým (evolúcia), ktoré v diele prezentujú tie pravoslávne. Diakon je k takejto konfrontácii pripravený, jeho prehlásenie „Ничего не страшусь. Что страх человеческий! Душу не расстреляешь. И схватился с тем хулителем веры в последний бой!“²⁵ reflektuje odhodlanie bojovať za to hodnotové spektrum, ktoré považuje za vlastné pre dušu ruského človeka a jednoznačne vychádzajúce z duchovného, t. j. pravoslávneho spôsobu života. Rozuzlenie Šmelovom modelovanej a postupne gradujúcej konfrontácie viery a ideológie vyúsťuje do návratu obyčajného človeka k oslave sviatku Sviatosti krstu v duchu (a podľa zákonov) pravoslávia. Tento moment je modelovaný ako víťazstvo, ktoré je univerzálne pre všetkých ľudí naprieč celým príbehom. Dokonca aj

„матрос с пункта пришел и сомкнулся с нами, и поздравлял за русскую победу! Праздников Праздник получился. И всем народом — Спаси, Господи! — ко храму двинулись. А Кребс не выдержал, убежал“²⁶.

Duchovná obroda ľudí je umocnená momentom, keď diakon počuje „кричат в народе: ‚Зачем дозволяют позорить веру?! В море его скинуть, Кребса, нечистого!“²⁷. V epilógu poviedky je tak vyjadrená nádej k návratu dorevolučného spôsobu života, vrátane pravoslávia ako tradičnej súčasti života jedinca. Ako poznamenala L. A. Spiridonovová, v interpretácii Šmelova je

„Свет Разума — величайшая народная мудрость, пока он сияет в тайниках сердца простого человека, жива Россия. Из этой духовной сущности на эзмлэ вечно творится и обновляется жизнь“²⁸.

²⁵ ŠMELEV, Ivan Sergejevič: *Sobranije sočinenij v 5 t., t. 2*. Moskva: Russkaja kniga, 1998, s. 83.

²⁶ Ibidem, s. 87.

²⁷ Ibidem.

²⁸ SPIRIDONOVA, Lidija Alekseevna: «Žizn' vo Svete»: *nacional'naja ideja v tvorčestve I. S. Šmeleva*. In: *Poëzija russkoj žizni v tvorčestve I. S. Šmeleva*. Moskva: IMLI RAN, 2011, s. 11.

V kritickom pohľade však považujeme za správne poukázať na istú naivitu viery v takýto vývoj udalostí, hoci mohli reflektovať reálny krátkodobý jav duchovnej obrody v spoločnosti. Avšak toto „víťazstvo“ disponovalo dlhodobým potenciálom len v modelovanom svete literárnej fikcie spisovateľa, v reálnom svete malo len veľmi krátkodobý charakter, o to viac, ak dejové udalosti prebiehajú na území Krymského polostrova, obyvatelia ktorého tvrdo pocítili všetky krutosti tzv. červeného teroru po obsadení krajiny boľševikmi. Najmä pri násilnom presadzovaní nových spoločenských pravidiel, ateisticky preferovaných princípov života a „správnych“ hodnôt vychádzajúcich z ideologických postulátov novej vládnej moci. Nádej v náboženskú obrodu a nadšenie z víťazstva viery tak zostávala „reálna“ iba v nereálnom, Šmelovom vytvorenom literárnom svete literárneho diela. N. M. Solncevová poukazuje aj na skutočnosť toho, že

„Шмелев в философских тонкостях не разбирался. Но знал, что в основе философии русского возрождения должна быть идея Бога, что без Бога невозможно творить философию русского бытия, невозможно дать поколению новые идеалы. Размышляя о революции, об эмигрантском исходе, русском Апокалипсисе, он пришел к мысли о необходимости создания катехизиса²⁹“.

V holistickom pohľade tak môžeme poviedku vnímať ako určitý literárny dôkaz či umelecky spracovanú reflexiu osobnej nádeje Šmelova v návrat tradícií a duchovných hodnôt dorevolučného patriarchálneho Ruska, rozklad a zánik ktorého on – podobne ako aj mnoho iných – vnútorne odmietal a nepripúšťal.

Použitá literatúra – References:

- DOHNAL, Josef: *Proměny modelu světa v ruské próze na přelomu XIX. a XX. století*. Brno: Masarykova univerzita, 2012.
- HRALA, Milan: *Ruská moderní literatura 1890–2000*. Praha: Karolinum, 2007.
- CHARLAMOV Ivan Nikolajevič: *Venok Šmelevu*. Moskva: IMLI RAN, 2001.
- KOVÁČIK, Lubomír: *Sakrálné v literatúre*. Banská Bystrica: Fakulta humanitných vied Univerzity Mateja Bela v Banskej Bystrici, 2012.
- NYKL, Hanuš: *Náboženství v ruské kultuře*. Červený Kostelec: Pavel Mervart, 2013.

²⁹ SOLNCEVA Natal'ja Michajlovna: *Ivan Šmelev. Žizn' i tvorčestvo: Žizneopisanije*. Moskva: Ėllis Lak, 2007, s. 191.

SOLNCEVA Natal'ja Michajlovna: *Ivan Šmelev. Žizn' i tvorčestvo: Žizneopisanije*. Moskva: Èllis Lak, 2007.

SPIRIDONOVA, Lidija Alekseevna: «Žizn' vo Svete»: *nacional'naja ideja v tvorčestve I. S. Šmeleva*. In. *Poèzija ruskoj žizni v tvročestve I. S. Šmeleva*. Moskva: IMLI RAN, 2011. S. 8–14.

ŠMELEV, Ivan Sergejevič: *Vospominanija*. Moskva: Sinopsis, Nikolin den', 2021.

ŠMELEV, Ivan Sergejevič: *Sobranije sočinenij v 5 t., t. 2*. Moskva: Russkaja kniga, 1998.

Igor Cintula

Mgr., PhD., Department of Slavic Languages, Faculty of Arts, Matej Bel University, Tajovského 40, 974 01 Banská Bystrica, Slovak Republic

igor.rudolfovic.c@gmail.com

ORCID 0000-0001-6740-9669

Stosunki czechosłowacko-polskie na przełomie lat 70. i 80. XX wieku. Sympozja i publikacje katolickiego stowarzyszenia Opus Bonum

Renata Buchtová

Streszczenie

W październiku 1982 roku odbyło się w niemieckiej miejscowości Franken czesko-polskie sympozjum, zorganizowane przez katolickie stowarzyszenie Opus Bonum. Stowarzyszenie zostało założone w 1972 roku we Frankfurcie nad Menem przez czechosłowackich emigrantów jako wspólnota ludzi dbających o zachowanie i rozwój czeskiej i słowackiej kultury chrześcijańskiej, a jego założycielami byli opat Anastáz Opasek i teolog Vladimír Neuwirth. Od 1979 roku Opus bonum miało swoją siedzibę w Monachium i organizowało co roku sympozja, spotkania dyskusyjne i wydarzenia kulturalne. Te początkowo duchowe spotkania stopniowo przeradzały się w polityczne debaty i starcia różnych nurtów w ramach czechosłowackiej emigracji.

Słowa kluczowe: Opus Bonum; stosunki czechosłowacko-polskie; reżim komunistyczny; kultura chrześcijańska, emigracja

Czechoslovak-Polish Relations at the Turn of the 1970s and 1980s. Symposiums and Publications of the Catholic Association Opus Bonum

Abstract

In October 1982, a Czech-Polish symposium was held in Franken, Germany, under the auspices of the Catholic association Opus Bonum. The association, established in 1972 in Frankfurt am Main by Czechoslovak exiles, was envisioned as a community dedicated to preserving and fostering Czech and Slovak Christian culture. The founders of the association were abbot Anastáz Opasek and theologian Vladimír Neuwirth. Since 1979, Opus Bonum has been based in Munich, organising annual symposiums, discussion meetings, and cultural events. These gatherings, originally intended as spiritual forums, often evolved into platforms for political debates and ideological clashes among Czechoslovak exiles.

Key words: Opus Bonum; Czechoslovak-Polish relations; communist regime; Christian culture; emigration

W dniach 28–31 października 1982 roku odbyło się w niemieckiej miejscowości Franken (północna Bawaria) czesko-polskie sympozjum, zorganizowane przez katolickie stowarzyszenie Opus Bonum. W Polsce trwał wówczas stan wojenny, a w Czechosłowacji liczni działacze opozycji komunistycznej (kojarzeni przede wszystkim z Kartą 77) przebywali w więzieniach. Warto pamiętać, że Karta 77 nie była jedyną formą manifestowania sprzeciwu, bowiem ruch protestu przeciwko czeskiej „normalizacyjnej” rzeczywistości politycznej rozwinął się po 1968 roku również poza granicami kraju, gdzie powstawały oficyny wydawnicze i odbywały się spotkania kręgów emigracji czeskiej i słowackiej. Duszą czesko-polskiej akcji, zorganizowanej w leżącej niedaleko czeskiej granicy miejscowości Franken, był publicysta Jiří Lederer, dysydent (więziony w latach 1970, 1972–1973 i 1977–1980) i wygnaniec polityczny (pod przymusem przeniósł się razem z rodziną do Niemiec we wrześniu 1980 roku)¹. Dzięki jego wytrwałości i poświęceniu udało się zaprosić do udziału w tym spotkaniu wybitne osobistości życia emigracyjnego obu krajów. Nieformalną czesko-polską grupę roboczą tworzyli: prof. Franciszek Blachnicki, założyciel Ruchu Światło-Życie, prof. Leszek Kołakowski (w latach 1977–1980 był oficjalnym przedstawicielem KOR-u za granicą i odpowiadał za kontakty między środowiskiem KOR-u i emigracją), dwaj slawiści, profesorowie Andrzej Vincenz i Antonín Měšťan, Pavel Tigrid, redaktor paryskiego „Svědectví” oraz politolog Alexander Tomský, redaktor naczelny emigracyjnego wydawnictwa i pisma „Rozmluvy” (1981–1990)².

Słowa Lederera, wygłoszone w 1981 roku na sympozjum z okazji dwudziestopięciolecia kwartalnika „Svědectví”³, mogłyby być mottem zwołanego w 1982 roku przez Opus Bonum czesko-polskiego sympozjum:

„Nas wszystkich, którzy musimy żyć z powodów politycznych poza ojczyzną, nas wszystkich łączy coś wielkiego i znaczącego. Nie boję się w tym przypadku użyć podniosłego słowa: łączy nas służba, powtarzam – służba ojczyźnie, służba krajowi, z którego pochodzimy i do którego należymy, służba ludziom nam bliskim, ludziom bynajmniej nie tylko naszego języka,

¹ KALISKI, Bartosz: *Czeski dysydent i emigrant Jiří Lederer wobec Solidarności (1980–1983)*. Wolność i Solidarność, 2022, č. 13–14, s. 178.

² *Československo-polské styky včera, dnes a zítra. Výbor z materiálů ze sympozia katolické laické organizace Opus bonum, konaného ve dnech 28.–31. října 1982*. MĚŠŤAN, Antonín (red.). Mnichov: Opus bonum, 1986, s. 192.

³ Stowarzyszenie Opus bonum zorganizowało sympozjum „Svědectví Pavla Tigrida” w bawarskim Frankenie w październiku 1981 roku.

*ale przede wszystkim naszych tradycji, naszych duchowych wartości, ludziom, którzy tworzą nasze narody.*⁴

Warto w tym miejscu przybliżyć historię powstania Opus Bonum, organizacji katolickiego laikatu⁵ na prawach stowarzyszenia, która inicjowała te jakże ważne spotkania. Stowarzyszenie Opus Bonum zostało założone z inicjatywy teologa Vladimíra Neuwirtha i benedyktyna Anastazego Opaska w 1972 roku we Frankfurcie nad Menem jako wspólnota ludzi zainteresowanych zachowaniem oraz rozwojem czeskiej i słowackiej kultury chrześcijańskiej. Duchowe dziedzictwo katolickiego myśliciela, tłumacza i wydawcy Josefa Floriana (1873–1941), który w 1900 roku powołał do życia w swej rodzinnej miejscowości Stará Říše wydawnictwo Dobré dílo znalazło odzwierciedlenie w łacińskim tłumaczeniu jego nazwy: Opus Bonum. Dobré dílo dzięki mozolnej pracy Floriana i jego rodziny, a także grona przyjaciół i czytelników, było niezwykłą i godną podziwu wspólnotą.

*„Florian funkcjonował nie tylko jako pośrednik tego, co najlepsze w ówczesnej Europie, nie tylko w kręgach chrześcijańskich, ale jego dom funkcjonował również jako centrum spotkań ludzi z różnych środowisk – od studentów po pisarzy, artystów, profesorów i księży. Wszyscy byli tu mile widziani, nakarmieni i mogli tu przenocować.”*⁶

Dobré dílo – o jego formacyjnej roli często mówił jeden ze współzałożycieli stowarzyszenia Opus Bonum oraz jego pierwszy przewodniczący, Jan Anastáz Opasek (1913–1999)⁷. Po wstąpieniu do zakonu benedyktynów przyjął imię zakonne Anastáz, w 1938 roku święcenia kapłańskie, w rok później został wybrany przeorem, a w 1947 roku opatem klasztoru Benedyktynów w praskim Brzewnovie. Opaska aresztowano 19 września 1949 roku w ramach tzw. Akcji K (likwidacja klasztorów męskich na terenie Czechosłowacji, bowiem

⁴ *Svědectví Pavla Tigrida*. LEDERER, Jiří (red.). Mnichov: Opus bonum, 1982, s. 131. In: KALISKI, Bartosz: *Czeski dysydent i emigrant Jiří Lederer wobec Solidarności (1980–1983)*. Wolność i Solidarność, 2022, č. 13–14, s. 178.

⁵ Laikat w Kościele katolickim znaczy tyle, co ludzie świeccy nie mający w jego organizacji żadnych święceń specjalnych, prócz dwu sakramentów, mianowicie: chrztu świętego i bierzmowania, które wrażając w duszę człowieka niezatarte znamię (charakter sakramentalny) tym samym wyznaczają mu pewne posłannictwo do spełnienia. In: URMANOWICZ, Walenty: *Aspekty moralne laikatu w organizacji Kościoła Rzymsko-Katolickiego*. Studia Theologica Varsaviensia 5/1, 1967, s. 141.

⁶ PLACÁK, Petr: *Křesťanský zápas o českou věc. Působení opata Opaska a organizace Opus bonum v československém exilu v letech 1972–1989*. Praha: Argo, 2020, s. 50.

⁷ OPASEK, Anastáz: *Dvanáct zastavení*. Praha: Torst, 1992, s. 29.

dla zakonów nie przewidywano miejsca w komunistycznym państwie). W marcu 1950 roku ruszyły pokazowe procesy zakonników oskarżonych o szpiegostwo na rzecz Watykanu, terroryzm, sabotaż i przygotowywanie zbrojnego powstania⁸. Młody opat brzewnowski spędził 11 lat w więzieniach w Pradze (Pankrác, Ruzyně), Leopoldowie i w Valdicach koło Jiczyna, gdzie więziono i brutalnie przesłuchiowano ofiary reżimu komunistycznego. W ramach amnestii ogłoszonej w 1960 roku wyszli na wolność więźniowie polityczni, którzy w komunistycznych więzieniach spędzili ponad 10 lat, a więc również przedstawiciele zakonów zlikwidowanych przez reżim. Anastáz Opasek zamieszkał w Pradze, ale ponieważ nie posiadał zezwolenia państwowego (od 1949 roku nowe prawo wyznaniowe zakazywało obsadzania stanowisk kościelnych bez uzyskania zgody władz komunistycznych), nie mógł wykonywać czynności duszpasterskich. W związku z tym Opasek pracował przy budowie praskich osiedli jako zwykły robotnik, a w 1967 roku rozpoczął pracę w składzie Galerii Narodowej w Pradze. W rok później doczekał się rehabilitacji i mógł sprawować posługę kapłańską. Po sierpniowej inwazji wojsk Układu Warszawskiego na Czechosłowację w 1968 roku, której celem było stłamszenie „kontrewolucji i prawicowych żywiołów” w Czechosłowacji, Anastáz Opasek nie miał już żadnych złudzeń. W grudniu 1968 roku wyjechał do Wiednia, a potem znalazł azyl w Bawarii, w klasztorze Benedyktynów w miejscowości Rohr⁹.

Również drugi współzałożyciel Opus Bonum, Vladimír Neuwirth (1921–1998), teolog i publicysta katolicki, miał za sobą doświadczenie pobytu w więzieniu. Aresztowano go jako działacza chrześcijańskiego i współzałożyciela instytutu świeckiego Společenství w styczniu 1961, skazując na 14 lat więzienia wśród przestępców z najcięższymi wyrokami. Neuwirth został amnestionowany w okresie Praskiej Wiosny i w lecie 1968 roku wyjechał na Zachód, najpierw do Austrii i Belgii, by w końcu osiąść w Niemczech. Od stycznia 1971 do 1986 roku, kiedy odszedł na emeryturę, pracował jako referent do spraw kultury i ds. socjalnych przy Czeskiej Gminie Katolickiej we Frankfurcie nad Menem.

*

Po zbrojnej interwencji, która zakończyła próby budowy „socjalizmu z ludzką twarzą” w Czechosłowacji, miała miejsce stopniowa „normalizacja”, czyli przywracanie kontroli partii komunistycznej nad wszystkimi dziedzinami

⁸ GROCHOLSKI, Marek: *Akcja K.* [online]. Tygodnik Powszechny, 2003, č. 45, s. 11 [cit. 2003-11-09]. <https://www.tygodnikpowszechny.pl/akcja-k-123088>

⁹ ELŠÍKOVÁ, Monika: *Dobré dílo Anastáze Opaska.* Praha: Monika Vadasová-Elšíková, 1999, s. 142–147.

życia. Przyniosła ona masowe czystki i represje, strach i donosy. Z CSRS wyemigrowało wówczas około 300 tysięcy Czechów i Słowaków, przedstawiciele różnych pokoleń, warstw społecznych czy zawodów. Urszula Kowalska podkreśla, że dla pamięci Praskiej Wiosny najbardziej istotna jest zbiorowość artystów, pisarzy i publicystów, związanych z emigracyjnymi kręgami, które najczęściej były skupione wokół oficyn, które powstawały na uchodźstwie¹⁰. Nie można też zapominać o tym, że stosunek Czechów do emigracji był wówczas bardzo wrogi. Słowo „emigrant” było w komunistycznej Czechosłowacji niemal synonimem „przestępca”, większość emigrantów politycznych pozbawiano oficjalnie obywatelstwa albo skazywano ich wyrokami sądowymi¹¹. Założone poza granicami kraju w 1972 roku świeckie stowarzyszenie katolickie Opus Bonum miało odegrać ważną rolę jako wspólnota ludzi dbających o zachowanie i rozwój czeskiej i słowackiej (nie tylko chrześcijańskiej) kultury.

Po kilku latach działalności Opus Bonum (w skrócie OB) trzeba było rozstrzygnąć o kierunku jego działalności, okazało się bowiem, że każdy wyobrażał sobie owo „dobre dzieło” trochę inaczej. Historyk Petr Placák w swej książce przytacza wiele archiwalnych dokumentów i listów ludzi, którzy pięknie się różnili, ale jednak pomimo wielu zaszłości i nieporozumień uratowali wspólne dzieło¹². Pavel Tigrid, który należał do grona głównych rzeczników czechosłowackiego uchodźstwa po lutym 1948 roku, mówił, że Anastáz Opasek umiał wspaniale i w naturalny sposób łagodzić spory¹³. Opat miał wielką charyzmę, organizował spotkania przeciwników politycznych, którzy wcześniej nie usiedliby przy jednym stole i nieprzypadkowo jego współpracownicy nazywali go „rybakiem ludzi”¹⁴.

Warto pamiętać, że opozycja komunistyczna w Czechosłowacji w latach 70. i 80. kojarzona była przede wszystkim z Kartą 77, czechosłowacką inicjatywą niezależną, łączącą środowiska chrześcijańskie, liberalne i rewizjonistyczne. Finałem corocznych sympozjów dyskusyjnych i spotkań młodzieży była zawsze msza w kaplicy Hacker-Haus we Frankenie, na której spotykali się wszyscy uczestnicy, ludzie różnych wyznań, a także niewierzący¹⁵. Pisarz Ota Filip, kolejny uczestnik tamtych spotkań, tak pisał w sprawozdaniu z 1978 roku:

¹⁰ KOWALSKA, Urszula: *„Tato noc nebude krátká”. Doświadczenie roku 1968 w czechosłowackiej literaturze emigracyjnej*. Poznań: Wydawnictwo Naukowe UAM, 2015, s. 70–71.

¹¹ BALUCH, Jacek: *Czeskie drogi*. Kontrapunkt, 1997, nr 5/6, s. 1.

¹² PLACÁK, Petr: *Křesťanský zápas o českou věc. Působení opata Opaska a organizace Opus bonum v československém exilu v letech 1972–1989*. Praha: Argo, 2020, s. 194–197.

¹³ TIGRID Pavel, KOTYK Petr: *Mně se nestýskalo*. Praha: Gutenberg, 2010, s. 93.

¹⁴ ELŠÍKOVÁ, Monika: *Dobré dílo Anastáze Opaska*. Praha: Monika Vadasová-Elšíková, 1999, s. 149.

¹⁵ RAKUŠANOVÁ, Lída: *Svobodná v Evropě*. Praha: Book Dock, 2020, s. 144.

„W małej miejscowości Franken stało się coś, co trudno byłoby sobie wcześniej wyobrazić. W niedzielę w tutejszym kościele w rocznicę komunistycznego zamachu stanu (luty 1948) działy się niewiarygodne rzeczy. Kościół był wypełniony po brzegi czeskimi uchodźcami z wszystkich stron Europy Zachodniej i Ameryki. Przed ołtarzem przemawiał do zebranych czeski ksiądz, opat brzewnowski Anastáz Opasek, a przed nim klęczał Zdeněk Mlynář, dawny sekretarz Komitetu Centralnego Komunistycznej Partii Czechosłowacji z 1968 roku, który w latach 50., kiedy Opasek przebywał w komunistycznych więzieniach, czuł jako działacz partyjny, że jest na szczycie dziejów. Obu wyгнаła z CSRS okupacja sowiecka z 1968 roku. Dla Opaska była ona tylko potwierdzeniem dotychczasowego biegu zdarzeń, natomiast dla Mlynářa był to upadek z wieży z kości słoniowej bezpośrednio w twarde realia.”¹⁶

Polski bohemista Jacek Baluch tak mówił o działaniach tej organizacji na rzecz tolerancji i pojednania pomiędzy narodami:

„Opus bonum’ organizowało spotkania przedstawicieli wszystkich fal emigracyjnych i wszystkich emigracyjnych grup politycznych, podejmowano tam często tematy, które stanowiły tabu nie tylko w komunistycznej Czechosłowacji, ale także na wychodźstwie: np. problem stosunku do Niemców czeskich i uznania krzywd wysiedlonych.”¹⁷

Raczej elitarną, katolicką wizję OB z siedzibą we Frankfurcie nad Menem miał pracujący w tym mieście Vladimír Neuwirth, który od samego początku organizował jesienne intelektualne platformy (obok letnich Spotkań młodzieży w opactwie benedyktynów w Rohr; pierwsze odbyło się w 1972 roku), tzw. Tygodnie akademickie dla młodzieży w miejscowości Hünfeld koło Fuldy. Choć na początku inicjatywa ta odbierana była jako bardzo ambitne przedsięwzięcie, w końcu doszło do sytuacji, którą w 1975 roku pieśniarz Karel Kryl, jeden z młodszych członków OB, określił jako typowy spór generacyjny i stwierdził, że „następny Tydzień akademicki mógłby się odbyć bez członków akademii”¹⁸.

Bardziej otwartą formułę spotkań, przeznaczonych nie tylko dla katolików i czeskich emigrantów, zaproponował przebywający w Monachium redaktor

¹⁶ PLACÁK, Petr: *Křesťanský zápas o českou věc. Působení opata Opaska a organizace Opus bonum v československém exilu v letech 1972–1989*. Praha: Argo, 2020, s. 168.

¹⁷ BALUCH, Jacek: *Czeskie drogi*. Kontrapunkt, 1997, nr 5/6, s. 2.

¹⁸ PLACÁK, Petr: *Křesťanský zápas o českou věc. Působení opata Opaska a organizace Opus bonum v československém exilu v letech 1972–1989*. Praha: Argo, 2020, s. 140.

Radia Wolna Europa, Richard Belcredi (1926–2015). Jego tytuł szlachecki budził szacunek i otwierał wiele drzwi, był więc idealnym sekretarzem i rzecznikiem OB, wspieranym przez jego współzałożyciela, Anastazego Opaska. Gdy w 1979 roku siedzibę OB przeniesiono do Monachium, dotychczasowy sekretarz Neuwirth wycofał się. W 1982 roku założył we Frankfurcie nad Menem stowarzyszenie Bibliotheca Cyrillo-Methodiana. Czesko-polskie sympozjum w miejscowości Franken odbyło się w tymże roku, ale przygotowywał je już inny zespół.

*

Tradycyjne duchowe spotkania przekształciły się – szczególnie po poparciu Karty 77 i jej sygnatariuszy przez Anastazego Opaska i OB – w tzw. sympozja, w których brali udział ludzie o różnych, czasem radykalnych poglądach; do niedawna gorliwi członkowie partii komunistycznej spotykali się tu z ofiarami, które reżim prześladował. Organizatorom chodziło o rehabilitację dyskusji, „podstawy wolnego, otwartego społeczeństwa”, zależało im na tym, by uczestnicy rozmów „nie zamykali się w gettach swoich losów i krzywd”, mówiono nawet, że są to „sympozja pojednania”¹⁹. Dobrym miejscem spotkań stał się od 1978 roku Franken, gdzie znajdował się ośrodek rekreacyjny katolickiej organizacji Ackermann-Gemainte. Pierwsze sympozjum odbyło się w lutym 1978 roku w rocznicę komunistycznego puczu i nosiło dobitny tytuł „Setkání vítězů a poražených” (Spotkanie zwycięzców i przegranych)²⁰. Wydany w 1979 roku zbiór artykułów nosił już tytuł „Únor 1948 očima vítězů a poražených po třiceti letech”²¹.

Pod wpływem wydarzeń w Polsce i wprowadzenia 13 grudnia 1981 roku stanu wojennego postanowiono kolejne sympozjum poświęcić sprawom polskim. Jak już wspominałam na początku, organizacja czesko-polskiego sympozjum spoczywała na barkach czeskiego publicysty Jiřego Lederera, nie tylko ze względu na polskie korzenie jego żony Elżbiety. Lederer był autorem wydanej już na emigracji książki esejów historycznych *Mé Polsko* (Moja Polska)²². Bartosz Kaliski zwraca uwagę na to, że czeski autor

„sercem stał po stronie Solidarności i snuł wizję jej trwałego niezależnego bytowania, ale polityczny rozum kazał mu przewidywać zniszczenie

¹⁹ PLACÁK, Petr: *Lidská práva aneb Člověčenství*. Paměť a dějiny, 2016, č. 4, s. 31.

²⁰ BAKEŠ, Ondřej: *Franken 1978. Koperníkovský obrat v exilové organizaci Opus bonum*. Studia historica Brunensia 68, č. 2, Brno: Masarykova univerzita, 2021, s. 248.

²¹ *Únor 1948 očima vítězů a poražených po třiceti letech*. TIGRID, Pavel (red.). Kolín nad Rýnem: Opus bonum, 1979.

²² LEDERER, Jiří: *Mé Polsko. 200 let boje proti cizí nadvládě*. Köln: Index, 1982.

*związku przez siły systemu komunistycznego (nie precyzował czy zewnętrzne, czy wewnętrzne). Wszelako i dla niego 13 grudnia 1981 roku był szokiem.*²³

Pierwotnie sympozjum miało się odbyć wiosną 1982 roku, ale ze względu na przygotowania i konieczność nawiązania kontaktów z przedstawicielami polskiej emigracji termin przesunięto na jesień. W międzyczasie udało się odnowić kontakty transgraniczne i doszło do kolejnych spotkań przedstawicieli czechosłowackiej i polskiej opozycji na granicy obu krajów w Karkonoszach (w 1978 roku były to pierwsze próby połączenia wysiłków grup dysydenckich walczących z komunistycznym totalitaryzmem)²⁴. W końcu w dniach 28–31 października 1982 roku odbyło się w miejscowości Franken sympozjum pod nazwą „Czechosłowacko-polskie stosunki wczoraj, dziś i jutro”, w którym wzięło udział ponad 90 przedstawicieli czeskiej i polskiej emigracji. Najważniejszym celem tego summitu było wzajemnie poznanie się i nawiązanie współpracy między Czechami i Polakami. Uczestnicy wyrazili swoje pełne poparcie dla idei Solidarności i Karty 77, dla ludzi walczących w obu krajach przeciwko reżimowi totalitarnemu.

Plonem każdego sympozjum OB był zbiór referatów – w wydawnictwie OB opublikowano więc również wybór najciekawszych wystąpień uczestników tamtego spotkania. Już w 1975 roku po jednym ze spotkań OB sławista Antonín Měšťan, profesor uniwersytetu we Freiburgu, przedstawił studium *Češi, Slováci a Poláci po roce 1945*²⁵. Plonem obecnego czesko-polskiego sympozjum była wydana w 1986 roku publikacja *Československo-polské styky včera, dnes a zítra*, której redaktorem, a także autorem artykułu *Česko-polské styky v minulosti* był prof. Měšťan. W artykule dotyczącym historii stosunków czesko-polskich przypominał ważne dla obu narodów momenty historyczne, a więc fakt, że Polacy przyjęli chrzest od Czechów, że św. Wojciech, patron Polski, był Czechem, że Czesi wybrali na swoich królów dwóch Jagiellonów. Wspomina Czechów, którzy emigrowali do Polski i emigrujących do Czech Polaków, a więc „gościnność sąsiadów”, a także tradycyjne mity

²³ KALISKI, Bartosz: *Czeski dysydent i emigrant Jiří Lederer wobec Solidarności (1980–1983)*. Wolność i Solidarność, 2022, č. 13–14, s. 176.

²⁴ Pierwsze spotkania polskich i czechosłowackich opozycjonistów, KSS „KOR” i Karty 77, zorganizowane na granicy obu krajów miały miejsce 29. 7. i 20. 9. 1978 roku. In: PLACÁK, Petr: *Křesťanský zápas o českou věc. Působení opata Opaska a organizace Opus bonum v československém exilu v letech 1972–1989*. Praha: Argo, 2020, s. 213.

²⁵ MĚŠŤAN, Antonín: *Češi, Slováci a Poláci po roce 1945*. Frankfurt am Main: Opus bonum, 1975.

i stereotypy²⁶. Czeski pisarz Vilém Hejl w swoim przyczynku „Česká otázka a polská alternativa” przypomniał z kolei czesko-polskie konflikty, które miały miejsce w XX wieku, po odzyskaniu niepodległości przez nasze narody, ale także piękne karty w naszych wspólnych dziejach. Czechosłowacki ekonom, socjolog i politolog Radoslav Selucký, profesor uniwersytetów w Karolinie Południowej i Ottawie, przedstawił alternatywy dalszego rozwoju wzajemnych czechosłowacko-polskich stosunków. Publicysta Tomasz Mianowicz poświęcił swoją uwagę fenomenowi Solidarności – spojrzeniu na jej początki i przyszłość. Redaktor Jiří Pelikán, założyciel kulturalnego periodyku „Listy”, zastanawiał się nad możliwościami emigrantów politycznych, pragnących pomagać rodakom, którzy zostali w ojczyźnie. Z kolei redaktorzy Pavel Tigrid i Mirosław Chojecki rozważali możliwości czechosłowacko-polskiej współpracy. Publicysta Dominik Morawski przedstawił referat na temat sytuacji Kościoła w Polsce, a ksiądz Franciszek Blachnicki, który utworzył w niemieckim Carlsbergu w 1982 roku Międzynarodowe Centrum Ewangelizacji Światło-Życie, mówił o strategiach wyzwolenia. Całe życie ks. Blachnickiego było ukierunkowane na służbę wolności osoby ludzkiej i społeczeństwa. Jego słowa, które zabrzmiały przed zbliżającą się pierwszą rocznicą wprowadzenia w Polsce stanu wojennego, na pewno brzmiały znacząco, zwłaszcza że w sympozjum brali udział ludzie, którzy do niedawna wierzyli w to, że ze zwolennikami systemu totalitarnego można prowadzić dialog.

„Konieczne jest skorygowanie stereotypu, który powstał w ocenie wydarzeń z 13 grudnia 1981 roku. To, co się wtedy wydarzyło, było nie tylko naszą klęską – było także klęską systemu sowieckiego. W sferze wartości duchowych jest to nawet nasze zwycięstwo, gdyż wydarzenia te wzmocniły front walki o wyzwolenie. Dzień 13 grudnia 1981 roku jest w pewnym sensie końcem wiarygodności komunizmu. To właśnie wtedy system został ujawniony bez maski, jako system totalitarny, którego jedynym celem jest utrzymanie władzy za wszelką cenę. To był koniec złudzeń – a te tylko osłabiają walkę z tym systemem i doprowadziły już do niejednej porażki. Najbardziej niebezpieczna była iluzja, że system, z którym walczyliśmy, może się wewnętrznie zmienić, że możemy dojść z nim do porozumienia, że możemy prowadzić z nim jakiś dialog.”

²⁶ Československo-polské styky včera, dnes a zítra. Výbor z materiálů ze sympozia katolické laické organizace Opus bonum, konaného ve dnech 28.–31. října 1982. MĚŠTAN, Antonín (red.). Mnichov: Opus bonum, 1986, s. 13–19.

W dyskusji udział wzięli obok nieformalnej czesko-polskiej grupy roboczej (Antonín Měšťan, Pavel Tigrid, Leszek Kołakowski, Franciszek Blachnicki, Andrzej Vincenz, Alexander Tomský) również inni uczestnicy czesko-polskiego sympozjum, np. opat Anastáz Opasek, historyk Vilém Prečan, ekonom Radoslav Selucký, redaktor Milan Kubes, Dominik Morawski, rzymski korespondent paryskiej „Kultury”, a od 1982 roku watykański korespondent sekcji polskiej BBC. Wśród opublikowanych przyczynków do czesko-polskiej dyskusji można znaleźć również wypowiedzi Słowaka, Branislava Antona Štefánka, redaktora Radia Wolna Europa.

*

We Franken uformowała się Grupa Współpracy Czechów, Polaków i Słowaków, która już po 3 miesiącach, w styczniu 1983 roku, spotkała się w ośrodku ojców marianów w Carlsbergu u księdza Franciszka Blachnickiego. Do Grupy należeli filozof Leszek Kołakowski, slawiści Antonín Měšťan i Andrzej Vincenz i publicysta Jiří Lederer (niestety, jego ówczesne plany pokrzyżowała przedwczesna śmierć w październiku tegoż roku). Kolejnym krokiem było ogłoszenie w maju 1983 roku dzieła współpracy trzech narodów, nad którym objęło patronat założone przez ks. Blachnickiego w Niemczech stowarzyszenie Chrześcijańska Służba Wyzwolenia Narodów. Celem współpracy miało być wspieranie krajów macierzystych, koordynacja działań opozycji, informowanie Zachodu o wypadkach na Wschodzie itp.²⁷

Wielką zasługą Opus Bonum było to, że umożliwiło spotkania, dyskusje i inicjatywy, które przybliżyły marzenia ludzi dobrej woli, czeskich, słowackich i polskich emigrantów, o wolnej i niezależnej Czechosłowacji i Polsce.

Bibliografia – References:

- BAKEŠ, Ondřej: *Franken 1978. Koperníkovský obrat v exilové organizaci Opus bonum*. *Studia historica Brunensia* 68, 2021, č. 2, s. 247–260.
- BALUCH, Jacek: *Czeskie drogi*. Kontrapunkt, 1997, nr 5/6, s. 1–2.
- Československo-polské styky včera, dnes a zítra. *Výbor z materiálů ze sympozia katolické laické organizace Opus bonum, konaného ve dnech 28.–31. října 1982*. MĚŠŤAN, Antonín (red.). Mnichov: Opus bonum, 1986.

²⁷ KALISKI, Bartosz: *Czeski dysydent i emigrant Jiří Lederer wobec Solidarności (1980–1983)*. *Wolność i Solidarność*, 2022, č. 13–14, s. 178.

- ELŠÍKOVÁ, Monika: *Dobré dílo Anastáze Opaska*. Praha: Monika Vadasová-Elšíková, 1999.
- GROCHOLSKI, Marek: *Akcja K*. [online]. Tygodnik Powszechny, 2003, č. 45. [cit. 2003-11-09]. <https://www.tygodnikpowszechny.pl/akcja-k-123088>.
- KALISKI, Bartosz: *Czeski dysydent i emigrant Jiří Lederer wobec Solidarności (1980–1983)*. Wolność i Solidarność, 2022, č. 13–14, s. 165–180.
- KOWALSKA, Urszula: *„Tato noc nebude krátká”. Doświadczenie roku 1968 w czeskiej literaturze emigracyjnej*. Poznań: Wydawnictwo Naukowe UAM, 2015.
- LEDERER, Jiří: *Mé Polsko. 200 let boje proti cizí nadvládě*. Köln: Index, 1982.
- MĚŠŤAN, Antonín: *Češi, Slováci a Poláci po roce 1945*. Frankfurt am Main: Opus bonum, 1975.
- OPASEK, Anastáz: *Dvanáct zastavení*. Praha: Torst, 1992.
- PLACÁK, Petr: *Křesťanský zápas o českou věc. Působení opata Opaska a organizace Opus bonum v československém exilu v letech 1972–1989*. Praha: Argo, 2020.
- PLACÁK, Petr: *Lidská práva aneb Člověčenství*. Paměť a dějiny, 2016, č. 4, s. 26–36.
- RAKUŠANOVÁ, Lída: *Svobodná v Evropě*. Praha: Book Dock, 2020.
- Svědectví Pavla Tigrida*. LEADERER, Jiří (red.). Mnichov: Opus bonum, 1982.
- TIGRID Pavel, KOTYK Petr: *Mně se nestýskalo*. Praha: Gutenberg, 2010.
- Únor 1948 očima vítězů a poražených po třiceti letech*. TIGRID, Pavel (red.). Kolín nad Rýnem: Opus bonum, 1979.
- URMANOWICZ, Walenty: *Aspekty moralne laikatu w organizacji Kościoła Rzymsko-Katolickiego*. Studia Theologica Varsaviensia 5/1, 1967, s. 141–151.

Renata Buchtová

Mgr., Ph.D., Department of Slavonic Studies, Faculty of Arts Masaryk University
Brno, A. Nováka 1, 602 00 Brno, Czech Republic

buchtova.renata@mail.muni.cz

ORCID 0000-0002-2866-8884

Oddíl – Part IV

**ETICKÁ DILEMATA
A TRANSFORMACE HODNOT**

**ETHICAL DILEMMAS AND
THE TRANSFORMATION OF VALUES**

Motywacje działań niemoralnych (na przykładzie rozumienia pojęcia *dyskryminacja* w dyskusjach publicznych)

Monika Kaczor

Streszczenie

Celem artykułu jest przedstawienie motywacji działań niemoralnych, które są obecne w dyskusjach publicznych. Są to: przemoc, polaryzacja, nienawiść, nietolerancja, uprzedzenia, inność. Są one obszarami, w których wykorzystuje się język w sposób niezgodny z normami etycznymi i moralnymi.

Słowa kluczowe: etyka; inność; moralność; nietolerancja; nienawiść polaryzacja; przemoc; uprzedzenia

Motivations of Immoral Actions (on the Example of Understanding the Concept of Discrimination in Public Discussions)

Abstract

The aim of the article is to present the motivations of immoral actions that are present in public discussions. These are: violence, polarization, hatred, intolerance, prejudice, otherness. They are areas where language is used in a way that is incompatible with ethical and moral standards.

Key words: ethics; otherness; morality; intolerance; hatred polarization; violence; prejudice

Celem artykułu jest przedstawienie powodów, dla których dyskusje o *dyskryminacji* są ważne dla użytkowników języka.

Rozważania na ten temat wybuchają stosunkowo często po ujawnieniu jakiegoś czynu sprzecznego z moralnością społeczną¹. Konteksty dyskusji na ten temat ujawniają związki dyskryminacji z innymi postawami, w których należy wziąć pod uwagę motywacje postępowania ocenianego pod względem moralnym. Charakter motywacji jest istotny, bo wskazuje na związki dyskryminacji z innymi antywartościami. Dyskusje publiczne² pokazują, które ze

¹ Na ten temat por. CEGIEŁA, Anna: *Moralność w perspektywie słownika i wypowiedzi. Studium z zakresu leksykologii i pragmatyki językowej*. Warszawa: Wydział Polonistyki Uniwersytetu Warszawskiego, 2011, s. 98–144.

² Na potrzeby tego tekstu wzięłam pod uwagę dyskusje publiczne dotyczące dyskryminacji (ze względu na płeć, wiek, niepełnosprawność, rasę, religię, narodowość, przekonania polityczne,

znaczeń dyskryminacji są istotne w rozumieniu mówiących, jak oceniają oni jej wyrazistość i aktualność w przestrzeni publicznej, jakie są tendencje w myśleniu o dyskryminacji i jakie znaczenie nadaje się jej w kontekście określonych dyskusji. Spory publiczne nadały ważność rozumieniu dyskryminacji z zakresu wiedzy społecznej o moralności. Ujawniły one, że dyskryminacja wiąże się z procesem oceniania działalności i ludzkiego postępowania.

Trzeba zaznaczyć, że użytkownicy języka nie unikają słowa *dyskryminacja*, a przywołując je, wiedzą, o czym mówią. Dotyczy ono zarówno reguł, jak i zasad postępowania odnoszących się do konkretnych przejawów niemoralności lub braku moralności. Wskazuje również na skutki łamania zasad moralnych oraz na ocenę tych zjawisk, w których zostały przekroczone standardy moralne. Użytkownicy języka domagają się ochrony przez dyskryminacją w życiu społecznym, akceptowania i przestrzegania zasad moralnych za pomocą prawa, które jest bardziej skuteczne niż artykułowanie ocen etycznych, mówienie o wartościach i powinnościach moralnych.

Dyskusje publiczne utrwalają, czym dla użytkowników języka jest dyskryminacja, jakie ma dla nich znaczenie, jak ją odczuwają, co o niej sądzą. Opis pragmatyczny jest szerszy niż opis leksykograficzny, ponieważ wzbogaca wiedzę o dyskryminacji, która jest istotna dla moralności społecznej. Uszczegóławia (dopełnia) on również definicję słownikową, bo wskazuje na konceptualizację tego pojęcia, a nie tylko na systematyczny opis jego struktury semantycznej. Na podstawie dyskusji publicznych wybrałam te aspekty znaczeniowe, które wydają się być pierwszorzędne w myśleniu o dyskryminacji. Przyjęłam, że jeśli w określonej dyskusji pojęcie charakteryzujące dyskryminację pojawi się więcej niż 10 razy, zostanie uznane za istotne dla myślenia o nim. Są to: *przemoc, polaryzacja, nienawiść, nietolerancja, uprzedzenia, inność*.

Problem dyskryminacji wiąże się z normami etycznego wykorzystania języka, które pozwalają na kooperację, czyli na odpowiedzialne używanie języka³ w przeciwieństwie do upowszechniających się nieetycznych zabiegów

przynależność związkową, pochodzenie etniczne, wyznanie, orientację seksualną, zatrudnienie na czas określony lub nieokreślony, zatrudnienie w pełnym lub w niepełnym wymiarze czasu pracy), które toczyły się w przekazach telewizyjnych.

³ Por. PAJDZIŃSKA, Anna, PUZYŃNINA Jadwiga: *Etyka słowa*. In: O zagrożeniach i bogactwie polszczyzny. Forum Kultury Słowa. MIODEK, Jan (ed.). Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 1995, s. 35–45; TISCHNER, Józef: *Myślenie według wartości*. Kraków: Wydawnictwo PWN, 1993, s. 189–190; LEVINAS, Emmanuel: *Całość i nieskończoność. Esej o zewnętrzności*. Warszawa: Wydawnictwo PWN, 2002; CEGIEŁA, Anna: *Słowa i ludzie. Wprowadzenie do etyki słowa*. Warszawa: Elipsa. Dom wydawniczy, 2014, s. 49–50.

o charakterze redukcyjnym: etykietowania, stygmatyzacji, stereotypizacji, dehumanizacji i depersonifikacji⁴.

Dyskryminacja

W definicji słownikowej czytamy, że *dyskryminacja* to

„długotrwałe działanie stosowane względem grup społecznych, osób, organizacji itp., polegające na odmiennym (gorszym) traktowaniu mimo znajdowania się w podobnej (takiej samej) sytuacji”.

Art. 32 ust. 2 Konstytucji RP stanowi: „Nikt nie może być dyskryminowany w życiu politycznym, społecznym lub gospodarczym z jakiegokolwiek przyczyny”. Często używa się pojęcia dyskryminacji na oznaczenie innych, wysoce nagannych postępowań w zachowaniach społecznych, np. lobbingu, czy molestowania (psychicznego seksualnego). W odczuciu społecznym mało trafnie, „po imieniu” i dosadnie odnosi się pojęcie dyskryminacji do zachowań poszczególnych osób względem siebie. Społeczeństwo wyraźnie sygnalizuje, że nie wolno pod pozorem walki z dyskryminacją godzić w autonomię osoby. Każdy ma obowiązek szanowania innych osób i okazywania im respektu. Dyskryminacja we właściwym znaczeniu tego słowa to zjawisko ze sfery życia publicznego, a narzędziem dyskryminacji jest prawo. Z dyskryminacją mamy do czynienia wówczas, gdy państwo stosuje ograniczenia prawne względem pewnej grupy własnych obywateli. Dzieje się tak zwłaszcza wtedy, gdy sprawującym władzę przyświecają zamysły sięgające dalej niż ochrona praw obywateli i zabezpieczenie ich pokojowego współżycia. Każdy przypadek przemocy i dyskryminacji, niezależnie przeciwko komu skierowany, należy potępić. Tragiczna specyfika przemocy polega na tym, że jest ona skierowana przeciwko komuś słabszemu. Warto przypomnieć, że dyskryminacja, która wielokrotnie staje się punktem wyjścia do przemocy, jest zakazana zarówno na mocy prawa krajowego, jak i europejskiego. Dyskryminacja to nie tylko bicie, gwałt. To także unieważniające słowa, wrogie gesty, kpiny w stosunku do kobiet, osób LGBT, niepełnosprawnych cudzoziemcach, szczególnie tych o odmiennym kolorze skóry.

Dyskryminacja stała się synonimem wzajemnego odczuwania lęku, braku szacunku i rozmowy⁵.

⁴ Por. CEGIEŁA, Anna: *Słowa i ludzie. Wprowadzenie do etyki słowa*. Warszawa: Elipsa. Dom Wydawniczy, 2014, s. 67–87.

⁵ Świadczą o tym przykładowe sformułowania, które pojawiły się w dyskusjach publicznych na tematy będące źródłem dyskryminacji: Nie ma wolności. Wielomiesięczna batalia. Rugowanie.

Warto wspomnieć o niemożliwym już nieco pojęciu poprawności politycznej, której pozytywną stroną jest niewątpliwie alarmowanie o słowach, które mogą stygmatyzować ludzi⁶. Edukacja i powielanie pozytywnych standardów w mediach przynoszą efekty, a to przenosi się na przeciwdziałanie przemocy. Bez zaangażowania w rugowanie z przestrzeni publicznej przemocy słownej wiele się nie zmieni. Warto doceniać tych polityków, którzy mimo bardzo określonych poglądów zachowują klasę, nie dyskredytują innych punktów widzenia, ale merytorycznie argumentują swoje racje⁷. Nie bez znaczenia jest również kultura dyskusji (debaty), argumentowania, prezentacji poglądów, otwierania się na różne punkty widzenia, gdzie nie ma przestrzeni na agresję, ale jest na różne opinie i poglądy.

W sferze języka widać przejawy dyskryminacji, która przejawia się w lepszym postrzeganiu niektórych określeń, np. zamiast „wiara” wypada powiedzieć „przekonania religijne”, zamiast „wierzący” – „wyznawca, zwolennik” (katolicyzmu, chrześcijaństwa). Nie „żona”, „narzeczona”, „kochanka”, ale „partner”. Nie „miłość bliźniego”, lecz „altruizm” czy „humanizm”. Człowiek „otwarty” – znaczy laicki, „doktryner” – katolik. Dyskryminujący jest panujący stereotyp: „człowiek niewierzący” – „niemoralny”.

Układ. Zagwarantował przejęcie. Strzeże monopolu. Chaos medialny. Zjawisko groźne. Systematycznie i perfekcyjnie okłamywany. Zabawa w tolerowanie. Skończyć się katastrofą. Paść ofiarą. Reglamentowany dostęp do prawdy. Technika w działaniach propagandowych. Mętna woda. Sprzeciw wobec wykluczania. Działania manipulatorskie. Odebranie prawa głosu. Zlekceważeni. Permanentnie atakowane i poniżane. Negatywna atmosfera. Rozniecic wrogi stosunek. Sączone niechęć, szyderstwo i różne odcienie pogardy. Laickie i libertyńskie. Nieukrywana nienawiść. Negatywnie wpływają i osłabiają. Zbiorowa iluzja. Poniewieranie i dyskryminowanie. Znieważanie. Recydywa. Poniżać ludzi. Ośmieszać wartości. Profanować symbole. Urządzać nagonkę. Poniżać miliony. Zamykać usta. Prześladować. Służyć rozbijaniu. Wyłączyć z życia społecznego. Nie reagować na ekscesy. Profanacje krzyża. Faryzeizm. Słowa obelżywe. Znieważony krzyż. Świętości znieważone. Postawa Piłata. Głos dyskryminowanych. Zapędzić do getta. Homoterroryzm. W natarciu. Podporządkowanie. Kolaborant lobby homoseksualnego. Pozbawiane możliwości. Nierówność i wykluczanie. Krzywdzeni. Faza homoterroryzmu. Homoseksualni demoralizatorzy. Obrona przed krzywdą.

⁶ CEGIEŁA, Anna: *Nieetyczne zabiegi o charakterze redukującym*. In: Etyka słowa. Wybór opracowań I. BARTMIŃSKI, Jerzy, NIEBRZEGOWSKA-BARTMIŃSKA Stanisława, NOWOSAD-BAKALARCZYK, Marta, PUZYŃNINA, Jadwiga (eds). Lublin: Wydawnictwo UMCS, 2017, s. 277–297; ZDUNKIEWICZ-JEDYNAK, Dorota: *Językowy obraz poprawności politycznej a kultura języka*. In: *Polskie dźwięki, polskie słowa, polska gramatyka (system – teksty – norma – kodyfikacja)*. PĘDZICH, Barbara, ZDUNKIEWICZ-JEDYNAK, Dorota (eds). Warszawa: Wydział Polonistyki UW, 2011, s. 61–74.

⁷ Por. KARWAT, Mirosław: *O złośliwej dyskredytacji. Manipulowanie wizerunkiem przeciwnika*. Warszawa: Wydawnictwo PWN, 2006.

Przemoc

Synonimem dyskryminacji jest przemoc słowna, a w szczególności intensywne afekty, szantaż moralny. Zaczyna się ona od języka dehumanizującego, od pomniejszania człowieczeństwa⁸. Język tworzy rzeczywistość. Jak coś zostanie nazwane, takie będą konsekwencje. Dla swoich interpretacji dyskutujący wybierają słowa, które krzyczą, uruchamiają instynkty, strach, agresję albo takie, które poruszają uczucia wysokie i szlachetne⁹. Język pozbawiony wszelkiej kontroli staje się „przestrzenią zła”, bezlitośnie niszczy wizerunek człowieka, przyczynia się do polaryzacji społeczeństwa¹⁰.

Stosunkowo często w bulwersujących opinię publiczną dyskusjach przemoc przejawia się zacieklą rywalizacją na słowa, złoszczeniem, wciekaniem się, schodzeniem do poziomu walki, która dyskutującym nic nie da, z wyjątkiem tego, że poczują się zmęczeni i okopią się w swoich przekonaniach¹¹.

O przemocy, która dyskryminuje, mówi się o niej tam, gdzie pojawił się kryzys konstruktywnej komunikacji (merytorycznej rozmowy) przejawiający się blokowaniem rozmów, dławieniem dyskusji w odniesieniu do kwestii, co do których jest ona pierwszorzędnie potrzebna. Przykładem może być fala oburzenia i hejtu, która pojawiała się w mediach społecznościowych po niekompetentnych wypowiedziach Beaty Pawlikowskiej na temat depresji¹². Sednem jest nie to, co B. Pawlikowska powiedziała, ale właśnie to, co się przy okazji tej wypowiedzi wydarzyło: fala oburzenia i hejtu zamiast debaty,

⁸ JADACKI, Jacek, Juliusz: *Zły język*. In: Etyka międzyludzkiej komunikacji. PUZYNNINA Jadwiga (ed.). Warszawa: Wydawnictwo Semper, 1993, s. 33–38.

⁹ Por. BUTLER, Judith: *Walczące słowa. Mowa nienawiści i polityka performatywu*. Warszawa: Wydawnictwo Krytyki Politycznej, 2010; GAJDA, Stanisław: *Agresja językowa w stosunkach międzyludzkich*. In: Etyka słowa. Wybór opracowań I. BARTMIŃSKI, Jerzy, NIEBRZEGOWSKA-BARTMIŃSKA Stanisława, NOWOSAD-BAKALARCZYK, Marta, PUZYNNINA, Jadwiga (eds). Lublin: Wydawnictwo UMCS, 2017, s. 217–224; LASKOWSKA, Elżbieta: *Agresja językowa jako problem moralny*. In: Etyka słowa. Wybór opracowań I. BARTMIŃSKI, Jerzy, NIEBRZEGOWSKA-BARTMIŃSKA Stanisława, NOWOSAD-BAKALARCZYK, Marta, PUZYNNINA, Jadwiga (eds). Lublin: Wydawnictwo UMCS, 2017, s. 245–251.

¹⁰ EVANS, Patricia: *Toksyczne słowa. Słowna agresja w związkach*. Warszawa: Jacek Santorski & Co, 1996.

¹¹ Por. BRALCZYK, Jerzy: *Brutalizacja życia publicznego*. [online]. [cit. 2023-03-08]. <http://www.etykaslowa.edu.pl/wp-content/uploads/2016/03/BRUTALIZACJA-JĘZYKA-PUBLICZNEGO.pdf>; BRALCZYK, Jerzy: *Scena walk*. [online]. [cit. 2023-03-08]. <http://www.etykaslowa.edu.pl/wp-content/uploads/2016/03/Scena-walki.pdf>.

¹² WITOSZ, Barbara: *O dyskursie wykluczenia i dyskursach wykluczonych z perspektywy lingwistycznej*. In: Etyka słowa. Wybór opracowań I. BARTMIŃSKI, Jerzy, NIEBRZEGOWSKA-BARTMIŃSKA Stanisława, NOWOSAD-BAKALARCZYK, Marta, PUZYNNINA, Jadwiga (eds). Lublin: Wydawnictwo UMCS, 2017, s. 181–197.

żywiłowa obrona rzekomej ortodoksji przed herezją zamiast rzeczowej analizy, co właściwie było w tej sytuacji najbardziej pożądane.

W debatach publicznych przemoc słowna jest druzgocąca – użytkownicy języka nie są w stanie ze sobą normalnie rozmawiać jakby żyli w innych światach. Nie szukają sposobów do częściowego choćby uzgadniania opisów rzeczywistości ani przekonań, co do których panuje zgoda. Nie próbują ustalać narzędzi sprzyjających poznawaniu świata i siebie, umożliwiającymi dyskusję nad konsekwencjami z takiego poznania wynikającymi. W efekcie taka forma przemocy prowadzi do braku negocjacji, do której świadomości i dojrzałości, by dostrzec złożoność różnych sytuacji.

Dyktaturę emocjonalnych odruchów wzmacnia sposób, w jaki prowadzone są spory publiczne¹³. Coraz szersze jest przyzwolenie na używanie w codziennych rozmowach, a nawet w przekazie medialnym negatywnych etykiet takich jak „mohery”, „plafusy”, „totalna opozycja”, „pisiory” i wiele znacznie dosadniejszych¹⁴. Dehumanizują one politycznych przeciwników, podporządkowując ich ocenę wyłącznie reakcji emocjonalnej. Na podobnym mechanizmie bazują emocjonalne manipulacje w rodzaju publikowania niekorzystnych, wykrzywionych grymasem zdjęć politycznych przeciwników lub czysto emocjonalnego zestawiania haseł bez wykazania związku przyczynowo-skutkowego.

Polaryzacja (rozdzielanie)

Kolejnym określeniem na dyskryminację w przestrzeni publicznej jest polaryzacja (rozdzielanie), która przestała już być czymś wstydlivym i powszechnie potępianym. Jest to silny grzech społeczny. Polega on na podziale na wrogie obozy za pomocą etykietowania, których nic już nie łączy. W polaryzacji istotnym problemem nie są racje, ale sposób komunikowania („dewaluacja politycznych argumentów”; „totalna wojna” z „totalną opozycją”), który sięga po niedozwolone środki językowe. W ten sposób wzmacnia się niedemokratyczną kulturę wypowiedzi.

W tej formie dyskryminacji dominuje zasada: „kto nie z nami, ten przeciw nam”. Dialog, debatę, a nawet zapoznanie się z opinią przeciwników postrzega się jako zdradę, uległość, kunktatorstwo. Nie ma miejsca dla niezdecydowanych, niezabierających głosu czy nawet umiarkowanych. Ich

¹³ PUZYNNINA, Jadwiga: *Mowa nienawiści – a etyka słowa ZES*. [online]. [cit. 2023-03-08]. <http://www.etyka.slowa.edu.pl/wp-content/uploads/2016/05/Mowa-nienawiści-a-etyka-słowa.pdf>.

¹⁴ KOCHAN, Marek: „Przyklejanie etykietek”, czyli o negatywnym określaniu przeciwnika. In: *Język a kultura, t. II: Język polityki a współczesna kultura polityczna*. ANUSIEWICZ, Janusz, SICIŃSKI, Bogdan (eds). Wrocław: Wydawnictwo UW, 1994.

miejsce w debacie publicznej zajmują „osoby środka”, czyli ci, których oskarża się o próbę zrównania dwóch niemożliwych do pogodzenia stanowisk. Polaryzacja to podstępna choroba, cichy zabójca dobrych relacji międzyludzkich, niszczyciel dialogu i porozumienia się stron uczestniczących w sporze¹⁵. Dyskusje publiczne pokazują, że polaryzację widzi się u przeciwnika, nigdy u siebie samych. Rozdzielone strony wikłają się w niekontrolowane formy podziału, które się zaostrzają, wchodzą w fazę radykalizacji poprzez stosowanie manipulacji, gry na emocjach, sięganie po „klikalne” nagłówki, przyciągające wzrok okładki, szokujące treści, bardziej oszczercze fake newsy i uderzenia „z liścia” politycznym przeciwnikom. Takie formy działania zostają usprawiedliwione wyższą koniecznością, a wszystko ma na celu pokonanie znieadowolonego przeciwnika¹⁶. Co więcej, polaryzacja żywi się dyktaturą emocji, silnym zakorzeniem emocjonalnym. Rozpiętość emocjonalnych odruchów dotycząca konkretnych uprzedzeń jest miernikiem stopnia emocjonalnego zaangażowania w rozdzielanie się stron sporu. Narastającej polaryzacji sprzyja radykalizacja języka, zalew fałszywych wiadomości, płatnych trolli i botów powielających propagandowe przekazy jest ściśle powiązany z narastającą polaryzacją.

Polaryzację pogłębia niechęć do spotkania z innością¹⁷. Dialogu przestał być wartością. Rozmowa z drugą stroną, które wyznaje odmienne poglądy, jest postrzegana jako nieprzyjemna, zakłócająca dotychczasowy światopogląd czy system wartości, a nawet jako zdrada ideałów.

Nienawiść

Jest ona silnie utożsamiana z dyskryminacją. Mówi się o niej jako o symptomie głębszych schorzeń, które toczą polskie życie publiczne. Zabiera ona przestrzeń na dyskusje na argumenty. Usuwa przeciwnika (innego, odmiennego) poza jej przestrzeń i odmawia mu prawa udziału w rozmowie¹⁸. Sięga się po nią

¹⁵ PUZYNNINA, Jadwiga: *Język porozumienia, język agresji, język alienacji*. In: Etyka słowa. Wybór opracowań I. BARTMIŃSKI, Jerzy, NIEBRZEGOWSKA-BARTMIŃSKA Stanisława, NOWOSAD-BAKALARCYK, Marta, PUZYNNINA, Jadwiga (eds). Lublin: Wydawnictwo UMCS, 2017, s. 157–161.

¹⁶ Por. GRZEGORCZYKOWA, Renata: *O działaniach zamierzonych i mimowolnych*. In: Words are physicians for an ailing mind. Sagner Slavistische Sammlung, Band 17. GROCHOWSKI, Maciej, WEISS, Daniel (eds). München: Verlag Otto Sagner, 1991.

¹⁷ CEGIEŁA, Anna: *Ku drugiemu człowiekowi*. In: Etyka słowa. Wybór opracowań I. BARTMIŃSKI, Jerzy, NIEBRZEGOWSKA-BARTMIŃSKA Stanisława, NOWOSAD-BAKALARCYK, Marta, PUZYNNINA, Jadwiga (eds). Lublin: Wydawnictwo UMCS, 2017, s. 51–65.

¹⁸ BRALCZYK, Jerzy, *Nienawiść*. [online]. [cit. 2023-03-08]. <http://www.etykaslowa.edu.pl/wp-content/uploads/2016/03/NIENAWIŚĆ.pdf>.

w brutalnej walce o przetrwanie w sporach publicznych, w których nie ma odwołania do intelektualnej jakości argumentów¹⁹, a jedynie do skutecznej kampanii prowadzonej w sposób nieczysty i niemoralny.

Nienawiść²⁰ jest nie tylko narzędziem ataku na przeciwnika, ale staje się narzędziem jego likwidacji z przestrzeni społecznej (publicznej)²¹. Nienawistne ataki ad personam są moralnie naganne, ponieważ totalnie poniżają człowieka i wykluczają go z życia społecznego jako niegodnego. Wypowiedź nie może nie może naruszać godności ludzkiej, zawierać treści dyskryminujących ze względu na rasę, płeć, narodowość, pochodzenie etniczne, wyznanie lub światopogląd, niepełnosprawność, wiek czy orientację seksualną, ranić przekonania religijnych lub politycznych²².

Warto zaznaczyć, że czym innym jest przestępstwo z nienawiści, takie, które odnosi się do określonej grupy społecznej – stygmatyzowanej, dyskryminowanej i wykluczanej z powodu odmienności, czym innym – przekroczenie granic krytyki danej osoby.

Nietolerancja

Kolejnym aspektem rozumienia dyskryminacji w dyskusjach publicznych jest nietolerancja rozumiana jako narzucanie swojego punktu widzenia, niezgoda na ocenianie zjawisko przejawiająca się w braku poszanowania prawa innych do odmienności. Znajduje ona wyraz w narzucaniu swego punktu widzenia, potępianiu, stosowaniu jakichś ograniczeń, sankcji, przymusu, negatywnych ocen wobec inności, przy czym ta inność podlega ocenom moralnym. Z tym zjawiskiem wiąże się problem, w jaki sposób kształtować postawy wobec innego, przyzwyczaić społeczeństwo do odmienności i w ten sposób znormalizować tą inność.

W przestrzeni publicznej są słowa²³, które kojarzą się z podziałami i antagonizmami. To m.in. sprawa tolerancji. Tolerancja nie oznacza obojętności, która

¹⁹ GŁOWIŃSKI, Michał: *Retoryka nienawiści*. In: Etyka słowa. Wybór opracowań I. BARTMIŃSKI, Jerzy, NIEBRZEGOWSKA-BARTMIŃSKA Stanisława, NOWOSAD-BAKALARCZYK, Marta, PUZYNIŃA, Jadwiga (eds). Lublin: Wydawnictwo UMCS, 2017, s. 147–155.

²⁰ GŁOWIŃSKI, Michał: *Nowomowa i ciągi dalsze. Szkice dawne i nowe*. Kraków: Universitas, 2009.

²¹ CEGIEŁA, Anna: *Czym jest mowa nienawiści?* Poradnik Językowy, 2014, z. 1, s. 60–70.

²² Por. PAWŁOWSKA, RENATA: *Język rani i obraża*. Język–Szkola–Religia, 6, 2011, s. 264–268.

²³ Np.: aborcjoniści, antyklerykał, Ciemnogród, dziennikarz lewicowy, dziennikarza prawicowy, feministka, hetero normatywny, homoseksualista, kaczym, katol, katolik, klerykał, komuch, konserwatysta, lewactwo, lewica, lewicowiec, liberał, moher, narodowiec, obrońcy życia, oszołom, peowiec, pisowiec, platformersi, postkomunista, prawica, wywrotowiec, Żyd. Por.: GROCHOWSKI, Maciej: *Zarys analizy semantycznej grupy jednostek wyrażających negatywne etyczne relacje osobowe (kpina, zniewaga, upokorzenie)*. Polonica III, 1982, s. 57–72.

otwiera przestrzeń dla fanatyków. Nie oznacza także rezygnacji z własnych poglądów – a jedynie zgodę na to, że ktoś może mieć poglądy inne i że choć są one inne, to są zarazem godne uwagi. Nietolerancja zwykle rodzi się ze strachu.

Nietolerancja wyzwala antywartości, które pognębiają drugiego/innego – agresję, nienawiść, ocenianie innych, rezygnację z uczciwego dialogu, narzucanie prawd i słuszności. Z kolei takie zachowania domagają się poskromienia pragnienia dominowania nad innymi, narzucania im własnych przekonań, protekcjonalizmu. Dyskryminacja sprowokowała dyskusję o poszanowaniu jako moralnym obowiązku, uznaniu podmiotowości i autonomii nawet tych, których się nie szanuje. W kontekście nietolerancji apeluje się o rozwagę i odpowiedzialność przestrzeganie praw człowieka wszystkich obywateli, także tych, którzy z jakiegokolwiek powodu tworzą mniejszości społeczne.

Upředzenia

Upředzenia obejmują ważne kwestie społeczne – stereotypy i gotowy model fobii, które są budowane na zafalszowanym obrazie²⁴. Koncentrują się wokół dwóch opozycji: naturalność – nienaturalność, normalność – nienormalność. Komunikaty emocjonalne są nośne: lęk czy obrzydzenie sprzedają się lepiej niż przekaz wyważony i zniuansowany, rzetelny, wymagający czasu, weryfikujący fakty. Sposób przedstawiania określonych wydarzeń jest zależny od nastrojów społecznych. Tworząc lękowe komunikaty, można sprzedać właściwie każdą informację. Są łatwiej przyjmowane przez odbiorców wtedy, gdy nie mają oni bliższego kontaktu z problemem (por. „wdrukowany” medialny wizerunek uchodźców jako napastników czy gwałcicieli; islamofobia; propaganda antyuchodźcza, mówiąca o „pasożytach”, którymi mogą nas zarażać imigranci²⁵). Język lęku i obrzydzenia powodował konkretne szkody – mentalność ksenofobiczną, mentalność zamknięcia i skupienia się na sobie. Kojarzenie grupy ludzi z zagrożeniem musi u części odbiorców generować niechęć, osłabić empatię i pomoc. Do przekazów medialnych najsilniej przebijają się stwierdzenia najbardziej emocjonalne czy wręcz obraźliwe²⁶.

²⁴ KOFTA, Mirosław: *Jak używamy stereotypów*. Studia Psychologiczne, t. XXXVIII. Warszawa 2000, s. 11–132.

²⁵ KACZOR, Monika: *Krótko, ostro, do słuchu. Język współczesnych sporów publicznych (na przykładzie dyskusji o uchodźcach i migrantach w „Tygodniku Powszechnym”)*. In: Aksjologiczne aspekty komunikacji. Materiały z Forum Etyki Słowa. BENENOWSKA, Iwona, LASKOWSKA, Elżbieta, MORZYŃSKA-WRZOSEK, Beata (eds). Bydgoszcz: Wydawnictwo UKW, 2019, s. 81–98.

²⁶ Por. MOSIOŁEK-KŁOSIŃSKA, Katarzyna: *Wugaryzacja języka w mediach*. In: *Język w mediach masowych*. BRALCZYK, Jerzy, MOSIOŁEK-KŁOSIŃSKA, Katarzyna (eds). Warszawa: Wydawnictwo Upowszechniania Nauki, 2000, s. 112–119.

Dyskutujący uznali, że użycie przez oponentów niegodziwych argumentów całkowicie usprawiedliwia używanie niegodziwych argumentów przeciw nim.

Spory publiczne dowiodły, że w kwestii uprzedzeń rodzi się potrzeba zmiany społecznej w postrzeganiu obcego (innego). Nie mogą oni być widziani jako zagrożenie, ale powinni być postrzegani jako ludzie, których należy przyjąć z miłością i szacunkiem należnym każdemu człowiekowi. W tej kwestii dyskutujący uznali, że jest potrzeba zbudowania dobrych relacji międzyludzkich, uczciwego dialogu międzyreligijnego i międzykulturowego, pomagająca niwelować lęki, uprzedzenia i dostrzegać potencjał w relacjach z wykluczonymi, odrzucanymi lub pomijanymi²⁷. Dialog wymaga zbliżenia się do siebie różnych opinii. To sprawdzian ze skuteczności społecznej.

Inność

Spory publiczne potwierdzają, że inność jest utożsamiana z dyskryminacją. Język, jakim się mówi o odmienności, jest uzależniony od preferencji dyskutujących, bo inność przestała być ciekawością, a stała się realnym zagrożeniem i przerodziła się w konflikt, wrogość. Stosunkowo często dyskutujący całkowicie odcinają się od inności, „zabetonowują umysł”.

Konflikty dotyczące dyskryminacji zaostrzają się w wyniku nierozszczelniania myślenia i niebudowania pomostów komunikacyjnych z innością. Unika się zderzenia utrwalonego sposobu myślenia z czymś wobec niego innym (przeciwstawnym). Nie dopuszcza się do siebie refleksji na temat inności, co w efekcie dałoby możliwość innego myślenia o świecie, rzeczywistości na wszystkich jej poziomach: kulturowym, społecznym, politycznym, ekonomicznym. Ostrość prowadzonych sporów pozwala stwierdzić, że inność można zmienić w „gościnność”, poszerzając granice języka na temat tego, co nieznanne. Nie pracując nad językiem komunikacji z innością, społeczeństwo odgradza się od drugiego (obcego) i nie niweluje blokad językowych między sobą.

Zwraca się uwagę również na trud rozumienia, dostrzeżenia innego sposobu rozumienia świata, ponazywania go tak, aby nie był zbyt hermetyczny. Brakuje w dyskusjach delikatności i stosowności językowej, które pomogłyby znaleźć słowach przybliżenie tego, co odmienne. Wysiłek rozumienia inności polega na stosowaniu odpowiednich słów, uczciwym interpretowaniu pojedynczych elementów, całych myśli, poglądów, na oddaniu szacunku słowom, które należą do świata inności. W ten sposób można tę inność uplastyczyć i zobaczyć, ponieważ słowa żyją w swoich kontekstach i gdy są wypowiedzane, uruchamia

²⁷ CEGIEŁA, Anna: *O retoryce pogardy i wykluczenia w polskim dyskursie publicznym*. Poradnik Językowy, 2012, z. 9, s. 14–25

się cały kontekst. Język jest narzędziem budującym i wspierającym relacje międzyludzkie.

Dyskusje potwierdzają, że zanikła gdzieś ważna cnota tolerancji na inność, czyli dostrzeżenia wartości w tym, że w bezpośrednim otoczeniu istnieją ludzie, którzy widzą wiele spraw zupełnie inaczej niż my i próbują nam wyjaśnić tę inną, odmienną perspektywę.

Podsumowanie

W opinii użytkowników języka takie pola znaczeniowe, jak: *przemoc, polaryzacja, nienawiść, nietolerancja, uprzedzenia, inność* są istotne dla ustalenia znaczenia *dyskryminacji*, która na tym poziomie dyskusji jest walką o godność osoby ludzkiej oraz stosowania się do zasad i norm postępowania opartych na wartościach.

Obserwowane dyskusje publiczne nadały ważność rozumieniu dyskryminacji jako postępowania wbrew wartościom i zasadom uniemożliwiającym kooperację w ramach szeroko rozumianej wspólnoty, która kształtuje normy i je egzekwuje. Przekraczanie moralnie i społecznie ważnych zasad jest centralnym punktem wszystkich sporów oceniających czyjaś działalność, postępowanie, zachowanie, czyny. Istotne jest to, że użytkownicy języka traktują dyskryminację jako element wiedzy społecznej o moralności.

Język ukazuje dyskryminację jako przejaw urzeczywistniania się naszego człowieczeństwa jako wartości, którą społeczeństwo chce chronić. W mówieniu o niej bierze się pod uwagę normy społeczne, uniwersalne, powszechnie znane, które mają charakter powinnościowy i imperatywny, i oceny postępowania. Kładzie się nacisk na (nie)moralne zachowania i (nie)moralne postępowania. Przeżywa się działanie człowieka, które skutkuje procesem stawania się człowiekiem (nie)moralnym i dotyczy to zarówno własnej moralności, jaki moralności drugiego człowieka.

Bibliografia – References:

- BRALCZYK, Jerzy: *Brutalizacja życia publicznego*. [online]. [cit. 2023-03-08]. <http://www.etykaslowa.edu.pl/wp-content/uploads/2016/03/BRUTALIZACJA-JĘZYKA-PUBLICZNEGO.pdf>.
- BRALCZYK, Jerzy: *Scena walk*. [online]. [cit. 2023-03-08]. <http://www.etykaslowa.edu.pl/wp-content/uploads/2016/03/Scena-walki.pdf>.
- BRALCZYK, Jerzy, *Nienawiść*. [online]. [cit. 2023-03-08]. <http://www.etykaslowa.edu.pl/wp-content/uploads/2016/03/NIENAWIŚĆ.pdf>.

- BUTLER, Judith: *Walczące słowa. Mowa nienawiści i polityka performatywu*. Warszawa: Wydawnictwo Krytyki Politycznej, 2010.
- CEGIEŁA, Anna: *Nieetyczne zabiegi o charakterze redukującym*. In: *Etyka słowa. Wybór opracowań* I. BARTMIŃSKI, Jerzy, NIEBRZEGOWSKA-BARTMIŃSKA Stanisława, NOWOSAD-BAKALARCZYK, Marta, PUZYNNINA, Jadwiga (eds). Lublin: Wydawnictwo UMCS, 2017, s. 277–297.
- CEGIEŁA, Anna: *Słowa i ludzie. Wprowadzenie do etyki słowa*. Warszawa. Elipsa. Dom Wydawniczy, 2014, s. 67–87.
- CEGIEŁA, Anna: *Czym jest mowa nienawiści?* *Poradnik Językowy*, 2014, z. 1, s. 60–70.
- CEGIEŁA, Anna: *Ku drugiemu człowiekowi*. In: *Etyka słowa. Wybór opracowań* I. BARTMIŃSKI, Jerzy, NIEBRZEGOWSKA-BARTMIŃSKA Stanisława, NOWOSAD-BAKALARCZYK, Marta, PUZYNNINA, Jadwiga (eds). Lublin: Wydawnictwo UMCS, 2017, s. 51–65.
- CEGIEŁA, Anna: *Moralność w perspektywie słownika i wypowiedzi. Studium z zakresu leksykologii i pragmatyki językowej*. Warszawa: Wydział Polonistyki Uniwersytetu Warszawskiego, 2011, s. 98–144.
- CEGIEŁA, Anna: *O retoryce pogardy i wykluczenia w polskim dyskursie publicznym*. *Poradnik Językowy*, 2012, z. 9, s. 14–25.
- CEGIEŁA, Anna: *Słowa i ludzie. Wprowadzenie do etyki słowa*. Warszawa: Elipsa. Dom wydawniczy, 2014, s. 49–50.
- EVANS, Patricia: *Toksyczne słowa. Słowna agresja w związkach*. Warszawa: Jacek Santorski & Co, 1996.
- GAJDA, Stanisław: *Agresja językowa w stosunkach międzyludzkich*. In: *Etyka słowa. Wybór opracowań* I. BARTMIŃSKI, Jerzy, NIEBRZEGOWSKA-BARTMIŃSKA Stanisława, NOWOSAD-BAKALARCZYK, Marta, PUZYNNINA, Jadwiga (eds). Lublin: Wydawnictwo UMCS, 2017, s. 217–224.
- GŁOWIŃSKI, Michał: *Nowomowa i ciągi dalsze. Szkice dawne i nowe*. Kraków: Universitas, 2009.
- GŁOWIŃSKI, Michał: *Retoryka nienawiści*. In: *Etyka słowa. Wybór opracowań* I. BARTMIŃSKI, Jerzy, NIEBRZEGOWSKA-BARTMIŃSKA Stanisława, NOWOSAD-BAKALARCZYK, Marta, PUZYNNINA, Jadwiga (eds). Lublin: Wydawnictwo UMCS 2017, s. 147–155.
- GROCHOWSKI, Maciej: *Zarys analizy semantycznej grupy jednostek wyrażających negatywne etyczne relacje osobowe (kpina, zniewaga, upokorzenie)*. *Polonica III*, 1982, s. 57–72.
- GRZEGORCZYKOWA, Renata: *O działaniach zamierzonych i mimowolnych*. In: *Words are physicians for an ailing mind*. *Sagner Slavistische Sammlung*,

- Band 17. GROCHOWSKI, Maciej, WEISS, Daniel (eds). München: Verlag Otto Sagner, 1991.
- JADACKI, Jacek Juliusz: *Zły język*. In: Etyka międzyludzkiej komunikacji. PUZYNNINA, Jadwiga (ed.). Warszawa: Wydawnictwo Semper, 1993, s. 33–38.
- KACZOR, Monika: *Krótko, ostro, do słuchu. Język współczesnych sporów publicznych (na przykładzie dyskusji o uchodźcach i migrantach w „Tygodniku Powszechnym”)*. In: Aksjologiczne aspekty komunikacji. Materiały z Forum Etyki Słowa. BENENOWSKA, Iwona, LASKOWSKA, Elżbieta, MORZYŃSKA-WRZOSEK, Beata (eds). Bydgoszcz: Wydawnictwo UKW, 2019, s. 81–98.
- KARWAT, Mirosław: *O złośliwej dyskredytacji. Manipulowanie wizerunkiem przeciwnika*. Warszawa: Wydawnictwo PWN, 2006.
- KOCHAN, Marek: *„Przyklejanie etykietek”, czyli o negatywnym określaniu przeciwnika*. In: Język a kultura, t. II: Język polityki a współczesna kultura polityczna. ANUSIEWICZ, Janusz, SICIŃSKI, Bogdan (eds). Wrocław: Wydawnictwo UWr, 1994.
- KOFTA, Mirosław: *Jak używamy stereotypów*. Studia Psychologiczne, t. XXXVIII, Warszawa: Wydawnictwo SWPS, 2000, s. 11–132.
- LASKOWSKA, Elżbieta: *Agresja językowa jako problem moralny*. In: Etyka słowa. Wybór opracowań I. BARTMIŃSKI, Jerzy, NIEBRZEGOWSKA-BARTMIŃSKA Stanisława, NOWOSAD-BAKALARCZYK, Marta, PUZYNNINA, Jadwiga (eds). Lublin: Wydawnictwo UMSC, 2017, s. 245–251.
- LEVINAS, Emmanuel: *Całość i nieskończoność. Esej o zewnętrzności*. Warszawa: Wydawnictwo PWN, 2002.
- MOSIOŁEK-KŁOSIŃSKA, Katarzyna: *Wugaryzacja języka w mediach*. In: Język w mediach masowych. BRALCZYK, Jerzy, MOSIOŁEK-KŁOSIŃSKA, Katarzyna (eds). Warszawa: Wydawnictwo Upowszechniania Nauki, 2000, s. 112–119.
- PAJDZIŃSKA, Anna, PUZYNNINA Jadwiga: *Etyka słowa*. In: O zagrożeniach i bogactwie polszczyzny. Forum Kultury Słowa. MIODEK, Jan (ed.). Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 1995, s. 35–45.
- PAWŁOWSKA, RENATA: *Język rani i obraża*. Język–Szkoła–Religia, 2011, 6, s. 264–268.
- PUZYNNINA, Jadwiga: *Język porozumienia, język agresji, język alienacji*. In: Etyka słowa. Wybór opracowań I. BARTMIŃSKI, Jerzy, NIEBRZEGOWSKA-BARTMIŃSKA Stanisława, NOWOSAD-BAKALARCZYK, Marta, PUZYNNINA, Jadwiga (eds). Lublin: Wydawnictwo UMSC, 2017, s. 157–161.
- PUZYNNINA, Jadwiga: *Mowa nienawiści – a etyka słowa ZES*. [online]. [cit. 2023-03-08]. <http://www.etykaslowa.edu.pl/wp-content/uploads/2016/05/Mowa-nienawiści-a-etyka-słowa.pdf>.

TISCHNER, Józef: *Myślenie według wartości*. Kraków: Wydawnictwo PWN, 1993, s. 189–190.

WITOSZ, Barbara: *O dyskursie wykluczenia i dyskursach wykluczonych z perspektywy lingwistycznej*. In: *Etyka słowa. Wybór opracowań* I. BARTMIŃSKI, Jerzy, NIEBRZEGOWSKA-BARTMIŃSKA Stanisława, NOWOSAD-BAKALARCZYK, Marta, PUZYNINA, Jadwiga (eds). Lublin: Wydawnictwo UMCS, 2017, s. 181–197.

ZDUNKIEWICZ-JEDYNAK, Dorota: *Językowy obraz poprawności politycznej a kultura języka*. In: *Polskie dźwięki, polskie słowa, polska gramatyka (system – teksty – norma – kodyfikacja)*. PĘDZICH, Barbara, ZDUNKIEWICZ-JEDYNAK, Dorota (eds). Warszawa: Wydział Polonistyki UW, 2011, s. 61–74.

Monika Kaczor

prof. UZ, dr hab., Zakład Językoznawstwa, Instytut Filologii Polskiej, Wydział Humanistyczny, Uniwersytet Zielonogórski, al. Wojska Polskiego 69, 65-762 Zielona Góra, Poland

mkaczor@uz.zgora.pl

ORCID 0000-0002-7289-933X

Ontologické základy etických hodnot literárních postav v románu *Člověk* Boženy Benešové a *Ďakon Bogorodičine crkve* Isidory Sekuličové¹

Ivana Kočevski

Abstrakt

Předmětem studie je komparativní analýza ontologického základu literárních postav Boženy Benešové a Isidory Sekuličové. Obě spisovatelky zobrazují portréty svých postav specifickým způsobem, který zvýrazňuje jejich morální hodnoty, jimiž se v životě řídí, ale které nakonec budou zpochybněny. Základní otázkou, kterou si klademe při výkladu ontologického základu etických hodnot, je proto – co dělá člověka člověkem. Jsou to přísné morální zásady a hodnoty, které nás řídí, jak se chovat podle nepsaných pravidel moderní společnosti, ve které žijeme, nebo jasně postulovaná křesťanská přikázání, která civilizují lidské prvotní chtíče? V případě hrdinů Benešové a Sekuličové je odpovědí obojí, a dále je to umění, jehož jsou pokornými služebníky. Tento článek zdůrazňuje, že hudba zušlechťuje jejich duše a umožňuje jim transcendentálně vidět nekonečný rozměr osobních možností a překonávat jejich vlastní pokušení. Čtenář tedy uznává, že ontologický základ obou hrdinů – Any Nedičové (*Ďakon Bogorodičine crkve*) a Cyrila Trojuše (*Člověk*) spočívá v umění, a že hudba je zásadní pro utváření jejich etických hodnot.

Klíčová slova: Božena Benešová; Isidora Sekuličová; etické hodnoty; ontologie bytí; umění; hudba

Ontological Foundations of the Ethical Values of Literary Characters in the Novels *A Human Being* by Božena Benešová and *The Deacon of St. Mary's Church* by Isidora Sekulić

Abstract

The object of the study is the comparative analysis of the ontological foundations of the literary figures of Božena Benešová and Isidora Sekulić. Both writers clearly portray their main characters, highlighting the moral values that guided them and which are later called into question. The most important question we ask ourselves when interpreting the ontological basis of ethical

¹ Tato studie vznikla v rámci grantového projektu ON-178003 „Književnost i vizuelne umetnosti: rusko-srpski dijalog“ za podpory Ministarstva prosvete, nauke i tehnološkog razvoja Republike Srbije.

values is therefore: what makes a person a decent human being? Is it strict moral principles and values that guide us according to the unwritten rules of the modern society in which we live, or is it precisely postulated Christian commandments that “civilise” the primal human instincts? In the case of Benešová’s and Sekulić’s heroes, the answer is both, but moreover also art, of which they are humble servants. This paper emphasises that music ennobles their souls and enables them to transcendently see the infinite dimension of personal possibilities and overcome their own temptations. The reader thus realises that the ontological foundation of the two heroes—Ana Nedić (*The Deacon of St. Mary’s Church*) and Cyril Trojuš (*A Human Being*)—is based on art and that music is essential for the formation of their ethical values.

Key words: Božena Benešová; Isidora Sekulić; Ethical Values; Ontology of Being; Art; Music

Romány *Ďakon Bogorodičine crkve* (*Diákon kostela Panny Marie*) Isidory Sekuličové a *Člověk* Boženy Benešové vyšly v roce 1919, ačkoli byly napsány ještě před první světovou válkou.² Je přitom zajímavé, že ani jedna ze spisovatelek se nedotýká tématu války, ačkoli obě svou pozornost zaměřují k důležitým otázkám definování zvláštních psychologických vlastností člověka v jejich současném světě; lze to interpretovat jako nepřímou reakci na vnější okolnosti doby, ve které každé z obou děl samostatně vznikalo, což je patrné zejména v případě románu Boženy Benešové³. V obou románech můžeme nalézt hodnoty, kterými hrdiny řídí svá jednání, buď schválně a vědomě, nebo náhodně a instinktivně. Zároveň je důležité upozornit, že ontologický, resp. etický základ těchto hodnot je odlišný. Abychom pochopili podstatu tohoto rozdílu, připomeňme si vysvětlení metropolitou pergamonského Ioannese Zizioulase, který poznamenává, že v pravoslavné tradici se ontologie a etika neshodují. Ontologie se zajímá o „věčnou existenci“, říká Zizioulas, protože vidí hřích jako silný důsledek vztahu mezi stvořením a Bohem, otroctvím a smrtí. Etika věří v logické uspořádání lidského chování, ale nestará se

² O románu *Ďakon Bogorodičine crkve* Dimitrije Kalezić říká, že nemohl být napsán před rokem 1910, ani po roce 1918. (KALEZIC, Dimitrije: *Lik sveštenika u Isidorinom Ďakonu Bogorodičine crkve*. Isidorijana, 1998, №5, s. 16), zatímco Vladeta Jerotić poznamenává, že román mohl být napsán během první světové války, nebo možná hned po ní (JEROTIĆ, Vladeta: *Ďakon Bogorodičine crkve Isidore Sekulić u svetlu srpske tradicije*. In: SEKULIĆ, Isidora: *Ďakon Bogorodičine crkve*. Beograd: Plavi jahač, 2002, s. 199). Dobrava Moldanová zdůrazňuje, že román *Člověk* svou první podobu měl v próze *Román o mládí*, ke které se spisovatelka vrátila po dlouhé přestávce až v roce 1912 a intenzivně na ní pracovala osm let (MOLDANOVÁ, Dobrava: *Božena Benešová*. Praha: Melantrich, 1976, s. 103).

³ MOLDANOVÁ, Dobrava: *Božena Benešová*. Praha: Melantrich, 1976, s. 118.

o smrt, ani se nesnaží od smrti nás osvobodit.⁴ Z toho lze usuzovat, že etika se od ontologie liší tím, že ji nezajímá pravda o člověku, ale především to, co bytosti dělají a jak se chovají. Zatímco ontologie usiluje o překonání smrti, etika nenabízí nic k vyřešení problému smrti, takže se dostává do konfliktu s patristickou ontologií ohledně oceňování těla.⁵ Filozof Miladin Životić vysvětluje, že jednou z nejdůležitějších vlastností, která člověka odlišuje od ostatních přírodních bytostí, je ve skutečnosti jeho schopnost rozlišovat hodnotné od bezcenného, falešné od pravého, krásné od ošklivého, dobro od zla, spravedlivé od nespravedlivého.⁶

V románech, o kterých mluvíme, jsou hrdinové vystaveni životní zkoušce, kde v případě Any Nedičové a jáhna Irineje (*Đakon Bogorodičine crkve*) hovoříme o ontologickém základu etických hodnot, které jsou zpochybněny poté, co se v hrdinech probudí zakázaná láska; zatímco v románu *Člověk* překračuje hlavní hrdina Cyril Trojuš etické hranice regulované obecně uznávanými společenskými konvencemi. Isidora Sekuličová postupně buduje postavu Any Nedičové, a klade důraz především na její intelektuální a psychologické vlastnosti. Hned na začátku příběhu je Ana představena jako velmi „vzácná skladba na maloměstě“, což je narážka nejen na její vztah k hudbě, ale také na zvláštnost jejího charakteru, když se realizuje v ústraní a věnuje se výhradně umění, ne lidem. Hudba, jež přitahuje její pozornost, je většinou duchovní vokální hudba, která doprovází bohoslužbu v pravoslavné církvi. Jovana Anđelković ve své stati poznamenává, že dvě hlavní instance, které tvoří tuto hrdinku, jsou zaprvé ideální vize církve, zadruhé Anino jednání v kostele, tedy samotná hudba a zpěv jako spojení s božským principem.⁷ Disharmonie v životě Any přichází, když se objeví muž, který bude ztělesňovat vše, co opravdu miluje – zbožnost a hudbu. Je to postava mnicha Irineje, který přichází sloužit jako jáhen do kostela Panny Marie, kam chodí i Ana. Proto spisovatelka o své hrdince říká – „Její láska se narodila v kostele a žila pouze v kostele“⁸. Anđelkovićová upozorňuje na skutečnost, že příchod Irineje představuje příchod nové hudby, se kterou se Ana spojí více než se samotným

⁴ ZIZIOULAS, John: *Onthology end ethics*. Sabornost, 2012, № 6, s. 1–14.

⁵ Ibidem, s. 7.

⁶ ŽIVOTIĆ, Miladin: *Čovek i vrednosti*. Beograd: Prosveta, 1969, s. 7.

⁷ ANĐELKOVIĆ, Jovana: *Sinestezija taktilnog, vizuelnog i auditivnog u romanu Đakon Bogorodičine crkve Isidore Sekulić*. In: Zbornik za jezike i književnosti Filozofskog fakulteta u Novom Sadu 12, 2022, s. 45–57.

⁸ SEKULIĆ, Isidora: *Đakon Bogorodičine crkve*. Beograd: Plavi jahač, 2002. s. 28.

jáhнем, hudby, která v jejím srdci probudí nový rozměr lásky.⁹ Podobně Slobodan Vladušić poznamenává, že Irinej jako nositel mnišských slibů je nadán výjimečnými hudebními schopnostmi, z čehož vyplývá, že hudba je morální a morálka je hudební.¹⁰

Ušlechtilé, ale zčásti nedovolené city mezi oběma protagonisty se umocní zejména při nedělní liturgii, během níž se prvotní drama vtělení Kristova těla skrze transsubstanciaci promění v Anino osobní drama citů a hudebního dialogu s jáhнем, který slouží liturgii. Mimoto i mnich Irinej prochází vlastním zpochybňováním nově prožívaných pocitů; uvědomí si, že Anu miluje zvláštním způsobem, což se v textu ukáže, když spisovatelka zapisuje: „V tom rozvíjejícím se chaosu do jasnosti náhle viděl svou duši zcela jasně.“¹¹ Pavle Zorić poznamenává, že příběh lásky mezi mnichem Irinejem a Anou Nedičovou je založen na nábožensky chápaném protikladu mezi duší a tělem, nebem a zemí, čistými city a tělesným chtíčem.¹² Jaký je vlastně koncept románu Sekulićové, naznačuje i Vladeta Jerotić, když vysvětluje, že spisovatelka předložila dvě základní, ale protichůdné křesťanské pravdy, z nichž jedna hovoří o tom, že tělo a duši, ducha a hmotu stvořil jediný Bůh a odevzdal je člověku, aby Ho skrze ně oslavil; ale v psychologickém prožívání dvou principů se nelze vyhnout dualistickému rozkolu, provázenému někdy pocitem lidské bezmoci řešit záhadu těla a duše, dobra a zla a zejména záhadu vztahu mezi mužem a ženou.¹³

V četně prezentovaných otázkách a pochybnostech obou hrdinů románu lze tušit počátek vnitřního boje, kterým oba prochází, podněcovaným především pochybnostmi o pevnosti platonického vztahu a příděchem klopýtnutí pod tíhou síly tělesné lásky, která by je oba mohla zdolat v jejich odhodlání vytrvat ve vlastním mnišství. To je patrné již ve scéně, kdy Irinej opojen hudebními tóny Haydnovy symfonie podlehne pocitu, který mu byl do té doby zcela cizí, a instinktivně políbí Aně ruku, načež ona, povzbuzena touto odvahou, pokračuje v hraní jedné z Beethovenových symfonií. Gradace ve vzájemném vztahu je znázorněna sebeklamem hrdinů, že nedělají nic špatného, pokud se trochu nechají unést svými city.

⁹ ANĐELKOVIĆ, Jovana: *Sinestezija taktilnog, vizuelnog i auditivnog u romanu Đakon Bogorodičine crkve Isidore Sekulić*. In: Zbornik za jezike i književnosti Filozofskog fakulteta u Novom Sadu 12, 2022, s. 45–57.

¹⁰ VLADUŠIĆ, Slobodan: *Motivacija lika doktora Paškovića u Đakonu Bogorodičine crkve*. In: Drugi o Isidori. Novi Sad: Stylos, 2004, s. 511–519.

¹¹ SEKULIĆ, Isidora: *Đakon Bogorodičine crkve*. Beograd: Plavi jahač, 2002, s. 90.

¹² ZORIĆ, Pavle: „*Duh muzike*“ u romanu *Đakon Bogorodičine crkve*. In: Drugi o Isidori. Novi Sad: Stylos, 2004, s. 363–370.

¹³ JEROTIĆ, Vladeta: *Đakon Bogorodičine crkve Isidore Sekulić u svetlu srpske tradicije*. In: SEKULIĆ, Isidora: *Đakon Bogorodičine crkve*. Beograd: Plavi jahač, 2002, s. 199–213.

V pokračování příběhu se osudový vztah mezi hrdiny urychluje, protože Ana se stává obětí svých vášnivých tuh, které ji přemáhají, zatímco Irinej je neochvějný ve svých citech a naivní víře, že pravidla asketického života neporuší. A co víc, arogantně pro sebe tvrdí: „Kdyby duši ustala s mnišským životem, zůstanu, abych postavil kostel na její zkáze.“¹⁴ Ana, zklamaná jáhnovým odmítnutím, mu chce způsobit bolest, když se rozhodne provdat se za doktora Paškoviće, což Slavica Garonja Radovanac interpretuje jako Anino archetypální motivované rozhodnutí,¹⁵ zatímco Jovana Anđelković zdůvodňuje, že toto rozhodnutí probouzí v Aně démonickou povahu prostřednictvím principu pomsty Irinejovi, protože s ní nebyl až do konce, čímž jí brání v triumfu jejího mládí.¹⁶

Hudba je pro Anu prostředkem, kterým si uvědomuje své nejhlubší a nejsilnější pocity, ale hudba je pro ni také prostředkem, který ji uzemňuje a pomáhá jí učinit racionální rozhodnutí, které ovlivní její konečný vztah s Irinejem. Zatímco hraje hudbu pro doktora Paškoviće, sděluje mu své myšlenky a vyznává nejintimnější stav své duše. Slobodan Vladušić interpretuje postavu lékaře Paškoviće jako postavu syntézy, což znamená, že ho představuje jako „ambivalenci, která předchází syntéze estetického a etického“. Pašković je ambivalentní, protože je umělcem bez not.¹⁷ Hudba je zároveň zvláštní řečí, ve které Anna přiznává, že bude jeho manželkou, což zároveň znamená, že tímto rozhodnutím zbavuje Irineje možného porušení celibátu. Na rozdíl od vztahu s Irinejem, s nímž byl milostný dialog směřován k duchovní hudbě, Beethovenovi a Haydnovi, však Ana při oslovování Paškoviće hraje skladbu Richarda Strausse (*Symphonie Domestique*) narážející na touhu po klidném rodinném životě, v němž chce najít útěchu a spásu. Sekuličová nechává svůj román otevřeným a umožňuje čtenáři eventuální závěr, že upřímná, nefalšovaná láska Any a Irineje bude existovat navždy, i když se hrdinka rozhodne vzájemný vztah vyřešit sňatkem s jiným mužem.

Narativní jádro románu Boženy Benešové *Člověk* se soustředí kolem života výtvarníka Cyrila Trojuše a jeho osobních rozhodnutí motivovaných postojem k druhým lidem, na jejichž základě lze posuzovat jeho psychologický profil z hlediska etických hodnot. Celkově je celá struktura tohoto románu

¹⁴ SEKULIĆ, Isidora: *Đakon Bogorodičine crkve*. Beograd: Plavi jahač, 2002, s. 136.

¹⁵ GARONJA RADOVANAC, Slavica: *Isidorin zavet. Autobiografski elementi u romanu Đakon Bogorodičine crkve*. In: Žena u srpskoj književnosti. Novi Sad: Dnevnik, 2010, s. 99–153.

¹⁶ ANĐELKOVIĆ, Jovana: *Sinestezija taktilnog, vizuelnog i auditivnog u romanu Đakon Bogorodičine crkve Isidore Sekulić*. In: Zbornik za jezike i književnosti Filozofskog fakulteta u Novom Sadu 12, 2022, s. 45–57.

¹⁷ VLADUŠIĆ, Slobodan: *Motivacija lika doktora Paškovića u Đakonu Bogorodičine crkve*. In: Drugi o Isidori. Novi Sad: Stylos, 2004, s. 511–519.

poměrně složitá, neboť je postavena na propracovaných psychologických charakteristikách mnoha různých postav, se kterými Trojuš přichází do vzájemného kontaktu. Právě na základě jejich vzájemné interakce lze sledovat nuance odchylky od morálně přijatelného chování. Jde zejména o Trojušovo unáhlené rozhodnutí rozvést se s ženou, o jejíž obětavosti oprávněně pochybuje, ale také opustit svou dceru, protože nevěří, že je jeho. Strídání Trojušových špatných mezilidských vztahů lze sledovat počínaje jeho manželkou, povrchní a chamtivou ženou, přes jeho matku, ctižádostivou ženu, která neodpouští špatné manželství svému synovi, ale i když sám Trojuš zradí důvěru svého přítele Jana a zamiluje se do jeho snoubenky.

Trojušovým charakterovým antipodem je Jan Vanský, snílek, člověk dobrého srdce, ušlechtilého vystupování a trpělivého poměru k jiným lidem. Jeho ostýchavá povaha a altruistický duch, kteří se podobají velkým učitelům lidstva – Buddhovi či Kristu, mu umožňují bezpodmínečně milovat a odpouštět, chápat lidi a nakonec je přijmout v jejich nedokonalosti.

Vzhledem k tomu, že spisovatelka Benešová začíná prózou *Román o mládí*, Dobrava Moldanová vyjadřuje přesvědčení, že příběh o Cyrilovi vznikl až později, neboť autorka poprvé psala o Janu Vanském, v jehož postavě Pavla Buzková dokonce rozpoznává prvky autoportrétu.¹⁸ V tomto ohledu Moldanová ukazuje, že nejde o román o umělci, ale o široký obraz světa, v němž se odehrává životní zápas několika lidí, zápas koncipovaný jako usilování o humánnější podobu člověka a vyšší, kultivovanější morálku.¹⁹ Cyril Trojuš obětuje umění kvůli Hanině náhlé touze vdát se, neboť věří, že svatba je nejjistější záruka neochvějně a obětavě lásky. V jeho jednání je poznat, že ve své mladické extázi Trojuš na rovnováze mezi touhou po štěstí a hudbou obětuje hudbu, aby při tom ztratil také štěstí. Nyní je připraven získat ji zpět, ale porušením společenské normy morálně přijatelného lidského chování opuštěním své ženy a dítěte. Cyril říká o svém rozhodnutí:

„Neboť pochopil jsem, že život, jak je předepsán nezničitelným zákonem lidem, kteří se neosvobodili z malých vášní, zhubí a zkarikuje každou touhu, každý sen, každé rozpětí. Vykoupit se je možno, ale jen uměním.“²⁰

Jan je člověk, ke kterému má Trojuš skutečně důvěrný vztah. Právě jemu Trojuš prozradí, že se po rozchodu s Hanou vrátil ke své jediné opravdové lásce – umění. Prostřednictvím dialogu obou hrdinů je však poznat, že podstatu

¹⁸ MOLDANOVÁ, Dobrava: *Božena Benešová*. Praha: Melantrich, 1976, s. 110.

¹⁹ *Ibidem*.

²⁰ BENEŠOVÁ, Božena: *Člověk I*. Praha: Melantrich, 1940, s. 125.

života oba vidí a vykládají úplně jinak. Pro Trojuše je podstata vždy založena na umění, zatímco pro jednoduchého Jana je to právě dosažení štěstí, což lze pozorovat v následujících řádcích:

„Smysl lidského života je prostý, každý mudřec, jehož svazky probádáš, dospěje konečně stejného předsvědčení [...] Smysl lidského života je, aby byl člověk co nejšťastnější.“²¹

Na rozdíl od Jana má Trojuš jiné vnímání toho, co je pro něj osobní štěstí. Vlastně přiznává, že ve štěstí přestal věřit už dávno, protože jde jenom o nadšení mladého muže. Proto vysvětluje:

„Šťěstím vyspělého muže jest jeho dílo, také smyslem života je, domníváš-li se již, že musí nějaký být. Nevěřím v štěstí, nedbám také o žádné, ale mohu nyní opět pracovat, jak chci.“²²

Moldanová proto dochází k závěru, že z řady lidských vztahů zobrazených v románu *Člověk* vystupuje do popředí konflikt mezi Cyrilovým aktivním životním postojem a Janovou pasivitou. Důvodem, proč román vznikl, je hledání odpovědi na ústřední otázku po smyslu života, odpovědnosti za něj a na otázku, co je dobré a co špatné, jak rozpoznat malé a velké hodnoty v životě, kvůli kterým stojí za to žít. Moldanová vyjadřuje stanovisko, že román vyrostl ze svérasné a hluboké životní filozofie, která, vzdalujíc se dobovému individualismu, vidí zápasy o smysl a naplnění lidské existence jako zápasy o hlubší podřízení se nadosobnímu ideálu.²³ V dialogu Cyrila a Jana lze navíc poznat tvůrčí program Benešové, která věří, že v práci a upřímném vědeckém či uměleckém soustředění není žádného bloudění nebo neužitečného filozofování. Hodnoty, které Cyrila upoutávají, navíc poznáváme v následujících slovech:

„Lidem, kteří opravdu vážně pracují, Jene, netřeba se ptát kolegů po smyslu života [...] Lidé vědecky založení nebo lidé s rozhodným uměleckým talentem nebloudí v těchto otázkách nikdy.“²⁴

Když se Cyril Trojuš zamiluje do Marie, snoubenky svého milého přítele Jana, znovu střetává pokušení dát přednost lásce k ženě nebo zůstat věrný

²¹ Ibidem, s. 119.

²² Ibidem, s. 119–120.

²³ MOLDANOVÁ, Dobrava: *Božena Benešová*. Praha: Melantrich, 1976, s. 103.

²⁴ BENEŠOVÁ, Božena: *Člověk 1*. Praha: Melantrich, 1940, s. 179.

umění: „Myslíl jsem až do dneška, že mohu žít bez lásky, poután k životu jen uměním a snem o díle – bloudem jsem byl a šilencem!“²⁵. Zajímavý je však komentář Trojušova učitele z konzervatoře z Budapešti, kterého navštěvuje, když dokončuje operu *Oldřich a Božena*. Starý mistr nebyl nadšený chválou, které se Trojušovi za jeho práci dostalo, ale smutně a sarkasticky poznamenal, že Trojuš promarnil svůj talent tím, že se oženil. Umění také vyžaduje oběti a zodpovědnost, jako mnišský celibát. Proto Trojušovi vyčítá a vysvětluje mu:

„Ženu každý tvořící umělec odšoupne s cesty ve chvíli, kdy mu začne opravdu překážeti. Nemá-li k tomu dosti síly, nemá ji ani k tvorbě. Sentimentálními ohledy nevzniklo ještě ani jediné umělecké dílo. Láska je ovšem něco jiného. Láska je vzpruha, moc, posvátný stav duše, cosi jako posvěcující milost pro umělce, ale dát se jí ztročit, je hříchem proti jejímu duchu.“²⁶

Jak přesná jsou slova Cyrilova profesora, vidíme poté, když skladba proměnila Cyrila zevnitř, a on se stal lepším člověkem. Z misantropa a zklamaného muže se stává muž komunikativnější a více spolupracující s ostatními lidmi. Ještě důležitější je, že projevuje zájem a upřímnou starost o osud dcery Jelvy, která upadne v nemilost smilníka Silbermanna. Cyril Trojuš naplňuje své úplné zlidštění, když si uvědomí, že Jelvu miluje a stará se o ni bez ohledu na to, zda je skutečně jeho dcerou, či není. Při její záchraně z hořícího domu smilníka Silbermanna přichází Trojuš o život, ale dostává vykoupení za zanedbávání dítěte, vykoupení za sebelítost, za chamtivost, za zradu přítele Jana. Svým nezištným činem naplňuje plnou míru lidskosti vůči druhému, je motivovaném právě tou nejhlubší ontologickou touhou – láskou k člověku. Moldanová tvrdí, že tento druh nezištného hrdinského činu připomíná otázku, do jaké míry platí obecné morální zákony i pro výjimečné lidi a akcentuje i Cyrilovu odpověď danou obětí vlastního života, že cena lidského života je tou nejvyšší cenou i hodnotou, k níž člověk směřuje jak velkým uměleckým dílem, tak malým lidským činem.²⁷ Umělcův život tedy musí být v souladu s mravním řádem. Moldanová navíc připomíná, že velikost uměleckého díla může vyrůst pouze z morální odpovědnosti.²⁸

Tudíž je to umění, přesněji hudba, ta která v obou případech dokáže vyjádřit nejjintimnější pocity a subjektivní myšlenky – Any Nedičové a Cyrila Trojuše;

²⁵ Ibidem, s. 304.

²⁶ Ibidem, s. 353.

²⁷ MOLDANOVÁ, Dobrava: *Božena Benešová*. Praha: Melantrich, 1976, s. 109.

²⁸ Ibidem.

v případě Trojuše dokonce hudba tvoří vnitřní metamorfózu bytosti a pomáhá mu stát se lepším Člověkem. V románu Isidory Sekuličové si také všimneme, jak symbolická jsou hudební témata pro vnitřní portrét hrdinky – Any Nedičové, na což upozorňuje Pavle Zorić, když uvádí, že v románu se vše ozývá z církevních písní a hudby, ale nejenom v kostele, nýbrž se hudba objevuje v životě Any Nedičové jako stále doprovázení, přičemž on uvádí například skladatele Griega, Beethovena, Haydna, Palestrinu.²⁹ Výčtem různých témat, která lze v díle Isidory Sekuličové rozpoznat, Jovana Anđelković poznává, že je vlastně spojuje jedna melodická nit, která se v průběhu díla mění, a vyprávění z lehké jarní sonáty se postupně stává těžkou, melancholickou podzimní symfonií.³⁰

Bojana Stojanović-Pantović zasazuje román Sekuličové do kontextu preexpresionistické a expresionistické literatury druhé a třetí dekády 20. století, a zároveň odhaduje, že topos vzpoury proti autoritě stejně jako motiv erotiky byly klíčovou pozicí srbských spisovatelů, kteří v tomto období tvořili.³¹ Tuto interpretaci obsahu románu částečně vysvětluje velmi kritická interpretace Dimitriho Kaleziće, který poznamenává, že svět tohoto románu je vzdělaný, zbožný, duchovní, ale nikoli však v křesťanském slova smyslu, ale duchovní ve smyslu občanské společnosti 18. a 19. století. Proto je v Kalezičově interpretaci láska v tomto literárním díle svobodná a nespoutaná. To je právě důvod, proč tvrdě posuzuje povahu lásky, protože moralisticky hodnotí, že není vůbec platónská, protože neobsahuje křesťanský transformující eros.³² Na základě toho by se dalo říct, že v Isidorině díle chybí ontologický základ etických hodnot, neboť Kalezić přichází k závěru, že její román postrádá rozměr výkonu, lásky a spásy.³³ Zjišťujeme však, že to není pravda, což částečně připomíná Slavica Garonja Radovanac, když uvádí, že svatba Any Nedičové jako konec románu je vlastně řešením její existenční situace,³⁴ a ne rozmar ženy, která zůstala bez možnosti spojit se s jediným mužem, kterého miluje. Proto spisovatelka nechala román otevřený. To nás vede k závěru, že žádný z výše zmíněných

²⁹ ZORIĆ, Pavle: „Duh muzike“ u romanu *Đakon Bogorodičine crkve*. In: *Drugi o Isidori*. Novi Sad: Stylos, 2004, s. 367.

³⁰ ANĐELKOVIĆ, Jovana: *Sinestezija taktilnog, vizuelnog i auditivnog u romanu Đakon Bogorodičine crkve Isidore Sekulić*. In: *Zbornik za jezike i književnosti Filozofskog fakulteta u Novom Sadu* 12, 2022, s. 45–57.

³¹ STOJANOVIĆ-PANTOVIĆ, Bojana: *Poimanje erotskog u romanu Đakon Bogorodičine crkve Isidore Sekulić*. In: SEKULIĆ, Isidora: *Đakon Bogorodičine crkve*. Beograd: Plavi jahač, 2002, s. 215–225.

³² KALEZIĆ, Dimitrije: *Lik sveštenika u Isidorinom Đakonu Bogorodičine crkve*. Isidorijana, 1998, № 5, s. 15–28.

³³ *Ibidem*, c. 18.

³⁴ GARONJA RADOVANAC, Slavica: *Isidorin zavet. Autobiografski elementi u romanu Đakon Bogorodičine crkve*. In: *Žena u srpskoj književnosti*. Novi Sad: Dnevnik, 2010, s. 99–153.

autorů příspěvků ve svých analýzách nezohlednil možnost, že Ana sňatkem s doktorem Paškovičem skutečně zachrání jak jáhna, tak i sebe, tedy že oba principy – ontologický i etický – jsou skutečně zachovány. Ana jako bohabojná osoba zažívá své pokušení, v jehož kontextu člověk pozná nedokonalou lidskou přirozenost, která neustále usiluje o dokonalost prostřednictvím sebezdokonalování. Ostatně náš úhel pohledu potvrzuje i poznámka Slobodana Vladušiče, který román především charakterizuje jako hymnus na syntézu estetiky a etiky, ale že skrze vyprávění je patrný „rozpad subjektu“, který je způsoben neschopností hrdinů vyřešit záhadu těla. Vladušić vykládá, že na cestě těla se syntéza etiky a estetiky, která se snažila dosáhnout Svatého prostřednictvím hudebního mnišství, mění v expresionistický protiklad ducha a těla, kolektivního a individuálního, mužského a ženského principu.³⁵

Totéž poznáváme u hrdiny Benešové, který dosahuje humanizace překonáním vlastních omezení – sklíčenosti, vzteku, žárlivosti, pochybností, lhostejnosti a nakonec se stává Člověkem. Protože aby člověk byl člověkem, musí především překonat člověka v sobě. Sám Cyril totiž překonává umělecké nutkání zkomponovat vrcholné umělecké dílo, aby pomohl nevinnému dítěti, a jeho dlouho plánovaná Hvězdná symfonie zůstane nedokončena, protože výměnou za Jelvin položil svůj život. Marie Pujmanová proto klade dotaz:

„Co je důležitější: vrcholné umělecké dílo, nebo jeden obyčejný lidský život? Složit svoji životní skladbu, nebo udělat malý lidský čin?“

Vzápětí přidává, že Benešová na složitou otázku odpověděla svou nejčistší a nejsilnější prací, *Člověkem*.³⁶ Na druhou stranu v hudbě věnované Kristu Ana Nedičová nachází způsob, jak dát tvar a klid chaosu světa, proto je v textu románu uvedeno, že „zákony hvězd jsou zákony nebeské hudby“.³⁷ Dovolíme si v této souvislosti eklekticky zvolený výrok Nietzscheho, který říká – Teprve člověk vložil hodnoty do věcí, aby se uchoval, – teprve člověk stvořil věcem jejich smysl, lidský smysl! Teprve proto, že odhaduje, zasluhuje jméno člověka.³⁸

V příspěvku jsme se dotkli ontologických a etických hodnot reprezentovaných v literárních dílech, ale obsah těchto dvou románů shodně naznačuje

³⁵ VLADUŠIĆ, Slobodan: *Motivacija lika doktora Paškovića u Đakonu Bogorodičine crkve*. In: Drugi o Isidori. Novi Sad: Stylos, 2004, s. 511–519.

³⁶ MOLDANOVÁ, Dobrava: *Božena Benešová*. Praha: Melantrich, 1976, s. 115.

³⁷ SEKULIĆ, Isidora: *Đakon Bogorodičine crkve*. Beograd: Plavi jahač, 2002, s. 11.

³⁸ NIETZSCHE, F.: *Tak pravil Zarathustra*. [online]. Praha: Městská knihovna v Praze, 2011 [cit. 04.04.2023.].

uměleckou, ale i náboženskou hodnotu, po které hrdinové touží. Konečně, jak poznamenává Životić,

„žádná lidská hodnota neexistuje izolovaně sama o sobě, ale žije a jedná pouze v rámci určitých, již zavedených hodnotových systémů“³⁹.

Na základě tohoto tvrzení uvádíme také tezi Milana Raduloviće, že umění nahrazuje náboženství tím, že přebírá jeho roli.⁴⁰ Tento autor chce vlastně poukázat na skutečnost, že mezi umělci modernismu bylo umění vnímáno jako opora a víra moderního člověka, tedy že umění bylo chápáno jako nové autochtonní náboženství ve službách zdokonalování lidské přirozenosti. Proto v literárním díle Isidory Sekulićové je možné slyšet ohlasy specifické religiozity ohlášené moderními umělci: racionalizovanou religiozitu, náboženský estetismus a náboženský synkretismus.⁴¹ A nakonec Mirko Magarašević nachází zárodky religiozity v díle Sekulićové a tvrdí, že Isidorin pocit religiozity je hluboce osobní zkušeností, osobním přístupem k myšlence víry a dobra.⁴²

Ontologické základy etických hodnot lze tedy v jejím díle *Diákon kostela Panny Marie* rozpoznat díky metafyzickému zamyšlení nad podstatou života, osobní duchovní askezi a klášternímu tvůrčímu vytržení, které nemá daleko od díla Boženy Benešové. Arne Novák si to uvědomuje, a když předkládá miniaturní náčrt románu *Člověk*, uvádí, že v tomto románu Benešová vložila složitý úkol mravního vzestupu ke kladu na tvrdošíjného muže hudebníka, jehož vzdor a pochyby neroztaví ani umění provozované s posvátnou vášní, ani očistné přátelství mravně povýšeného, ani láska ženy, nýbrž obětní a sebeničivé oddání se záhadné vůli boží.⁴³ Že ontologický základ etických hodnot v tomto díle nechybí, potvrzují slova srbského skladatele Milorada Marinkoviće, který říká, že nejvyšší umělecké rozsahy jsou vyhrazeny pouze těm umělcům, kteří tvoří z upřímné religiozity,⁴⁴ tedy, že ačkoliv Cyril Trojuš možná není tak inspirován Bohem, jeho umění však v sobě nese část religiozity a vážnosti,

³⁹ ŽIVOTIĆ, Miladin: *Čovek i vrednosti*. Beograd: Prosveta, 1969, s. 8.

⁴⁰ RADULOVIĆ, Milan: *Religioznost Isidore Sekulić u svetlosti srpskoga modernizma*. Isidorijana, 1998, nr. 5, s. 112–124.

⁴¹ Ibidem, c. 122.

⁴² MAGARAŠEVIĆ, Mirko: *Poreklo religioznog u delu Isidore Sekulić*. In: Drugi o Isidori. Novi Sad: Stylos, 2004, s. 343–355.

⁴³ NOVÁK, Jan Václav a NOVÁK, Arne: *Přehledné dějiny literatury české od nejstarších dob až po naše dny*. Brno: Atlantis, 1995, s. 1033.

⁴⁴ MARINKOVIĆ, Milorad: *Religiozna, duhovna, crkvena muzika. Tri Bogonadahnuta lica muzike*. In: Zbornik radova sa VI međunarodnog naučnog skupa održanog na filološko-umetničkom fakultetu u Kragujevcu. III Jezik muzike. Muzika i religija. Kragujevac: Filološko-umetnički fakultet, 2012, s. 61–72.

a jak vysvětluje Marinković – „náboženské“ v sobě nese především nadšení, uchvácení a prožitou zkušenost, která pramení ze smyslu a konečného cíle naší víry – věčného života v království Kristově.

Seznam použité literatury – References:

- ANDELKOVIĆ, Jovana: *Sinestezija taktilnog, vizuelnog i auditivnog u romanu Đakon Bogorodičine crkve Isidore Sekulić*. In: Zbornik za jezike i književnosti Filozofskog fakulteta u Novom Sadu 12, 2022, s. 45–57.
- BENEŠOVÁ, Božena: *Člověk 1*. Praha: Melantrich, 1940.
- BENEŠOVÁ, Božena: *Člověk 2*. Praha: Melantrich, 1940.
- GARONJA RADOVANAC, Slavica: *Isidorin zavet. Autobiografski elementi u romanu Đakon Bogorodičine crkve*. In: Žena u srpskoj književnosti. Novi Sad: Dnevnik, 2010, s. 99–153.
- JEROTIĆ, Vladeta: *Đakon Bogorodičine crkve Isidore Sekulić u svetlu srpske tradicije*. In: SEKULIĆ, I.: *Đakon Bogorodičine crkve*. Beograd: Plavi jahač, 2002, s. 199–213.
- KALEZIĆ, Dimitrije: *Lik sveštenika u Isidorinom Đakonu Bogorodičine crkve*. Isidorijana, 1998, № 5, s. 15–28.
- MAGARAŠEVIĆ, Mirko: *Poreklo religioznog u delu Isidore Sekulić*. In: *Drugi o Isidori*. Novi Sad: Stylos, 2004, s. 343–355.
- MARINKOVIĆ, Milorad: *Religiozna, duhovna, crkvena muzika. Tri Bogonadah-nuta lica muzike*. In: Zbornik radova sa VI međunarodnog naučnog skupa održanog na filološko-umetničkom fakultetu u Kragujevcu. III Jezik muzike. Muzika i religija. Kragujevac: Filološko-umetnički fakultet, 2012, s. 61–72.
- MOLDANOVÁ, Dobrava: *Božena Benešová*. Praha: Melantrich, 1976
- NIETZSCHE, Friedrich: *Tak pravil Zarathustra*. [online]. Praha: Městská knihovna v Praze, 2011 [cit. 04.04.2023.]. http://web2.mlp.cz/koweb/00/03/40/49/81/tak_pravil_zarathustra.pdf.
- NOVÁK, Jan Václav a NOVÁK, Arne: *Přehledné dějiny literatury české od nejstarších dob až po naše dny*. Vyd. 5. Brno: Atlantis, 1995.
- RADULOVIĆ, Milan: *Religioznost Isidore Sekulić u svetlosti srpskoga modernizma*. Isidorijana, 1998, № 5, s. 112–124.
- SEKULIĆ, Isidora: *Đakon Bogorodičine crkve*. Beograd: Plavi jahač, 2002.
- STOJANOVIĆ-PANTOVIĆ, Bojana: *Poimanje erotskog u romanu Đakon Bogorodičine crkve Isidore Sekulić*. In: SEKULIĆ, Isidora: *Đakon Bogorodičine crkve*. Beograd: Plavi jahač, 2002, s. 215–225.

VLADUŠIĆ, Slobodan: *Motivacija lika doktora Paškovića u Đakonu Bogorodičine crkve*. In: *Drugi o Isidori*. Novi Sad: Stylos, 2004, s. 511–519.

ZIZIULAS, John: *Onthology end ethics*. Садоpнoст, 2012, № 6, s. 1–14.

ZORIĆ, Pavle: „*Duh muzike*“ u romanu *Đakon Bogorodičine crkve*. In: *Drugi o Isidori*. Novi Sad: Stylos, 2004, s. 363–370.

ŽIVOTIĆ, Miladin: *Čovek i vrednosti*. Beograd: Prosveta, 1969.

Ivana Kočevski

associate Professor, Department od Slavonic Studies, Faculty of Philology,
University of Belgrade, Studentski trg 3, Belgrade, 11000, Serbia

ivana.kocevski@fil.bg.ac.rs

ORCID 0000-0003-0717-5754

Die Transformation der Hauptfigur in *Reize door het Aapenland (1788)* von Gerrit Paape: von einem zynischen Pragmatiker zu einem Träger moralischer Werte

Alexandra Gorodecká

Zusammenfassung

In seinem satirischen imaginären Reisetagebuch kritisiert Paape in erster Linie die Verlogenheit des politischen Prozesses, aber auch andere gesellschaftliche Missstände bleiben nicht unbemerkt. Diese werden durch die Figur des fliehenden „Reisenden“ Dr. Schasz vermittelt, der sie dem Leser – mal ruhig, mal überrascht – vor Augen führt. Doch auch die Hauptfigur selbst ist alles andere als ein sympathischer Mensch. Rationalismus auf höchstem Niveau, schamloser Libertinismus und eine falsche Objektivität, gepaart mit einer selbstgefälligen Haltung, sind nur einige Charakterzüge des aufgeklärten Arztes. In dem Aufsatz wird jedoch nicht nur die dunkle Seite der Persönlichkeit von Dr. Schasz erörtert, sondern auch seine Wandlung beleuchtet, die sich schließlich in seinen Handlungen manifestiert, die von Empathie und emotionalem Engagement zeugen.

Schlüsselbegriffe: Niederländische Literatur; imaginärer Reisebericht; Satire; negativer Held; Gesellschaftskritik

The Transformation of the Main Character in *Reize door het Aapenland (1788)* by Gerrit Paape: from a Cynical Pragmatist to the Bearer of Moral Values

Abstract

In his satirical imaginary travel journal, Paape criticises the falsity of the political process in the first place but even other social vices do not go unnoticed. These are communicated by the character of the fleeing “traveller” dr. Schasz who—sometimes in a calm manner, sometimes with a sense of surprise—reveals them for the reader. Yet, even the main character himself is far from a likeable individual. Rationalism in its highest stage, shameless libertinism and a false sense of objectivity accompanied by a self-satisfied attitude, those are only a few character traits of the Enlightened doctor in question. Nevertheless, in my paper, I am going to discuss not only the dark side of dr. Schasz’s personality; I am also going to shed some light on his transformation that,

eventually, gets manifested in his actions that show empathy and his emotional engagement.

Key words: Dutch literature; imaginary travelogue; satire; the negative hero; social criticism

Reize door het Aapenland (1788) ist das zweite Buch aus der Reihe von vier imaginären Reiseberichten, dessen Autor der niederländische Schriftsteller Gerrit Paape ist. Das erste Buch, *Reize door het Wonderland*, erschien schon im Jahre 1780¹ und der schon erwähnte „zweite Teil“ kam acht Jahre später. Alle Bücher dieser Reihe sind jedoch nur indirekt miteinander verbunden – sie haben eine ähnliche Struktur und gehören zu dem gleichen Genre. Das Buch, das ich für meine Analyse gewählt habe, ist das bekannteste von ihnen.

Die Geschichte wird aus der Perspektive der Hauptfigur, dr. Schasz, erzählt. Er ist ein Arzt, der eines Tages eine erstaunliche Geschichte erlebt. Ins Wasser bei seinem Haus fallen seine Frau, sein Dienstmädchen, sein Pferd und sein Hund – „fast gleichzeitig“². Alle kämpfen ums Leben. Aus einem unbekanntem Grund kann dr. Schasz nur einen von ihnen retten. Es ist egal, welchen von ihnen er wählt, die drei anderen müssen ertrinken. Er denkt darüber sehr lange und tief nach und kommt zu keiner Konklusion. Folglich verliert er alle vier Mitglieder seines Haushaltes.

Wirklich interessant ist aber seine Einstellung zu dieser Sache. Dr. Schasz erzählt dem Leser seine Geschichte mit außergewöhnlicher Leichtigkeit und einem merklichen Abstand. Es scheint, dass er überhaupt nicht emotional von dieser Tragödie bewegt ist. Die Entscheidung, wem er zu helfen versuchen sollte, erwägt er kalt, unpersönlich und rein pragmatisch. Dr. Schasz kalkuliert buchstäblich, welche von den vier armen Seelen für ihn den höchsten Wert hat. Mit anderen Worten, wer von ihnen am schwierigsten zu ersetzen ist. Seine Frau ist schon „alt“³, er möchte sie durch ein junges, „schönes“⁴ und „entgegenkommendes“⁵ Dienstmädchen ersetzen, das „eine fruchtbare Mutter“⁶ werden könnte. Dieses Mädchen wird aber danach in seinen Gedanken durch das Pferd ersetzt, das ebenfalls sehr „schön“⁷ ist und darüber hinaus hat es ihn

¹ BUIJNSTERS, Piet J.: *Inleiding*. In: *Reize door het aapenland (onder pseudoniem J. A. Schasz)*. PAAPE, Gerrit (ed.). [online]. Zutphen: W.J. Thieme, 1972, S. 5–43. [zit. 09.09.2020]. https://www.dbnl.org/tekst/paap004reiz02_01/paap004reiz02_01.pdf

² PAAPE, Gerrit: *Reize door het Aapenland*. Nijmegen: Vantilt, 2007, S. 17. Eigene Übersetzung.

³ Ibidem, S. 17. Eigene Übersetzung.

⁴ Ibidem, S. 18. Eigene Übersetzung.

⁵ Ibidem. Eigene Übersetzung.

⁶ Ibidem. Eigene Übersetzung.

⁷ Ibidem. Eigene Übersetzung.

„mehr als hundert Dukaten“⁸ gekostet. Gegen Ende hin entscheidet er sich für den Hund, der ihm sehr „treu“⁹ war, aber nicht einmal diese Wahl ist die letzte. Angeblich in Verzweiflung denkt er darüber weiterhin nach und „mehr als eine Stunde“¹⁰ kämpft er mit eigener Unentschlossenheit. Der Leser soll ihm dann glauben, dass er „überrascht“¹¹ ist, dass er zu spät kam:

*„Dus twistede ik, meer dan een uur, met mij zelve, zonder te besluiten. Eindlijk stond ik op, liep naar den waterkant, met voorneemen om den eersten, die mij een poot of een hand, een kop of een hoofd toestak, te helpen. Aan het water komende, zag ik, tot mijn verbazing, dat mijn Wijf, het Paard, de Meid en de Hond alle vier, bij gebrek aan spoedige hulp, verdronken waren.“*¹²

Paape spannt die Grenzen des Genres der Menippeischen Satire von Anfang an fast bis zum Äußersten. Er lässt den Hauptprotagonisten, der die ganze Geschichte erzählt, „den Hilfeschrei“¹³ seiner eigenen Frau ignorieren, genau wie die verzweifelte Geste der drei anderen ertrinkenden armen Seelen. Dr. Schasz, im Gegensatz zu seiner Ausbildung und Intelligenz, greift nicht rechtzeitig ein und zum Schluss starrt er die traurige Szene, nämlich „vier Leichen“¹⁴ ohne Tränen „mit offenem Mund“¹⁵ an. Er ist sogar überrascht, dass die Nachbarn ihn des Mordes verdächtigen.

Zu Beginn dieses literarischen Werkes scheint also dr. Schasz emotional kalt, ichbezogen und selbstsüchtig zu sein. Wahrscheinlich wird am besten diese „Einstellung“ von ihm in einer schockierenden Szene illustriert, worin er dem Leser erklärt, dass seine Frau nach dem Sturz ins Wasser schon sowieso „mit einem Fuß im Grab“ stand, er wollte sie nicht, eine alte Person, die in der Welt sowieso nichts Gutes mehr zu erwarten hat, aus den Armen der „Engel“¹⁶ reißen. Er ist sogar willig „die Bestattungskosten zu decken“¹⁷, wenn er sie schon „zu ihrem eigenen Besten“¹⁸ nicht gerettet hat:

⁸ Ibidem. Eigene Übersetzung.

⁹ Ibidem. Eigene Übersetzung.

¹⁰ Ibidem, S. 19. Eigene Übersetzung.

¹¹ Ibidem. Eigene Übersetzung.

¹² Ibidem.

¹³ Ibidem, S. 17. Eigene Übersetzung.

¹⁴ Ibidem, S. 19. Eigene Übersetzung.

¹⁵ Ibidem. Eigene Übersetzung.

¹⁶ Ibidem, S. 18. Eigene Übersetzung.

¹⁷ Ibidem. Eigene Übersetzung.

¹⁸ Ibidem. Eigene Übersetzung.

„Zal ik mijn Wif redden? vroeg ik mij zelve: [...] Maar het Mensch is oud, en onderhevig aan al de gebreken en ellenden, die de hooge jaaren vergezellen. Zal ik haar, die nu reeds het hoofd door de deur van den hemel naar binnen steekt, wederom, met gevaar van haare armen en beenen uit het lid te trekken, in de onzalige Waereld te rug sleepen? Zal ik haar nog een eindje leevens bezorgen, dat al knorrende en kuchende doorgebracht zal worden, daar zij, binnen een paar minuten, met de engeltjes uit een ruime borst kan opzingen? [...] Neen! voor haar geluk wil ik gaarne mij de opöffering van de kosten haarer begraafenis getroosten!“¹⁹

Etwas positiver beginnt dr. Schasz in dem Moment zu erscheinen, als er wegen der Strafverfolgung aus seinem Dorf flieht und unterwegs verschiedenen Leuten begegnet. Sie – ohne zu wissen, wer er ist – erzählen ihm seine eigene Geschichte. Der Leser sieht, dass der ganze Fall „ein Eigenleben hat“ und erkennt, wie stark eine „Verleumdung“²⁰ sein kann. Die Leute glauben an vollkommen unglaubliche Lügengeschichten und verbreiten sie weiter. Also, dr. Schasz findet heraus, dass

„in einem gewissen Dorf [...] ein Bösewicht lebte, der allen Pferden die Kehle durchschnitt und alle Hunde vergiftete [...] und alle Mädchen und verheiratete Frauen aus diesem Dorf vergewaltigte. Er schnitt ihre Bäuche auf und warf sie ins Meer.“²¹

Danach verschwand er und ist weiterhin auf der Flucht. „Er [fuhr nämlich] in einem glühenden Wagen, gezogen von sieben feuersprühenden Drachen [weg]“²². Dann wird dr. Schasz, im Einklang mit damaligen Konventionen, noch beschuldigt, „ein Atheist“²³ und „Zauberer“²⁴ zu sein. Das bedeutet insgesamt eine fast sichere Todesstrafe. Erst jetzt, wenn der Leser ein deutliches Komplott gegen die Hauptfigur entdeckt, beginnt er sich mit ihr, zumindest teilweise, zu solidarisieren.

Mit dem Gefühl von Bitterkeit und Enttäuschung flieht dr. Schasz aus seinem Land und nach einer „langen“²⁵ Wanderung kommt er in das „Affenland“²⁶

¹⁹ Ibidem.

²⁰ Ibidem, S. 23. Eigene Übersetzung.

²¹ Ibidem. Eigene Übersetzung.

²² Ibidem. Eigene Übersetzung.

²³ Ibidem. Eigene Übersetzung.

²⁴ Ibidem. Eigene Übersetzung.

²⁵ Ibidem, S. 25. Eigene Übersetzung.

²⁶ Ibidem. Eigene Übersetzung.

an. Er beschreibt es zu Beginn auf neutrale, nicht unangenehme, Weise. Den größten Schock erfährt er, wenn eine Äffin mit ihm zu sprechen beginnt, und bald folgt der zweite Schock, wenn diese Äffin ihm erklärt, dass sie eine „Reinkarnation“ seines Dienstmädchens aus der menschlichen Welt ist: „Ik ben uw Liefste! – hervatte zij en vloog mij met een om den hals; mij allerlei liefkoozingen bewijzende [...]“²⁷.

Der Hauptprotagonist bemerkt, dass er vor seinen Sünden nicht entkommen kann. Auch hier verfolgt ihn eine ständige Erinnerung an sie. Anfangs begegnet er hier seinem jungen Dienstmädchen (in Affengestalt), mit dem er seiner Frau untreu war, und an dem er immer „[ihren] Körper [...] geliebt hat[, nicht aber ihre] Seele“²⁸. Später entkommt er aber auch nicht der Begegnung mit der Affengestalt seiner alten und „hässlichen“²⁹ Frau, von der er sich elegant befreien wünschte. Lange dachte er über „die Verwandlung {[...] der Seele[n]}“³⁰ und über die Frage, ob er „die Pflicht [hat] den alten mürrischen Affen als seine Frau anerkennen“³¹ nach. Anschließend kommt er zu dem Entschluss, dass er so eine Pflicht nicht haben kann, weil er doch „die Seele und den Körper heiratete, und der wichtigste Teil, [...] nämlich der Körper, ist nicht vorhanden“³².

Seine außerordentlich kalte Einstellung signalisiert einen hedonistischen „Libertin“³³, oder einen überzeugten „Materialisten“³⁴, den der „radikale Aufklärungsphilosoph [...]“³⁵, Julien Offray de La Mettrie, in seinem Werk „*L’Homme-Machine* (1748)“³⁶ beschreibt. Nach seiner Auffassung ist ein Mensch ein physiologischer Automat, dessen Verhalten nur durch die Körperstruktur und Instinkt bestimmt wird. Es gibt weder „Willensfreiheit, {noch [...]} die Vorsehung [Gottes]“³⁷. Das Konzept der Seele verliert die Wichtigkeit und „Moral {wird als [...]} inhärent arbiträr [betrachtet], [weil sie] in der

²⁷ Ibidem, S. 27.

²⁸ Ibidem, S. 28. Eigene Übersetzung.

²⁹ Ibidem, S. 27. Eigene Übersetzung.

³⁰ Ibidem, S. 28. Eigene Übersetzung.

³¹ Ibidem. Eigene Übersetzung.

³² Ibidem. Eigene Übersetzung.

³³ BUIJNSTERS, Piet J.: *Inleiding*. In: *Reize door het aapenland* (onder pseudoniem J. A. Schasz). PAAPE, Gerrit (ed.). [online]. Zutphen: W. J. Thieme, 1972, S. 40. [zit. 09.09.2020]. https://www.dbnl.org/tekst/paap004reiz02_01/paap004reiz02_01.pdf. Eigene Übersetzung.

³⁴ Ibidem, S. 40. Eigene Übersetzung.

³⁵ BERGHE, Gie, van den: *De mens als machine. Julien de la Mettrie*. In: BERGHE, G., van den: *De mens voorbij*. [online]. Antwerpen: Meulenhoff/Manteau, 2008, S. 83. [zit. 09.09.2020]. <http://www.serendib.be/upload/files/mensvoorbij-boek.pdf>. Eigene Übersetzung.

³⁶ Ibidem, S. 81.

³⁷ Ibidem. Eigene Übersetzung.

Vernunft oder Natur [nicht begründet ist]³⁸. In diesem Zusammenhang weist Buijnsters auf „[eine enge Beziehung] zwischen dem philosophischen Materialismus des 18. Jahrhundert und dem Libertinismus im sexuellen Gebiet“³⁹ hin. Mit einer Verweisung an den Herausgeber des philosophischen Werkes von La Mettrie, Vartanian, erwähnt er ein Konflikt zwischen der christlichen Lehre über „Keuschheit [...] und Monogamie“⁴⁰ und der Einstellung eines „Maschinenmensch[en]“⁴¹, der von dr. Schasz verkörpert wird. Die materialistische Einstellung kann den Hauptprotagonisten in seinen eigenen Augen der Verantwortung von vielen seinen Taten befreien, aber wie schon gesagt wurde, er wird an sie im Affenland wieder greifbar erinnert. Der Autor zeigt wiederholt, dass er einen Gerechtigkeitssinn hat, und dass das Fehlverhalten in seinem Werk nicht adäquat unbestraft bleibt.

Obwohl der Hauptprotagonist nicht als Vorbild eines ethischen Ideals bezeichnen werden kann, weil seine Persönlichkeit viele Fehler hat, tritt er in einer Reihe von Situationen neutral oder direkt positiv auf. Zum Beispiel im ersten Kontakt mit dem „vornehmen Pavian“⁴², später auftretend unter der Bezeichnung „Nummer 1“⁴³, verhält sich dr. Schasz höflich. Und wenn er in der Affenhierarchie „ohne [ersichtliche] Verdienste“⁴⁴ von der Nummer 7854 auf die Position der „Nummer 17“⁴⁵ befördert wird, zeigt er eine gesunde Selbstreflexion, wundert sich über seine Beförderung und hat Angst, dass er schließlich für einen Verrückten gehalten wird. Im Kontakt mit diesem Pavian und den anderen Affen erscheint er überhaupt nicht unsympathisch. Von der Nummer 1 erfährt er auch demnächst den wahren Grund seiner Beförderung. Die „Affengesellschaft“⁴⁶ setzt nämlich große Hoffnungen an ihn. Die Affen nehmen an, dass er einer von ihnen ist und selbst früher auch ein Affe war. Er hat aber ein großes Privileg bekommen und ist „von dem Pavian zu einem Menschen umgestaltet [worden]“⁴⁷. Jetzt glauben sie, dass er seinen „Mitaffen [bei ihrer Umgestaltung zu Menschenhilft]“⁴⁸. Dr. Schasz ist anfangs sprachlos,

³⁸ Ibidem, S. 83. Eigene Übersetzung.

³⁹ BUIJNSTERS, Piet J.: *Inleiding*. In: *Reize door het aapenland (onder pseudoniem J. A. Schasz)*. PAAPE, Gerrit (ed.). [online]. Zutphen: W. J. Thieme, 1972, S. 41. [zit. 09.09.2020]. https://www.dbnl.org/tekst/paap004reiz02_01/paap004reiz02_01.pdf. Eigene Übersetzung.

⁴⁰ Ibidem, S. 41. Eigene Übersetzung.

⁴¹ Ibidem. Eigene Übersetzung.

⁴² PAAPE, Gerrit: *Reize door het Aapenland*. Nijmegen: Vantilt, 2007, S. 29. Eigene Übersetzung.

⁴³ Ibidem, S. 34. Eigene Übersetzung.

⁴⁴ Ibidem, S. 28. Eigene Übersetzung.

⁴⁵ Ibidem, S. 35. Eigene Übersetzung.

⁴⁶ Ibidem, S. 29. Eigene Übersetzung.

⁴⁷ Ibidem. Eigene Übersetzung.

⁴⁸ Ibidem. Eigene Übersetzung.

aber nach der Diskussion mit Nummer 1 kommt er zu der Konklusion, dass ihrer Umgestaltung in die Menschen „[n]ichts“⁴⁹ im Wege steht. Er hat aber Angst, dass die Leute ihre Anstrengung nicht mit Begeisterung begrüßen werden:

*„Ik bekende, dat hij gelijk had met zulk een Plan ter uitvoer te brengen; en ik twijffelde ook niet aan de mooglijkheid, om het stand te doen grijpen, want ik maakte deeze regelmatige gevolgtrekking: Een meenigte Aapen hebben zonder moeite, zonder het zelfs te weten, zig tot den rang van Menschen verheeven. Dus is de zaak mooglijk. [...] Alleenlijk blijft de vraag: Zal het Menschdom de Aapen voor Menschen erkennen? – Welk eene gedugte omwenteling zal dit niet in een meenigte Stelzels van allerlei soort van Geleerden veroorzaaken; en zal men daarom niet algemeen besluiten, om bij de oude Grondregelen te blijven?“*⁵⁰

Im folgenden Teil dieses satirischen Werkes tritt dr. Schasz zumeist als ein Beobachter auf. Seinen Charakter lernen wir also durch die Art, wie er den Verlauf der Verhandlungen des Affenrates beschreibt, kennen. An ihnen beteiligt er sich als ein hochstehendes Mitglied der Affengesellschaft. Aus diesem Grund kann man in die Analyse die Zusammenfassung des Fortschritts der gegebenen politischen Verhandlungen nicht vermeiden. Den Charakter der Hauptfigur entlarven wir in diesem Teil der Geschichte nur durch seine eigenen Kommentare, oder durch seine bewertenden Beschreibungen verschiedener Tatsachen, welche er dem Leser mitteilt. Wie gesagt, dr. Schasz wird ein Zeuge der Verhandlungen über die Art, wie die Transformation der Affen zu den Menschen geschehen soll. Schon von Anfang an dominieren zwei Einstellungen in der Diskussion, d. h. die Notwendigkeit der „äußeren“⁵¹ und der „innerlichen“⁵² Transformation. Obwohl diese zwei Auffassungen nicht im Konflikt sein müssten, allmählich erweisen sie sich als gegensätzlich, denn es ist in der Versammlung keine Verständigung über die Frage, wie wichtig die innerliche Transformation ist, und ob es wünschenswert ist, die äußere Transformation, d. h. die „Abschneidung [des] Schwanzes“⁵³ zu verwirklichen. Interessanterweise sollte dr. Schasz nach dem ursprünglichen Plan mit der Transformation helfen, aber tatsächlich tritt er in den ganzen Prozess praktisch nicht ein. In die Diskussion trägt er mit seinen eigenen Vorschlägen nicht

⁴⁹ Ibidem, S. 34. Eigene Übersetzung.

⁵⁰ Ibidem.

⁵¹ Ibidem, S. 35. Eigene Übersetzung.

⁵² Ibidem, S. 36. Eigene Übersetzung.

⁵³ Ibidem, S. 38. Eigene Übersetzung.

bei, er informiert den Leser nur über die Entwicklung der Verhandlungen, in deren Rahmen zwei unnachgiebige Gruppen entstehen – die Anhänger der Einstellung des Affen Nummer 1, die die innerliche Transformation vorziehen und die äußere Transformation ablehnen, und die Anhänger der Einstellung des Affen Nummer 5, die auf der äußeren Transformation prinzipiell bestehen und die innerliche Transformation überflüssig finden.

In dieser Phase verschwindet dr. Schasz fast aus dem Text. Nach einiger Zeit kommt er aber zurück – in der Rolle eines stillen, stoisch ruhigen moralischen Schiedsrichters und eines Kenners des Lebens, den die schmutzigen Tricks nicht überraschen. Wenn es einleuchtend zu sein beginnt, dass man wegen des Widerstands mancher Mitglieder des Affenrats die Abschneidung des Schwanzes nicht durchsetzen kann, wird ein „Kompromiss“ vorgeschlagen, das voraussetzt, dass die Mitglieder des Affenrats selbst ihre Schwänze erhalten können, während die anderen Affen zu der Abschneidung ihrer Schwänze ohne Gnade verpflichtet sind. Das ruft natürlich scharfe Reaktionen auf, die dr. Schasz dem Leser kommentiert:

„De meeste Leden, die het afkappen der staarten als wreedheid beschouwdeden, wanneer er hunne einden onder begreepen waren, noemden het een eedelmoedige opoffering voor het algemeene welzijn, toen zij vernamen dat hunne hooge waardigheeden vorderden dat zij hunne staarten behielden. – Zelf begonnen zij er sterk op aantedringen, dat het voorgestelde Conciliatoir werd aangenomen. Zij vonden nu eene menigte drangredenen uit, die de spoedige afhakking ten uiterste noodzaaklijk maakten. Vermits ik dergelijke zaaken zeer menigvuldig gezien had, verwonderde ik mij er in 't geheel niet over.“⁵⁴

Gleichzeitig kann man aber nicht übersehen, dass die Einstellung von dr. Schasz in dieser prinzipiellen Frage ein wenig übervorsichtig ist. Wenn er wirklich wollte, könnte er sicher in die Sache eingreifen, obwohl er selbst keinen Affenschwanz hat: „Ik voor mij kon mij zeer gevoeglijk buiten deeze Partijchap houden, vermits ik geen eigenlijke Aapenstaart had“⁵⁵. Aus der Geschichte ist dennoch evident, dass der Hauptprotagonist die Gruppe, auf deren Seite er ist, schon zu Beginn wählt. Hinsichtlich der Macht- und Meinungsposition des Affen Nummer 1, der – nach der Meinung von Schasz – die verkörperte „Affenliebe“⁵⁶ ist, hat er keine Angst um das Schicksal der Affengesellschaft. Er

⁵⁴ Ibidem, S. 42.

⁵⁵ Ibidem, S. 43.

⁵⁶ Ibidem, S. 44. Eigene Übersetzung.

nimmt sogar an, dass, wenn die Affen sich für jemanden entscheiden sollten, würden sie sicher Nummer 1 und seine Anhänger wählen, denn gerade sie garantieren den Schutz ihrer Schwänze:

„[...] en dewijl nommer een, cum suis, de Aaplievenheid zelf was, had ik geen bedugtheid voor eenige schroomlijke gevolgen onder het overige Aapendom. Dit, dagt mij, was althans wiskunstig zeker te verwagten, dat de goede gemeente, wanneer zij al partij koos, nommer een zou toevallen, want deeze was nu de sterke voerspraak hunner bedreigd wordende Staarten geworden.“⁵⁷

Die größte Schwierigkeit besteht darin, dass, wenn die anderen, d. h. unprivilegierten Affen von dem Meinungsstreit hören, „verst[eht] ihn fast jeder von ihnen auf eine andere Weise“⁵⁸. Die einen „verst[ehen] das Wort ‚Schwanz‘ zweideutig und schl[ießen] daraus, dass die Abschneidung nur die männliche Hälfte der Affengesellschaft betr[ifft]“⁵⁹. Das gefällt den Äffinnen nicht. Wenn ihren „Männer[n] und Liebenden“⁶⁰ der Körperteil abgeschnitten werden muss, der figürlich der „Schwanz“ genannt wird, dann werden sie sich weiter nicht vermehren können. In diesem Zusammenhang „r[uft] eine junge Äffin“⁶¹ einen schicksalhaften Satz aus, der die Richtung der weiteren Entwicklung der ganzen Schwanzgeschichte bestimmt: „men [behoorde] liever, in stede van den Staart der Mannen aftekappen, hen er nog één aantezetten“⁶². Dieser Plan gefällt allen jungen Äffinnen und sie wollen ihn durchsetzen helfen. Weil sie wissen, dass Nummer 1 ein großer Anhänger der Schwänze ist, gehen sie ihn besuchen und bitten ihn im Vertrauen um Rat.

In diesem Moment beschreibt dr. Schasz die Äffinnen als sehr dumme, „naiv[e]“⁶³ und lüsterne Wesen, die aber bei jeder Entscheidung in der Affengesellschaft eine sehr wichtige Rolle spielen, und deshalb muss man auf sie Rücksicht nehmen. Das weiß auch der Affe Nummer 1, der ihnen bereitwillig ratet den Affen, die „in ihren Händen die Verwaltung haben“⁶⁴, ein Gesuch zu schreiben, mit der Mitteilung, dass sie den Männchen noch einen zweiten Schwanz aufsetzen wollen. Von diesem Plan bekommt jedoch auch der Affe

⁵⁷ Ibidem.

⁵⁸ Ibidem. Eigene Übersetzung.

⁵⁹ Ibidem. Eigene Übersetzung.

⁶⁰ Ibidem. Eigene Übersetzung.

⁶¹ Ibidem. Eigene Übersetzung.

⁶² Ibidem, S. 45.

⁶³ Ibidem. Eigene Übersetzung.

⁶⁴ Ibidem, S. 46. Eigene Übersetzung.

Nummer 5 Kenntnis und er entscheidet sich diesen Plan, mit Hilfe von einem Vermittler, d. h. dem Affen „Nummer 120978“⁶⁵, zu verhindern. Über diesen Affen, der als ein subversives Element und ein Geheimagent dient, äußert sich dr. Schasz sehr negativ:

*„[het was] een ruuwe, woeste, zedenlooze Aap, die voor geld zig tot alles gebruiken liet, en die vooräl geschikt was, om goede zaaken glad te bederven.“*⁶⁶

Der entsandte Affe Nummer 120978 gewinnt mit einer List Vertrauen der Äffinnen und überzeugt sie darüber, dass, wenn man auf die Körper ihrer Männer noch einen Schwanz aufsetzen will, wird es erst notwendig sein, den hinteren Schwanz zu beseitigen, weil er vollkommen überflüssig ist. Von der Wahrhaftigkeit dieser Behauptung sollen sie sich mit eigenen Augen anhand des Beispiels von Nummer 17 überzeugen. Die Äffinnen müssen dr. Schasz finden und ihn gehörig anschauen.

Bis zu diesem Moment wirkt der Hauptprotagonist in dem Affenland vor allem als ein Beobachter, der nicht im Zentrum der Handlung steht:

*„Ik, (thans nommer 17,) die altoos als een stillen in den lande geleeft had: die mij volmaakt buiten alles hield, wat de Aaperij aanging, – ik wist niets van dit gansche geval.“*⁶⁷

Das aber verändert sich jetzt überraschend. Dr. Schasz wird aus dem Schlaf gerissen und wird zum vollwertigen Akteur, der von seiner privilegierten Position für einen Moment in die Rolle eines Opfers der weiblichen Neugier geriet.

Erst wird er von den Äffinnen geweckt, um demnächst zu bemerken, dass er sich in ihrer Belagerung befindet. Die Äffinnen teilen ihm ihren Wunsch mit – sie wollen „sehen, ob das wahr ist, dass [er] keinen Schwanz ha[t]“⁶⁸. Schasz verteidigt sich höflich, aber die Äffinnen bestehen darauf. Nach langem Überzeugen verlieren sie die Geduld und erfüllen kompromisslos ihre „Kontrollmission“:

⁶⁵ Ibidem, S. 47. Eigene Übersetzung.

⁶⁶ Ibidem.

⁶⁷ Ibidem, S. 49.

⁶⁸ Ibidem. Eigene Übersetzung.

„Eindelijk begon het de nieuwsgierige Aapinnen te verveelen: zij pakten mij gesaamljik aan, en stelden mij, moedernaakt, op een hoogen breedgetopten boom ter beschouwing aan de gansche gemeente voor.“⁶⁹

Nach eigenem Bekunden ist Schasz über ihre Konklusion „sehr überrascht“⁷⁰, denn die Äffinnen schreien begeistert, dass Nummer 17 „keinen Schwanz [hat]!“⁷¹. Der Hauptprotagonist verfällt in Panik und prüft schnell nach, ob er alle Körperteile am Platz hat:

„[ik] sloeg verbaasd mijne oogen naar 't gras, waar ik geleegeen had, ten einde te zien, of er niet het een of ander van mijn lijghaam was afgevallen.“⁷²

Aus einem zynischen, kalt pragmatischen Libertin wird plötzlich ein Mann mit verletztem Ego, der einige Zeit braucht, um sich von so einer groben Behandlung zu erholen. Darüber hinaus bemüht er sich verzweifelt, die Äffinnen von der Unkorrektheit ihres Standpunkts zu überzeugen:

„Ik gevoelde, dat ik kwaad werd: want ik beschouwde deeze handeling als eene boosäartige beschimping van mijn perzoon[.] Met een diepe verontwaardiging sprong ik van den boom, en mijn toorn den vollen teugel vierende, liep ik dit Aapengebroedzel agter na, insgelijks uit al mijn magt schreeuwende: Hij heeft er wel een! Hij heeft er wel een!“⁷³

Die Äffinnen sind mit ihrem Befund zufrieden und Nummer 120978 überzeugt sie leicht, dass sie wirklich ein „Gesuch [schreiben sollten], wie [ihnen] Nummer 1 weise geraten hat“⁷⁴ und es dem Rat übergeben sollen. Die Äffinnen bitten ihn, dass er ihnen hilft jemanden zu finden, der diese technische Aufgabe übernehmen könnte. Nummer 120978 macht das gerne für sie und nach dem Abkommen mit Nummer 5 besticht er einen anderen Affen, den er beauftragt hat, das Gesuch zu schreiben – aber mit einem abgeänderten Inhalt.

Jetzt trifft der Leser auf einen kritischen Kommentar von dr. Schasz auf die Adresse des leitenden Affen. Der Hauptprotagonist weist darauf hin,

⁶⁹ Ibidem, S. 50.

⁷⁰ Ibidem. Eigene Übersetzung.

⁷¹ Ibidem. Eigene Übersetzung.

⁷² Ibidem, S. 51.

⁷³ Ibidem.

⁷⁴ Ibidem, S. 57. Eigene Übersetzung.

dass Nummer 1 immer so viel zu tun hat, dass ihm die Sachen, die wirklich entscheidend für das Funktionieren des Staates sind, leider entgehen:

„Nommer Een, altoos overkropt met staatsbezigheeden, en nimmer oplettende genoeg, op alle de voorwerpen, die eigenlijk den staat formeeren, wist niets van de heimlijke opstooking van Nommer Vijf.“⁷⁵

Schasz kritisiert die Tatsache, dass der Betrug von Nummer 5 aufgrund des Mangels an Vorsicht von Niemandem enthüllt wird – die Äffinnen sind die ganze Zeit davon überzeugt, dass die Meinungsposition „von Nummer 1 [vollkommen] einig mit [der Position] von Nummer 120978 [ist]“⁷⁶ und Nummer 1 findet es unnötig, den Inhalt des Gesuchs im Voraus zu lesen. Und so passiert, dass dem Affenrate ein Dokument ohne jegliches Hindernis übermittelt wird, das auf Ersuchen von Nummer 5 geschrieben wurde. Aus dem Gesuch, das bei der Versammlung vorgebracht wird, folgt, dass die Äffinnen

„[vorsch]lagen, dass, um über die Aufsetzung des zweiten, neuen [...] Schwanzes entscheiden zu können, der lange Schwanz, den man ‚Affen-schwanz‘ nennt, abgeschnitten wird.“⁷⁷

An diesen Vorschlag knüpft sich aber eine Ausnahme an – nämlich für „die Affen, [die das Land leiten], die Priester, usw.“⁷⁸. Diesen Affen, hinsichtlich ihrer „schwierig[en] Aufgaben, [...] ist ein Schwanzgenug“⁷⁹, und deshalb muss man ihnen keinen Schwanz abschneiden.

Nummer 1 ist von dieser unerwarteten Wendung überrascht und argumentiert, dass dieser Eingriff sehr riskant ist. „Die Wunde könnte [nämlich] von so einer Art sein, dass sie zum Ausbluten hinführen könnte“⁸⁰. Auf diesen Einwand reagieren die Anhänger von Nummer 5 mit einem lauten Lachen und sie behaupten, dass es ausreichend sein wird, wenn man die entstandene Wunde mit einem Pflaster verklebt. Daran glauben auch größtenteils die Affenmassen und bestehen auf der Schwanzabschneidung. Verbittert von der Entwicklung der Situation wendet sich jetzt auch dr. Schasz an den Leser mit seinem Kommentar. Er verlässt die Position des gemäßigten Beobachters, verliert buchstäblich

⁷⁵ Ibidem, S. 63.

⁷⁶ Ibidem. Eigene Übersetzung.

⁷⁷ Ibidem, S. 67. Eigene Übersetzung.

⁷⁸ Ibidem. Eigene Übersetzung.

⁷⁹ Ibidem, S. 67–68. Eigene Übersetzung.

⁸⁰ Ibidem, S. 69. Eigene Übersetzung.

die Geduld mit den unvernünftigen Affen und will sie für ihre Torheit damit bestrafen, dass er ihrem naiven Wunsch großzügig gerecht wird:

„Wanneer het te doen ware, dagt ik, om iets te winnen; dan liet deeze drift zig eenigzins billijken, – maar nu, nu zij een hunner voornaamste Ledenmaaten moeten verliezen, nu zo sterk, op dat verlies aantedingen! – Zij verdienen, dat men hen alles afkappe, wat buiten hun lighaam uitsteekt.“⁸¹

Die Verhandlungssituation erreicht einen Punkt, in dem alle vernünftigen Argumente unwichtig erscheinen. Nummer 1 bemüht sich unermüdlich darauf hinzuweisen, dass „die Leute [...] nicht zwei Schwänz[e haben]“⁸², und dass, wenn die Affen diesen Schritt machten, sie sich den Menschen noch weniger als jetzt ähneln würden. Sein Bestreben ist aber vollkommen fruchtlos. In höchster Not schlägt Nummer 1 vor, dass das Abschneidungsexperiment

„erst mit zehn oder zwölf Affen gemacht wird {[...], und weil diese [...] Freiwilligen]} vielleicht schwierig zu finden sein würden, bietet er sich an, dass er sich dem Experiment selbst unterzieht.“⁸³

Wenn das Experiment nicht gut endete, könnte man den Abschneidungsplan aufgeben. Davon wollen aber Nummer 5 und seine Anhänger nichts hören. Wie dr. Schasz schreibt, aus Angst, dass „das Volk [...] fordern könnte, dass sich [gerade] die herrschenden Affen dem Experiment unterziehen“⁸⁴, begeben sich Nummer 5 und seine Anhänger zu der Entscheidung die Gegenpartei zu beschmutzen und rufen in der Gesellschaft eine hysterische Stimmung auf. Das führt dazu, dass die „allgemeine Abschneidung der Schwänze“⁸⁵ gutgeheißen wird.

Auch jetzt ergibt sich aber Nummer 1 nicht und versucht die Affengesellschaft verfahrensmäßig zu retten. Dieser Pavian schlägt vor, „dass man nicht mehr als sechs Affen gleichzeitig die Schwänze abschneide[t]“⁸⁶. Er macht es in der Hoffnung, dass die drastischen Auswirkungen des Eingriffs die anderen Affen entmutigen und die Affengesellschaft gerettet wird. Das wird aber von der

⁸¹ Ibidem, S. 70.

⁸² Ibidem, S. 71. Eigene Übersetzung.

⁸³ Ibidem, S. 73. Eigene Übersetzung.

⁸⁴ Ibidem, S. 74. Eigene Übersetzung.

⁸⁵ Ibidem, S. 75. Eigene Übersetzung.

⁸⁶ Ibidem, S. 76. Eigene Übersetzung.

Gegenpartei wieder verhindert und die verbindliche Weise, auf welche Art man die Affenschwänze abschneidet, bestimmt wird. Die Abschneidung wird bei allen Affen gleichzeitig gemacht – mit Hilfe von einer kreisförmigen Ordnung. Jeder sitzende Affe muss den Schwanz des Affen, der vor ihm sitzt, abschneiden. Den Abschneidungstag und seinen Verlauf beschreibt dr. Schasz sehr detailliert und mit einer offensichtlichen emotionalen Bewegung. In der Rolle eines „Reporters“ wird er ziemlich dramatisch und kurz vor der Abschneidung der Millionen Affenschwänze enthüllt er dem Leser, wie sehr ihn die Situation berührt. Nach der Ausführung von diesem radikalen Eingriff identifiziert er sich beinahe mit den unglücklichen Affen:

„Mijn staart werd niet afgekapt, – dus was het geen eigenbelang, – maar, bij al wat heilig is, kan ik betuigen, dat, toen de bijlen nedervielen, het eveneens ware, als of ik ook een staart had, die door de scherpte des bijls, van mijn lighaam werd afgescheiden.“⁸⁷

Weiter erwähnt er „ein lautes Geschrei“⁸⁸, das die Affen in „großen Schmerz[en]“⁸⁹ machten und die Verwirrung die erfolgte, als jeder Affe, statt dem Verkleben „der Wunde des [...] vorne sitzenden Affen“⁹⁰ mit einem Pflaster, „nach seinem eigenen blutenden Hinterteil griff und wie wahnsinnig aus dem Kreis sprang“⁹¹. Die Situation ist weiter unmöglich zu lenken – überall hört man Geschrei und Weinen und dr. Schasz beschreibt ein blutiges Massaker. Über Nummer 5 und seine Anhänger äußert sich niemand mehr lobend:

„Alles wat zijn staart verlooren had vervloekte de Nommervijfaanen, die kort te vooren zo algemeen gezegend en toegejuicht werden.“⁹²

Die Mehrheit der Affen wird infolge des großen Blutverlustes ohnmächtig und stirbt schließlich, wie Nummer 1 vorhergesagt hat. Während Nummer 1 und seine Anhänger sich bemühen den blutenden Affen zu helfen und zusammen „die Toten [...] weg [zutragen]“⁹³, beobachtet der Hauptprotagonist alles aus

⁸⁷ Ibidem, S. 86.

⁸⁸ Ibidem. Eigene Übersetzung.

⁸⁹ Ibidem. Eigene Übersetzung.

⁹⁰ Ibidem, S. 87. Eigene Übersetzung.

⁹¹ Ibidem. Eigene Übersetzung.

⁹² Ibidem.

⁹³ Ibidem, S. 88. Eigene Übersetzung.

„einem hohen Baum“⁹⁴, wo er „drei Tage und [drei] Nächte wein[t] und klag[t]“⁹⁵.

Wie ich zu zeigen versucht habe, löst der Hauptprotagonist in der ganzen Geschichte einige Rollen und Wertpositionen ab, die manchmal sogar als gegensätzlich betrachtet werden können. Dr. Schasz tritt in der Geschichte in zwei grundlegenden Rollen auf – zum einen, als ein Akteur, und zum zweiten, als ein Beobachter. In beiden diesen Rollen gibt es Momente, in denen er sympathisch zu sein scheint, genau wie die Momente, in denen er gar kein Vertrauen erweckt, oder direkt abstoßend wirkt. In dem einleitenden Teil der Geschichte tritt er als ein Akteur auf, der die materialistischen Werte verkörpert und der sich, ethisch gesehen, durch eine Reihe von negativen Eigenschaften, die der Autor kritisiert, kennzeichnet. Es geht um die emotional kalte Einstellung von Schasz zu seinen Nächsten, oder eher zu seinen Verpflichtungen, und die utilitaristisch orientierte, egoistische Entscheidung über ihre Rettung, die vollkommen amoralisch ist. Eine andere kritisierte Eigenschaft ist die absolute Ichbezogenheit von Schasz, der den Hilfeschrei und die verzweifelte Geste der ertrinkenden Mitglieder seines eigenen Haushaltes ignoriert. Im Gegensatz zu seiner Profession als Arzt und seiner Ausbildung hilft er seinen Nächsten nicht. Etwas positiver beginnt Schasz in dem Moment zu erscheinen, als er mit einer Reihe von augenscheinlich ungerechten Beschuldigungen konfrontiert wird, vor denen er zu entfliehen bemüht ist, um sein Leben zu retten. Hier wird die leichte Manipulierbarkeit der Leute kritisiert, genau wie das Phänomen der Verleumdung als solche, denn eine Verleumdung kann keinen Effekt haben ohne die Leute, die an sie glauben und die sie weiterverbreiten. In diesem Moment wirkt Dr. Schasz eher als ein Opfer auf der Flucht vor einer sicheren Todesstrafe. Auf der anderen Seite, in Hinsicht auf die Tatsache, dass er kurz davor de facto zwei Leute ertrinken ließ, wäre diese Strafe nicht gerecht? Was folgt, ist Schaszs Rolle eines materialistischen Libertins, in der er seine Einstellung gegenüber Frauen enthüllt, was der Autor auch nicht unbestraft lässt. An seine Verfehlungen gegen seine Frau und sein Dienstmädchen wird Schasz in dem Affenland greifbar erinnert. Es ist zwar eine Frage, ob der Hauptprotagonist wirklich als ein Libertin bezeichnet werden kann⁹⁶, mit anderen Worten als jemand, der sich durch die „Freiheit der Meinungen [und]

⁹⁴ Ibidem, S. 89. Eigene Übersetzung.

⁹⁵ Ibidem. Eigene Übersetzung.

⁹⁶ BUIJNSTERS, Piet J.: *Inleiding*. In: *Reize door het aapenland* (onder pseudoniem J. A. Schasz). PAAPE, Gerrit (ed.). [online]. Zutphen: W.J. Thieme, 1972, S. 5–43. [zit. 09. 09. 2020]. https://www.dbnl.org/tekst/paap004reiz02_01/paap004reiz02_01.pdf.

Sitten“⁹⁷ kennzeichnet, oder ob sein Verhalten nur dadurch motiviert ist, dass er Frauen verachtet⁹⁸. Was auch immer die Antwort ist, er entflieht seinen Frauen sowieso nicht. Zu einem der letzten Momente, wenn Schasz als ein Akteur handelt, gehört die Situation, in der er mit dem vornehmen Pavian Nummer 1 spricht. Er tritt höflich auf und wirkt sympathisch, vor allem wenn er nach der „grundlosen“ Beförderung eine gesunde Selbstreflexion zeigt.

Öfter tritt aber dr. Schasz in dem Werk als ein Beobachter auf. Als eine handelnde Figur verstummt er praktisch und nimmt die Rolle von einem stoisch ruhigen Kenner des Lebens an, der in dem politischen Konflikt in dem Affenland an der Seite des Gutes steht; gleichzeitig greift er aber in die Handlungen nicht ein. Das Vertrauen des Lesers gewinnt er allmählich, zum Beispiel dank dem negativen Kommentar zu dem bestechlichen Geheimagenten. Negativ beschreibt er aber auch die Äffinnen – als dumme und wollüstige Wesen – woraus man das Gefühl einer sicheren Überordnung spürt. Dieses Überordnungsgefühl wird ihm jedoch bald mit gleicher Münze heimbezahlt, wenn die Äffinnen ihn als einen Akteur zurück in die Handlung einziehen und ihn aus männlicher Sicht einer erniedrigenden, heiklen Situation aussetzen. Aber, wenn wir das Verhalten von Schasz gegenüber Frauen in Betracht nehmen, und weiter auch die Tatsache, dass die Äffinnen – genauso wie er selbst – in Übereinstimmung mit materialistischen Werten handelten, d. h. dass sie auf die Moral keine Rücksicht nahmen und nur ihrem Instinkt folgten, ist diese Erniedrigung vollkommen ungerecht? Nach der Lesung des manipulierten Gesuches, das die Äffinnen dem Affenrat übergaben, beginnt die Figur von dr. Schasz sich durch ihre Inaktivität, mit anderen Worten, durch das, was sie nicht macht, auffällig zu kennzeichnen. Auf jeden Trick von Nummer 5 und seine Anhänger reagiert Nummer 1 mit einer positiven „Gegenaktion“. Erst weist er zum Beispiel auf die Gefahr der Ausblutung nach dem Eingriff hin, während Schasz seinen erbitterten Kommentar schreibt, den er damit abschließt, dass er die Affen für ihre Halsstarrigkeit damit bestrafen würde, dass er alle ihre Gliedmaßen abschneiden würde. Weiter schlägt Nummer 1 ein Experiment mit einer eingeschränkten Anzahl von Affen zu machen vor, und bietet sich sogar als ein Freiwilliger an. Wenn dieser Plan scheitert, bemüht er sich das Affenvolk noch verfahrensmäßig zu retten. Dr. Schasz macht aber nichts. Nur an dem schicksalhaften Tag von der Schwanzabschneidung, nimmt

⁹⁷ KLIMEŠ, Lumír: *Slovník cizích slov*. Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1985, s. 408. Eigene Übersetzung.

⁹⁸ BUIJNSTERS, Piet J.: *Inleiding*. In: *Reize door het aapenland (onder pseudoniem J. A. Schasz)*. PAAPE, Gerrit (ed.). [online]. Zutphen: W.J. Thieme, 1972, S. 5–43. [zit. 09.09.2020]. https://www.dbnl.org/tekst/paap004reiz02_01/paap004reiz02_01.pdf.

er eine anti-materialistische Einstellung an, drückt seine emotionale Bewegung aus und hat mit den armseligen Affen Mitleid. Bei dem Massaker, wenn sich Nummer 1 wieder vorbildlich benimmt und bemüht ist den Verletzten zu helfen, beobachtet nur Schasz vollkommen irrational alles vom Baum und weint – im Gegensatz zu Nummer 1 ist er nämlich kein wirklicher Held, der sein eigenes Leben riskiert, um für die Anderen zu kämpfen. Dr. Schasz hat sich nur von der Rolle von einem zynischen Pragmatiker allmählich zu der Rolle von einem empathischen, aber nicht eingreifenden, Träger moralischer Werte transformiert. Weil der Autor aber einen offensichtlichen Gerechtigkeitssinn hat, will er den Hauptprotagonisten für seine Verfehlungen aus dem einleitenden Teil der Geschichte nicht unbestraft lassen. Dr. Schasz wird also aus seinem langen Schlaf, zu seiner großen „Überraschung“⁹⁹, zum Schluss bei ihm zu Hause, wach, wo seine Frau, sein schwangeres Dienstmädchen und beide Tiere auf ihn warten – und es handelt sich um kein angenehmes Erwachen.

Bibliografie – References:

- BERGHE, Gie, van den: *De mens als machine. Julien de la Mettrie*. In: BERGHE, Gie, van den: *De mens voorbij*. [online]. Antwerpen: Meulenhoff/Manteau, 2008, S. 80–85. [zit. 09.09.2020]. <http://www.serendib.be/upload/files/mensvoorbij-boek.pdf>.
- BUIJNSTERS, Piet J.: *Inleiding*. In: *Reize door het aapenland (onder pseudoniem J. A. Schasz)*. PAAPE, Gerrit (ed.). [online]. Zutphen: W.J. Thieme, 1972, S. 5–43. [zit. 09.09.2020]. https://www.dbnl.org/tekst/paap004reiz02_01/paap004reiz02_01.pdf.
- KLIMEŠ, Lumír: *Slovník cizích slov*. Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1985.
- PAAPE, Gerrit: *Reize door het Aapenland*. ALTENA, P. (ed.). Nijmegen: Vantilt, 2007.

Alexandra Gorodecká

Master of Arts, Department of German, Scandinavian and Netherland Studies, Faculty of Arts, Masaryk University, A. Nováka 1, 602 00 Brno, Czech Republic
a.gorodecka@post.cz

⁹⁹ PAAPE, Gerrit: *Reize door het Aapenland*. Nijmegen: Vantilt, 2007, S. 90. Eigene Übersetzung.

«Дневники женщины» Валерия Брюсова как попытка описания собственной анимы

Людмила Борис

Абстракт

Малая проза и личная жизнь Валерия Брюсова вызывают в современном мире больший интерес, чем его стихи. «Последние страницы из дневника женщины» как исповедальный жанр отражают любовные коллизии автора с женской позиции. Такая манера самораскрытия наводит на мысль, что это попытка исследовать скрытые, бессознательные глубины собственной души. Отношения героев повести — Натали, Модеста и Володи — зеркально отображают отношения Брюсова с Ниной Петровской и Надеждой Львовой. Другие персонажи — муж (жена), мать, сестра — также являются своего рода проекциями анимы героини и автора, все стадии (или части) анимы раскрыты последовательно и убедительно. И хотя в эти же годы Юнг уже начал работу над своей теорией бессознательного, можно утверждать, что Брюсов провел оригинальное исследование собственной души, сделав это красиво и талантливо, как художник слова.

Ключевые слова: Брюсов; Петровская; Львова; «Последние страницы из дневника женщины»; анима; самоидентификация; игра в другой пол

“Woman’s Diary” by Valery Bryusov as an Attempt to Describe His Own Anima

Abstract

The short prose and personal life of Valery Bryusov is of greater interest in the modern world than his poems. “The Last Pages from a Woman’s Diary”, as a confessional genre, reflects the author’s love conflicts from a female perspective. This manner of self-disclosure suggests that this is an attempt to consider the hidden, unconscious depths of the soul. The relationships of the heroes of the story—Natalie, Modest and Volodya—mirror the relationships of Bryusov with Nina Petrovskaya and Nadezhda Lvova. Other characters—husband (wife), mother, sister—are also projections of a kind of anima of the heroine and the author, all parts of the anima are revealed gradually and convincingly. During these same years, Jung had already begun work on the theory of the unconscious, but it can be argued that Bryusov conducted his

original study of the soul on his own, and did it beautifully and talentedly, as an artist of words.

Key words: Bryusov; Petrovskaya; Lvova; “The last pages from a woman’s diary”; anima; self-identification; playing the other gender

Валерий Брюсов при жизни был признанным мэтром в среде стихотворцев, его называли «императором символизма», восхищались его творчеством, личностью, бурной личной жизнью. Однако через столетие после его смерти

«отношение к творчеству Брюсова [...] не соответствует тем немалым усилиям, тому весомому вкладу, который этот поэт, прозаик, переводчик, теоретик символизма внес в русскую литературу»¹,

его считают не вдохновенным поэтом, а своего рода конструктором стихов, искусственность которых отталкивает. Возможно, создание такого имиджа началось с яркой статьи М. Цветаевой «Герой труда», в которой через год после смерти поэта она писала про него как про «образец непреодоленной без-дарности», который «в творении своем был застегнут (а не забит ли?) наглухо, забронирован без возможности прорыва»². Из стихотворного наследия Брюсова изредка цитировали самые пафосные фразы в качестве шутки: «О, закрой свои бледные ноги!»; «Юноша бледный со взором горящим!». Проза же его была непопулярна и нехрестоматийна, после знакомства со стихами можно было не попытаться её для себя открыть. Но прочитавшие хотя бы одну новеллу были приятно удивлены и стилем, и языком, и неординарностью образов: «Я был буквально заморожен этой повестью, и про себя сразу назвал ее «самым декадентным романом в русской литературе». В ее темном эротизме улавливалась и «тамарисковое дыхание лесов», и терзающий подъем телесной силы, поражала неисчезающая словесная вязь — наподобие муарового узора...»³. Не только блоги любителей

¹ MAMEDOV, Afanasij: *Ona i jeje dnevnik. O knige Valerija Brjusova «Poslednije stranicy iz dnevnika ženščiny»*. Labirint. [online]. [cit. 2024-03-20]. <https://www.labirint.ru/now/mamedov-bryusov/>.

² CVETAJEVA, Marina: *Geroj truda (Zapisi o Valerii Brjusove)*. Nasledije Mariny Cvetajevoj. [online]. Praha, 1925. [cit. 2024-03-20]. https://www.tsvetayeva.com/prose/pr_geroj_truda.

³ MAMEDOV, Afanasij: *Ona i jeje dnevnik. O knige Valerija Brjusova «Poslednije stranicy iz dnevnika ženščiny»*. Labirint. [online]. [cit. 2024-03-20]. <https://www.labirint.ru/now/mamedov-bryusov/>.

литературы, но и интернет-платформы товаров и услуг, например «Отзовик»⁴, который собирает отзывы о проданных книгах, содержат большое количество хвалебных отзывов именно о прозе Брюсова, в то время как его стихи служат только иллюстрацией к бурной личной жизни поэта. Вот пример отзыва о повести на книжном онлайн-магазине «Лабиринт»:

*«Совершенно редкостное сочетание прекрасного оформления и тонкого психологически сюжета. Брюсов явно недооценен, хотя бы эта его вещь. С удовольствием читается и наслаждается, несмотря на тяжелый в общем-то жизненный переплет героини. И кто скажет, что фабула несовременна?»*⁵

Мои личные размышления об этой особенности восприятия творчества В. Я. Брюсова начались в период «вынужденной изоляции» в 2020-м году, когда я читала лекции по Серебряному веку онлайн, а заодно решила завести профиль в Instagram для расширения социального общения. Про ролевые игры в интернете много сказано, про общение в ковидное время очень хорошо спел комик Бо Бёрнем (Bo Burnham: Inside), наглядно продемонстрировав «инстаграм белой женщины». Чтобы не подпадать под эти стереотипы, я решила завести страничку под мужским именем, кроме того, избранный круг моих знакомых должен был догадаться, кто скрывается под псевдонимом, поэтому я взяла фамилию Брюсов, которая созвучна с моей и намекает на любовь к поэзии. Собственно, сам Брюсов тоже играл в эту игру — публикации под псевдонимами, их у него было несколько десятков, мои любимые: Аврелий, Москвитянин, Пэнтаур. Тогда же я выяснила, что несколько новелл Брюсова прошли мимо моего читательского интереса, и наконец прочла «Последние страницы из дневника женщины», не отрываясь, за вечер. Это была удивительная история красивой, умной и хладнокровной женщины, написанная в исповедальном жанре, полная тонких наблюдений и психологических разборов людей и ситуаций. Возникло впечатление, что, как я прятала свою истинную сущность под

⁴ Отзыв от 4 августа 2022 г.: «Недавно открыла для себя замечательного русского писателя эпохи Серебряного века Валерия Брюсова. Ранее читала его стихи, а с прозой встречаться не приходилось, и вот... Затянуло с головой, сама не ожидала.» Otvovik. [online]. [cit. 2024-03-20]. https://otzovik.com/reviews/kniga_poslednie_stranici_iz_dnevnika_zhenschini-v_bryusov/.

⁵ Otvov Klevkova Aleksandra na sajte «Labirint» Labirint. [online]. [cit. 2024-03-20]. <https://www.labirint.ru/reviews/goods/830710/>.

мужским именем, так и автор женского дневника, возможно, раскрывал свою, прикрываясь героиней.

Псевдонимы являются одновременно прикрытием личности (души, анимы) и в то же время способом самоидентификации. Так, многие женщины-писатели использовали псевдонимы, чтобы избавиться от предвзятости читателей: Мария Вовчинска — *Марко Вовчок*, Мэри Энн Эванс — *Джордж Элиот*, Аврора Дюпен — *Жорж Санд*, Светлана Мартынчик — *Макс Фрай*, Эльза Триоле — *Даниэль Лоран*, З. Гиппиус — *Антон Крайний*. Мужчины-писатели также использовали женские псевдонимы, особенно когда писали истории о любви: Питер О’Доннелл — *Мэйдлин Брент*, Уильям Шарп — *Фиона Маклауд*, Проспер Мериме — *Клара Гасуль* (даже с портретом), Александр Грин — *Нина Воскресенская*, Борис Акунин — *Анна Борисова*. Наконец, Валерий Брюсов, написавший в 1910 году дневник от лица женщины, через три года создал сборник «Стихи Нелли», в котором якобы написал только посвящение от себя. В этом сборнике кроме перекликающихся с «Дневником женщины» поэтических и ситуативных мотивов есть целые разделы — Листки дневника, История моей любви — прямо отсылающие к новелле и любовным похождениям автора. Женское имя *Нелли* зашифровывает, как вензель, имя погибшей возлюбленной — Надежды Львовой, юной талантливой поэтессы (*поэтки*, как она себя называла), покончившей жизнь самоубийством на почве разделенной (с Брюсовым) любви:

*«Детских плеч твоих дрожанье,
Детских глаз недоуменье,
Миги встреч, часы свиданья,
Долгий час — как век томленья...»⁶*

Марина Цветаева писала об этой паре:

*«...в тот же вечер я в первый (и единственный) раз увидела поэтессу
Львову. Невысокого роста, в синем, скромном, черно-глазо-брово-голо-
вая, яркий румянец, очень курсистка, очень девушка. Встречный,
к брюсовскому наклону, подъем. Совершенное видение мужчины*

⁶ В первом издании имени Брюсова на обложке не было, значилось только «Стихи Нелли» с посвящением Валерия Брюсова. Москва. Позже, когда мистификация была раскрыта, сборник внесли в сочинения поэта. См.: Nacional'naja èlektronnaja biblioteka. [online]. *Stichi Nelli s posvjaščenijem. Sočinenija Valerija Brjusova*. Moskva, 1913. [cit. 2024-03-20]. https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_v19_rc_1943071/.

*и женщины: к запрокинутости гордости им — снисхождение гордости собой. С трудом сдерживаемая кругом осчастливленность».*⁷

Их отношения словно «отзеркалены» в отношениях Натали (Nathalie) и Володеньки, её молодого любовника, покончившего с собой, потому что предмет страсти не собиралась принадлежать исключительно ему:

*«Я ему клялась, что люблю, и действительно любила в ту минуту за наивность его радости, за настоящие слезы в его глазах, за то, что весь он — слабый, тонкий, гибкий, как стебель».*⁸

Эти слова реверсивно перекликаются со «Стихами Нелли»:

*«Проснувшись в узкой спальне
При тусклом зимнем дне,
Мой милый мальчик маленький,
Ты вспомни обо мне.»*

В «Дневнике женщины» признание героини:

*«Мне очень нравится этот мальчик, губы его пахнут, как земляника в июле, и всего его хочется искусать до крови, но больше я не допущу никаких уступок! Я преодолела в своей душе чувство к Модесту, преодолела и нежность к Володе.»*⁹

В «Стихах Нелли» та же чувственность и жестокость:

*«Мой мальчик, мой милый, мой маленький,
Как сладко тебя целовать!
Твой рот, словно розанчик аленький,
Губами жестокими жать!»*
(История моей любви)

Деталь, которая роднит образы Володеньки и Нелли (Нади) — они оба юные революционеры, попавшие в смертельные объятия любви,

⁷ CVETAJEVA, Marina: *Geroj truda (Zapisi o Valerii Brjusove)*. Nasledije Mariny Cvetajevoj. [online]. Praga, 1925. [cit. 2024-03-20]. https://www.tsvetayeva.com/prose/pr_geroj_truda.

⁸ BRJUSOV, Valerij: *Poslednije stranicy iz dnevnika ženščiny*. In: BRJUSOV, Valerij: *Rassказы*. Sankt-Peterburg: Azbuka-klassika, 2017, s. 31.

⁹ *Ibidem*, s. 50.

становясь созависимыми и безвольными. Итак, поэт пишет от имени поэтессы, вкладывая в её слова свои слова, смотрит её глазами и чувствует одновременно за обоих. Отражение и перетекание друг в друга душ, как дуальность инь-ян, в которых на белом есть черная точка, а на черном — белая, как дуальность слияния анимы и анимуса, лицо как личина и сокровенная изнанка души.

Ещё одна роковая любовь Брюсова — Нина Петровская, которая тоже любила писать не от своего имени, а от имени мужчины (например, в сборнике новелл «Sanctus amog», который посвящен их любви), и такое вживание в чужую роль является одновременно попыткой понять и почувствовать другую душу, а заодно отрефлексировать свою. Новелла «Любовь» с подзаголовком «Страницы из записной книжки» перекликается с «Дневником женщины» Брюсова в характеристике отношений героев:

«— Любишь ли ты меня? — спросил я её в ту ночь, и сердце сжалось тёмным предчувствием беды. Она перегнулась через столик, красивая, жестокая, с равнодушно-веселыми глазами, и сказала:

— Конечно, но до предела. Твоя любовь всегда была требовательная, грубая. Я чувствую, как она определяет вперед каждый мой шаг и говорит: «Ты должна». Давай же, наконец, дадим друг другу свободу и не будем требовать ничего.

Тёмный холод залил душу, и из него не я, а кто-то пьяный от боли, ответил покорно и тихо: «Дадим свободу... не будем требовать ничего»¹⁰

Примерно в таких словах и выражениях героиня Брюсова «дрессировала» своего второго обожателя — Модеста — художника, сильного и страстного человека, не чуждого мистике и экзальтации:

«Я возразила очень резко: «Прежде всего, я хочу принадлежать самой себе». Под конец разговора Модест, совсем забывшись, стал чуть не кричать, что теперь или никогда я должна доказать свою любовь к нему, что он никогда не скрывал ненависти своей к моему мужу и многое другое, столь же ребяческое. Тогда я ему прямо напомнила,

¹⁰ PETROVSKAJA, Nina: *Razbitoje zerkalo*. In: PETROVSKAJA, Nina: Proza. Memuary. Kritika. Moskva: B. S. G.-PRESS, 2014, s. 84.

что уже поздно и что в этот день длить его визит совершенно неуместно».¹¹

Натали холодно анализирует свои чувства:

«В Володе я люблю его любовь ко мне. В Модесте — возможность моей любви к нему. Только возможность, потому что я употреблю все усилия, чтобы эта любовь в моей душе не разгорелась»¹².

Модест называет её Талией — как музу танцев и легкой поэзии (и когда-то в юности у Брюсова было чувство к танцовщице Наталье, которую он так же называл) — и вдруг на лоне природы её цинизм и расчетливость исчезают:

«Я бегала по поблеклой траве, как Мария Стюарт в третьем акте трагедии Шиллера. Я пела песенки, как бывало в пятнадцать лет, гуляя с влюбленными в меня гимназистами. Увидев белку, спасающую от меня на самую вершину сосны, я обрадовалась, как дитя»¹³.

Для сравнения — в одном из стихов Нелли «У пруда» аналогичная сцена:

*«И снова Марии Шотландской
Крикъ рвется к веселымъ устамъ:
«Вернулось безпечное детство!»
Природа — единый, гигантский,
Съ божественнымъ куполомъ, храмъ...»*

— и это отсылка сразу во всех направлениях: к реальной женщине, придуманной женщине, собственным чувствам поэта.

Идет любовная игра и параллельно с нею — тягостные выяснения отношений, попытка присвоить свободу любимого человека и способы уйти от обязательств: «Ответь мне со всей откровенностью и со всей решимостью: любишь ли ты меня и любишь ли меня одного?» Эти слова были таким диссонансом в гармонии осеннего дня и моей радости!

¹¹ BRJUSOV, Valerij: *Poslednije stranicy iz dnevnika ženščiny*. In: BRJUSOV, Valerij: *Rassказы*. Sankt-Peterburg: Azbuka-klassika, 2017, s. 34.

¹² Ibidem, s. 41.

¹³ Ibidem, s. 44.

Но я давно знаю, что говорить правду мужчинам нельзя¹⁴, и ответила покорно: «Да, Модест, я люблю тебя одного.» После нового молчания Модест опять спросил меня что-то подобное же, и я опять, не споря, дала ему условный, стереотипный ответ»¹⁵. Этот эпизод отсылает к отрывку Нины Петровской, приведенному выше. На чьей стороне автор — не понятно, потому что это повествование не со стороны, а изнутри, из дневника — дневника женщины.

Возможно, художественный текст является способом осмысления отношений в паре или любовном треугольнике, но также, по-видимому, создание пар и треугольников является предлогом для создания и раскрытия сюжетов. Брюсов посвящает «Огненного ангела» Нине Петровской, Нина даже начинает подписываться именем Рената, как у героини этого романа, затем отблеск этих отношений виден в сцене с Модестом-жрецом и околдованной на время Натали-Талией, которая чувствует себя соучастницей преступления, совершенного Модестом, что затем выражается в «стихе Нелли» «Сораспятые», а «Стихи Нелли» написаны для сравнения с реальными стихами Нади Львовой. Автор убивает героев, прототипы убивают себя:

*«Мне хочется плакать под плач оркестра.
Печален и строг мой профиль.
Я ныне чья-то траурная невеста...
Возьмите, я не буду пить кофе.
Мы празднуем мою близкую смерть.
Факелом вспыхнула на шляпке эгретка.
Вы улыбнетесь...
О, случайный! Поверьте,
Я — только поэтка.
Слышите, как шагает по столикам Ночь?..»¹⁶*

— из единственной книжки стихов Надежды Львовой «Старая сказка» (1913).

Время декаданса, революционные настроения, идеи феминизма, увлечение оккультизмом, жизнь и чувства на износ, смерть пафосна — как в театре. Это то же самое время, когда Карл Густав Юнг порвал с Фрейдом, начал писать «Символы и метаморфозы» и «Психология

¹⁴ Курсив мой.

¹⁵ Ibidem, s. 46.

¹⁶ L'VOVA, Nadežda: *Stichotvorenija Nadeždy L'vovoj*. Russkije stichi. [online]. [cit. 2024-03-20] <https://libverse.ru/lvova/mne-hochetsya-plakat.html>.

бессознательного». Ощущая конфронтацию с бессознательным, Юнг пытался его понять и начал практиковать метод, который позже назвал «активным воображением»: записывал все, что он чувствовал или видел в небольшом дневнике в красной обложке, который позже перерос в Красную книгу. Есть основания предполагать, что Брюсов шёл похожим путем в попытке понять бездны своей души, в стараниях смоделировать не просто внешность и характер, но и аниму другого человека как отражение собственной. Дневник от имени незаурядной женщины — одна из таких попыток. В нем автор исследует прежде всего себя, вкладывая в уста Модеста слова: «Современный человек должен уметь все: писать стихи и управлять электрической машиной, играть на сцене и убивать» — и тут же, пытаясь объективизироваться, пишет рукой женщины, которая смотрит на него другими глазами:

«Никогда не знаешь, зачем он делает то или другое. Быть его женой! да это так же страшно, как быть женой Синей Бороды!»¹⁷

И в подтверждение такого вывода горничная Глаша рассказывает, как Модест «пользовался её слабостью и наивностью», между визитами с пламенными чувствами и речами к Натали.

Речи Модеста — яркие и проникновенные, они отражают внешнюю маскулинную часть личности автора:

«Истинная любовь женщине недоступна. Мужчина любви может пожертвовать всей своей жизнью, может погибнуть ради любви и будет счастлив своей гибелью. А женщина или ищет в любви забавы (и это еще самое лучшее!), или привязывается бессмысленно к человеку, служит ему, как раба, и счастлива этой своей собачьей привязанностью. Мужчина в любви — герой или жертва. Женщина в любви — или проститутка или мать. От любви убивают себя или мужчины, настоящие мужчины, зрелые люди, понимающие, что они делают, или девчонки в шестнадцать лет, воображающие, что они влюблены. Это говорит статистика самоубийств. Требовать от женщины любви так же смешно, как требовать зоркости от крота!». Модест дает рыцарские клятвы и обещания: «Мы будем жить только друг для друга, я буду поклоняться тебе, как божеству,

¹⁷ BRJUSOV, Valerij: *Poslednije stranicy iz dnevnika ženščiny*. In: BRJUSOV, Valerij: *Rasskazy*. Sankt-Peterburg: Azbuka-klassika, 2017, s. 54.

и буду счастлив, потому что буду с тобой». Но женская часть возражает: «Модест, дело ведь не только в том, чтобы был счастлив ты, но чтобы и я была счастлива»¹⁸.

И это наблюдение перекликается с рассуждениями Юнга об аниме:

«Как мужчина вы не имеете души, так как она в женщине; как женщина вы не имеете души, так как она в мужчине. Но если вы станете человеческим существом, тогда ваша душа придет к вам. Самому мужественному мужчине нужны женщины, и, следовательно, он их раб»¹⁹. Воля Модеста ломается, его агрессивность исчезает и героиня почти согласна остаться с ним, но не согласна принадлежать целиком: «Как это скучно! Мужчины не довольствуются тем, что мы им отдаем, и даже тем, что мы их любим. Каждому из них надобно, чтобы мы отдавались только одному ему и любили его так, как ему того хочется. Володя не понимает, что ему даже взять нечем того, что я отдаю в себе (душевно и телесно) Модесту, как и Модесту нечем взять того, что я отдаю Володе. Все твердят: я хочу тебя всю, но ни один не подумает, достаточно ли глубока и широка для того его душа!»²⁰

В расстановке персонажей новеллы за скобки сознательно вынесен муж героини — его убивают в самом начале, а из дневника мы узнаем, что они жили, не стесняя свободы друг друга. В личной жизни писателя жена была тоже как будто “вынесена за скобки” его эпатажных романов. Иоанна Матвеевна Рунт была его тылом, комфортом его дома, редактором его сочинений, и в этой части души Валерия Брюсова у неё конкуренток не было. Поэтому Нина Петровская так зло описывает жену в рассказе «Раб»:

«Меня провожала жена. Усталая, грустная, в пыльном дорожном платье она сидела на постели и с горьким упреком смотрела мне

¹⁸ Ibidem, s. 48.

¹⁹ JUNG, Karl Gustav: *Otnošenije meždu ègo i bessoznatel'nym*. Moskva: AST, 2023, s. 124.

²⁰ BRJUSOV, Valerij: *Poslednije stranicy iz dnevnika ženščiny*. In: BRJUSOV, Valerij: *Rassказы*. Sankt-Peterburg: Azbuka-klassika, 2017, s. 53.

в глаза. Обижалась, что я хотел остаться без нее, не понимала радости уединения»²¹.

Любовница понимала, что это не страсть, и её герой-анимус также отдавал себе в этом отчет:

«Десять лет я знаю это лицо, эти властные слабые руки. Во все минуты, когда я хотел быть собой, она приходила такая. Что-то привычно-теплое, сонное, качающее, как колыбель, волнами движется от нее ко мне и медленно омрачает сознание. Хочется лечь, задремать, странно жажду я её покоя и тепла»²².

Эти отношения неизменны, потому что они часть анимы: «Меня встречает жена. В спальне две постели сдвинуты рядом. Так было десять лет назад, так будет всегда»²³. И здесь нужно вспомнить известный афоризм «Браки совершаются на небесах» — о бессознательном ощущении неизбежного. Когда поэт смотрит в лицо возлюбленной, он видит «бездомные, большие зрачки»²⁴ — и выбирает не-бездомность.

За столетие, прошедшее с начала оформлений представлений об аниме, сложилось много трактовок «стадий» развития анимы (например, в книге Мартина Учика «Интегральные отношения»²⁵ и др.), они базируются на моделях-символах Юнга: Ева, Елена, дева Мария, София, — и постоянно дополняются или редактируются (выбросить деву Марию, добавить равных партнеров и т. д.), но в данном исследовании мы остановимся на классическом понимании и уберем «стадии», а остановимся на частях анимы, поскольку они не исчезают в личности зрелого человека, а лишь дополняют друг друга по мере осознания новых граней.

«Анима — это олицетворение всех проявлений женственного в психике мужчины: таких как смутные чувства и настроения, проро-

²¹ PETROVSKAJA, Nina: *Razbitoje zerkalo*. In: PETROVSKAJA, Nina: Proza. Memuary. Kritika. Moskva: B. S. G.-PRESS, 2014, s. 54.

²² Ibidem, s. 56.

²³ Ibidem, s. 57.

²⁴ BRJUSOV, Valerij: Portret. In: BRJUSOV, Valerij Jakovlevič: *Sobranije sočinenij v 7-mi t., t. 1*. Moskva: Chudožestvennaja literatura, 1973. [online]. [cit. 2024-03-20]. <https://ilibrary.ru/text/1860/p.32/index.html>.

²⁵ UCIK, Martin: *Integral Relationships*. In: UCIK, Martin: *Integral'nyje otnošenija*, 2010. [online]. [cit. 2024-03-20]. <https://www.litres.ru/book/martin-uchik/integralnye-otnosheniya-9237030/chitat-onlayn/>.

ческие озарения, восприимчивость к иррациональному, способность любить, тяга к природе — и последнее по порядку, но не по значению — способность контакта с подсознанием»²⁶.

Ева — это первая женщина, и это должна быть мать, хотя не всегда осознание в себе материнских качеств приносит человеку удовольствие. И когда «безумие, наглухо застегнутое в сюртук» (как охарактеризовал Брюсова А. Белый²⁷) начинает выводить рукой женщины:

«Матан — злой гений всей нашей семьи» — это крик подавленной части анимы. Героиня продолжает: «А для меня нет ничего столь ненавистного, как понятие — мать. Проклинаю свое детство, проклинаю первые впечатления жизни, проклинаю все свое девичество — балы, гуляния, дачные романы, обмен любовными записочками! Все или было обманом, подстроеным матерью, или было отравлено ее клеветой на жизнь и на людей. Мать готовила меня к одному: к разврату и к торговле собой О! как еще я не захлебнулась в той грязи, куда вы заботливо кинули меня, на ловлю житейского благополучия, мать!..»²⁸

А потом добавляет: «А все же о словах матери надо подумать» — добавляет потому, что эта часть анимы жива и по-прежнему с ней и раздражает её. Коллега К. Г. Юнга, Мария-Луиза Фон Франц, разбирая процесс духовного роста человека, начинает с материнской части анимы: «Если мать человека оказывает отрицательное влияние, то его анима чаще всего будет проявляться в раздраженных, подавленных настроениях, состоянии неуверенности, тревоги и повышенной возбудимости²⁹». Героиня Брюсова, который также исследует и документирует потаенные глубины подсознания, не находит себе места, ей сложно надолго задержаться у любовника или вытерпеть скучную подругу, она пускается

²⁶ JUNG, Karl Gustav: *K voprosu o podsoznanii*. In: JUNG Karl Gustav, FRANC, Marija-Luiza fon, CHENDERSON, Džozef L'juis, JAKOBI, Iolanda, JAFFE, Aniëla: *Čelovek i jeho simvolj*. Moskva: Medkov S. B., 2012, s. 83.

²⁷ BELYJ, Andrej: *Brjusov*. In: BELYJ, Andrej: *Lug zelenyj. Kritika. Èstetika. Teorija simvolizma: V 2-ch tomach*. T. 1. Moskva: Iskusstvo, 1994. [online]. [cit. 2024-03-20]. http://az.lib.ru/b/belyj_a/text_0440.shtml.

²⁸ BRJUSOV, Valerij: *Poslednije stranicy iz dnevnika ženščiny*. In: BRJUSOV, Valerij: *Rassказы*. Sankt-Peterburg: Azbuka-klassika, 2017, s. 43.

²⁹ FRANC, Marija-Luiza fon: *Process individuacii*. In: JUNG Karl Gustav, FRANC, Marija-Luiza fon i dr.: *Čelovek i jeho simvolj*. Moskva: Medkov S. B., 2012, s. 184.

в опасные ночные приключения, поскольку такая анима близка к демону смерти.

«Однако, — добавляет психолог, — преодоление подобных негативных воздействий лишь помогает упрочить мужественность³⁰» И вот мы можем наблюдать роковую любовь в жизни автора (с самоубийством Н. Львовой и странным выстрелом Нины Петровской мимо Белого в Брюсова) — ведь такое экстатическое обожание женщин подчеркивает значимость мужчины. И зеркально в дневнике Натали, чей характер становится всё более жёстким — самоубийство Володеньки и убийство мужа Модестом. Это символ Елены, той части анимы, которая толкала мужчин на войны, дуэли и распри.

Сложнее трактовать символ девы Марии, но базово это означает, что ни у рыцарей, ни у молящихся не должно быть никаких сексуальных отношений и тем более детей со святой женщиной.

«В бессознательном мужчины существует унаследованный коллективный образ женщины, с помощью которого он постигает её природу. Этот унаследованный образ является третьим важным источником феминности души»³¹.

На символическом плане дева Мария укрывает всех мятущихся своим покровом заботы, а в реальной жизни это может выражаться в тихом домашнем очаге, без страсти, без детей, что мы и сопоставляем в семейной жизни, из биографии писателя и из дневника его героини.

Наконец, та часть, которую символизирует София — это попытка найти источник духа святого, порыв к небесному от «храма природы». Такой порыв может быть творческой частью анимы. В новелле Модест — незаурядный художник и творец своеобразных мистерий, а бывший революционер Пётр (Володенька) с головой уходит в искусство и чувства, его единственным занятием становится создание интерьера для Прекрасной Дамы. Образы Прекрасной Дамы и Софии (как и у Юнга) стали у символистов стадиями высшего раскрытия духа. А тему «Святая Любовь» прекрасно иллюстрирует целый ряд произведений разных авторов брюсовского круга с названием «Sanctus amor»: это сборник автобиографических новелл Нины Петровской, написанный от лица

³⁰ Ibidem, s. 185.

³¹ JUNG, Karl Gustav: *Otnošenje između ego i besoznatel'nyh*. Moskva: AST, 2023, s. 126.

мужчины, это и стихотворение Вл. Ходасевича, посвященное Нине Петровской:

*«И я пришел к тебе, любовь,
Вслед за людьми приволочился.
Сегодня старый посох вновь
Пучком веселых лент покрывся...
...И снова ровен стук сердец;
Кивнув, исчез недолгий пламень,
И понял я, что я — мертвец,
А ты лишь мой надгробный камень»³².*

(1907)

Тут есть и тенистый парк, и «пляска алых змеек» как кровавый символ, и бог Пан с мраморной улыбкой. Такое же название было у стихотворения А. Белого, посвященного мужу Нины Петровской:

*«Он был пророк.
Она — сибилла в храме.
Любовь их, как цветок,
горела розами в закатном фимиаме.
— они плыли к Стиксу:
Он ей сказал: «Любовью смерть
и смертью страсти победивший»³³,
я уплыву, и вновь на твердь
сойду, как бог, свой лик явивший»³⁴.*

(1903)

Позже Андрей Белый переименовал стихотворение в «Преданье», а через год Брюсов написал подражание под тем же названием, где «стремила взор за ним Сибилла», а соперник в жизни превращался в жреца, покоряющего, но не исцеляющего несчастную.

³² CHODASEVIČ, Vladislav: *Sanctus amor*. In: CHODASEVIČ, Vladislav: *Molodost'*. Sbornik stichov. [online]. Moskva: Grif, 1908. [cit. 2024-03-20]. http://az.lib.ru/h/hodasewich_w_f/text_0072.shtml.

³³ Несмотря на языческие образы, здесь явная отсылка к Ветхому завету: «Положи меня, как печать, на сердце твое, как перстень, на руку твою: ибо крепка, как смерть, любовь; люта, как преисподняя, ревность; стрелы ее — стрелы огненные; она пламень весьма сильный». *Pesn' Pesnej* 8:6.

³⁴ BELYJ Andrej: *Sobranije sočinenij. Stichotvorenija i poëmy*. Moskva: Respublika, 1994. [online]. [cit. 2024-03-20]. http://az.lib.ru/b/belyj_a/text_1929_poe.shtml.

Символисты пытались через любовь, смерть и творчество, сплетаясь в жизни клубком змей, вглядываясь друг в друга, собирать осколки разбитых душ, чтобы найти самый темный и неясный осколок — бессмертную часть своей анимы.

Героиня Брюсовского «Дневника женщины» смогла выжить в омуте смертельных страстей. Будучи крайне рациональной, она пишет:

«Уверяют, что бывают решения бессознательные. Наш мозг, незаметно для нас самих, вырабатывает суждения, которые руководят нашими поступками. Конечно, сегодня я подчинялась такому бессознательному решению»³⁵.

Её решение неожиданно для читателя и в своё вызвало бурю негодования у критиков, особенно с нравственной точки зрения:

«Через несколько дней я уезжаю на юг Франции. Я не в силах жить в России, где мое имя стало синонимом всего постыдного... Лидочка едет со мной. Ее преданность, ее ласковость, ее любовь — последняя радость в моем существовании. О, я очень нуждаюсь в нежном прикосновении женских рук и женских губ»³⁶.

Имя *Лидочка* не случайно: так звали младшую сестру писателя, так звали младшую сестру героини, так звали младшую сестру в его рассказе «Сестры» (1906 г.). Герой этого рассказа не может выбрать между сестрами, в чем его упрекает старшая:

«Да, я понимаю твою душу! Наблюдала ее два года. Ей надо всего понемногу. Немного моей любви, немного нежности моей сестры и немного страстности моей другой сестры»³⁷.

Старшая Кэт была воплощением высокого платонического чувства (Екатерина — «чистая»), средняя Мара — безудержной плотской страсти (значение имени отсылает к тёмным сущностям), младшая Лидочка (это

³⁵ BRJUSOV, Valerij: *Poslednije stranicy iz dnevnika ženščiny*. In: BRJUSOV, Valerij: *Rasskazy*. Sankt-Peterburg: Azbuka-klassika, 2017, s. 66.

³⁶ Ibidem, s. 72.

³⁷ BRJUSOV, Valerij: *Sestry (Iz sudebnych zagadok)*. In: BRJUSOV, Valerij: *Os' zemnaja*. *Rasskazy i dramatičeskie sceny*. Izdaniye 3-je. [online]. Moskva: Skorpion, 1911. S. 83–98. [cit. 2024-03-20].

имя связывается с мученицей) была нежной женой и пыталась любить вопреки изменам мужа. И в этом сюжете умерли и герой, и все три женщины, а еще рядом оказался трупик ребенка как символ бесплодных страстей; умерший ребенок есть и в подавленных воспоминаниях Натали. Но Натали выбирает — самую простодушную, преданную и нежную часть любви, Лидочку, устав и от нелюбимого мужа, и от ревнивых любовников, и от случайных походов. По наблюдениям Юнга,

«очень мужественным мужчинам свойственна — тщательно охраняемая и скрытая — тонкая эмоциональная жизнь, часто неправильно описываемая как «феминная»³⁸.

Несмотря на свою эпатажность и демоническую страстность на публике, Валерий Брюсов был очень закрытым человеком, оберегавшим свою тихую, домашнюю часть жизни. Создатель Натали и её дневника, отразив различные типы своих любовных отношений в зеркале женского анализа, заметил в этом отражении затаившуюся часть своей анимы, родную душу, и на последних страницах дневника назвал её «последней радостью в моём существовании». Стихотворение «Признание», написанное в те же годы, что и «Дневник женщины», отражает этот выбор:

*«Моя дорога — дорога бури,
Моя дорога — дорога тьмы.
Ты любишь кроткий блеск лазури,
Ты любишь ясность, — и вместе мы!..
...Я, как лунатик, люблю качаться
Над темным краем, на высоте...
Но есть блаженство — возвращаться,
Как к лучшей цели, к бывшей мечте...»*

Список использованных источников — References:

BELYJ, Andrej: *Brjusov*. In: BELYJ, Andrej: *Lug zelenyj*. Kritika. Èstetika. Teorija simbolizma: V 2-ch tomach. T. 1. M.: Iskusstvo, 1994. [online]. [cit. 2024-03-20]. http://az.lib.ru/b/belyj_a/text_0440.shtml.

³⁸ JUNG, Karl Gustav: *Otnošenije meždu ègo i bessoznatel'nyh*. Moskva: AST, 2023, s. 122.

- BELYJ, Andrej: *Sobranije sočinienij. Stichotvorenija i poëmy*. Moskva: Respublika, 1994. [online]. [cit. 2024-03-20]. http://az.lib.ru/b/belyj_a/text_1929_poe.shtml.
- BRJUSOV, Valerij: *Poslednije stranicy iz dnevnika ženščiny*. In: BRJUSOV, Valerij: *Rasskazy*. Sankt-Peterburg: Azbuka-klassika, 2017, s. 3–72.
- BRJUSOV, Valerij: *Sestry (Iz sudebnych zagadok)*. In: BRJUSOV, Valerij: *Os' zemnaja*. *Rasskazy i dramatičeskije sceny*. Izdaniye 3-je. [online]. Moskva: Skorpion, 1911, s. 83–98. [cit. 2024-03-20]. http://az.lib.ru/b/brjusow_w_j/text_1906_sestry.shtml.
- BRJUSOV, Valerij: *Stephanos: Portret*. In: BRJUSOV, Valerij Jakovlevič: *Sobranije sočinienij v 7-mi t., t. 1.*, Moskva: Chudožestvennaja literatura, 1973. [online]. [cit. 2024-03-20]. <https://ilibrary.ru/text/1860/p.32/index.html>.
- BRJUSOV, Valerij Jakovlevič: *Stichi Nelli: S posvjaščeniem. Sočinienija Valerija Brjusova*. Moskva: Skorpion, 1913.
- CVETAJEVA, Marina: *Geroj truda (Zapisi o Valerii Brjusove)*. *Nasledije Mariny Cvetajevoj*. [online]. Praga, 1925. [cit. 2024-03-20]. https://www.tsvetayeva.com/prose/pr_geroj_truda.
- CHODASEVIČ, Vladislav: *Molodost'*. *Sbornik stichov*. [online]. Moskva: Grif, 1908. [cit. 2024-03-20]. http://az.lib.ru/h/hodasewich_w_f/text_0072.shtml.
- FRANC, Marija-Luiza fon: *Process individuacii*. In: JUNG Karl Gustav, FRANC, Marija-Luiza fon, CHENDERSON, Džozef L'juis, JAKOBI, Iolanda, JAFFE, Aniëla: *Čelovek i jeho simvolj*. Moskva: Medkov S. B., 2012, s. 162–237.
- JUNG, Karl Gustav: *K voprosu o podsoznanii*. In: JUNG Karl Gustav, FRANC, Marija-Luiza fon, CHENDERSON, Džozef L'juis, JAKOBI, Iolanda, JAFFE, Aniëla: *Čelovek i jeho simvolj*. Moskva: Medkov S. B., 2012, s. 14–105.
- JUNG, Karl Gustav: *Otnošenije meždu ègo i bessoznatel'nym*. Moskva: AST, 2023.
- L'VOVA, Nadežda: *Stichotvorenija Nadeždy L'vovoj*. *Russkije stichi*. [online]. [cit. 2024-03-20]. <https://libverse.ru/lvova/mne-hochetsya-plakat.html>.
- PETROVSKAJA, Nina: *Razbitoje zerkalo*. In: PETROVSKAJA, Nina: *Proza. Memuary. Kritika*. Moskva: B. S. G.-PRESS, 2014, s. 47–237.

Ljudmila Boris

assistant professor, Candidate of Philological Sciences, High School of Translation and Interpreting, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Leninskie Gory, Moscow State University, GSP-2, 1st academic building, Russian Federation

ludmilaborys@gmail.com

ORCID 0009-0003-7879-471X

Современная белорусская тюремная проза (на примере произведений М. Знака, И. Олиневича, Н. Дедка)

Анна Павловская

Абстракт

Статья посвящена белорусской тюремной прозе — произведениям, написанным заключенными и описывающим их жизнь в неволе. Они повествуют о нарушении прав человека, произволе, абсурдности судебной и пенитенциарной системы Беларуси. Проза современных белорусских авторов (белорусскоязычная и русскоязычная) рассматривается в контекстах белорусской и русской литературной традиции. В статье приводятся причины актуальности современной белорусской тюремной прозы и обзор заметных произведений на эту тему. Кратко анализируются книги «Еду в Магадан» Игоря Олиневича, «Цвета параллельного мира» Николая Дедка и «Зекамерон» Максима Знака. В заключении делается вывод о том, что количество произведений белорусской тюремной литературы в ближайшие годы будет расти, поэтому данная тема является плодотворной для будущих исследований.

Ключевые слова: тюремная литература; Беларусь; Игорь Олиневич; Николай Дедок; Максим Знак

Modern Belarusian Prison Prose (Based on the Works of Maxim Znak, Ihar Alinevich, Mikola Dziadok)

Abstract

The paper is devoted to Belarusian prison prose—works written by prisoners describing their life in captivity. They describe the violation of human rights, lawlessness and absurdity of the judicial and penitentiary system of Belarus. The prose of modern Belarusian authors (Belarusian-speaking and Russian-speaking) is considered in the contexts of Belarusian and Russian literary tradition. The article contains the reasons for the actuality of contemporary Belarusian prison prose and a review of notable works on this topic. The books *On the Way to Magadan* by Ihar Alinevich, *The Colours of the Parallel World* by Mikola Dziadok and *The Zekameron* by Maxim Znak are briefly analysed. The conclusion is that the number of works of Belarusian prison literature

will grow in the coming years, so this topic is very productive for future research.

Key words: prison literature; Belarus; Ihar Alinevich; Mikola Dziadok; Maxim Znak

Тюремная литература — это произведения, посвященные тюрьме или созданные авторами, которые пребывали в заключении. Нередко она основывается на личном опыте писателя, отражает трансформацию личности в условиях изоляции, а также критикует жестокость, бессмысленность и абсурдность пенитенциарной системы. Цель данной статьи — рассмотреть тюремную прозу современных белорусских авторов (на русском и белорусском языке) в контекстах белорусской и русской литературных традиций, остановиться на конкретных примерах (Игорь Олиневич «Еду в Магадан», Николай Дедок «Цвета параллельного мира», Максим Знак «Зекамерон»).

Контекст: обзор литературных традиций и политической ситуации в Беларуси

Важно подчеркнуть уникальность языковой и культурной ситуации в Беларуси. Многие авторы создают свои произведения на русском языке (Максим Знак, Игорь Олиневич), также встречаются двуязычные (к примеру, Николай Дедок) и исключительно белорусскоязычные писатели (Павел Северинец, Владимир Некляев и так далее). Это связано с русификацией белорусских территорий во время их пребывания в составе Российской империи и в советский период. В 1991 году, когда Республика Беларусь получила независимость, единственным государственным языком был белорусский. Однако после прихода к власти Александра Лукашенко белорусизация прекратилась. На данный момент русский язык господствует во всех сферах жизни, начиная от образования и заканчивая делопроизводством.

Именно из-за значительной роли русской культуры в жизни белорусов многие авторы тюремной литературы опираются именно на русскую традицию: от протопопы Аввакума до Александра Солженицына и Варлама Шаламова. Тема заключения («каторжная», а потом и «лагерная» тема) занимала особое место в русской литературе: можно вспомнить творчество А. Радищева, декабристов, А. Пушкина, Ф. Достоевского, в особенности его «Записки из Мертвого дома», роман Л. Толстого

«Воскресение», критикующий судебную систему, уникальную книгу А. Чехова «Остров Сахалин». Наиболее часто современные авторы ссылаются на «Архипелаг ГУЛАГ» А. Солженицына и «Колымские рассказы» В. Шаламова. Другими важными книгами советской эпохи на «лагерную» тему, являются документальный роман «Крутой маршрут» Е. Гинзбург, отражающий женский опыт ссылки, а также «Зона» С. Довлатова как уникальный взгляд на лагерь с точки зрения надзирателя. Русская тюремная проза актуальна и сегодня, появляются произведения молодых авторов, например, «Riot days» Марии Алехиной, «Три с половиной» Олега Навального, «Корреспондент Гаскаров в аду и другие истории» Петра Силаева, «Дневник» Али Феруза, «Путешествие по местам лишения» Ивана Асташина и другие.

Однако нельзя сказать, что белорусская литература не отразила темы заключения, ссылок и репрессий. Многие белорусские классики побывали в тюрьме: например, В. Дунин-Марцинкевич (Дунін-Марцінкевіч) находился под арестом в минской тюрьме по обвинению в написании революционных антиправительственных изданий во время восстания 1863–1864 года. Там же встретил выход своего первого поэтического сборника «Песьні жалбы» Якуб Колас (отбывал срок в 1908–1911 гг). Целое поколение литераторов прошло через допросы и тюрьмы в 30-е годы. Тюремные сроки получили Кузьма Чорный, Ян Скрыган, Сергей Граховский и другие. Кроме того, с 29 по 30 октября 1937 года в Минске было совершено массовое политическое убийство представителей белорусской и еврейской интеллигенции: деятелей культуры, науки и искусства. Это трагическое событие получило название «Ночь расстрелянных поэтов» или «Черная ночь». Всего погибло более 100 человек, 22 из них были литераторами (Михась Чарот, Алесь Дударь, Михась Зарецкий и др.). Белорусские писатели находились не только в советских, но и в польских тюрьмах, чаще всего за пропаганду пробелорусских или прокоммунистических идей (к примеру, Максим Танк, Михась Машара и другие).

Одним из самых известных белорусских произведений на тюремную тему является книга «У капцюрох ГПУ» Ф. Олехновича (Ф. Аляхновіч). Произведение было опубликовано впервые в 1934 году на польском языке, в 1937 году — на белорусском языке, это одна из первых книг, посвященных советскому концлагерю. Автор был арестован ОГПУ в 1927 году после возвращения в БССР и получения гражданства, обвинен в шпионаже и впоследствии выслан на Соловки. В первой части книги повествование ведется от третьего лица, однако автор

срывает литературную маску «Попутчика» и признается в том, что это его воспоминания, а не выдуманные события, после чего продолжает повествование от первого лица. Допросы, тюрьмы, пересыльные пункты, изматывающая работа, голод и насилие — Ф. Олехнович натуралистично описывает условия заключения и ссылки. Следует упомянуть, что во время Второй мировой войны Олехнович был главным редактором газеты «Беларускі голас», которая, среди прочего, публиковала заявления руководителей нацистской Германии. Еще одной выдающейся книгой белорусской тюремной литературы является «Сповідзь» («Исповедь») Ларисы Гениуш. Произведение нашло дорогу к читателю только в 1990 году, через 7 лет после смерти автора. «Сповідзь» — книга воспоминаний, написанных от первого лица, о детстве и молодости Ларисы, о жизни в Чехии (1937–1948), аресте в 1948 году и заключении в чешских тюрьмах, а также о тюрьмах в Вене, Львове, Минске, о лагерном опыте в Коми и Мордовии. Во время Второй мировой войны Гениуш входила в Раду Белорусской Народной Республики, печаталась в разрешенных нацистскими властями белорусских изданиях и участвовала в Белорусском комитете самопомощи, который занимался социальной помощью белорусскому населению. Вопросом, по которому у исследователей нет согласия, является подписание Гениуш приветственное обращение белорусов протектората Чехии и Моравии к Адольфу Гитлеру. Сама поэтесса факт подписания документа отрицала:

«Мне стала да абрыдлівасьці гадка. Такая дзяржава й трымаецца на лжы, на ашукастве, на надробленых дакументах, гадка! У час найстрашнейшай небясьпекі, апутанья нацыскай хітрасьцю, усё ж людзі адважыліся не падпісаць тое тэлеграмы, а тут «падпісваюць» за іх праз капіроўку, ануліруючы ўсё захаванае ў цяжкі час чалавечае ў людзях!»¹

Если вопрос подписи документа остается дискуссионными, то вопрос отношения поэтессы к нацистам однозначный: не существует ни одного свидетельства о положительной оценке Гениуш Гитлера и его идеологии. Лариса Гениуш до сих пор не реабилитирована: попытки реабилитации 1999 и 2017 года не были успешными.

Говоря о теме женщин в заключении, нельзя обойти книгу «Белорусские женщины в сталинских лагерях» (2016). Это сборник, включающий

¹ HENIŪŠ, Larysa: *Spovedz'*. Minsk: Mastackaja literatura, 1993, s. 170.

мемуары вышеупомянутой Ларисы Гениуш, а также воспоминания минчанки Ядвиги Радько. Примером книги, посвященной белорусам, пострадавшим от политической репрессий советского времени является сборник «Ніколі болей. Успаміны рэпрэсаваных гарадзенцаў». В нем приведены свидетельства бывших заключенных ГУЛАГа, детей «врагов народа», которые воспитывались в детских домах, детей «кулаков», отправленных в ссылку вместе с родителями. Масштаб репрессий, направленных против белорусской интеллигенции, можно оценить, ознакомившись с трехтомным энциклопедическим справочником Леонида Морякова (Леаніда Маракова) «Рэпрэсаваныя літаратары, навукоўцы, работнікі асветы, грамадскія і культурныя дзеячы Беларусі, 1794–1991».

Актуальность тюремной литературы в современной Беларуси

Тюремная литература в Беларуси продолжает достаточно активно развиваться из-за политической ситуации в стране. В июле 1994 года президентом Беларуси был избран Александр Лукашенко. Уже в декабре этого же года была ограничена независимость СМИ: газеты выходили с белыми полосами вместо материалов, компрометирующих окружение президента. Нелояльные Лукашенко главные редакторы постепенно увольнялись, издательство «Дом Печати» прекратило печать 12 независимых газет, Белорусское информационное агентство стало подчиняться Администрации президента. Дальнейшими шагами по усилению контроля стали референдум 1995 года (изменение государственной символики, русский язык как государственный, право президента распустить парламент и др.), референдум 1996 года (сохранение смертной казни, расширение полномочий президента и т. п.), референдум 2004 года (возможность участвовать в президентских выборах неограниченное количество раз). Таким образом, шаг за шагом Лукашенко вводил изменения в законодательство, которое позволило ему контролировать политическую жизнь в стране. Некоторые противники режима бесследно исчезли (В. Гончар, И. Красовский, Ю. Захаренко, Д. Завадский, Ю. Корбан). Безусловно, инициированные Лукашенко изменения вызывали протест у прогрессивной части белорусского общества: голодовка депутатов БНФ в Овальном зале (1995), «Минская весна» (1996–1997), «Плошча–2006», «Плошча–2010», «Марш недармоедов» (2017) против декрета № 3 «О предупреждении социального иждивенчества», протесты 2020 года против фальсификации на выборах президента. Сегодня репрессии и нарушения прав человека в Беларуси приобрели массовый характер: по состоянию

на 19 октября 2023 года признаны политическими заключенными 1485 человека.

Об важности тюремной темы в белорусской литературе свидетельствует наличие Премии имени Франтишка Олехновича (Прэмія імя Францішка Аляхновіча), которая вручается за лучшее произведение на белорусском или русском языке, написанное в заключении). В свое время данную премию получали выбранные нами для анализа И. Олиневич, Н. Дедок, М. Знак, а также:

- «политик П. Северинец («Беларуская глыбіня» (2014) — эссе на тему истории и белорусской национальной идеи);
- политик Д. Дашкевич («Чарвяк: зборнік апавяданняў» (2014) — сборник рассказов, базирующийся на тюремном опыте автора);
- историк, архивист, поэт З. Дрозд: («Бунт Батанікаў: дзённік» (2017) — тюремный дневник);
- председатель правозащитного центра «Весна», нобелевский лауреат А. Беляцкий («Турэмныя сшыткі» (2018) — дневниковые записи, сделанные во время 1052 дней заключения);
- поэт, прозаик, политик В. Некляев («Толькі вершы» (2016) и «Лісты да Волі» (2011) — сборники стихов и поэма «Турма», написанные в СИЗО КГБ);
- политик С. Скребец («Цена свободы» (2019) — книга воспоминаний о заключении, написанная через 15 лет после освобождения);
- руководитель отдела маркетинга и рекламы газеты «Наша Нива» А. Скурко («Пра сланоў і барсучкоў» (2022) — стихи для детей) и другие».

Книги тюремной литературы публикуются также сборниками и сериями. В 2013 году был издан сборник «Голас волі з-за кратаў. Анталогія твораў беларускіх палітзняволеных» под редакцией А. Федуты (2013) с текстами А. Почобута, И. Олиневича, А. Беляцкого, П. Северинца и других. С 2017 года при поддержке правозащитного центра «Весна» выходит серия книг «Беларуская турэмная літаратура», целью которой является сохранение и донесение до широкой общественности свидетельств жертв политических репрессий. Интересным и постоянно обновляющимся онлайн-сборником является проект «Вершы з-за кратаў» от инициативы «Вольныя паштоўкі».

Нам бы хотелось остановиться на некоторых заслуживающих внимание произведениях тюремной литературы. Их авторы были признаны политическими заключенными белорусскими и международными правозащитными организациями, каждый из них сейчас отбывает нака-

зание. Необходимо отметить, что обвинения, предъявляемые режимом Лукашенко к политическим заключенным, часто не имеют под собой оснований, вина обвиняемого не доказывается надлежащим образом, показания получают путем физического и психологического насилия.

«Еду в Магадан» Игоря Олиневича

Игорь Олиневич — белорусский анархист, политический заключенный (2011, 2021). В 2010 году был обвинен в хулиганстве за акцию протеста возле Генерального штаба Вооружённых Сил против совместных учений Беларуси и России, нападение на казино, банк, посольство России и центр изоляции правонарушителей (Олиневич признал только участие в мирной акции), в 2011 году приговорен к 8 годам лишения свободы. В 2015 году Олиневич был освобожден по решению А. Лукашенко, вызванному необходимостью выполнить требование Европейского Союза по освобождению политических заключенных. В 2021 году был задержан, обвинен в поджоге автомобилей у здания прокуратуры Солигорска и отделения Госкомитета судебных экспертиз, приговорен к 20 годам колонии усиленного режима.

Игорь Олиневич является автором книги «Еду в Магадан», созданной в СИЗО КГБ в 2010–2011 году и тайно переданной на волю. Произведение написано на русском языке. Первое издание вышло в 2013 году (издательство «Радикальная теория и практика»), Олиневич стал лауреатом первой Премии имени Ф. Олехновича (2013). Далее книга была опубликована в серии «Беларуская турэмная літаратура» на белорусском языке (2017). Последним и самым новым изданием, которое мы будем использовать для анализа, является белорусскоязычная книга «Еду ў Магадан» (2021) от Анархического черного креста. Название содержит отсылку к песне Васи Обломова «Еду в Магадан», но также и к «Колымским рассказам» В. Шаламова (Магадан называют вратами на Колыму). Книга состоит из вступления, автором которого является мать Игоря Олиневича Валентина, главы «Контекст», где представлена информация о уголовном деле политического заключенного, основной части «Еду в Магадан», дополнения. В дополнении размещены публицистические тексты «Корпорация» (о белорусской системе и роли в ней семьи Лукашенко), «Самоопределение» (теоретическая статья о самоопределении и самоуправлении в интерпретации автора), «Политические» (разбор вопроса политических заключенных), открытое письмо анархистских кругам, «Об условиях в исправительных лагерях»,

«Послесловие» (2016, автор подводит вывод своего тюремного опыта), «По ту сторону забора» (2017, руководство по выживанию в заключении). Основная часть начинается с эпизода похищения автора в Москве, допросов и дебатов с оперуполномоченными и сотрудниками КГБ. Повествование ведется от первого лица, передается психологическое состояние человека в первые дни задержания: герой балансирует между страхом и желанием сохранить свои идеалы, надеждой и безысходностью. Противостоять давлению ему помогает рассудительность, внутреннее убеждение в своей правоте и старые арестанские правила, описанные еще В. Шаламовым в рассказе «Одиночный замер» (1955): «Дугаев хорошо помнил северную поговорку, три арестантские заповеди: не верь, не бойся и не проси...»² Олиневич интерпретирует их по-своему:

«Першае правіла — «Не вер!». Усё, што яны кажуць — хлусня, паўпраўда [...]. Другое правіла гаворыць: «Не бойся». Звычайна яны блефуюць. Але нават калі не, то толькі так можна даведацца, вытрымаеш ты ці не. Хто спалохаўся — ужо пераможаны. Варта паказаць страх — і ты на кручку [...]. Трэцяе правіла — «Не прасі». Любая просьба робіць псіхалагічны клімат мякчэйшым, волю — больш падатлівай, і мажліва, менавіта гэтая кропля будзе канчатковай, каб пераважыць чашу шалю на іх карысць».³

Также автор пишет о массовых задержаниях после протестов 2010 года, раскрывает тему милицейского насилия, рассуждает о жестокости судебно-следственной системы, создает яркие портреты сокамерников. Тюремный дневник заканчивается этапированием в колонию — автор с легкой душой и внутренним спокойствием едет в свой «Магадан». Книга И. Олиневича переведена на чешский язык (Jedu do Magadanu (2014), Československá anarchistická federace), а Divadlo 3 + KK из Брно поставило по его книге моноспектакль «Jedu do Magadanu – Nevěř, neboj se a nepros», режиссером является Адам Штайнбауэр.

² ŠALAMOV, Varlam: *Sobranije sočinenij v četyrech tomach*. T. 1. Moskva: Chudožestvennaja literatura, Vagrius, 1998.

³ ALIŃEVIČ, Ihar: *Jedu ŭ Mahadan: uspaminy*. Varšava: Anarchičny čorny kryž Belarus', 2021, s. 23–25.

«Цвета параллельного мира» Николая Дедка

Еще одним представителем анархического движения Беларуси является Николай Дедок (Мікола Дзязок) — блогер, журналист, политический заключенный (2011, 2021). В 2010 году был задержан и обвинен в несанкционированной акции протеста у Генерального Штаба Вооруженных сил Республики Беларусь. Во время отбывания наказания на Николая Дедка регулярно оказывалось давление, в 2014 году на него завели новое уголовное дело из-за злостного неподчинения требованиям администрации. В 2015 году администрацией были созданными невыносимые условия содержания в штрафном изоляторе, в знак протеста Дедок нанёс себе резаные раны живота и рук. В том же году был освобожден помилованием А. Лукашенко. В 2020 году Николай Дедок снова был задержан, впоследствии осужден на 5 лет (обвинение: организация и подготовка действий, грубо нарушающих общественный порядок, либо активное участие в них; призывы к действиям, направленным на причинение вреда национальной безопасности Республики Беларусь; незаконные действия в отношении горючих веществ). Блогер заявил о избиении, пытках, угрозах изнасилования и убийства при задержании, а также попытке сфальсифицировать изготовление им бутылок с горючей смесью.

Николай Дедок является белорусскоязычным и русскоязычным автором. В отличие от Игоря Олиневича, который работал над своим произведением в СИЗО, Дедок начал писать после освобождения. Книга создавалась одновременно на двух языках: «Фарбы паралельнага свету» и «Цвета параллельного мира» были опубликованы за счет автора в 2017 году. В этом же году дополненное издание «Фарбы паралельнага свету» вышло в серии «Беларуская турэмная літаратура». Книга «Цвета параллельного мира» переведена на чешский язык («Paralelní svět v barvě» (Nakladatelství Anarchistické federace, 2018)).

Тюрьма — это закрытая система со своей иерархией, при этом она отражает социальные и политические процессы в обществе. «Цвета параллельного мира» является проводником в тюремную реальность, которая в любой момент может вторгнуться в комфортную жизнь обывателя. Книга похожа на учебник по жизни в заключении, где гораздо меньше эмоций, чем разборов социальных отношений в тюрьме на конкретных примерах. Она имеет следующую композицию: введение, эссе и рассказы, заключение. Во введении Н. Дедок рассказывает о целях написания книги: опубликование нарушения прав человека в Беларуси,

документирование опыта заключенных, передача знаний о тюрьме общественным активистам, которые могут оказаться на месте автора. В начало помещен список тюремных сокращений и жаргонизмов. В белорусскоязычных изданиях данная часть, а также диалоги с надзирателями и другими представителями карательной системы приведены на русском языке. Это вызвано тем, что тюремный русский жаргон не проник в белорусский язык, автору, который создавал свою книгу в двух языковых версиях, было сложно подобрать соответствия. Также для Н. Дедка была важна реалистичность: в заключении в отношении белорусскоязычных заключенных применяются репрессивные меры, поэтому общение с представителями администрации обыкновенно проходит на русском языке. В состав книги входят произведения разных жанров. Аналитические эссе, рассматривающие различные тюремные явления («ШИЗО», «Опер» «Режим» и другие) являются основой «Цветов параллельного мира». Особую социологическую ценность имеет часть «Неприкасаемые в тюремной иерархии», которая является системным анализом тюремных каст, их истории и функций. «Бунт против божественной иерархии в древнегреческой мифологии» — это эссе-рефлексия сборника Н. А. Куна «Легенды и мифы Древней Греции», «Кто возомнил себя хозяином небес» — лирическое стихотворение. Также в «Цвета параллельного мира» входят автобиографические рассказы (в одних рассказах доминирует документальный компонент («Крайняя мера», «Бунт в карантине» и т. д.), в других — описательный и художественный («Запах», «Маугли» и др.)) и открытое письмо к общественности, критикующее статью «Злостное неповиновение требованиям администрации исправительного учреждения», которая, по убеждению автора, используется для давления на политических заключенных.

В книге Н. Дедка также присутствуют параллели с А. Солженицыным и В. Шаламовым: «Я сидел, накрывшись сверху своим томиком Солженицына. Розетка прошел мимо меня, не преминув оставить комментарий: — „Архипелаг ГУЛАГ“? Читайте-читайте. Пригодится!»⁴ В разделе «Неприкасаемые в тюремной иерархии» Дедок напрямую ссылается на данных авторов:

«И, конечно, сами собой ложатся в эту канву аналогии с 30-ми–40-ми годами, когда уголовники приняли живое участие в ликвидации

⁴ DEDOK, Nikolaj: *Cveta parallel'nogo mira*. [online]. Minsk: s. n., 2017, s. 112 [cit. 2023-09-15]. <https://radicalbook.tilda.ws/cveta>.

„троцкистов“, „изменников родины“ и прочей “58-й“ (см. В. Шаламов «Жульническая кровь», Э. Эппбаум «ГУЛАГ», А. Солженицын «Архипелаг ГУЛАГ», книга 3)»⁵.

В заключении автор доказывает, что тюремный опыт не сломал его, не заставил отказаться от своих ценностей и идеалов:

«Мы знаем, кто мы. И мы знаем, чего хотим. Пусть марионетки во власти придумывают новые методы борьбы с «экстремизмом» и думают, что бы еще запретить, пусть чекисты пилят госбюджет, закупая новую аппаратуру для контроля за нами, пусть менты запугивают нас своими водометами, газовыми гранатами и спецназом, пусть льют грязь на нас с экранов зомбоящика — мы все равно будем идти вперед, держа за руки всех тех, кто шел по этому пути до нас. Ведь только в этом жизнь, и смысл, и правда»⁶.

«Зекамерон» Максима Знака

Максим Знак — член президиума Координационного совета по урегулированию политического кризиса, кандидат юридических наук, адвокат, юрист предвыборного штаба кандидата в президенты Виктора Бабарико, политический заключенный (2021). Был задержан в 2020 году и обвинен в заговоре, совершенном в целях захвата государственной власти неконституционным путем, создании экстремистского формирования и руководстве им, публичных призывах к захвату власти. В 2021 году был приговорен к 10 годам колонии усиленного режима. Максим Знак является русскоязычным автором. Его тюремные рассказы впервые были опубликованы в 2022 году в российском журнале «Знамя», сборник «Зекамерон» вышел в издательстве «Время» (2022). Книга Знака пока не переведена на чешский язык, однако, по нашему мнению, она заслуживает быть переведенной.

Как и в «Декамероне» Дж. Бокаччо, в составе сборника 100 рассказов, описывающих опыт пребывания в современной белорусской тюрьме. Также с «Декамероном» книгу роднит ощущение замкнутого пространства: она была написана в СИЗО № 1. В отличие от книг И. Олиневича и Н. Дедка, «Зекамерон» представляет собой сборник художественных, а не публицистических произведений или воспоминаний. Ирония,

⁵ Ibidem, с. 72.

⁶ Ibidem, с. 196.

черный юмор, множество культурных отсылок, «эзопов язык», яркий, живой и лаконичный стиль — вот что делает книгу интересной. В конце размещен толковый словарь тюремного жаргона.

Сборник удивительно светлый по настроению: несмотря на то, что он открывается рассказом «Суд Линча» об абсурдной системе, где нельзя добиться законности и остается только действовать своими силами, то завершает его рассказ «Везучий вечер», в котором заключенные радуются мелочам. В калейдоскопе бытовых ситуаций бездушный тюремный порядок и ужасающие условия заключения — отсутствие света, ужасные запахи, плесень, насекомые и мыши — описываются вскользь и с юмором («Человечек», «Диктант», «Ленин», «Грибы», «Киллер», «Вальгалла» и другие). Повествование ведется от 3 лица, герои часто не имеют имен — это подчеркивает собирательность образов. При этом «Зекомерон» можно высоко оценить за многообразие запоминающихся и колоритных портретов арестантов: пугающий людоед Игорь, который оказывается обычным вором («Людоед»), постоянно жалующийся на здоровье старик, тайно отказывающийся от лекарств («Стоик»), гурман («Кулинарный сноб»), обжора, сделавший татуировку на животе «*Omnia mea mecum porto*» («Тату») и многие другие. Заключенные стараются поддерживать друг друга, однако бывают и эгоисты, думающие лишь о себе («Семейный ужин», «Братишка»). Среди надзирателей тоже встречаются разные люди. Некоторые из них могут не только придираться к заключенным («Многоликий», «Охота»), уничтожать их маленькие радости («Маша»), но и снисходительно относиться к небольшим проступкам («Вопрос»), сообщать, что на улице дождь и прогулка будет ни к месту («Там дождь») или подарить самое настоящее чудо в виде куска торта вместо наказания («Прикол»). Главной темой книги является умение оставаться человеком вне зависимости от обстоятельств и навязанных ролей. Необходимо хранить верность своим идеалам, быть честным с собой и добрым к окружающим, и этим ломать систему изнутри:

«— Да ты посмотри: пыль с одеял, с ваты, мелкие куски штука-турки со стен, побелки сверху. Это мы. Это мы медленно ломаем тюрьму»⁷.

Таким образом, тюремная литература открывает широкому читателю мир закрытой от общественности белорусской тюремной системы. Режим

⁷ ZNAK, Maksim: *Zekameron*. Moskva: Vremja, 2022, s. 36.

Лукашенко поместил в тюрьмы сотни представителей интеллигенции, способных создавать глубокие и интересные тексты. По нашему мнению, это обстоятельство и современная политическая ситуация дает возможным предполагать, что белорусская тюремная литература будет активно развиваться. Однако её бум придется на ближайшие годы: большинство произведений пишутся после освобождения (примером может являться новая книга А. Грудилевича «Мае турэмныя муры» (2023), вышедшая менее чем через год после освобождения автора), а в настоящее время большая часть политических заключенных всё ещё отбывает наказание. Следовательно, данная тема является актуальной и плодотворной для дальнейших исследований.

Список использованных источников – References:

На русском языке

DEDOK, Nikolaj: *Cveta parallel'nogo mira*. [online]. Minsk: s. n., 2017 [cit. 2023-09-15]. <https://radicalbook.tilda.ws/cveta>.

ŠALAMOV, Varlam: *Sobranije sočinenij v četyrech tomach*. T. 1. Moskva: Chudožestvennaja literatura, Vagrius, 1998.

ZNAK, Maksim: *Zekameron*. Moskva: Vremja, 2022.

На белорусском языке

ALĬNEVIČ, Ihar: *Jedu ŭ Mahadan: uspaminy*. Varšava: Anarchičny čorny kryž Belarus', 2021.

HENĬJUŠ, Larysa: *Spovedz'*. Minsk: Mastackaja literatura, 1993.

Hanna Paulouskaya

Mgr., Department of Slavonic Studies, Faculty of Arts, Masaryk University Brno, Arna Nováka 1, 602 00 Brno, Czech Republic

487941@mail.muni.cz

ORCID 0000-0002-0888-3122

Oddíl – Part V

**AXIOLOGICKÝ ROZMĚR
LITERÁRNÍHO TEXTU**

**THE AXIOLOGICAL DIMENSION
OF A LITERARY TEXT**

Ценностный мир романа Л. Н. Толстого «Война и мир»

Петр Евгеньевич Бухаркин

Абстракт

Нарративные практики русской прозы XIX в. создавали художественную коммуникацию между текстом и реципиентом, предполагающую аксиологическую поливалентность. В «Войне и мире» Л. Толстого судьбы героев входят в самое глубокое противоречие с философскими концепциями, которые излагаются автором в прямых рассуждениях. Благодаря этому художественный мир роман становится антиномичным, что открывает читателю аксиологическую свободу.

Ключевые слова: наррация; русская проза XIX в.; «Война и мир» Л. Толстого; аксиология; свобода; художественная коммуникация

Value Word of Leo Tolstoy's Novel "War and Peace"

Abstract

Narrative practices of Russian prose of the 19th century created artistic communication between the text and the recipient, suggesting axiological polyvalence. In "War and Peace" by Leo Tolstoy the fates of the characters come into deepest conflict with the philosophical concepts that are presented by the author in direct reasoning. Thanks to this, the artistic world of the novel becomes antinomic, which opens up axiological freedom for the reader.

Key words: narration; Russian prose of the 19th century; "War and Peace" by Leo Tolstoy; axiology; freedom; artistic communication

Свою в известной мере итоговую книгу «Нарративные маски русской художественной прозы» — замечательный памятник европейской литературоведческой русистики второй половины XX века — выдающийся чешский филолог Мирослав Дрозда начал следующими словами:

«Русская художественная проза — феномен мировой культуры наподобие голландской живописи или немецкой философии»¹.

¹ DROZDA, Miroslav: *Narrativnyje maski russkoj chudožestvennoj prozy (ot Puškina do A. Belogo)*. Russian Literature, XXXV, 1994, № 3/4, p. 291.

Эти слова ученого, ставшего одной из жертв советской оккупации 1968 года, сегодня хочется вспомнить с особенно горьким чувством. Преступления российского правительства, происходящие — увы! — с молчаливого (да и не только молчаливого) одобрения огромной части русского народа, требуют критического пересмотра русской культуры, а литературы, как наиболее идеологизированной ее манифестации — в наибольшей степени. И вместе с тем, при таком пересмотре, не просто оправданном, но и прямо необходимым, не следует, как кажется, забывать только что приведенных слов: многое в русском искусстве принадлежит уже всему человечеству. И хотя идеологи и многочисленные адепты путинизма постоянно пытаются использовать в своих целях русское культурное наследие, что должно учитывать и с этим активно бороться, данный факт не в состоянии зачеркивать художественные достоинства высших достижений русской литературы, в том числе — ее гуманистического пафоса и лежащей в его основе идеи свободы.

Обращаясь к изучению прозы XIX столетия (а это, как известно, время высшего расцвета русской литературы вообще) следует сразу же вспомнить замечание того же М. Дрозды, что «слово (этой прозы — П. Б.) к миру — повествование... Но если прозаический текст есть повествование», то его рассмотрение в любом аспекте «немыслимо без анализа ее нарративного мастерства»². Действительно, великие русский прозаики не рассуждали о мире, они о нем повествовали. Причем наррация ведущих авторов того времени имела, по сравнению с предшествующими эпохами, принципиально иной характер — постриторический. Она не пыталась изобразить мир при помощи уже выработанных традицией, «готовых» (по определению А. В. Михайлова³) слов. Напротив, наррация постриторической словесности стремилась к другому: дать возможность жизни высказаться как бы самой от себя, высказаться во всей своей сложности. Подобная установка очень существенно воздействовала и на доминирующие в русской прозе принципы оценки, на ту систему ценностей, которую она манифестировала посредством наррации. Оценивая те или другие явления, события и поступки, прозаики XIX века исходили из представления о том, что жизнь несравненно сложнее тех представлений о ней, которые выработала культура. И задача литературы,

² Там же, с. 291.

³ А. В. Михайлов часто обращался к введенному им понятию «готового» и «неготового» слова. См., например: MIČHAJLOV, Aleksandr Viktorovič: *Poëtika barokko: završenije ritoričeskoj èpochi*. In: MIČHAJLOV, Aleksandr Viktorovič: *Jazyki kul'tury*. Moskva: Jazyki russskoj kul'tury, 1997, s. 116–118.

а повествовательной прозы — в особенности, это продемонстрировать. Собственно говоря — это и есть то, что на терминологическом языке российского литературоведения середины-второй половины прошлого века называлось реализмом; достаточно вспомнить работы В. В. Виноградова, Л. Я. Гинзбург, Г. М. Фридендера и др⁴.

Основываясь на идее превосходства/примата жизни над культурными представлениями о ней, авторы XIX века выражали свою позицию каждый по-своему. Так, для творчества А. С. Пушкина в первую очередь, пожалуй, была характерна демонстрация односторонности и даже ошибочности существующих в культурном сознании пресуппозиций, очень часто мешающих адекватному и свободному пониманию тех жизненных ситуаций, о которых повествуется. Выразительными примерами здесь могут служить «Капитанская дочка» и «Станционный смотритель». Не менее важной для Пушкина была и другая стратегия, суть которой заключалась в изображении альтернативности возможного развития сюжета или же драматического действия. С особой отчетливостью такая альтернативность проявляется в «Евгении Онегине» и в «Моцарте и Сальери», что глубоко и блестяще показали С. Г. Бочаров и Ю. Н. Чумаков⁵.

Такой характер наррации приводил — в сфере аксиологии — к тому, что события и люди, могли быть оценены совсем по-разному. Текст предлагал такую модель своей рецепции, которая предполагала множественность возможных аксиологических восприятий. Читателю предоставлялась свобода оценки, разумеется — относительная, но все же — свобода. Надо сказать, что нечто похожее обнаруживается и у Ф. М. Достоевского, хотя у него многооценочность достигается при помощи других способов, прежде всего, посредством принципов полифонического романа, описанных М. М. Бахтиным почти сто лет назад⁶.

Иначе, чем у Пушкина или Достоевского то же несоответствие жизни какой-либо одной аксиологической системе проявляется и в прозе И. С. Тургенева, где избегаются прямые оценки и где «нет [...] образа

⁴ См, например: FRIDLENDER, Georgij Michajlovič: *Poëtika russkogo realizma*. Leningrad: Nauka, 1971.

⁵ BOČAROV, Sergej Georgijevič: *O vozmožnom sjužete «Jevgenija Onegina»*. P. S. *Vozmožnyje sjužety Puškina*. In: BOČAROV, Sergej Georgijevič: *Sjužety russkoj literatury*. Moskva: Jazyki russkoj kul'tury, 1999, s. 17–77; ČUMAKOV, Jurij Nikolajevič: *Sjužetnaja polifonija «Mocarta i Sal'jeri»*. In: ČUMAKOV, Jurij Nikolajevič: *Puškin. Tjutčev. Opyt immanentnych rassmotrenij*. Moskva: Jazyki slavjanskich kul'tur, 2008, s. 249–283.

⁶ BACHTIN, Michail Michajlovič: *Problemy tvorčestva Dostojevskogo*. Leningrad: Priboj, 1929.

автора с твердо выраженной и горячей убежденностью»⁷. Такие особенности тургеневской прозы также наделяют читателя свободой в выборе аксиологических ориентиров. Эта свобода, в частности, с отчетливостью проявилась в той разноголосице мнений, которая сопровождала появление многих сочинений писателя, причем все интерпретаторы апеллировали к анализируемому ими тексту и находили в нем подтверждения собственным трактовкам.

Но как обстоит дело — в этом аспекте — со Львом Толстым, с его *magnum opus*, романом «Война и мир». Дело в том, что в «Войне и мире» огромную роль играет образ автора, постоянно комментирующего и оценивающего все изображаемые события (как фикциональные, так и исторические) и поступки героев. В каком-то смысле он берет читателя за руку и ведет его за собой⁸. Но в таком случае — сохраняется ли у читателя свобода его оценок? Предлагает ли и «Война и мир» тот вариант художественной коммуникации с ее аксиологической поливалентностью которая свойственна художественным мирам многих русских прозаиков XIX века? А если предлагает, то — каким образом? Ведь автор ориентируется на очень жесткую и определенную систему ценностей, которую он навязывает — через повествование — реципиентам и которая определяет весь аксиологический мир романа.

Однако — так ли это? Действительно ли в «Войне и мире» присутствует лишь одна ценностная ось? Для решения данной, как представляется, крайне важной, проблемы требуется анализ форм авторского присутствия в тексте романа-эпопеи.

В первую очередь необходимо напомнить всем известный факт, что автор в «Войне и мире» выступает в разных ипостасях: во-первых, он проявляет себя через художественную нарративную, направленную на выражение его позиции через диегезис, в другой терминологии — через осмысление мира в художественных образах. Во-вторых, он — уже прямо от самого себя — выражает свою аналитическое осмысление мира, проявившееся в отвлеченных авторских рассуждениях и также имеющее оценочный характер. Надо сказать, что определенную двуприродность своего романа ощущал и сам Лев Толстой. Не случайно, в 3-ем издании «Войны и мира» (1873 год) он выделил все свои философские рассуждения в отдельную часть, выведя их из художественного мира в узком смысле.

⁷ ČIČERIN, Aleksej Vladimirovič: *Zvukovaja volna v proze Turgeneva*. In: ČIČERIN, Aleksej Vladimirovič. *Sila poëtičeskogo slova*. Moskva: Sovetskij pisatel', 1985, s. 19.

⁸ ČIČERIN, Aleksej Vladimirovič: *Obraz avtora v «Vojne i mire»*. V: *V mire Tolstogo*. Moskva: Sovetskij pisatel', 1978, s. 161–177.

4-ое издание (1880 год) повторило этот вариант. Позднее текст «Войны и мира» вновь приобрел первоначальный облик, однако издания, следующие за 1880 годом, выходили без непосредственного участия писателя: можно сказать, что Толстой не препятствовал возвращению текста «Войны и мира» к изданию 1869 года, но сам свою авторскую волю прямо не высказал. Кстати, такой авторитет в области толстовской текстологии как Н. К. Гудзий полагал, что именно издание 1873 года дает нам канонический (основной) текст, его и следует печатать⁹. Кстати заметить, что Толстой в своих автокомментариях к собственному тексту пользовался понятиями «картины» и «описания», имея в виду диегезис, отделяя их от другого понятия — «рассуждения», которым он обозначал свои прямые авторские размышлений и философско-исторические концепции.

Такая двуприродность образа автора с обязательностью обращает нас к важной проблеме — в какой степени две формы выражения авторской позиции корреспондируют друг с другом, эквиваленты ли они или же при наложении друг на друга они самым существенным образом расходятся? Одна ли в них система ценностей и оценок, или же — две, причем — весьма различные? Для ответа на данный вопрос необходимо сопоставить философию истории, изложенную в рассуждениях писателя с жизнью некоторых его героев. Как известно, философия истории является центром и фундаментом идеолого-философских рассуждений писателя, а мир героев — это центр диегитического мира романа, фикциональной его части.

Для выражения своей философии истории Толстой неоднократно использовал принцип параллелизма: он сравнивает историческую, да и вообще — социальную — жизнь людей с жизнью пчел (пчелиного роя); в обоих случаях все определяет «роевое» начало. Только у пчел оно дано природой и носит стихийный характер, а люди должны к такому состоянию стремиться, прилагая для того немалые усилия. Роевая жизнь прежде всего требует от человека растворения самого себя в окружающей действительности. Личность должна слиться с другими личностями и для этого ей необходимо отказаться от сосредоточенности на самой себе. А это неизбежно приводит к ослаблению личной ответственности за происходящее, за ход истории.

⁹ GUDZIJ, Nikolaj Kallinikovič: *Čto sčitat' kanoničeskim tekstom «Vojny i mira»*. Novyj mir. 1963, nr. 4, s. 234–246; GUDZIJ, Nikolaj Kallinikovič: *Ješče raz o kanoničeskom tekste «Vojny i mira»*. Voprosy literatury. 1964, nr. 2, s. 190–200.

Эти идеи Толстой неоднократно формулировал в своих философских рассуждениях. Их же он воплотил и в чрезвычайно важном для его философской концепции образе Платона Каратаева. Платон Каратаев полностью совпадает с размышлениями Толстого, выраженными в его историософских комментариях. Но это, пожалуй, единственный случай такого полного совпадения. Многие другие персонажи «Войны и мира» отвлеченным теориям писателя нередко противоречат, и весьма существенно. Им, как раз, в высшей степени присуще ощущение своей ответственности за происходящее, чувство, которое не может возникнуть при растворении в роевой жизни; его, между прочим, не ощущает и Платон Каратаев. А вот Кутузов, другой герой, поведение которого, казалось бы, наиболее близко историософским взглядам писателя, свою ответственность за ход истории осознает. Достаточно вспомнить его поведение в двух ключевых военных эпизодах романа (в 1 и в 4 томах), когда он в решительный момент проявляет личную свою инициативу, вступающую в противоречие с, казалось бы, общим мнением и рискует своей карьерой и положением. В первый раз это происходит перед началом Аустерлицкого сражения, второй раз — во время совета в Филях. Именно Кутузов принимает главное решение всей кампании 1812 года — отступить из Москвы. Причем решение его — результат сознательного личного усилия, осознанного проявления личной воли. И свою решающую роль он прекрасно осознает, на это указывают и его слова и, в особенности, переход с французского языка на русский.

Тем более не соответствуют ценностным представлениям отвлеченных авторских рассуждений такие герои «Войны и мира» как князь Андрей и Пьер Безухов. В конце сложного своего пути князь Андрей приходит, по сути, к позиции, выражаемой Платоном Каратаевым. Но приняв такое отношение к жизни, он утрачивает интерес к происходящему, жизнь перестает его интересовать, и он умирает. Напомню, что Толстой неоднократно повторяет: князь Андрей выздоравливал, но потом он утрачивает желание жить, что является прямым следствием его погружения в роевую жизнь, его принятия того отношения к миру, которое выражал Каратаев. Получается, что идеальная жизненная позиция, отражающая единственно верное понимание исторической жизни, оказывается несоединимой с активным участием в этой самой жизни.

Несколько с другой стороны противоположен аксиологической оси авторских рассуждений и жизненный путь Пьера Безухова. Пьер,

находясь в плену и общаясь с Каратаевым, достигает толстовского жизненного идеала, повторю, с наибольшей отчетливостью выраженного в историософских рассуждениях писателя. Освобожденный из плена (и избежав, в отличие от Каратаева, расстрела), он вначале следует заветом Каратаева. Однако постепенно он от подобной позиции отходит, отчетливо это осознавая и прямо говоря об этом Наташе в эпилоге романа. Новые свои планы он каратаевским жизненным установкам противопоставляет. Продолжая активную жизнь в истории, а не уходя из жизни, как князь Андрей и Платон Каратаев, Пьер, однако, отходит от того, что Толстой представляет в идеолого-философских рассуждениях в качестве наиболее правильной позиции — как в истории, так и в бытии вообще.

Оказывается, что жизненные судьбы героев, которые и составляют основу диегезиса реалистического романа, входят в самое глубокое противоречие с теми философскими концепциями, которые излагаются Толстым в прямых рассуждениях. У них совершенно различные системы ценностей. Одна предполагает преодоление личностного начала, это — отвлеченные размышления автора, первая ипостась его облика в «Войне и мире». Вторая же, определяющая судьбы главных героев, свидетельствуют о совершенно ином — о необходимости личного самосознания, ответственного за свои поступки и направленного вглубь человеческого сознания. Нравственно окрашенная рефлексия является главным структурообразующим элементом образов этих героев, в первую очередь — князя Андрея и Пьера. Более того, именно такая рефлексия и является необходимым условием для постижения этими героями сущности бытия. Познание мира, как свидетельствуют центральные герои «Войны и мира», должно начинаться с познания человеком самого себя; лишь увидев правду о себе человек сможет узнать правду о мире, т. е. понять свое место в нем. Но познание самого себя требует предельной осознанности себя как отдельной от других, неповторимой личности; без этого невозможно взглянуть на себя как на другого. Осознав себя таковым, каким он есть, человек может двигаться к истинному, правильному (по Толстому) осмыслению бытия.

Какой-либо смысловой консенсус между этими аксиологическими системами едва ли осуществим. Благодаря этому художественный мир романа-эпопеи, охватывающий и фикциональное повествование, и отвлеченные философские рассуждения становится не просто сложным и многогранным; вероятно, самым точным было бы его определение как антиномичного. Характеризуя «Войну и мир», С. Г. Бочаров назвал ее

книгой «великого содержания и единственного даже в нашей литературе художественного богатства»¹⁰. Хочется уточнить — величие содержания этого, возможно, центрального произведения русской литературы XIX века во многом определяется антиномичностью его художественного смысла. Писатель, стремившийся многое упростить, сумел написать книгу, как раз и опровергающую любые упрощения и демонстрирующую сложность бытия и невозможность однозначного его понимания. Такая антиномичность и открывает читателю аксиологическую свободу — свободу оценок и свободу выбора ценностных систем. Иначе, чем Пушкин, Достоевский или Тургенев, но и Л. Толстой нес своим читателям свободу, ту «тайную свободу», которая, по мнению А. Блока была доминантным кодом русской литературы XIX столетия.

Завершая свои размышления, хочу вернуться к его началу, пусть это отчасти и нарушит академическую выдержанность статьи. Преступная война, которую Россия ведет в Украине, с неизбежностью заставила очень многое переоценить и переосмыслить. Нет сомнений, имперское мироощущение в его самых негативных проявлениях присутствует не только в русской истории, но и в русской культуре. Однако, осознавая и анализируя это, не следует забывать и о другом — ведущие авторы, в частности XIX века, никогда не отвергали гуманистического начала; они даже не просто его декларировали; главная идея гуманизма — идея свободы человека — лежала, как видим, обратившись к ценностным ориентирам их книг, в основе создаваемых ими художественных миров и моделируемых ими принципов художественной коммуникации с реципиентами. Открывая читателям свободу аксиологического выбора, русские писатели, тем самым, имплицитно воспитывали в них и чувство свободы вообще, а также — чувство ответственности за сделанный ими выбор. Грустно, что — как показывают события последних лет — большинство моих соотечественников как раз этими уроками русского искусства пренебрегли.

Список использованных источников — References:

BACHTIN, Michail Michajlovič: *Problemy tvorčestva Dostojevskogo*. Leningrad: Priboj, 1929.

¹⁰ БОЧАРОВ Sergej Georgijevič: Put' Tolstogo. In: БОЧАРОВ, Sergej Georgijevič: *Filologičeskije sjužety*. Moskva: Jazyki slavjanskich kul'tur, 2007, s. 571.

- BOČAROV, Sergej Georgijevič: *O vozmožnom sjužete «Jevgenija Onegina»*. P. S. *Vozmožnyje sjužety Puškina*. V: BOČAROV, Sergej Georgijevič: *Sjužety ruskoj literatury*. Moskva: Jazyki ruskoj kul'tury. 1999, s. 17–77.
- BOČAROV Sergej Georgijevič: Put' Tolstogo. V: BOČAROV, Sergej Georgijevič: *Filologičeskie sjužety*. Moskva: Jazyki slavjanskich kul'tur, 2007, s. 565–575.
- ČIČERIN, Aleksej Vladimirovič: *Obraz avtora v «Vojne i mire»*. V: *V mire Tolstogo*. Moskva: Sovetskij pisatel', 1978, s. 161–177.
- ČIČERIN, Aleksej Vladimirovič: *Zvukovaja volna v proze Turgeneva*. V: ČIČERIN, Aleksej Vladimirovič. *Sila poëtičeskogo slova*. Moskva: Sovetskij pisatel'. 1985, s. 19–26.
- ČUMAKOV, Jurij Nikolajevič: *Sjužetnaja polifonija «Mocarta i Sal'jeri»*. V: ČUMAKOV, Jurij Nikolajevič: *Puškin. Tjutčev. Opyt immanentnyh rassmotrenij*. Moskva: Jazyki slavjanskich kul'tur, 2008, s. 249–283.
- DROZDA, Mirosław: *Narrativnyje maski ruskoj chudožestvennoj prozy (ot Puškina do A. Belogo)*. *Russian Literature*, XXXV, 1994, Nr. 3/4, s. 287–547.
- FRIDLENDER, Georgij Michajlovič: *Poëtika ruskoj realizma*. Leningrad: Nauka, 1971.
- GUDZIJ, Nikolaj Kallinikovič: *Čto sčitat' kanoničeskim tekstem «Vojny i mira»*. *Novyj mir*. 1963, № 4, s. 234–246.
- GUDZIJ, Nikolaj Kallinikovič: *Ješče raz o kanoničeskom tekste «Vojny i mira»*. *Voprosy literatury*. 1964, № 2, s. 190–200.
- MICHAJLOV, Aleksandr Viktorovič: *Poëtika barokko: zaveršenije ritoričeskoj èpochi*. B: MICHAJLOV, Aleksandr Viktorovič: *Jazyki kul'tury*. Moskva: Jazyki ruskoj kul'tury, 1997, s. 112–175.

Petr Bukharkin

Doctor of Philological Sciences, Professor, Independent scholar, Wundtstr 24,
14059 Berlin, Germany

p_bukharkin@hotmail.com

ORCID 0000-0002-0620-0367

Hodnoty *biedermeieru* v poezii Handrije Zejlera

Kryštof Peršín

Abstrakt

Príspevek se venuje *biedermeierovským* hodnotám v poezii lužickosrbského básníka, pokládaného za zakladatele světské lužickosrbské poezie, Handrije Zejlera. Po krátkém exkurzu do literárněhistorické recepcie Zejlerova díla ukážeme na příkladu tří rozdílných básní z různých období jeho tvorby (báseň *Wjesele spěwančko*, *Serbske barby* a jedna náboženská píseň), že v jeho díle jsou přítomné hodnotové a motivické prvky, které můžeme přiřadit k literárnímu *biedermeieru*. Byť si většina badatelů všímá Zejlerova tíhnutí k idyličnosti, obrušování konfliktů a pevného hodnotového rámce zasazeného do křesťanské morálky, v literární sorabistice se pojmu *biedermeieru* prozatím neužívá – v našem příspěvku ukazujeme, že zavedení pojmu pro lužickosrbskou literaturu XIX. století není bez užitku a může pomoci lépe popsat soudobou lužickosrbskou literární tvorbu.

Klíčová slova: Lužičtí Srbové; Zejler; *biedermeier*; literární *biedermeier*; 19. století

The Values of *Biedermeier* in the Poetry of Handrij Zejler

Abstract

The paper focuses on *Biedermeier* values in the poetry of the Sorbian poet, considered the founder of secular Sorbian poetry, Handrij Zejler. After a brief excursion into the literary-historical reception of Zejler's work, we show, using the example of three different poems from different periods of his work (poems *Wjesele spěwančko*, *Serbske barby* and one religious song), that there are value and motivic elements present in his work that can be attributed to literary *Biedermeier*. Although most scholars have noted Zejler's tendency towards idyllicism, the obliteration of conflict and a firm value framework set in Christian morality, the term *biedermeier* is not yet used in literary sorabistics—in our paper we show that the introduction of the term for nineteenth-century Sorbian literature is not without utility and may help to better describe contemporary Sorbian literary production.

Key words: Sorbians; Zejler; *Biedermeier*; literary *Biedermeier*; 19th century

Literárněhistorická recepcce

Jméno Handrije Zejlera zaujímá v dějinách lužickosrbského písemnictví klíčové místo – v podstatě již od poloviny XIX. století bylo jeho dílo široce přijímáno (srov. například situaci mezi pražskými studenty teologie bydlicích na Malé Straně v Praze, kteří se od roku 1847 organizovali ve spolku Serbowka – právě básně Handrije Zejlera jsou spolu s překladem *Ohlasů písní ruských* F. L. Čelakovského, nejčastěji recipovaným dílem v prvních letech existence spolku¹) a Zejler se postupně přerodil v nejvýznamnějšího lužickosrbského básníka. Jako ilustraci velké úcty, které se poměrně záhy po své smrti těšil, můžeme uvést úvodní slovo v knižičce obsahující program živých obrazů, která vyšla u příležitosti 100. nedožitých Zejlerových narozenin², kde se mimo jiné praví:

„A hdyž jeho nimamy žiweho mjez nami, znošuj so jeho duch nad nami, jeho basnje a pšnje njech pozběhuja naše wutroby k jeho wutrobje, njech nas wjedu přez jeho žiwjenjo, njech nam jeho z rowa zbudža!“³

Zejler je zde v souladu s obrozeneckým diskursem (narážka na zmrtvýchvstání – vzkříšení národa) zbožšťován, jeho tvorbě je přičítána magická, oživující moc.

Velký důraz na Zejlera a zejména jeho „lidovost“⁴ kladlo v intencích ideologie socialistického realismu literární dějepisectví Německé demokratické republiky. Ve vydání vybraných básní z roku 1954 píše tehdy osmatřicetiletý Jurij Brězan, vrcholný představitel lužickosrbské literatury NDR, ve velmi bojovném duchu a za užití typického bojového výraziva:

Lět pjatnaće běše so minyło po Wulkej francoskej rewoluciji – pjatnaće lět po tym, zo běše francoski lud na trón, na kotrymž běše sedžalo nadknjejtwo, hluposć a tuposć ducha a dušow, sadžił rozumnosć [...], hdyž so w Serbach Serbam narodži Handrij Zejler. [...] Lud wuzwoli sej jeho za swój hlós, lud

¹ Rukopisné digitalizáty časopisu jsou dostupné online na stránkách České národní knihovny, případně jsou dostupné v *Hornikově knihovně*, jež se nalézá na Malé Straně v budově Lužického semináře a již spravuje Společnost přátel Lužice.

² Tedy 33 let po básníkově smrti.

³ L.: *Zejler wosrjedž ludu. K wopomnjeću jeho stotym narodninam*. Budyšin: Smolerjec knihiciscernja, 1905.

⁴ Jak jsme v náznamech viděli výše, „lidovost“ a údajná Zejlerova blízkost k „lidu“ byla akcentována již mnohem dříve, ostatně je podobný kult „lidovosti“ znám i z národního obrození českého.

Zejerja kublaše, zo Zejler móhl kublač a wučić lud. [...] Handrij Zejler bě serbskeho luda zažne nalětnje slónco [...] ⁵

Handrij Zejler je čtenářům výboru představován jako revoluční básník spjatý s venkovským lidem, to lid si podle této představy vybírá svého mluvčího, vychovává jej a učí ho, aby básník později mohl vychovávat a učit lid. ⁶ Ani doba básníková narození není v tomto pojetí náhodná – přímo navazuje na Velkou francouzskou revoluci a její ideje. Nepřímo je pak Zejler akcentováním *rozumnosti* zařazován do proudu osvícenského a racionalistického, z nichž revoluční změny, které vedly k pádu starého režimu ve Francii, vycházely. Jsou akcentovány revoluční principy „volnosti“, „rovnosti“ a „bratrství“. ⁷ Upozorněme na tomto místě na zajímavé přirovnání Zejlera k jarnímu slunci ⁸ – zda při vytváření kultu „národního básníka“ ⁹ hrála nějakou roli inspirace puškinským kultem přenášeným z ruského prostředí, je otázka, která by si zasloužila samostatný výzkum (jistě odrazy „puškiniány“ mezi Lužickými Srby bychom např. našli již v XIX. století ve výše zmíněném časopisu *Serbowce*) a již se na tomto místě zabývat nebudeme.

Lucija Hajnec, odpovědná redaktorka sebraných Zejlerových spisů ze 70. let XX. století, interpretuje Zejlerovo dílo v intencích socialistického realismu s důrazem na lidovost, jedním z jeho tří principů, do své formulace velmi důmyslně zapojuje i druhý princip „stranickosti“:

„orientacija na bytostne prašenja socialnych zjawow w žiwjenju serbskeho ludu a ludowosć w zmysle stronitosće za potłóčowany lud.“ ¹⁰

Stylově Hajnec Zejlerovo dílo přiřazuje k romantismu spojenému s národním obrozením, v němž se podle ní kvůli specifickým hospodářsko-sociálním poměrům nemohl vyvinout subjektivismus a individualismus, přičemž hlavní intencí celého lužickoserbského národního hnutí bylo:

⁵ BRÉZAN, Jurij: *Předstawo*. In: ZEJLER, Handrij: *Wubrane basnje*. Budyšin: Domowina, 1954, 6–7.

⁶ Zde bychom zřejmě našli rozdíl mezi socialistickým a obrozeným diskursem – zatímco v obrozeném diskursu je to básník, který vědomě probouzí lid, v socialistickém diskursu je tomu naopak a hlavním hybatelem je lid.

⁷ O jejich „biedermeierovské“ transformaci v Zejlerově díle viz níže v našem příspěvku.

⁸ Srov. známou ruskou perifrázi „солнце русской поэзии“ o Puškinovi.

⁹ Podobný jev známe i z československého prostředí po druhé světové válce – Nejedlého kult Aloise Jiráska, Boženy Němcové a J. K. Tyla, ale i např. vydávání sebraných spisů Maxima Gorkého či reprezentativní výborů z Majakovského poezie.

¹⁰ HAJNEC, Lucija: *Handrij Zejler*. In: ZEJLER, Handrij: *Zhromadžene spisy I. Lyrika*. Budyšin: Ludowe nakladnistwo Domowina, 1972, s. XVIII.

„Kóždezkuli subjektiwne zapřijeće swěta serbskeho literarneho prócowanja kryješe so ze žadanjom za wuswobodženjom serbskeho čłowjeka z putow feudalneho potlůčowanja a za jeho čłowješkeje dostojnosću.“¹¹

I pozdější východoněmecké literární dějepisectví spatřovalo největší hodnotu Zejlerova díla v jeho mimoliterárním působení – osvobozování Lužických Srbů z pout feudalismu, Zejler je řazen mezi pokrokové básníky a spisovatele.

Z literárních vlivů na Zejlera působících jmenuje Hajnec kromě velkého vlivu lidové poezie např. německé básníky W. Müllera, E. M. Arndta, romantiky Uhlanda, Eichendorffa, von Arnima a Clemensa Brentana. Mimo Goetha pak jmenuje zejména Eduarda Mörikeho, s nímž se „podobnje kaž z Eichendorffom, w tworjenju z ludowej poeziju zwjazanych realistiskich wobrazow zetka.“¹² V osobě Eduarda Mörikeho se Zejler přímo dotýká německého literárního biedermeieru.

Proti vyzdvihování Zejlera jako básníka se stavějí někteří němečtí sorabisté (např. Prunitsch či Koschmal). S tím polemizuje ve své monografii *Lužickosrbská literatura: její vývoj a pozice mezi středoevropskými literaturami* Helena Ulbrechtová, která ve své práci některé závěry koriguje – např. tvrzení Prunitsche, že mytizace a folklorizace nemohou být uměleckým prostředkem.¹³ O světě Zejlerovy přírodní lyriky autorka dále píše, že bytí pokládá Zejlera za zakladatele světské poezie, přesto se podle ní neosvobodil¹⁴ od religiózního ladění; vždyť i milostné či pijácké písně jsou „umírněné“ (chytří a dobří mládenci mají pít jen jeden džbáněk). Krása lužických dívek je opěvována v obvyklých folklórních formulacích, sexuální narážky se téměř nevyskytují [...], zůstává pouze eticky nezávadné ucházení se hocha o nevěstu. Zejler tedy vytváří idylický společenský pořádek v křesťanském duchu.¹⁵

Podobného tihnutí k vytváření harmonického světa a k „uměrování“ obrazů v pijáckých písních, respektive zmírňování erotiky typické pro lidovou píseň v rámci křesťanského pojetí světa a řádu si ve své monografii *Sorbische Lyrik des 20. Jahrhunderts* všimá i Christian Prunitsch. Pro náš příspěvek je zajímavý

¹¹ Ibidem, s. XVII.

¹² Ibidem, s. XXI.

¹³ ULBRECHTOVÁ, Helena: *Lužickosrbská literatura: její vývoj a pozice mezi středoevropskými literaturami*. Praha: Karolinum, 2009, s. 63.

¹⁴ Neměli bychom zapomínat, že Zejler byl svou profesí luterský farář – kdo jiný než právě reformátor Martin Luther je svým životem i myšlením příkladem syntézy duchovní a světské oblasti?

¹⁵ Ibidem, s. 64.

jeho postřeh o podobě Zejlerových „bakchických“ básní, jelikož se tu opět (byť nepřímou) vynořuje Zejlerovo napojení na literární biedermeier:

„Was Zejler als ‚Bacchuslob‘ bezeichnet [...], hat mit ausschweifenden Bacchanalien nichts zu tun, sondern ruft das Bild des braven Biedermanns hervor, der sich nach getaner Arbeit im Freundeskreis dem wohlverdienten Vergnügen hingibt.“¹⁶

Biedermeierové hodnoty v Zejlerově díle

Z literárněhistorické recepce Zejlerova díla je patrné, že lyrické pojetí ideálního světa, jeho obrazy nevinných námluv, družné pospolitě společnosti, která se po příčinlivé práci schází u džbánu piva, uměřený svět přírody, ve kterém hrají dominantní roli motivy zahrady a polí (tedy člověkem zkrocené, člověka neohrožující prostory), vyvolávají pocit „pohody“ a připomínají obraz biedermeierovské idylly. Se samotným pojmem biedermeier však sorabistická literární věda nepracuje.

Z tohoto pojmu v příspěvku vycházíme – v Zejlerově lyrice lze vystopovat na rovině motivické i hodnotové prvky, jež svědčí o její příslušnosti k biedermeierovské poetice. Představa existence ideálního vyššího řádu zakotveného v křesťanské protestantské (luterské) etice tvoří rámec Zejlerova díla. V souladu s dobovými pocity nejistoty a ohrožení¹⁷, způsobené koncem starého odvěkého řádu při Velké francouzské revoluci, se i u Zejlera (přes převažující pozitivní vyznění většiny jeho básní) nacházejí pocity ohrožení, v některých případech i vědomí nenávratné zkázy vlastního národa. Toto vědomí lze většinou vyčíst z básní nepřímou, ohrožující „kolotání“ světa je v Zejlerově lyrice přítomné imanentně. Typické pro Zejlerovo básnictví také je, že bytí svým dílem již patří k lužickosrbským národním buditelům a záleží mu na osudu vlastního národa, až na pár výjimek u něho nenajdeme německo-lužickosrbský antagonismus. Je to další znak ukazující na biedermeierovský diskurs, jenž měl tendenci vyhýbat se konfliktním situacím a případné nastalé konflikty zahlazoval. Jako poslední zmíníme na tomto místě roli, do níž se lyrický subjekt často staví – do role výchovné. Zejlerovo básnictví může být vnímáno jako poněkud

¹⁶ Co Zejler označuje jako „chválu Baccha“ [...] nemá nic společného s bujarými bakchanáliemi, nýbrž vyvolává obraz statečného Biedermanna, který se po vykonané práci v kruhu přátel oddává dobře zasloužené zábavě. (vl. překlad PRUNITSCH, Christian: *Sorbische Lyrik des 20. Jahrhunderts. Untersuchungen zur Evolution der Gattung*. Bautzen: Domowina-Verlag, 2001, s. 58–59.

¹⁷ Tento pocit popsal ve svém díle *Die Biedermeierzeit* F. Sengle jako tzv. „Weltschmerz“, tedy světable.

zatížené didaktismem, vedle estetické funkce se mnohde (např. v náboženských básních určených pro děti) dostává do popředí funkce výchovná. V kontextu biedermeierovského myšlení je to typický postoj lyrického subjektu a jistý didaktismus tvoří pevnou součást eticko-estetického rámce biedermeieru.¹⁸ K ilustraci hodnot, které utvářejí Zejlerovu typickou poetiku, jsme vybrali tři básně, které představují vedle linie folklórní tři různá směřování Zejlerovy básnické tvorby – jde o anakreontskou báseň *Wjesele spěwančko*, představující ranou linii Zejlerových „píjáčkých“ studentských básní, *Serbske barby*, příklad lyriky vlastenecké, ovlivněné silně všeslovanskými myšlenkami a ideály Velké francouzské revoluce, které jsou ovšem biedermeierovsky zmírněny a jejich významy transformovány, a jako poslední jsme k rozboru zvolili ukázkou ze Zejlerovy tvorby duchovní.

V rané básni *Wjesele spěwančko* z období studií ve středoněmeckém Lipsku Zejler využívá některé romantické motivy, které transformuje v souladu s biedermeierovským pohledem na svět. Báseň začíná dvojicí otázek *Štó ha z tych Lipsčanskich murjow won dže? / Kak so ta črjódzička pomjenuje?* Před čtenářem vyvstává obraz skupiny poutníků, kteří se vydávají na cestu z města (tedy z ohraničeného, bezpečného, kulturního prostředí) ven. Následně lyrický subjekt na řečnické otázky odpovídá – na cestu se vydává skupinka (*črjódzička*)¹⁹ Lužických Srbů. Skupina je charakterizována svou veselostí a přátelstvím (*wjeseli Serbja, wobleča přečelniwe, radosć jich wobchadzuje*), motivy veselosti, přátelství, radosti ze života a krotký hédonismus prostupují ostatně celou básně. Otázky naznačují údiv lyrického subjektu – ve čtvrté sloce se lyrický subjekt táže, co mohlo přimět poutníky opuštění prostor města a vydat se pryč z ohraničeného a známého prostoru (*Štó je jich zamóhlo, z města so hnuć?*). Následně si lyrický subjekt ihned odpovídá – skupina poutníků se po prašné cestičce (všimněme si hojného užití deminutiv v básni – *črjódzička, črjódka, pućiku, škleńčka*) vydává do hostince, aby si tam dopřála dobrého piva, kromě piva pocit pohody posilující i motivy dýmek. Pohyb, který studenti v básni vykonávají je pohybem z jednoho uzavřeného prostoru (město) do druhého bezpečného prostoru (hostinec).²⁰ Anakreontická idyla

¹⁸ Viz studii Jaroslavy Janáčkové JANÁČKOVÁ, Jaroslava: *Romantismus – biedermeier*. In: LEHÁR, Jan, STICH, Alexandr, JANÁČKOVÁ, Jaroslava, HOLÝ, Jirí: *Česká literatura od počátku k dnešku*. Praha: Nakladatelství lidové noviny, 2006, s. 205–261.

¹⁹ Doslova „stádečko“.

²⁰ Vzpomeňme Němcové *Babičky* a motivů vycházek v ní – podobně jako v Zejlerově básni vykonává babička s vnučaty většinou pohyb z domova do jiného obydlého objektu (myslivna, mlýn, zámek, kostel). O vycházkové kultuře v období restaurace viz např. SENGLE, Friedrich: *Biedermeierzeit. Deutsche Literatur im Spannungsfeld zwischen Restauration und Revolution 1815–1848*. Stuttgart: J. B. Metzler, 1971, s. 36–40.

v básni ilustrovaná však není neproblematická, je totiž podmíněna neochvějnou pospolitostí zúčastněných subjektů – „lužickosrbské přátelství“ se nesmí chvět více než dub ve vichrech (*Nášeho serbskeho přechelstwa slub / chabłaj so mjenje hač w wichorach dub!*). Idyla není absolutní, nýbrž se jedná o jakýsi překryv, útěk před ohrožující skutečností vnějšího světa – viz poslední trojverší básně: *Żiwjenje skropawe / piwo nam zhladkuje – / tralala lalala zhladkuje nam!*

Druhou básní, na níž chceme tezi o přítomnosti biedermeierových hodnotových rámců v poezii Zejlera ilustrovat, je báseň *Serbske barby* z roku 1864. Zejler v ní opěvuje lužickosrbské národní barvy, které jsou shodné s barvami obecně slovanskými (modrá, červená, bílá). Kromě všeslovanství jsou tyto barvy v obecném povědomí spojovány s událostí, která na konci XVIII. století určila běh století následujícího – s Velkou francouzskou revolucí a jejím heslem o *volnosti, rovnosti a bratrství*. Jak Zejler ve své básni s touto asociací pracuje? Jak proměňuje význam tří barev tvořící francouzskou a slovanskou trikolóru? Jakými obsahy je naplňuje?

Báseň začíná zvoláním *bratřa*, které přímo odkazuje na výše zmíněné bratrství, a následuje výzva k oslavě barev modré, červené a bílé, které podle lyrického subjektu Lužičtí Srbové milují. Zejler pokračuje a vytváří zajímavý myšlenkový oblouk – zatímco první část první sloky se dovolává obecného bratrství, druhou část sloky tvoří opakované dvojverší, v níž básník přiznává lužickosrbským barvám též transcendentní platnost – *Twjerdżizna njebeska / sama k njej so póznawa*. Na první pohled se může zdát, že se jedná o povšechný panteismus běžný v literatuře XIX. století, ovšem pokud si uvědomíme, že byl Zejler luterským farářem, lze obraz nebeské tvrze interpretovat jako metaforu Boha, jak jej chápe křesťanství. Nejen protestantský čtenář si totiž slovní spojení „nebeská tvrz“ spojí se známou Lutherovou písní, která je používána jako hymna reformace, *Hrad nebeský jest Pán Bůh náš*.²¹ Lužickosrbské barvy tedy dostávají legitimitu opřenou nejen o jejich oblibu mezi „lidem“, nýbrž nabývají i legitimacy duchovní – tvrz/hrad je navíc jakýmsi protipólem představy ohrožující revoluce (revoluce započala dobytím Bastily). Tvrz představuje místo bezpečí – to koresponduje se zálibou biedermeieru v uzavřených, bezpečných prostorách, kam nedoléhá ohrožující svět vnějška.

Každá z barev je asociována s některou vlastností a částí rána – modrá (s firmamentem – zdůraznění vertikální osy země-nebe a barvou nebe těsně před svítáním) představuje přátelství a bratrství. Přátelství je výmluvně postaveno před bratrství – sympatii založené na abstraktní příslušnosti k národu, je předřazený vztah založený na emocionální blízkosti a zainteresovanosti.

²¹ Něm. Ein feste Burg ist unser Gott.

Červená barva pak konvenčně v básni symbolizuje lásku (všimněme si pokračování citové linky), není spojována s revolucí ani krví, představuje také ranní červánky. Bílá pak symbolizuje jasný den a nevinnost, tedy typickou vlastnost vyzdvihovanou v rámci křesťanské etiky. Báseň je pak zakončena zvoláním o kráse lužickosrbských barev, je znovu akcentována citová zainteresovanost na věci a čtenář je vyzýván, aby provolal lužickosrbským barvám slávu (zde nejvíce vystupuje do popředí národně-výchovný tón básně – *komuž wutroba so zhrěła, / za čuća je wótčinske: / Zawóskej, zaklinkaj, / Sława serbskej barbi praj*).

Třetím textem je jedna ze Zejlerových básní určených k církevnímu použití. Modlitby či kostelní písně ze Zejlerova pera stojí v rámci literatury o něm často stranou, neboť bývá zdůrazňována jeho role zakladatele světské lužickosrbské literatury. Domníváme se, že se při posuzování Zejlerova díla nelze vyhýbat ani náboženské tvorbě. Právě na ní lze nejlépe ukázat zmíněný biedermeierovský didaktismus.

Za příklad textu určeného pro nábožensko-výchovné účely jsme zvolili píseň určenou k začátku školního vyučování pro lužickosrbské děti (konkrétně písně určené ke zpěvu v úterý a ve středu). První píseň začíná oslovením Boha a připomínkou, že se on sám pracuje ve velkém světě, o vše se stará a provází své děti – upozorněme na představu velkého světa, který je podřízen Božímu řádu, Bůh do něj aktivně zasahuje. Je akcentována role Boha-Otce (*wodźiš twoje džěci*), který je průvodcem ve světě, stará se o bezpečný spánek (*Ty sy tež wobradził / mi ćiche spanje w nocy*). Ctnosti, které jsou v písních vyzdvihovány, jsou zejména dělná příčinlivost, silný důraz je kladen na tvůrčí práci a píli – lidé svou práci napodobují Boží tvoření (*Daj z toho póznać mi, / kiž twoje znamjo sym, / zo ja tež k džětu so / mjeć dyrbję po prawym.*). Vše má směřovat k harmonickému soužití ve společenství bez rozepří (*njech k hari, zwadzi, k prózdności / njej' we nas požadanje*). V písní určené ke zpěvu ve středu se zpěvák přirovnává ke stromu v Boží zahradě, který má přinášet užitečné plody (biedermeierovský kult člověkem zušlechtované přírody, která člověka neohrožuje, nýbrž mu nese kýžený užitek) a zpěvák zároveň Boha prosí o ochranu před nástrahami světa (*Tuž prošu, Božo, tebję, / wuč twoju wolu mje, / zły swět mje hewak zjebję / a k hrěcham zawjedze*). Opět se zde vynořuje biedermeierovská představa ohrožujícího světa, který přináší záhubu, přimknutím k vyšší otcovské instanci se lze tomuto ohrožení vyhnout. Výchovná funkce textu sice převažuje, nicméně nemůžeme vyloučit ani jeho estetické působení, zvláště ve spojení se zpěvem a hudebním doprovodem.

V tomto krátkém příspěvku jsme ukázali, že v poezii Handrije Zejlera lze spatřovat prvky biedermeierovské poetiky a biedermeierovského vidění

světa. Domníváme se, že použití pojmu biedermeier pomáhá lépe uchopit problematiku Zejlerova díla – nemá smyslu zavádět do literární sorabistiky nový pojem, ale pokud budeme biedermeier chápat jako jeden z diskursů²² utvářejících podobu soudobé literární podoby, lze jej považovat za dobrý nástroj k popisu lužickosrbských literárních dějin.

Seznam použité literatury – References:

Primární literatura

- ZEJLER, Handrij: *Zhromadžene spisy I. Lyrika*. Budyšin: Ludowe nakładnistwo Domowina, 1972.
- ZEJLER, Handrij: *Zhromadžene spisy II. Lyrika*. Budyšin: Ludowe nakładnistwo Domowina, 1975.
- ZEJLER, Handrij: *Zhromadžene spisy VI. Lyrika, libreto, fragmenty*. Budyšin: Ludowe nakładnistwo Domowina, 1987.

Sekundární literatura

- BRĚZAN, Jurij: *Předstowo*. In: ZEJLER, Handrij: *Wubrane basnje*. Budyšin: Domowina, 1954.
- HAJNEC, Lucija: *Handrij Zejler*. In: ZEJLER, Handrij: *Zhromadžene spisy I. Lyrika*. Budyšin: Ludowe nakładnistwo Domowina, 1972.
- HAJNEC, Lucija: *Předstowo*. In: ZEJLER, Handrij: *Zhromadžene spisy I. Lyrika*. Budyšin: Ludowe nakładnistwo Domowina, 1972.
- JANÁČKOVÁ, Jaroslava: *Romantismus – biedermeier*. In: LEHÁR, Jan, STICH, Alexandr, JANÁČKOVÁ Jaroslava, HOLÝ, Jiří: *Česká literatura od počátků k dnešku*. Praha: Nakladatelství lidové noviny, 2006, s. 205–261.
- L.: *Zejler wosrjedź ludu. K wopomnjeću jeho stotym narodninam*. Budyšin: Smolerjec knihičisćeńja, 1905.
- PRUNITSCH, Christian: *Sorbische Lyrik des 20. Jahrhunderts. Untersuchungen zur Evolution der Gattung*. Bautzen: Domowina-Verlag, 2001.
- SENGLE, Friedrich: *Biedermeierzeit. Deutsche Literatur im Spannungsfeld zwischen Restauration und Revolution 1815–1848*. Stuttgart: J. B. Metzler, 1971.
- TUREČEK, Dalibor: *Sumář. Diskurzivita české literatury 19. století*. Brno: Host, 2018.

²² Jak o tom mluví např. Tureček, viz TUREČEK, Dalibor: *Sumář. Diskurzivita české literatury 19. století*. Brno: Host, 2018.

ULBRECHTOVÁ, Helena: *Lužickosrbská literatura: její vývoj a pozice mezi střeoevropskými literaturami*. Praha: Karolinum, 2009.

Kryštof Peršín

Mgr., Department of Slavonic Studies, Faculty of Arts, Masaryk University,
Arna Nováka 1, 602 00 Brno, Czech Republic

krystofpersin@seznam.cz

ORCID 0000-0002-8423-8168

Sobáš ako hodnota vo vybraných dielach Boženy Slančíkovej Timravy a Antona Pavloviča Čechova

Marianna Fignedyová

Abstrakt

Predkladaný článok pod názvom Sobáš ako hodnota vo vybraných dielach Boženy Slančíkovej Timravy (*Za koho ísť?*, *Kandidát ženby*, *Bál*) a Antona Pavloviča Čechova (*Руководство для желающих жениться*; *Секретно*, *Свадьба*, *Свадьба с генералом*, *Кухарка женится*) skúma hodnotu sobáša z pohľadu dvoch autorov devätnásteho storočia, muža a ženy, z ruského a slovenského prostredia. Na vybraných textoch z tvorby A. P. Čechova a B. Slančíkovej Timravy sleduje rôznorodosť očakávaní od manželstva a porovnáva úlohy ženíchov a neviest v ruskej a slovenskej spoločnosti konca devätnásteho storočia.

Kľúčové slová: hodnota; svadba; A. P. Čechov; B. Slančíková Timrava

Marriage as a Value in Selected Works of Božena Slančíková Timrava and Anton Pavlovič Chekhov

Abstract

The present article, entitled Marriage as a Value in Selected Works by Božena Slančíková Timrava (*Za koho ísť?*, *Kandidát ženby*, *Bál*) and Anton Pavlovič Chekhov (*Руководство для желающих жениться*; *Секретно*, *Свадьба*, *Свадьба с генералом*, *Кухарка женится*), examines the value of marriage from the point of view of two nineteenth-century authors, a man and a woman, from the Russian and the Slovak milieu. On selected texts from the works of A. P. Chekhov and B. Slančíková Timrava traces the diversity of expectations from marriage and compares the roles of bridegrooms and brides in late nineteenth-century Russian and Slovak society.

Key words: value; wedding; A. P. Chekhov; B. Slančíková Timrava

V článku sa zamýšľame nad hodnotou sobáša – ako vstupu do nového života, tak ako ho zobrazili významní predstavitelia ruskej a slovenskej literatúry devätnásteho storočia. Budeme skúmať, akú hodnotu predstavuje sobáš vo vybraných dielach Antona Pavloviča Čechova a ako ho vníma predstaviteľka slovenskej literatúry Božena Slančíková Timrava. Za dôležitý pokladáme pohľad, či je vstup do manželstva prejavom vlastnej vôle jednotlivých protagonistov, alebo literárne postavy len plnia spoločenskú objednávku správneho života.

„Ритуал замужества в дворянском обществе XVIII – начала XIX века носит следы тех же противоречий, что и вся бытовая жизнь. Традиционные русские обычаи вступали в конфликт с представлениями о европеизме. Но сам этот «европеизм» был весьма далек от европейской реальности.“¹

Na prvý pohľad dvaja nesúrodí autori z rôznych kultúrnych prostredí sú spojení osobitným, ironizujúcim pohľadom na manželstvo. Anton Pavlovič Čechov (1860 – 1904) a Božena Slančíková Timrava (1867 – 1951) žili v rovnakej dobe a boli svedkami postupného odchodu zaužívaných zvyklostí a hodnôt. Anton Pavlovič Čechov sa narodil i zomrel v čase trvania Ruského impéria. Narodil sa v ruskom prístavnom meste v Taganrogu v Rostovskej oblasti a smrť ho zastihla ako tuberkulózneho pacienta v nemeckom kúpeľnom meste Badenwiler. Riadením osudu, ale najmä svojou vytrvalosťou, Anton Pavlovič nadobudol lekárske vzdelanie a žil v najvýznamnejších kultúrnych centrách svojej vlasti. Choroba mu zabránila vykonávať lekársku prax, čo ho ešte viac primklo k literatúre. Čechov nebol pre slovenskú kultúrnu obec neznámou osobnosťou:

„...štatistika prezrádza, že v posledných rokoch 19. a na začiatku 20. storočia boli Tolstoj a Čechov problematikou ‚malého človeka‘ pre slovenského čitateľa najpríťažlivejšími autormi, a to s ohľadom nielen pre určitú analogickosť situácie, ale aj na vývinové potreby slovenského literárneho organizmu v jeho orientácii na realistickú poviedkovú tvorbu. Veľká prevaha prekladov z Čechova v prvých rokoch 20. storočia svedčí o tom, že Tolstého učenie, tlmočené ľudovýchovnými poviedkami, už v slovenskom literárnom kontexte nerezovali s takou intenzitou ako predtým. Prijateľnejším bol Čechov, ktorý pri modelovaní obrazu človeka a sveta ponechával etické hodnotenie na čitateľa, nesnažil sa moralizovať.“²

Anton Eliáš o Čechovovi píše ako o autorovi, ktorého tvorba silno rezonovala v slovenskom kultúrnom kontexte.

„Preklady jeho poviedok sa začali objavovať už koncom 80. r. 19. stor. a pomáhali formovať podobu slovenskej realistickej prózy... jeho hry od

¹ LOTMAN, Jurij Michajlovič: *Svatovstvo. Brak. Rozvod*. In: *Besedy o ruskoj kul'ture*. Sankt-Peterburg: Iskusstvo, 1994, s. 105.

² KUSÁ, Mária: *Na počiatku bolo slovo... (1825 – 1918)*. In: *Ruská literatúra v slovenskej kultúre v rokoch 1825 – 2015*. Bratislava: VEDA, vydavateľstvo SAV, 2017, s. 34.

30. – 40. r. 20. stor. tvorili jadro repertoára slovenských profesionálnych i ochotníckych divadiel. Spolu s I. S. Turgenevom a L. N. Tolstým Čechov dodnes patrí k najprekladanejším ruským autorom na Slovensku.“³

Prepojení medzi Čechovom a Timravou je viacero. Predmetom ich literárneho skúmania bola stredná súveká spoločenská vrstva, za svoj námet si vyberali udalosti, ktoré odpozorovali zo svojej každodennosti. Spisovatelia knižne debutovali vo veku 26 rokov, napriek tomu, že literárnej tvorbe sa venovali od detstva. Božena Slančíková Timrava ako aj Anton Pavlovič Čechov mali sklon k prozaickej i dramatickej tvorbe. Ich divadelné hry sú aktuálne, Anton Pavlovič je stálicou svetového divadla. Pozitívne vnímame i ten fakt, že drámy Čechova tvoria stály repertoár Vysokiej školy múzických umení v Bratislave.

„Dominantnú pozíciu v inscenovaní ruských diel paradoxne zaujíma VŠMU, ktorej poslucháči inscenovali až 24 titulov – z toho bolo 14 klasických hier (diela A. P. Čechova, F. M. Dostojevského, N. V. Gogola, I. A. Gončarova, A. N. Ostrovského)...“⁴

Timrava z príčin jazykovej determinácie a reálneho možného dosahu slovenskej kultúry je stálicou slovenského divadelného prostredia.

Obaja autori sa vyjadrovali k aktuálnym témam, za všetky spomeniem Čechovovo dielo *Остров Сахалин* (1891 – 1893), v ktorom opisoval neľudské podmienky vo vyhnanstve na okraji záujmu i Impéria. Božena Slančíková Timrava vyplnila ťažkú úlohu autora v novele *Ťapákovci* (1914) – ktorá je neúprosným zrkadlom o zaostalosti, lenivosti, obmedzenosti, nechuti sa posúvať ďalej, ako významných charakterových črtách Slovákov. Božena Slančíková Timrava sa narodila v Polichne, malej dedine pri Lučenci v Novohrade – ďaleko od kultúrnych centier v rodine evanjelického farára Pavla Slančíka – jedného z 1300 zakladajúcich členov Matice Slovenskej. Z dôvodu nedostatku hmotného zabezpečenia sa mohla vzdelávať len v domácom prostredí. Jej otec absolvoval univerzitné štúdium v nemeckom Halle, vzdelaneckom centre slovenských evanjelikov, domácim vzdelávaním detí čiastočne kompenzoval

³ ELIÁŠ, Anton: *Čechov Anton Pavlovič*. In: Slovník ruskej literatúry 11. – 20. storočia. Bratislava: VEDA, vydavateľstvo SAV – Ústav svetovej literatúry SAV – Filozofická fakulta Univerzity Komenského, 2007, s. 120.

⁴ MATTOVÁ, Lucia – GROMINOVÁ, Andrea – MOČKOVÁ LORKOVÁ, Zuzana: *Hľadanie nových pozícií (po roku 2000)*. In: Ruská literatúra v slovenskej kultúre v rokoch 1825 – 2015. Bratislava: VEDA, vydavateľstvo SAV, 2017, s. 169.

tento nedostatok. Timrava prežila svoj život na otcovej a bratovej fare ako chudobná príbuzná. Napriek jej nespornému literárnemu talentu jej finančná situácia a spoločenské postavenie neumožňovali študovať a osamostatniť sa.

Z bohatej prozaickej tvorby Antona Pavloviča Čechova sme si vybrali štyri prózy, ktoré reflektujú vstup do manželstva vždy z iného zorného poľa. Čechov čitateľovi v nich ponúka od bujarého výsmechu spoločenských nemenných pravidiel až po clivú ľútosť nad osudom bezbrannej slúžky – kuchárky.

*Руководство для желающих жениться; Секретно*⁵ napísal autor vo veku 25 rokov, v roku 1885. Toto satirické dielo rozdelené do troch samostatných častí, už svojou samotnou formou napodobňujúce vedecký traktát. Na prvý pohľad zosmiešňujúci ženy. No Čechov venoval veľkú dávku kritiky i mužom hneď v úvode, kde hovorí:

*„Брак хорош также своею доступностью. Жениться можно богатым, бедным, слепым, юным, старым, здоровым, больным, русским, китайцам... Исключение составляют только безумные и сумасшедшие, дураки же, болваны и скоты могут жениться сколько им угодно.“*⁶

Záverečná časť príručky obsahuje výpočet presného vena, bez ktorého sa neodporúča vstupovať do manželstva. Hodnota sobáša je tak presne spočítaná a premenená na dečky, príbory a papuče. Žena je kategorizovaná podľa jej vzhľadu a správania a zaradená do zoznamu čakateliek na manželstvo. Úloha ženícha je rovnako jasná. On je ten, kto si vyberá. O ostrom ume Čechova vypovedá i tá skutočnosť, že v čase rozšírených estrád dvojica umelcov Alexander Livšic a Alexander Levenbuk v roku 1966 vytvorili parodické dielo: *Руководство для желающих выйти замуж*.⁷ Ktoré je rozdelené do dvoch častí (už neobsahuje presný výpočet majetku – vena), priamo korešponduje s dielom Čechova, ale oveľa intenzívnejšie paroduje nové postavenie mužov v spoločnosti.

⁵ ČECHOV, Anton Pavlovič: *Rukovodstvo dlja želajuščich ženit'sja; Sekretno*. [online]. [cit. 2023-10-30]. <https://www.livelib.ru/book/1000524066/reviews-rukovodstvo-dlja-zhelajuschih-zhenitsya-anton-chehov>.

⁶ Ibidem.

⁷ LIVŠIC, Aleksandr – LEVENBUK, Aleksandr: *Rukovodstvo dlja želajuščich vyiti za muž*. [online]. [cit. 2023-10-30]. <https://summoning.ru/humour/marriage.html>.

Menej satirický pohľad na sobáš a manželstvo ponúka Anton Pavlovič Čechov v poviedkach *Свадьба*⁸ 1887 a *Свадьба с генералом*⁹ 1884. V poviedke *Свадьба* na pozadí svadobného diania zobrazeného pomocou série drobných hektických situácií v dome nevesty si svadobní rodičia spomínajú na svoj prežitý život, ktorý sa následne má zopakovať aj so všetkými nedostatkami – ako je ženichov pozitívny sklon k alkoholu, len preto, že svadba dcéry je spoločenskou nevyhnutnosťou. Aj tu je nevesta len predmetom výhodnej transakcie. V diele čitateľ nepočuje jej hlas a už vôbec nie je nositeľkou žiadnej idey. Absurdnosť príbehu *Свадьба с генералом* hovorí o povinnej prítomnosti významnej osoby za svadobným stolom, aby toto poverčivé správanie prinieslo šťastie. Sobáš a vstup do nového života je zobrazený len ako súbor povinných tradícií bez citovej zaangažovanosti ženicha či nevesty.

Osobitný pohľad na manželstvo núka Anton Pavlovič Čechov v útlej poviedke pod zdanlivo nesprávnym názvom *Кухарка женится*¹⁰ (1885) – Kuchárka sa žení. Možno ju vnímať ako príbeh nespravodlivosti, tak ako ho vnímal sedemročný chlapec, mladý pán – Griša. Chlapec vníma nevšedný ruch v ich kuchyni, rozpaky kuchárky Pelageje, ktorá je vtiahnutá do hier sobášnych dohadzovačiek a nemá žiadnu vôľu zmeniť svoje slobodné postavenie. „*Ей-богу, барыня, не выйду!* – крикнула вдруг Пелагея, вся вспыхнув.“¹¹ No jej protesty nemali žiadnu váhu proti spoločenským pravidlám. Postavenie Peleageje je v otázke jej vlastného sobáša rovnako nepodstatné, ako stav v ktorom sa nachádza malé dieťa – Griša. Odoženu ich a rozhodnú za nich. Najvýznamnejšou dohadzovačkou vo vlastnom dome bola domáca pani, ktorá vnímala proces ženby domáceho personálu ako príjemné rozptýlenie. Sedemročný Griša vnímal rozhorčenie otca, ktoré však nemalo na sled udalostí žiaden význam.

*„Раз только папаша с сердцем швырнул салфетку и сказал мамаше: — Что у тебя за охота всех женить да замуж выдавать! Какое тебе дело? Пусть сами женятся, как хотят.“*¹²

⁸ ČECHOV, Anton Pavlovič: *Svadba*. [online]. [cit. 2023-10-30]. https://4italka.su/proza-main/russkaya_klassicheskaya_proza/435378.html.

⁹ ČECHOV, Anton Pavlovič: *Svadba s generalom*. [online]. [cit. 2023-10-30]. http://chekhov.velchel.ru/index.php?cnt=8&story=t3_34.

¹⁰ ČECHOV, Anton Pavlovič: *Kucharka ženitsja*. [online]. [cit. 2023-10-30]. <https://ilibrary.ru/text/1100/p.1/index.htm>.

¹¹ *Ibidem*.

¹² *Ibidem*.

S nevšedným ruchom v kuchyni a nevôľou s výberom ženícha si odpovedá detský rozprávač vo svojom vnútornom monológu. Svet dospelých sa mu zdal zvláštnym a nepochopiteľným.

„Кухарка женится... — думал он. — Странно. Не понимаю, зачем это жениться? Мамаши женилась на папаше, кузина Верочка — на Павле Андреиче. Но на папе и Павле Андреиче, так и быть уж, можно жениться: у них есть золотые цепочки, хорошие костюмы, у них всегда сапоги вычищенные; но жениться на этом страшном извозчике с красным носом, в валенках... фи! И почему это няньке хочется, чтоб бедная Пелагея женилась?»¹³

Griša chcel odčiniť hriechy spoločnosti, vyslobodiť úbohú kuchárku, ktorá nemá v príbehu zástancu a nevie sa obrániť sama, lebo neúprosne koleso osudu a vôle silnejších je zdrvujúce a ona zostáva osamotená.

„Вы же, барыня, поглядывайте за ней. Будьте заместо отца-матери. И вы тоже, Аксинья Степанна, не оставьте, поглядывайте, чтоб всё благородно... без шалостей... А также, барыня, разрешите рубликов пять в счет ейного жалованья. Хомут надо купить новый. Опять задача для Гриши: жила Пелагея на воле, как хотела, не отдавая никому отчета, и вдруг ни с того ни с сего явился какой-то чужой, который откуда-то получил право на ее поведение и собственность! Грише стало горько. Ему страшно, до слез захотелось приласкать эту, как он думал, жертву человеческого насилия. Выбрав в кладовой самое большое яблоко, он прокрался на кухню, сунул его в руку Пелагее и опрометью бросился назад.”¹⁴

Zobrazenie sobáša kuchárky Pelageje s alkoholikom kočišom je smutné a hanebné. Kuchárka, slobodný človek, ktorá si statočne zastávala svoju prácu je nútená sa vydať len pre rozptýlenie domácej panej a zisk dohadzovačiek. Jej novopečený manžel si začína okamžite robiť nároky na manželkinu plácu.

Zobrazenie začiatkov manželstva má v dielach Antona Pavloviča Čechova rôzne podoby. Jeho humor sa neopakuje, autor zobrazujem rôznorodé situácie. Vo vybraných dielach sme sa stretli s výsmechom spoločnosti, ktorá vníma sobáš ako vstupenku do nového života. Ženích je zobrazený ako osoba, ktorá

¹³ Ibidem.

¹⁴ Ibidem.

má právo si vyberať svoju budúcu manželku a tak si zariadiť lepšie spoločenské postavenie. Postavy nevesty, ktoré nám Anton Pavlovič vo vybraných dielach predstavil nemali, nedostali v príbehu priestor na sebayjadrenie. Výnimku tvorila len kľúčová postava príbehu *Kuchárka sa žení*, Pelageja, ale jej zúfalý protest nemal žiadny dosah – žiadnu hodnotu v slede zobrazovaných udalostí.

Božena Slančíková Timrava, ktorá si vybrala svoj pseudonym podľa blízkej studničky, zobrazila sobáš vo svojich panských novelách, novelách z panského dedinského a malomestského prostredia. V dielach, ktoré sme si vybrali na analýzu *Za koho ísť?*¹⁵ (1893), *Kandidát ženby*¹⁶ (1896), *Bál*¹⁷ (1899) v hojnej miere využíva ironizáciu a skratkovitosť. Napriek tomu, že sa jedná o tvorbu konca devätnásteho storočia a autorka do istej miery odhaľuje intímny vnútorný svet mladých žien, v jej dielach nenachádzame stopy lacného sentimentu.

*„Bola teda motivovaná zámerným úsilím písať inakšie, a to nielen po svojom, ale predovšetkým pravdivejšie vo vzťahu k samému predmetu literatúry, ktorým bol v autorkinom chápaní nie vonkajší svet a zovňajšok človeka, ale predovšetkým ľudské vnútro, vyrážajúce sa na tvári človeka a na jeho gestách.“*⁴⁸

V novele *Za koho ísť?* sa zobrazovaná protagonistka v samotnom úvode vyjadruje viac ako jasne:

*„Vlastne môj úmysel je: lapiť dajedného dedinčana, keďže sa mi v meste nepodarilo dostať pod čepiec napriek kope záletníkov. ...Majúc 25 rokov vrhám sa teda na tú poslednú nádej zúfale-celou silou. Mne čepiec, čepiec, čepiec!“*⁴⁹

Na tomto mieste autorka na vyjadrenie naliehavosti výpovede hlavnej hrdinky použila dva výkričníky, ktoré nekorešpondujú s úzusom konca devätnásteho storočia. Táto próza je čiastočne autobiografická, Timrava mala

¹⁵ SLANČÍKOVÁ TIMRAVA, Božena: *Za koho ísť?* In: Timrava, sv. 1. Bratislava: Tatran, 1975, s. 19 – 35.

¹⁶ SLANČÍKOVÁ TIMRAVA, Božena: *Kandidát ženby*. In: Timrava, sv. 1. Bratislava: Tatran, 1975, s. 35 – 55.

¹⁷ SLANČÍKOVÁ TIMRAVA, Božena: *Bál*. In: Zlatý fond SME. [online]. [cit. 2023-10-30]. https://zlatyfond.sme.sk/dielo/3031/Slancikova-Timrava_Bal/1.

¹⁸ ŠMATLÁK, Stanislav: *Dejiny slovenskej literatúry II*. Bratislava: Národné literárne centrum, 1999, s. 265.

¹⁹ SLANČÍKOVÁ TIMRAVA, Božena: *Za koho ísť?* In: Timrava, sv. 1. Bratislava: Tatran, 1975, s. 21.

25 rokov, keď vznikla a autorkin život je rovnako spojený s evanjelickými farami. Pre svoju hrdinku Timrava prichystala dvoch pytačov, dedinských učiteľov, ktorí chodia na faru hrať karty. Príbeh zostáva bez búrlivej lúbošnej línie, po peripetiách a hroziacej katastrofe – z pohľadu hlavnej hrdinky, keď neprichádza ponuka na sobáš ani od jedného z učiteľov, je ochotná vydať sa i za obstarožného ujca, farára, len aby nezostala slobodná. Situácia sa však vyčtrí a hrdinka Lujza sa vydáva za učiteľa. Predišla tak osudu tetky, ktorá je gazdinou na ujcovej fare. Mieru závislosti na vôli a rozhodnutí rodičov vyjadrujú i listy, žiadosti o schválenie pytačov adresované rodičom. Ako vyjadrenie istej vzbury a osamostatnenia píše hrdinka v závere list o svojom odhodlaní vydať sa za učiteľa bez ohľadu na odobrenie zo strany príbuzenstva. Takto pokračuje bukolický obraz života zo začiatku novely, dedinská inteligencia sa stretáva na fare pri kartovej partičke.

„Polrok prešiel. Som žena Mišovova. Dopoludnia varím mu obed, po obede však ideme na faru, zastaviac sa u žiada, čo trúnok predáva, kúpime dve fľaše piva, ktoré strčím mužovi do vreciek kabáta. Zaklopúc na okno, voláme i Búta a potom spolu ideme k ujcovi na ferbličku, kde nás už čaká kyslá smotánka... No žijeme všetci v úplnej zhode.“²⁰

Novela *Kandidát ženby* ukazuje situáciu nádejného ženícha, ktorý sa ocitol v dome dvoch slobodných slečien, jednej vlastnej dcéry a druhej chudobnej príbuznej. Rodičia očakávajú skorý sobáš a Timravin humor je i v tejto situácii nesporný:

„Ty si už dajak veľmi šlachetná. Ba na koho si sa podala? Ja i tvoja matka sme egoistickí, a chceme toho (bohatého ženícha) svojej a nie Ružene...“²¹

Novela sa končí vyhlídkou na dvojité sobáš, pomocou úskokov dievčat sa vydali podľa vlastnej vôle, no nie z pohnútky lásky, ale podľa zistných potrieb.

Novela *Bál* 1899 predstavuje úplnú dezilúziu, dievčina bez presvedčivého vena a spoločenského postavenia je odsúdená vydať sa za miestneho alkoholika. Tak, ako je v ruskej literatúre devätnásteho storočia prítomná postava raznočince. Je v novele *Bál* skupina troch žien, ktoré sú ostrakizované kvôli svojmu pôvodu a práci.

²⁰ SLANČÍKOVÁ TIMRAVA, Božena: *Za koho íst?* In: Timrava. Bratislava: Tatran, 1975, s. 35.

²¹ SLANČÍKOVÁ TIMRAVA, Božena: *Za koho íst?* In: Timrava, sv. 1. Bratislava: Tatran, 1975, s. 41.

„Pri okne na lavici, ako oddelené, sedely tri dámy v tmavých oblekoch. Jedna z nich, mladá a veľmi pekná, bola žena starého pisára zo súdu. Ony shováraly sa len samy, nešly k nikomu, ani k nim nik nešiel. Boły totiž nižšieho rangu. Ale všetky prevyšovala mladá, vysoká a veľmi pekná pošťárka z Gajdora. Počínala si ako kráľovná medzi nimi všetkými a jej čierne oči, ako gule, horely ohňom veľkého sebavedomia. Bola vždy obklopená tanečníkmi, a iní, ktorí sa nespratali k nej, aspoň túžobne pozerali.“²²

V postave švárnej pošťárky sa spája jej pôvab s profesiou, ktorá znamená nezávislosť od vôle ženicha, či následného muža. Práve túto literárnu postavu Timrava vyzdvihla spomedzi ostatných potencionálnych neviest.

V panských novelách Boženy Slančíkovej Timravy je hlavným motívom konania ženských postáv túžba vydať sa a zabezpečiť si tak životné postavenie. Ivan Kusý literárny kritik druhej polovice dvadsiateho storočia o Timrave napísal: „Ženská autorka v ženskej otázke vari najdôslednejšie odsentimentalizúva zobrazovanie života.“²³ Významný slovenský súčasný spisovateľ Daniel Hevier o autorke povedal: „Timrava je zakotvená v pôde vzťahov, vzťahovania i vzťahovačnosti, a tak nemôže ignorovať ani najplodnejšie napätie: muž–žena.“²⁴

Anton Pavlovič Čechov ani Božena Slančíková Timrava neopisovali vo svojich dielach sobáš ako vyústenie romantických citov, ale ako spoločenskú potrebu konca devätnásteho storočia. Bola to cesta rozumu za lepším životom. V dielach oboch autorov sa cyklil život rodičov v životoch ich detí. Timrava nespomína vo svojich dielach týkajúcich sa svadby detí, alebo túžbu po nich. V dielach Čechova je predstava o budúcom potomstve prítomná. Zobrazovaní nádejní ženisi vnímajú sobáš ako možnosť vylepšiť svoju existenciu a spoločenské postavenie, pre ženské hrdinky je svadba zväčša jedinou prijateľnou možnosťou ďalšej existencie. Výnimku tvorí mladá pošťárka, žena s vlastnou profesiou. Sobáš, tak ako ho zobrazujú nami vybraní spisovatelia, patrí podľa online encyklopédie SAV Beliana²⁵, medzi uzavreté nemenné dogmy, v prípade pytačiek v slobodnom svete (bez sociálnej odkázanosti) v novele *Bál*

²² SLANČÍKOVÁ TIMRAVA, Božena: *Bál*. In: Zlatý fond SME. [online]. [cit. 2023-10-30]. https://zlatyfond.sme.sk/dielo/3031/Slancikova-Timrava_Bal/1.

²³ KUSÝ, Ivan: *Timrava je prameň poznania človeka*. In: Timrava, sv. 1. Bratislava: Tatran, 1975, s. 15.

²⁴ HEVIER, Daniel: Prípád Timrava, Týždeň, 9. 5. 2010. [online]. [cit. 2023-10-30]. <https://www.tyzden.sk/casopis/6634/pripad-timrava/>.

²⁵ Encyklopédia Beliana, Slovenská akadémia vied. [online]. [cit. 2023-10-30]. <https://beliana.sav.sk/heslo/hodnotove-systemy>.

sa hodnotový systém presúva do kategórie liberálnych hodnôt, založených na slobodnej osobnej voľbe, názoroch a postojoch.

Čechov sa sobášu, v jeho skostnatenej podobe, prostredníctvom svojich príbehov vysmieval. Timrava ho vo svojej mladosti vnímala ako jedinú cestu pre svoje literárne hrdinky, ktorá ich možno nepovedie za šťastím, ale aspoň ich ochráni pred spoločenským opovrhnutím. Čechove nevesty sú nemé, Timravine ženy túžia po vydaji – po čepci, je to ich vstupenka do nového života. Sú schopné myslieť a hovoriť. Timravin posmešok pri vykresľovaní nehrdinských hrdinov je bolestivejší ako smiech Čechova.

Použitá literatúra – References:

- ČECHOV, Anton Pavlovič: *Kucharka ženitsja*. [online]. [cit. 2023-10-30]. <https://ilibrary.ru/text/1100/p.1/index.html>.
- ČECHOV, Anton Pavlovič: *Rukovodstvo dlja želajuščich ženit'sja; Sekretno*. [online]. [cit. 2023-10-30]. <https://www.livelib.ru/book/1000524066/reviews-rukovodstvo-dlya-zhelayuschih-zhenitsya-anton-chehov>.
- ČECHOV, Anton Pavlovič: *Svad'ba*. [online]. [cit. 2023-10-30]. https://4italka.su/proza-main/russkaya_klassicheskaya_proza/435378.html.
- ČECHOV, Anton Pavlovič: *Svad'ba s generalom*. [online]. [cit. 2023-10-30]. http://chekhov.velchel.ru/index.php?cnt=8&story=t3_34.
- ELIÁŠ, Anton: *Čechov Anton Pavlovič*. In: Slovník ruskej literatúry 11. – 20. storočia. Bratislava: VEDA, vydavateľstvo SAV – Ústav svetovej literatúry SAV – Filozofická fakulta Univerzity Komenského, 2007, s. 120.
- HEVIER, Daniel: *Prípad Timrava*, Týždeň, 9. 5. 2010. [online]. [cit. 2023-10-30]. <https://www.tyzden.sk/casopis/6634/pripad-timrava/>.
- Kol. pracovníkov encyklopedického ústavu SAV: *Hodnotové systémy*. In: Encyklopédia Beliana, Slovenská akadémia vied. [online]. [cit. 2023-10-30]. <https://beliana.sav.sk/heslo/hodnotove-systemy>.
- KUSÁ, Mária: *Na počiatku bolo slovo... (1825 – 1918)*. In: Ruská literatúra v slovenskej kultúre v rokoch 1825 – 2015. Bratislava: VEDA, vydavateľstvo SAV, 2017, s. 34.
- KUSÝ, Ivan: *Timrava je prameň poznania človeka*. In: Timrava. Bratislava: Tatran, 1975, s. 15.
- LIVŠIČ, Aleksandr – LEVENBUK, Aleksandr: *Rukovodstvo dlja želajuščich vyjti za muž*. [online]. [cit. 2023-10-30]. <https://summoning.ru/humour/marriage.html>.

- LOTMAN, Jurij Michajlovič: *Besedy o russoj kul'ture*. Sankt-Peterburg: Iskusstvo – SPB, 1994.
- MATTOVÁ, Lucia – GROMINOVÁ, Andrea – MOČKOVÁ LORKOVÁ, Zuzana: *Hľadanie nových pozícií (po roku 2000)*. In: Ruská literatúra v slovenskej kultúre v rokoch 1825 – 2015. Bratislava: VEDA, vydavateľstvo SAV, 2017, s. 169.
- SLANČÍKOVÁ TIMRAVA, Božena: *Bál*. In: Zlatý fond SME. [online]. [cit. 2023-10-30]. https://zlatyfond.sme.sk/dielo/3031/Slancikova-Timrava_Bal/1.
- SLANČÍKOVÁ TIMRAVA, Božena: *Kandidát ženby*. In: Timrava, sv. 1. Bratislava: Tatran, 1975, s. 35 – 55.
- SLANČÍKOVÁ TIMRAVA, Božena: *Za koho ísť?* In: Timrava, sv. 1. Bratislava: Tatran, 1975, s. 19 – 35.
- ŠMATLÁK, Stanislav: *Dejiny slovenskej literatúry II*. Bratislava: Národné literárne centrum, 1999, s. 265.

Marianna Figedyová

PaedDr., PhD., assistant professor, Department of Russian Studies, Faculty of Arts, University of Ss. Cyril and Methodius in Trnava, Námestie J. Herdu 2, 917 01 Trnava, Slovak Republic
marianna.figedyova@ucm.sk
ORCID 0000-0002-1221-6496

Odraz hodnot ve starší literatuře na pozadí morové epidemie

Ľubica Blažencová

Abstrakt

Hodnoty člověka v období novověku formuje společnost, přírodní prostředí a ontologický řád. Změna hodnotového systému vystupuje do popředí v souvislosti s krizí ve společnosti způsobenou válkami, přírodními pohromami či epidemiemi. Příspěvek poukazuje na problematiku krize hodnot v době morové nákazy na pozadí teologických a astrologických příčin na příkladu spisu LIMODIS EPIDEMITICA, který svým obsahem reflektuje situaci morové nákazy v českých zemích na začátku 17. století. Jeho autorem je kněz Zachariáš Bruncvík Novopražský. Ptá se na důvod morové nákazy, objasňuje název onemocnění a jeho průběh. Všimá si znamení na obloze, postavení planet i environmentálních příčin, nakaženého vzduchu, vody a zemské páry. Zdůrazňuje pokoru člověka a potřebu pokání. Vyzdvihnout je přínos lékařů. Dílo je významnou výpovědí o daném období a preferovaných hodnotách ve společnosti.

Klíčová slova: hodnoty; mor; epidemie; krize; duchovní literatura

Reflection of Values in Older Literature on the Background of a Plague Epidemic

Abstract

Human values in the modern age are shaped by society, the natural environment and the ontological order. A change in the value system comes to the fore in connection with a crisis in society caused by wars, natural disasters or epidemics. The article points to the issue of the crisis of values at the time of the plague against the background of theological and astrological causes, using the example of the file LIMODIS EPIDEMITICA, which reflects the situation of the plague in Bohemia at the beginning of the 17th century. Its author is priest Zachariáš Bruncvík Novopražský. He asks about the reason for the plague, explains the name of the disease and its course. He notices the signs in the sky, the position of the planets and environmental causes, infected air, water and earth vapors. It emphasizes the humility of man and the need for repentance. The contribution of doctors is highlighted. The work is a significant statement about the given period and the preferred values in society.

Key words: values; plague; epidemic; crisis; spiritual literature

Pohled na posloupnost dějin odkrývá na pozadí kontinuity jednotlivých relativně ustálených období odlišné chápání postavení člověka, jeho hodnotového systému a místa v historickém dění. Vzhledem k duchovní literární tvorbě lze vycházet z doby středověku. V této historické periodě se kladl důraz na teocentrismus, lidské schopnosti byly podřízeny Boží vůli a úkolem člověka bylo směřovat ke spáse. Později se dějinná a na jejím pozadí i literární tradice dostává k období humanismu a renesance a do popředí vstupuje osobnost člověka zdůrazňující sílu poznání, rozumu a smyslové zkušenosti.

„Novověký člověk se zbavuje středověkých pout, která svazovala rozkvet jeho individua. Člověku se otevřel nekonečný nejen materiální, ale i duchovní prostor. [...] Je subjektem, který se bez vnějšího Božího zákona a za pomoci vlastních duševních sil může stát osobností v plné míře zodpovědnou za své životní směřování,“

jak uvádí S. Ďurek¹, přičemž vnější, ontologický prostor se rozšiřuje. Hodnoty dobra a zla jsou vnímány na pozadí života člověka z hlediska jejich morálního významu. Formuje je rodina, společnost, ale i přírodní prostředí a ontologický řád.

V průběhu dějin dochází ke změně hodnotového systému vzhledem k preferenčním strukturám sociálního a kulturního prostředí. Reflexe hodnot a změna jejich kategorizace se dostává do popředí zejména v době krize, milníků, války, epidemie či jiné hraniční situace. Vztahuje se to na období novověku v Evropě, které se vyznačuje řadou válek, hrozbou turecké expanze a velkým rozsahem přírodních pohrom a epidemií. Lidi výrazně ovlivňovala morová epidemie šířící se v důsledku špatné hygieny a nedostatku poznatků o tomto onemocnění. Pátrání po příčinách, odpovědi na otázku, kdo za to všechno může, jsou bezprostředně spojeny se změnou axiologické koncepce, zkoumáním hodnot a jejich vzájemných vztahů.

Morové epidemie se do Evropy vracely cyklicky, počínaje starověkem, a zanechávaly za sebou velké množství obětí. Měly výrazný vliv na evropské dějiny. Podat relevantní definici tohoto onemocnění, jeho příčin, šíření a léčení se snažili nejen soudobí lékaři a léčitelé, ale také mnozí filozofové a teologové. K lékařským teoriím svými názory přispěl například Hippokrates (cca 460 –

¹ ĎUREK, Stanislav: *Kriza hodnôt ako symptóm konzumnej kultúry*. In: MVEK: zborník príspevkov z medzinárodnej vedeckej elektronickej konferencie pre doktorandov, vedeckých pracovníkov a mladých vysokoškolských učiteľov; konanej v dňoch 22. – 24. júna 2011 v Prešove. [online]. Prešov: PÚ, 2011, s. 40–41 [cit. 2023-10-11]. videoportál.fhpv.unipo.sk/2011/konf-ped/Zborník.pdf.

cca 370 p. n. l.) či Galén [129–199(?) n. l.]. Věřili teorii nakažlivých látek ve vzduchu, ze kterých pramení uvedené onemocnění. Nezpochybnitelně první velká morová epidemie začala, když byl zasažen Konstantinopol a později Řecko. Označována je jako tzv. Justiniánův mor podle vládnoucího císaře Justiniána. Jedná se o epidemii v období 6. stol. n. l. Do Evropy se dostala z východní nebo střední Afriky, rozšířila se z Egypta do zemí obklopujících Středozemní moře.² Pandemicky se šířila do 8. století.

Mor se ve 14. století začal rozšiřovat pravděpodobně z Himálaje na západ podél tří hlavních obchodních cest do Evropy a v roce 1347 vyústil do začátku další velké epidemie s příznačným pojmenováním černá smrt, resp. dýmějový mor. Ve 14. století zabila na celém světě asi 100 milionů lidí. V té době a v následujících stoletích zůstala skutečná příčina onemocnění neznámá a vedle teorií vyvinutých Galénem a jinými antickými lékaři byly příčiny připisovány například nepříznivým konstelacím hvězd, kometám, Božímu hněvu a různým nadpřirozeným silám.³ Filozofové a teologové pátrali především po teologických příčinách uvedeného onemocnění, ale všichni se shodli na tom, že mor je vysoce nakažlivá nemoc a způsobuje velkou úmrtnost. Problematika morové nákazy a snaha o její objasnění zůstávala v průběhu dějin nezodpovězenou. Nejstarší zpráva o moru, resp. o epidemii doprovázené vředy, je uvedena ve Starém zákoně v souvislosti s Božím trestem. Druhá velká pandemie moru je, na rozdíl od období středověku, poměrně dobře zdokumentována.

Černá smrt byla považována za Boží trest za hříchy a nemorální chování. Zmiňují se o ní mnozí autoři, na poli literatury známý G. Boccaccio (1313–1375) píše o morové epidemii ve Florencii v roce 1348 ve své knize *Dekameron*.⁴ Název „mor“ byl použit v básni francouzského lékaře Simona de Couvin (1320–1367) z roku 1350 *O soudu Slunce na svátek Saturna* jako *mors nigra*. Černou smrt přičítal pohybům nebeských těles.⁵

² BERGOLD, Klaus: *Černá smrt v Evropě*. Praha: Vyšehrad, 2002.

³ ZIETZ, P. Björn – DUNKELBERG, Hartmut: *The history of the plague and the research on the causative agent Yersinia pestis*. ScienceDirect. [online]. International journal of hygiene and environmental health, 2004, 207, No. 2, pp. 165–178 [cit. 2023-11-11]. <https://doi.org/10.1078/1438-4639-00259>.

⁴ BOCCACCIO, Giovanni: *Dekameron I*. Bratislava: Tatran, 1967.

⁵ RENARDY, Christine: *Un témoin de la Grande Peste: Maître Simon de Couvin, chanoine de Saint-Jean l'Évangéliste à Liège*. Portail Persée. [online]. Revue belge de philologie et d'histoire, 1974, tome. 52, fasc. 2, pp. 273–292 [cit. 2023-11-11]. https://www.persee.fr/doc/rbph_0035-0818_1974_num_52_2_3096.

Pro toto onemocnění se používala i jiná pojmenování, například velký mor, obrovská smrt, náhlá smrt, v Anglii se vyskytoval pod názvem modrá nemoc.⁶ Obecně byly uváděny řecké a latinské termíny pestis, pestilentia, loimos a jiné.⁷ V současnosti je mor definován jako infekční onemocnění způsobené bakterií *Yersinia pestis*, která byla objevena a definována teprve v roce 1894.⁸

Předkládaný příspěvek zaměřuje pozornost na onemocnění moru jako na sociokulturní pojem, který odráží vnímání člověka minulosti a ovlivňuje jeho hodnoty. Je symbolem smrti, metaforou zkázy, trestu a krize hodnot. Souvisí s problematikou hledání důvodů tohoto onemocnění. Ve starší literatuře dominují důvody dva: za prvotní příčinu všeho, jak dobrého, tak i špatného, byl považován Bůh, lze tedy mluvit o teologické příčině. Z hlediska soudobého člověka byl základní vnější příčinou morového onemocnění trest Boží, který Bůh seslal na člověka v důsledku jeho hříchů. Mor a potopa představovaly jeden z nástrojů nespokojenosti Boha se stvořením. Vnímání Boha bylo reflektováno v duchu starozákonní exegeze jako strůjce nemocí, hladu a válek.

„Mor, hlad, a dokonce tak sociálně podmíněný jev jako válka byly tři ‚rány‘ boží, neštěstí seslané na nekající se lidstvo rozhněvaným Otcem. Bůh 16. století trestal a jeho rány dopadaly na viníky i nevinné a vzdělání ani nevzdělání pozorovatelé se vůbec nepozastavili nad podivnou podobou boží spravedlnosti, protože pocit vrozené viny byl velmi silný;“⁹

jak uvádí K. Černý. Většina nemocí měla svůj náboženský obsah a nemocní hledali pomoc u světců, patronů při onemocněních. Medicína v daném období podléhala silnému kulturnímu tlaku, který se snažil chápat mor jako nástroj trestu či úplnou pohromu. Nemoc se stávala katastrofou dotýkající se celé společnosti a předzvěstí zániku. Na pozadí této problematiky se u mnoha autorů vynořovaly problémy související s etickou, morální a teologickou kritikou doby, ve které žili.

Jako druhé se uvádějí astrologické příčiny, vliv nebeských těles, resp. postavení hvězd způsobující mor, jeho vznik a následné šíření. Na základě antických děl, která se díky knihtisku stávala v období novověku stále

⁶ ZEMAN, Andrej: *Ako prišla čierna smrť do Európy?* In: Epidémie v dejinách. Ľudstvo v boji s neviditeľnými nepriateľmi. KOVÁR, Branislav – ZAJAC, Oliver – BENEDIKOVÁ, Lucia (eds). Bratislava: Premedia, 2020, s. 92–98.

⁷ Pojmovým vymezením dobového označení uvedeného onemocnění se zabývala A. Černá. ČERNÁ, Alena, M.: *Staročeské názvy chorob*. Praha: Karolinum, 2009.

⁸ BERGOLD, Klaus: *Černá smrt v Evropě*. Praha: Vyšehrad, 2002.

⁹ ČERNÝ, Karel: *Mor 1480–1730: epidemie v lékařských traktátech raného novověku*. Praha: Karolinum, 2020, s. 148.

rozšířenějšími, se kladl důraz na empirii, pozorování světa kolem sebe. Hledal se jistý systém a řád, do popředí se dostávala snaha popsat vztah mezi světem tam nahoře a tady dole. Astrologie nabývala dominantního postavení, zabývala se studiem planet, jejich konjunkcemi v souvislosti se zvířetníkem, vzájemná poloha nebeských těles (Slunce, Měsíce, hvězd) ovlivňovala a určovala lidské osudy. Lidé věřili ve znamení, která předznamenávala, nebo i zpětně vysvětlovala katastrofy i morovou epidemii. Komety měly na lidi výrazný psychologický vliv související s negativním očekáváním. Příčiny propuknutí moru se v postavení nebeských těles hledaly již ve starověkém Babylonu.¹⁰

Prakticky lze uvedené příčiny demonstrovat prostřednictvím spisu, který svým obsahem reflektuje situaci morové nákazy v českých zemích¹¹ na začátku 17. století. Podává pohled na vnímání soudobého člověka a na reflexi jeho hodnotového systému. Poukazuje na problematiku vztahu krize hodnot v době morové nákazy na pozadí teologických a astrologických příčin, tedy vlivu planet na danou situaci. Autorem spisu¹² je kněz Zachariáš Bruncvík Novopražský¹³ a dílo má název *LIMODIS EPIDEMITICA To jest, Kázání o Morové Ráně jízlivé / kteráž Roku tohoto 1606. jenž jest Climaetericus od onoho, na rozdílných místech zhusta a příkrá proskakuje, den odedne více a více, pro hříchy naše, se sylvá a pomsty Boží další vzápětí na nás, co někdy na Jeruzalemské, dokračující, předoznamuje, y před oči patrně vystavuje*. Spis se nachází v Univerzitní knihovně v Bratislavě¹⁴ jako první přívazek konvolutu a má signaturu 25D17308. Spis¹⁵ je nečíslovaný.

¹⁰ GONZÁLEZ-CRUSSI, Frank: *Medicína. Stručné dějiny*. Bratislava: SLOVART, 2008.

¹¹ Je třeba poznamenat, že na přelomu 16. a 17. století ve střední Evropě „český trůn založil habsburskou převahu v této části kontinentu, české země byly perlou a nejnósnější složkou jejich říše a český stát se Slezskem a Lužicemi byl sám o sobě stále ještě mocností evropského řádu. Podle nejstrážlivějších odhadů měla tehdy Koruna česká asi 4,5 mil. obyvatel“. KRĚN, Jan: *Historik v pohybu*. Praha: Karolinum, 2013, s. 36.

¹² Text původního kázání byl přepsán s uvedenými změnami: úprava složkového pravopisu na diakritický (j > í, g > j; v > u; w > v; c, dz, tc, tz > c; c, cs, cz, cž, tč, tc > č; d, di, dj, dgy > d; ss > š; ti, tj, ty > t, au > ou a p.). Kvantita, měkkost, interpunkce, malá a velká písmena a ostatní jsou bez zásahů.

¹³ Zachariáš Bruncvík se narodil kolem roku 1570 v Pardubicích, v roce 1600 byl vysvěcen za kněze. Působil jako kaplan v kostele sv. Jindřicha v Novém Městě pražském. Kvůli intrikám musel místo v roce 1606 opustit a přijal duchovní správu v Zatci, později v Bělé, od roku 1614 působil jako farář Prachaticích. V roce 1615 odešel kvůli sporům do Bystřice nad Pernštýnem. V roce 1621 byl poslán do vyhnanství. Žil v Perně, 22. února 1628 byl předvolán jako podezřelý z kacířství. Zemřel v roce 1634 v Perně. TRUHLÁŘ, Antonín – HRDINA, Karel: *Rukověť humanistického básnictví v Čechách a na Moravě*. A–C. Praha: Academia, 1966, s. 230–232.

¹⁴ Univerzitní knihovna v Bratislavě, Kabinet rukopisů, starých a vzácných tisků, Klariská ulice č. 5.

¹⁵ O textu se stručně zmiňuje E. Frimová. FRIMOVÁ, Eva: *Morová epidémie v Bratislave v roku 1577*. In: Pohromy, katastrofy a nešťastia v dejinách našich miest. BADA, Michal – DUCHOŇOVÁ, Diana (eds). Bratislava: Igor Ilit – RádioPrint, 2019, s. 291–306.

Z titulní strany lze vyčíst, že byl složen v neděli 16. po svátku Svaté Trojice „od K. Zacharyáše Bruncvíka NovoPražského Šaffáře tajemství Božích [...] Vytištěno v Starém Městě Pražském v Impressy Šumanské.“ Uvedený autor je v české literatuře známý díky ucelenému pohledu na katastrofu zemětřesení.¹⁶

Z. Bruncvík, tak jako mnoho lékařů, historiků i teologů, začíná svůj výklad věnováním: „Urozeným Slovutným, a vzáctné poctivostí hodným, Panům Literátům“, za nímž následuje požehnání a zdůvodnění, že kázání je napsána „pro potěšení v této přítomné Ráně Boží Morové“. Ptá se na příčiny morové nákazy a uvádí příběh o dobytí Apollonova chrámu. Mezi poklady našli vojáci truhlici, s vidinou bohatství ji otevřeli a „ten puch jedovatý a morní nakažení z ní vypustili: odkudž to pošlo / že množství veliké vojakův hned tu na místě zůstalo“. Mnozí pomřeli, nebo si morovou nákazu odnesli do vlasti.¹⁷

Bruncvík z pozice křesťana popírá pověry a zdůrazňuje teologické příčiny morové nákazy. Vysvětluje, že nemoc nevzešla z Apollonova chrámu, ani z truhlice, ba dokonce zdůrazňuje, že nevzešla ani „z vnitřnosti jablka Rájského“, ve kterém by Bůh na člověka nastražil „jed hada, ještěra, a Krokodyla pekelného jedovatost, straveniny, nakažení Morní, ano y smrt časnou y věčnou“. V intencích soudobého myšlení se obrací na Bibli: „Bůh není původce a příčina našeho Morního nakažení až y Smrti časné y věčné“.

Vědomá aproximace autora k myšlenkovému kódu percipienta vede k analogii života člověka a ročních období. Podzim v přírodě, odpočinek a usychání asociuje zánik, zkázu, hnilobu a vytváří paralelu se životem člověka, předznamenává nemoci a smrt. Podkládá to i postavením slunce v retrográdní fázi, kdy vše v přírodě „v hnuj a smrad jest obráceno“. Koloběh přírody je analogicky transformován na lidský život, „vychází co kvítek, a brzo pomijí“. Hlavní příčinou větší úmrtnosti je porušení vnitřní vlhkosti, což způsobuje jedovatou nákazu a výskyt „divné nemocy [...] Morní nemocy / ale y hlizy, Pryskejře, vředy Egypťské“. Nazývá ji i „podzumní Morbiferi“. Autor promlouvá prostřednictvím expresivního jazyka, vyjadřuje citové stavy i hodnotící postoj. K realizaci kategorie expresivity mu slouží lexikální prostředky, přenášení významu, perifrastická pojmenování, frazeologické jednotky atd., což souvisí s citovým vzrušením, emocí a afektem.

¹⁶ BAĎUROVÁ, Anežka: *Spis Zachariáše Bruncvíka o zemětřesení roku 1615 (dodatek ke Knihopisu č. 1328)*. Miscellanea. Oddělení rukopisů a starých tisků 10, 1993, č. 2, s. 381–400.

¹⁷ K. Černý poukazuje na časté citování příběhu o tom, že v antice byla otevřena zlatá archa v babylonském chrámu Apollóna a zamořila celou zemi. ČERNÝ, Karel: *Mor 1480–1730: epidemie v lékařských traktátech raného novověku*. Praha: Karolinum, 2020.

Teologicky i lingvisticky vzdělaný autor vysvětluje rozličná pojmenování tohoto onemocnění: „u Ržekův Limodis, u Latiníkův Contagio pestifera, a jináč se nazývá“ a objasňuje, co se pod uvedenými pojmy ukrývá:

„neni nic jiného, než vlhkosti porušené v člověku kteréž buď vnitřně skrze palčivé Zymnice, a jiné jedovaté vnitřní nemocy a roznicení / buď obyčejně skrze hlizy, pryskyře, vředy Egypťské, po vrchně na rozdílných těla místech se pronášejí.“

Bruncvík zdůrazňuje egalitu lidí v období krize a nemoci. Mor se dotýká všech, bez rozdílu společenského postavení „nehledíc ani na důstojnost, slávu, řád, ouřad, urozenost, pohlaví, věk“ a poeticky přidává „a jak sobě kdo ustlal / buď do bytu radosti, buď do bytu žalosti přenáší“.

Autor ve svém prozaickém textu postupuje systematicky, morovou nákazu dělí na obecnou „Obecné Morní nakažení“ projevující se veřejně a stejně ve všech zemích „gr. Epidimos, lat. Popularis pestis“, nebo jde o nákazu, která patří pouze jedné zemi „gr. Epichorios, lat. Pestem Provinciale“. Druhá nákaza – „Obzvláštní nakažení“ – se týká pouze některých osob nakažených ve městě, rodině nebo v domě.

V souvislosti s hodnotovým systémem člověka počátku 17. století je třeba vnímat i Bruncvíkovo pátrání po příčinách morové nákazy. Přebírá všeobecně rozšířené názory sahající do poloviny 14. století, podle nichž pohyb hvězd ovlivňuje lidské chování a šíření nemocí. Definuje příčiny „fyzické“, jako první je uvedena „příčina Astrologův a Hvězdářův“. Vysvětluje ji jako

„přirozené nepřátelství Těl Nebeských svrchních, s Těly živelními dolejšími, když Planétové a hvězdy Nebeské [...] zlost jedovatou přirození svého na lidi vylévají.“

V kontextu astrologie uvádí dokonce znamení zvěrokruhu, která mají výraznější vliv na morovou nákazu. Své tvrzení podkládá latinou, odvolávajíc se na autority (M. Ficinus, Hypokrates apod.). Bruncvík prostřednictvím křesťanské optiky dodává, že nemůže Boží moc přenášet na planety a jejich konstelaci, aby následně Boha „skrze to z všemohoucnosti jeho vyzouval“. Uzavírá svá tvrzení úvahou, že obloha a konstelace hvězd samy lidem bez Boží vůle nemohou škodit, jen pokud jim to Bůh přikáže a vyměří.

Jako příklad rozsáhlé epidemie uvádí mor v roce 654 „za Constantina Cýsaře“. V intencích svého astrologického zájmu se zmiňuje o konjunkci nebeské oblohy, která za tři měsíce způsobila obrovskou nákazu. Zmíněny jsou i další případy

morových epidemií v souvislosti s postavením planet. Za negativní znamení považuje přítomnost komety na obloze v roce 1599: „Kométa v způsob biče paprskující předešla [...] na jistotu toho / že Bůh bičíkem zvláštním tuto Českou zem švihati měl“, což se také stalo a nastal mor.

K dalším příčinám morové epidemie řadí „Elementův a živlův některých porušení“. V této souvislosti lze mluvit, ve shodě s typologií K. Černého, o tzv. enviromentálních příčinách.¹⁸ Pro Bruncvíka je to pět kosmických symbolů, které v dané době asociovaly zlo.¹⁹ V první řadě je to vzduch, „Povětrí nakažení“, blíže jej specifikuje jako „Nebeské a živelní“. Živelné povětří označuje také jako „Aer Elementaris“. Je to prostředí kolem nás a kromě představených konstelací nebeských těles a jiných nebeských příčin může nabyt nákazy z větrů, „pár dýmů jedovatých, z jezer, rozsedlín skalních, míst hnojných, smradlavých, nečistých, vyšlých, zvláště času podzumního“.

Dále může podle Bruncvíka zprostředkovat morovou nákazu voda, resp. „porušení Vod [...] z nichž páry vystupující, povětří nám přítomné nakažují“. V kontextu dobových reálií odkazuje na rok 1552, kdy byla nakažena řeka Morava tak moc, že zezelenela a pak „mor veliký za tím v Moravě následoval“. Píše, že „Pražská Ržeka porušení své měla“ v roce 1554 a opět následoval velký mor.

Za třetí příčinu morového nakažení „dle Fisyku“, pocházející ze špatného živlu, považuje zemské páry. Dostávají se ven „z Země, [...] z rosedlin skalních“. Podle dobových teorií v období zemských pohybů a zemětřesení vycházejí z útrob země na povrch. Opět svá tvrzení dokládá příklady – v roce 1554 „zde v České zemi kdež mor tehdaž přítomný zemětřesení předešlo“. Uvádí i jiná zemětřesení v Evropě. Zemětřesení spolu s morovou epidemií jsou popsána také jako jedna z příčin pohnutí národů, válek s Turky a jiných Božích ran.

Při ostatních dvou příčinách je třeba si uvědomit dobové vnímání světa a osobní situaci autora spisu. V podobném duchu se nese i myšlenka P. Ricoeura

„historické porozumění nemá svůj vlastní smysl; dostává jej teprve tehdy, když se stává rubem přítomného, odvážného a zaujatého filosofického hledání“²⁰

¹⁸ ČERNÝ, Karel: *Mor 1480–1730: epidemie v lékařských traktátech raného novověku*. Praha: Karolinum, 2020, s. 214–242.

¹⁹ Podobně i filozof P. Ricoeur dává kosmické symboly do souvislosti se živly jako voda, oheň, nebe a země, ale nejsou to jen zóny přírody, nýbrž nesou dvojitý smysl, který oživuje přírodní symboliku a ze které čerpá své výrazové prostředky sakrální. RICOEUR, Paul: *Život, pravda, symbol*. Praha: Oikoymenth, 1993.

²⁰ RICOEUR, Paul: *Život, pravda, symbol*. Praha: Oikoymenth, 1993, s. 64.

Bruncvík, autor žijící na přelomu 16. a 17. století, se při vysvětlení morové nákazy opírá o autority velkých myslitelů, například Avicenu. Vychází z jeho příkladů a jako možnou příčinu onemocnění uvádí kontakt s baziliškem²¹. Bazilišek je plný jedovatosti a „samým pohleděním člověka nakažuje a usmrcuje“. Také vlk, když spatří člověka první, může ho nakazit svým pohledem. Zajímavý je i příklad převzatý od Paracelsa: „myšlením přílišným a zbytečným, nakažení, by dosti dalece vzdálené bylo, přijítí snadně a brzce může.“ Uvedený citát výrazně odráží odlišný způsob uvažování novověkého člověka.

V kontrastu k velkým jménům a dílům filozofů Aristotela, Galéna, Hypokrata a některých „neznabohů“, doplňuje druhý hlavní důvod morové nákazy, který je teologický. Bůh je prvotní příčina a i bez konstelací a porušení elementů „morní ránou k lidské zhovadilosti přikračovati může“. V této části popírá své dosavadní úvahy a uvádí příklady morové epidemie bez přítomnosti uvedených znamení. Morová nákaza, hlad, války a další rány mohou nastat „jedině z Boha, a z rozníceného hněvu jeho“. Hlavní důvod Božího trestu je hřích člověka vyjádřený třemi způsoby: „myšlením, slovy, skutkem“. Tak jako v předchozí části i zde postupuje systematicky a teologické příčiny dělí na další stupně. Uvádí potupu a zlehčení Božího slova, stav, kdy člověk ve štěstí zapomíná na Boha a bezbožnost. Všechny uvedené příčiny mohou u člověka způsobit mor:

„Bíti tě bude Hospodin Souchotinami, Zymnicýj pálcivou. Raní tě Hospodin vředem Egypťským, neduhy na zadku, prašivinou a svrabem neuzdravitelným. Raní tě Hospodin pomnutím smýslu / slepotou a tupostí srdce [...] vředem nejhorším na kolenou a na lejtkách.“

Pro současného čtenáře je zajímavé sledovat různá dobová onemocnění a jejich projevy, přičemž Bruncvík všechny nemoci dokládá příklady ze Starého zákona. Výstrahy Boží moci jsou patrné na obloze, hvězdách, planetách, Slunci, Měsíci, živlech a na lidech. Ale jelikož se lidstvo nechce vzpamatovat a nebere na ně ohled

„Pročež není div / že Bůh blížeji s Metlami svými k šíji naši přikračuje / ostnem hněvu svého do živého nám dojima / a prvé nežliby k nám hroznější

²¹ Bazilišek (gr.) je štíhlý rychlý ještěř, sameček s chrupavčítým výrůstkem na hlavě as kožovitým hřebem na zádech a začátku ocasu žijící v okolí vod v tropech Jižní a Střední Ameriky; (gr.) nadpřirozená bytost, netvor, jehož pohled usmrcuje. BALÁŽOVÁ, Lubica a kol.: *Slovník současného slovenského jazyka. 1. zväzok, A–G*. Bratislava: Veda, 2006, s. 243.

Metlou Tureckou přikročil / ještě lehčejší Metličkou Morní, nás raději navštěvuje, a k pokání probuzuje.“

Je zřejmé, že morová nákaza byla pro autora v porovnání s tureckou hrozbou pouze „metlička Boží“, tedy něco mnohem snesitelnějšího, čímž poukazuje na hrozný strach z Turků a válek.

Bůh vystupuje jako rozzlobený soudce a mstitel, na kterého je-li zapomenuto, posílá anděla „s Morní střelou a Lukem Ran jedovatých“. Poukazuje na paralelu času starozákonního Davida s obdobím začátku 17. století v českých zemích, kde v důsledku nedostatku pokory seslal Bůh morovou ránu: „když my, jak duchovní, tak Polityčtí, od nevyššího do nejnižšího všickni v zloubezpečilosti se nalézáme“. Zdůrazňuje zkaženost jak duchovního stavu, tak vládnoucí vrstvy a vyzývá k pokání, které je jediným východiskem, jak odvrátit rány Boží.

V závěru spisu uvádí všechny příčiny morové nákazy, které reflektují myšlení, vnímání a hodnoty člověka na přelomu 16. a 17. století, uzavírá Brunčvík svou část vyzdvihnutím důležitosti lékařů a prostředků léčení:

„Nebo ačkoli od Boha zdravi jest / vněm sme živi / vněm se heybáme: Však proto prostředku od něho zřízených a propůjčených opomítati nemáme. [...] Cti Lékaře pro potřebu / nebo od nejvýššího jest Lékařství. Onť dal umění lidem / aby oslaveni byli divnými věcmi jeho, kterýmiž hojí a záhaní nemoc člověka.“

I přes období novověku autor zůstává myšlenkově ukotven především ve středověké scholastice, kde každá událost má tendenci stát se podobenstvím, příkladem, důkazem pro člověka, aby byl přitahován ke křesťanské morálce. Ve své práci se pokouší sladit víru a rozum, vyslovuje důvěru vůči lékařům, jejichž činnost byla přijímána s ironií a pohrdáním zejména během smrtelných epidemií. Přínosem díla je fakt, že autor byl očitým svědkem morové epidemie a měl pravděpodobně dostatečné informace nejen z teologické, ale i medicínské oblasti a na jejich základu reflektoval hodnoty života a smrti. Teologicky však nepřestal vnímat epidemii skrze prisms lidské hříšnosti jako zasloužený trest Boží. „Bůh sám jest ten, kterýž nám nit života přede / a yak chce prodlužuje.“ V textu se vyskytuje řada verifikovatelných narativních pasáží, které vytvářejí argumentační bázi prezentovaných myšlenek. Vysoký styl kázání, zdůrazňování důležitosti Bible, odkazy na filozofy vyzdvihují novověké vnímání autora, které je manifestováno i příslušnými umělecko-estetickými prostředky. Text jako

celek působí výrazně apelativně, je výzvou k zamyšlení, přehodnocení životního postoje a nasměrování života k Bohu.

Seznam použité literatury – References:

Prameny

LIMODIS EPIDEMITICA To jest, Kázání o Morové Ráně jízlivé / kteráž Roku tohoto 1606. jenž jest Climaetericus od onoho, na rozdílných místech zhusta a příkrá proskakuje, den odedne více a více, pro hříchy naše, se sylí a pomsty Boží další vzápětí na nás, co někdy na Jeruzalemské, dokračující, předoznamuje, y před oči patrně vystavuje / Složené, a učiněné V Neděli XVI. po S. Trojicy. od K. Zacharyáše Bruncvíka NovoPražského Šaffáře tajemství Božích v Městě Zat CInehoDněho Syrac. cap. 38 HoDÍeMIhI Cras forsItan tIbI Mně Dnes Czás, ZeItra hotoVeJ tobě. Vytištěno v Starém Městě Pražském v Impressy Šumanské.

Použitá literatura

BAĎUROVÁ, Anežka: *Spis Zachariáše Bruncvíka o zemětřesení roku 1615 (dodatek ke Knihopisu č. 1328)*. Miscellanea. Oddělení rukopisů a starých tisků 10, 1993, č. 2, s. 381–400.

BALÁŽOVÁ, Ľubica a kol.: *Slovník súčasného slovenského jazyka. 1. zväzok, A–G*. Bratislava: Veda, 2006.

BERGOLD, Klaus: *Černá smrt v Evropě*. Praha: Vyšehrad, 2002.

BOCCACCIO, Giovanni: *Dekameron I*. Bratislava: Tatran, 1967.

ČERNÁ, Alena, M.: *Staročeské názvy chorob*. Praha: Karolinum 2009.

ČERNÝ, Karel: *Mor 1480–1730: epidemie v lékařských traktátech raného novověku*. Praha: Karolinum, 2020.

ĎUREK, Stanislav: *Kríza hodnôt ako symptóm konzumnej kultúry*. In: MVEK: zborník príspevkov z medzinárodnej vedeckej elektronickej konferencie pre doktorandov, vedeckých pracovníkov a mladých vysokoškolských učiteľov; konanej v dňoch 22. – 24. júna 2011 v Prešove. [online]. Prešov: PU, 2011, s. 40–46 [cit. 2023-10-11]. videoportal.fhvp.unipo.sk/2011/konf-ped/Zbornik.pdf.

FRIMOVÁ, Eva: *Morová epidémia v Bratislave v roku 1577*. In: Pohromy, katastrofy a nešťastia v dejinách našich miest. BADA, Michal – DUCHOŇOVÁ, Diana (eds). Bratislava: Igor Iliť – RádioPrint, 2019.

GONZÁLEZ-CRUSSI, Frank: *Medicína. Stručné dejiny*. Bratislava: SLOVART, 2008.

- KŘEN, Jan: *Historik v pohybu*. Praha: Karolinum, 2013.
- RENARDY, Christine: *Un témoin de la Grande Peste: Maître Simon de Couvin, chanoine de Saint-Jean l'Évangéliste à Liège*. Portail Persée. [online]. Revue belge de philologie et d'histoire, 1974, tome. 52, fasc. 2, pp. 273–292 [cit. 2023-11-11]. https://www.persee.fr/doc/rbph_0035-0818_1974_num_52_2_3096.
- RICOEUR, Paul: *Život, pravda, symbol*. Praha: Oikoymenh, 1993.
- TRUHLÁŘ, Antonín – HRDINA, Karel: *Rukověť humanistického básnictví v Čechách a na Moravě. A–C*. Praha: Academia, 1966.
- ZEMAN, Andrej: *Ako prišla čierna smrť do Európy?* In: Epidémie v dejinách. Ľudstvo v boji s neviditeľnými nepriateľmi. KOVÁR, Branislav – ZAJAC, Oliver – BENEDIKOVÁ, Lucia (eds). Bratislava: Premedia, 2020.
- ZIETZ, P. Björn – DUNKELBERG, Hartmut: *The history of the plague and the research on the causative agent Yersinia pestis*. ScienceDirect. [online]. International journal of hygiene and environmental health, 2004, 207, No. 2, pp. 165–178 [cit. 2023-11-11]. <https://doi.org/10.1078/1438-4639-00259>.

Lubica Blažencová

Mgr., PhD., Department of Slovak Literature and Literary Studies, Faculty of Arts, Comenius University in Bratislava, Gondova 2, 811 02 Bratislava, Slovakia
blazencova1@uniba.sk

ORCID 0000-0001-7571-4727

„De mortuis nil nisi bene“ a hodnoty v literatuře (Na okraj některých současných diskusí)

Ivo Pospíšil

Abstrakt

Autor přítomného příspěvku zkoumá vztah mezi různými funkcemi literárního artefaktu a na nich budovanými hodnotami, např. epistemologickou/noetickou/gnoseologickou, ideologickou, etickou, estetickou a poetologickou. Dochází k závěru, že spisovatelovo exponování v oblasti noetické a ideologické nemusí znamenat oslabení estetické hodnoty, která je pro uměnovědy, včetně literární vědy, podstatná, že Weltanschauung může být v rozporu s metodou tvorby, jak to ukázali někteří myslitelé 19. století. Demonstruje to na autorech světové literatury (H. de Balzac, L. Tolstoj), české a slovenské i na osobnosti Milana Kundery a diskusí o něm a jeho díle v posledních letech. Autor hájí názor, že z pozice literární vědy je klíčovou syntetická estetická hodnota integrující další podstatné hodnoty.

Klíčová slova: vztah estetické hodnoty k ideologické, epistemologické a etické hodnotě; světový názor a metoda tvorby; syntetický charakter estetické hodnoty a osobnost autora

“De mortuis nil nisi bene” and the Values in Literature (On the Margin of Some Contemporary Discussions)

Abstract

The author of the present contribution investigates the relation between various functions of a literary artefact and its values based on them, e. g. epistemological/noetic/gnoseological, ideological, ethical, aesthetic, and poetological values. He came to the conclusion that the writer's engagement need not mean the weakening of the aesthetic value, which is for art sciences, including literary criticism, substantial and that Weltanschauung can find itself in conflict with the method of creation as it was manifested by some 19th-century thinkers. The author demonstrates this on the authors of world literature (H. de Balzac, L. Tolstoj), on Czech and Slovak literatures and on the personality of Milan Kundera and on recent discussions about him and his work. He defends the view that from the standpoint of literary criticism

the synthetic aesthetic value integrating further substantial values has a key importance.

Key words: the relation of aesthetic value to ideological, epistemological, and ethical values; Weltanschauung and the method of creation; synthetic character of aesthetic value and the personality of the author

Studie na axiologická témata zmiňují se o hodnotách a hodnocení dvojím způsobem – explicitně a/nebo implicitně. Většinou axiologické momenty v příslušných příspěvcích ustupují do pozadí anebo jsou implicitně součástí uvažování, aniž se o nich přímo mluví; v drtivé menšině se vyskytují samostatná témata hodnotová a hodnototvorná a jejich reflexe. Ideologie a literatura, zvláště krásná, je téma, které vyplývá především z různých funkcí a hodnot uměleckého díla, tedy i díla literárního v užším slova smyslu, tedy uměleckého, belles lettres, jehož základní vlastností, jež je odděluje od literatury v širokém slova smyslu, to znamená od publicistiky, věcné literatury (Sachliteratur), je funkce estetická nebo poetická. Podle G. W. F. Hegela je základní funkcí uměleckého díla funkce poznávací (gnoseologická, noetická, epistemologická) jako třetí fáze, v níž absolutní idea poznává sama sebe ve svém jinobytí v přírodě.¹ Literatura, jejímž materiálem je přirozený jazyk, exponuje gnoseologickou (noetickou, epistemologickou) funkci bezprostředněji než jiné druhy umění – a v tom je její síla i slabost. Důraz na noetickou hodnotu umění, „uvědomění ducha“ souvisí i s jinými funkcemi umění a literatury, jak byly postupně v uměnovědách definovány a delimitovány. V úzkém vztahu k noetické funkci a hodnotě umění je hodnota a funkce ideologická reflektující soubor idejí vyjadřujících názory a představy určité skupiny subjektů. Podstatné je ovšem sepětí všech funkcí, jichž může být podle způsobu klasifikace či typologizace různý počet. Společenské funkce umění a literatury mají mezi sebou různé vztahy a také různou intenzitu: v některých dílech převažuje funkce a hodnota estetická, v jiných didaktická, etická, ideologická, zábavná, nelze ani zapomínat na dovnitř směřující funkci a hodnotu poetologickou, tedy schopnost podílet se na utváření „jazyka“ daného druhu umění. Pokud jde o vztahy krásné literatury a ideologie, lze hledat více či méně mechanicky s jistou diferenciací metodou stopy nebo prvky ideologií v literárních dílech, ale mnohem podstatnější je

¹ Viz HEGEL, Georg Wilhelm Friedrich: *Eстетika*. Praha: Odeon, 1966; HEGEL, Georg Wilhelm Friedrich: *Fenomenologie ducha*. Praha: ČSAV, 1960 (Vorlesungen über die Ästhetik, 1835); MAJOR, Ladislav, SOBOTKA, Milan: *G. W. F. Hegel: život a dílo*. Praha: Mladá fronta, 1979; SINGER, Peter: *Hegel*. Praha: Argo, Odeon, 1995; KREJČÍ, František: *Heglova filosofie dějin*. Praha: Volné myšlenky, 1933; ILJIN, Ivan Alexandrovič: *Heglova filosofie jako nauka o konkrétnosti Boha a člověka*. Olomouc: Refugium, 2008.

schopnost transformovat ideologickou funkci a s ní spojenou noetickou hodnotu nebo funkce jí blízké (etická, didaktická, persuzivní, všechny jsou vlastně funkcí zmíněné noetické/gnoseologické/epistemologické) ve funkci a hodnotu estetickou/poetickou. Jinak řečeno: ani silné exponování těchto funkcí nevede nebo nemusí vést k oslabení zásadní hodnoty estetické, která determinuje umělecký charakter díla.

Například v rámci realismu, zejména v tzv. manifestech francouzských realistů, se zdůrazňuje, že nová realistická metoda – na rozdíl od idealistického romantismu – exponuje věcnou podobu skutečnosti. V *Úvodu k Lidské komedii*, v Stendhalově *Dopisu Balzacovi*, v pojetí románu jako zrcadla, u bratří Goncourtů, G. de Mauspassanta nebo E. Zoly, R. Rollanda nebo H. Barbuse se opakuje mantra tzv. návratu ke skutečnosti, jinak řečeno, přímého, bezohledného vstupu do reality, přičemž se v ní akcentuje spíše odvrácená, negativní, kriticky posuzovaná stránka reality.² Tato všednodennost jako by přímo protičela estetické hodnotě umění tím, že zmenšuje interval mezi realitou a její uměleckou reflexí. V. G. Bělinskij ve své kritické stati *O ruské povídce a povídce pana Gogola* (O ruské povídce i pověstjích g. Gogolja. „Arabeski“ i „Mirgorod“, 1835)³ pokládá Gogolovo umění přetavit všednodennost do výrazné katarktické podoby za nejvýraznější rys jeho tvorby.⁴

Nad vztahem ideologické a estetické funkce literatury, resp. světovým názorem (Weltanschauung a metoda umělecké tvorby) se zamýšleli především filozofové a sociologové literatury spjatí s hegelianstvím, ale také pozitivismem a později marxismem, tedy Hippolyte Taine (1828–1893), Karl/Karel Marx (1818–1883) a Friedrich/Bedřich. Engels (1820–1895) a nakonec i na ruském materiálu podle Marxova a Engelsova vzoru V. I. Uljanov-Lenin (1870–1924). Marx si liboval, že z Balzaca poznal stav francouzské společnosti, tedy hledal a našel v uměleckém textu faktografické doklady a těch je tu jistě mnoho,

² Viz *Manifesty francouzských realistů XIX. a XX. století*. Praha: Československý spisovatel, 1950.

³ BELINSKIJ, Vissarion Grigor'jevič: *O ruské povídce i pověstjích g. Gogolja*. Lib.ru. [online]. 2017 [cit. 2024-03-23]. http://az.lib.ru/b/belinskij_w_g/text_0320.shtml.

⁴ Viz POSPÍŠIL, Ivo: *Gogolovi Starosvětští statkáři jako polyvalenční text*. In: Gogol a naše doba. Olomouc: Univerzita Palackého Olomouc, 1984, s. 92–99; POSPÍŠIL, Ivo: *Gogolovi Starosvětští statkáři, mýtus o Filemonovi a Baukidě a problém ruského středověku a novověku*. In: Druhý život antického mýtu. Sborník z vědeckého symposia Centra pro práci s patristickými středověkými a renesančními texty. NECHUTOVÁ, Jana (ed.). Brno: Centrum pro studium demokracie a kultury, 2004, s. 227–235; POSPÍŠIL, Ivo: *Tvorčestvo Gogolja v dvojnoj projekcii (K sovremennym tendencijam gogolevedenija)*. In: Litteraria humanitas XV. N. V. Gogol: Bytí díla v prostoru a čase (Studie o živém dědictví). DOHNAL, Josef, POSPÍŠIL, Ivo (eds). Brno: Masarykova univerzita, Filozofická fakulta, Ústav slavistiky, 2010, s. 339–347. POSPÍŠIL, Ivo: *Gogol' avtohtonnyj i allohtonnyj*. In: N. V. Gogol' kak chudožestvennyj i kulturno-istoričeskij fenomen. PECHAL, Zdenek, ZYRJANOV, Oleg i koll. Univerzita Palackého, Olomouc 2015, s. 37–47.

otázka je, nakolik je lze zobecňovat. Často se v tomto smyslu odkazuje na dopis F. Engelse Margaretě Harknessové (1854–1923)⁵ o vztahu metody a světového názoru.⁶ Jak to u některých sociologů literatury bývá, jde o poněkud přímočaré konstatování, ale rámcově ukazuje na to, jak estetická funkce překonává apriorní ideologii, ale není to zdaleka přesné, podobně jako známé výroky V. I. Lenina o Lvu Tolstém.⁷

Jedním z typů této ideologicko-estetické transgrese jsou díla na hraně věcné a krásné literatury, pás literárních žánrů, jimž jsme věnovali v nedávné minulosti značnou pozornost.⁸ Někdy není snadné rozhodnout, zda jde spíše o věcnou literaturu nebo o beletrii, o fact nebo fiction, o non-fiction nebo fiction. Nazývali jsme to někdy „próza virtuální autenticity“, např. u I. Jefremova, E. von Dänikena, L. Součka: za fikcí se skrývají hypotetická fakta, dystopie a antidystopie, fantasy, scifi.⁹ Kdysi jsme podobný postup mohli sledovat v díle ruského radikálního pozitivisty (v tradiční ruské terminologii revolučního demokrata) Nikolaje Gavriloviče Černyševského (1828–1889), estetika, literárního kritika

⁵ Britská spisovatelka, bojovnice za sociální práva dělnické třídy, organizátorka stávky dokařů, autorka sociálních románů (pod pseudonymem John Law), např. *City Girl*, 1887 (vyvolal uvedenou reakci B. Engelse), *Out of Work*, 1888, *In Darkest London*, 1889, aj. Jako novinářka pracovala v Austrálii, cestovala po Německu a Rakousku-Uhersku.

⁶ MARX, Karl, ENGELS, Bedřich: *O umění a literatuře*. Praha: Svoboda, 1951, s. 130–131.

⁷ FISCHER, Jan Otokar: *Realismus a světový názor (Případ Balzacův)*. Česká literatura, 1978, roč. 26, č. 3, s. 193–213; GLUCHMAN, Vasil: *Honoré de Balzac jako kritik sudobej francúzskej spoločnosti a morálky*. Filozofia, 2003, roč. 58, s. 409–425.

⁸ Viz některé naše studie a články: POSPÍŠIL, Ivo: *Žánrová hledání na hraně a na okraji (Studie k některým dílům slovenské a české prózy posledních let)*. In: *Pramene a křižovatky (Slovensko-české literárne paralely v súčasnosti)*. NEMCOVÁ, Emília, POSPÍŠIL, Ivo (eds). Trnava: Univerzita sv. Cyrila a Metoda, Filozofická fakulta, 2012, s. 103–181; POSPÍŠIL, Ivo: *Česká a slovenská próza: problém typologie*. In: *Kontúry voľnosti. Typológia slovenských a českých textov na prelome 20. a 21. storočia z hľadiska lingvistiky, štylistiky, poetiky a genológie*. KAMENČÍK, Marián, NEMCOVÁ, Emília, POSPÍŠIL, Ivo (eds). Trnava: Univerzita sv. Cyrila a Metoda v Trnave, Filozofická fakulta, Katedra slovenského jazyka a literatúry, 2010, s. 170–195; POSPÍŠIL, Ivo: *Hrana věcnosti a umění: budoucnost literatury, nebo úhybný manévř?* (*Jindřich Uher a Anton Baláz*). In: *Výzvy současnosti: nová témata české a slovenské literatury (2000–2017)*. POSPÍŠIL, Ivo (ed.). Brno: Jan Sojnek-Galium, 2019, s. 119–130.

⁹ Viz POSPÍŠIL, Ivo: *Utopie a antiutopie/dystopie z hlediska společensko-žánrového: sonda do historie, malá srovnání a souvislosti*. In: *Problemy utopii i antyutopii w literaturach slowiańskich i historii Slowian*. POSPÍŠIL, Ivo, GORZCYCA, Wojciech (eds). Bielsko-Biała: Akademia Techniczno-Humanistyczna w Bielsku-Białej, 2014, s. 13–23; POSPÍŠIL, Ivo: *Portrét antidystopického syndromu Ludvíka Součka s pozadím*. In: *Problemy utopii i antyutopii w literaturach slowiańskich i historii Slowian*. POSPÍŠIL, Ivo, GORZCYCA, Wojciech (eds). Bielsko-Biała: Akademia Techniczno-Humanistyczna w Bielsku-Białej, 2014, s. 107–123; POSPÍŠIL, Ivo: *Dystopická látka jako básnický a prozaický experiment (Jindřich Zogata)*. In: *Problemy utopii i antyutopii w literaturach slowiańskich i historii Slowian*. POSPÍŠIL, Ivo, GORZCYCA, Wojciech (eds). Bielsko-Biała: Akademia Techniczno-Humanistyczna w Bielsku-Białej, 2014, s. 125–144.

a beletristy, který chtěl zrušit tradiční estetiku spíše publicistickým způsobem než hlubinným průnikem do díla mladohegeliána Friedricha Theodora von Vischera (1807–1887), jak si toho všiml tehdy ještě východoněmecký rusista Klaus Städtke (roč. 1934).¹⁰

Podobně v klasických dílech českého socialistického realismu meziválečného období ideologická funkce organicky vyplývá ze sociálně psychologického, někdy i historického půdorysu díla a přetavuje se do esteticky působivého artefaktu. Takto můžeme chápat romány Marie Majerové (1882–1987) *Panství* (1907), *Náměstí republiky* (1914) a především *Siréna* (1935); s historicko-filozofickou dimenzí je to viditelné v prózách Vladislava Vančury (1891–1942), např. *Amazonský proud* (1923), *Pole orná a válečná* (1925), *Markéta Lazarová* (1931), *Konec starých časů* aj., v nichž se demonstruje dialektický zákon negace, tedy kritika měšťanské/buržoazní společnosti a dobového kapitalismu z pozice utopické představy nového socialistického společenského řádu a hledání modelů v dobách předchozích, které jinak naplňovaly lidský život a plnohodnotnou lidskou bytost (středověk, renesance).

Jako protipól lze uvést tvorbu Jaroslava Durycha (1886–1961), jenž proti ideologické koncepci českých dějin z pera Františka Palackého a T. G. Masaryka staví zásluhy českého katolicismu a jeho ctnosti v řadě barokizujících próz, např. *Bloudění* (1929) a *Rekviem* (1930), když pomineme rysy této poetiky v jeho povídkách a poezii, které vycházejí z tradic barokní literatury a procházejí jako inspirativní pramen českým písemnictvím, jak vcelku přesvědčivě demonstroval Zdeněk Rotrekl.¹¹ V obou případech silná ideologická hodnota díla nevyklučuje, spíše posiluje hodnotu estetickou.

Na „prokletou otázku“, kterou jsme si v této souvislosti kladli, totiž zda i u autorů ortodoxně hájících jednu ideologickou hodnotu a vyjadřujících ji nedvojsmyslně ve svém uměleckém díle, klesá nebo neklesá estetická hodnota, jsme se pokusili odpovědět srovnáním dvou autorů, kteří nám posloužili jako objekt případových ministudií – Miroslava Válka (1927–1991) a Miroslava Floriana (1931–1996), špičkových básníků a současně přesvědčených až ortodoxních zastánců jedné ideologie, a ukázali jsme sice na kvalitativní estetickou nevyrovnanost obou také v různých obdobích jejich tvorby, ale současně na to, že estetická úroveň jejich tvorby v zásadě neklesá.¹²

¹⁰ STÄDTKE, Klaus: *Ästhetisches Denken in Rußland. Kultursituation und Literaturkritik*. Berlin: Aufbau-Verlag, 1978.

¹¹ ROTREKL, Zdeněk: *Barokní fenomén v současnosti*. Praha: Torst, 1995.

¹² Viz POSPÍŠIL, Ivo: *Poezie a politika: básník mezi konjunkturalismem, sebeobětováním, ostrakizací a osamělostí*. In: *Česká a slovenská poezie: Slovo a mlčení*. POSPÍŠIL, Ivo, ZELENKOVÁ, Anna (eds). Brno: Česká asociace slavistů, 2015, s. 159–169.

Klasik moderní slovenské literatury Dominik Tatarka (1913–1989) ukazuje v celém svém díle silné přitahování k převažující politické atmosféře doby až po období disidentské, kdy se vládnoucímu proudu vzpírá, přičemž si udržuje poměrně vysokou estetickou úroveň a také vnitřní myšlenkovou konsistentnost, byť vnějškově proměnlivou. Vyznačují se tím i spirituálně laděná díla z let Slovenského štátu, poválečná ideologická díla i s národním protestem a nakonec disidentské období: tyto ideologické proměny jeho díla ovšem nic nemění na vysoké estetické hodnotě jeho díla¹³ (*Cesty*, 1935; *Záchvevy duše*, 1935; *Neznáma tvár*, 1940; *V úzkosti hľadania*, 1942; *Panna zázračnica*, 1945; *Farská republika*, 1948; *Prútené kreslá*, 1963; *Démon súhlasu*, 1963; *Písacky, Navrávačky*, obě 1988).

Podobně kritikou ideologie, kterou sám do té doby vyznával, a tedy vlastní reorientací, revizí ideologické funkce své literární tvorby, se vyznačuje dílo slovenského prozaika a publicisty Ladislava Ťažkého (1924–2011). Patří k revidující literatuře 60. let 20. století¹⁴; po omezení činnosti v době tzv. normalizace vydal po roce 1989 řadu uměleckých a publicistických próz. Dílem, jímž snad nejvýrazněji zaujal po roce 1989, je *Útek z Neresnice* (1998).¹⁵ Pozoruhodným případem propojení estetické hodnoty a ideologie, resp. antiideologie či intencionální deideologizace, je celé dílo Rudolfa Slobody (1938–1995), zejména romány *Rozum* (1952, čes. 1989, 2013) a *Krv/Krev* (1991, čes. 2013).¹⁶

K vztahu estetické a ideologické funkce a jejímu etickému aspektu, a tedy i hodnotě krásné literatury jako takové, nemůžeme nepřipojit osobnost autora

¹³ POSPÍŠIL, Ivo: *Dominik Tatarka o literatuře a souvislosti: poznámky ze strany*. In: Dominik Tatarka v souvislostech světové kultury (jazyk – styl – poetika – politika). POSPÍŠIL, Ivo, ZELENKOVÁ, Anna (eds). Brno: Tribun EU, 2013, s. 51–67. Některé fundované publikace o Tatarce z posledních let tyto autorovy zákruty příliš nerozeznávají a subsumují je pod určitou jednolitou charakteristiku, viz BĀTOROVÁ, Mária: *Dominik Tatarka – slovenský Don Quijote*. Bratislava: Veda, 2012; MIKULA, Valér: *Démoni súhlasu i nesúhlasu: (Dominik Tatarka, Miroslav Válek)*. Ivanka pri Dunaji: F. R. & G., 2010.

¹⁴ Viz mimo jiné: *Vojenský zbeh* (1962), *Host majstra Čerta* (1962), *Dunajské hroby* (1964), *Amenmária. Samí dobrí vojaci* (1964), *Evanjelium čatára Matúša* (1979), *Pred potopou* (1988) aj.

¹⁵ Odkazujeme tu na vydání: ŤAŽKÝ, Ladislav: *Útek z Neresnice*. Martin: Vydavateľstvo Matice slovenskej, 1998.

¹⁶ SLOBODA, Rudolf: *Rozum*. Bratislava: Slovenský spisovateľ, 1982; SLOBODA, Rudolf: *Rozum*. Přel. Emil Charous. Praha: Mladá fronta, 1989, 2. vyd. Praha a Litomyšl: Paseka, 2013. SLOBODA, Rudolf: *Krv*. Bratislava: Slovenský spisovateľ, 1991; SLOBODA, Rudolf: *Krev*. Přel. Jan Antonín Pitínský a Ondřej Mrázek. Brno: Větrné Mlýny, 2013. Viz POSPÍŠIL, Ivo: *Dva slovenské topoty prozaické poetiky na českém pozadí (Ladislav Ťažký a Rudolf Sloboda)*. In: Myšlenkové topoty literatury v česko-slovenských souvislostech (minulost a současnost). POSPÍŠIL, Ivo, ZELENKOVÁ, Anna (eds). Brno: Tribun EU, 2014, s. 133–147. Když jsem pro tehdejší krajský deník *Rovnosť* napsal recenzi na slovenské vydání *Rozumu*, bez zdůvodnění nevyšla, patrně kvůli jeho příliš otevřeným komentářům – podobný styl využil – pro někoho překvapivě – v *Krvi*.

a jeho pohyb v dějinách. Vracím se takto k problému osobnosti nedávno zesnulého velikána české a francouzské literatury Milana Kundery, ceněného – sine ira et studio – mnohem více ve Francii než v českém prostředí, byť k němu Kundera svou bolestnou láskou, zejména k Moravě a Brnu, lnul, což dokázal nejen přijetím občanství České republiky z iniciativy a z rukou tehdejšího velvyslance v Paříži Petra Druláka (roč. 1972), ale také věnováním své knihovny Moravské zemské knihovně v Brně a před tím rozhovory s redaktorem brněnského studia Českého rozhlasu Tomášem Sedláčkem (1950–2019) a jinými slovy a gesty.

Osobnost Milana Kundery se stala nejméně čtyřikrát předmětem kontroverzních, polemických úvah. Poprvé to bylo v souvislosti se IV. sjezdem československých spisovatelů z léta 1967 (záznam vyšel ve sborníku roku 1968). Zde Kundera oživil postavu Huberta Gordona Schauera s jeho článkem *Naše dvě otázky*.¹⁷ Podruhé se tak stalo roku 1969 ve známé polemice mezi M. Kunderou a V. Havlem, kterou se započala širší diskuse o smyslu roku 1968 a o českém osudu či údělu, jež probíhala roku 1969 a byla ukončena nástupem Husákova vedení. Debatu vlastně uvedl článek M. Kundery *Český úděl* (Listy 7–8/1968), kde autor zdůraznil světodějný význam pražského politického jara a roli českého národa po 21. srpnu 1968 jako jedinečný pokus spojit socialismus s moderní demokracií. Na to, jak známo, reagoval Václav Havel v čas. *Tvář* (2/1968) statí *Český úděl?*, kde sarkasticky kritizuje Kunderovo pojetí výjimečnosti Pražského jara, když v svobodném světě jde o něco samozřejmého jako svoboda slova, absence cenzury apod. V brněnském časopise *Host do domu* odpovídá Kundera polemicky článkem *Radikalismus a exhibicionismus*, dále v různých odstupech reagují Karel Kosík, Jaroslav Strátecký, Lubomír Nový a Milan Uhde (v trialogu o radikalismu spolu s Havlem a Stráteckým), později Emanuel Mandler (v 6. čísle čas. *Tvář*). Celá polemika měla zásadní význam pro utváření hodnotové hierarchie československého roku 1968 a promítla se i do názorů a hlavně vývoje po roce 1989 a do chování jednotlivých protagonistů a jejich osudů v 90. letech 20. století a později.

Potřetí se tyto kontroverze a averze vrátily v 80. letech 20. století a dále, kdy se rozhodovalo o udělení Nobelovy ceny Milanu Kunderovi a kdy se proti postavila rozhodující část českého disentu a celou věc pravděpodobně rozhodla.

¹⁷ Viz POSPÍŠIL, Ivo: *Naše dvě otázky aneb Cizí studenti na české univerzitě: problém kultury, kompetence, řízení a moci*. In: Dialog kultur. VII. Sborník příspěvků z mezinárodní vědecké konference, Hradec Králové 22.–23. 1. 2013. Hradec Králové: Univerzita Hradec Králové, Pedagogická fakulta, Katedra slavistiky, Garamond, 2013, s. 241–249. Viz také: POSPÍŠIL, Ivo: *Kontinuita (v) dialogu*. Hradec Králové: Katedra ruského jazyka a literatury, Pedagogická fakulta, Univerzita Hradec Králové, Gaudeamus, 2022.

Kunderův esej o střední Evropě rozproudil obrovskou debatu o poválečném uspořádání Evropy a světa a střední Evropě¹⁸, a to od právě od druhé poloviny 80. let 20. století a po celá 90. léta, kdy se utvářely celé vědecké školy, jež se systematicky zabývaly střední Evropou s různými hypotézami a teoriemi; konečkonců Visegrádská čtyřka byla do značné míry výrazem těchto debat přelomové doby. Jelikož se střední Evropa stala konjunkturálním tématem, dotkli se jí ve svých většinou nepůvodních publikacích někteří badatelé; jejich práce jistě zhodnotí jiní a čas; našeho tématu se ostatně týkají jen okrajově.¹⁹

I u čtvrtého zastavení souvisejícího s údajným udáním agenta-chodce, o kterém se psalo roku 2008²⁰ a poté v desítkách, možná stovkách příspěvků, šlo o zásadní otázku vztahů etiky, estetiky a ideologie. Kundera ani zastání příliš nepotřeboval, reagoval však podrážděně, což někteří kritizovali, byť stáli

¹⁸ KUNDERA, Milan: *Un Occident kidnappé ou la Tragédie de l'Europe Centrale*. Le Débat, 1983/5, n° 27, s. 3–23; KUNDERA, Milan: *The Tragedy of Central Europe*. New York Review of Books. [online]. 1984, vol. 31, No. 7 [cit. 2024-23-3]. http://www.euroculture.upol.cz/dokumenty/sylaby/Kundera_Tragedy_%2818%29.pdf.

¹⁹ Příznám se, že k takovým konjunkturálním tématům, jako jsou střední Evropa nebo různé aspekty osobnosti M. Kundery se nerad vyjadřuji; střední Evropou jsem se sice svého času, přibližně 10–12 let intenzivněji zabýval, psal studie a jednu knihu a zorganizoval jsem v Brně zatím tři konference na toto téma a hlavně jsem o střední Evropě vedl debatu s Františkem Kautmanem, podle mě homo Europae centralis par excellence (viz mimo jiné naši stať: POSPÍŠIL, Ivo: *Plynutí a ukotvení v díle Františka Kautmana*. In: Na trnitých cestách života a tvorby. Sborník příspěvků ze symposia pořádaného u příležitosti životního jubilea Františka Kautmana. Praha: Národní knihovna ČR – Slovanská knihovna, 2015, s. 15–34). K M. Kunderovi jsem se vracel jen okrajově, ale cítím přítom jakýsi ostych u vědomí velikosti a delikátnosti problému střední Evropy, a stejně tak pokud jde o tak velkého autora, jakým Milan Kundera nepochybně je. Nebudu zde uvádět vesměs poněkud konjunkturální sborníky, které se vrací k tématu Kundera a střední Evropa, někdy osobnostně zcela paradoxní a napodobující i názvy jiné publikace; spíše uvedu, že Milan Kundera se dotkl závažného, dokonce brněnského tématu, když si uvědomíme meziválečné úsilí doložené nikoli „dojmologicky“, ale seriózně, vědecky osobitými studiemi, jaké vydával Elemer Hantos (viz naši knihu: POSPÍŠIL, Ivo: *Střední Evropa a Slované. Problémy a osobnosti*. Brno: Masarykova univerzita, 2006, s uvedením seznamu tehdy dostupné literatury včetně řady Hantosových knih, a knihu brněnského hungaristy Miroslava Jeřábka o Hantosovi a brněnské středoevropské iniciativě z meziválečného období (JEŘÁBEK, Miroslav: *Za silnou střední Evropou: Středoevropské hnutí mezi Budapeští, Vídní a Brnem v letech 1925–1939*. Brno: Dokořán, 2008). Pozoruhodný je rozsáhlý rozhovor, který kdysi vedl Peter Demetz na stránkách tehdejšího časopisu *Cross Currents* (1982–1993, ed. Ladislav Matejka, 1919–2012) s Reném Wellkem (1903–1995), jenž se k obnově střední Evropy vyjadřoval na přelomu 80. a 90. let 20. století značně skepticky: viz náš překlad v knize POSPÍŠIL, Ivo, ZELEŇKA, Miloš: *René Wellek a meziválečné Československo. Ke kořenům strukturální estetiky*. Brno: Masarykova univerzita, 1996; také ukázky v angličtině v knize POSPÍŠIL, Ivo: *Central Europe: Substance and Concepts*. Nitra: Constantine the Philosopher University in Nitra, Faculty of Central European Studies, 2015.

²⁰ Seznam článků (a odkazy) o M. Kunderovi především v této souvislosti viz Britské listy: DOLEJŠÍ, Karel: *Milan Kundera a tragédie Střední Evropy*. Britské listy. [online]. 2008 [cit. 2024-03-23]. <https://legacy.blisty.cz/art/43224.html>.

spíše na jeho straně. Je strašné číst některé texty, když člověk zná autory, jejich životy a proměnlivé postoje. Kunderovi vrstevníci se většinou svého kolegy zastávali, neboť znali a znají tehdejší situaci, jiné byli nemilosrdní, další zaujímal centristické stanovisko. Nicméně otázka vztahu hodnot z různých rovin manifestace literárního artefaktu zůstává. Když si uvědomíme, co Kundera všechno vytvořil – od esejů, básní, novel, románů a prací z teorie románu, o nichž neváhají psát i politologové a filozofové,²¹ (i když vybírají jen jednu linii teorie románu jdoucí např. od G. Lukáče a M. Kundera k ní svým způsobem patří, a pomíjejí obrovský balvan teorie románu jako takové, mj. v anglosaských zemích, Rusku a Francii), jde o dílo epochální, které při vši vyhraněnosti a bílých místech a při veškeré autorově vzdělanosti a ostré kontaminaci místy i schematickými představami vyplývajícími z nedostatečné nebo povrchní znalosti vždy vyvolávalo silné reakce a možná, že jeho impulsy byly cennější než tato díla sama. A současně dokázaly přetavit vyhraněně ideologické a etické otázky do roviny striktně estetické. De mortuis nili nisi bene/bonum – můžeme s tím nesouhlasit, neboť smrt nemůže ospravedlnit etickou kvalitu života, ale jde spíše o „nesuďte, abyste nebyli souzeni“: (Matouš 7:1) – nejde tedy o to, abychom lidem vzali právo soudit jiné, ale o neznalost historického kontextu. Podle jednoho z výkladů je toto latinské rčení odvozeno ze staré judaistické představy vycházející z oddílů, tzv. parašót pentateuchu, z nichž lze vytvořit větu, vlastně výrok „Po smrti svatí“, která má podobný význam jako De mortuis nil nisi bene (údajně podle Diogena Laertia *O životě a učení slavných filozofů / Filosofón bión kai dogmatón synagógé*, snad kolem roku 220 n. l.; jinak řečeno, o mrtvých se má mluvit jen v dobrém, jako by smrt vše očistila). Podle jedné povídky Karla Čapka na věčnosti soudí lidi zase jen lidé; Bůh soudit nemůže, jak sám říká, protože je vševědoucí. Jestli má český literární génius (nehledě na názor zvěčnělého Roberta Pynsenta) pravdu, bylo by to hodně smutné, neboť v reálném světě jsou soudci lidí často lidé této role nehodní. Musíme doufat, že tam v transcendentnu to tak nebude. Zůstává dílo, jeho vícevrstevnatost estetická jako výslednice souboru hodnot, které se v něm komplementárně slévají.

²¹ Viz naše dvě recenze: POSPÍŠIL, Ivo: *Osobitý diskurs o románu: problémy a úskalí (Pavel Barša: Román a dějiny. Brno: Host, 2022)*. Slavica litteraria, 2022, č. 2, s. 178–185; POSPÍŠIL, Ivo: *Filozof a politolog o románu (Pavel Barša: Román a dějiny. Host, Brno 2022)*. Proudý. [online]. 2022, č. 2 [cit. 2024-03-23]. https://www.phil.muni.cz/journal/proudy/filologie/recenze/2022/2/pospasil_filozof_a_politolog_o_romanu.php.

Seznam použité literatury – References:

- BÁTOROVÁ, Mária: *Dominik Tatarka – slovenský Don Quijote*. Bratislava: Veda, 2012.
- BELINSKIJ, Vissarion Grigor'jevič: *O rusckoj povesti i povestjach g. Gogolja*. Lib.ru. [online]. 2017 [cit. 2024-03-23]. http://az.lib.ru/b/belinskij_w_g/text_0320.shtml.
- DOLEJŠÍ, Karel: *Milan Kundera a tragédie Střední Evropy*. Britské listy. [online]. 2008 [cit. 2024-03-23]. <https://legacy.blisty.cz/art/43224.html>.
- FISCHER, Jan Otokar: *Realismus a světový názor (Případ Balzacův)*. Česká literatura, 1978, roč. 26, č. 3, s. 193–213.
- GLUCHMAN, Vasil: *Honoré de Balzac jako kritik súdobej francúzskej spoločnosti a morálky*. Filozofia, 2003, roč. 58, s. 409–425.
- HEGEL, Georg Wilhelm Friedrich: *Estetika*. Praha: Odeon, 1966.
- HEGEL, Georg Wilhelm Friedrich: *Fenomenologie ducha*. Praha: ČSAV, 1960.
- ILJIN, Ivan Alexandrovič: *Hegelova filosofie jako nauka o konkrétnosti Boha a člověka*. Olomouc: Refugium, 2008.
- JERÁBEK, Miroslav: *Za silnou střední Evropu: Středoevropské hnutí mezi Budapeští, Vídní a Brnem v letech 1925–1939*. Brno: Dokořán, 2008.
- KREJČÍ, František: *Heglova filosofie dějin*. Praha: Volné myšlenky, 1933.
- KUNDERA, Milan: *Un Occident kidnappé ou la Tragédie de l'Europe Centrale*. Le Débat, 1983/5, n° 27, s. 3–23.
- KUNDERA, Milan: *The Tragedy of Central Europe*. New York Review of Books. [online]. 1984, Vol. 31, No. 7 [cit. 2024-23-3]. http://www.euroculture.upol.cz/dokumenty/sylaby/Kundera_Tragedy_%2818%29.pdf.
- MAJOR, Ladislav, SOBOTKA, Milan: *G. W. F. Hegel: život a dílo*. Praha: Mladá fronta, 1979.
- Manifesty francouzských realistů XIX. a XX. století*. Praha: Československý spisovatel, 1950.
- MARX, Karl, ENGELS, Bedřich: *O umění a literatuře*. Praha: Svoboda, 1951, s. 130–131.
- MIKULA, Valér: *Démoni súhlasu i nesúhlasu: (Dominik Tatarka, Miroslav Válek)*. Ivanka pri Dunaji: F. R. & G., 2010.
- POSPÍŠIL, Ivo: *Central Europe: Substance and Concepts*. Nitra: Constantine the Philosopher University in Nitra, Faculty of Central European Studies, 2015.
- POSPÍŠIL, Ivo: *Česká a slovenská próza: problém typologie*. In: Kontúry voľnosti. Typológia slovenských a českých textov na prelome 20. a 21. storočia z hľadiska lingvistiky, štylistiky, poetiky a genológie. KAMENČÍK, Marián, NEMCOVÁ, Emília, POSPÍŠIL, Ivo (eds). Trnava: Univerzita sv. Cyrila

- a Metoda v Trnave, Filozofická fakulta, Katedra slovenského jazyka a literatury, 2010, s. 170–195.
- POSPÍŠIL, Ivo: *Dominik Tatarka o literatuře a souvislosti: poznámky ze strany*. In: Dominik Tatarka v souvislostech světové kultury (jazyk – styl – poetika – politika). POSPÍŠIL, Ivo, ZELENKOVÁ, Anna (eds). Brno: Tribun EU, 2013, s. 51–67.
- POSPÍŠIL, Ivo: *Dva slovenské toposy prozaické poetiky na českém pozadí (Ladislav Ťažký a Rudolf Sloboda)*. In: Myšlenkové toposy literatury v česko-slovenských souvislostech (minulost a současnost). POSPÍŠIL, Ivo, ZELENKOVÁ, Anna (eds). Brno: Tribun EU, 2014, s. 133–147.
- POSPÍŠIL, Ivo: *Dystopická látka jako básnický a prozaický experiment (Jindřich Zogata)*. In: Problemy utopii i antyutopii w literaturach słowi- ańskich i historii Słowian. POSPÍŠIL, Ivo, GORZCYCA, Wojciech (eds). Bielsko-Biała: Akademia Techniczno-Humanistyczna w Bielsku-Białej, 2014, s. 125–144.
- POSPÍŠIL, Ivo: *Filozof a politolog o románu (Pavel Barša: Román a dějiny. Host, Brno 2022)*. Proudý. [online]. 2022, č. 2 [cit. 2024-03-23]. https://www.phil.muni.cz/journal/proudy/filologie/recenze/2022/2/pospasil_filozof_a_politolog_o_romanu.php.
- POSPÍŠIL, Ivo: *Gogol' avtochtonnij i allochtonnij*. In: N. V. Gogol' kak chudožestvennyj i kul'turno-istoričeskij fenomen. PECHAL, Zdenek, ZYRJANOV, Oleg i koll. Univerzita Palackého, Olomouc 2015, s. 37–47.
- POSPÍŠIL, Ivo: *Gogolovi Starosvětští statkáři jako polyvalenční text*. In: Gogol a naše doba. Olomouc: Univerzita Palackého Olomouc, 1984, s. 92–99.
- POSPÍŠIL, Ivo: *Gogolovi Starosvětští statkáři, mýtus o Filemonovi a Baukidě a problém ruského středověku a novověku*. In: Druhý život antického mýtu. Sborník z vědeckého symposia Centra pro práci s patristickými středověkými a renesančními texty. NECHUTOVÁ, Jana (ed.). Brno: Centrum pro studium demokracie a kultury, 2004, s. 227–235.
- POSPÍŠIL, Ivo: *Hrana věčnosti a umění: budoucnost literatury, nebo úhybný manévř?* (Jindřich Uher a Anton Baláž). In: Výzvy současnosti: nová témata české a slovenské literatury (2000–2017). POSPÍŠIL, Ivo (ed.). Brno: Jan Sojnek – Galium, 2019, s. 119–130.
- POSPÍŠIL, Ivo: *Kontinuita (v) dialogu*. Hradec Králové: Katedra ruského jazyka a literatury, Pedagogická fakulta, Univerzita Hradec Králové, Gaudeamus, 2022.
- POSPÍŠIL, Ivo: *Naše dvě otázky aneb Cizí studenti na české univerzitě: problém kultury, kompetence, řízení a moci*. In: Dialog kultur. VII. Sborník příspěvků z mezinárodní vědecké konference, Hradec Králové 22.–23. 1. 2013. Hradec

- Králové: Univerzita Hradec Králové, Pedagogická fakulta, Katedra slavistiky, Garamond, 2013, s. 241–249.
- POSPÍŠIL, Ivo: *Osobitý diskurs o románu: problémy a úskalí (Pavel Barša: Román a dějiny. Brno: Host, 2022)*. Slavica litteraria, 2022, č. 2, s. 178–185
- POSPÍŠIL, Ivo: *Plynutí a ukotvení v díle Františka Kautmana*. In: Na trnitých cestách života a tvorby. Sborník příspěvků ze symposia pořádaného u příležitosti životního jubilea Františka Kautmana. Praha: Národní knihovna ČR – Slovanská knihovna, 2015, s. 15–34.
- POSPÍŠIL, Ivo: *Poezie a politika: básník mezi konjunkturalismem, sebeobětováním, ostrakizací a osamělostí*. In: Česká a slovenská poezie: Slovo a mlčení. POSPÍŠIL, Ivo, ZELENKOVÁ, Anna (eds). Brno: Česká asociace slavistů, 2015, s. 159–169.
- POSPÍŠIL, Ivo: *Portrét antidystopického syndromu Ludvíka Součka s pozadím*. In: Problemy utopii i antyutopii w literaturach słowiańskich i historii Słowian. POSPÍŠIL, Ivo, GORZCYCA, Wojciech (eds). Bielsko-Biała: Akademia Techniczno-Humanistyczna w Bielsku-Białej, 2014, s. 107–123.
- POSPÍŠIL, Ivo: *Střední Evropa a Slované. Problémy a osobnosti*. Brno: Masarykova univerzita, 2006.
- POSPÍŠIL, Ivo: *Tvorčestvo Gogolja v dvojnoj projekcii (K sovremennym tendencijam gogolevedenija)*. In: Litteraria humanitas XV. N. V. Gogol: Bytí díla v prostoru a čase (Studie o živém dědictví). DOHNAL, Josef, POSPÍŠIL, Ivo (eds). Brno: Masarykova univerzita, Filozofická fakulta, Ústav slavistiky, 2010, s. 339–347.
- POSPÍŠIL, Ivo: *Utopie a antiutopie/dystopie z hlediska společensko-žánrového: sonda do historie, malá srovnání a souvislosti*. In: Problemy utopii i antyutopii w literaturach słowiańskich i historii Słowian. POSPÍŠIL, Ivo, GORZCYCA, Wojciech (eds). Bielsko-Biała: Akademia Techniczno-Humanistyczna w Bielsku-Białej, 2014, s. 13–23.
- POSPÍŠIL, Ivo: *Žánrová hledání na hraně a na okraji (Studie k některým dílům slovenské a české prózy posledních let)*. In: Pramene a křižovatky (Slovensko-české literárne paralely v súčasnosti). NEMCOVÁ, Emília, POSPÍŠIL, Ivo (eds). Trnava: Univerzita sv. Cyrila a Metoda, Filozofická fakulta, 2012, s. 103–181.
- POSPÍŠIL, Ivo, ZELENKA, Miloš: *René Wellek a meziválečné Československo. Ke kořenům strukturální estetiky*. Brno: Masarykova univerzita, 1996.
- ROTREKL, Zdeněk: *Barokní fenomén v současnosti*. Praha: Torst, 1995.
- SINGER, Peter: *Hegel*. Praha: Argo, Odeon, 1995
- SLOBODA, Rudolf: *Krev. Přel. Jan Antonín Pitínský a Ondřej Mrázek*. Brno: Větrné mlýny, 2013.
- SLOBODA, Rudolf: *Krv*. Bratislava: Slovenský spisovateľ, 1991.

SLOBODA, Rudolf: *Rozum*. Bratislava: Slovenský spisovateľ, 1982.

SLOBODA, Rudolf: *Rozum*. Přel. Emil Charous. Praha: Mladá fronta, 1989, 2. vyd. Praha a Litomyšl: Paseka, 2013.

STÄDTKE, Klaus: *Ästhetisches Denken in Rußland. Kultursituation und Literaturkritik*. Berlin: Aufbau-Verlag, 1978.

ŤAŽKÝ, Ladislav: *Útek z Neresnice*. Martin: Vydavateľstvo Matice slovenskej, 1998.

Ivo Pospíšil

prof., PhDr., DrSc., Professor, Department of Slavonic Studies, Faculty of Arts, Masaryk University, Arna Nováka 1, 602 00 Brno, Czech Republic

Ivo.Pospisil@phil.muni.cz

ORCID 0000-0001-8358-0765

Dramaturgia Majakowskiego – między ideologią, nowością formy i uniwersalizmem wartości.

Próba ponownego odczytania

Jadwiga Gracla

Streszczenie

Niniejszy szkic stanowi próbę nowego, współczesnego odczytania i interpretacji jednego z dramatów Włodzimierza Majakowskiego: Misterium-buffo. Tekst ten kojarzony jest zazwyczaj jako propagandowy i gloryfikujący nowy ustrój. Rzeczywiście można w nim odnaleźć takie cechy. Jednak zdaniem autorki takie odczytanie zamyka dzieło. Biorąc pod uwagę czas, w którym powstaje, przemiany teatru, którym jest poddane i teatralną świadomość autora, można je raczej usytuować obok futurystycznego Zwycięstwa nad słońcem. Wyzwolenie z ideologicznych otoczek powoduje, że tekst można odczytać jako egzemplifikację ludzkiego dążenia do szczęścia, mocy i woli kreacji, odnalezienia w naturze człowieka demiurga i kreatora. Jednocześnie daje on wyraz dążeniu człowieka do samodzielnego kreowania świata, niezachwianej wolnej woli i odrzucania wszelkich krępujących reguł.

Słowa kluczowe: Majakowski; Misterium-buffo; kreacja; człowiek; nowa interpretacja

Mayakovsky's Dramaturgy—Between Ideology, Novelty of Form and Universalism of Values. An Attempt at a Re-Reading

Abstract

This sketch attempts a new, contemporary reading and interpretation of one of Vladimir Mayakovsky's dramas: Mystery-buffo. This text is usually associated as propagandistic and glorifying of the new regime. Indeed, such features can be found in it. However, in the author's opinion, such a reading encapsulates the work. Considering the time in which it is written, the transformations of the theatre to which it is subjected and the theatrical consciousness of the author, it can rather be situated next to the futuristic Victory over the Sun. Liberated from its ideological surroundings, the text can be read as an exemplification of the human quest for happiness, the power and will to create, to find in the nature of man a demiurge and creator. At the same time, it expresses man's aspiration to create the world on his own, his unwavering free will and his rejection of all restraining rules.

Key words: Mayakovsky; Mystery-buffo; creation; man; new interpretation

Istnieją w historii literatury teksty, które na tyle mocno zostały wtłoczone w warunki czasów swego powstania, ich idee i postulaty, sytuację społeczno-polityczną czy dominującą ideologię, że funkcjonowanie poza tymi ramami wydaje się na pewno nie do końca oczywiste, prawie niemożliwe, czasami bluźniercze. Wszelkie próby wyzwolenia ich z tych więzów często spotykają się ze zdecydowanym sprzeciwem historyków, często nawet historyków literatury, przyzwyczajonych do ustalonej, kanonicznej ich interpretacji. Stają się więc dziełami, idąc za Eco, „zamkniętymi”¹. Z działaniem tym stoi głębokie przeświadczenie wielu badaczy o tym, że tekst jest świadectwem swoich czasów, świadkiem i odzwierciedleniem historii². W naszych rozważaniach nie chcemy w żadnym wypadku negować słuszności takiego przekonania, pozostawiając wybór metody i podejścia każdemu z badaczy. Celem naszym jest coś w gruncie rzeczy zupełnie innego – mianowicie próba odnalezienia w właśnie takich tekstach wartości uniwersalnych, predestynujących je do miana dzieł ponadczasowych i uniwersalnych, czyli ponowne ich otwarcie.

Rosyjskie twory początku XX wieku często są postrzegane przez pryzmat ustalonej, związanej z czasem ich powstania sytuacji historycznej. Działo się to w czasach niechlubnej i minionej krytyki radzieckiej (opinie o tekstach dekadencjonalnych³), ale niestety można odnieść wrażenie, że część z wypracowanych wtedy poglądów, szczególnie dotyczących tekstów wtłoczonych w ramy propagandy, związanych, szczególnie w najbardziej rozpowszechnionym postrzeganiu z taką czy inną ideologią czy ustrojem, zyskało status pewnego twierdzenia. Dodatkowo przekonaniom takim często towarzyszyła narracja dotycząca życiowych wyborów autora tekstu. W obecnym okresie bardzo często zapominamy więc o tekstach pisarzy, którzy swą karierę związali z powstałym po rewolucji systemem i rządami. Do nazwisk często szufladkowanych politycznie należy chociażby Maksym Gorki, czy też autor stanowiącego przedmiot niniejszych rozważań utworu – *Misterium buffo* – Włodzimierz Majakowski.

Jego nazwisko budzi jednoznaczne konotacje. Uznany za piewę i trybuna komunizmu⁴ spoufalonego z nową władzą (co zresztą nie jest wszak dalekie

¹ Określenia tego używamy jako przeciwieństwa koncepcji dzieła otwartego Eco. ECO, Umberto: *Dzieło otwarte. Forma i nieokreśloność w poetykach współczesnych*. Warszawa: W.A.B, 2008.

² Znane są przecież prace, w których odniesienia historyczne stanowią jedyny kontekst interpretacyjny. Zob.: *Literatura i historia. Interpretacje*. BUJNICKI, Tadeusz, OPACKI, Ireneusz (red.). Warszawa–Katowice–Kraków: Państwowe Wydawnictwa Naukowe, Wydawnictwo UŚ 1982. *Literatura wobec historii*. LYSZCZYNA, Jacek (red.). Katowice: Wydawnictwo UŚ, 2005.

³ Los taki spotkał na przykład *Małego biesa* Fiodora Sologuba, który został uznany za obraz rozpadu społeczeństwa burżuazyjnego.

⁴ Zob.: BALCERZAN, Edward: *Włodzimierz Majakowski*. Warszawa: Czytelnik, 1984. *Włodzimierz Majakowski i jego czasy*. OLBRYCH, Wiesława, SZOKALSKI, Jerzy (red.). Warszawa:

od prawdy), owiany skandalami z życia prywatnego i przez wiele lat legendą niewyjaśnionego samobójstwa, trwał na pomnikach minionej epoki. Legenda ta rozciągnęła się i na jego twórczość. W której, czemu nie chcemy przeczytać pojawiały się ideologiczne passusy i odniesienia do jedynie właściwej drogi, ale w równym, czy większym nawet stopniu brzmiały echa futuryzmu, idee modernizmu, postulaty teoretyczne ojców Wielkiej Reformy, którzy szczególną uwagę przykładani do sposobów tworzenia przestrzeni scenicznej. Ta zaś winna być światem całkowicie wykreowanym, pozbawionym odniesienia do istniejącej rzeczywistości. Postulat ten, przypomnijmy, realizowali futuryści w swoim, zapomnianym dziś projekcie teatralnym *Zwycięstwo nad słońcem*. Projekt ten, oparty na scenografii stworzonej przez Malewicza, odsyłał widza do nieznanego, ale całkowicie wykreowanego Dziesiątej krainy, całkowicie zależnej od człowieka, w której nie istnieją i nie działają prawa natury.

Echa i świadectwa inspiracji Craiga zauważalne są również w kreowaniu przestrzeni, *Misterium buffo* Majakowskiego. Uniwersum pierwszego aktu wygląda tak: „Na łunie zorzy polarnej kula ziemską, wbijającą się biegunem w lód podłogi. Na całym globie jak schody biegną południki i równoleżniki”. Z jednej więc strony jest to pewnego rodzaju próba zmierzenia się z Craigowską zasadą kreowania przestrzeni „zeitlos und ohne genau Ortbestimmung”⁵, z drugiej jednak czymś znacznie wykraczającym poza tę tezę. Definicja nowego dramatu i teatru bowiem opiera się, jak twierdzi Styan, na nieco innym podejściu do konstruowania przestrzeni scenicznej, więc również i dramatycznej⁶. Przedstawiane w dramatach podlegających inscenizacyjnemu wpływowi Wielkiej Reformy przestrzenie:

«[...] nie odtwarzają szczegółów typowych dla naturalistycznego dramatu i pokazują jedynie wysoce uproszczone obrazy miejsc, jakich wymaga akcja. Scenograf ucieka się często do dziwnych form i niezwykłych kolorów.»⁷

Przypomnijmy, że kolejne sceny *Misterium buffo* dzieją się: na pokładzie statku, rozdierającego kłębiące się fale, w podzielonym przez ciemnożółte

Instytut Sławyistyki PAN, 1995; JANGFELDT, Bengt: *Stawką było życie*. Przeł. Lygaś, Wojciech, Warszawa: W.A.B, 2010; CZACHOR, Rafał: *Włodzimierz Majakowski a socjalizm*. Rocznik Instytutu Polsko-Rosyjskiego, 2012, nr 1 (2), s. 46–74.

⁵ Pozbawiona czasu i umiejscowienia w przestrzeni. Craig użył tego terminu w swojej pierwszej książce, wydanej po raz pierwszy w Niemczech w 1905 roku: *Ueber die Kunst des Theaters*.

⁶ Cechy tych dramatów omawia Styan. In: STYAN, John Luis: *Współczesny dramat w teorii i scenicznej praktyce*. Wrocław–Warszawa–Kraków: Ossolineum 1995, s. 300–301.

⁷ Ibidem.

chmury na trzy piętra piekła (typowy chwyt charakterystyczny już dla inscenizacyjnego etapu reformy – podział geometryczny przestrzeni scenicznej⁸), w którym odnajdziemy czyściec, piekło i miejsce, gdzie przebywają rozmawiające dwa diabły, w pokrytym obłokami niebie, gdzie wszystko zbudowane jest z chmur – stół, chleb i mleko. Koniec wędrówki oznacza dojście do krainy obiecanej, niedookreślonej, jak gdyby jedynie naszkicowanej na ogromnych drzwiach, która jednakże konkretyzuje się, stając się cudownym miejscem, gdzie rzeczy żyją swoim życiem. Takie skonstruowanie przestrzeni odzwierciedla więc założenia inscenizacyjnego etapu Reformy – wraz z jej geometrią, wielopłaszczyznowością (wszechobecnymi schodami) i umownością. Świadectwem przynależności tekstu do tego właśnie nurtu rozwoju teatru może być też sposób, w jaki dzieło zostało wystawione. Po pierwszej spektakularnej klęsce tekstu i reżysera, bojkocie aktorskim i porażce przed publicznością, druga wersja przedstawienia została już przygotowana w nowym duchu i manierze. Reżyserem obydwu wariantów spektaklu był Meyerhold⁹. Druga realizacja sceniczna odbyła się praktycznie bez dekoracji. Na pierwszym planie, prawie u stóp widzów zbudowano kulę ziemską, którą symbolizowała półkula z napisem „ziemia”. Za nią piętrzyły się drabiny, pomosty i platformy. Raj zbudowano w głębi, zaś piekło ukazywało się w otchłani powstającej w rezultacie obrotu ziemi. Scenę podzielono na trzy piętra¹⁰. Nie przedstawia więc ona snu, lecz pełną umowności projekcję minionego świata (nieco przypominającego senny koszmar, charakterystyczny dla drugiego etapu wariant kreacji) i stworzoną obok niej wizję świata przyszłości – uporządkowanego za pomocą doskonałych euklidesowych form. Wydaje się, że wystawienie właśnie *Misterium-buffo* rozpoczyna inny, choć niezwykle krótki, związany z koncepcjami drugiego etapu Reformy, rozdział w historii nowoczesnego dramatu i teatru w Rosji¹¹.

Tekst ten jest więc świadectwem nowej idei teatralnej, inspiracją dla przemiany oblicza sceny i jednocześnie sam z owych przemian obficie czerpie¹². Przyjrzyjmy się jednak innym jego aspektom, tak wyraźnie widocznym właśnie w konstrukcji przestrzeni dramatu, opartej na schemacie doskonalenia/dążenia/drogi do szczęścia (w planie scenicznym horyzontalnej odysei wykorzystującej biblijne asocjacje). Przejście bohaterów od piekła do krainy rzeczy jest wszak egzemplifikacją drogi, specyficznej bo w sensie

⁸ Wykorzystywany przez Meyerholda czy Reinhardta. Znany również jako koncepcja **Tarrasierung des tairrens**.

⁹ Meyerhold reżyserował *Misterium-buffo* dwukrotnie w 1918 i 1921 roku.

¹⁰ RUDNICKIJ, Konrad: *Mejerhol'd*. Moskwa: Iskusstvo, 1981, s. 230–260.

¹¹ Ibidem.

¹² Rosja należała do centrów Wielkiej Reformy. Niestety, nie dane jej było długo cieszyć się wolnością w dziedzinie teatru. Doświadczył tego sam Meyerhold, rozstrzelany w 1940.

ideowym odzwierciedlającej nie tylko obecny w wielu innych tekstach motyw wędrówki (choćby tej Odyseusza) ale przede wszystkim nieustającego poszukiwania szczęścia – drogi do utraconego, wyśnionego i zaprojektowanego raju, Arkadii, w której drzemie byt idealny, szczęście i ucieleśnienie marzeń. W planie uniwersalnym jest więc to tekst o różnych obliczach szczęścia, o jego poszukiwaniu i różnych etapach tej wędrówki. Klisze kulturowe, jakie spotykamy w dramacie (pary czyste i nieczyste – niczym panny roztropne i głupie) stanowią swoistą i charakterystyczną dla pisarza futurysty grę z tradycją, którą odrzuca, ale i która go fascynuje. Obraz mijanego piekła, nie tak straszno, jakim być powinno (utrwalonego w literackich pierwowzorach, chociażby w *Boskiej komedii*, najśłynniejszego piekła Dantego, w którym jednak bohaterowie znajdują się za karę, na skutek popełnionych grzechów, zaś postacie Majakowskiego w straszonym ziemskim piekle znalazły się bez szczególnej winy), bo przecież uczestnicy wędrówki zaznali gorszych cierpień, wiedzie nieuchronnie do banalnych, ale w swej banalności uniwersalnych i prawdziwych twierdzeń. Oto tylko człowiek – nie kreowane przezeń wyobrażenie i byt fantastyczny są w stanie uczynić życie innych straszonym, tylko człowiek jest w stanie stworzyć machinę cierpień i piekielne męki. Bo przecież to, o czym mówią bohaterowie, twierdząc, że tradycyjne piekło nie jest straszne, a prawdziwe istnieje tam na ziemi, to w gruncie rzeczy przyznanie, że ich cierpienia były dziełem innego człowieka, który stworzył taki, a nie inny system, że w realnym świecie ich uczucia, godność, dobrostan nikogo nie obchodziły a inny człowiek czerpał z ich pracy korzyści i narażał ich na ból, poniżenie i mękę, że inny człowiek odarł ich z godności i pozbawił prawa do szczęścia. Żadne z kreowanych obrazów wymyślonego piekła, tego utrwalonego w przekazach literackich, malarskich czy tradycji ustnej są w stanie oddać realnego cierpienia, a wyimaginowane obrazy tortur są niczym w porównaniu z prawdziwym życiem na ziemi. I oczywiście, można to odnieść do konkretnej rzeczywistości społeczno-politycznej, do ustroju, który niszczy jednostkę. Ale można też potraktować ten obraz jako swoistą parabolę. Wejrzenie w duszę człowieka, który cierpi bo inny człowiek tak zdecydował. Bez politycznych i społecznych konotacji. Cierpieniem, piekłem życia staje się więc decyzja innego człowieka, jego przekonanie o tym, że jest lepszy, może więcej, dysponuje narzędziami i możliwościami, które mu na takie zachowanie pozwalają. I wykorzystuje swoją pozycję i jednocześnie słabość jednostki, która nie potrafi się bronić i skazana jest na jego łaskę. W takim rozumieniu życie człowieka staje się wypadkową pychy i poniżenia, dwóch skrajnych stanów jednostki, wynikających z przekonania o tym, że jest się lepszym od innych i ma się więcej praw, stoi się ponad innymi, korzysta się z ich

pracy, potu i łez. W rezultacie więc można zaryzykować twierdzenie, że obraz piekła jest właśnie odzwierciedleniem braku poszanowania drugiego człowieka i przekonania, że z jakiś powodów jest się od niego lepszym. To jedna strona tekstu Majakowskiego. Piekło jest bowiem początkiem wędrówki. Miejscem, od którego chcemy uciec, korzystając w aspekcie formalnym z typowych dla teatru ekspresjonizmu chwytów. Zaczyna się bowiem ruch ku górze – wariant tak często wykorzystywanych schodów, bez których, jak zauważali twórcy teatralni drugiego etapu Reformy, nie może się obejść żaden szanujący się teatr¹³. Schody owe są metaforą-symbolem drogi doskonalenia, horyzontalną peregrynacją w przestrzeni. I tak też dzieje się w dramacie Majakowskiego. Pary nieczystych kontynuują wędrówkę ku górze. Mijają czyściec (stosunkowo najślabiej opisany – bo też niemieszczący się w prawosławnym kanonie wyobrażeń zaświatów) i trafiają do nieba. Które nie spełnia ich oczekiwań. I oczywiście, znów można wyjaśnić to względami politycznymi i społecznymi. Ale jest przecież inna, bardziej uniwersalna możliwość interpretacji. Niebo to stagnacja i bierność. Poddanie się wyrokowi losu, dostosowanie do obowiązujących reguł i schematów. I wreszcie skutek decyzji innego bytu, któremu jednostka winna się podporządkować. Dlatego owym wyczekiwany rajem, krainą szczęśliwości staje się dla bohaterów kraina rzeczy, gdzie narzędzia radośnie wybiegają na ich spotkanie i wpadają do ich rąk. Ten nieco naiwny i płaski obraz może być w istocie najbardziej nośny ideowo. Jest on bowiem obrazem deistycznej mocy człowieka, odzwierciedleniem jego demiurgicznej mocy i egzemplifikacją Nietzscheańskiego dionizyjskiego pierwiastka, wcieleniem woli mocy i realizacją boskiego przykazania – idźcie i czyńcie sobie ziemię poddaną. Z pomocą narzędzi boski budowniczy tu **człowiek-Demiurg** tworzyć będzie świat dla siebie – obraz swojej mocy, wyobraźni i woli. Tak kreowany bohater jest więc najpiękniejszym obrazem człowieka, który chce i może budować swój świat, nie oglądając się ani na tradycję, ani też licząc się z wyższą istotą. Człowiek staje się równy stwórcy – i jest stwórcą, jemu podlegać będzie świat, który kształtować może wedle własnych wyobrażeń. Staje się człowiekiem, który, jak mówił bohater *Na dnie*, może stworzyć boga i go unicestwić. Według Nietzschego:

«Podstawowa czy „zdrowa” tendencja życia nie polega przede wszystkim na zwiększaniu swojej władzy – istota żywa chce zwiększać swoją moc, tzn. rozwijać moc Jaźni, którą jest, i w konsekwencji przekroczyć

¹³ JESSNER, Leopold: *Schody sceną*. In: Ekspresjonizm w teatrze niemieckim. DUDZIK, Wojciech, LEYKO, Małgorzata (red.). Gdańsk: Słowo/obraz/terytoria, 2009, s. 167, 169.

samą siebie. Wzrost wpływu i władzy w świecie może zwiększać radość i dawać pewne poczucie mocy, ale nie jest jeszcze równoznaczny z prawdziwą radością wypływającą z przekraczania siebie. Nie chodzi w nim o przemianę sytuacji zewnętrznej człowieka, jak w przypadku posiadania czy panowania technicznego, ale o przemianę wewnętrzną: Jaźń rośnie, uczestniczy w czymś większym od siebie. Człowiek zdaje się zasadniczo dążyć do przywłaszczenia sobie świata lub zjednoczenia się z nim [...]»¹⁴

Bohater Majakowskiego w ostatnich scenach ma więc wolę mocy i moc tworzenia, wszystkie cechy o których wspominał Nietzsche. Odzyskuje status demiurga, którym chce i może być. I dzięki temu staje się odpowiedzialny za swój los, swoje życie i świat wokół. Bo nie ma ponad nim nikogo i niczego. Człowiek staje się podmiotem kreującym, istota myślącą i posiadająca moc tworzenia. Jest Człowiekiem, przez duże C.

Przedstawione tu uwagi nie są oczywiście aksjomatem. Są jedynie próbą innego spojrzenia na dramat znany. Odnalezienie w nim wartości uniwersalnych: dążenia do szczęścia, świadomości, odpowiedzialności, mocy kreacji jaką może mieć człowiek, biblijnego czynienia sobie ziemi poddaną, to jeden z wariantów interpretacji tekstu, osadzający go zarówno w szeroko pojętej tradycji kulturowej, jak i w filozoficznym przekonaniu o wartości jednostki, mocy człowieka, który może i powinien stać się demiurgiem, w platońskim rozumieniu rzemieślnika twórcy świata materialnego. Ale też odpowiedzialnego za swój los. Kierującego własnym życiem. Człowieka wolnego i szczęśliwego.

Bibliografia – References:

- BALCERZAN, Edward: Włodzimierz Majakowski. Warszawa: Czytelnik, 1984.
- BRAUN, Kazimierz: *Wielka Reforma Teatru. Ludzie-Idee-Zdarzenia*. Wrocław-Warszawa-Kraków: Ossolineum 1984.
- CZACHOR, Rafał: *Włodzimierz Majakowski a socjalizm*. Rocznik Instytutu Polsko-Rosyjskiego. 2012, nr 1 (2), s. 46–74.
- ECO, Umberto: *Dzieło otwarte. Forma i nieokreśloność w poetykach współczesnych*. Warszawa: W.A.B., 2008.
- Ekspresjonizm w teatrze niemieckim*. DUDZIK, Wojciech, LEYKO, Małgorzata (red.). Gdańsk: Słowo/obraz/terytoria, 2009.

¹⁴ LAJUS, Emanuel: *Moc twórczej jaźni w filozofii Nietschego*. Ruch filozoficzny. [online]. 2021, T. 77, nr 3, s. 142. [cit. 2024-03-27]. <https://apcz.umk.pl/Rf/article/view/36647/30923>.

- JANGFELDT, Bengt: *Stawka było życie*. Przeł. Łygaś, Wojciech, Warszawa: W.A.B, 2010.
- JESSNER, Leopold: *Schody scenę*. In: Ekspresjonizm w teatrze niemieckim. DUDZIK, Wojciech, LEYKO, Małgorzata (red.). Gdańsk: Słowo/obraz/terytoria, 2009
- LAJUS, Emanuel: *Moc twórczej jaźni w filozofii Nietschego*. Ruch filozoficzny. [online]. 2021, T. 77, nr 3, s. 141–158, [cit. 2024-03-27]. <https://apcz.umk.pl/RF/article/view/36647/3092>.
- Literatura i historia. Interpretacje*. BUJNICKI, Tadeusz, OPAKCI, Ireneusz (red.). Warszawa–Katowice–Kraków: Państwowe Wydawnictwa Naukowe, Wydawnictwo UŚ, 1982.
- Literatura wobec historii*. LYSZCZYNA, Jacek (red.). Katowice: Wydawnictwo UŚ, 2005.
- Włodzimierz Majakowski i jego czasy*. OLBRYCH, Wiesława, SZOKALSKI, Jerzy (red.). Warszawa: Instytut Sławistyki PAN, 1995.
- STYAN, John Luis: *Współczesny dramat w teorii i scenicznej praktyce*. Wrocław–Warszawa–Kraków: Ossolineum, 1995.
- RUDNICKIJ, Konrad: *Mejerhol'd*. Moskwa: Iskusstvo, 1981.

Jadwiga Gracla

doktor/adiunkt/ dr, Associate profesor, Department of Russian Studies, Faculty of Applied Linguistics. University of Warsaw, ul. Dobra 55, 00-312 Warszawa, Poland

j.gracla@uw.edu.pl

ORCID 0000-0002-8142-2867

**Нелитературный юбилей литературного персонажа
(Стержневая оппозиция «демократия – империя»
в системах ценностей «Белой гвардии» /
«Дней Турбиных» М. Булгакова и «Воспоминаний»
П. Скоропадского)**

Владимир Янович Звизняцковский

Абстракт

В год 100-летия романа Михаила Булгакова «Белая гвардия» одному из его персонажей — Павлу Скоропадскому, реальному историческому лицу, сатирически изображённому в романе под его собственным именем, — исполнилось 150 лет. Юбилей последнего украинского гетмана прошёл незамеченным даже в Украине: литературная компрометация исторического лица успешно состоялась. Пришла пора дать слово ему самому, т. е. сопоставить его собственные «Воспоминания» (1919) с его образом в романе Булгакова. Сопоставив не столько упомянутые в этих текстах факты (это дело историков), а хотя бы лишь артикулированные в них ценности, мы легко увидим, что Скоропадский отстаивает как высшую ценность политическую демократию, а Булгаков — вынесенную из детства ценность молодой Российской империи: «Россию молодую» Александра Пушкина во главе с мифическим «Саардамским плотником» Петра Фурмана.

Ключевые слова: литературная компрометация исторического лица; имперский дух в русской литературе; Пётр Фурман; Михаил Булгаков; Павел Скоропадский

**The Non-Literary Jubilee of a Literary Character
(The Fundamental Opposition “Democracy vs. Empire” in the Value
Systems of Mikhail Bulgakov’s *White Guard* / *Days of the Turbins* and
Pavel Skoropadsky’s *Memoirs*)**

Abstract

The hundredth anniversary of Mikhail Bulgakov’s novel *The White Guard* coincided with 150th anniversary of the birth of Pavel Skoropadsky. This real historical figure is depicted satirically in the novel under his actual name. The jubilee of the last Ukrainian Hetman passed unnoticed even in Ukraine. The

literary blackening of this historical figure was a total success. The time is ripe to allow the man to speak for himself; that is, to contrast his own *Memoirs* (1919) with his image in Bulgakov's novel. By comparing not so much the facts mentioned in these texts (that is a matter of for historians), but rather simply the values articulated in them, we can easily see that Skoropadsky defends political democracy as paramount, whereas Bulgakov's values are those deriving from his childhood of a "youthful Russia", Alexander Pushkin's values of "Young Russia", headed by Peter Furman's mythical *Saardam Carpenter*.

Key words: literary blackening of a historical figure; the imperial spirit in Russian literature; Pyotr Furman; Mikhail Bulgakov; Pavel Skoropadsky

Среди юбилеев 2023 года — 100-летие романа М. Булгакова «Белая гвардия» и 150-летие последнего гетмана Украины (1918) П. Скоропадского. Эти даты, почти незамеченные в мире и даже в Украине (удивительнее всего, что в год жертвенной, справедливой войны практически никто не вспомнил нашего главного военно-политического лидера, несмотря на явный повод его 150-летия), побуждают вернуться к сатирическому образу гетмана в романе Булгакова и поставить вопрос об «имперском яде», медленно, невидимо и неуклонно все эти 100 лет действующем на читателя «Белой гвардии» и зрителя «Дней Турбиных» (любимого МХАТовского спектакля И. Сталина).

В начале две цитаты.

«— Всё это, конечно, очень мило и над всем царствует гетман. Но, ей Богу, я до сих пор не знаю, да и знать не буду, по всей вероятности, до конца жизни, что собой представляет этот невиданный властитель с наименованием, свойственным более веку XVII, нежели XX.

— Да кто он такой, Алексей Васильевич?

— Кавалергард, генерал, сам крупный богатый помещик и зовут его Павлом Петровичем...»¹

«Меня удивило, что существовали только одни социалистические украинские партии. [...] Я же в течение 10 месяцев, постоянно имея

¹ BULGAKOV, Michail: *Izbrannyye proizvedeniya: V 2 t.* Т. 1. Kijev: Dnipro, 1989, s. 71–72. Далее ссылки на это издание даны в тексте, с указанием тома и страниц в круглых скобках и с восстановлением цензурных пропусков в угловых скобках по бесцензурному прижизненному изданию: BULGAKOV, Michail: *Dni Turbinych (Belaja gvardija).* Т. 1. Pariž: Concorde, 1927; Т. 2. Pariž: Concorde, 1929.

общение с отдельными деятелями этих партий, убедился уже, насколько, при всей их искренности и желании что-то создать, они интеллектуально бессильны вывести страну на созидательный путь. [...] Все эти мысли привели меня к сознанию, что необходимо создать демократическую партию, это обязательно (украинец в душе демократ), но совсем не социалистическую. [...] Мы сначала должны демократизировать страну, воспитать людей, развить в них сознание долга, привить им честность, расширить их культурный горизонт, и тогда только лишь можно разговаривать о дальнейшем этапе социальной эволюции»².

29 апреля 1918 г. Съезд хлеборобов — представителей крестьянства из разных уголков Украины — единогласно избрал Павла Петровича Скоропадского гетманом. Он и его сторонники понимали фигуру гетмана вовсе не как какого-то «невиданного правителя» с неопределёнными и ничем не ограниченными полномочиями. В настоящий момент гетмана определяли как временного диктатора для наведения порядка, а в будущем предполагали в нём президента демократической республики.

Конечно, для будущего важны были нерешённые в настоящем вопросы об избирательном праве и об отношениях с Россией. Но какой был смысл поднимать эти вопросы в восемнадцатом году, когда не был установлен контроль Киева над всей территорией Украины и не было ясно, когда и каким будет более или менее устойчивый и договороспособный политический режим в России?

Во всяком случае, Скоропадский не собирался, подобно Винниченко, договариваться с большевиками. Кстати, в «Белой гвардии» как раз и зафиксировано то смутное общественное настроение, что ещё в 1918 году, т. е. до воцарения Директории, связывало этого будущего её члена и соратника Петлюры с мотивом неизбежного предательства:

«Затем появился писатель Винниченко, прославивший себя двумя вещами — своими романами и тем, что лишь только колдовская волна ещё в начале восемнадцатого года выдернула его на поверхность отчаянного украинского моря, его в сатирических журналах города Санкт-Петербурга, не медля ни секунды, назвали изменником» (1, 88).

² SKOROPADSKIJ, Pavel. *Vospominanija*. Char'kov: Folio, 2020, s. 138.

Видимо, «в сатирических журналах города Санкт-Петербурга» понимали, что и у русской, и у украинской демократии общий и главный враг — большевики.

Что же касается Скоропадского, он чуть не с первых дней своего правления начал переговоры с такими же, как он, генералами русской армии, формировавшими армию на Дону для похода на большевистскую Москву. Павел Петрович нисколько и не скрывал, что с самого начала такого похода гетманская Украина решительно присоединилась бы к нему. Для этого ей понадобилась бы сильная армия. «Так за чем дело стало?» — спрашивали офицеры — вернувшиеся с фронта коренные киевляне или же бежавшие с севера от большевиков. Они готовы были хоть сейчас идти на Москву, а вместе с ними рвалась в бой вся ненавидевшая большевиков украинская молодёжь. Совокупное мнение их всех — но, увы, не в апреле, а в декабре — выражает в «Белой гвардии» Алексей Турбин, обвиняя гетмана (как мы увидим далее, совершенно незаслуженно) в злонамеренном бездействии:

«— Да ведь если бы с апреля месяца он [вместо того, чтобы ломать эту гнусную комедию с украинизацией.] начал бы формирование офицерских корпусов, мы бы взяли теперь Москву. Поймите, что здесь, в Городе, он набрал бы пятидесяти тысячную армию, и какую армию! Отборную, лучшую, потому что все юнкера, все студенты, гимназисты, офицеры, а их тысячи в Городе, все пошли бы с дорожкой душой. Не только Петлюры бы духу не было в Малороссии, но мы бы Троцкого прихлопнули бы в Москве, как муху. Самый момент: ведь там, говорят, кошек жрут. Он бы, сукин сын, Россию спас». (1, 57)

Восстановив цензурную купюру, мы видим наконец, в чём камень преткновения и чуть ли не единственная реальная причина ненависти доктора Турбина к гетману Скоропадскому. Она в одной лишь украинизации. Для Алексея Васильевича украинизация всего лишь комедия, а для Павла Петровича отнюдь нет. Он уже и после того, как дело его было проиграно, писал так: «Великороссы говорят: «Никакой Украины не будет», а я говорю: «Что бы то ни было Украина в той или другой форме будет». (155)

Для Скоропадского главное и несомненное: Украине быть, народ-демократ заслуживает иметь свою независимую демократическую республику. Ну и, конечно, развивать свой язык, который он и без того уже имеет. Не беда, что украинскому врачу Курицкому (впрочем,

как и украинскому врачу Булгакову) не довелось на медицинском факультете университета св. Владимира изучать разделы профильной биологии (включая зоологию) на украинском языке, да хорошо бы ещё в современной нам графике. Они б тогда, эти врачи, не заморачивались с такими словами, как *kit* и *кит*. Это дело легко поправимое, было бы желание, а его-то как не было, так и нет:

«— Я позавчера спрашиваю этого каналью, доктора Курицького, он, извольте ли видеть, разучился говорить по-русски с ноября прошлого года. Был Курицкий, а стал Курицький... Так вот спрашиваю: как по-украински «кот»? Он отвечает: «Кит». Спрашиваю: «А как кит?» А он остановился, вытаращил глаза и молчит. И теперь не кланяется». (1, 57)

Скоропадский всё это и сам слышал не раз. «Главное, что они ненавидели, — пишет он в своих «Воспоминаниях» о таких как Турбин, — это язык, хотя язык частному человеку приходилось, если он его избегал, слышать лишь в официальных канцеляриях и читать на нём лишь «Державный Вестник». (154)

Вот какой простой совет мог бы спасти интеллигентную Украину, интеллигентную Россию — совет в духе позднейшего совета героя повести «Собачье сердце» профессора Преображенского не читать советских газет. Впрочем, запоздалый совет профессора Преображенского вряд ли помог спасти самого его и его близких от последовавшей сталинской расправы. В то время как своевременный совет «частному человеку» гетмана Скоропадского — без крайней необходимости не читать «Державный Вестник» — этому «частному человеку» был бы весьма и весьма полезен. «Он бы, сукин сын, Россию спас».

Но что ему эта Гекуба-Россия? Чем заполнено это немислимое пространство, что там есть такого ценного, что именно оно должно удержать и что без него никак не удержится, ибо, рассуждая логически, на «вечные ценности» никак не тянет?

Покорение нынешних постсоветских стариков — бывших советских пионеров — ещё помнит, по официальной песне своего детства, с чего начинается Родина: с картинки в твоём букваре. Ну или в любой другой детской книжке. «Вечные» ценности закладываются в детстве.

Текст «Белой гвардии» разбит на части, части на нумерованные главки, главки на ненумерованные подглавки, отделённые двойным абзацным пробелом. Так вот, в начале 2-й ненумерованной подглавки,

т. е. уже на 2-й странице романа (после того, как рассказано о смерти матери Турбиных), читаем:

«Много лет до смерти, в доме № 13 по Алексеевскому спуску, изразцовая печка в гостиной грела и растила Еленку маленькую, Алексея старшего и совсем крошечного Николку. Как часто читался у пышущей жаром изразцовой площади «Саардамский плотник» [...]» (1, 27).

Первому комментатору романа Лидии Яновской принадлежит честь разгадки этого загадочного Саардамского плотника, который, как указано в другом месте романа, совершенно бессмертен. Оказалось, что речь идёт именно о детской книжке с картинками, созданной в 1849 году журналистом и художником П. Р. Фурманом, поднаторевшим в этом жанре и за свои идеи и слог решительно высмеянный такими его современниками, как В. Г. Белинский³ и М. Е. Салтыков-Щедрин.⁴ Пика же своей журналистской карьеры Фурман достиг в 1855–1856 годах, став главным редактором «Ведомостей Санкт-Петербургской городской полиции».

Книжка «Саардамский плотник» повествует «о легендарной юности Петра I, той поре, когда Пётр работал корабельным плотником на верфи в голландском городе Зандаме (Саардаме)». Она «выдержала несчётное количество переизданий» (1, 748), т. е. на ней, на просторах Российской империи, выросло не одно поколение детей. Михаил Булгаков (Алексей Турбин) принадлежал к последнему из них, но именно он принял эстафету и дальше понёс факел имперского огня, зажжённый прямо от домашнего очага.

Итак, вот она Россия правильных ценностей Фурмана, Пушкина и Булгакова — «Россия молодая», что

*«В бореньях силы напрягая,
Мужала с гением Петра».*

И всё, что «гению» вставало поперёк пути, безжалостно уничтожалось. И важнейшими препятствиями для «гения» в его стремлении создать крупнейшую в мире империю, как это правильно показано в пушкинской

³ BELINSKIJ, Vissarion: *Polnoje sobranije sočinenij: V 13 t.* Т. 8. Moskva: Izdatel'stvo AN SSSR, 1955, s. 120.

⁴ SALTUKOV-ŠČEDRIN, Michail: *Polnoje sobranije sočinenij: V 20 t.* Т. 1. Moskva: Chudožestvennaja literatura, 1965, s. 337–338.

«Полтаве», явились Украина и её гетман Мазепа, которого, кстати говоря, Пётр заменил лояльным себе Скоропадским — предком нашего Павла Петровича. Который, по этой логике, будет вполне хорош, и всё ему простится (даже украинизация!), ежели он во всём будет пращуром подобен и тоже положит Украину к ногам царя.

Об этом в романе Булгакова иступлённо кликушествует Шервинский, выдающий себя за особу, приближённую к гетману, чуть ли не его официального спикера. И вот как этот «спикер» комментирует важнейшее дипломатическое достижение гетмана (точнее, оно было бы важным, если бы через два месяца Германия не капитулировала в Компьене).

Но сначала напомним суть самой дипломатической победы.

В начале сентября, во время своего официального визита в Германию, Скоропадский наконец добился от Вильгельма II согласия на создание дееспособной украинской армии (без такового согласия это было бы невозможно невзирая на благие намерения Турбиных и им подобных, ведь всё правление гетмана Украина фактически была оккупирована германской армией). Планировалось сформировать восемь армейских корпусов, и тут же был объявлен мобилизационный набор новобранцев, который, впрочем, так и не удалось осуществить.

И что самое главное: согласие императора Германии давало возможность из остатков той самой русской армии, которая ещё несколько месяцев тому назад храбро сражалась с немцами, создать ударный кулак и обрушить его на Совдепию.

Этот успех гетманской дипломатии и породил в Киеве ту самую легенду, которую так лихо в романе Булгакова пересказывает Шервинский. Симпатичный (в отличие от другого, несимпатичного представителя гетманской власти — Тальберга), но склонный к распространению «несколько преувеличенных» слухов персонаж в дружеской компании в гостеприимном доме Турбиных сообщает следующее:

«— Я должен сказать в защиту гетмана. Правда, ошибки были допущены, но план у гетмана был правильный. О, он дипломат. Край украинский, здесь есть элементы, которые хотят балакать на этой мове своей, — пусть!

— Пять процентов, а девяносто пять — русских!..

— Верно. Но они сыграли бы роль э... э... вечного бродила, как говорит князь <Белоруков>. Вот и нужно было их утихомирить. Впоследствии же гетман сделал бы именно так, как ты говоришь:

русская армия, и никаких гвоздей. [...] План же был таков, — звучно и торжественно выговорил Шервинский, — когда война кончилась бы, немцы оправились бы и оказали бы помощь в борьбе с большевиками. Когда же Москва была бы занята, гетман торжественно положил бы Украину к стопам его императорского величества государя императора Николая Александровича.

После этого сообщения в столовой наступило гробовое молчание. Николка горестно побелел.

— Император убит, — прошептал он.

— Какого Николая Александровича? — спросил ошеломлённый Турбин, а Мышлаевский, качнувшись, искоса глянул в стакан к соседу. Ясно: крепился, крепился и вот напился, как зонтик.

Елена, положившая голову на ладони, в ужасе посмотрела на улана.

Но Шервинский не был особенно пьян, он поднял руку и сказал мощно:

— Не спешите, а слушайте. Н-но, прошу господ офицеров (Николка покраснел и побледнел) молчать пока о том, что я сообщу. Ну-с, вам известно, что произошло во дворце императора Вильгельма, когда ему представлялась свита гетмана?

— Никакого понятия не имеем, — с интересом сообщил Карась.

— Ну-с, а мне известно.

— Тью! Ему всё известно, — удивился Мышлаевский. — Ты ж не ездил...

— Господа! Дайте же ему сказать.

— После того, как император Вильгельм милостиво поговорил со свитой, он сказал: «Теперь я с вами прощаюсь, господа, а о дальнейшем с вами будет говорить»... Портьера раздвинулась, и в зал вошёл наш государь. Он сказал: «Поезжайте, господа офицеры, на Украину и формируйте ваши части. Когда же настанет момент, я лично стану во главе армии и поведу её в сердце России — в Москву», — и прослезился». (1, 58–59)

А как иначе простые киевляне могли объяснить этот феномен: вот не давали немцы гетману формировать «белую гвардию», но стоило ему навестить императора Вильгельма, так сразу и дали. Не рядовой видать был разговор...

Так полагали киевские обыватели, не весьма сведущие в дипломатии. Разговор же, как это часто бывает на предварительно хорошо

подготовленных саммитов, был самый рядовой. Поболтали немного по-французски один на один и видимо понравились друг другу.

«Разговор, о котором потом много говорили в газетах впоследствии, — вспоминал гетман, — совершенно не касался настоящей политики. Я был предупреждён, что с императором не стоит говорить о делах, так как в данное время это никакого значения не будет иметь» (196).

Но в чём киевляне не ошиблись, так это в том, что «разговор с императором, — как опять же вспоминал гетман, — вертелся, главным образом, об императоре Николае II». Вертелся, однако, в смысле совершенно противоположном «легенде Шервинского»:

«Я вынес впечатление, — писал Павел Петрович, — что он <Вильгельм> положительно не имел сведений о том, где находится царь и его семья. Меня это очень удивило, так как я был убеждён, что именно здесь я могу узнать о судьбе государя, так волновавшей многих в Киеве» (197).

Короче говоря, никакого не «прослезился», а призрак мировой коммунистической революции, который через пару месяцев сметёт и самого Вильгельма, — вот что вынудило его к военному союзу с антибольшевистской Украиной.

И — опоздали, как потом будут опаздывать ещё не раз и не два западные лидеры, с упорством, достойным лучшего применения, повторяя одну и ту же ошибку — недооценку кремлёвского монстра, который как птица-феникс воскресает вновь и вновь: и впрямь бессмертный Саардамский плотник, лишь меняющий обличья. А великие русские поэты ещё и подзуживают его, повторяя как заклинанье:

*«Семейным сходством будь же горд,
Во всём будь пращуру подобен».*

И, как и «пращур», всем его имперским потомкам поперёк пути становится Украина.

И вот когда мы говорим о врагах Украины в Москве 20-х годов XX века, то должны иметь в виду не только Сталина, который заранее спланировал будущие, как он полагал, смертельные удары и для

которого спланированная «украинизация» 20-х была лишь увертюрой к трагедиям Расстрелянного Возрождения и Голодомора 30-х. Более того, ещё и в середине 20-х этот главный враг народов бывшей и будущей империи, её реставратор, не мог не только открыто выступить, но и открыто набирать себе сторонников среди однопартийцев, большинство которых ещё искренне верило в коммунистический интернационализм и в «естественный» демократизм «пролетарской» партии.

Нежданного союзника Сталин себе нашёл среди тех, кого его окружение презрительно называло «недобитыми белогвардейцами». Из своего театра — а придворным сталинским театром были не левые авангардистские театры Мейерхольда или Таирова, а правый МХАТ — итак, из своего театра Сталин получил рукопись драмы «Дни Турбиных» бывшего киевлянина, а тогда уже москвича Михаила Булгакова.

Персонажи пьесы как раз и являются «недобитыми белогвардейцами», к которым автор относится с нескрываемой симпатией. Достаточно сказать, что, в отличие от романа, главный герой Алексей Турбин уже не врач, а «белогвардейский» полковник — честный офицер, чувствующий себя ответственным за судьбы не только своей страны, но раньше и прежде всего — за судьбы своих подчинённых, которых не желает обречь на бессмысленную гибель. Такими и впрямь были некоторые полковники и генералы первой мировой, в том числе Павел Петрович Скоропадский. Но он-то как раз в пьесе представлен ещё более карикатурно, чем в романе.

Интересно, что решительным противником булгаковской пьесы выступил — с интернационалистических, демократических, а значит в данном случае с проукраинских позиций — выступил Владимир Маяковский. За три дня до уже назначенной премьеры, 2 октября 1926 года, во МХАТе состоялись острые публичные дебаты, на которых Маяковский прямо заявил, что в день премьеры он приведёт в театр 200 своих единомышленников и сорвёт спектакль: «200 человек будут свистеть, а сорвём, и скандала, и милиции, и протоколов не побоимся. (*Аплодисменты.*)» И к сему прибавил, что «Белая гвардия» во МХАТе (он сказал именно «Белая гвардия», а не «Дни Турбиных»), в сущности, есть логичное завершение развития «реалистического» театра:

«Возьмите пресловутую книгу Станиславского «Моя жизнь в искусстве» [...], — это та же самая «Белая гвардия». [...] А дальше мы не дадим. (Голос с места: «Запретить?».) Нет, не запретить. Чего вы добьётесь запрещением? Что эта литература будет разноситься

по углам и читаться с таким удовольствием, как я 200 раз читал в переписанном виде стихотворения Есенина. (Голос с места: «Это для любителя».) Это для человека, который интересуется. Если на всех составлять протоколы, на тех, кто свистит, то введите протоколы и на тех, кто аплодирует».⁵

Но, вопреки заявлению Маяковского, премьера состоялась. Очевидно, компетентные органы довели до сведения поэта-хулигана, кем она санкционирована и кого на ней ждут. И это уже не впервые поэт видел предательство революционных идеалов со стороны именно тех, кто по долгу службы их был должен охранять. И также не в первый, а главное не в последний раз он ощутил своё бессилие против предательства (в последний раз, через три с чем-то года, это закончилось его самоубийством).

А все-таки в 1926 году он еще мог что-то сделать — и сделал: написал и опубликовал (31 октября в газете «Известия») стихотворение в защиту Украины от всех господ, обожавших смеяться над «котами и китами». И вот теперь, когда нам известен повод написания «Долга Украине», оценим следующую строфу:

*«А если прижмут —
зардеется розой
и выдвинет
аргумент новый:
возьмет и расскажет
пару курьезов —
анекдотов
украинской мовы.
Говорю себе:
товарищ москаль,
на Украину
шуток не скаль»⁶.*

А Сталин не только дал премьере «Дней Турбиных» зелёный свет и сам был на ней, но и потом каждый свой свободный вечер (общим счётом более двадцати раз) отдыхал душой на «Днях Турбиных». Ему,

⁵ МАЈАКОВСКИЈ, Vladimir: *Vystuplenije na dispute «Teatral'naja politika Sovetskoj vlasti» 2 oktjabrja 1926 g.* In: *Literaturnoje nasledstvo*. T. 65. Moskva: Izdatel'stvo AN SSSR, 1958, s. 37–42.

⁶ МАЈАКОВСКИЈ, Vladimir: *Polnoje sobranije sočinenij: V 13 t.* T. 7. Moskva: Gosudarstvennoje izdatel'tvo chudožestvennoj literatury, 1957, s. 230.

реставратору империи, нужны были именно такие люди, как полковник Турбин — новый идеал «недобитого белогвардейца» Булгакова, истинный «военспец», верный слуга старой империи, который (как это точно почувствовал Сталин) так же верно будет служить любому, кто реставрирует это любимое детище Саардамского плотника.

Так начиналась новая серия этого кажущегося бесконечным сериала «Во всём будь пращурю подобен»: начиналась очередная литературная утопия и — одновременно — очередная трагедия на тему «Поэт и царь». Впрочем, это уже совсем другая история...

Список использованных источников — References:

- BELINSKIJ, Vissarion: *Polnoje sobranije sočinenij: V 13 t.* T. 8. Moskva: Izdatel'stvo AN SSSR, 1955.
- BULGAKOV, Michail. *Dni Turbinych (Belaja gvardija)*. Pariž: Concorde, 1927–1929.
- BULGAKOV, Michail. *Izbrannyje proizvedenija: V 2 t.* Kijev: Dnipro, 1989.
- MAJAKOVSKIJ, Vladimir: *Polnoje sobranije sočinenij: V 13 t.* T. 7. Moskva: Gosudarstvennoje izdatel'tvo chudožestvennoj literatury, 1957.
- MAJAKOVSKIJ, Vladimir. *Vystupenije na dispute «Teatral'naja politika Sovetskoj vlasti» 2 oktjabrja 1926 g.* In: *Literaturnoje nasledstvo*. T. 65. Moskva: Izdatel'stvo AN SSSR, 1958, s. 37–42.
- SALTYKOV-ŠČEDRIN, Michail. *Polnoje sobranije sočinenij: V 20 t.* T. 1. Moskva: Chudožestvennaja literatura, 1965.
- SKOROPADSKIJ, Pavel. *Vospominanija*. Char'kov: Folio, 2020.

Vladimír Zvyniatskovský

Professor, Department of Slavonic Studies, Faculty of Arts, Masaryk University
Brno, Arna Nováka 1, 602 00 Brno, Czech Republic

248157@muni.cz

ORCID 0000-0002-5242-2614

***Lékař umírajícího času* Vladimíra Körnera**

František Všetíčka

Abstrakt

Körnerův román *Lékař umírajícího času*, jednající o doktoru Janu Jesseniovi, je z hlediska kompozičního důmyslně vystavěn. Prozaik při jeho výstavbě použil úvahové složky, onirické scény, anticipace, prospekce, různé formy času (individuálního, sakrálního, synchronního) a několik druhů typických postav (synchronní postavy, konkluzivní). Körnerovo postavení v českém prozaickém kontextu.

Klíčová slova: Körner; Jessenius; kompozice; čas; postava

***Doctor of Dying Time* by Vladimír Körner**

Abstract

Körner's novel *Lékař umírajícího času* about doctor Jan Jessenius represents author's most extensive prosaic work, therefore its composition is so sophisticated. The prosaist applied reflection, dreamlike scenes, anticipation, prospective, different times (individual, sacral, synchronous) and various types of characters (synchronous, conclusive). Körner's connection with Czech prosaic context.

Key words: Körner; Jessenius; composition; time; character

Už v době romantismu vznikl v české literatuře ten druh historické prózy, který se neopírá o archivní materiál a archeologický výzkum, jak se později dalo v tvorbě Aloise Jiráska, Zikmunda Wintra a Eduarda Štorcha, ale o takový druh prózy, v níž jsou historické reálie převážně pouze kulisou. Za druhé světové války a po ní nabyl tento prozaický proud výraznější podoby, konkrétně v díle Františka Kubky (*Karlštejnské vigilie, Palečkův úsměv a pláč*) a zejména Vladimíra Neffa (*Srpnovští páni, Královny nemají nohy, Prsten Borgiů, Krásná čarodějka*).

V dalších generacích se k nim přidružil Vladimír Körner několika svými díly, mezi něž patří také *Lékař umírajícího času* (1984). K tomuto druhu prózy se jeho autor přihlásil už na počátku románu. Hned za jeho titulem, tam, kde bývá obvykle motto, Körner praví:

„Opět nejde o historický román! Jen o několik fiktivních zlomků ze života proslulého doktora Jessenia. Historické kulisy byly použity jako pouhý svědek jednoho lidského údělu, který se v řečišti času tak pramálo mění...“¹

Körner se však k historii přesto obrací, aby na ní opětovně prozkoumával roli jednotlivce v soukolí dějin; jeho texty více či méně směřují k literatuře existencialisticky laděné.

Lékařem umírajícího času je Jan Jessenius, absolvent padovské anatomie, profesor univerzity ve Wittenbergu a rektor pražské univerzity, který se později zaplete do stavovského protihabsburského povstání, což ho stojí život. Podle Körnera se stane Jessenius účastníkem povstání víceméně nechtěně, poněvadž je celým svým založením snívá bytost.

Vladimír Körner líčí v *Lékaři umírajícího času* osud člověka, který je zmítán svou dobou. Navíc jde o osud člověka, zrodivšího se do vzrušené a nelítostné doby. Körnerův Jessenius se ovšem narodil nejen do vzrušené doby, ale také do časů, kdy jedna éra končí a druhá začíná. Jessenius je celým svým založením humanista, přichází však do doby, kdy humanismus nejen končí, umírá, ale je brutálně zatlačován nastupujícím barokem. Hovoří-li Körner v titulu svého díla o umírajícím čase, je to právě čas Jesseniů a Keplerů. Nemilosrdné kolo nově nastupujícího řádu Jessenia nakonec rozdrtí, přesněji řečeno rozseká a rozdrtí.

Körner začíná svou nejzrozsáhlejší prózu úvahou, což není náhoda, neboť ve výstavbě románu hraje úvahová složka závažnou roli. Na nejrůznějších místech díla se objevují autorovy úvahové komentáře. Ve 4. kapitole druhé části kupř. úvaha odpovídající charakteru prózy a zdaleka nejen této prózy, je v ní cosi podstatného z autorova fikčního světa:

„Pravá krutost nezná představitivost, ve své prapodstatě je klidná, nepotřebuje se vysmívat trýzněným, neponižuje, aby se sama vyvýšila – je příliš lidská, mnohdy se snaží své oběti utěšit a předem vysvětlí, co a jak bude nejvíce bolet. Krutost je některým vrozena tak, jak jiným slabost, vykoná, co je jí uloženo, bez valné zlosti, a je jí lhostejné, zda má oloupat cibuli nebo kůži člověka, ta aspoň nevhání slzy do očí...“²

Příbuzné uvažování se objevuje v 6. kapitole druhé části, tentokrát v souvislosti s lázeňským mistrem Jakubem, který podstatným způsobem zkomplikuje Jesseniovi život:

¹ Cituji z 1. vydání: KÖRNER, Vladimír: *Lékař umírajícího času*. Praha: Čs. spisovatel, 1984, s. 5.

² *Ibidem*, s. 137.

„Jaký omyl, že zločinci jednají v poblouznění nebo žalu, vědí naprosto přesně, kdy mají nůž v pěsti, kdy se oběť nemíní bránit, každý jejich čin je strojově proveden, zabíjejí s jasným vědomím a pak teprve začnou bědovat, předstírat pomatenost, aby ošálili svět a on je ospravedlnil rozrušením, za dokonale provedený čin.“³

Obě citované myšlenky souzní s drsným charakterem Körnerovy tvorby, s jeho tragickým až pesimistickým pojetím světa a jakéhokoliv lidského konání.

V kapitole líčící bitvu na Bílé hoře (6. kapitola páté části) začíná jeden odstavec úvahovým zamyšlením: „Na každou správnou bitvu má pršet, tady sotva mžilo.“⁴ V daném případě skutečně nepršelo. Körner nadhodí větu, která jako by lapidárním způsobem objasnila bělohorskou katastrofu. Událost je pochopitelně značně složitější, ale Körner předloží jednu výkladovou možnost, jež má ráz pravděpodobnosti.

Úvahové prvky Körner posléze vkládá za názvy jednotlivých částí. Činí tak v podobě strohých myšlenek nebo Jessenioých hesel. Tak první část nazvanou Doctor Vitenbergicus provádí protagonistovo heslo: Seguor trahentia fata (Jdu tam, kam mne vleče osud). Jiné Jesseniovo vyznání je v čele poslední, páté části, nesoucí titul Theatrum mundi: Officio mi officior (Službou jiným zahubiš sám sebe).

Nejpříznačnější myšlenka však stojí v záhlaví třetí části: „Všichni máme jeden společný svět, jen když sníme, máme každý svůj vlastní...“⁵ Jan Jessenius je totiž skutečně snívá bytost a sen a snové scény tvoří důležitou součást Körnerova románu.

K první onirické scéně dochází už ve 4. kapitole první části. Jde o výjev s okradačem mrtvol, který se Jesseniovi vybaví krátce po operaci janičáře. Scéna ukazuje na hrůzy a nesmyslnost války.

V 6. kapitole téže části se Jesseniovi o svatební noci zdá o jeho vlastní svatbě, která má ve snu příšerný, makabrický průběh. Do tohoto snu se Jesseniovi vnoří předchozí sen o olupovači mrtvol: „Okradač mrtvých, kterého v ležení pověsili, toho už jednou Jessenius v podobně trapném snu zabil. Teď je mu vydán na milost...“⁶ Jde o kuriozitu – o sen ve snu, o jakýsi sen na druhou; zdvojení snu patří k charakteristickým znakům Körnerovy poetiky.

Do 6. kapitoly druhé části vložil Körner zase horečnatou onirickou scénou, v níž Jessenius přednáší viselcům a mrtvým:

³ Ibidem, s. 159.

⁴ Ibidem, s. 364.

⁵ Ibidem, s. 165.

⁶ Ibidem, s. 66.

„Stál nyní na planině poseté částmi lidských údů, vystaven fatálním větrům. Válo nad polem mrtvých a on, známý doctor vitenbergicus, je odhalen v slavnostním šatě, jako při všech svých promócích a anatomických představeních, i při svém posledním v Praze. S kloboukem učence stojí světem odhozen do blátivého mrchoviska, zhanoben tělesně, s nevlídnou perspektivou šibeničních ráhen za městem. Svůj lékařský prsten stejně ztratil...“⁷

Onirická scéna je z doby, kdy se léčil po bodnutí, jež mu uštědřil lázeňský Jakub; jde o výjev, jež předznamenává závěr lékařova života.

Vedle snů provázejí Jessenia rovněž vidiny, jež jej přepadávají v bdělém stavu. Poprvé se tak děje v 2. kapitole druhé části, kdy má Jessenius v císařských lázních iluzi, v níž se setká se starým Felsem, který mu háže prsten. Přeludy se objevují i v dalším románovém textu a vždy jsou stejně drsné a dotíravé jako vlastní sny.

Příbuzný přízrak zahrnuje 6. kapitola třetí části. Jessenius má po smrti císaře Rudolfa vidění, v němž se setká se všemi svými blízkými, též s těmi mrtvými. Jde o nejrozsáhlejší scénu tohoto druhu vůbec, v prvním vydání dosahuje šesti stran.

Čtvrtá část obsahuje rovněž jednu onirickou scénu, již je v 3. kapitole opět vidina. Jessenius v alpském horském potoce na okamžik spatří náhrobek své zemřelé ženy, což jej přiměje k rozhodnutí vrátit se do horské chaty k dívce Floro a zasáhnout do jejího osudu (a bezděčně také do svého).

V závěrečné části počet snových scén v souvislosti s vrcholícím dějem dominuje, vyskytují se v ní tři takovéto výjevy. V 2. kapitole má Jessenius sen o návratu do Prahy z vídeňského zajetí. Čtvrtou kapitolu uzavírá lékařova vize o mrtvém Janu Albrechtovi Smiřickém, který měl být českým králem. Osmá kapitola je kapitolou poprav, Jessenius krátce před svou smrtí je obdařen vidinou o svém dítěti, jež se v posledních dnech na svobodě stalo středem jeho života.

Všechny onirické scény jsou spjaty s protagonistou díla, avšak snový charakter má v románě i země. Jesseniův rod pocházel ze Slovenska, jež on sám vnímá jako snovou krajinu (což se mu ovšem stane osudným).

Ve 4. kapitole třetí části Jessenius utěšuje nemocnou manželku Marii slovy: „Zlý sen má výhodu, že zbavuje úzkosti a léčí mysl...“⁸ Marie této argumentaci

⁷ Ibidem, s. 160.

⁸ Ibidem, s. 208.

neuvěří. A stejně tak to neplatí pro Körnerovy snové scény, jež jsou tragické nebo dostávají tragický podtext.

Z hlediska architektonického mají onirické scény většinou významné postavení – uzavírají jednotlivé kapitoly (celkem pět kapitol) a v jednom případě uzavírají celou část (konkrétně třetí část). Výjimečně kapitolu otevírají, zahajují (2. kapitolu páté části). Snové scény tak přispívají k akcentaci textu a k zvýraznění jeho sémantiky.

Körnerův stavebný důraz na onirické scény má širší spojitost, souvisí s pojetím doby a hlavní postavy. Jan Jessenius je totiž člověkem renesance, humanismu, jeho poslední fáze, úpadkové, hasnoucí, opírající se o fikci, nereálnost, sen. Pojetí líčené doby se tak promítá do tektoniky díla.

Se snovými scénami úzce souvisejí i anticipace románu. Jesseniův příběh je tragický a všechny jeho anticipace ukazují k jeho konci, naznačují jej, jde tedy o anticipace přímé. Převážná většina předjetí Jesseniova osudu je nakupena kol jeho první pražské pitvy. Objevují se od okamžiku, kdy Jessenius a lázeňský mistr Jakub přijdou ve 4. kapitole druhé části ke katu Mydláři sjednávat mrtvolu. Nejprve mu neblahý konec předpoví Jakub; na Jesseniův dotaz, kdo podá katovi ruku, lázeňský odpoví: „Toho mistr nakonec setne.“⁹ Vzápětí obdobná slova v podobě průpovídky k němu pronese sám kat Mydlář: „Kdo prolévá lidskou krev, toho krev budiž lidmi prolita!“¹⁰ To je ovšem pouze obecná sentence, kterou Jessenius obrátí proti Mydláři. Kat je však přesvědčen, že jeho svědomí je čisté: „Pro mě je to živobytí, – odpověděl. To je věc přirozená. – Ale vy – ze zvědavosti. Za to vás stihne trest!“¹¹

V následující kapitole (5. kapitole druhé části) se Jessenius spolu s Jakubem vracejí z pitvy a ve výplni dveří najdou dýkou přibitý vzkaz: „Boj se božího trestu, Jessenius! Tomu neunikneš!“¹²

Během Jesseniovy pitvy dojde do Prahy zvěst, že v Římě upálili Giordana Bruna. Tato zpráva naruší průběh pitvy a způsobí Jesseniovo zranění. Uvedená scéna je mementem mori, je předzvěstí také Jesseniova konce.

Anticipací Jesseniovy smrti je posléze i Jakubův pokus o jeho zavraždění po skončení pražské veřejné pitvy. Z tohoto napadení se Jessenius ještě vykreše.

Lékařovým anticipantem je rovněž Johann Kepler. Hvězdář jej ve 4. kapitole čtvrté části vyhledá v alpském úkrytu a požaduje po něm potřebné španělské reverso blanco, které Jessenius dávno zahodil. Keplerova reakce je jednoznačná:

⁹ Ibidem, s. 134.

¹⁰ Ibidem, s. 136.

¹¹ Ibidem.

¹² Ibidem, s. 146.

„Takhle si v životě všecko prohraješ, všecko! I posledního přítele, dobře ti tak! Skončíš jak pes...“¹³

Johannes Kepler má v románě zvláštní postavení, nepředvídá pouze jevy dílčí, ale také celkové, obecné. Na císařův dotaz, či svět zhyne požárem, hvězdopavec odpoví: „Bojím se, že ten náš, co jsme znali, pane...“¹⁴ Kepler je z těch, kteří tuší zánik jedné epochy, jedné civilizační éry.

Všechny přímé anticipace ukazující k Jesseniovu truchlivému konci jsou částečně oslabeny tím, že většina čtenářů je obeznámena s osudem této historické postavy.

Román je anticipacemi doslova prostoupen, podobně jako onirickými scénami. Obě tyto stavebné složky se v prozaické tkáni navzájem doplňují a prostupují, neboť obě jsou příznačnou součástí dokonávajícího času.

Jednotlivé anticipace provází v románě jistý počet prospekcí. Tak během třetího dne pražské pitvy pronikne do Jesseniovy mysli představa jeho vlastního konce: „Vzhlédl a spatřil na sobě oči lidí, jaké měl spatřit už jenom jednou ve svém životě, oči přihlížející na popravišti.“¹⁵ Protilehlý pocit probíhá v téže chvíli myslí kata Mydláře: „Věděl svoje, jeho představení pražské se teprve zrodí, tohle je jen slaboučká předehra.“¹⁶ Katova představa umocňuje představu Jesseniovu. Opět zdvojení, tentokrát u jiného tektonického prostředku.

S katem Mydlářem, jakož i s jinými, je spjata prospekce historická: „Přijde čas, že si koupí místo před oltářem staré české víry v Týnském chrámu, místo po hlavách nejpřednějších...“¹⁷

Všechny další historické prospekce jsou rozsáhlejší. První z nich se vztahuje k hraběti Thurnovi:

„I generál českých stavů Thurn mohl následovat svého krále, Praha se už musí bránit sama, on je profesionál. V boji proti Habsburkovi bude pokračovat ve Slezsku, ve službách dánského krále, benátských republik, nakonec se vrátí se Švédy i do Prahy na okamžik, přežije svého krále, mnohé panovníky a všechny své přátele i padlé syny ve válkách, aby nakonec umřel, jak se na správného generála sluší a patří, v posteli, v dalekém Livonsku...“¹⁸

¹³ Ibidem, s. 274.

¹⁴ Ibidem, s. 169.

¹⁵ Ibidem, s. 156.

¹⁶ Ibidem, s. 157.

¹⁷ Ibidem, s. 148.

¹⁸ Ibidem, s. 367.

Obdobné historické prospekce přisoudil Körner v 7. kapitole páté části Kašparu Kaplíři ze Sulevic a Kryštofu Harantovi z Polžic.

Počet těchto prospekci je menší než míra anticipací, jejich význam spočívá v tom, že přesahují syžetovou hranici díla a rozšiřují historický obzor čtenáře.

Neméně závažná je v *Lékaři umírajícího času* kategorie temporální. Körner v tomto románě uplatňuje trojí čas – individuální, sakrální a synchronní.

Individuální čas se objevuje teprve v poslední části románu, tam, kde jde o životně zásadní věci. Je jím hodina plazů: „Nastává hodina plazů, kdo se točí s větrem, bude se točit vždy, kdo mění víru, neměl žádnou, brzo se ukáže, kdo byl tím věrným a kdo tím zrádcem.“¹⁹ Je více než příznačné, že zmínka o hodině plazů padne při Jesseniově rozhovoru s katem Mydlářem. Hodina plazů není v Körnerově tvorbě nijaké novum, neboť sehrává závažnou roli už ve Zrození horského pramene, kde je tento čas spjat s příslušníky nacistického hnutí.

Sakrální čas je v Körnerově románě čas vánoční. V tomto období jsou ve Špinhauzu uvězněni nejvýznamnější protihabsburští protivníci. Jako první je arestován Jessenius. Jde tedy o negativní pojetí sakrálního času, byť během něho vytvoří Kryštof Harant slavnou vánoční mši, která „přetrvá pana Kryštofa Haranta o celá staletí, překlene údobí habsburské temnoty, zůstane poselstvím po všechny dny“.²⁰ Stejně negativně je pojat Štědrý den také ve Zrození horského pramene.

Velkou roli hraje v Körnerově románě čas synchronní. Když roku 1600 nastane nové století, zemře starý Fels a Jessenius se odebere do Prahy ke dvoru císaře Rudolfa. Tento synchronní čas (a předěl) je vetkán i do názvu 1. kapitoly druhé části: Praga caput regni Anno Domini MDC.

V 5. kapitole třetí části v krátké časové návaznosti za sebou nejprve skoná císařův milovaný lev a pak se navždy zastaví astronomické hodiny neznámého norimberského mistra. Obě skutečnosti se stanou předzvěstí smrti císaře Rudolfa.

K obdobné synchronii dochází v 2. kapitole páté části, v níž se právě na své narozeniny vrátí Jessenius domů do Prahy z vídeňského zajetí.

K nejzrozsáhlejšímu synchronnímu času dochází na začátku třetí části. Kancléř Lobkovic se v ní obrátí k Jesseniovi a konstatuje: „Máme deset šťastných let, doktore!“²¹ Míjí tím deset let od svého jmenování nejvyšším kancléřem, jež se kryje s desetiletím od Jesseniova sňatku s Marií Felsovou. Lobkovic přitom Jessenia pozve na slavnostní večeri, lékař odmítne, čímž si vrazí další hřeb do své budoucí rakve. Obojí se přitom děje v den vydání Rudolfova Majestátu

¹⁹ Ibidem, s. 356.

²⁰ Ibidem, s. 381.

²¹ Ibidem, s. 182.

náboženské svobody. K tomuto trojímu synchronnímu času přistoupí vzápětí čtvrtý – v Praze vypukne mor.

Nejinak je v románě zdůrazněna poprava českých pánů, která se koná v nejdělsí den v roce: „Bylo pět hodin jednadvacátého června 1621, nejkratší noc v roce a nejdělsí den, slunce vyjde v zenitu.“²² Nejdělsí den v roce jako by byl zvolen proto, aby se habsburská sadistická pomstychtivost plně a beze zbytku ukojila. Nenastane jen nejdělsí den, ale k zvýraznění krutého činu se nad odsouzcenci vznesou duha, boží duha: „Duha! Nad východní Prahou, od Týna přes popraviště k vodám vltavským se klenulo znamení smíření, v Čechách zvané Veselka.“²³ Zjevivší se duha má symbolický význam – odsouzcenci jsou sice habsburskou mocí ničení, ale zářivá veselka naznačuje, že nebesa stojí za poníženy a očekávají jejich slavné přijetí.

Čas a jeho jednotlivé varianty má v románě dominantní postavení, což zdůrazňuje už titul románu. Mezi uvedenou temporální trojicí má významné postavení synchronní časová kategorie, mimo jiné též proto, že v *Lékaři umírajícího času* koresponduje se synchronní postavou.

Synchronní postavu představuje v románě adept hvězdářství a pozdější astronom Johannes Kepler, od začátku příběhu provázející Jessenia. Lékař Jessenius „v něčem si připadal spřízněn s Keplerem, nejenže se zrodili ve stejném měsíčním znamení, ale snad byli prokleti již před svým narozením“.²⁴ Körner na Keplerovi ukazuje druhou možnost existence, odborné i lidské. Kepler je totiž ten, kdo se snaží vyhnout největším svárům své doby. To, co na Jessenia plně doléhá, tomu se Kepler dovede alespoň částečně a zavčas vyhnout. Jde tedy o synchronii pouze částečnou, zato průběžnou. Jinak řečeno Johann Kepler funguje v Körnerově románě jako nastavené zrcadlo, často křivě nastavené.

Kepler je pro Jessenia natolik intenzivní bytost, že si na něj a na jeho teorii o zhaslých hvězdách vzpomene krátce před svým krvavým skonem.

Vedle synchronní postavy uvádí Körner do své prózy také postavu konkluzivní, která se objeví zcela na konci díla. Je jí pobělohorský císařský spravovatel pražské univerzity don Diego Marimilla, přebírající moc nad vysokým učením a povolující na něm jen tři obory – teologii, hvězdopravectví a rétoriku. Marimillo se nepochybně objevuje v próze rovněž proto, aby vynikla problematičnost nového rektora univerzity Kampána.

Körnerův román je natolik rozsáhlý, že zahrnuje ještě jednu konkluzivní postavu – zbloudilce, ohněnoše, ztělesňujícího hrůzy třicetileté války:

²² Ibidem, s. 389.

²³ Ibidem, s. 391.

²⁴ Ibidem, s. 186.

„Uvázal koně k pláňce, teprve teď jim odkryl obličej. Strachem se rozutíkali, zpod válečné přilbice se na ně dívala tvář s kostmi potaženými zeleným masem, oči tam žádné nebyly, jen pusté otvory..“²⁵

První konkluzivní postava je konkrétní, historická, druhá ztělesňuje historický symbol.

Obě konkluzivní postavy tvoří součást finále díla, jehož relevantní složkou je však poprava českých pánů na Staroměstském náměstí. Vlastní scéně popravy předchází několik syžetových momentů, jež tragédii a absurditu dané chvíle prohlubují. Jedním z nich je scéna, v níž příslušník vítězné strany Pavel Michna vyslýchá Jessenia a v téže kobce čeká na Michnu svlékající se měštká, aby se jí sexuálně zmocnil. Před popravou proběhne rovněž kuriózní výjev, v němž odsouzené navštíví kat Mydlář a projeví jim svou soustrast tím, že jim sdělí, že i on je podoben; na smrt čekající Kryštof Harant mu za to vytne políček se zdůvodněním, že on je katolík. Objeví se dokonce i dávný Prokúpek, který se nyní ukáže jako lotr, jenž asistoval při násilné smrti Jesseniovy ženy.

Součástí finále je posléze také architektonická korespondence, spočívající v souladném vztahu mezi koncem Jesseniova života a koncem díla. Jessenius jde totiž na popravu ze všech pánů jako poslední a poslední znamená tolik, co závěrečný, koncový, nemající dalšího pokračování. Jesseniova závěrečná tragédie má otřesný charakter proto, že jako první je zatčen a jako poslední popraven. Jeho životní finále má kruhový ráz a do jisté míry souzní s kruhovým zarámováním díla.

Körner totiž svůj román zarámoval. Učinil tak nepatrným malým oblázkem. V 1. kapitole nazvané Oblázek jej chlapec Jessenius vytáhne z říčky a jeho babička mu ho vloží do škapulíře. V poslední kapitole jej Jesseniova dcera Julka na cestě z Čech pochová v jiné říčce. Pochová ho proto, poněvadž jejího otce neochránil před neštěstím, a zároveň tento čin svědčí o jejích pochybách, že by v budoucnu ochránil i ji. Scéna s oblázkem má charakter kruhového zarámování. Příběh z velké doby tak obchvacuje a částečně i ztělesňuje malý oblý kámen.

K nejpříznačnějším složkám Körnerova *Lékaře umírajícího času* patří úvahová složka, onirické scény, synchronní čas, synchronní postava, konkluzivní postava a architektonická korespondence. Z uvedených komponentů je spisovatelovým specifikem a přínosem synchronní čas a synchronní postava. Dvojice těchto tektonických prostředků Körnera výrazně odlišuje od dobového prozaického kontextu a také od kontextu generačního. V ostatních prostředcích

²⁵ Ibidem, s. 404–405.

je v nejednom směru příbuzný jak se svými generačními druhy, tak s některými předchůdci.

V generační sféře má Körner nejbližší k Pavlu Kohoutovi, Romanu Rážovi a Pavlu Hejčmanovi. Všichni čtyři jsou spjati tím, že kladou důraz na architektonickou korespondenci svých děl. Architektonická korespondence je navzájem spojuje, ale také odlišuje. To proto, že Kohoutovy *Nápady svaté Kláry* a Rážovo *Vrabčí hnízdo*, v nichž je architektonická korespondence důsledněji uplatněna, jsou grotesky, svým základním pojetím se lišící od tragického až katastrofického pojetí Körnerova.²⁶ V tomto směru má *Lékař umírajícího času* poměrně blízko k Hejčmanovu románu *Doňa Teresa*. Ten se sice rovněž odehrává v přítomnosti, ale má dramaticky vážný spád. Oba autoři zdůraznili architektonickou korespondenci svých děl, ale každý z nich ji pojal zcela jinak. Körner klade důraz zejména na finále románu (konec Jesseniova života souzní s koncem prózy), kdežto Hejčmanovi jde o shodu mezi tektonikou kapitol a prostředím děje.

Vladimír Körner má v *Lékaři umírajícího času* dosti společného i se svými předchůdci, konkrétně s Viktorem Dykem a A. M. Tilschovou. K Dykovi se autor tohoto románu blíží volbou konkluzivní postavy, již tento prozaik uplatnil v *Krysaři* a v *Děsu z prázdna*.²⁷ S Tilschovou jej pak pojí akcentovaná architektonická korespondence, výrazně uplatněná v jejím románě *Alma mater*.²⁸ Dyk je Körnerovi blízký i svým celkovým hábitem, neboť tvůrce válečné tetralogie je do značné míry negativista, básník záporu. V jiné rovině je to obdobné i u Tilschové, která podobně jako Körner inklinovala k temným příběhům.

Seznam použité literatury – References:

- KÖRNER, Vladimír: *Lékař umírajícího času*. Praha: Čs. spisovatel, 1984.
 VŠETIČKA, František: *Garance grotesknosti*. Olomouc: Nakladatelství J. Vacl, 2010.
 VŠETIČKA, František: *Možnosti Meleté*. Olomouc: Votobia, 2005.
 VŠETIČKA, František: *Tektonika textu*. Olomouc: Votobia, 2001.

²⁶ O Rážově románě viz VŠETIČKA, František: *Garance grotesknosti*. Olomouc: Nakladatelství J. Vacl, 2010, s. 28–33.

²⁷ VŠETIČKA, František: *Možnosti Meleté*. Olomouc: Votobia, 2005, s. 114–120; VŠETIČKA, František: *Tektonika textu*. Olomouc: Votobia, 2001, s. 175–181.

²⁸ VŠETIČKA, František: *Tektonika textu*. Olomouc: Votobia, 2001, s. 182–188.

František Všeticka

doc. PhDr., CSc., independent researcher, Dělnická 29, 779 00 Olomouc, Czech Republic

fvseticka@seznam.cz

«Я ничего не желаю, кроме хорошей жизни среди книг любимых». Спасительная сила литературы в дневниках и письмах Георгия Эфрона

Иоланта Бжикцы

Абстракт

В статье рассматриваются дневники и письма Георгия Эфрона 1940–1944 годов с точки зрения присутствующего в них литературоцентрического мотива. Размышления сына Марины Цветаевой о литературе как таковой, критические оценки прочитанных им произведений, записи о собственном творчестве анализируются в контексте его жизненного опыта, формировавшегося под влиянием тяжелейших семейных переживаний и исторических событий периода Великой Отечественной Войны: ареста отца и старшей сестры, эвакуации в Елабугу и Ташкент, самоубийственной смерти матери, сиротства, крайней нищеты, голода, болезней и мобилизации в армию. В бесчеловечном мире тоталитарного государства, погруженного в кровавый военный конфликт, литература стала для Эфрона ценностью высшего разряда, сферой свободы и подлинности, позволившей ему сохранить смысл жизни. Применяемые им читательские и писательские практики свидетельствуют о целительной функции литературы в его жизни.

Ключевые слова: Георгий Эфрон; эгодокументы; библиотерапия; литературоцентричность; лечебная ценность литературы; СССР времен Великой Отечественной Войны; эвакуация в Ташкент; травма

“I Want Nothing but a Good Life Among My Favourite Books”. The Saving Power of Literature in the Diaries and Letters of Georgyy Efron

Abstract

The article deals with the diaries and letters of Georgyy Efron in 1940–1944 from the point of view of the literary-centric motif present in them. Reflections of Marina Tsvetaeva’s son on literature as such, critical assessments of the works he read, records of his own work are analyzed in the context of his life experience, which was formed under the influence of the most difficult family experiences and historical events of the USSR during the Great Patriotic War, such as: arrest of his father and older sister, evacuation to Yelabuga and Tashkent, suicide death of his mother, desolation, extreme poverty, hunger,

illness and mobilization into the army. In the inhuman world of a totalitarian state immersed in a bloody military conflict, literature became for Efron a value of the highest order, a sphere of freedom and authenticity that allowed him to preserve the meaning of life. His reading and writing practices testify to the healing function of literature in his life.

Key words: Georgyy Efron; egodocuments; bibliotherapy; literature centrism; healing value of literature; survival at Soviet Union at Nazi-Soviet war; Tashkent evacuation; trauma

Публикация дневников, писем и литературных произведений Георгия Эфрона, состоявшаяся в России на рубеже XX и XXI веков¹ и повлекшая за собой французский², немецкий³ и польский⁴ переводы, стала значительным книгоиздательским событием, которое одной стороной примкнуло к цветаеведению, второй — к мемуарному жанру, получившему в результате развития микроистории статус исторического источника и ввиду своих познавательных-информационных достоинств применяемому в исторических, социологических, антропологических и других исследованиях⁵.

Ценность эгодокументов Эфрона состоит, однако, не только в повествовании о последнем периоде жизни Марины Цветаевой или

¹ ÈFRON, Georgij: *Pis'ma*. Sost., podgot. tekstov, predisl. i primeč. Je. B. Korkinoj. Kaliningrad: «Luč», 1995; ÈFRON, Georgij: *Pis'ma*. Moskva: Dom-muzej Mariny Cvetajevoj; Bolševo: Muzej M. I. Cvetajevoj, 2002; ÈFRON, Georgij: *Dnevnik. V dvuch tomach*. Podgot. tekstov, predisl. i primeč. Je. B. Korkinoj, V. K. Losskoj. Moskva: Vagrius, 2004; ÈFRON, Georgij: *Neizvestnost' buduščego. Dnevnik i pis'ma 1940–1941 godov. S risunkami Georgija Èfrona (publikujutsja v pervyje)*. Podgot. tekstov Je. B. Korkinoj, V. K. Losskoj, A. I. Popovoj. Moskva: AST i RGALI, 2018; ÈFRON, Georgij: *Zapiski parižanina. Dnevnik, pis'ma, literaturnyje opyty 1941–1944 godov. S risunkami avtora (publikujutsja v pervyje)*. Podgot. tekstov Je. B. Korkinoj, V. K. Losskoj, A. I. Popovoj. Moskva: AST i RGALI, 2018.

² ÈFRON, Georgij (Murr): *Journal (1939–1943)*. Traduit du russe par S. Goblot, préface, notes et révision de la traduction V. Lossky, postface C. Bérenger. Genève: Éditions des Syrtes, 2014.

³ ÈFRON, Georgij: *Tagebücher. Band I (1940–1941), Band II (1941–1943)*. Aus dem Russischen und Französischen übersetzt von Gertraud Marinelli-König. Wien: Hollitzer Verlag, 2022.

⁴ ÈFRON, Georgij: *Dzienniki 1940–1943. T. I–III*. Przekład z rosyjskiego, redakcja i opracowanie naukowe G. Ojcewicz. Szczytno: Wydawnictwo «GregArt», 2019–2021; ÈFRON, Georgij: *68 listów z piekła sowieckiego raju. 1940–1944*. Przekład z rosyjskiego, redakcja i opracowanie naukowe G. Ojcewicz. Szczytno: Wydawnictwo «GregArt», 2022.

⁵ MEDIK, Chans: *Mikroistorija*. Perevod T. I. Dudnikovoj. Thesis, 1994, vyp. 9, s. 193–202. О научно-познавательной ценности мемуаристики см.: GEORGIJEVA, Natalija Georgijevna: *Memuary kak fenomen kul'tury i kak istoričeskij istočnik*. Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Istorija Rossii, 2012, nr. 1, s. 126–138; SZULAKIEWICZ, Władysława: *Ego-dokumenty i ich znaczenie w badaniach naukowych*. Przegląd Badań Edukacyjnych, 2013, nr. 16, vol. 1, s. 65–84.

в персонализированном свидетельстве отечественной войны, но и в автобиографических аспектах. Дневники и письма Мура, как его звали в семье, следует воспринимать как вполне самостоятельный текст, жанровая двойственность которого не лишает его тематического, идейного и стилистического единства. Это письменная исповедь незаурядного молодого человека, несостоявшегося профессора, переводчика и писателя (по определению С. Белякова)⁶.

Одной из ключевых повествовательных линий эгодокументов Эфрона, раскрывающих его душевный склад, является литература. Упоминания о ней, короткие замечания или развернутые пассажи, перерастающие то ли в рецензии прочтенных произведений, то ли в эссеистские размышления о писательской профессии, то ли в конспекты собственных сочинений, пронизывают едва ли не все дневниковые записи и многие письма Мура. Они строят внутреннюю архитектуру дневников как целого, определяют также характер его переписки, одновременно отражая главенствующее значение литературы в его жизни. Увлечение Эфрона литературой, выходявшее за рамки хобби и превратившее его из книжника в профессионального знатока, который оценивал чужие тексты с редкой для своего возраста вдумчивостью и чутьем, было прямым результатом взаимодействия нескольких факторов: унаследованных способностей, семейной традиции и индивидуальных интеллектуальных predispozycji Мура. Урожденный от гениальной поэтессы, с раннего детства рос среди книг, вбирал в себя атмосферу родного дома, насквозь пропитанного литературным творчеством, постоянным умственным трудом, непрерывным общением с самыми разнообразными произведениями, начиная с детских изданий о Микки-Маусе, вплоть до французской и русской классики и авангардных стихотворений матери. В результате литература стала неотъемлемой частью его жизни, как еда, воздух и сон; постоянным, при этом не последним по своему значению повседневным занятием. Почти каждая дневниковая запись Мура содержит название, нередко и короткую оценку, читаемого или только что прочитанного романа, рассказа, сборника стихов или эссе. Эфрон составлял также

⁶ Она становится предметом литературоведческих работ. См.: POLECHINA, Majja Michajlovna: *Ėkzistencial'naja avtobiografija syna poëta (svidetel'stvo Georgija Ėfrona)*. Studia Rossica, 2006, nr. XVII, s. 369–380; BELJAKOV, Sergej: *Parižskij mal'čik Georgij Ėfron. Meždu dvumja nacijami*. Novyj Mir, 2011, nr. 3, s. 123–142; BELJAKOV, Sergej: *Georgij Ėfron: žizn' čitatelja*. Voprosy literatury, 2022, nr. 1, s. 233–276; BRZYKCY, Jolanta: *Ciąg dalszy nie nastąpił. O juveniliach Georgija Efrona*. In: EFRON, Georgij: *Rododendron na Alasce. Twórczość literacka 1941–1944. Przekład z rosyjskiego, redakcja i opracowanie naukowe G. Ojcewicz*. Szczytno: Wydawnictwo «GregArt», 2023, s. 9–51.

списки любимых произведений, в которых книги французских писателей и поэтов шли вперемешку с русскими, писал о визитах в московскую Библиотеку иностранных языков, о купле и продаже книг. Для молодого человека, не имевшего способности зарабатывать и целиком зависевшего от матери, финансовое положение которой было весьма трудным, книга превращалась в предмет роскоши, который Эфрон не всегда мог себе позволить. Это вызывало его негодование:

«Раздражает то, что сейчас в Москве полно замечательных книг, никто их не покупает, потому что ни у кого нет денег. Мы шьемся с Митей и видим массу книг, которые нам надо бы купить, и вот: ни гроша, ни копейки! Это весьма неприятно. Мы злимся»⁷.

Любовь к книгам вместе с хроническим безденежьем и бытовой неустроенностью, которые лишали Эфрона возможности пополнять домашнюю библиотеку, толкнули его на идею создать рукописную антологию цитат любимых французских и русских поэтов под заглавием *Многообразные квинтэссенции в современном духе (XIX–XX вв.)*⁸. Этот проект, начатый в январе 1941 года, еще в Москве, и продолжаемый в следующие, уже военные месяцы, несмотря на эвакуацию в Елабугу, смерть матери и повторную эвакуацию, на этот раз в Ташкент, был задуман также как своего рода наглядное пособие, которое Эфрон, мечтавший стать литературным критиком, намеревался использовать в своих будущих трудах:

«Я начал выписывать наилучшие строки у всевозможных поэтов (французских). [...] Уже написал из 3 книг (Morceaux, Choisis, Th. Gauthier и Cent Poètes du XVIIe siècle) номера страниц, откуда выпишу лучшие строки. Хочу составить тетрадь лучших строк (по моему вкусу) различных французских поэтов различных времен (чтобы иметь что цитировать)». (6 января 1941, I 268)

⁷ Запись от 6 июля 1941 года. Цит. по: ÈFRON, Georgij: *Dnevniki. V dvuch tomach*. Podgot. tekstov, predisl. i primeč. Je. B. Korokinoj, V. K. Losskoj. Moskva: Vagrius, 2004, t. I, s. 426. Остальные цитаты из дневников Эфрона приводятся по тому же изданию, с указанием, непосредственно в тексте, числа, тома (римской цифрой) и страницы (арабской цифрой).

⁸ *Diverses Quintessences de l'esprit moderne (XIX–XX siècles) (anthologie de citations) Asie Soviétique 1942 Tachkent.*

Обладая способностями к рисованию, Эфрон некоторое время намеревался совершенствовать их после окончания средней школы, однако в возрасте 17 лет изменил свое решение в пользу литературы, о чем сообщал сестре Ариадне в письме от 13 декабря 1942 года:

«Вообще я собираю сведения, все, какие только могу, по литературе Франции конца XIX и XX вв. и всячески пополняю мой багаж знаний по этому вопросу. Я мечтаю когда-нибудь написать историю французской литературы конца XIX и первой половины XX века; во всяком случае я намерен стать самым первым специалистом по этой части, намерен, так сказать, взять монополию на современную французскую литературу, открыть читателю «новых» авторов — т. е. доселе ему неизвестных, «снизить» одних, и, наоборот, отдать другим их место по рангу. Замысел честолюбивый и выполнимый только через довольно большой промежуток времени. Но я не торплюсь — все придет в свой черед, а пока надо читать и читать»⁹.

В мае 1943 года записал в дневнике:

«Что бы я хотел: выдержать экзамены, получить аттестат, уехать в Москву и поступить там в МГУ или, если он не придет, в какой-нибудь ВУЗ литературный или иностр. языков. Может — найти работу, скажем, в Радиокomitee; работать в ГЦБИЛ [Государственной Центральной Библиотеке Иностранной Литературы] над французской литературой, работать серьезно (читать, сравнивать, делать выписки); цель — написание «Истории современной французской литературы», охватывающей период между войнами 1914–1918 и 1939–20 гг. Этот путь — культурный, литературоведческий, писательский, переводческий — мой единственный путь. Все остальное — не по мне». (27 мая 1943, П 241)

По мере весьма ограниченных жизненных возможностей, с присущей себе выносливостью Эфрон стал готовиться к будущей профессии критика и писателя и углублять знания по французской литературе. К самообразованию приступил весной 1941 года, одновременно с работой над антологией цитат: «Купил книгу Кирпотина „Салтыков-Щедрин.

⁹ Цит. по: ÈFRON, Georgij: *Pis'ma M. I. Cvetajevov*. [online]. [cit. 2023-06-27]. <https://coollib.net/b/67711-georgiy-efron-pisma-m-i-tsvetaevoy/read>. Остальные цитаты из этого издания обозначены непосредственно в тексте числом и буквой П.

Литературно-критический очерк“. Мне просто нужно иметь такие книги, т. к. я должен много знать о мировых классиках и критиках — такие книги повышают мой культурный уровень, бесспорно» (26 марта 1941, I 306). Не бросил усердно читать и в годы ташкентской эвакуации. Преодолевая резко усилившиеся бытовые препятствия, а также плохое физическое и психическое самочувствие (частые приступы рожистого воспаления ноги, недиагностированный диабет¹⁰), упорно раздобывал книги и не терял надежды на успешное будущее. В декабре 1942 года писал сестре из Ташкента:

«Неоспоримое достоинство Москвы для меня состоит в том, что там возможна, благодаря Центр<альной> Библиот<еке> Инстр<анских> языков и читальному залу, систематическая работа в деле все более и более широкого познания необходимого количества авторов — а здесь это невозможно». (13 декабря 1942, П)

Не ограничиваясь пассивным усвоением словесного канона, Эфрон обратился и к практике собственного письма, делая первые шаги по своему творческому пути одновременно как переводчик, критик, прозаик и поэт. В Ташкенте принялся, между прочим, за перевод произведшей на него сильное впечатление книги Поля Валери *Взгляды на современный мир*:

«Я сразу взялся за самое трудное, ибо язык Валери и в оригинале труден. Делаю это я для практики перевода, собственного удовольствия и для того, чтобы как-то почтить эту исключительно умную и тонкую книгу и ее замечательного автора». (25 марта 1943, П)

Годом позже, призванный в армию и пребывавший рядовым красноармейцем в сборном учебном пункте в Алабино, Эфрон написал статью о Стефане Малларме:

«В Рязанской области я все-таки добрался до пера и написал главку — начальную — задуманной мною работы о Малларме. [...] Это совершенно удивительный ... прозаик. Да, прозаик! Что поэт

¹⁰ Такую гипотезу предложил польский исследователь наследия Эфрона, Гжегож Ойцевич. См.: OJCEWICZ, Grzegorz: *Wstęp*. In: EFRON, Georgij: *Dzienniki 1940–1943*. Przekład z rosyjskiego, redakcja i opracowanie naukowe G. Ojcewicz. Szczytно: Wydawnictwo «Greg-Art», 2021, t. III, s. 15.

он гениальный, это давно известно (хотелось написать «решено и подписано»); но что проза у него такая, какой никто не писал и никогда не напишет, — об этом, пожалуй, известно мало. Эта проза — великолепие, триумф, какое-то новое измерение; когда ее читаешь, то чувствуешь ее вкус, ее запах, [...]. Но проза Малларме — первая в мире; держитесь! Как только я вернусь, я всем надоем с Малларме, тем более, что его никто не понимает и вначале веет небывалой скукой от его вычурных иносказаний!» (14 мая 1944, П)

Юношеские опыты Эфрона составляют около 40 стихотворений и рассказов 1941–1944 годов, часть которых была собрана автором в рукописном томе *Пробы пера* и вместе с другими, разрозненными его текстами, уцелевшими из военной одиссеи, хранится в РГАЛИ¹¹, часть — в том числе начальные главы романа-семейной хроники Эфронов — была потеряна в войне. Их хотя бы беглый анализ выходит за рамки нынешнего исследования, однако стоит заметить, что несмотря на свои несомненные недостатки: невыработанность собственной творческой манеры и стилистическую подражательность, они привлекают внимание тематическим разнообразием, широким диапазоном жанровых форм, а также двуязычностью¹².

Увлечение словом и желание «приобщиться к себе подобным» привело Эфрона к активному участию в литературной жизни Ташкента. Мур бывал на собраниях литературного кружка, действовавшего при ЦДХВД (Центральный дом художественного воспитания детей) под руководством Надежды Мандельштам, посещал также литкружок при Дворце Пионеров, руководимый Исааком Бахтамовым. Ему также довелось вести неформальные литературные вечера, ибо в условиях эвакуации именно в этот ранг возводилась его привычка читать стихотворения любимых поэтов вслух. Воспоминание о них оставил их участник, Эдуард Бабаев:

«У Мура была крошечная комнатка, фанерная выгородка без окон, с лампочкой под потолком в черном патроне. В этой комнатке едва помещались стол, стул и узкая кровать, застеленная стареньким

¹¹ РГАЛИ: Фонд 1190. Опись 1, единицы хранения 157, 227. Опись 2, единицы хранения 282–290, 293. Опись 3, единицы хранения 183, 219–225, 227–234.

¹² Больше о ювенилиях Эфрона см.: BRZYKCY, Jolanta: *Ciąg dalszy nie nastąpił. O juveniliach Georgija Efrona*. In: EFRON, Georgij: *Rododendron na Alasce. Twórczość literacka 1941–1944. Przekład z rosyjskiego, redakcja i opracowanie naukowe G. Ojcewicz. Szczytno: Wydawnictwo «GregArt», 2023, s. 9–51.*

пледом. Над столом была укреплена книжная полка, на которой стояли сборники Марины Цветаевой «Версты», «Ремесло», «Царь-Деввица».

Иногда Мур читал на память стихи. И тогда оказывалось, что у стен есть уши: то слева, то справа из-за фанерной перегородки слышались голоса обитателей этого многонаселенного дома, проживших Мура прочесть еще и другие стихи: назывались заглавия, отдельные строки. И Мур читал [...]»¹³.

Эфрон стал также *spiritus movens* (движущим духом) так и не состоявшегося альманаха «Улисс», над которым работал, весной 1943 года, с тем же Бабаевым, а также с другими «ташкентскими мальчишками»: Рафаилом Такташем и Валентином Берестовым.

Читательские и писательские практики Эфрона были, однако, продиктованы не только личностными диспозициями, определявшими его стиль жизни и повлиявшими на выбор профессии, но и травмирующими внешними обстоятельствами, вследствие которых общение с литературой стало для него формой либропсихотерапии. В скором времени после приезда Мура, вместе с матерью и вслед за отцом и старшей сестрой, в СССР на судьбу молодого человека выпал ряд трагических и угнетающих событий. Оказавшись в стране родителей, Мур столкнулся не только с проблемами, которые легко было предсказать и к которым парень, проницательный и зрелый не по годам, был готов, как оторванность от французской культуры и отчужденность в новой среде, но и с препятствиями куда более серьезными: арестом отца, Сергея, в июне 1939 года и сестры, два месяца спустя, остракизмом матери в советских творческих кругах, бездомностью и нищетой. Полная дестабилизация семейной жизни Эфронов в значительной степени усложнила процесс адаптации Мура к новой действительности и положила начало болезненной конфронтации идеализированных воображений о СССР с его настоящим, дегуманизированным и дегуманизирующим образом. Великая Отечественная Война окончательно разрушила мир молодого человека, принеся тяжелейшие для него, травмогенные переживания: самоубийственную смерть матери в Елабуге и двухлетнее пребывание в Ташкенте, которое ознаменовалось сиротством, заброшенностью, крайней бедностью, голодом, болезнями и страхом перед мобилизацией в армию, которую Муру так и не удалось избежать.

¹³ БАБАЈЕВ, Éduard: *Vospominanija*. Sankt-Peterburg: Inapress, 2000, s. 145.

В бесчеловечном мире тоталитарного государства, попиравшего человеческое достоинство, резко противоречившего всему, что Эфрон вынес из семейного круга и французской культуры, литература постепенно превратилась для него в единственную сферу свободы и подлинности, в ценность высшего разряда, позволившую ему сохранить смысл жизни. Мотив напора жестокой советской действительности и бегства перед ним в художественный мир литературных произведений активизируется в дневниках и письмах Эфрона в первые военные недели. Ужасные условия путешествия в Элабугу провоцируют его, с одной стороны, к язвительному сарказму:

«Мы плывем в 4м классе — худшем. Откровенно говоря, все еще не слишком скверно. Мы спим сидя, темно, вонь, но не стоит заботиться о комфорте — комфорт не русский продукт» [8 августа 1941, I 484],

с другой — к отчаянию:

«Разве я могу духовно возвышаться, если условия моей жизни меня принуждают переносить все и не реагировать вместо того, чтобы задумываться над тем, что я замечаю». (13 августа 1941, I 495)

Возникшая на пароходе из Москвы в Элабугу тематическая линия «мусора материальных трудностей» (I 495) усиливалась в следующие месяцы по мере того, как осложнялось положение Эфрона, и достигла апогея на рубеже 1942–1943 годов. Весьма примечательна при этом разница в интонации писем и дневниковых записей. В переписке с сестрой Мур о своих проблемах писал с нарочитой дельностью и бодростью:

«Теперешнее мое существование занято на 90 % добыванием пищи; большинство сил и энергии уходит на это, и голова забита заботами о питании. Это соответствует тому, что главной задачей для меня сейчас является, прежде всего, сохранение возможной доли здоровья и чисто-физическое продолжение существования. Все остальные проблемы отходят на второй план. Еще надо учесть то, что, во-1х, я, в силу отсутствия времени и пособий, лишен возможности серьезно заниматься историей литературы — единственным, чем я когда-нб. смогу заняться, а, во-вторых, у меня нет никакой среды,

никакого общения — я одинок абсолютно, и тем более приходится хоть физически восполнять физическую пустоту. Основное — жить и дожить до победы над немцами. Потом все будет сразу легче».
(4 декабря 1942, П)

В дневнике, не рассчитанном на внешнего адресата, Эфрон, иногда целиком обессилевший от беспрестанных ударов судьбы, которые отнимали у него время и силы для литературных занятий, давал исход усталости и отчаянию:

«О Боже, Боже, как все надоело и опротивело. Надоела и опротивела школа: все те же лица, те же шутки, те же отупляющие скучнейшие предметы и те же дубины-учителя. Надоела улица — вульгарная и крикливая. Надоело и опротивело собственное «я» — без руля и без ветрил, злое и пессимистическое. Надоела грязь, надоели голод и безденежье. Все — противно, от всего тошнит; вот уж буквально la pause [тошнота]. Одного только хочется — жратвы. [...] Эх, деньги, деньги! Только они и нужны. Но как я устал от этой грубой, грязной, глупой жизни. Чем кончится моя ташкентская авантюра? Мобилизацией на трудфронт или в армию, возвращением в Москву, оставанием в Ташкенте? Я живу в предчувствии катастрофы».
(16 мая 1943, II 230–231)

Параллельно с мотивом жизненных препятствий, резко вызванных войной и выражаемых Эфроном с помощью насыщенных отрицательно лексем («сплошной хаос, настоящий кошмар», «полнейший распад и разложение», «грязь», «ужас», «сумбур, бред, кошмар из кошмаров», «сплошное уродство»), развивается в эгодокументах мотив литературы, как пространства, резко противопоставленного реальному миру: «Какая гадость и унижение — эти вши. Продолжаю читать „Богатые кварталы“» (5 ноября 1941, II 93). Несовместимость обоих была столь великой, что иногда их сосуществование казалось Эфрону абсурдом:

«Что я делаю в Елабуге, с грязью и дождем — с моей любовью к французской литературе, к Франции, к мировой политике? Бред все-таки, что я — здесь». (26 августа 1941, I 537)

В предельно трудных, как в материальном, так и в духовном смысле, условиях эвакуации, а потом учебы на сборном пункте, литература ста-

новилась его последним прибежищем, а общение с ней — применяемым интуитивно средством самопомощи в ситуации постоянного и сильного стресса. Первая запись, дающая основание говорить о терапевтической роли литературы в жизни Мура, была им сделана 14 октября 1941 года: «Я ничего не желаю, кроме хорошей жизни среди книг любимых [...]» (П 39). Равным образом писательская практика представляла как лечение словом, едва ли не магический обряд, способный упразднить военную действительность¹⁴:

«До чего приятно писать. Пока я пишу эти строчки, у меня впечатление, что я исполняю вроде ритуала, пишу свое духовное завещание, фиксирую мои последние моральные пожелания. Надо признаться — мое настоящее положение откровенно шаткое и неустойчивое. Мое благополучие, мой любимый покой, который позволяет мне в данный момент писать, и читать, и записывать, — все это держится на волоске, который может оборваться с минуты на минуту. Мое «я» в опасности». (14 октября 1941, П 41)

Целебный потенциал литературы обнаруживается и в привычке читать любимые стихотворения вслух:

«Я часто декламирую, вернее, — читаю вслух стихи Бодлера, Верлена, Валери, Малларме; они мне придают более силы, более бодрости, чем вся сахарная свекла на свете, о которой, кстати, вот сейчас опять заговорили у соседей (все слышно)». (3 апреля 1943, П)

Чем невыносимее становится жизнь Мура, тем сильнее он цепляется за литературу, видя в ней свое единственное спасение и стремясь, вопреки окружающему его хаосу, заниматься своим делом:

«Составляю сборник лучших стихов главных поэтов Франции XIX и XX вв. [...] Неприятно чувство, что это — лишнее занятие, которое как-то „потонет“. Все же каждый придерживается своей линии, и я — своей: любви к литературе, к поэзии». (14 ноября 1941, П 125–126)

¹⁴ То же целебное воздействие оказывала на Эфрона и музыка: «Музыка — о, великое искусство, о, главное искусство! Как сразу уходят на х... и война, и пароход, и Елабуга, и Казань, и устанавливается Небесный Интернационал». (9 августа 1941, I 487).

Учитывая процитированные, а также многие другие пассажи эго-документов Эфрона, вполне обоснованным является вывод о литературоцентричности его жизни и душевного склада. Все его интересы, мысли, мечтания, планы и действия фокусировались на литературе. Она была залогом выживания перед лицом наступающего варварства, заодно исходной и целевой точкой, единственным доступным ему способом самозащиты и формой противостояния слепому террору, землей обетованной, куда стремился, мерилом, с помощью которого оценивал человеческое достоинство и ценностью, вокруг которой выстраивал свою идентичность. Словесное творчество он считал своим призванием («[...] если я как-либо смогу крепко утвердиться на земле, то это будет именно в области литературы, перевода, критики [28 марта 1943, П]»), вследствие чего собственная жизнь, со всеми ее трагедиями и испытаниями, мыслилась им как материал для будущих произведений:

«[...] жизнь свою я воспринимаю в литературном плане, и все в ней служит материалом для будущего романа. Каждая фаза моей жизни превращается в главу будущей книги. Не надо ничего забывать, возможно больше наблюдать. Моя цель (главная, разумеется) — книга. Она, эта книга, ни одна строчка которой еще не написана, будет медленно зреть и принимать определенные очертания. Я не тороплюсь; все в свое время. Но процесс усвоения и переработки идет и идет, и лишь последняя точка перед словом «конец» завершит его окончательно». (20 апреля 1943, П)

Весьма примечательны в этом отношении слова из последнего письма, написанного за три дня до смерти, в котором Эфрон сопоставлял себя с французскими писателями, имевшими за собой армейский опыт, и интересовался литературной жизнью Москвы:

«Теперь вот уже некоторое время, как я веду жизнь простого солдата, разделяя все ее тяготы и трудности. История повторяется: и Ж. Ромэн, и Дюамель и Селин тоже были простыми солдатами, и это меня подбодряет! [...] Жалко, что я не был в Москве на юбилеях Римского-Корсакова и Чехова!». (7 июля 1944 года, П)

Список использованных источников — References:

- BABAJEV, Édouard: *Vospominanija*. Sankt-Peterburg: Inapress, 2000.
- BELJAKOV, Sergej: *Georgij Èfron: žizn' čitatelja*. *Voprosy literatury*, 2022, nr. 1, s. 233–276.
- BELJAKOV, Sergej: *Parižskij mal'čik Georgij Èfron. Meždu dvumja nacijami*. Novyj Mir, 2011, nr. 3, s. 123–142.
- BRZYKCY, Jolanta: *Ciąg dalszy nie nastąpił. O juveniliach Georgija Efrona*. In: EFRON, Georgij: *Rododendron na Alasce. Twórczość literacka 1941–1944*. Przekład z rosyjskiego, redakcja i opracowanie naukowe G. Ojcewicz. Szczytno: Wydawnictwo «GregArt», 2023, s. 9–51.
- EFRON, Georgij: *Tagebücher. Band I (1940–1941), Band II (1941–1943)*. Aus dem Russischen und Französischen übersetzt von Gertraud Marinelli-König. Wien: Hollitzer Verlag, 2022.
- EFRON, Georgiy (Murr): *Journal (1939–1943)*. Traduit du russe par S. Goblot, préface, notes et révision de la traduction V. Lossky, postface C. Bérenger. Genève: Éditions des Syrtes, 2014.
- EFRON, Georgij: *68 listów z piekła sowieckiego raju. 1940–1944*. Przekład z rosyjskiego, redakcja i opracowanie naukowe G. Ojcewicz. Szczytno: Wydawnictwo «GregArt», 2022.
- EFRON, Georgij: *Dzienniki 1940–1943. T. I–III*. Przekład z rosyjskiego, redakcja i opracowanie naukowe G. Ojcewicz. Szczytno: Wydawnictwo «GregArt», 2019–2021.
- EFRON, Georgij: *Rododendron na Alasce. Twórczość literacka 1941–1944*. Przekład z rosyjskiego, redakcja i opracowanie naukowe G. Ojcewicz. Szczytno: Wydawnictwo «GregArt», 2023.
- ÈFRON, Georgij: *Dnevniki. V dvuch tomach*. Podgot. tekstov, predisl. i primeč. Je. B. Korkinoj, V. K. Losskoj. Moskva: Vagrius, 2004.
- ÈFRON, Georgij: *Neizvestnost' buduščego. Dnevniki i pis'ma 1940–1941 godov. S risunkami Georgija Èfrona (publikujutsja v pervyje)*. Podgot. tekstov Je. B. Korkinoj, V. K. Losskoj, A. I. Popovoj. Moskva: AST i RGALI, 2018.
- ÈFRON, Georgij: *Pis'ma M. I. Cvetajevoj*. [online]. [cit. 2023-06-27]. <https://coollib.net/b/67711-georgiy-efron-pisma-m-i-tsvetaevoy/read>.
- ÈFRON, Georgij: *Pis'ma*. Moskva: Dom-muzej Mariny Cvetajevoj; Bolševo: Muzej M. I. Cvetajevoj, 2002.
- ÈFRON, Georgij: *Pis'ma*. Sost., podgot. tekstov, predisl. i primeč. Je. B. Korkinoj. Kaliningrad: «Luč», 1995.
- ÈFRON, Georgij: *Zapiski parižanina. Dnevniki, pis'ma, literaturnyje opyty 1941–1944 godov. S risunkami avtora (publikujutsja v pervyje)*. Podgot. tekstov Je. B. Korkinoj, V. K. Losskoj, A. I. Popovoj. Moskva: AST i RGALI, 2018.

- GEORGIJEVA, Natalija Georgijevna: *Memuary kak fenomen kul'tury i kak istoričeskij istočnik*. Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Istorija Rossii, 2012, nr. 1, s. 126–138.
- MEDIK, Chans: *Mikroistorija*. Perekhod T. I. Dudnikovoj. Thesis, 1994, vyp. 9, s. 193–202.
- OJCEWICZ, Grzegorz: *Wstęp*. In: EFRON, Georgij: *Dzienniki 1940–1943*. T. III. Przekład z rosyjskiego, redakcja i opracowanie naukowe G. Ojcewicz. Szczytno: Wydawnictwo «GregArt», 2021, s. 11–30.
- POLECHINA, Majja Michajlovna: *Ėkzistencial'naja avtobiografija syna poëta (svidetel'stvo Georgija Ėfrona)*. Studia Rossica, 2006, nr. XVII, s. 369–380.
- SZULAKIEWICZ, Władysława: *Ego-dokumenty i ich znaczenie w badaniach naukowych*. Przegląd Badań Edukacyjnych, 2013, nr. 16, vol. 1, s. 65–84.

Jolanta Brzykcy

PhD, Assoc. Prof., Institute of Literary Studies, Faculty of Humanities, Nicolaus Copernicus University in Toruń, 87-100 Toruń, ul. Fosa Staromiejska 3, Poland
tomine@umk.pl
ORCID 0000-0001-9563-0723

Дихотомии ценностей в автобиографическом романе Виктора Ерофеева «Хороший Сталин»

Тюнде Сабо

Абстракт

Уже само название романа В. Ерофеева «Хороший Сталин» содержит провокационную оценку, а динамика сюжета основана на столкновении противоположных взглядов на жизнь, историю и культуру автобиографического героя и старшего поколения. В сюжете можно выделить три разных жанровых кода: автобиографии, семейного романа и историко-философского эссе. Благодаря их синтезу создается калейдоскопический взгляд на изображаемый исторический период и исключается возможность его однозначного истолкования. Но в силу того, что через весь текст проходит метафоризация образа Сталина, проникающая в каждую из этих трех составляющих сюжета, выстраивается единая картина с определенной и сильной авторской позицией. В статье рассматриваются эти два параллельно развивающихся, но противоположных по своему результату процесса — смешивание различных точек зрения и ценностей, с одной стороны, и выстраивание единой авторской оценки, с другой.

Ключевые слова: Виктор Ерофеев; «Хороший Сталин»; «отцеубийство»; парадокс авторской позиции

Dichotomies of Values in Viktor Yerofeyev's Autobiographical Novel *Good Stalin*

Abstract

The very title of V. Erofeev's novel *Good Stalin* contains a provocative assessment, and the dynamics of the plot is based on the clash of opposing views on life, history and culture of the autobiographical hero and the older generation. Three different genre codes can be distinguished in the story: autobiography, family novel, and historical-philosophical essay. Their synthesis creates a kaleidoscopic view of the depicted historical period and excludes the possibility of its unambiguous interpretation. However, due to the fact that the metaphorisation of Stalin's image runs through the whole text, penetrating each of these three components of the plot, a unified picture with a definite and strong authorial position is constructed. The article examines these two parallel but opposite processes — the blending of different perspectives and

values on the one hand, and the construction of a unified authorial judgement on the other.

Key words: Victor Erofeev; Good Stalin; “patricide”; paradox of author’s position

Научный руководитель Левада-центра Лев Гудков утверждает, что в России «с приходом Путина к власти началась реставрация сталинизма» и с помощью государственной пропаганды «идет тихая, но неустанная реабилитация Сталина». ¹ Причину изменения в отношении россиян к Сталину Гудков видит отчасти в том, что

*«нет авторитетных позиций в публичном пространстве. Ни историков, ни авторитетных групп населения, которые могли бы дать всему интерпретацию и моральную оценку».*²

В таких условиях, вышедшее в 2004 году произведение Виктора Ерофеева «Хороший Сталин», одной из главных целей которого является осмысление феномена сталинизма с двойной точки зрения — «отцов и детей», мне кажется особо актуальным.

В. Ерофеев также подчеркивает недостаточность моральных ориентиров в современном обществе. В одном из интервью он говорит о том, что в XX веке в России ценности потеряны дважды: в 1917 и 1991 годах. В результате драматических политических и общественных перемен ценности разбились, и «у каждого есть свой мешочек ценностей, таких разбитых...».³

Похожим «мешочком» предстает, на мой взгляд, его роман «Хороший Сталин», в котором собраны осколки детских и юношеских воспоминаний, а также воспоминаний отца, сотрудника Молотова и личного переводчика Сталина. На основе этих разнородных осколков разбитых ценностей осмысляется автором феномен сталинизма, и, в связи с ним, русская ментальность.

¹ GUDKOV, Lev: *Osobeno rezko restalinizacija načalas’ s prichodom k vlasti Vladimira Putina*. Golos Ameriki. [online]. 2021 [cit. 2023-10-30]. <https://www.golosameriki.com/a/levada-poll-stalin-putin/5936966.html>.

² Тогда как в 1989 году Сталин не входил даже в первую десятку популярных исторических лиц и в отношении него долго преобладали чисто негативные оценки, согласно последнему исследованию «Левада-центра» 39 процентов респондентов поставили Сталина на первое место. (Ibidem)

³ JEROFEJEV, Viktor: *Znatok ruskoj duši — Viktor Jerofejev*. Radio Svoboda. [online]. 2018 [cit. 2023-10-30]. https://www.youtube.com/watch?v=DI-2f1_V06w.

В сюжете можно выделить три разных жанровых кода: автобиографии, где в центре внимания — становление писателя; семейного романа, сфокусированного на взаимоотношениях отцов и детей, в первую очередь, на отношении Ерофеева-старшего к советской власти и лично к Сталину; и историко-философского эссе, с помощью которого осмысляются особенности русской ментальности. Благодаря их синтезу создается калейдоскопический взгляд на изображаемый исторический период и исключается возможность его однозначного истолкования. Но в силу того, что через весь текст проходит метафоризация образа Сталина, проникающая в каждую из этих трех составляющих сюжета, выстраивается единая картина с определенной и сильной авторской позицией. Я попытаюсь показать эти два параллельно развивающихся, но противоположных по своему результату процесса — смешивание различных точек зрения и ценностей, с одной стороны, и выстраивание единой авторской оценки, с другой.

Автобиографическая составляющая в романе состоит в основном из дихотомий. Автор-повествователь свою детскую ипостась представляет раздвоенным существом, как по внешности, так и по характеру:

*«Я был медлителен. [...] С другой стороны, я был стремителен. Я был ураган желаний, сметающий все вокруг себя. [...] Безумный взгляд черных глаз, сверлящих мир, с тем чтобы высверлить в нем новый, небывалый закон, принадлежит застенчивому сутулому ребенку с нежной, обаятельной улыбкой, возникшей на людоедских губах».*⁴

Формирование личности Ерофеева-мальчика тоже обосновано дихотомиями — противоположными менталитетами отца и матери и двух культур, советской и французской. Тогда как отец представлен как «один из самых блестящих советских дипломатов своего времени [...] по своим взглядам — убежденный коммунист, сталинский „сокол“» (17, 18), мать постепенно становится приверженкой современной ей культуры, присваивающей либеральные ценности и презирующей мужа-чиновника. Отношение Ерофеева-мальчика неоднозначно и к отцу, и к матери. Долгое время он их воспринимает как «суперродителей» (135), но маму он упрекает в холодности, в отсутствии любви к нему, а в отце не готов принять его «селективный взгляд» по отношению к Сталину

⁴ JEROFEJEV, Viktor: *Chorošij Stalin*. Sankt-Peterburg: Azbuka-klassika, 2010, s. 30. Далее текст романа цитируется по этому изданию с указанием страницы в скобках.

и сталинским репрессиям. По мере того, как мальчик подрастает, его внутреннее раздвоение становится все более очевидным и им самим осознанным:

«В культурном отношении я все больше тянулся к маме. Однако основной жизненный настрой отца был мне ближе: энергия, воля, опыт, война и игра. На стороне мамы оставались книги». (200)

На развитие Ерофеева-мальчика, кроме неоднозначности в семейных отношениях, оказывает огромное влияние дихотомия двух культур — французской и советской. На этой дихотомии основаны третья и четвертая главы произведения. В третьей главе ребенок, принадлежащий советской номенклатуре, знакомится с французским миром и наблюдает его влияние на родителей. В четвертой, зараженный уже французской культурой подросток, сравнивает свой парижский опыт с московской жизнью.

В Париже, где Ерофеев-старший работает культурным атташе при посольстве СССР, быт семьи постепенно меняется. Сначала появляется красивая одежда, особые предметы личной гигиены и новые способы проведения свободного времени, потом и питание переходит на французский лад. Проникновение французской кухни в быт семьи описано прямо как «война двух мощных гастрономических систем»:

«Путь от сладкого крымского портвейна, мадеры, хереса к бордо и бургундскому стал наиболее значимой сдачей советских позиций. [...] На кухне жарится бифстек с кровью. Вместе с красным вином он оттесняет Клавины котлеты. Мясорубка молчит, но внезапно на левом фланге возникают черные сухари. Мы не можем перед ними устоять. Черные сухари ассоциируются у нас не с каторгой, а ностальгией по «бородинскому» хлебу. [...] Зато багет с хрустящей корочкой, живущий, как мотыль, один день, вступает в борьбу с нарезным московским батоном за двенадцать пятьдесят, выдавливая его, и только московские калачи, эти дамские сумочки, осыпанные мукой, сохраняют свое дистанционное превосходство».
(141–142)

В четвертой главе для Ерофеева-мальчика, вернувшегося в Москву без родителей, «жизнь превращается в сравнение» (227). Автобиографический герой переживает не только конфликт между парижским

опытом и московской действительностью, но и пропасть между сыном дипломата и детьми «переулочных подвалов и коммуналок на улице Горького» (226). Надо отметить, что примерно до окончания школы для Ерофеева-младшего конфликт двух миров носит отнюдь не идеологический характер. Автор-повествователь подчеркивает, что его «двойное гражданство в культуре» сложилось «из бытовой семиотики, невидимых мелочей, которые вошли в [его] кровь» (143).

Идеологического типа противостояние окружающему миру и, в первую очередь, отцу начинается в старших классах, когда молодой Ерофеев становится моралистом, размышляет «в нравственных категориях справедливости и оправдания добра» (257), увлекается поэзией шестидесятников и стихами Евтушенко, которые заставляют его «почувствовать отчуждение от собственного отца» (253). В университетские годы «дух противоречия» (201), заложенный в ребенке, получает мощную пищу: девятнадцатилетний молодой человек знакомится с русской философией от Соловьева до Бердяева, увлекается Достоевским, открывает для себя Ницше. Благодаря им он «увидел щель между моралью и миром» (268), а увлечение творчеством маркиза де Сада и Шестова открывают ему глаза «на многие вещи [...] и облегчают тягбу с миром...» (268). Во взаимоотношениях молодого Ерофеева с родителями возникают противоречия на идеологической основе:

Домашняя обстановка делалась все более шизофренической и парадоксальной. Мы оба с отцом были идеалистами, отстаивали свои взгляды похожим образом, и как раз это нас развело. На человеческом уровне мы, безусловно, любили друг друга, но идеологический конфликт с годами перерос в необъявленную холодную войну. (287)

Если обратиться к образу отца, то оказывается, что он сам по себе тоже двойственен. Ерофеев-старший во время войны изъездил Европу, побывал в Африке, и этот «советский Одиссей» / «советский Кандид» (65, 82) еще тогда приобщился к европейскому менталитету. В основе его образа лежит дихотомия европейской изысканности в образе жизни, с одной стороны, и верности советской идеологии, с другой.

Одна из главных задач автора-повествователя, которую он пытается решить с помощью воспроизведения жизненного пути отца, заключается в осмыслении дихотомии порядочности и служения греховному режиму, то есть в вопросе: «Мог ли нацистский дипломат быть достойным человеком, верно служа Гитлеру?». (210) Сам Ерофеев-старший отвечает на этот вопрос отрицательно, не поняв, что он прямо относится и к нему самому:

«Для французов ты был нацистским дипломатом. Только служил не Гитлеру, а Сталину. — Это не одно и то же. — Ты так считаешь. Но для французов это одно и то же!» (210)

Однако автор-повествователь утверждает возможность такого парадокса, настаивая на порядочности отца с самого начала сюжета: «Отец был *порядочным* человеком...» (18)

С точки зрения Ерофеева-младшего, отец выступает абсолютно достойно в связи со скандалом альманаха «Метрополь». ⁵ Выход неподцензурного сборника становится поворотным моментом в жизни обоих — как сына, так и отца. Процессы, ведущие к этому событию, осмысляются автором-повествователем опять-таки в дихотомиях — *случая и судьбы, фикции и действительности*.

С одной стороны, автор-повествователь уже само свое появление на свет оценивает как «дело голого, по-своему филигранного случая» (46) — и практически все приключения отца во время войны и знакомство с будущей женой служат тому подтверждением. Случайным фактором его жизни оценивается и Париж («Если бы отец поехал не в Париж, а в другую страну, моя жизнь сложилась бы иначе», 130), а также сближение с поэтами-шестидесятниками, непосредственно приведшее к изданию альманаха: «в 1979 году, *gone with the wind* в самиздат, я невольно *политически* убил своего отца». (126)

С другой стороны, «отцеубийство», то есть издание альманаха представлено как нечто «почти полностью предопределенное жизненным назначением» (295), проявляющимся еще в претензии бабушки, обвинявшей мальчика в убийстве дедушки. «Если следовать этой семейной логике, то, раз я убил деда, я должен был убить и своего отца». (38)

Осознание дихотомии случая и судьбы является важным этапом в превращении молодого Ерофеева в писателя. Свой детский опыт по

⁵ В роман включено собственное эссе Ерофеева про историю создания альманаха и также про последствия его «публикации». См. JEROFEJEV, Viktor: *Vremja «MetrOpolja»*. In: JEROFEJEV, Viktor: *Strašnyj sud*. Moskva: Sojuz fotočudožnikov Rossii, 1996, s. 493–507. Историю издания реконструируют на основе других источников: BIT-JUNAN, Jurij; FEL'DMAN, David: *K istorii al'manacha «Metropol'»*. Vestnik RGGU. Serija «Istorija. Filologija. Kul'turologija. Vostokovedenije», 2018. № 11 (44), s. 31–41. В связи с историей альманаха также см. ZALAMBANI, Marija: *Delo «MetrOpolja»: Stenogramma rasširennogo zasedanija sekretariata MO SP SSSR ot 22 janvarja 1979 goda*. Novoje literaturnoje obozrenije. [online]. 2006. № 6. [cit. 2023-10-30]. <https://magazines.gorky.media/nlo/2006/6/delo-metropolja.html?ysclid=ljkhjdwvsk880264400>.

этому поводу автор-повествователь вспоминает как «игру в прятки» с судьбой, в которой случаю придается особое значение.

«Так же, как и в прятках, в которые играла с ним судьба, он понимал, что [...] какой-то скромный намек на истину спрятан за совершенно случайным поворотом, неловким словом или дикой сценой. [...] Игры в прятки были его путеводной звездой, во всяком случае, до того момента, пока он сам не почувствовал алгоритма случайности и фатализма, составляющего основу вещей в мире, где все мы сейчас находимся». (271–272)

Именно рассмотрение и осмысление алгоритма случайности и фатализма выделяет, по собственной оценке, Ерофеева-автора среди русских писателей, поскольку, как он считает, русскому писателю «не дано проникнуть в двойственный мир случайности и закономерности, услышать их музыкальный ритм. Он не осваивает случайность» (154).

В силу того, что случайное и одновременно предопределенное «отцеубийство» является результатом формирования писателя и совершается созданием литературного произведения, в ведущем к нему процессе играет основополагающую роль дихотомия действительности и фикции. Разные этапы этого процесса четко отмечены автором-повествователем. Мир для Ерофеева-мальчика сначала раскалывается на действительность и мир выдумки с помощью вранья. В детстве он врет «без всякой пользы для себя, просто из любви к вранью» (204), и, согласно оценке автора-повествователя, именно «из вранья родилось его отношение к слову» (206). Стремление мальчика преобразовать мир проявляется и в его приключенческих и детективных историях, которые он сочиняет и разыгрывает сам для себя во время поездок с родителями по Франции.

«На обратной дороге из Канн в Париж я заметил за собой странное раздвоение. Глядя в окно машины [...] я вдруг провалился в другой мир. [...] ... я превращался в сверхчувствительное устройство, по которому пробежали токи каких-то зыбких историй». (178)

Начало настоящего литературного творчества характеризуется как «шизофрения [...] дневного мышления категориями и ночного — бредовыми образами» (258) и молодой Ерофеев «отказывает действительности в том, что она реальна» (265). Сама мотивация создания альманаха объясняется особым значением фикции — слова и литературы — в СССР.

Как утверждает автор-повествователь, «Советский Союз был Империей Слова и Образа», где «жизнь существует в голове, в самоубеждении сознания, в образной системе слова, а не в реальности...» (298).

Параллельно этому, сам роман «Хороший Сталин», как любой литературный текст с документальной основой, соединяет в своем сюжете действительность и фикцию — с однозначным преобладанием второй. Ярче всего проявляется это в образе Сталина, который строится отнюдь не на исторических фактах или поступках и личности «вождя народа». ⁶ Его образ сугубо метафоричен, и построен не на дихотомиях, а отражает особую авторскую позицию и оценку.

Образ Сталина как исторического лица воспроизведен, прежде всего, с помощью воспоминаний Ерофеева-старшего, из которых выделены лишь отдельные эпизоды, демонстрирующие личные отношения между ним и Сталиным, и носящие характерные черты баек (см. эпизод с вызовом врача Сталиным к переводчику, или с официантом, обрызгавшим мундир Сталина). В этих «байках» важно не столько историческое лицо, сколько его личный облик в восприятии Ерофеева-старшего. Как утверждает автор-нарратор, на вопрос, любил ли он Сталина, отец «никогда не отвечал отрицательно, он видел в Сталине «магнетическую» личность мирового масштаба» (102).

Автором-повествователем проводится параллель между отцом — хозяином «коммунистической ячейки» (то есть семьи) — и Сталиным, державшим «всех русских за детей» (138). Именно этими «семейными» отношениями, а также иррациональностью мышления русских объясняется образ «хорошего Сталина»: «Народ *зачичил* образ *хорошего* Сталина, спасителя России и отца великой нации. Мой отец шел вместе с моим народом». (125)

Для самого автора-повествователя, который позиционирует себя вне советского общества, Сталин существует лишь как фиктивное лицо. Он начинает интересоваться образом вождя по мере того, как у Ерофеева-старшего возникают претензии к деятельности Сталина. Сталин предстает как фиктивный собеседник, в выдуманном общении

⁶ Еще раннюю прозу В. Ерофеева М. Липовецкий характеризует следующим образом: «Вик. Ерофеев создает особого рода художественную культурологию современной исторической реальности и отечественной истории вообще. С этой точки зрения диссонансы, логика абсурда становятся своеобразным доказательством глубокой *патологичности* нашего исторического бытия» (ЛИПОВЕЦКИЈ, Mark: *Mir kak tekst: Vič. Jerofejev. Telo Anny, ili Konec rusckogo avangarda*. Literaturnoje obozrenije, 1990, № 6, s. 64). Роман «Хороший Сталин» является, на мой взгляд, очередным подтверждением этого тезиса.

с которым автор-повествователь пытается понять суть сталинизма и русскую ментальность.

В Сталине он видит, прежде всего, человека мечты, который, пытаясь переделать человеческий материал, бросил «метафизический вызов природе» (55). Именно преданность мечте сближает образ Сталина с русской ментальностью:

«по мнению автора-повествователя «русские мечтают нафосно, старомодно. В этом разгадка моего папы — сталинского сокола. И — разгадка моей страны. Ради мечты не страшны никакие жертвы. Миллионы — ничем. [...] Русская душа по натуре своей сталинистка». (249, 230)

Сталин, пытавшийся преобразовать мир вокруг себя, воспринимается «в качестве художника, создавшего в реальности свой проект мира» (247). Это же предельное расширение метафорического значения феномена сталинизма, который охватывает таким образом и сферу художественного творчества. Отсюда и параллель с самим автором-повествователем, который «тоже чувствует Сталина в себе» (344).⁷ Получается, что создание собственного мира — будь тот только художественным — тоже может привести к убийству. И в самом деле, альманах «Метрополь», согласно признанию автора-повествователя, был сооружен как «литературная атомная бомба» чтобы с ее помощью «похоронить советскую литературу» (298, 299). В качестве побочного эффекта произошло «настоящее» политическое убийство отца.⁸

Сам же роман «Хороший Сталин» в этом смысле парадоксален. С одной стороны, анализ феномена сталинизма и указание на параллель между деятельностью Сталина и русской ментальностью деконструирует миф о Сталине как историческом лице, поскольку «анализ — враг мечты. Разгадка — смерть сказки» (250). С другой стороны, предельное расширение метафорического значения образа релятивизирует злодеяния исторического лица (несмотря на то, что позиция автора по отношению к сталинской эпохе и самому Сталину однозначно

⁷ Более конкретный пример, когда он ощущает себя «Сталиным канадской литературы», историю которой он придумал сам для срочного отчета в ИМЛИ (317).

⁸ «Отцеубийство» как определение происшедшего активизирует широкий круг художественных и нехудожественных текстов (роман «Братья Карамазовы», статью З. Фрейда о Достоевском, роман А. Белого «Петербург», историю П. Морозова и т. д.), в контексте которых история Ерофеева приобретает дополнительный смысл. Тема — для дальнейшего рассмотрения.

отрицательна). А с помощью создания собственного текста сам автор выступает продолжателем сталинской, и заодно русской литературной традиции, в которой «писатель больше, чем писатель»: оказывается, он сам — маленький Сталин.

Поэтому, возвращаясь к началу статьи, к проблеме причин ресталинизации, можно сказать, что роман Виктора Ерофеева, несмотря на занимательность сюжета и все остроумие автора, не сильно помогает ориентироваться в заявленной проблеме.

Список использованных источников — References:

- BIT-JUNAN, Jurij, FEL'DMAN, David: *K istorii al'manacha «Metropol'»*. Vestnik RGGU. Serija «Istorija. Filologija. Kul'turologija. Vostokovedenije», 2018, № 11 (44), s. 31–41.
- GUDKOV, Lev: *Osobenno rezko restalinizacija načalas' s prihodom k vlasti Vladimira Putina*. Golos Ameriki. [online]. 2021 [cit. 2023-10-30]. <https://www.golosameriki.com/a/levada-poll-stalin-putin/5936966.html>.
- JEROFEJEV, Viktor: *Chorošij Stalin*. Sankt-Peterburg: Azbuka-klassika, 2010.
- JEROFEJEV, Viktor: *Vremja «MetrOpolja»*. In: JEROFEJEV, Viktor: *Strašnyj sud*. Moskva: Sojuz fotochudožnikov Rossii, 1996.
- JEROFEJEV, Viktor: *Znatok ruskoj duši — Viktor Jerofejev*. Radio Svoboda. [online]. 2018 [cit. 2023-10-30]. https://www.youtube.com/watch?v=DI-2fl_V06w.
- LIPOVECKIJ, Mark: *Mir kak tekst: Vik. Jerofejev. Telo Anny, ili Konec russkogo avangarda*. Literaturnoje obozrenije, 1990, № 6, s. 63–65.
- ZALAMBANI, Marija: *Delo «MetrOpolja»: Stenogramma rassširenogo zasedanija sekretariata MO SP SSSR ot 22 janvarja 1979 goda*. Novoje literaturnoje obozrenije. [online]. 2006, № 6 [cit. 2023-10-30]. <https://magazines.gorky.media/nlo/2006/6/delo-metropolja.html?ysclid=ljkhjdwvsk880264400>.

Tünde Szabó

Dr. hab., PhD, Associate Professor, Department of Russian Philology, Faculty of Humanities and Social Sciences, University of Pécs, Ifjúság útja 6, Pécs H-7624, Hungary

szabo.tunde@pte.hu

ORCID 0000-0001-5955-0662

Формирование образа декадента в ранней прозе Валерия Брюсова

Нина Владимировна Барковская

Абстракт

В статье рассматривается соотношение искусства и жизни в творчестве Брюсова. Цель — исследовать проявление «декадентского» комплекса на материале нескольких произведений писателя 1890–1900-х гг. Обосновывается вывод о том, что изначально декадентства не было в личности Брюсова, но сформулированная задача — быть вождем декадентства — обусловила разработку соответствующего образа в ранней повести «Декадент» и в новеллах «психологического эксперимента» («Мраморная головка»). Роднит Брюсова с генерацией «старших» символистов панэстетизм и культ самоутверждения. Увлечение Н. И. Петровской внесло «декадентский комплекс» в жизнь писателя, что отразилось на изменениях в трактовке «римской» темы («Рея Сильвия»). Преодолеть психологический кризис на этот раз помогла как раз волевая ипостась «писателя» — активного участника литературного процесса.

Ключевые слова: русский символизм; символистская проза; жизнетворчество; проза Брюсова; проблема автора

Formation of the Image of a Decadent in the Early Prose of Valery Bryusov

Abstract

The article examines the relationship between art and life in Bryusov's creative works. The goal is to explore the manifestation of the "decadent" complex based on several works of the writer of the 1890–1900s. The conclusion is substantiated that initially there was no decadence in Bryusov's personality, but the formulated task—to be the leader of decadence—led to the development of the corresponding image in the early story "The Decadent" and in the short stories of the "psychological experiment" ("Marble Head"). Bryusov has in common with the generation of "senior" symbolists pan-aestheticism and the cult of self-affirmation. Passion of N. I. Petrovskaya introduced a "decadent complex" into the writer's life, which was reflected in changes in the interpretation of the "Roman" theme ("Rhea Silvia"). This time the strong-willed persona of the

“writer” as an active participant in the literary process was helped overcome the psychological crisis.

Key words: Russian symbolism; symbolist prose; life creativity; Bryusov’s prose; author’s problem

Брюсов вошел в историю литературы как вождь московских символистов-декадентов. Сборники «Русские символисты», издательство «Скорпион», журнал «Весы» — всё это изменило литературный ландшафт Москвы и способствовало выдвиганию нового течения в мейнстрим. Но был ли сам Брюсов декадентом? Попробуем доказать гипотезу: охотно играя роль «черного мага», Брюсов сумел вызвать «демона» декаданса, но не сумел совладать с ним, что неизбежно сказалось и на характере его творческой личности.

Вне рассмотрения оставляем поэзию Брюсова, которая изучена гораздо более полно. Первое произведение Брюсова, подписанное его собственным именем (в отличие от сборников «Русские символисты»), было именно прозой и называлось «Декадент. Лирическая повесть в XII главах» (1894). 4 марта 1893 г. Брюсов сделал (часто цитируемую) запись в дневнике:

«Талант, даже гений честно дадут только медленный успех, если дадут его. Это мало! Мне мало! Надо выбрать иное. [...] Найти путеводную звезду в тумане. И я вижу их: это декадентство и спиритизм. [...] они идут вперед, развиваются, и будущее будет принадлежать им, особенно когда они найдут достойного вождя. А этим вождем буду я! Да, я!...»¹

Трактовка понятия «декадент», «декадентство» в русской культурной традиции опиралась на европейские литературные реалии.

Большинство исследователей указывают, что слово стало популярным после книги Макса Нордау «Вырождение» (переведена на русский язык в 1893 г.). Негативное содержание в декадансе подчеркнул М. Горький, откликнувшийся в 1896 г. статьей «Поль Верлен и декаденты» на смерть французского поэта². Горький называет декадентов смешными

¹ BRJUSOV, Valerij: *Dnevnik: 1891–1910*. [online]. Moskva: Izdaniye M. i S. Sabašnikovych, 1927, s. 12. [cit. 2023-10-11]. http://imwerden.de/pdf/bryusov_dnevnik_1891-1910_1927_ocr.pdf.

² GOR’KIJ, Maksim. *Pol’ Verlen i dekadenty*. [online]. [cit. 2023-10-11]. <http://gorkiy-lit.ru/gorkiy/articles/article-308.htm>.

людьми с большими претензиями, людьми психически больными, рисующимися своими болезненными странностями. И в искусстве, и в морали декаденты — анархисты, с которыми необходимо бороться. Однако Горький оправдывает их антибуржуазный пафос.

Свою характеристику предложил К. Бальмонт в статье «Элементарные слова о символической поэзии», вошедшей в сборник «Горные вершины» (1904). Бальмонт пишет:

«Как показывает самое слово, декаденты являются представителями эпохи упадка. Это люди, которые мыслят и чувствуют на рубеже двух периодов, одного законченного, другого еще не народившегося. Они видят, что вечерняя заря догорела, но рассвет еще спит где-то за гранью горизонта; оттого песни декадентов — песни сумерек и ночи»³.

Современные исследователи уточняют литературные корни декадентства. А. Л. Григорьев считает декадентом героя романа Ж.-К. Гюисманса «Наоборот» (1884), поскольку этот человек «живет в мире искусственно созданных им самим утонченных и духовно разлагаемых ощущений»⁴. Ж. Нива указывает, что впервые слово «декадент» использовано в сонете Верлена, посвященном упадку Римской империи⁵. О. Ронен полагает, что декаданс — не стиль и не течение, это настроение и тема, которые в равной мере окрашивали и искусство, и научную, философскую, религиозную и общественную мысль своего времени⁶.

Основными характеристиками «старших» символистов называют крайний индивидуализм и панэстетизм⁷. А. Ханзен-Лёве полагает:

«Источником этого панэстетического поворота в раннем русском символизме явился культ самовыражения, особенно ярко пред-

³ BAL'MONT, Konstantin: *Èlementarnyje slova o simvoličeskoj poèzii*. In: BAL'MONT, Konstantin Dmitrijevič: *Gornyje veršiny*. Moskva: Grif, 1904, s. 75–95.

⁴ GRIGOR'JEV, Aleksej: *Simvolizm*. In: *Istorija ruskoj literatury*: v 4 t., t. 4. Literatura konca XIX – načala XX veka (1881–1917). MURATOVA, K. D. (red.). Leningrad: Nauka, s. 421.

⁵ NIVA, Žorž: *Ruskij simvolizm*. In: *Istorija ruskoj literatury*. Serebrjanyj vek. NIVA, Ž., SERMAN, I., STRADA, V., ÈTKIND, Je. (red.). Moskva: Progress, 1987, s. 74.

⁶ RONEN, Omri: *Iz goroda Ènn. Dekadans*. [online]. 2007, № 5. [cit. 2023-10-11]. <https://zvezdaspb.ru/index.php?page=8&nput=767>.

⁷ MINC, Zara: *Poètika ruskogo simvolizma*. Sankt-Peterburg: Iskusstvo-SPb, 2004, s. 178.

ставленный и поэтически реализованный в раннем творчестве Брюсова»⁸.

По-разному трактуют современные исследователи отношение Брюсова к декадентству. З. Г. Минц считает, что Брюсов никогда не порывал с поэтикой декадентства⁹. А. Ханзен-Лёве относит творчество Брюсова к магическому символизму. Панэстетизм приводит к тому, что

«творение мира и творение произведений искусства сливаются в жизнетворчестве художника-демиурга в некоторое пульсирующее единство, где автор и произведение, текст и мир, субъект и объект, человек и Бог оказываются взаимозаменяемыми»¹⁰.

К «старшим» символистам относит Брюсова А. Л. Григорьев¹¹. Черты декадентства в раннем творчестве Брюсова анализирует П. М. Гаврилова¹², подразумевая, что потом Брюсов освободился от декадентства. Кстати, и Блок писал Александру Гиппиусу 23 февраля 1904 г.: «Брюсов теперь первый в России поэт. [...] Старого декадентства нет и следа...»¹³

Но существуют и другие точки зрения. По мнению А. Пайман, Брюсов «по психологическому складу [...] не был „природным“ декадентом»¹⁴. Л. А. Колобаева считает, что только у раннего Брюсова прослеживаются декадентские черты, но в целом это поэт-неоклассик, стиль его несимволический¹⁵.

Творческая личность Брюсова была сложной и противоречивой. Ж. Нива видит в нем ипостась циническую, эпатирующую, определяя

⁸ CHANZEN-LEVE, Age: *Russkij simvolizm: Sistema poëtičeskich motivov. Rannij simvolizm*. Sankt-Peterburg: Akademičeskij projekt, 1999, s. 51–52.

⁹ MINC, Zara: *Poëtika russkogo simvolizma*. Sankt-Peterburg: Iskusstvo-SPb, 2004, s. 175.

¹⁰ CHANZEN-LEVE, Age: *Russkij simvolizm: Sistema poëtičeskich motivov. Rannij simvolizm*. Sankt-Peterburg: Akademičeskij projekt, 1999, s. 51–52.

¹¹ GRIGOR'JEV, Aleksej: *Simvolizm*. In: *Istorija russkoj literatury: v 4 t., t. 4. Literatura konca XIX – načala XX veka (1881–1917)*. MURATOVA, K. D. (red.). Leningrad: Nauka, s. 419–470.

¹² GAVRILOVA, Polina: *Čerty dekadentstva v rannem tvorčestve V. Ja. Brjusova*. Filologičeskije issledovanija. [online]. 2021, t. 14. [cit. 2023-10-11].<http://academy.petrus.ru/journal/article.php?id=3881>.

¹³ Цит. по: MOLODJAKOV, Vasilij: *Valerij Brjusov. Bud' mramorom*. Moskva: Molodaja gvardija, 2020, s. 185.

¹⁴ PAJMAN, Avril: *Istorija russkogo simvolizma*. Moskva: Respublika, 1998, s. 70.

¹⁵ KOLOBAJEVA, Lidija: *Russkij simvolizm*. Moskva: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2000, s. 121.

поэтику Брюсова как смесь провокации с эрудицией¹⁶. О литературных масках Брюсова, в том числе — мистификациях и псевдонимах, не раз писали исследователи¹⁷. Д. Е. Максимов отмечал ролевое поведение Брюсова: «Хотя впоследствии он и заявлял, что роль вождя русского символизма была “навязана” ему извне, — эту роль он провел с редким умением и несомненной заинтересованностью»¹⁸. Н. И. Петровская в своих воспоминаниях пишет о множестве «футляров»-ролей Брюсова, уверяя, что только она одна знала его настоящего, без маски: «Он замыкался в стили, как в надежные футляры, — это был органический метод его самозащиты...»¹⁹ И далее: «Фанатиком, жрецом, священнослужителем искусства прошел Брюсов сквозь жизнь, и в этом-то и была его органическая сущность»²⁰.

Абсолютно все, и мемуаристы, и современные исследователи пишут о важнейшем качестве Брюсова — его воле к выстраиванию своей жизни и своего направления в литературе. Брюсов сознавал свой рационализм, поясняя интерес ко всякого рода мистике:

«В спиритических сеансах испытал я ощущение транса и ясновидения. Я человек до такой степени “рассудочный”, что эти немногие мгновения, вырывающие меня из жизни, мне дороги очень»²¹.

Деловая хватка, рационализм, железная воля — все эти качества, пожалуй, прямо противоположны переутонченному до болезненности декадентству. Общее с декадентами у Брюсова — крайний индивидуализм и панэстетизм. Что касается интереса к истории античного Рима, то раннего Брюсова привлекал культ героя, сильной личности, об этом писал М. Волошин, и мы солидарны с его утверждением, что никто не отстоял так далеко от «декадентства», как Брюсов.

Однако, как ни странно, шаг за шагом судьба вела Брюсова к психологическому декадентскому комплексу.

¹⁶ NIVA, Žorž: *Russkij simvolizm*. In: Istorija ruskoj literatury. Serebrjanyj vek. NIVA, Ž., SERMAN, I., STRADA, V., ET'KIND, Je. (red.). Moskva: Progress, 1987, s. 75, 77.

¹⁷ ISAJEV, Sergej: *Literaturno-čudožestvennyje maski: Teorija i poëtika*. Sankt-Peterburg: Dmitrij Bulanin, 2012, s. 155–160.

¹⁸ MAKSIMOV, Dmitrij: *Brjusov: Poëzija i pozicija*. Leningrad: Sovetskij pisatel', 1969, s. 43.

¹⁹ PETROVSKAJA, Nina. *Vospominanija*. In: Minuvšeje: Istoričeskij al'manach. 8. Moskva: Otkrytoje obščestvo, 1992, s. 17–79; 57.

²⁰ Там же, с. 59.

²¹ BRJUSOV, Valerij: *Spiritičeskij dnevnik: Mediumizm i èzoterika*. B. M.: Salamandra P. V. V., 2020, s. 39.

Публикуя повесть Брюсова «Декадент», Н. А. Богомолов отмечает ее сходство с юношеским дневником будущего символиста:

«... текст не только автобиографичен, он просто-напросто списан с событий жизни автора, происходивших за год-два до момента завершения повести»²².

Исследователь утверждает, что тема повести — не история любви, не спиритизм, «а именно становление типа “декадента”»²³. Таким образом, сразу проявилась установка Брюсова на конструирование произведения из материала собственной жизни. Задачу выработать из себя декадента он передоверяет Альвиану, герою повести. Вместе с тем, нельзя не отметить ироническую отстраненность автора от героя, на грани самопародии. В поведении Альвиана много цинизма, но он смешон в любовании своими стихами. Пользуясь темнотой на спиритических сеансах в доме Кремневых, Альвиан не только забавляется, подделывая «феномены», но и добивается любви Нины Кремневой. Получив желаемое, Альвиан начинает тяготиться свиданиями, даже подумывает, как хорошо было бы, если бы Нина умерла: «Мне было бы тяжело, но как красиво кончилось бы все и сколько замечательных элегий создал бы я»²⁴. Довольно грубо простившись с ней в последний раз (когда Нина назвала его негодяем), Альвиан добавляет: «В этот день я написал прелестное стихотворение “Ты предо мною безумно рыдала”»²⁵. В конце концов, Нина действительно кончает самоубийством (прототип героини Елена Краскова²⁶ умерла, заразившись черной оспой).

Ниной названа и героиня рассказа «Мраморная головка. (Рассказ бродяги)» (1903). Спившийся старик осужден на тюремное заключение за попытку украсть в богатом дома некую мраморную голову, изваянную в Италии в XV в. Когда-то он был довольно богат, молод, образован. Тогда-то он встретился с Ниной, женой мелкого служащего, которая и в самой жалкой обстановке умела выглядеть утонченной. «Конечно, —

²² BRJUSOV, Valerij: *Dekadent*. In: *Ėrotizm bez beregov: Sbornik statej i materialov*. Moskva: Novoje literaturnoje obozrenije, 2004, s. 298.

²³ Там же, с. 300.

²⁴ Там же, с. 301.

²⁵ Там же, с. 303.

²⁶ Прототип героини — Елена Андреевна Краскова, а не Маслова, как считалось ранее, см.: IVANOVA, Jevgenija, ŠČERBAKOV, Rèm: *Al'manach V. Brjusova «Russkije simvolisty»: sud'by učastnikov*. In: *Blokovskij sbornik XV Tartu*, 2000, s. 33–76. Cit. po: Ruthenia. [online]. [cit. 2023-10-11]. <https://www.ruthenia.ru/document/396665.html>.

рассказывает старик, — я первый бросил ее. Мне казалось это так естественно. Все мои товарищи поступали так же»²⁷. Вскоре Нина умерла, рассказчик постарался стереть ее образ из своей памяти. Годы благополучия миновали, постепенно этот человек опустился на дно. И вот однажды он увидел в доме, где чинил замок, мраморную головку — копию лица его Нины:

«Скажите мне, каким чудом художник в XV столетии мог сделать те самые маленькие, криво посаженные уши, которые я так знал, те самые чуть-чуть раскосые глаза, неправильный нос и длинный наклоненный лоб, из чего неожиданно получалось самое прекрасное, самое пленительное женское лицо?»²⁸

В дневнике Брюсова есть заметка: «Ю. П. Бартнев, прочитав мой рассказ „Мраморная головка“, прислал мне в подарок тот бюстик, который дал повод написать весь рассказ — Мино де Фьезоле...»²⁹

У героя этого рассказа общее с Альвианом легкое отношение к любовным связям, но совсем нет здравомыслия Альвиана, напротив, последняя фраза старика ставит под сомнение всю поведанную историю:

«Одно меня смущает. Что, если Нины никогда не было, а мой бедный ум, ослабев от алкоголя, выдумал всю историю этой любви, когда я смотрел на мраморную головку?»³⁰

Декадентство не сводится только к попиранию морали, оно предполагает особый дар видеть взаимопереход яви и сна, реальности и фантазии, искусства и жизни.

Привлекательной для Брюсова фигурой явился Агриппа Неттесгеймский — человек энциклопедических познаний, стоящий на грани средневековой схоластики и Просвещения, которому молва приписывала занятия магией. Роман о нем был задуман как раз в конце 1903 — начале 1904 г. Но осенью 1904 г. Брюсов знакомится с Ниной Ивановной

²⁷ BRJUSOV, Valerij: *Povesti i rassказы*. Sverdlovsk: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 1987, s. 63.

²⁸ Там же, с. 64.

²⁹ BRJUSOV, Valerij: *Dnevnik: 1891–1910*. [online]. Moskva: Izdaniye M. i S. Sabašnikovych, 1927, s. 114. [cit. 2023-10-11]. http://imwerden.de/pdf/bryusov_dnevnik_1891-1910_1927_ocr.pdf.

³⁰ BRJUSOV, Valerij: *Povesti i rassказы*. Sverdlovsk: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 1987, s. 65.

Петровской. это знакомство переросло в страсть, и с 1905 г. в сюжете романа на первый план выходит линия Ренаты.

В романе «Огненный ангел» Рупрехт (литературный рода двойник Брюсова)³¹ характеризует портрет Ренаты, напоминающий Нину из рассказа «Мраморная головка». Рупрехт разбирает черты ее лица, «как ценитель разбирает мраморные статуи»:

«Я тогда же заметил, что ноздри у Ренаты были слишком тонкими, а от подбородка к ушам щеки уходили как-то наискось, причем самые уши, в которых поблескивали золотые сережки, были посажены неверно и слишком высоко; что глаза были прорезаны не совсем прямо, и их ресницы чересчур длинные, и что вообще все в лице ее было неправильно. [...] При всем том была в Ренате некоторая особая прелесть, какое-то Клеопатрово очарование...»³²

Трудно сказать, напоминали ли реальные черты Н. И. Петровской мраморную головку итальянского мастера. В. Ходасевич пишет: «Нина Петровская не была хороша собой. Но в 1903 году она была молода, — это много»³³. Андрей Белый рисует подробный портрет, начиная словами: «Самый облик ее противоречивый и странный...». И далее нанизывает детали: небольшого роста, с неправильной фигурой, «зловещие черные волосы», «огромные, чувственно вспученные губы, кровавые от пере-краса», густые широкие брови, черная морщина, перерезавшая лоб — то ли преступница, то ли Эриния. Но вдруг улыбнется «растерянной девочкой», «карие, грустные, удивительные глаза ее проникали в душу сочувственно»³⁴.

Образ Ренаты неоднозначен и в романе: то ли святая, то ли ведьма, а может быть, просто истеричная женщина, брошенная графом Генрихом. Но встреча с Ренатой смешала все планы Рупрехта, кинув его в такие глубины любви и страдания, ради которых он всерьез готов был и на шабаш летать, и пожертвовать всем, что у него есть.

³¹ С. П. Ильев подробно проанализировал соотношение Брюсова-автора романа «Огненный ангел», издателя и автора «Правдивой повести» Рупрехта, с самим героем (ИЛ'JEV, Stepan: *Russkij simvolistskij roman*. Kijev: Lybid', 1991, s. 51–55, 100.).

³² BRJUSOV, Valerij: *Ognennyj angel*. Moskva: Vysšaja škola, 1993, s. 59.

³³ CHODASEVIČ, Vladislav: *Nekropol'*. Sankt-Peterburg: Azbuka-klassika, 2001. s. 41.

³⁴ BELYJ, Andrej: *Načalo veka*. Moskva: Chudožestvennaja literatura, 1990, s. 307–308.

В отличие от Рупрехта, Брюсов расстался с Н. И. Петровской в 1911 г. Ее, как известно, ждала трагическая судьба: нищета, алкоголизм, самоубийство в Париже в 1928 г. В. Ходасевич писал:

«Нина Петровская (и не она одна) из символизма восприняла только его декадентство. Жизнь свою она сразу захотела сыграть — и в этом, по существу ложном, задании осталась правдивою, честною до конца. Она была истинной жертвою декадентства»³⁵.

Но и для Брюсова эта история не прошла бесследно: Петровская пристрастила его к морфию. З. Н. Гиппиус удивил вид Брюсова 1911 года:

«Вспомнился самый давний, тонкий, как ветка, скромный молодой человек с черной бородкой, со сдержанно-самоуверенными и мягкими движениями, спокойно-самоуверенный, спокойно-насмешливый. А это... Брюсов? [...] Вот он сидит в столовой за столом. Без перерыва курит... (это Брюсов-то!) и руки с неопрятными ногтями (это у Брюсова-то!) так трясутся, что сыплет пеплом на скатерть, в стакан с чаем [...] Лицо похудело и потемнело, черные глаза тусклы — а то вдруг странно блеснут во впадинах»³⁶.

В 1914 г. Брюсов публикует «повесть из жизни VI века» «Рея Сильвия». Марии, героине повести, не было и десяти лет, когда Рим был взят королем готов Тотилою, сожжен и разорен. Отец Марии каллиграф Руфий совсем перестал заботиться о семье, начал пить и в полубредовом состоянии рассказывал маленькой дочери о былом величии Рима. В голове девочки переплелись древние легенды, рассказы отца, собственные мечтания. Она целыми днями бродила по городу, ложась спать голодной. Рассудок ее постепенно мутился, время шло. Наконец, Мария, которой было уже восемнадцать лет, пробралась в засыпанный землей дворец Нерона. Особенно поразил ее барельеф, изображавший весталку Рею Сильвию. В мечтах Мария видела себя новой Сильвией, призванной возродить великий Город. В один из дней она знакомится с готом Теодатом, любителем древнего искусства. Мария решила, что это и есть бог Марс, отец ее будущих близнецов. Однако финал истории трагичен: Теодат был убит, а Мария разрешилась недоношенным

³⁵ CHODASEVIČ, Vladislav. *Nekropol'*. Sankt-Peterburg: Azbuka-klassika, 2001, s. 40.

³⁶ GIPPIUS, Zinaida. *Živyye lica*. Sankt-Peterburg: Azbuka, 2001, s. 85.

мертвым ребенком и бросилась в Тибр, следуя за сюжетом мифа. А с Альп уже надвигались на Рим полчища лангобардов³⁷.

М. Л. Гаспаров отмечает разницу в трактовке римской темы Брюсовым в 1890-е и 1910-е гг. В первый период Брюсова интересовало в героях их «надысторическое» содержание, в 1910-е на первом плане уже не личность, а общество³⁸. Вместе с тем, пишет исследователь, любовная страсть по-прежнему изображается Брюсовым как стихия, не зависящая от времени и обстоятельств.

Трудно сказать, чувствовал ли Брюсов, что Российская империя столь же близка к своему концу, как некогда Рим, но начало войны, которая получит название Первой мировой, не могло не наводить на размышления. Вместе с тем, его цель — стать вождем декадентства как нового течения в русской литературе — была уже достигнута, программа 1893 г. выполнена, а символизм постепенно сходил с лидирующих позиций в литературном процессе. Издательство «Скорпион» закрылось в 1916 г., журнал «Весы» еще раньше, в 1909 г.

Брюсов переводил стихи Верлена с юности, переводы публиковались в 1894, 1906 и 1911 гг. Но только в издании 1911 г. (год окончательного расставания с Н. И. Петровской) появляется перевод сонета Верлена (1883) «Langueur». Об этом свидетельствует библиография Брюсова, составленная Даниеляном³⁹. Прочитируем начало брюсовского перевода⁴⁰:

*«Я — одряхлевший Рим, на рубеже паденья.
Смотрю, как варваров стремится рать вперед,
А сам беспечные пишу стихотворенья,
Где в стиле золотом истома солнца жжёт.
[...]»⁴¹*

В примечании к этому стихотворению в издании 1911 г. Брюсов указывает:

«Можно предположить, что под „одряхлевшим Римом” Верлен подразумевал самого себя, сознавая падение своего дарования. В воспо-

³⁷ BRJUSOV, Valerij: *Povesti i rasskazy*. Sverdlovsk: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 1987, s. 223–243.

³⁸ GASPAROV, Michail: *Brjusov i antičnost'*. In: BRJUSOV, Valerij Jakovlevič: *Sobranije sočinenij*: v 7 t., t. 5. Moskva: Chudožestvennaja literatura, 1975, s. 543.

³⁹ *Bibliografii V. Ja. Brjusova (1884–1973)*. DANIJELJNA, E. S. (sost.), MURATOVA, K. D. (red.). Jerevan: Izdatel'stvo Jerevanskogo universiteta, 1976, s. 76.

⁴⁰ Текст цитируется в современной орфографии.

⁴¹ VERLEN, Pol': *Sobranije stichov v perevode Valerija Brjusova*. Moskva: Skorpion, 1911, s. 99.

минаниях Адольфа Реттэ рассказывается, как эта мысль тяготила последние годы Верлена»⁴².

Конечно, нельзя прямо экстраполировать эти слова на самого Брюсова, но все же характерно, что к этому стихотворению Верлена он обратился уже тогда, когда годы его громкой поэтической славы остались позади.

Рассмотренный материал позволяет сделать следующие выводы.

В начале творческого пути Брюсова-«писатель», участник литературного процесса, выбирает роль вождя русского декадентства. Декадентство выступает темой, на разработку которой направлены усилия. В статье «Священная жертва» (1905) Брюсов призывал из своей жизни делать искусство: «Пусть поэт творит не свои книги, а свою жизнь»⁴³. Об этой стратегии времен работы над «Огненным ангелом» вспоминает Белый:

«...крохоборствовал он, собирая штрихи для героев, задуманных среди знакомых [...] обирал он себя для героя романа, для Рупрехта [...] Опрокидывая старый Кельн в быт Москвы, он порою и сам утеривал грани меж жизнью и вымыслом...»⁴⁴

Но заметна и другая странная закономерность: искусство программирует жизнь. Еще до встречи с Ниной Петровской это имя и некоторые портретные черты героини, окружающая ее атмосфера неблагополучия и «рока» уже присутствовали в брюсовских произведениях. Роман «Огненный ангел» следует за развертыванием жизненной ситуации, но сами образы Рупрехта и Ренаты словно выросли из предыдущих брюсовских произведений и штудий легенд об Агриппе. Если Рупрехт, захваченный страстью, — «двойник» автора биографического, то Агриппа — «двойник» автора-творца, с математической логикой выстраивающего композицию, играющего авторскими масками, снабжающего текст примечаниями и историческим комментарием. В «Легенде об Агриппе», замыкающей «приложения» к «Правдивой повести» Рупрехта, Брюсов характеризует Агриппу, «оклеветанного ученого», как типологически близкую самому себе личность: это

⁴² Там же, с. 175.

⁴³ BRJUSOV, Valerij: *Svjaščennaja žertva*. In: BRJUSOV, Valerij Jakovlevič: *Sobranije sočinienij: v 7 t., t. 6*. Moskva: Chudožestvennaja literatura, 1975, s. 99.

⁴⁴ BELYJ, Andrej: *Načalo veka*. Moskva: Chudožestvennaja literatura, 1990, s. 313–314.

«неутомимый трудолюбец, энциклопедически образованный ученый, бесстрашный и честный мыслитель, прекрасный стилист и язвительный памфлетист»⁴⁵.

Однако в результате личных перипетий 1905–1911 гг. с декадентским психологическим комплексом столкнулся и сам Брюсов как автор биографический. В произведениях 1913–1914 гг. о Риме периода крушения империи декаданс выразился и в мироощущении героев, и в характеристике переживаемой (героями и автором-творцом) эпохи. Если в самом начале творческого пути Брюсова его литературная персона («писатель») требовала декадентства, не свойственного автору биографическому, то в 1910-х гг. «писатель» помог преодолеть кризис, пережитый автором биографическим.

Список использованных источников — References:

- BAL'MONT, Konstantin: *Ėlementarnyje slova o simvoličeskoj poëzii*. In: BAL'MONT, Konstantin Dmitrijevič: *Gornyje veršiny*. Moskva: Grif, 1904, s. 75–95.
- BELYJ, Andrej: *Načalo veka*. Moskva: Chudožestvennaja literatura, 1990.
- Bibliografii V. Ėa. Brjusova (1884–1973)*. DANIJELJNA, Ė. S. (sost.), MURATOVA, K. D. (red.). Jerevan: Izdatel'stvo Jerevanskogo universiteta, 1976.
- BRJUSOV, Valerij: *Dekadent*. In: *Ėrotizm bez beregov: Sbornik statej i materialov*. Moskva: Novoje literaturnoje obozrenije, 2004, s. 297–348.
- BRJUSOV, Valerij: *Dnevniki: 1891–1910*. [online]. Moskva: Izdanije M. i S. Sabašnikovych, 1927. [cit. 2023-10-11]. http://imwerden.de/pdf/bryusov_dnevniki_1891-1910_1927_ocr.pdf.
- BRJUSOV, Valerij: *Ognennyj angel*. Moskva: Vysšaja škola, 1993.
- BRJUSOV, Valerij: *Povesti i rasskazy*. Sverdlovsk: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 1987.
- BRJUSOV, Valerij: *Svjaščennaja žertva*. In: BRJUSOV, Valerij Jakovlevič: *Sobranije sočinenij: v 7 t., t. 6*. Moskva: Chudožestvennaja literatura, 1975, s. 94–99.
- BRJUSOV, Valerij: *Spiritičeskij dnevnik: Mediumizm i ézoterika*. B. M.: Salamandra P. V. V., 2020.

⁴⁵ BRJUSOV, Valerij: *Ognennyj angel*. Moskva: Vysšaja škola, 1993, s. 362.

- GAVRILOVA, Polina: *Čerty dekadentstva v rannem tvorčestve V. Ja. Brjusova*. Filologičeskije issledovanija. [online]. 2021, t. 14. [cit. 2023-10-11]. <http://academy.petrstu.ru/journal/article.php?id=3881>.
- GASPAROV, Michail: *Brjusov i antičnost'*. In: BRJUSOV, Valerij Jakovlevič: *Sobranije sočinijenij*: v 7 t., t. 5. Moskva: Chudožestvennaja literatura, 1975, s. 543–556.
- GIPPIUS, Zinaida. *Živjye lica*. Sankt-Peterburg: Azbuka, 2001.
- GOR'KIJ, Maksim. *Pol' Verlen i dekadenty*. [online]. [cit. 2023-10-11]. <http://gorkiy-lit.ru/gorkiy/articles/article-308.htm>.
- GRIGOR'JEV, Aleksej: *Simvolizm*. In: *Istorija rusckoj literatury*: v 4 t., t. 4. Literatura konca XIX – načala XX veka (1881–1917). MURATOVA, K. D. (red.). Leningrad: Nauka, s. 419–470.
- CHANZEN-LEVE, Age: *Ruskij simvolizm: Sistema poëtičeskich motivov. Rannij simvolizm*. Sankt-Peterburg: Akademičeskij projekt, 1999.
- CHODASEVIČ, Vladislav: *Nekropol'*. Sankt-Peterburg: Azbuka-klassika, 2001.
- IVANOVA, Jevgenija, ŠČERBAKOV, Rëm: *Al'manach V. Brjusova «Ruskije simvolisty»: sud'by učastnikov*. In: *Blokovskij sbornik XV Tartu*, 2000, s. 33–76. Cit. po: Ruthenia. [online]. [cit. 2023-10-11]. <https://www.ruthenia.ru/document/396665.html>.
- IL'JEV, Stepan: *Ruskij simvolistskij roman*. Kijev: Lybid', 1991.
- ISAJEV, Sergej: *Literaturno-chudožestvennyje maski: Teorija i poëtika*. Sankt-Peterburg: Dmitrij Bulanin, 2012.
- KOLOBAJEVA, Lidija: *Ruskij simvolizm*. Moskva: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2000.
- MAKSIMOV, Dmitrij: *Brjusov: Poëzija i pozicija*. Leningrad: Sovetskij pisatel', 1969.
- MINC, Zara: *Poëtika ruskogo simvolizma*. Sankt-Peterburg: Iskusstvo-SPb, 2004.
- MOLODJAKOV, Vasilij: *Valerij Brjusov. Bud' mramorom*. Moskva: Molodaja gvardija, 2020.
- NIVA, Žorž: *Ruskij simvolizm*. In: *Istorija rusckoj literatury. Serebrjanyj vek*. NIVA, Ž., SERMAN, I., STRADA, V., ÈTKIND, Je. (red.). Moskva: Progress, 1987, s. 73–126.
- PAJMAN, Avril: *Istorija ruskogo simvolizma*. Moskva: Respublika, 1998.
- PETROVSKAJA, Nina. *Vospominanija*. In: *Minuvšeje: Istoričeskij al'manach*. 8. Moskva: Otkrytoje obščestvo, 1992, s. 17–79, 57.
- RONEN, Omri: *Iz goroda Ènn. Dekadans*. Zvezda. [online]. 2007, № 5. [cit. 2023-10-11]. <https://zvezdaspb.ru/index.php?page=8&nput=767>.
- VERLEN, Pol': *Sobranije stichov v perevode Valerija Brjusova*. Moskva: Skorpcion, 1911.

VOLOŠIN, Maksimilian: *Valerij Brjusov*. [online]. [cit. 2023-10-11]. http://dugward.ru/library/voloshin/voloshin_valeriy_brusov_puti_i_pereputya.html.

Nina Barkovskaya

Doctor of Philology, Professor, Department of Literature and Methods of its Teaching, Ural State Pedagogical University, 620091, Kosmonavtov Pr. 26, Ekaterinburg, Russia

n_barkovskaya@list.ru

ORCID 0000-0001-9131-5937

Oddíl – Part VI

**JAZYKOVÉ HODNOTÍCÍ PROSTŘEDKY
V UMĚLECKÉ LITERATUŘE
A PUBLICISTICE**

**LINGUISTIC MEANS OF EVALUATION
IN FICTION AND JOURNALIST TEXTS**

Określenia leksykalne pielgrzymek Jana Pawła II w prasie rosyjskiej jako sposób wartościowania

Joanna Gorzelana

Streszczenie

W artykule przedstawiono słowa i połączenia wyrazowe, jakimi określała prasa rosyjska wyjazdy zagraniczne papieża Jana Pawła II. Są to określenia neutralne (np. *wizyta*, *wyjazd*), nacechowane religijnie (*pielgrzymka*, *wizyta pasterska*) czy ironicznie (*tourne*, *wojaż*). Sporą grupę stanowią określenia wskazujące na to, że podczas wyjazdów do dawnych krajów socjalistycznych czy dawnych republik ZSRR papież zagraża Rosji. Pojawia się tu określenia „krok na drodze do Moskwy”, „papież podkrada się do Rosji” czy „zaciskają się kręgi wokół Rosji”. Obrazują one geopolitykę Rosji przedstawiającą wszechogarniające zagrożenia polityczne.

Słowa kluczowe: leksyka; wartościowanie; pielgrzymka; zagrożenie; Rosja; Jan Paweł II

Lexical Terms Related to the Pilgrimages of John Paul II Used in the Russian Press as a Way of Evaluation

Abstract

The article presents the words and word combinations used by the Russian press to describe the foreign trips of Pope John Paul II. These are neutral terms (e.g. *visit*, *trip*), religious (*pilgrimage*, *pastoral visit*) or ironical (*tournee*, *voyage*). There is a large group of statements indicating that the Pope poses a threat to Russia during his trips to former socialist countries or former USSR republics. The phrases “a step on the road to Moscow”, “the pope is sneaking into Russia” and “circles around Russia are tightening” appear here. They illustrate Russia’s geopolitics and present all-embracing political threats.

Key words: lexis; evaluation; pilgrimage; threat; Russia; John Paul II

Wstęp

W niniejszym artykule zostanie przedstawiony sposób określania zagranicznych podróży papieża Jana Pawła II w mediach rosyjskojęzycznych. Relacje

z wizyt zagranicznych Jana Pawła II wpisywały się w szeroko pojętą geopolitykę rosyjską¹. Istotne jest, jakie słowa i połączenia wyrazowe stosowano w opisie jego podróży. Celem naszej pracy będzie wskazanie na sposób wartościowania, ujawniający się przez wybór określonej leksyki dotyczącej wizyt zagranicznych Jana Pawła II. Materiałem źródłowym są artykuły z czasów życia tego papieża (i w pierwszych dniach po jego śmierci), które były i są dostępne obecnie w Internecie. Przeanalizowano 205 tekstów publikacji prasowych.

Analizując określenia konkretnych papieskich wyjazdów, spotykamy się z różnorodnością, uwzględnimy określenia neutralne i nacechowane. Jako materiał ilustrujący przywołamy przede wszystkim określenia, które pojawiły się w kontekstach związanych z wyjazdami Jana Pawła II do Polski i innych krajów dawnego bloku socjalistycznego oraz dawnych republik ZSRR. Pozostałe wyjazdy przywołamy tylko, gdy pojawi się w nich określenie nienotowane w powyższych kontekstach. Wskazując na znaczenie i nacechowanie stylistyczne, odwołujemy się do internetowej strony glosum.ru, która zawiera hasła z 10 słowników, m.in.: D.N. Uszakowa, W. Dal, S. Ożegowa, T. Jefriemowa, E. Efremova, M. Fasmiera².

Określenia nienacechowane

Pisząc o podróżach Jana Pawła II do Polski, która była jego ojczyzną, autorzy wykorzystują leksemy i połączenia oficjalne oraz wskazujące na sakralny charakter, np.: *wizyta (vizum)*, *wizyta zagraniczna (зарубежный визит)*, *wyjazd (поездка)*, *odwiedzenie (посещение)*, *odwiedzić (посетить)*, *wizyta pasterska (пастырский визит)*, *wyjazd pasterski (пастырская поездка)*, *pielgrzymka do ojczyzny (паломничество на родину)* i *tournee (турне)*, pr.

Уже вторую **поездку** после своего избрания папа предпринимает в 1979 году в Польшу. Польским коммунистическим властям он объясняет свое **посещение** как **паломничество на родину**, но фактически **приезд** папы — это убедительная политическая демонстрация.³

¹ Więcej na temat geopolityki rosyjskiej: zob. SYKULSKI, Leszek: *Rosyjska myśl geopolityczna po upadku komunizmu*. Przegląd Geopolityczny 21, 2017, s. 88–100.

² *Tolkovyje slovari: chraniteli slova i jego značeniya*. [online]. [cit. 2023-09-05]. <https://glosum.ru/>.

³ BORUCHSON, Jurij: *Ioann Pavel II – Papa, kakich ješče ne bylo*. *Žurnal «PARTNER»*. *Vaš partner v Germanii*. 2004-02-01. [online]. [cit. 2023-05-28]. <https://www.partner-inform.de/partner/detail/2004/2/208/1316/ioann-pavel-ii-papa-kakih-eshhe-ne-bylo?lang=ru>.

А немецкие издания сообщали, что **пастырская поездка** папы на родину вообще не состоится, поскольку последнее турне в Канаду и Центральную Америку подорвало его здоровье.⁴

Дорога домой. Папа Римский отправляется в **сентиментальное турне**.⁵

Występujący w ostatnim przykładzie rzeczownik *tournee* (*турне*) konotuje występ objazdowe artystów lub sportowców, określony jest tu przymiotnikiem *sentymentalny* (*сентиментальное*) sugerując, że jest podróż do Polski jest na pokaz i realizuje tylko osobiste ambicje papieża.

W odniesieniu do podróży do innych krajów, w których nie dominuje prawosławie, obecne są leksemy neutralne, jak przy opisie wyjazdów do Polski, a dodatkowo: *przyjechać* (*приехать*), *przyjazd* (*приезд*) oraz połączenia: *odbyć podróż* (*совершить поездку*), *udać się w podróż* (*отправиться в путь*), *wizyta pielgrzymkowa* (*паломнически визит*), *papieska wizyta* (*папский визит*), *apostolska podróż* (*апостольское путешествие*), np.

Недавно он **совершил поездку** w Słowakię, a 7 października снова **отправился в путь**, правда, уже не так далеко, w Pompejach, na południe Włoch.⁶

Wy, pamiętajcie, w tym czasie w jednym z samizdatowych czasopiśmie powiedzieli, że Papież Rzymski kiedyś – chociaż – **przyjedzie** do czeskiej stolicy i zająmie się tym problemem. Wy możecie uczestniczyć w przygotowaniu **wizytu** Jana Pawła II i rozmawiać z nim na ten temat przed jego **przyjazdem** do Pragi?⁷

Podobna leksyka pojawia się też w opisie wyjazdów do krajów dawnego ZSRR i innych prawosławnych, a dodatkowo spotykamy rzeczownik *wojaż* (*вояж*), który obecnie może nieść nacechowanie potoczne⁸. Autorzy publikacji podkreślają szczególne upodobanie Jana Pawła II w podróżach po krajach dawnego ZSRR, stosując połączenia wyrazowe: *spodobało się podróżować*

⁴ KISELEVA, Marija: Doroga domoj. Papa Rimskij otpravljajetsja v sentimental'noje turne. Izvestija. 2002-08-16. [online]. [cit. 2024-03-13]. <https://iz.ru/news/265802>.

⁵ Ibidem.

⁶ NEDUMOV, Oleg: Četvert' veka s Papoj Vojtyloj, Nezavisimaja gazeta. Religii. 2003-10-15. [online]. [cit. 2022-04-07]. https://www.ng.ru/ng_religii/2003-10-15/1_papa.html.

⁷ VAŠKOVA, Loreta: *Papa Ioann Pavel II — simvol svobody Vostočnoj Jevropy*. Radio Prague International. 2005-04-02. [online]. [cit. 2023-04-16]. <https://ruski.radio.cz/papa-ioann-pavel-ii-simvol-svobody-vostochnoy-evropy-8097474>.

⁸ „В словаре указано, что существительное «вояж» обладает ироничным и шутивым оттенком значения. Из этого можно сделать вывод, что слово это характерно для разговорного стиля”. *Vojaž: čto èto takoe?* [online]. [cit. 2022-03-28]. <https://1ku.ru/obrazovanie/76504-vojazh-čto-jeto-takoe-2/>. Dodajmy jednak, że leksem pojawił się także w wyrażeniu „последний вояж” jako eufemistyczne określenie śmierci papieża – zob. MAKRIJAŠINA, Anastasija: *Ioann Pavel II otpravilsja k svjatomu Petru*. Gazetu.Ru. 2005-04-08. [online]. [cit. 2023-05-18]. https://www.gazeta.ru/2005/04/08/oa_153997.shtml.

(*понравилось путешествовать*), *wyjazdy, które darzy szczególną sympatią* (*поездкам испытывает особую симпатию*), a w kontekście Kazachstanu: *unikatowy wyjazd* (*уникальная поездка*), *odwiedzenie trzody* (*посещение паствы*), пр.

Иоанну Павлу II **понравилось путешествовать** по бывшим советским республикам.⁹

Однако к **поездам** по странам бывшего СССР Иоанн Павел II **испытывает особую симпатию**. Прежде всего потому, что каждая такая **поездка** еще раз доказывает: личные усилия понтифика в борьбе с коммунизмом не пропали даром.¹⁰

Недаром накануне папской мессы в Астане представитель Ватикана заявил: «90 процентов здесь – светская публика». [...] И в этом отношении нынешнюю **поездку** Папы можно считать **уникальной**.¹¹

В Казахстане, отмечает МИД, предстоящий **визит** рассматривают не только как **посещение паствы**, но и как доброе намерение поддержки усилий республики по созданию стабильного миролюбивого открытого государства на общечеловеческих принципах прогресса и гуманизма.¹²

Użyte formy nazywają wyjazd papieża w sposób neutralny, informując, że może on mieć charakter religijny, a niekiedy polityczny – jak w przypadku wizyty papieskiej w Azerbejdżanie i Kazachstanie.

Określenia nacechowane

Na łączenie religii z polityką wskazuje opis wizyty w Grecji, kolebce prawosławia. Mimo neutralnych określeń nazywające samą wizytę (*прибыл, отправиться*), kontekst ich użycia uwidacznia brak przychylności wobec przyjazdu papieża do kraju prawosławnego. Występują połączenia wyrazowe sugerujące pewną wrogość: *odważył się wybrać się* (*дерзнул отправиться*), *тімо zakazu* (*в нарушение запрета*), *wyjątkowo nieprzyjazne przyjęcie* (*крайне нерадушный прием*). W opisie podkreślone zostało, że jego przyjazd do Grecji to *pielgrzymka prywatnej osoby* (*частное лицо, совершающее паломничество*):

Папа стал первым римским первосвященником, кто **дерзнул отправиться** на православный Восток. Сейчас это Греция. [...] Папа

⁹ VASILENKO, Kirill: *Nazad v SSSR*. Vremja novostej. № 128 2001-07-20. [online]. [cit. 2022-04-04]. <http://www.vremya.ru/2001/128/5/12126.html>.

¹⁰ BABASJAN, Natalija: *Pontifik kirgiz-kajsackija ordy*. Grani.Ru. 2001-09-21. [online]. [cit. 2024-03-13]. <https://graniru.org/Society/Religion/m.2240.html>.

¹¹ BABASJAN, Natalija: *Papa na puti v Moskvu*. Politkom.ru. Informacionnyj sajt političeskich komentarijev 2001-10-02. [online]. [cit. 2024-03-13]. <http://politcom.ru/20514.html>.

¹² FAUST, Natal'ja: *Kazachstan ždet Papu*. Novyje Izvestija, 2001-09-22, s. 2.

прибыл в Грецию по личному приглашению президента, но как **частное лицо, совершающее паломничество**. Его встречал лишь министр иностранных дел, не было православных иерархов, и землю ему поднесла девочка-католичка — **в нарушение запрета**. [...] Папа **прибыл** сперва в самую мощную православную столицу мира — Афины (не по числу адептов, но по совокупности исторических заслуг). В столицу православных, где, он знал, его ждет **крайне нерадушный прием**.¹³

Chociaż Grecja oficjalnie nie była krajem ani republiką zależną politycznie od Rosji, jednak ze względu na prawosławie i Patriarchat Moskwy i Wszechrusi była poddana polityczno-ideologicznemu oddziaływaniu Moskwy, która walczyła z wpływami kościoła katolickiego¹⁴.

Wiele miejsca w mediach poświęcono wizycie papieża w Ukrainie. Pierwszy kontekst wyrażenia *zaplanował wizytę* (*запланировал свой визит*) łączy się linearnie z Ziemią Świętą. Kolejny dotyczy wypowiedzi Patriarchy Aleksija, który twierdzi, że chociaż papieżowi rzymskiemu „przyjeżdżać nie wypada”, to on i tak przyjedzie. Użyte tu leksemy różniące się aspektem *przyjeżdżać* (*приезжать*) i *przyjechać* (*приехать*) podkreślają dysharmonię między oczekiwaniami patriarchatu a działaniem papieża:

После того как в прошлом году Папа посетил с визитом Святую Землю, он запланировал свой **визит** в Киев, историческую колыбель православия.¹⁵

„Гардиан“ цитирует Феликса Корли [...]: „Патриарх Алексий сказал, что Папе римскому на Украину приезжать не стоит, не подходящее сейчас время, а папа римский отвечает: Я все равно приеду!”¹⁶

Interesujący jest obraz wizyty w tym kraju opisany w Niezawisimój Gazietoj, w artykule „Papież znów w centrum konfliktu” („Папа вновь в центре конфликта”). Tytuł sugeruje, że papież często uczestniczy w konfliktach. Artykuł rozpoczyna się od porównania wędrówki papieża do przemieszczanie

¹³ KEVOKOVA, Nadeжда: *Miru — mir, i żelatel’no ves’*. Novaja Gazeta, № 32, 2001-05-14. [online]. [cit. 2023-06-26]. <https://novayagazeta.ru/articles/2001/05/14/11715-miru-mir-i-zhelatelno-ves>.

¹⁴ „Istotnym narzędziem polityczno-ideologicznego oddziaływania Moskwy na przestrzeń posowiecką jest Patriarchat Moskwy i Wszechrusi”. SYKULSKI, Leszek: *Rosyjska myśl geopolityczna po upadku komunizmu*. Przegląd Geopolityczny 21, 2017, s. 96.

¹⁵ *Zaključeniya Papy v raskolovšejsja strane* (Redaktorskaja stat’ja). The Independent. 2001-06-26. [online]. [cit. 2023-06-14]. <https://korrespondent.net/world/worldabus/22554-zloklyucheniya-papy-v-raskolovshejsya-strane>.

¹⁶ SMIRNOVA, Ol’ga: *Pojezdka Papy: sploš’ protivorečija*. BBC NEWS Russkaja služba. 2001-06-04. [online]. [cit. 2023-06-15]. http://news.bbc.co.uk/hi/russian/press/newsid_1311000/1311954.stm.

się słońca pod wschodu na zachód, podkreślając, że wraz za nim rozprzestrzenia się wewnętrzne wrzenie ukraińskich namiętności:

Визит на Украину Иоанна Павла II приближается к своему апогею. **Подобно солнцу, Папа** переместился с Востока Украины на ее Запад, в его столицу – Львов. Вслед за ним туда переместилось и все кипение внутриукраинских страстей. [...] До России, отгородившейся от **папских призывов** к диалогу лозунгом защиты прав православных и обвинения в прозелитизме, эти перемены вряд дойдут. Но страх некоторых общественных групп России перед **папским визитом** может заключаться именно в нежелании обнажать болезненное прошлое нашей страны, [...] ¹⁷.

W kontekście tej wizyty poruszono temat papieskich wezwań do dialogu i obaw przed wizytą papieską, która może ujawnić bolesną przeszłość Rosji.

Wizyty duszpasterskie papieża rzymskiego na terenie ziem prawosławnych i dawnych republik ZSRR często były opisywane w prasie rosyjskiej jako zagrożenie dla Rosji, przykładowo, gdy opisywano jego wyjazd od Kazachstanu neutralne leksemy: *wizyta* (*визит*), *podróż* (*путешествие*) i *przybliżenie* (*приближение*), *wojaż* (*вояж*), *wycieczka* (*поездки*), *zbliżanie się* (*приближающее*), umieszczono w artykułach pod znaczącymi tytułami. Pierwszy N. Babasjan „Papież kirgiz-kajsackiej ordy” („Понтифик киргиз-кайсацкия орды”) ironicznie nawiązywał do poematu G. Dierżawina¹⁸, natomiast drugi, ta sama autorka zatytułowała „Papież w drodze do Moskwy” („Папа на пути в Москву”):

[...] любое **путешествие** папы в страну бывшего Советского Союза рассматривается Ватиканом как **приближение** к Москве. Такие **визиты** привлекают огромное международное внимание и практически всегда порождают в зарубежной прессе закономерный вопрос: почему папу не зовут в Россию?¹⁹

Семидневный **вояж** Иоанна Павла II по странам бывшего СССР – Казахстану и Армении – только что завершился. Однако в Ватикане уже обсуждается возможность **поездки** понтифика в Азербайджан. **О желании видеть** Папу заговорил и белорусский президент Александр Лукашенко. [...] Любое путешествие Папы в страны Содружества важно не только как символический акт: рассматривается Святым Престолом как

¹⁷ ŠEVCENKO, Maksim: *Papa vnov' v centre konflikta*. Nezavisimaja Gazeta.2001-06-27. [online]. [cit. 2022-04-04]. https://www.ng.ru/ideas/2001-06-27/8_konflikt.html.

¹⁸ Felica z 1783: „Bogopodobnaja carevna / Kirgiz-Kajsackija ordy!”.

¹⁹ BABASJAN, Natalija: *Pontifik kirgiz-kajsackija ordy*. Grani.Ru. 2001-09-21. [online]. [cit. 2024-03-13]. <https://graniru.org/Society/Religion/m.2240.html>.

приближающее Иоанна Павла II к **Москве**. Каждый **вояж** Иоанна Павла привлекает огромное внимание западной прессы, которая не первый год задается вопросом: почему Папу не зовут в Россию, что имеет против этого **визита** Русская Православная Церковь [...] ²⁰.

S. Iwaszko po wizycie w Azerbejdżanie stawia tezę, że wyjazdy te, którym przeciwstawia się Rosyjska Prawosławna Cerkiew, mają na celu przybliżenie się do Rosji. Użył on czasownika *объезжать*, który prócz znaczenia ‘w czasie wyjazdu być wszędzie w wielu miejscach po kolei’ znaczy też ‘jechać wokół kogoś lub czegoś’. Zwraca uwagę, że wizyta w Azerbejdżanie jest „ósmą w tej serii”, a leksem *seria* przy liczebniku porządkowym podkreśla wspólny motyw tych wizyt – przechodzenie na katolicyzm, co na terytorium prawosławia traktowane jest jako niezgodne z prawem. Określenie „kanoniczne terytorium RCP” (*каноническую территорию РПЦ*) jest wyrażeniem utworzonym przez cerkiew rosyjską oznaczające bezdyskusyjne przyporządkowanie obszaru religii prawosławnej. Podobnie D. Szczipkow, określa tę wizytę jako *krok na drodze do Moskwy* (*шаг на пути в Москву*), gdzie słowo *krok* (*шаг*) przyjmuje znaczenie przenośne ‘działanie, postępek’ i ‘etap jakiegoś złożonego działania, rozwoju czegoś’:

Известно, что Русская православная церковь (РПЦ) противится приезды понтифика в Россию, мотивируя свою позицию прозелитизмом католиков и покушением их на каноническую территорию РПЦ. Поэтому он **объезжает** республики бывшего СССР. Визит в Азербайджан стал **восьмым в этой серии**. ²¹.

Końiec maja нынешнего года ознаменовался **поездкой** Папы Римского Иоанна Павла II в Азербайджан и Болгарию. Ватикан и российские католики рассматривают эту поездку как еще один **шаг на пути** Понтифика в Москву. ²²

Dodajmy, że tytuły tych artykułów są wymowne: „Papież podkrada się do Rosji od tyłu” („Папа римский подобрался к России с тыла”) zawiera czasownik *подобраться*, który konotuje ‘czynność niepostrzeżoną, poprzedzoną długimi sztuczkami w celu zdobycia zaufania kogoś’. Zaś tytuł „Jan Paweł II porusza się wzdłuż granic Rosji” (*Иоанн Павел II движется вдоль границ России*) sugeruje zagrożenie polityczne państwa.

²⁰ BABASJAN, Natalija: *Papa na puti v Moskvu*. Politkom.ru. Informacionnyj sayt političeskich kommentarijev 2001-10-02. [online]. [cit. 2024-03-13]. <http://politcom.ru/20514.html>.

²¹ IVAŠKO, Sergej: *Papa rimskij podobraljsja k Rossii s tyła*. Gazeta.Ru. 2002-05-22. [online]. [cit. 2007-01-24]. www.gazeta.ru/prin/2002/05/22/paparimskijp.shtml.

²² ŠČIPKOV, Daniil: *Ioann Pavel II dvižetsja vdol' granic Rossii. Papa Rimskij posetil Azerbajdžan i Bolgariju*. Nezavisimaja gazeta. 2002-06-05. [online]. [cit. 2024-03-13]. https://www.ng.ru/facts/2002-06-05/1_papa.html?ysclid=ltptca0ua811779999.

Podobnie na niebezpieczeństwo wskazują inne leksemy stosowane w kontekście podróży do takich krajów dawnego ZSRR jak Ukraina i Kazachstan oraz prawosławnej Grecji. Jest to czasownik *zakreślać* (*описывать*) i *zaciskać się* (*сжиматься*), tworząc obrazowe połączenie *zaciskają się kręgi, które zakreśla papież* (*сжимались круги, которые описывал Пана*). Zakończeniem tego procesu byłaby papieska wizyta w Białorusi, wtedy krąg wokół granic Rosji by się zamknął, jak pisała *Niezavisimaja Gazieta*:

Круги, которые **описывал Папа** вокруг России, **сжимались** – православная Греция, Украина, Казахстан.²³

Из всех республик бывшего СССР Иоанн Павел II не был только в Белоруссии. Вероятно, именно эта страна станет следующей в чреде **папских визитов** по Восточной Европе. Если учесть наличие крупной католической общины в Западной Белоруссии, эта **поездка замкнет круг вдоль границ России**.²⁴

Jeśli weźmiemy pod uwagę powyższe obrazy, to neutralny – wydawałoby się rzeczownik *tournee* użyty przy opisie wizyty w Azerbejdżanie też może nieść przekaz o niebezpieczeństwie, gdyż aktualizuje znaczenie wycieczki po trasie okrążającej:

„Однако понтифик на этой неделе собрался в свое уже 96-е по счету заграничное турне. В среду он намерен отправиться в Азербайджан и Болгарию”.²⁵

Spotykamy też określenia sugerujące próbę podboju militarnego terenów Rosji przez papieża. Pierwszy z nich to *wdzierać się* (*прорывался*) występujący obok czasowników: *skruszyć* (*сокрушить*), *zniszczyć/rozbić* (*сломать*), *rozprawić się z czymś* (*разделиться*). Inny obraz wizualizuje połączniewjechać na rydwanie (*заехать на колеснице*), które kojarzą się z wozami zwycięstwa.

Ioann Pawel всю жизнь **прорывался** в Россию. Для этого сначала нужно было **сокрушить** коммунизм в родной Польше, в Восточной

²³ BAUNOV, Aleksandr: *Krestonossec*. Monitoring SMI 2005-04-04. [online]. [cit. 2024-04-13]. http://www.religare.ru/2_16528.html?ysclid=ltpvi9nw9k698503411.

²⁴ ŠČIPKOV, Daniil: *Ioann Pavel II dvižetsja vdol' granic Rossii. Papa Rimskij posetil Azerbajdžan i Bolgariju*. *Nezavisimaja gazeta*. 2002-06-05. [online]. [cit. 2024-03-13]. https://www.ng.ru/facts/2002-06-05/1_papa.html?ysclid=ltpca0ua811779999.

²⁵ DEMIDENKO, Michail: *Ioannu Pavlu II ispolnilos' 82 goda. On ne smog otvetit' na pozdravlenija*. *Kommersant.ru* 2002-05-20. [online]. [cit. 2024-03-13]. <https://www.kommersant.ru/doc/322858>.

Европе, в самой России, **сломать** железный занавес, **разделаться** с государственным атеизмом.²⁶

Другими словами, если католический Рим стремится к диалогу с православием, [...] он должен — по логике вещей — держать дистанцию. В том числе и пространственную. И отказаться от идеи **заехать на колеснице верховного понтифика** на территорию (а тем более в столицу) „православного оплота“.²⁷

Это означает, что Папа может **приехать в Россию** как глава государства Ватикан. Но о „**пастырском паломничестве**“ речь не может идти, пока на это не даст согласие Русская православная церковь²⁸.

Rosyjska prasa opisywała podróż papieża rzymskiego z wykorzystaniem frazeologii militarnej wprowadzając klimat strachu²⁹, też religijne określenie *pasterskie pielgrzymowanie* ujęte w cudzysłów (*пастырском паломничестве*) wskazuje, że poddaje się w wątpliwość jego religijny charakter, gdyż *de facto* chodzi o walkę z prawosławiem.

Obecność Jana Pawła II w Moskwie

Spotykamy też teksty, z których wynika, że jednak odbyła się wizyta Papieża Rzymskiego w Rosji. Chodzi o jego obecność wirtualną.

Pierwszą było wyemitowanie w rocznicę wyboru na stolicę apostołską w październiku 16.10.2002 r. w telewizji filmu biograficznego J. Kisielewa „Папа Римский”, o którym w Niezawisimoi Gazietie pisano, że to *wirtualna wizyta* (*виртуальный визит*) i *Papież idzie do Moskwy* („идет к Москве”):

Римский Папа в Москве. Фильм Евгения Киселевой об Иоанне Павле II — это **виртуальный визит** Римского Первосвященника в Россию. [...] если Папу не хотят видеть в Москве, тогда он сам, виртуально, заглянет в каждый дом россиян с экрана телевизора. „Если Москва не идет к Папе, он **идет к Москве!**”³⁰

²⁶ BAUNOV, Aleksandr: *Krestonosec*. Monitoring SMI 2005-04-04. [online]. [cit. 2024-04-13]. http://www.religare.ru/2_16528.html?ysclid=ltpvi9nw9k698503411.

²⁷ KYRLEŽEV, Aleksandr: *Papa i papstvo*. Religija i SMI. 2003-10-16. [online]. [cit. 2022-04-07]. <http://viperson.ru/articles/aleksandr-kyrlezhev-papa-i-papstvo>.

²⁸ *Virtual'nyj «krestovyj pochod na Svjatuju Rus'» prodiljsja neskol'ko časov*. Lenta.ru. 2002-03-05. [online]. [cit. 2024-04-13]. <http://jesuschrist.ru/news/2002/03/05/1190>.

²⁹ Zob. MALĚCKI, Lukaš: *Ėmocija stracha kak odno iz sredstv jazykovej manipuljacii: na primerach tekstov sovremennoj rossijskoj pressy*. *Studia Rossica Posnaniensia* 35, 2010, s. 145–155.

³⁰ PLATONOV, Vladimir: *Rimskij Papa v Moskve Papież w Moskwie. Fil'm Jevgenija Kiseleva ob Ioanne Pavle II — èto virtual'nyj vizit Rimskogo Pervosvjaščennika v Rossiju*. *Russkaja Narodnaja linija*. Pravoslavije. Samoderžavije. Narodnost. 2002-10-30. [online]. [cit. 2022-06-04]. https://ruskline.ru/monitoring_smi/2002/10/30/papa_rimskij_v_moskve.

Drugi raz w podobnym kontekście o wizycie papieża rzymskiego w Moskwie pisano w odniesieniu do telekonferencji z katolikami, jaka odbyła się (nie była transmitowana) w marcu 2002 r. Tym razem tytuł w prasie był jednoznacznie nacechowany: „Виртуальный «крестовый поход на Святую Русь»”, zastosowano w nim wyrażenia *крестовый поход* (*wyprawa krzyżowa*) w połączeniu z sakralnym określeniem kraju *Святая Русь*, co przywoływała historyczny czas wojen religijnych. W dalszej części autor przytacza wypowiedź Patriarchy Aleksija, głoszącego, że postawienie telemostu między Watykanem a Moskwą to *втargнение* (*wtargnięcie*) na Ruś:

„Виртуальный «крестовый поход на Святую Русь» продлился несколько часов. [...] Глава Русской православной церкви Патриарх Московский и Всея Руси Алексий II резко осудил виртуальный визит Папы Римского Иоанна Павла II в Россию. Патриарх сказал, что рассматривает телемост, установленный между Ватиканом и католическим собором Непорочного зачатия в Москве, как вторжение на Русь”³¹

Ostatnie określenie zjawienia się papieża w Rosji ukazało się po jego śmierci. Deputowany Dumy Rosyjskiej A. W. Mitrofanow zaapelował, aby ograniczyć informacje o pogrzebie papieża w mediach a dziennikarz I. Milsztiejn w artykule *Папа и недоросли*³² przyznaje rację politykowi, pisząc, że po śmierci Papież przechrzył Rosjan i *przybył* (*явиться*) do nich na wszystkich kanałach telewizji państwowej.

Mitrofanow первым догадался: Папа их перехитрил. Своей мученической кончиной он превозмог все границы и запреты, **ЯВИВШИСЬ К НАМ** в самый что ни на есть прайм-тайм, заставив заговорить о себе все наши говорящие головы на всех гостелеканалах.³³

Twierdził on, że to zjawisko medialne trzeba zahamować. Na internetowych forach pojawiły się wtedy wpisy mówiące, że największym przeciwnikiem papieża rzymskiego są hierarchowie Rosyjskiej Prawosławnej Cerkwi, którzy uciekają od niego jak czarci od kadzidła (*Бегали от него, как черти от ладана*³⁴).

³¹ *Virtual'nyj «krestovyj pochod na Svjatuju Rus'» prodlilsja neskol'ko časov* Lenta.ru. 2002-03-05. [online]. [cit. 2024-04-13]. <http://jesuschrist.ru/news/2002/03/05/1190>.

³² Nawiązanie do książki D. I. FONWIZINA, *Недоросль*, (Nedorosł' z XVIII w.).

³³ MIL'STEJN, Il'ja: *Papa i nedorosli*. Grani.Ru. 2005-04-07. [online]. [cit. 2023-05-11]. <https://graniru.org/Society/Media/m.87449.html>.

³⁴ Ibidem.

Wnioski

W prasie rosyjskiej pojawiały się różnego typu informacje o wyjazdach zagranicznych rzymskiego papieża Jana Pawła II. Szczególnie interesowano się wyjazdami do krajów bloku socjalistycznego oraz dawnych republik ZSRR. W opisach obecne są określenia neutralne, często o nacechowaniu religijnym (*wizyta, wizyta pasterska*). Spotykamy także leksykę wskazującą na to, że te wyjazdy papieża traktowano jako realne zagrożenie dla Rosji: *wtargnięcie na Ruś, Papież podkrada się do Rosji od tyłu*. Niekiedy też neutralna leksyka kontekstowo sugeruje zagrożenie – przez nacechowanie tytułu, np. *Wirtualna wprawa krzyżowa na Świętą Ruś*. Określenia te odzwierciedlają głęboko zakorzenioną w strukturze języka przekonanie o czyhającym zewsząd niebezpieczeństwie, nawet w podróżach do sąsiednich krajów papieża rzymskiego. Dziennikarze kreują w mediach obraz, gdy nie tylko Ameryka i NATO okrążają Rosję³⁵, ale także głowa małego państwa europejskiego, jakim jest Watykan stanowi zagrożenie polityczne.

Na zakończenie dodajmy, że także w czasie pontyfikatu papieża Franciszka, po tym, gdy 25.08.2023 ustawiono telebim, podczas spotkania z młodzieżą katolicką w Petersburgu (ok. 300 osób) Prawosławna Cerkiew twierdziła, że jest to sposób osłabienia Rosji i próba jej podporządkowania duchowego³⁶.

Bibliografia – References:

Źródła

- BABASJAN, Natalija: *Papa na puti v Moskvu*. Politkom.ru. Informacionnyj sajt političeskich komentarijev, 2001-10-02. [online]. [cit. 2024-03-13]. <http://politcom.ru/20514.html>.
- BABASJAN, Natalija: *Pontifik kirgiz-kajsackija ordy*. Grani.Ru, 2001-09-21. [online]. [cit. 2024-03-13]. <https://graniru.org/Society/Religion/m.2240.html>.
- BAUNOV, Aleksandr: *Krestonosec*. Monitoring SMI 2005-04-04. [online]. [cit. 2024-04-13]. http://www.religare.ru/2_16528.html?ysclid=ltpvi9nw9k698503411.

³⁵ DARCEWSKA, Jolanta: *Diabeł tkwi w szczegółach. Wojna informacyjna w świetle doktryny wojennej Rosji*. Punkt Widzenia, nr 50, Warszawa 2015.

³⁶ *Ne možeš' pomešat' – vozglav'! Papa Rimskij prizval molodych rossijskich katolikov pomnit' o velikoj Rossii*. Russkaja Narodnaja linija. Pravoslavije. Samoderžavije. Narodnost. 2003-08-28. [online]. [cit. 2024-03-138] https://ruskline.ru/news_rl/2023/08/28/ne_mozhesh_pomeshat__vozglav?ysclid=ltpw15i4ty541007975.

- BORUCHSON, Jurij: *Ioann Pavel II — Papa, kakich ješče ne bylo*. Žurnal «PARTNER». Vaš partner v Germanii, 2004-02-01. [online]. [cit. 2023-05-28]. <https://www.partner-inform.de/partner/detail/2004/2/208/1316/ioann-pavel-ii-papa-kakih-eshhe-ne-bylo?lang=ru>.
- DARCZEWSKA, Jolanta: *Diabeł tkwi w szczegółach. Wojna informacyjna w świetle doktryny wojennej Rosji*. Punkt Widzenia, nr 50, Warszawa 2015.
- DEMIDENKO, Michail: *Ioannu Pavlu II ispolnilos' 82 goda. On ne smog otvetit' na pozdravljenija*. Kommersant.ru, 2002-05-20. [online]. [cit. 2024-03-13]. <https://www.kommersant.ru/doc/322858>.
- FAUST, Natal'ja: *Kazachstan ždet Papu*. Novyje Izvestija, 2001-09-22, s. 2.
- IVAŠKO, Sergej: *Papa rimskij podobralsja k Rossii s tyla*. Gazeta.Ru. 2002-05-22. [online]. [cit. 2007-01-24]. www.gazeta.ru/prin/2002/05/22/paparimskijp.shtml.
- KEVOKOVA, Nadežda: *Miru — mir, i želatel'no ves'*. Novaja Gazeta, № 32, 2001-05-14. [online]. [cit. 2023-06-26]. <https://novayagazeta.ru/articles/2001/05/14/11715-miru-mir-i-zhelatelno-ves>.
- KISELEVA, Marija: *Doroga domoj. Papa Rimskij otpravljajetsja v sentimental'noje turne*. Izvestija, 2002-08-16. [online]. [cit. 2024-03-13]. <https://iz.ru/news/265802>.
- KYRLEŽEV, Aleksandr: *Papa i papstvo*. Religija i SMI, 2003-10-16. [online]. [cit. 2022-04-07]. <http://viperson.ru/articles/aleksandr-kyrlezhev-papa-i-papstvo>.
- MAKRJAŠINA, Anastasija: *Ioann Pavel II otpravilsja k svjatomu Petru*. Gazeta.Ru, 2005-04-08. [online]. [cit. 2023-05-18]. https://www.gazeta.ru/2005/04/08/oa_153997.shtml.
- MALĚCKI, Lukaš: *Ėmocija stracha kak odno iz sredstv jazykovoj manipuljacii: na primerach tekstov sovremennoj rossijskoj pressy*. Studia Rossica Posnaniensia 35, 2010, s. 145–155.
- MIL'ŠTEJN, Il'ja: *Papa i nedorosli*. Grani.Ru, 2005-04-07. [online]. [cit. 2023-05-11]. <https://graniru.org/Society/Media/m.87449.html>.
- Ne možeš' pomešat' — vozglav'! Papa Rimskij prizval molodych rossijskich katolikov pomnit' o velikoj Rossii*. Russkaja Narodnaja linija. Pravoslavije. Samoderžavije. Narodnost, 2003-08-28. [online]. [cit. 2024-03-13] https://ruskline.ru/news_rl/2023/08/28/ne_mozhesh_pomeshat_vozglav?ysclid=ltpw15i4ty541007975.
- NEDUMOV, Oleg: *Četvert' veka s Papoj Vojtyloj*, Nezavisimaja gazeta. Religii, 2003-10-15. [online]. [cit. 2022-04-07]. https://www.ng.ru/ng_religii/2003-10-15/1_papa.html.
- PLATONOV, Vladimir: *Rimskij Papa v Moskve Papiez w Moskwie. Fil'm Jevgenija Kiselevaj ob Ioanne Pavle II — èto virtual'nyj vizit Rimskogo Pervosvjaščennika*

- v *Rossiju*. Russkaja Narodnaja linija. Pravoslavije. Samoderżavije. Narodnost. 2002-10-30. [online]. [cit. 2022-06-04]. https://ruskline.ru/monitoring_smi/2002/10/30/papa_rimskij_v_moskve.
- SMIRNOVA, Ol'ga: *Pojezdka Papy: sploš' protivorečija*. BBC NEWS Russkaja služba. 2001-06-04. [online]. [cit. 2023-06-15]. http://news.bbc.co.uk/hi/russian/press/newsid_1311000/1311954.stm.
- SYKULSKI, Leszek: *Rosyjska myśl geopolityczna po upadku komunizmu*. Przegląd Geopolityczny 21, 2017, s. 88–100.
- ŠČIPKOV, Daniil: *Ioann Pavel II dvižetsja vdol' granic Rossii. Papa Rimskij posetil Azerbajdžan i Bolgariju*. Nezavisimaja gazeta, 2002-06-05. [online]. [cit. 2024-03-13]. https://www.ng.ru/facts/2002-06-05/1_papa.html?ysclid=ltpta0ua811779999.
- ŠEVČENKO, Maksim: *Papa vnov' v centre konflikta*. Nezavisimaja Gazeta, 2001-06-27. [online]. [cit. 2022-04-04]. https://www.ng.ru/ideas/2001-06-27/8_konflikt.html.
- Tolkovyje slovari: chraniteli slova i jego značeniya*. [online]. [cit. 2023-09-05]. <https://glosum.ru/>.
- VASILENKO, Kirill: *Nazad v SSSR. Vremja novostej*. № 128 2001-07-20. [online]. [cit. 2022-04-04]. <http://www.vremya.ru/2001/128/5/12126.html>.
- VÁŠKOVA, Loreta: *Papa Ioann Pavel II — simvol svobody Vostočnoj Jevropy*. Radio Prague International. 2005-04-02. [online]. [cit. 2023-04-16]. <https://ruski.radio.cz/papa-ioann-pavel-ii-simvol-svobody-vostochnoy-evropy-8097474>.
- Virtual'nyj «krestovyj pochod na Svjatuju Rus'» prodlijsja neskol'ko časov*. Lenta.ru. 2002-03-05. [online]. [cit. 2024-04-13]. <http://jesuschrist.ru/news/2002/03/05/1190>.
- Vojaž: čto èto takoe?* [online]. [cit. 2022-03-28]. <https://1ku.ru/obrazovanie/76504-vojazh-čto-jeto-takoe-2/>.
- Zaključeniya Papy v raskolovšejsja strane*. (Redaktorskaja stat'ja). The Independent. 2001-06-26. [online]. [cit. 2023-06-14]. <https://korrespondent.net/world/worlddabus/22554-zloklyucheniya-papy-v-raskolovshejsya-strane>.

Joanna Gorzelana

habilitated doctor, professor, Institute of Polish Studies, Faculty of Humanities, University of Zielona Góra, al. Wojska Polskiego 69, 65-762 Zielona Góra, Poland
J.Gorzelana@ifp.uz.zgora.pl
ORCID 0000-0001-7368-6187

Kategoriální systém jazykových prostředků hodnocení „jiného“ v literárním textu

Michaela Pešková

Abstrakt

Stať představuje tři kategoriální systémy hodnocení „jiného“ v literárním textu. Ty vznikly na základě systematizace imagologických kategorií, verbalizačních a vyprávěcích strategií. Dílčí kategorie byly zpřesněny a rozšířeny na základě rozboru vybraných románů Vladimira Sorokina a Jáchyma Topola. Platnost systémů byla ověřena jejich aplikací na text Karla Klostermanna. První kategoriální systém je tvořen binární opozicí „my“ a „oni“ coby „uzlovými body diskursu“, k nimž se v řetězci ekvivalencí poutají další lexémy. Druhý kategoriální systém vychází z hodnotící škály mánie–filie–fobie–distance. Třetí kategoriální systém je založen na systematizaci nominačních a predikačních strategií známých z analýzy diskursu, a na kategorizaci ústředních témat a převládajících narativů. Stať se také zabývá psychologickými mechanismy zobrazování „jiného“ a enmifikací.

Klíčová slova: obraz „jiného“; imagologie; ruská literatura; česká literatura; Vladimir Sorokin; Jáchym Topol; Karel Klostermann

The Categorical System of Linguistic Means of Evaluating the “Other” in a Literary Text

Abstract

The article presents three categorical systems of evaluating the “other” in a literary text. These have been developed on the basis of the systematization of imagological categories, verbalization and narrative strategies. The subcategories were refined and expanded on the basis of the analysis of selected novels by Vladimir Sorokin and Jachym Topol. The validity of the systems was verified by applying them to the text of Karel Klostermann. The first categorical system is formed by the binary opposition of “we” and “they” as “nodal points of discourse” to which other lexemes are bound in a chain of equivalences. The second categorical system is based on the evaluation scale of mania–philia–phobia–distance. The third categorical system is based on the systematization of nominative and predictive strategies known from discourse analysis, and on the categorization of central themes and dominant narratives.

The essay also examines the psychological mechanisms of depictions of the “other” and enmification.

Key words: image of the „other“; imagology; Russian literature; Czech literature; Vladimir Sorokin; Jáchym Topol; Karel Klostermann

Cílem stati je představit kategoriální systém jazykových prostředků hodnocení „jiného“ ve smyslu etnickém v literárním textu, respektive několik kategoriálních systémů. Tyto systémy jsme navrhli na základě obsahově kritériální analýzy textů současných autorů, konkrétně českého Jáchyma Topola (*Sestra*, 1995, *Kloktat dehet*, 2006, *Citlivý člověk*, 2017) a ruského Vladimira Sorokina (*Den opričníka*, 2007, *Telurie*, 2013, *Manaraga*, 2017 a *Doktor Garin*, 2021). Následně jsme je experimentálně aplikovali na rozbor románu *Ze světa lesních samot* (1892) Karla Klostermanna, a to pro celkovou odlišnost tohoto spisovatele od postmoderních autorů a také s přihlédnutím ke stoletému výročí Klostermannovy smrti. Tímto úkonem jsme se pokusili ověřit a verifikovat obecnější platnost daných kategoriálních systémů. Můžeme předeslat, že se kategoriální systémy ukázaly být vůči skoro 150 let starému textu zcela kompatibilní a v Klostermannově próze jsme našli příklady skoro všech vymezených kategorií a podkategorií. Proto uvádíme citace z textů všech tří autorů souběžně.

Ideově vycházíme z literárněvědné imagologie a jako klíčové používáme pojmy vlastní–cizí a jako synonymní k nim termíny cizí – jiný – ten druhý, jak s nimi zachází imagologie, i když se domníváme, že jejich skutečnou souznačnost by bylo potřeba podrobit revizi. Metodologicky se opíráme především o analýzu diskurzu s přístupem bottom–approach. Jako podnětná se pro naše zkoumání studii jeví být také kognitivní lingvistika.

Kategoriální systém 1: Binární opozice „my“ a „oni“

Jako primární se v hodnocení jiného ukázalo být binární „mentální rozvržení“ „my“ a „oni“, respektive „my“ versus „oni“ s tím, že pozorujeme zástupnost označení „my“ × „oni“ s výrazy „nás“ × „jejich“, „vlastní“ × „cizí“, „český“ × „cizí/ruský/německý“. Diskurzivní analýza hovoří o „řetězci ekvivalencí“, kdy některá označující mají privilegované postavení a stávají se dominantami diskurzu, jeho uzlovými body¹ (v našem případě jsou to „my“ a „oni“) a na tyto body se poutají další označující, jejichž význam uzlový bod určuje.

¹ CINGEROVÁ, Nina, MOTYKOVÁ, Katarína: *Úvod do diskursívnej analýzy. Vysokoškolská učebnica*. Bratislava: Univerzita Komenského v Bratislavě, 2018, s. 64.

Tento proces se nazývá „logikou ekvivalence“². Rozšiřujícími označujícími k „my“ jsou ve studovaných textech především sebeidentifikační názvy společenství, autoetnonyma: „Češi“, „Čechoslováci“, „naši chlupci“, „naši jonáci“, „lvi české kotliny“ (Topol), „Rusové“, „my, altajští Rusové“, „Pošechonští“ (Sorokin), „Češi“, „obyvatelé Šumavy“ (Klostermann). Ekvivalentní k „oni“ jsou heteroetnonyma, často ve formě etnofaulismů: „Germaňci“, „Němčouři“, „Číňáci“ (Topol), „Francouzi“, „Moskovité“, „Barabini“ (Sorokin), „Bavoráci“, „Švédí“, „Turci“ (Klostermann). Ekvivalentní k „my“ a „oni“ mohou být ale i lexémy z dalších tematických okruhů spojených s etnickou identitou, například heraldická zvířata („lev“ × „orel“) nebo národní nápoje („pivo“ × „vodka“ či „české pivo“ × „bavorské pivo“).

Kognitivní lingvistika upozorňuje, že

„...naše předsudky, stereotypy a prototypy, schémata rozumění [...] vycházejí z opozice „vlastní–cizí“, která je vedle antropocentrismu druhým základním principem utváření jazykového obrazu světa.“³

Jazykový obraz světa je tedy etnocentrický, představuje určitý souhrn hodnotících a často verbálně expresivních soudů o „nás“ a o „nich“. Kognitivní lingvistika považuje jazykový obraz světa dokonce za xenofobní.⁴

Prožívání vlastní etnické identity se zakládá na pocitu přináležitosti ke „svému“. Tento pocit ale z valné části vychází z oddělení se od „cizího“. „My“ se definuje a posiluje prostřednictvím výstavby obrazu „těch druhých“. Tento jev má psychologickou podstatu. Kolektivní sebeidentifikace skrze porovnávání se s „jinými“ a vylepšování obrazu sebe sama prostřednictvím zhoršování obrazu „jiných“ je zjevně neměnným principem. Klostermann jistě neznal pojmy jako „belonging“, tedy konstrukci vědomí příslušnosti a patření někam⁵, nebo „afilační mozek“, tedy neurologický stav, kdy se cítíme dobře ve vlastní skupině, což způsobuje produkci oxytocinu⁶, ale tyto jevy popsal. Jedním ze

² LACLAU, Ernesto, MOUFFE, Chantal: *Hegemonie a socialistická strategie: Za radikálně demokratickou politiku*. Praha: Karolinum, 2014, s. 127–130.

³ VANĀKOVÁ, Irena: *Nádoba plná řeči. (Člověk, řeč a přirozený svět)*. Praha: Nakladatelství Karolinum, 2007, s. 59.

⁴ Ibidem.

⁵ KOŠTÁLOVÁ, Petra: *Stereotypní obrazy a etnické mýty. Kulturní identita Arménie*. Praha: Sociologické nakladatelství (SLON), 2012, s. 12.

⁶ ZLÁMALOVÁ, Lenka: „Nejistota a sociální sítě rozkládají mozky.“ *Rozhovor s neurovědcem Horáčkem*. Echo24. [online]. 2023 [cit. 2017-03-23]. <https://www.echo24.cz/a/Hxjw9/tydenik-echo-rozhovor-psychiatr-neurovedec-horacek-vymyvani-mozku-konspiracni-teorie2023>.

zdrojů pocitu blaha jeho hrdinů, zapadlých v šumavských hvozdech, „v té mrtvé hluši“, kde je „jinak nevýslovně žalno“⁷, jsou diskuse o „nás“ a o „nich“:

„Teď byli ve svém. Shodovali se, že to byla radost, ač jeden druhého překřikovali. Jednoznačně přijata rezoluce [...], že Bavoráci jsou nejhorší pronárod na světě [...]. Nebyla to debata, nehádali se již. Rychně samým sobě přizvukovali.“⁸

Označování „my“ a „oni“ není samozřejmě tak jednoduché a čistě polaritní, jak jsme zatím uváděli. „Oni“ můžeme být i „my“ v minulosti, „my“ může zahrnovat v určité situaci i „jiné“, například pakliže se s námi spojí proti „jinému jinému“ (v roli spolubojovníka i v roli vnitřního nepřítele našeho nepřítele) nebo pokud jsme „jinými“ vnímání souhrnně jako „oni“ (Topol: „my ze špatnejch zemí“). V praxi se může „my“ multiplikovat a jednotlivá „my“, jako například různé vlny imigrantů ze stejných oblastí, být vůči sobě i konkurenční atd. Obraz „cizího“ se definuje nejen ve vztahu k obrazu „vlastního“, ale také na základě obrazů „jiného jiného“ (např. u Sorokina vychází obraz Číňanů jinak v porovnání s Rusy a jinak v porovnání s Holandany). Takový obraz je dynamický, nicméně v něm dominují stereotypy. Rychle identifikovat a ohodnotit „cizího“ je mnohem snazší než identifikovat sebe sama, a to zejména proto, že pohled na „jiného“ se formuje pomocí zjednodušení, mentálních zkratk a stereotypizace. Stereotypy jsou mentálně výhodné, přispívají k psychickému komfortu jistoty: „...aplikací stereotypu se realita stává přehlednější a předvídatelnější.“⁹

Stereotypizace vede k enmifikaci, tedy vytváření obrazu nepřítele. Příklady pro označování nepřátel najdeme ve sledovaných dílech bezpočet, a to i pro kategorii tzv. dědičných nepřátel: „Ale stejně mě Němci serou [...] a sere mě němčina [...] když se děda vrátil, měl 40 kilo...“¹⁰ ; „Naši matičku carskou Rus, můj milý hrabě, německýma rukama zardousili Angličané...“¹¹, „Bavorák, syn nenáviděného plemene [...]. Syn a táta, jedna krev, čert mu nedá.“¹². Enmifikace vede k přičítání negativních vlastností, připisování politických etiket, selektivní percepci, falešným analogiím, k tvorbě zrcadlového obrazu,

⁷ KLOSTERMANN, Karel: *Ze světa lesních samot*. Sušice: Nakladatelství dr. Radovan Rebstůck, 2003, s. 126.

⁸ Ibidem, s. 18.

⁹ KOŠTÁLOVÁ, Petra: *Stereotypní obrazy a etnické mýty. Kulturní identita Arménie*. Praha: Sociologické nakladatelství (SLON), 2012, s. 47.

¹⁰ TOPOL, Jáchym: *Sestra*. Praha: Torst, 1994, s. 19.

¹¹ SOROKIN, Vladimír: *Telurie*. Příbram: Pistorius & Olšanská, 2013, s. 39.

¹² KLOSTERMANN, Karel: *Ze světa lesních samot*. Sušice: Nakladatelství dr. Radovan Rebstůck, 2003, s. 106.

depersonalizaci, dehumanizaci. To se verbálně projevuje labelizací, tedy hodnotícím označováním, použitím expresivních jazykových prostředků:

„Bismark je neurvalec, kterému je to jedno, ať bací sem, ať bací tam [...]. Z Francouzů je kaše, už se nezmohou. Mně je pouze líto, že ta bavorská holota se k nim nedala, byla by na kaši s nimi. Proším vás, copak byli dosud? Nic. Když někdo ve světě řekl „Já jsem císařský,“ čest mu vzdali, vážnost před ním měli a smekli. A když někdo pravil „Já jsem Bavorák,“ jako by byl řekl: „Já jsem křeček!“ Vysmáli se mu a pomyslili si: to jsi zvíře, když jsi Bavorák. Ale teď ta luza povede sobě, jako by ona sama Francouze zničila, nadme se jako měch a po nás bude plivat.“¹³

Musíme zdůraznit, že nálepkování a až xenofobní výrazivo, jež používají všichni tři spisovatelé, nepředstavuje jejich přímou autorskou pozici, nýbrž že jeho prostřednictvím referují o nějakém stavu společnosti. U Topola jde o vědomé pohrávání si se stereotypy, nadsázku, ironii, grotesku, u Sorokina o postmoderní hru, vytváření typologií, zachycování obecných struktur, o komplexnost a kombinatoriku – ruský autor v posledku píše o vnímání „jiného“ jako takovém. Klostermann vkládá hodnotící soudy o „jiných“ do přímé řeči postav. Jeho vidění je ovšem nesporně ovlivněno historickým procesem emancipace české národní identity v opozici k německé.

Kategoriální systém 2: Škála hodnocení

Obecně přijatou imagologickou teorií je, že hodnocení jiného se pohybuje na škále obdivné–pozitivní–negativní–distanční (odsunující jiné etnikum z vlastního zorného pole autora).¹⁴ Paralelně můžeme operovat s termíny přitažlivost (mánie), odpudivost (fóbie), rovnost (filie) a ignorace (distance či v diskurzivní analýze jazykové vyloučení, exkluze¹⁵). Všechny tyto polohy v analyzovaných textech můžeme vysledovat v plánu postav, kde je autoři často parodují a hyperbolizují, všímají si jich coby sociologického fenoménu (tab. 1.).

¹³ Ibidem, s. 182–183.

¹⁴ SOUKUP, Daniel: *Stereotypy, imagologie a literární hodnoty*. In: Otázky českého kánonu. Sborník příspěvků z III. kongresu světové literárněvědné bohemistiky (sv. 1). FEDROVÁ, Stanislava (ed.). Praha: Ústav pro českou literaturu AV ČR, 2006, s. 622–630.

¹⁵ CINGEROVÁ, Nina, MOTYKOVÁ, Katarína: *Úvod do diskursivnej analýzy. Vysokoškolská učebnica*. Bratislava: Univerzita Komenského v Bratislavě, 2018, s. 89.

	Topol	Sorokin	Klostermann
Mánie jako nekritický obdiv, přejímání (např. galománie), vidění cizí kultury jako nadřazené kultuře vlastní	„Špagety jsou vynikající, francouzské, jak zdůrazní.“	„...rybky, jsou skvělé, – zjevně čínské výrobky, žádá ubohá Amerika, natožpak Holandsko [...]“	„Teď jest způsob věhlasných obyvatelů Hutí Filipových; těm svým rachnám dávají jména jako v německých románech samá Isabella, Isaura, Adelhaida, Walpruga.“ „Jak bych se měla mezi tímto surovým národem? Špatně, bídně se mám. Ve Vidni bylo jinak.“
Fílie jako respekt, rovnost, souznění, sympatie, spojenectví	„Poláci krváceli a bojovali po- řád [...] nepěstujou hmusnej zvyk skuhráni [...]“	„Společně s námi poletí bojovníci belgřtí, nizozemští, charlottenbur- gští [...]“	Bavorské pivo: „...bavorské jest to [...] dobré ba- vorské! To je to jediné, co chlapi dobrého mají.“
Fobie jako nesnášlivost, pocit ohrožení	Japonci: „...to sou vláci, který čer- kaj u našich hranic, jak dopadne rozdělení českých zemí.“	„Jak dlouho se ještě bude Rus naše obrovitá hrbit před Činou a plážit? Jako jsme v dobách kdysi chaotic- kých ohýbali se před Amerikou, tak se dnes před Říši středu hrbit máme?“	Bavoiři: „Na nás se vymstí, zabijou nás, zapálí nám chalupy.“
Distance jako přehlížení, nerozli- šování, opomíjení	„Rusíni jsou Rusové?... Ne, řekla trochu naježené. My jsme hlavně ze Zakarpatský Rusi. No tak, to sou Rusové, mysllel jsem si [...] a Kar- paty, Rumuni, Drákula, Ceaucescu, no... napadlo mě mlčky.“	„Po půldruhé hodině letu jsme přistáli ve vzdálenosti 72,3 km od Brna. V Brně jsem taky jednou četl. Jenže kde jsme my kuchari nečetli, hrome!“	

Tabulka č. 1: Systém obrazů „jiného“ podle škály hodnocení

Kategoriální systém 3: Verbalizační a vyprávěcí strategie v hodnocení „jiného“

Pojmenovávání „jiného“ se uskutečňuje v různém rozsahu. Na základě obsahově kritériální analýzy jsme vyčlenili jednotky jako slova, slovní spojení, témata a narativy.

Slova: nominační strategie

Diskurzivní analýza definuje „nominační strategie“ jako různé druhy nálepkování.¹⁶ Ve sledovaných textech se pro označování etnicky „jiného“ užívají stylisticky zabarvená slova, v naprosté většině negativně, nadávky a vulgarismy: od žabožroutů přes pedofily, lupiče, netvory, hrdlořezy, sběř, zlosyny po „talibán zasařený“, „zkurvený stalingy“ apod. V níže uvedené tabulce uvádíme příklady jazykové projekce fobického vztahu podle různých kategorií (tab. 2).

Slovní spojení: predikační strategie

Diskurzivní analýza dále rozlišuje i „predikační strategie“, tedy připsování charakteristik určitému objektu.¹⁷ I zde platí, že atributy „toho druhého“ (i sebe sama) se sdružují a řetězí, představa jednoho atributu vyvolává okamžité asociace atributů dalších. Pokud je někdo „cizí“ a vnímaný fobicky, je automaticky i zlý, podlý, šalebný, ošklivý, deformovaný, náleží temnotě a minulosti atd. Když například Sorokin použije ve *Dni opričníka* označení „zámořský“, konotuje to celý komplex negativ: špatný, nedůvěryhodný, nepravý, nabubřelý, složitý. To rovněž odpovídá psychologickým procesům. Stereotypizace se uskutečňuje v asocičních řadách, tzv. clusterech. V predikačních strategiích se projevuje opozice „my“ a „oni“ v kontrastních charakteristikách: dobrý × špatný, správný × nesprávný, přitažlivý × odpudivý, živý × mrtvý, mravný × nemravný, ctnostný × hanebný, odvážný × zbabělý pevný × měkký, krásný × ošklivý, srozumitelný × nesrozumitelný, uspořádaný × chaotický, moderní × zpátečnický, pilný × líný, mírumilovný × agresivní atd.

Nepřítel může být označen řadou charakteristik naráz, čímž se jeho obraz ještě více demonizuje:

¹⁶ Podle CINGEROVÁ, Nina, MOTYKOVÁ, Katarína: *Úvod do diskursivnej analýzy. Vysokoškolská učebnica*. Bratislava: Univerzita Komenského v Bratislavě, 2018, s. 89; GAZDA, Jiří: *Formirovanije vzaimnyh obrazov i mežkul'turnych stereotipov russkich i čečov v uslovijach sovremennoj neoficial'noj interenet kommunikacii*. In: Česká slavistika 2018. POPÍŠIL, Ivo, ZELENKA, Miroslav, PAUČOVÁ, Lenka (eds). Brno: Česká asociace slavistů, 2018, s. 9–20.

¹⁷ CINGEROVÁ, Nina, MOTYKOVÁ, Katarína: *Úvod do diskursivnej analýzy. Vysokoškolská učebnica*. Bratislava: Univerzita Komenského v Bratislavě, 2018, s. 90.

Fobie	Topol	Sorokin	Klostermann
Oni, jejich, ti	jejich jazyk jejich země	„Jako by se jim ty jejich mozky potáhly mechem.“ „Ty maj drahý všecko.“ jejich nenávisť	
Přímé označení jinakosti	cizáci přivandrovalci	jinozemci	cizáci
Přímé označení nepřátelství	nepřítel	nepřátelé	nenáviděné plemeno
Démonizace	Hydra černokněžníci	talibánský Sauron jejich pentagram dábelský	bestie čertovo plemeno
Depersonalizace, dehumanizace	psíci vlčáci barbaři	psi červi hadi krysy krtci	psi křečci zvířata
Hromadnost	hordy vlny chátra tlupy	blechy	banda
Sociální problematizace	banditi	gangy	zloději luza
Ekonomizace	ukrošský námezdníci japonští průmyslníci kurdský hladový pešemergeri Ruský otroci překupníci handlíři kšeftaři	bukurešťský mafiáni	
Militarizace	Jezdci Belialovi palači katani	špinaví mudžáhidové	
Lingvonyma	němci (jsou němi)	jejich sprostomluva	prožluklá němčina
Religionyma	islámci	hříšníci satanisté bezbožníci sodomité kacíři	národ sodomský luza pohanská

Synekdochizace			Rus Švejda Prus Sardin A těch židů, co sem přichází nyní, Rosendurft, Flekeles, Weishut, všechny je tu máte.
Politické etikety	EU fašista mnichovský fašista	teroristé komunisti	
Etnofaulismy	Slezáci Germaňci Moskalové Ukrošové Čiňáci Vieti bakeliti	Chochlové Moskalové Moskoviti	Bavoráci
Expresivní a autorská slovotvorba	Proevropani Naťáci Dombabve Luganda		pronárod
Nadlexikalizace (mnohost označení)	němčouři, germáni germaňci osis	muslimové Arabové Peršané talibánci salafiti vahábiti	

Tabulka č. 2: Nominační strategie

„Jako hadi slizcí v jámě odpadkové hemží hlasy nepřátelské [...] hnusí jsou jako červi mrchožraví. Táž bředlivá měkkost v nich, táž odporná svíjivost, nenasytnost a slepota [...] od červů se odlišují jen velkohubostí, již jako jed a hnis páchnoucí kolem sebe prskají [...] otravují nejen lidi, ale všecek svět náš Boží, špiní a třísni čistotu a prostotu jeho posvátnou zmijí slinou svého prznizelství, posměvačství, opovržení, dvojitvárnosti, pochyb, nedůvěry, závistivosti, zloby a nestydatosti [...]“¹⁸

„Ty přilby. Rohy a křídla. A chlupaté vlčí hlavy s blyštivými kousky skla, vsazenými místo očí.“¹⁹

„Na východě slunce vychází, světlo a požehnání přináší; od západu chodí noc a všeliké zlo. Od západu přicházejí větry a bouřky; ze západní

¹⁸ SOROKIN, Vladimír: *Den opričníka*. Příbram: Pistorius & Olšanská, 2009, s. 66–67.

¹⁹ TOPOL, Jáchym: *Citlivý člověk*. Praha: Torst, 2017, s. 296.

*strany přišli Francouzi, víte, tenkrát, když Napoleon dorážel na našeho monarku.*²⁰

Velmi často se tematizuje obraz „jiného“ jako nečitelného, nedůvěryhodného, proradného, šalebného, úskočného, skrývajícího se, hrajícího špinavé hry a někdy i maskovaného:

*„Dou vod Moskvy. Sou to Tataři ruský, v ksichtech zákeřně nabílený, aby vypadali jako my.“*²¹

*„...složiti a neprůzrační [...] schovávající se za své kříže, štěrbiny, z nichž vylézají vnitřní nepřátelé.“*²²

*„A kutí se tam opět něco. Ba kutí, kdypak se tam něco nekutí? Bude zle, bude vojna, že takové nebylo.“*²³

Nejhojnějšími predikačními strategiemi jsou ty uvedené v tab. 3.

Slovní spojení se mohou dále rozvinout do obsáhlejších metafor. Klasifikovali jsme metafory kosmické (Topol: „Čechy, to je ráj.“; Sorokin: „doba Druhého Chaosu“), zvířecí (Topol: „bojovníci s vlčima očima“; Sorokin: „pije vaši krev, plazí se“, Klostermann: Bavorák jako křeček), rostlinné (Topol: „Čechy, to je zahrada.“, Sorokin: „židácké pejří“), tělesné (Topol: islámci s „křivými údy“, Sorokin: Francouzi „tenkonohého cupitání“) a smyslové (Sorokin: „Západ zahnívající“).

Témata

Zobrazení „jiného“ se v analyzovaných prózách realizuje na pozadí určitých dílčích témat. Ta také většinou opozičně poukazují na špatnost „druhého“. „Cizí“ kradou, škodí, ničí životy našinců:

*„Uprchlíci! [...] Vona ta holota, povídal radní, vykupuje všechny laciný žrádla pro naše kočičí a psí miláčky – a moje Dájenka je v nebezpečí.“*²⁴;

*„Je tam bavorské stádo, ty bestie jen když mohou přehánět svůj dobytek přes hranici k nám. Včera povíдали dřevaři, že se páslo na naší půdě přes čtyřista kusů.“*²⁵.

²⁰ KLOSTERMANN, Karel: Sušice: Nakladatelství dr. Radovan Rebstöck, 2003, s. 17.

²¹ TOPOL, Jáchym. *Kloktat dehet*. Praha: Torst, 2005, s. 106.

²² SOROKIN, Vladimír: *Telurie*. Příbram: Pistorius & Olšanská, 2013, s. 60.

²³ KLOSTERMANN, Karel: *Ze světa lesních samot*. Sušice: Nakladatelství dr. Radovan Rebstöck, 2003, s. 17.

²⁴ TOPOL, Jáchym: *Sestra*. Praha: Torst, 1994, s. 271.

²⁵ KLOSTERMANN, Karel: *Ze světa lesních samot*. Sušice: Nakladatelství dr. Radovan Rebstöck, 2003, s. 120.

Fobie	Topol	Sorokin	Klostermann
Vnější znaky Somatizace Meronymy (barva)	žluté zuby černá krev islámci paťatý s křivými údy	buřič šikmooký lišáci jednoocí šedé norské tváře těžký německý chomout	tvrdé rysy jeho líce
Vnitřní znaky	hloupí Španěle Dyž je agresor analfabet.	Čukči prostoduší	Bismark je neurvalec.
Chování	Myslíte, že takovej Rusák vymete kamna, aby nekouřily, tůdle! Kopne do nich.	Chlípné tance... Opravdu divoké zvyky.	Však ho také vypijou – pro pána, ti umějí chlastat!
Lokalizace	ze Zóny z Východní říše přivandrovalci Země stínů	...že je z města sídelního výhnali a do všech těch Orenburgů a Krasnojarsků nastřkali.	za pralesy
Specializace metonymicky používaná toponyma	Moskva Země stínů	ten váš Vladivostok V Evropách	
Škálování, srovnávání	Poláci „sou aspoň chlapi“	žádná ubohá Amerika, natožpak Holandsko [...]	Ti jsou vám horší než kůrovec sám. Žáríte jako turek.
Přibližnost	ňákej Kazach, Kalmyk či co		

Tabulka č. 3: Predikační strategie

U Klostermanna Němce reprezentují postavy pytláků, pašeráků, vrahů, zločinců, zbabělců, opilců, kdežto Čechy lesníci a správci, hrdinové houževnatí, obětaví, neskutečně odolní, bohabojní, klidní, stateční, vědomí si povinnosti vůči své komunitě i národu.

Narativy

V narativech o „cizích“ jsme rozlišili tři základní schémata:

1) Příběh o tom, že **za všechno nesou vinu „ti druzí“**:

„...po natahování na hlavních náměstích staroslavných měst [...] přestal všecken lid prostý okamžitě užívat veškerých slov ohavných, která mu stejně kdys v dávnověku zlí jinozemci našeptali.“²⁶;

„To všechno ten Sardin, ničema! Ten chlap nedá pokoje! Ale já být císařem pánem, jeho mizernou zem na kopytech husarských a kyrysarských nechal bych roznést.“²⁷

2) Příběh o tom, že **„cizího“ je potřeba se zbavit**, nepřítel zlikvidovat a že je to eticky správné, protože, zejména historicky, opodstatněné a ospravedlnitelné:

„Rusáci táhněte!“²⁸;

„Ó stará Evropo, kolébko šibalského lidstva, bašto hříšníků a smilníků [...] útulku bezbožníků a sodomitů. Kéž už hřmot džihádu otrěse tvými hradbami.“²⁹; „Táhni, odkud jsi přišel, do své proklaté země.“; „Kdyby je horoucí peklo pohltilo.“;

„Vyhladit je jako hříšný lid sodomský.“³⁰

3) Příběh o tom, že **„my“ jsme mírotvorci, „oni“ agresori**. Figura agresora je spojená s figurou nepřítel a zdá se, že musí být pro úspěšnou sebeidentifikaci vždy obsazena. Agresori se ovšem v průběhu historie mění. U Topola jsou to nejprve Němci a Rusové, pak bezskrupulózní kapitalisté, jako například Japonci, následně islamisté a pak znovu Rusové a spolu s nimi Číňané. Klostermann

²⁶ SOROKIN, Vladimír: *Den opričníka*. Příbram: Pistorius & Olšanská, 2009, s. 68.

²⁷ KLOSTERMANN, Karel: *Ze světa lesních samot*. Sušice: Nakladatelství dr. Radovan Rebstůck, 2003, s. 18.

²⁸ TOPOL, Jáchym: *Sestra*. Praha: Torst, 1994, s. 284.

²⁹ SOROKIN, Vladimír: *Telurie*. Příbram: Pistorius & Olšanská, 2013, s. 47.

³⁰ KLOSTERMANN, Karel: *Ze světa lesních samot*. Sušice: Nakladatelství dr. Radovan Rebstůck, 2003, s. 118, 121, 18.

jako agresory vnímá Bavorsy, Francouze, Švédy, Turky. U Sorokina jde o Čiňany, pak islamisty, v posledním románu pak o Kazachy. Sorokin vystihuje obecnější princip agresivity v sousedské konkurenci. Právě souseď se často ocitá zároveň v roli agresora a dědičného nepřítele a je potenciálně vždy nebezpečný, neboť se jedná o přímého konkurenta:

*„Sousedí...‘ pronesla hraběnka a její tvář se rázem zasmušila.
,Sousedí!‘ praštil se vzteklým uchechtnutím pěstí do stolu hrabě Danila.
,Sousedí... radši ani nemluvit...‘ zkrřivil opovržlivě rty hrabě Savva.
,Ti se nám zrovna nevyvedli, souseď,‘ pokýval zkroušeně hlavou otec
Ioann. [...]
,Bojujeme s nimi!‘
,Na život a na smrt!‘ skoro vykřikl hrabě Savva.
,Naši ruští souseď jsou zplozenci pekel.“³¹*

Obsahově kriteriální analýza prokázala, že jazykové prostředky, jimiž lze – v našem případě na poli umělecké literatury, ale jistě i mimo ni – hodnotit „jiného“, tvoří strukturovaný a přehledný kategoriální systém. Tento systém se řídí, zdá se, především univerzálními psychologickými mechanismy, kdy se potřeba sebeidentifikace realizuje prostřednictvím vymezení se vůči „jinému“. To v obraze „druhého“ vede ke zdůrazňování jeho jinakosti, opozičnosti, zjednodušování a stereotypizaci. V tvorbě sledovaných spisovatelů tak přes jejich rozdílnost nacházíme spíše shodné principy a velmi podobné konkrétní příklady označování „jiného“. Domníváme se tedy, že navržený kategoriální systém má obecnější platnost a je možné ho aplikovat i při analýze jiných textů. Na závěr je ještě nutné zdůraznit, že dané principy jsou univerzální i v tom smyslu, že při pohledu z druhé strany, tedy při opačném rozvržení toho, kdo jsme „my“ a kdo jsou „oni“, fungují zrcadlově stejně. Jak říká postava Bavora u Klostermanna: „Já ti nevěřím, jsi Čech.“³²

Seznam použité literatury – References:

CINGEROVÁ, Nina, MOTYKOVÁ, Katarína: *Úvod do diskursívnej analýzy. Vysokoškolská učebnica*. Bratislava: Univerzita Komenského v Bratislavě, 2018.

³¹ SOROKIN, Vladimír: *Doktor Garin*. Příbram: Pistorius & Olšanská, 2022, s. 146.

³² KLOSTERMANN, Karel: *Ze světa lesních samot*. Sušice: Nakladatelství dr. Radovan Rebstöck, 2003, s. 18, 110.

- GAZDA, Jiří: *Formirovanije vzaimnyx obrazov i mežkul'turnyx stereotipov russkich i čechov v uslovijach sovremennoj neoficial'noj interenet kommunikacii*. In: Česká slavistika 2018. POPÍŠIL, Ivo, ZELENKA, Miroslav, PAUČOVÁ, Lenka (eds). Brno: Česká asociace slavistů, 2018, s. 9–20.
- KLOSTERMANN, Karel: *Ze světa lesních samot*. Sušice: Nakladatelství dr. Radvan Rebstöck, 2003.
- KOŠTÁLOVÁ, Petra: *Stereotypní obrazy a etnické mýty. Kulturní identita Arménie*. Praha: Sociologické nakladatelství (SLON), 2012.
- LACLAU, Ernesto, MOUFFE, Chantal: *Hegemonie a socialistická strategie: Za radikálně demokratickou politiku*. Praha: Karolinum, 2014.
- SOROKIN, Vladimír: *Den opričníka*. Příbram: Pistorius & Olšanská, 2009.
- SOROKIN, Vladimír: *Doktor Garin*. Příbram: Pistorius & Olšanská, 2022.
- SOROKIN, Vladimír: *Telurie*. Příbram: Pistorius & Olšanská, 2013.
- SOUKUP, Daniel: *Stereotypy, imagologie a literární hodnoty*. In: Otázky českého kánonu. Sborník příspěvků z III. kongresu světové literárněvědné bohemistiky (sv. 1). FEDROVÁ, Stanislava (ed.). Praha: Ústav pro českou literaturu AV ČR, 2006, s. 622–630.
- TOPOL, Jáchym: *Citlivý člověk*. Praha: Torst, 2017.
- TOPOL, Jáchym: *Kloktat dehet*. Praha: Torst, 2005.
- TOPOL, Jáchym: *Sestra*. Praha: Torst, 1994.
- VANĀKOVÁ, Irena: *Nádoba plná řeči. (Člověk, řeč a přirozený svět.)*. Praha: Nakladatelství Karolinum, 2007.
- ZLÁMALOVÁ, Lenka: „*Nejistota a sociální sítě rozkládají mozky*.“ *Rozhovor s neurovědcem Horáčkem*. Echo24. [online]. 2023 [cit. 2017-03-23]. <https://www.echo24.cz/a/Hxjw9/tydenik-echo-rozhovor-psychiatr-neurovedec-horacek-vymyvani-mozku-konspiracni-teorie2023>.

Michaela Pešková

Mgr., Ph.D., Assistant Professor, Department of Russian Language, Faculty of Education, University of West Bohemia in Pilsen, Veleslavínova 42, 301 00 Pilsen, Czech Republic

peskova@krf.zcu.cz

ORCID 0000-0003-0289-6368

«Мне НЕВЫНОСИМЫ самые слова эти, термины...»: оценка речевых фактов в русской документальной и публицистической литературе первой четверти XX века

Анна Агапова

Абстракт

В написанной ровно сто лет назад знаменитой статье «Объективная и нормативная точка зрения на язык» А. М. Пешковский отмечает «поразительный консерватизм» «литературно-языкового идеала», который проявляется, с одной стороны, в ориентации на существующие прецеденты, на речь старших поколений и предшествовавших литературных школ, а с другой стороны, на московскую норму. Дальнейшие рассуждения Пешковского подтверждают тезис профессора Петра Дойчмана, прозвучавший в его пленарном докладе на XXVI международной конференции «Оломоуцкие дни русистов»: идея литературной нормы в случае русского языка тесно связана с идеей национально-государственного единства. Чтобы проверить, насколько эта мысль была общим местом для образованных носителей языка в первой четверти XX века, мы обратились к документальной и публицистической литературе этого времени и изучили метаязыковые высказывания, встречающиеся в этих текстах. Предметом нашего внимания был характер оценки речевых фактов и ее критерии.

Ключевые слова: литературный язык; литературная норма; идеология; языковая рефлексия; метаязыковое высказывание; иностранные заимствования; оценочное значение

“I CAN’T STAND These Very Words, Terms...”: Evaluations of Speech Facts in Russian Documentary and Journalistic Literature of the First Quarter of the 20th Century

Abstract

In his famous article *Objective and Normative Point of View on Language* written exactly one hundred years ago, A. M. Peshkovsky notes the “striking conservatism” of the “literary language ideal”, which manifests itself, on the one hand, in the orientation on existing precedents, on the speech of older generations and previous literary schools, and, on the other hand, on the Moscow norm. Peshkovsky’s further reasoning confirms the thesis of Professor

Peter Deutschmann in his plenary talk at the 26th Olomouc Days of Russian Studies conference: The idea of a literary norm in the case of the Russian language is closely linked to the idea of national and state unity. In order to check to what extent this connection was a commonplace for educated native speakers of the first quarter of the 20th century, we turned to the documentary and journalistic literature of that time and studied the meta-linguistic statements found in these texts. The focus of our attention was on the nature of the speech facts evaluations and their criteria.

Key words: literary language; literary norm; ideology; meta-linguistic awareness; meta-linguistic statement; loanwords; evaluative meaning

В сентябре 2023 года в Оломоуце (Чешская Республика) состоялась конференция «Оломоуцкие дни русистов», которая открылась пленарным докладом проф. Петера Дойчмана из Зальцбургского университета. В докладе под названием «На злобу дня: о клеймении русского языка и культуры» прозвучала следующая мысль: русский язык, в отличие от большинства европейских языков, гораздо теснее связан с идеей национально-государственного единства и сознательно идет по пути моноцентризма.¹ Любые региональные отличия (не только диалектные явления, но и, например, особенности русского языка в Эстонии) неизменно трактуются как отклонения от единственно правильной литературной нормы.

О чем-то подобном еще сто лет назад, в 1923 году, писал А. М. Пешковский в статье «Объективная и нормативная точка зрения на язык». Рассуждая о «литературно-языковом идеале», в качестве первой его черты он отмечает

«его поразительный консерватизм, равного которому мы не встречаем ни в какой другой области духа. Из всех идеалов это единственный, который лежит целиком позади. «Правильной» всегда представляется речь старших поколений, предшествовавших литературных школ. Ссылка на традицию, на прецеденты, на «отцов» есть первый аргумент при попытке оправдать какую-либо шероховатость.»

¹ DOJČMAN, Peter: *Na zlobu dnja: o klejmenii rusckogo jazyka i kul'tury*. XXVI meždunarodnaja konferencija «Olomouckije dni rusistov», 7–8 sentjabrja 2023 goda, Olomouc, Češkaja Respublika.

*Нормой признается то, что было, и отчасти то, что есть, но отнюдь не то, что будет».*²

«Второй особенностью литературно-языкового идеала, — продолжает Пешковский, — является то, что этот идеал всегда *местный*. Мы все стараемся говорить не только, как говорили наши отцы, но и как говорят в *Москве*, в частности на сцене Малого и Художественного театров».³

Это, по Пешковскому, важная функция литературной нормы:

*«Говоря популярно, если бы рязанцы, туляки, калужане и т. д. не прислушивались бы к Москве, у них на месте нынешних наречий и говор образовались бы в скорости свои рязанский, тульский, калужский и т. д. языки и национальности, и с русской национальностью было бы покончено»*⁴ (выделено мною — А. А.).

Как видим, эта цитата подтверждает тезис Дойчмана: представление о русском литературном языке и представление о национально-государственном единстве оказываются связаны. Чтобы проверить, насколько эта связь была общим местом среди образованных носителей языка в первой четверти XX века, мы решили обратиться к документальной и публицистической литературе того времени и изучить метаязыковые высказывания, встречающиеся в этих текстах.

Метаязыковые высказывания привлекали интерес исследователей начиная с 20-х годов XX века, «когда в работах русских лингвистов исподволь складывалась проблематика, связанная с оценкой говорящими фактов речи».⁵ При этом в русскоязычной научной литературе использовались такие термины, как «рефлексив»⁶, «оценка факта речи»⁷

² PEŠKOVSKIJ, Aleksandr: *Ob'jektivnaja i normativnaja točka zrenija na jazyk*. In: Sbornik statej: Metodika rodnogo jazyka, lingvistika, stilistika, poëtika. PEŠKOVSKIJ, Aleksandr (red.). Leningrad, Moskva: Gosudarstvennoje izdatel'stvo, 1925, s. 113.

³ Ibidem.

⁴ Ibidem, c. 115.

⁵ ŠVARCKOPF, Boris: *Izučenje ocenok reči kak metod issledovanja v oblasti kul'tury reči*. In: Kul'tura ruskoj reči i èffektivnost' obščeniya. ŠIRJAJEV, Jevgenij (red.). Moskva: Nauka, 1996, s. 418.

⁶ VEPREVA, Irina: *Jazykovaja refleksija v postsovetskuju èpochu*. Jekaterinburg: Izdatel'stvo UrGU, 2002.

⁷ ŠVARCKOPF, Boris: *Ocenki govorjaščimi faktov reči (lingvističeskij aspekt): Avtoreferat dissertacii... kandidata filologičeskich nauk*. Moskva, 1971.

и «оценка речи»⁸. В сущности, все эти понятия объединяют высказывания, представляющие собой результаты «интуитивной переработки речевого опыта говорящего», позволяющие «судить об «общественной реакции на принадлежащий обществу язык» [...] и о «языковом вкусе эпохи» (С. И. Ожегов) в их индивидуальной форме».⁹ Терминологическое различие порождается разным осмыслением границ этих понятий.

И. Т. Вепрева в своей монографии «Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху» пользуется термином «рефлексив» и предлагает различать:

а) случаи, когда субъект речи комментирует слово или его употребление в данном контексте, сообщая о нем какую-либо информацию (*Термин «раскрутка» чаще всего, кажется, эксплуатируют в шоу-бизнесе.*);

б) оценочные метавысказывания (*Слово «мода» я не люблю. Лучшие быть стильным.*).¹⁰

В нашей работе будут рассмотрены только высказывания второго типа (комментарии к используемому слову и констатации по поводу характера словоупотребления не вошли в наш материал), и их мы будем называть оценками речевых фактов. Вслед за Б. С. Шварцкопфом оценки речевых фактов мы будем понимать

*«как реакции говорящих и слушающих (пишущих и читающих) на использование языковых средств в процессе функционирования языка, как оценочные характеристики, даваемые в процессе речи ее участниками, относящиеся к ней самой (чужой или своей) и эксплицитно в ней выраженные».*¹¹

Всего из документальной и публицистической литературы первой четверти XX века нам удалось почерпнуть 42 оценки речевых фактов. Объем этих высказываний разный — от одного предложения до нескольких абзацев, и в случае длинных высказываний оцениваться может целый ряд речевых фактов, но характер их оценки и ее мотивировка, как правило, совпадают. Среди авторов этих высказываний — не только

⁸ ŠVARCKOPF, Boris: *Izučenije ocenok reči kak metod issledovanija v oblasti kul'tury reči*. In: *Kul'tura ruskoj reči i efekktivnost' obščeniija*. ŠIRJAJEV, Jevgenij (red.). Moskva: Nauka, 1996, s. 415–424.

⁹ Ibidem, c. 423.

¹⁰ VEPREVA, Irina: *Jazykovaja refleksija v postsovetSKUju epochu*. Jekaterinburg: Izdatel'stvo UrGU, 2002, s. 80.

¹¹ ŠVARCKOPF, Boris: *Izučenije ocenok reči kak metod issledovanija v oblasti kul'tury reči*. In: *Kul'tura ruskoj reči i efekktivnost' obščeniija*. ŠIRJAJEV, Jevgenij (red.). Moskva: Nauka, 1996, s. 415.

писатели, поэты и переводчики (А. П. Чехов, И. А. Бунин, А. А. Блок, И. Ф. Анненский и др.), но и театральные деятели (С. М. Волконский), философы (В. В. Розанов, С. Н. Булгаков, К. Н. Леонтьев, Е. Н. Трубецкой), юристы (П. С. Пороховщиков, С. А. Муромцев), общественные и политические деятели (А. Ф. Кони, К. П. Победоносцев, М. М. Винавер, И. Ф. Кошко, В. И. Ленин), происходящие не только из Москвы и Петербурга, но и из других областей тогдашней Российской империи.

Высказывания, вовлеченные в круг нашего анализа, делятся на те, что являются собственно автокомментарием к употребляемому слову или выражению (1), и те, что представляют собой реакции на чужое языковое поведение (2). Вторых случаев в нашем материале в три раза больше, чем первых.

*(1) «В мое время, при моей жизни создались некоторые новые слова: в 1880 году я сам себя называл «психопатом», смеясь и веселясь новому удачному слову. До себя я ни от кого (кажется) его не слышал. Потом (время Шопенгауэра) многие так стали называть себя или других; потом появилось это в журналах. Теперь это бранная кличка, но первоначально это обозначало «болезнь духа», вроде Байрона, — обозначало поэтов и философов».*¹²

*(2) «Я стал, по подлому выражению улицы, царист».*¹³

Более того: в абсолютном большинстве случаев реакции на чужое языковое поведение содержат именно отрицательную оценку речевого факта, случаи положительной оценки крайне редки (только 3 случая). Таким образом, по большей части мы имеем дело с высказываниями, где элементы чужой речи оцениваются отрицательно.

В нашем материале оцениваемые речевые явления принадлежат разным уровням языка. Вполне естественно, что значительная часть суждений относится к лексеме (25 высказываний). Реже встречается оценка единиц, больших, чем слово (9 высказываний): объектом оценки в таком случае обычно выступают устойчивые словосочетания, функционировавшие как клише (*гениальная черточка, демократические идеи, классовая борьба, бывшие люди*). Суждения о грамматических явлениях, как и ожидалось, встречаются спорадически (см. ниже).

¹² ROZANOV, Vasilij: *Ujedinjenje*. Moskva: Politizdat, 1990, s. 43.

¹³ BULGAKOV, Sergej: *Christianskij socializm*. Novosibirsk: Nauka, 1991, s. 303.

Если приглядеться к мотивировкам, которые авторы используют при оценке слов и словосочетаний, то в нашем материале, на первый взгляд, мы не заметим прямых отсылок к традиции, к существующим прецедентам, о чем писал Пешковский, говоря о консерватизме литературной нормы. Тем не менее второй описанный Пешковским феномен — ориентация на московскую норму — присутствует в нескольких суждениях:

(1) «— Вы домой? — говорю как-то писателю Осиповичу, прощаясь с ним на улице.

Он отвечает:

— Отнюдь!

Как я ему растолкую, что так по-русски не говорят? Не понимает, не чувствует:

— А как же надо сказать? По-вашему, отнюдь нет? Но какая разница?

Разницы он не понимает. Ему, конечно, простительно, он одессит. Простительно еще и потому, что в конце концов он скромно сознается в этом и обещает запомнить, что надо говорить «отнюдь нет». А какое невероятное количество теперь в литературе самоуверенных наглецов, мнящих себя страшными знатоками слова!»¹⁴

В ТСУ, одном из наиболее близких по времени к рассматриваемой эпохе нормативных словарей указано, что наречие *отнюдь* ставится перед отрицанием и означает ‘нисколько, совсем, вовсе, никоим образом’. Однако более современные словари (например, МАС) уже отмечают существование разговорной частицы *отнюдь*, употребляемой без отрицания.

(2) «Лучше говорить по-моему, по-московски — «Уедемте отсюда», а не по-киевски, как сказал бы Бердяев и Луначарский, — «Уедем отсюда».¹⁵

Сравнительной оценке здесь подвергаются две формы первого лица множественного числа повелительного наклонения глагола, обозначающие побуждение к действию, в котором примет участие и говорящий. С современной точки зрения обе они являются нормативными (как

¹⁴ BUNIN, Ivan: *Okajannyje dni*. Moskva: Sovremennik, 1991, s. 92.

¹⁵ REMIZOV, Aleksej: *Krašenyje ryla. Teatr i kniga*. In: *Sobranije sočinenij*. T. 12. REMIZOV, Aleksej (red.). Sankt-Peterburg: Rostok, 2016, s. 593.

формы глагола совершенного вида) и в ситуации обращения к одному лицу различаются степенью вежливости.

В нескольких высказываниях отрицательная оценка речевых фактов связана не столько с их региональной, сколько с их социальной характеристикой (см. также высказывание С. Н. Булгакова, процитированное выше):

«Такое ужасное выражение, как «обязательно» вместо «напрямому», зародилось в средних кругах и оттуда проникло вверх и вниз. Не знаю, ощущают ли мои слушатели логическую оскорбительность этого слова, применяемого в таких случаях, когда не только нет элемента обязанности, но когда событиями в некотором роде руководит фатум. «Пройдитесь по Невскому, — вам обязательно повстречается такой-то». Или, вы спрашиваете огородника: «Что к Петрову дню арбузы уже поспеют?» — «Обязательно». [...]

Не в высших кругах слышал я такие выражения, как: «между прочим», вместо «между тем», «слишком» вместо «очень», «в этом» вместо «в этом», «сожалеть кого-нибудь», вместо «о ком-нибудь», или — «они приехали верхами», (потому что тогда надо сказать: «они прибежали босьяками»), или «роскошный вальс», «роскошная селедка», или — что на ваше «чего доброго» вам отвечают: «очень просто», — ужаснейшее речение, вносящее в музыку русской речи грязный звук мокрой швабры, падающей на паркет».¹⁶

Слово *обязательно* в значении 'непрямому, во всяком случае' к середине 1930-х годов все-таки входит в литературный язык (ТСУ приводит это значение в качестве основного). Аналогично слово *роскошный* в значении 'удовлетворяющий высшим требованиям, очень хороший' (*роскошный обед*) еще отсутствует в словарях середины XIX века (Сл. 1847), но в ТСУ (и позднее в Сл. Ожегова) уже приводится с пометой *разг.*

Некоторые грамматические «аномалии», критикуемые в цитате выше, также были отражены в ТСУ. Беспредложное управление глагола *сожалеть* отмечалось как областное и впоследствии не было кодифицировано. Форма *верхами* 'то же, что верхом, но только о нескольких всадниках' (ТСУ) в 10-х годах XX века рассматривалась как вполне приемлемая. В Сл. Акад. находим следующий комментарий: «Употребляется и мн. верхами, когда более одной лошади под верхом». Уже к 30-м годам она устарела

¹⁶ VOLKONSKIJ, Sergej: *Čelovek na scene*. Sankt-Peterburg: Apollon, 1912, s. 59–60.

(помета *устар.* в ТСУ), однако фиксируется в современных словарях литературного языка (в МАС — с пометой *разг.*).

Как мы видим из приведенных выше примеров, существенная часть критикуемых явлений в итоге вошла в литературный язык (иногда — в разговорный его пласт). Л. М. Грановская отмечает, что конец XIX — начало XX века — это эпоха постоянных стилистических сдвигов, изменений коннотаций у слов, что связано с социально-политической переоценкой.¹⁷ Как показывает наш материал, эти сдвиги вызывали негативную реакцию некоторых носителей литературной нормы.

Как пишут исследователи Т. В. Булыгина и А. Д. Шмелев, «когда речь идет о человеческой жизни, обсуждение внеязыковой реальности не может быть строго отграничено от метаязыковой действительности».¹⁸ Далее они отмечают, что «часто под видом метаязыкового комментирования носитель языка пытается навязать адресату речи свои индивидуальные представления о том или ином предмете».¹⁹ И действительно, следующая по распространенности мотивировка отрицательной оценки слов и словосочетаний в нашем материале — это отрицательная оценка обозначаемых ими явлений (7 высказываний). Ср. запись В. В. Розанова в «Мимолетном» (1915):

«Революция ОМЕРЗИТЕЛЬНА», — не начав этим словом, нельзя войти в XIX век.

Она вся — гадка. Она вся — лакей. «Свадьба Фигаро», — о, вот вещь. Бунтующий вонючий раб, довольно талантливый. [...]

Теперь, когда в тексте попадаетея — «демократические идеи», «коллективизм», «классовая борьба», «социал-демократическая фракция», я содрогаясь, как прикоснувшись к гаду. Мне НЕВЫНОСИМЫ самые слова эти, термины...»²⁰

Наконец, в нашем материале есть высказывания, содержащие отрицательную оценку слов в силу их иностранного происхождения. Хотя в начале XX века главную роль в обогащении лексического состава русского литературного языка играло словообразование, а не заим-

¹⁷ GRANOVSKAJA, Lidija: *Russkij literaturnyj jazyk v konce XIX i XX vv.* Moskva: ĖLPIS, 2005, s. 194.

¹⁸ BULYGINA, Tat'jana, ŠMELEV, Aleksej: *Čelovek v jazyke. (Metajazykovaja refleksija v ne-lingvističeskich tekstach).* In: *Logičeskij analiz jazyka. Obraz čeloveka v kul'ture i jazyke.* ARUTJUNOVA, Nina, LEVONTOVA, Irina (red.). Moskva: Indrik, 1999, s. 157.

¹⁹ *Ibidem*, c. 160.

²⁰ ROZANOV, Vasilij: *Sobranije sočinenij. Mimoletoje.* Moskva: Respublika, 1994, s. 265.

ствование собственно лексических единиц,²¹ именно заимствованные слова стали в нашем материале наиболее частым объектом критики (11 высказываний).

В нашем материале отрицательно оцениваются такие заимствования, как *анкета*, *дефект*, *конденсация*, *превалировать*, *экспроприация* и др. Как видим, критике в первую очередь подвергаются книжные слова с терминологическим содержанием. Эти слова впоследствии закрепились в общелитературном языке, распространившись через публицистические жанры.²²

Некоторые сдвиги в семантике иностранных слов, оцениваемые отрицательно, не были кодифицированы. Это касается, например, глагола *будировать* (от фр. *bouder*) 'показывать молча, косвенным образом неудовольствие; протор. дуться', зафиксированного в словарях конца XIX века (Сл. Акад.). Впоследствии ориентация на французский язык как источник подражания исчезает, и некоторые галлицизмы уходят в пассив.²³ Этот процесс затронул и глагол *будировать*, чье основное значение уже в ТСУ сопровождается пометой *устар.*²⁴ Однако прежде, чем перейти в пассивный фонд лексики, это слово употреблялось еще в одном значении и стало предметом критики: «...такие отвратительные слова, как „будировать“ (не во французском значении — „дуться“ — а в смысле „расталкивать“, по созвучию с русским „будить“).»²⁵

Приведем продолжение процитированного выше высказывания С. М. Волконского:

*«Нет, чтобы захлебнуться в потоке иностранных слов, не ходите в наши гостиные, — откройте любую из наших газет, которые, кажется, задались целью оторвать от прошлого и опошлить наш славный русский язык — самое ценное, стройное, яркое, красочное, что есть в нашей бедной, нестройной, бледной и тусклой действительности...»*²⁶

²¹ CHODAKOVA, Jekaterina et al.: *Leksika ruskogo literaturnogo jazyka XIX – načala XX veka*. Moskva: Nauka, 1981, s. 237–254.

²² Ibidem, с. 205.

²³ GRANOVSKAJA, Lidija: *Ruskij literaturnyj jazyk v konce XIX i XX vv*. Moskva: ÈLPIS, 2005, s. 49.

²⁴ ТСУ также отмечает неправильное употребление глагола *будировать* в значении 'возбуждать, возмущать против кого-нибудь'.

²⁵ VOLKONSKIJ, Sergej: *Čelovek na scene*. Sankt-Peterburg: Apollon, 1912, s. 60.

²⁶ Ibidem.

Как видим, критика отдельных иностранных слов здесь превращается в ламентацию по поводу заимствований вообще. Таких высказываний в нашем материале всего три, приведем еще один пример (любопытно, что в обоих случаях все же можно отметить ориентацию на прошлые образцы, о которой писал Пешковский).

*«Если припомнить, до какой степени искажается в настоящее время в разговорном и литературном отношении наш русский язык; как вторгаются в него, без всякой нужды, иностранные слова и обороты, в забвении его законов и источников; как втискиваются в него сочиненные словечки, лишённые смысла и оскорбляющие ухо; как вообще на этот язык, который должен считаться народной святыней, смотрят многие, вопреки заветам Пушкина и Тургенева, как на нечто, с чем можно не церемониться, — то нельзя не признать большой заслуги Чехова в его внимательном и почтительном отношении к русскому языку».*²⁷

Итак, часть нашего материала подтверждает то, о чем писал Пешковский: некоторые авторы документальных и публицистических текстов первой четверти XX века действительно проявляют в своих оценках речевых фактов «поразительный консерватизм», ориентируясь на язык «предшествующих литературных школ» и на московскую норму. С другой стороны, отрицательные оценки слов в нашем материале чаще мотивированы негативным отношением автора к обозначаемому ими явлению и их иностранным происхождением. Впрочем, последний из перечисленных критериев оценки и его реализация в конкретных высказываниях в свою очередь подтверждает: отвержение иноязычного идет рука об руку с абсолютизацией «своего»²⁸ и сопряжено с идеей литературного языка как «народной святыни», как абсолютной ценности, которую необходимо сохранять.

Некоторые образованные носители языка первой четверти XX века в своих оценках речевых фактов действительно связывают представление о русском литературном языке с представлением о национально-государственном единстве. Тем не менее это не мешает критикуемым речевым фактам в итоге проникнуть в литературный язык и закрепиться в нем.

²⁷ KONI, Anatolij: *Vospominanja o pisateljach*. s. l.: Lenizdat, 1965, s. 334–335.

²⁸ VEPREVA, Irina: *Jazykovaja refleksija v postsovetskuju epochu*. Jekaterinburg: Izdatel'stvo UrGU, 2002, s. 302.

Список использованных источников — References:

Источники

- BULGAKOV, Sergej: *Christianskij socializm*. Novosibirsk: Nauka, 1991.
BUNIN, Ivan: *Okajannyje dni*. Moskva: Sovremennik, 1991.
KONI, Anatolij: *Vospominanija o pisateljach*. s. l.: Lenizdat, 1965.
REMIZOV, Aleksej: *Krašenyje ryla. Teatr i kniga*. In: *Sobranije sočinenij*. T. 12.
REMIZOV, Aleksej (red.). Sankt-Peterburg: Rostok, 2016, s. 553–596.
ROZANOV, Vasilij: *Sobranije sočinenij. Mimoletnoje*. Moskva: Respublika, 1994.
ROZANOV, Vasilij: *Ujedinennoje*. Moskva: Politizdat, 1990.
VOLKONSKIJ, Sergej: *Čelovek na scene*. Sankt-Peterburg: Apollon, 1912.

Словари и их условные обозначения

- MAC — JEVGEN'JEVA, Anastasija: *Slovar' russkogo jazyka*. T. 1–4. Moskva: Russkij jazyk, 1981–1984.
Сл. 1847 — SREZNEVSKIJ, Izmail: *Slovar' cerkovno-slavjanskogo i russkogo jazyka, sostavlennyj Vtorym Otdelenijem Akademii nauk*. T. 1–4. Sankt-Peterburg: tipografija Akademii nauk, 1847.
Сл. Акад. — GROТ, Jakov: *Slovar' russkogo jazyka, sostavlennyj Vtorym otdelenijem Imperatorskoj Akademii nauk*. T. 1. Sankt-Peterburg: tipografija Imperatorskoj Akademii nauk, 1891–1895.
Сл. Ожегова — OŽEGOV, Sergej: *Slovar' russkogo jazyka*. Moskva: Gosudarstvennoje izdatel'stvo inostrannyh i nacional'nych slovaraj, 1960.
ТСУ — UŠAKOV, Dmitrij: *Tolkovyj slovar' russkogo jazyka*. T. 1–4. Moskva: Gosudarstvennyj institut «Sovetskaja ènciklopedija», 1935–1940.

Литература

- BULYGINA, Tat'jana, ŠMELEV, Aleksej: *Čelovek v jazyke. (Metajazykovaja refleksija v nelingvističeskich tekstach)*. In: *Logičeskij analiz jazyka. Obraz čeloveka v kul'ture i jazyke*. ARUTJUNOVA, Nina, LEVONTOVA, Irina (red.). Moskva: Indrik, 1999, s. 146–161.
DOJČMAN, Peter: *Na zlobu dnja: o klejmenii russkogo jazyka i kul'tury*. XXVI meždunarodnaja konferencija «Olomouckije dni rusistov», 7–8 sentjabrja 2023 goda, Olomouc, Češkaja Respublika.
GRANOVSKAJA, Lidija: *Russkij literaturnyj jazyk v konce XIX i XX vv*. Moskva: ĖLPIS, 2005.
CHODAKOVA, Jekaterina et al.: *Leksika russkogo literaturnogo jazyka XIX – načala XX veka*. Moskva: Nauka, 1981.

- PEŠKOVSKIJ, Aleksandr: *Ob"jektivnaja i normativnaja točka zrenija na jazyk*. In: Sbornik statej: Metodika rodnogo jazyka, lingvistika, stilistika, poëtika. PEŠKOVSKIJ, Aleksandr (red.). Leningrad, Moskva: Gosudarstvennoje izdatel'stvo, 1925, s. 109–121.
- ŠVARCKOPF, Boris: *Izučeniye ocenok reči kak metod issledovanija v oblasti kul'tury reči*. In: Kul'tura ruskoj reči i èffektivnost' obščeniya. ŠIRJAJEV, Jevgenij (red.). Moskva: Nauka, 1996, s. 415–424.
- ŠVARCKOPF, Boris: *Ocenki govorjaščimi faktov reči (lingvističeskij aspekt): Avtoreferat dissertacii... kandidata filologičeskich nauk*. Moskva, 1971.
- VEPREVA, Irina: *Jazykovaja refleksija v postsovetskuju èpochu*. Jekaterinburg: Izdatel'stvo UrGU, 2002.

Anna Agapova

Mgr., Ph.D., Assistant Professor, Department of Slavonic Studies, Faculty of Arts, Masaryk University Brno, Arna Nováka 1, 602 00 Brno, Czech Republic
anna.agapova@phil.muni.cz
ORCID 0000-0002-0479-9521

REVITALIZACE HODNOT: UMĚNÍ A LITERATURA VI

VALUES IN LITERATURE AND ARTS VI

Sborník z mezinárodní konference *Hodnoty v literatuře a umění VI*
konané 14.–15. září 2023 v Brně, Česká republika

The proceedings of the international conference
Values in literature and arts VI
held on September 14–15, 2023 in Brno, Czech Republic

Editoři — Edited by: prof. PhDr. Josef Dohnal, CSc. & Mgr. Anna Agapova, Ph.D.

Návrh obálky — Cover design: Mgr. Pavel Pilch, Ph.D.

Technická redakce a sazba v Lua \LaTeX u písmy Linux Libertine
a Linux Biolinum — Typesetting: Mgr. Zbyněk Michálek

Vydala — Published by: Masarykova univerzita, Žerotínovo nám. 617/9, 601 77 Brno

Vydání první, elektronické — First electronic edition

Brno 2024

ISBN 978-80-280-0579-5

MUNI
PRESS

MUNI
ARTS

